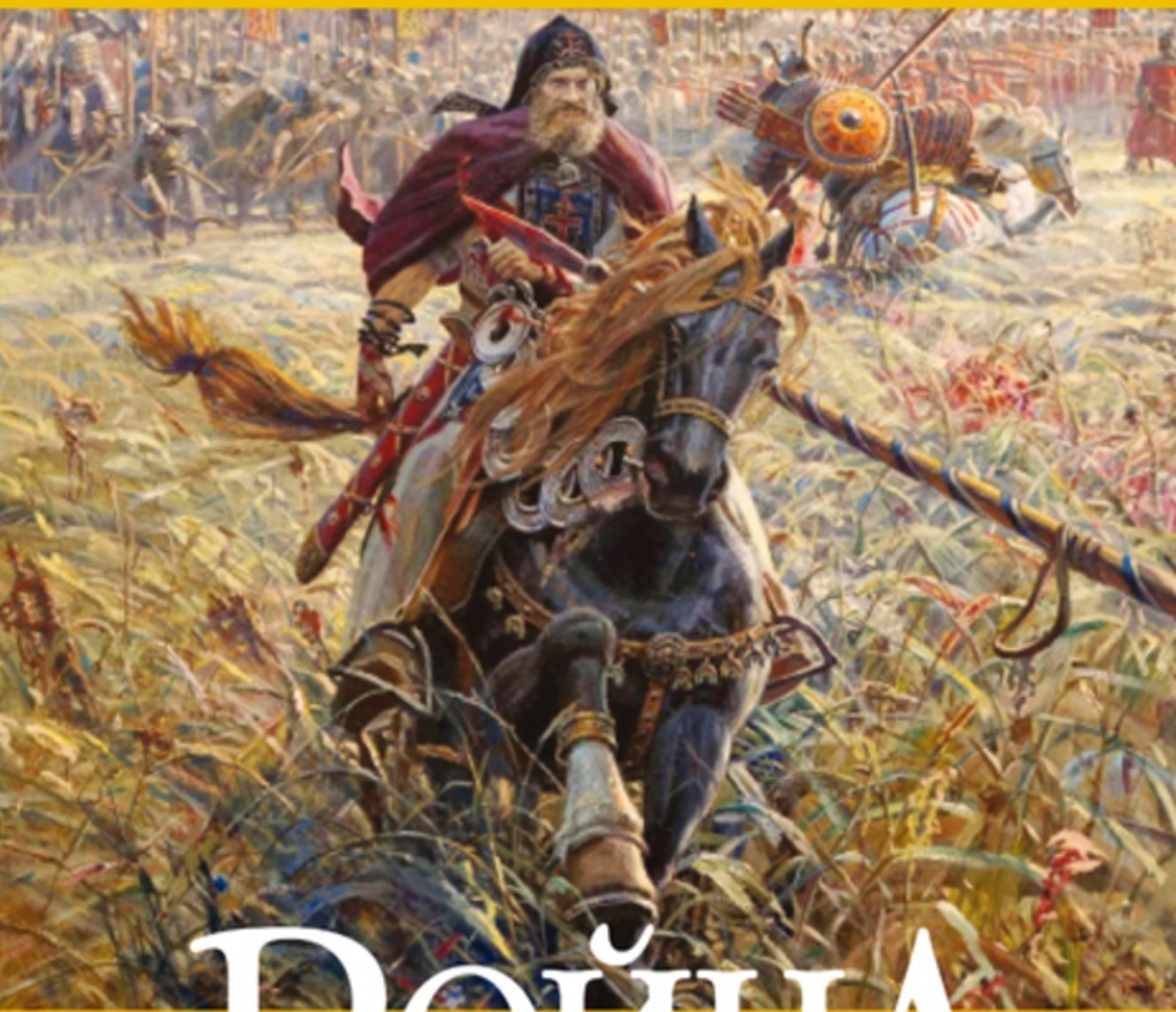

Сергей Небренчин

ВОЙНА ПОД СОЛНЦЕМ

Сергей Небренчин

ВОЙНА
ПОД
СОЛНЦЕМ

Москва

Небренчин, С.М.

Война под солнцем: [тетралогия] / Сергей Небренчин.

Тетралогия (четырёхчастное произведение) «Война под солнцем» повествует о непримиримой борьбе сил добра с вселенским злом. В нынешний угрожаемый период эволюции человечества герои книги по велению судьбы оказываются в водовороте стремительных событий «горячих», «холодных» и «гибридных» войн современности. Тетралогия написана на основе реальных событий и фактов, к которым в той или иной мере имел отношение автор. В книге предельно точно и корректно представлены не только исторические события и персонажи нашего времени, но и переданы их взгляды и настроения, эмоции, желания и чувства. Вместе с тем, любые совпадения с жизнью реальных политиков и государственных деятелей, представителей «сильных мира сего» являются случайными.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44
Н39

Содержание

Вместо предисловия	6
ЧАСТЬ I. На войне с любовью	7
Глава 1. Первая любовь	8
Глава 2. Ташкент	19
Глава 3. Любовный треугольник	23
Глава 4. «За речку»	28
Глава 5. Пересылка	34
Глава 6. Пыль в глаза	37
Глава 7. Субтропики	43
Глава 8. Кадровик	47
Глава 9. Засада	57
Глава 10. Дуканщица	64
Глава 11. «Груз-200»	70
Глава 12. «Долина смерти»	76
Глава 13. Госпиталь	85
Глава 14. Панджшир	89
Глава 15. Наташа	98
Глава 16. Хождение по горам	102
Глава 17. Именины	108
Глава 18. На побывку в Союз	112
Глава 19. По родным местам	116
Глава 20. Любовь уходит тихо	123
Глава 21. Спецпропаганда	128
Глава 22. «Правда» о войне	139
Глава 23. перевал Саланг	145
Глава 24. Афган, до востребования!	149
ЧАСТЬ II. Россию не выбирают	153
Глава 1. Кавказский странник	154
Глава 2. Парламентеры	160
Глава 3. Перекур в поезде	166
Глава 4. Малая родина	172
Глава 5. Карьеристы	179

Глава 6. Схватка в ночи	183
Глава 7. Пуганы	188
Глава 8. Мирская семейка	194
Глава 9. «Консерватория»	199
Глава 10. Спецкомандировка	204
Глава 11. В гостях у Ахмад Шаха	209
Глава 12. Час олигарха	213
Глава 13. Маленькая Анна	219
Глава 14. Супружеская месть	224
Глава 15. Белый дом	230
Глава 16. Неслучайная встреча	237
Глава 17. Вера, Надежда, Любовь	243
Глава 18. Ночная электричка	249
Глава 19. Вайнахия	254
Глава 20. Разговор «по душам»	262
ЧАСТЬ III. «Аркаим» выходит на связь	269
Глава 1. Компьютерщик	270
Глава 2. Вазир Хан	276
Глава 3. Властелина	283
Глава 4. Судьба агента	289
Глава 5. Маковый рай	293
Глава 6. Шелковый путь	298
Глава 7. Богом данный город	305
Глава 8. Жена разведчика	311
Глава 9. Кабала святош	318
Глава 10. Подельники	323
Глава 11. Arkaimnews.com	329
Глава 12. Разведка словом	334
Глава 13. Встреча на морской яхте	340
Глава 14. Резидент	347
Глава 15. Неразделенная любовь	356
Глава 16. Туманный Альбион	364
Глава 17. Ритуальная свадьба	372
Глава 18. Тегеран-08	381
Глава 19. Липовая революция	393
Глава 20. Родину не выбирают!	403

ЧАСТЬ IV. Русская весна	415
Глава 1. Рукописи не горят	416
Глава 2. Из провинции в Москву	420
Глава 3. В застенках НКВД	425
Глава 4. Кремлевское знакомство	429
Глава 5. Рио-де-Жанейро Старого Света	434
Глава 6. Секретарша поневоле	439
Глава 7. Футбольный бунт	443
Глава 8. Семейство Пашиных	447
Глава 9. Крутой поворот судьбы	450
Глава 10. Драка на Манежке	453
Глава 11. Властный бизнес	458
Глава 12. Друг детства	463
Глава 13. Сон в руку	469
Глава 14. Неслучайная встреча	473
Глава 15. Любовь зла	479
Глава 16. Мечты сбываются	484
Глава 17. Джин в бутылке	488
Глава 18. Не чіпай лихо, доки воно тихо	494
Глава 19. Тюремные беседы	501
Глава 20. Пожар	507
Глава 21. Найти отца	512
Глава 22. Дьявольский заговор	518
Глава 23. Дети Донбасса	523
Глава 24. Домой из плена	529

Вместо предисловия

Ольга Ф. КОВИТИДИ

*Член Совета Федерации Федерального собрания
Российской Федерации от Республики Крым*

Представители различных рас и народов, цивилизаций и континентов с древних времен конкурируют в борьбе за выживание, ведут непримиримую войну за место под солнцем. И в этом деле все средства хороши. Но главными из них до сих пор остаются не только «горячие» войны, но и «холодные», и прежде всего информационно-подрывные акции,

разведывательно-подрывные операции, финансово-экономические диверсии. В современном мире информация, помноженная на новейшие технологические достижения, превратилась в оружие массового поражения и стала геополитическим феноменом.

Главный герой книги не просто участник афганской войны, но и боец особого фронта – информационно-разведывательного. Сразу после военного училища лейтенант Федор Пашин попадает на афганскую войну, где в составе 40-армии, выполняя интернациональный долг, сражается за Родину против сил международного терроризма, «моджахедов», поддерживаемых извне коллективным Западом, мусульманскими странами, Китаем и др. В годы крушения СССР офицер продолжает армейскую службу в «горячих точках», а окончив «военную консерваторию» (разведшколу), вновь попадает в Афганистан. В силу обстоятельств, оказавшись на чужбине в Европе, он продолжает сражаться за Родину, находясь в информационных структурах «мировой закулисы», откуда ведется «гибридная война» против России. Спустя много лет, возвратившись из служебной командировки в Россию, Федор Пашин попадает в водоворот информационно-политических событий, где продолжается непримиримая борьба патриотов страны против предателей, внутренней агентуры влияния, ставленников Запада.

Герой книги находится среди тех, кто вступил в жесткое противоборство с дьявольскими силами, число которых легион. Однако нет никаких сомнений в победе правых сил над тьмой, потому что с ними бог, – так следует из прочитанного и в этом, безусловно, главный смысл произведения. Книга заставляет читателя задуматься о прошлом, настоящем и будущем страны, судьбе России в эпоху глобальных потрясений, месте и роли каждого гражданина в деле спасения и сохранения уникальной российской цивилизации.

Автор книги Сергей Небренчин – участник не только «горячих войн», но и «холодных», информационных баталлий. Его повествование проникнуто объективностью и неподдельной искренностью, глубоким знанием реалий. В основу книги положены события, свидетелем и участником которых был и сам автор.

часть I

На войне с любовью

Первая любовь

В этом городе дождей отличить летние месяцы от наступившей осени всегда было непросто. Среди европейских городов он по праву стал самым главным культурным центром Западной Украины и удерживал первое место по числу выпадающих в год осадков. Неизвестно, кто и когда окрестил этот старинный город писсуаром Европы. Однако горожане, у которых в любое время года были в ходу зонтики и плащи, давно смирились с превратностями прикарпатского климата и даже по-своему любили городскую непогоду.

В тот год осень была на редкость теплой и сухой. Жители и гости города продолжали радоваться погожим денькам уходящего лета. Была суббота. С утра многие горожане разъехались по своим пригородным дачам и участкам. Однако городская суэта не затихла. Продолжали работать магазины и рынки, кинотеатры, кафе и другие городские забегаловки. Бойкая торговля шла и на оживленных улицах центра города. Деловая жизнь продолжится до самого вечера, а затем на улицах города появится еще больше молодежи, зазвучит музыка в ресторанах и барах. Веселые компании молодых людей заполнят городские парки. Там их ожидают дискотеки.

В военном училище, которое находилось рядом со знаменитым Стрыйским парком, курсанты, которых чаще называли кадетами, готовились к субботнему увольнению. Старшекурснику Федору Пашину в эти выходные дни не повезло. Сегодня он стоял дневальным на одном из контрольно-пропускных пунктов училища. Через этот КПП, в основном, выходили из училища курсанты и слушатели «иностранного» спецфакультета с разным цветом кожи, кучерявыми и простыми шевелюрами. Они спешили поскорее оказаться в объятиях красивого старинного города, где их могли ожидать заманчивые развлечения и неожиданные встречи.

На небольшой асфальтированной площадке возле КПП в нетерпении кружили деловые партнеры иностранцев. В тот год среди азиатских и африканских слушателей и курсантов спецфакультета, которые в стенах прославленного училища осваивали нелегкую науку побеждать на войне, особым спросом пользовались недавно приехавшие афганцы. От желающих заработать или пожить за счет афганских курсантов, приехавших скорее отдохнуть и отдышаться от революционных передраг и боевых действий у себя на Родине, просто не было отбоя. Кто-то из «местных» норовил перепродать им втридорога дешевый советский фотоаппарат, другие – никелированные чайники и все что блестит, третьи предлагали всевозможные развлечения в городе. Наиболее проворные дельцы сумели успешно вернуть с афганцами долларово-рублевые сделки, поменяв гостям с Востока «зеленые» по курсу ниже официального, как минимум, в два раза. А по вечерам возле КПП появлялись местные проститутки, которые готовы были с афганцами предаваться утехам прямо в скверике через дорогу напротив. При этом с афганцев, видимо как с недавно прибывших в Союз и еще не знавших, что, где и почем стоит, шлюхи, причем далеко не первой свежести, брали две, а то и три цены за один сеанс сразу за КПП.

Что только не предпринимало командование военного училища, чтобы отвести дельцов от стен орденосного военного вуза! Даже милицейский пост выставило. Не подействовало. «Черный» рынок нехитрых услуг продолжал жить своей жизнью. Служители порядка, брошенные властями города на борьбу с антисоциальными проявлениями вблизи военного училища, быстро освоились и в новом качестве скорее охраняли стихийно возникший рыночек, нежели препятствовали его работе.

Дневальная смена Федора Пашина имела возможность собственными глазами увидеть, как бойко работает рынок. Соблазн и самим подработать был также велик. Местные дельцы не раз предлагали курсантам хорошие деньги за то, чтобы пройти на спецфакультет к иностранцам напрямиком в их общежитие.

На удивление, время в субботнем наряде пролетело почти незаметно. Около семи часов вечера курсант Федор Пашин последним из своей смены пожелал удачи новому наряду КПП. Собрал вещи и направился в казарму. «Надо бы привести себя в порядок и успеть на ужин», – решил он про себя, уступая дорогу потоку слушателей и курсантов, спешивших в увольнение. Их главная цель – поскорее миновать КПП. А там, за железными воротами военного училища, их ожидали счастливые часы субботних развлечений.

Федор не заметил неожиданно появившегося однокашника.

– Стоять, смирно, товарищ кадет! – весело прокричал курсант. Конечно, это был Сашка Жирик, сослуживец Федора Пашина. Курсант в расстегнутом кителе и с фуражкой в одной руке развел руками. Его зачесанные наверх рыжие волосы делали его выше ростом. Вместе с ним в сторону КПП спешили две милостивые девушки и смуглый молодой человек.

Пашин остановился и устало улыбнулся. Присутствие девушек однокашника не позволяло ответить ему как обычно. Кроме того, он чувствовал себя явно неловко – его в упор «расстреливали» две пары светлых девичьих глаз. Одну из девушек Жирик уверенно держал под руку. Всех своих подруг однокашник решил представить сразу.

– Это Натулька, Наташа Сосновская, а это – ее подруга и еще – наш афганский друг, слушатель спецфака, товарищ Жанхер! – он слегка повернул голову назад, где стоял молодой мужчина восточной внешности, одетый в джинсовый костюм.

– Джахангир. Значит «владеть миром», это так переводится на русский язык! – афганец с чувством собственного достоинства поправил Жирика.

– Скажите, пожалуйста, а я и не знал! – съязвил Сашка.

Джахангир, в отличие от других своих соотечественников, недавно прибывших в училище для обучения на курсах подготовки политработников для афганской армии, учился уже на пятом курсе спецфакультета и готовился стать военным журналистом. В Афганистане его ждала большая семья. Его родственники жили в Иране и даже в Англии, об этом, не без гордости, афганец всякий раз упоминал, когда общался с советскими гражданами, и особенно с русскими красавицами. Правда, о своем истинном семейном положении Джахангир не любил распространяться и всегда отшучивался, когда касались этой темы.

Сейчас, в компании двух симпатичных девушек, каждый из трех молодых людей явно не хотел ударить в грязь лицом. Федор и раньше встречал их в учи-

лице. Известно было, что они работали на спецфакультете преподавателями русского языка. Наташа, несмотря на то, что была дочерью полковника Сосновского, заместителя начальника военного училища, вела себя всегда очень скромно, в общении с курсантами была тактична и любезна и не давала никаких поводов для лишних разговоров. Федор от самого Жирика знал, что тот давно уже обхаживает Сосновскую. «А иностранец, видимо, подружки ухажер», – быстро сообразил Федор. Его мысли перебил Шурик Жирик, как величали между собой курсанты своего напористого однокашника:

– А это, девчонки, – Жирик весело подмигнул попутчицам и после театральной паузы представил своего однокашника, – Педор Пшин.

Сашка любил искажать имена и фамилии. За подобные выходки и глупые насмешки не любили его в курсантском коллективе. Федор и раньше старался не реагировать на его дурные замашки, поэтому приготовился к тому, что Жирик в присутствии малознакомых девушек обязательно еще что-нибудь выкинет.

Сашка артистично развел руками и затараторил как пулемет:

– Короче, перед вами – просто супермен. Отличник боевой и политической подготовки, спортсмен-разрядник, каратист. Но... – протянул оратор и многозначительно поднял палец вверх. – Этот кадет безнадежно влюблен. У него есть первая и, думаю, последняя, на всю оставшуюся жизнь, любовь. Кстати, Пшин, в казарме на тумбочке тебя ждет письмишко. Думаю, от нее, единственной! – самодовольно расплылся в улыбке Жирик.

– Да ладно тебе, кончай болтать!

Федор, попытавшись остановить однокашника, невольно встретился глазами с Натальей. Девушка опустила глаза. Но и высокий, стройный парень с короткой военной стрижкой и мужественным лицом тоже отвел взор своих умных глаз в сторону. Подружка Сосновской сердито цыкнула на нагловатого спутника:

– Не болтай что попало, помело!

– Извините, мне надо идти, – с легким недовольством пробурчал Федор. Ему не нравилось, когда Жирик всякий раз начинал трогать столь деликатную тему.

– Как наряд прошел? Книгу-то свою дочитал? – перейдя на извиняющийся тон, заговорил Жирик, кивком головы показывая, о чем идет речь.

В правой руке Пашин держал свою любимую книгу «Два капитана». Ее он вчера взял собой в наряд неслучайно. Несмотря на то, что Федор ранее с большим интересом посмотрел телефильм по прекрасному произведению Вениамина Каверина, он с особым удовольствием вновь встретился с героями книги. Саня Григорьев, на которого всегда так хотелось ему походить, с малых лет умел добиваться успеха в любом деле. Парень вырос мужественным и храбрым человеком. Мечта разыскать остатки экспедиции капитана Татаринова привела его в ряды летчиков-полярников. Жизнь капитана Григорьева была полна героических событий: он совершал полеты над Арктикой, сражался против фашистов. Его подстерегали опасности, приходилось терпеть неудачи, но настойчивый и целеустремленный характер героя помог ему сдерживать данную себе еще в детстве клятву: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Этот главный лозунг настольной книги Пашина стал теперь и его жизненным кредо.

Федор не стал отвечать на вопрос однокашника, а задал свой вопрос:

– В увольнение собрался?

– Так точно! Погуляем по городу, а потом на дискотеку в «Романтик» в Стрыйский парк. Так что пока! Если опоздаю, на поверке прикрой!

Однокашники пожалы друг другу руки и расстались. Пашин быстрой походкой направился в сторону казармы.

Стремительно взлетев на третий этаж, Федор, не обращая внимания на приветствия сокурсников, бросился к прикроватной тумбочке. Он уже давно ожидал письма со своей малой Родины. А с того времени, как недавно внезапно умерла мать и он остался один, желанной вести из дома ждал только от одного человека – Ольги. Так звали его первую любовь – красивую девчонку, что с детства жила с ним по соседству в родном провинциальном городке в самом центре российской глубинки. Во время летнего отпуска, погруженный в дела и заботы, связанные с недавней смертью матери, Федор не сразу заметил перемену в отношениях с возлюбленной.

Вернувшись в училище после отпуска, Пашин вдруг понял, что за последние полгода восемнадцатилетняя девушка стала другой. Взрослой? Мысленно он вспоминал последние летние встречи и невольно анализировал их. Ольга была уже совсем не похожа на ту неискушенную в жизни, немного замкнутую и скромную девчонку, которую он всегда знал и любил. Сейчас в ее словах, мимике, жестах и манерах появилось что-то явно недоброе. При этой догадке начинало больно щемить сердце.

Федор письмо любимой отправил еще в конце августа, сразу по прибытии в училище. В своем пространном письме к Ольге он написал о своих искренних чувствах к ней, сомнениях и переживаниях, что готов даже бросить учебу, лишь бы быть вместе с возлюбленной. Однако долгожданный ответ пришел лишь сегодня, почти через полтора месяца. Федор взял в руки драгоценную весточку со знакомым красивым почерком. Повертел в руках и вскрыл конверт. Пробежал с начала до конца короткое письмо. Федору не хотелось верить, что это послание было написано рукой любимого человека. Оля писала:

«Федька, привет!

Извини, что долго не писала. Совсем времени мало стало. Знаешь, ведь я теперь поступила в институт, на вечернее отделение! Юристом буду! И вообще, очень много проблем на меня свалилось. И теперь мне приходится их решать самой. Работу хорошую найти не просто, а надо одевать и обувать себя, помогать маме и бабушке. От тебя же помощи ждать не приходится. Ты ведь еще курсант, Федька, совсем мальчишка!

И еще, как ты знаешь, в августе мне исполнилось восемнадцать. Это тебе еще и двадцати лет нет, а мне, девушке, уже восемнадцать. Кстати, меня давно уже зовут замуж. А ты, Федька, армию свою не бросай, куда ты пойдешь, кто тебя и где ждет? После смерти матери у тебя же никого не осталось.

Вот так, Федя! Не унывай, курсант!

Будет время, пиши».

Такими сухими словами, неразборчивым мелким почерком, словно скрывшими потаенный смысл письма, заканчивалось послание.

Курсант бросил тетрадный листок на тумбочку. Потом опять взял его в руки. Еще раз быстро пробежавшись глазами по тексту, разорвал послание на части. Опу-

стился и сел на аккуратно заправленную кровать. Задумался. «Что же могло произойти?» – мысленно недоумевал он. «Нет, это не моя Ольга! Что случилось с моей любимой девочкой?» – Федор медленно повел головой из стороны в сторону. Нагнулся. Собрал клочки порванного письма, попытался их собрать, чтобы вновь перечитать содержимое. Не удалось. И тогда он в отчаянии сильно смял кусочки разорванной бумаги в руке. «Надо срочно заказать телефонный разговор и обо всем поговорить. Что могло случиться?» – мысленно продолжал вопрошать курсант.

Его невеселые мысли прервала команда дневального:

– Рота, построение на ужин!

За столом Пашин сидел один – соседи по столу были в увольнении. Можно было поужинать вволю, но кусок не лез в горло. Мысли его вновь и вновь возвращались к письму. Однако думать о плохом почему-то не хотелось. Он прикрыл глаза. Вспомнились мгновения встреч с Ольгой в родном городке. Особенно на зимних каникулах в феврале этого года.

Тогда все было хорошо. Мама была еще жива. Она уже болела, но с утра решила поехать в деревню к родственникам и должна была вернуться только через пару дней. В это день Федор решил пригласить к себе возлюбленную. Раньше девушка отказывалась приходить в гости к Пашиным. Федор же постоянно заходил к Ольге. Мама и бабушка девушки искренне любили скромного паренька и во всем, что касалось его взаимоотношений с Ольгой, доверяли Федору.

Было уже около десяти часов вечера. За окном стемнело. Вместе попив чаю с подсолнечной халвой и обливными пряниками, парень и девушка, в ожидании чего-то неизвестного быть может, на сегодня самого главного в их короткой жизни, оказались в небольшой спальне. Федор включил магнитофон. Старенькая «Дайна» запела мелодичными голосами популярной шведской группы «АББА». В небольшой уютной комнатике царил полумрак.

Парень приблизился к девушке, сидящей на кровати. Его руки коснулись шелковистых, слегка вьющихся русых волос девушки. Ольга замерла. Ее пышные ресницы, невольно сомкнувшись, спрятали блеск красивых светлых глаз. Словно спрашивая разрешения, Федор сначала заглянул любимой в глаза и только потом нежно поцеловал в губы. Оторвавшись от поцелуя, они еще теснее прижались друг к другу. Их тела чувствовали сильное взаимное притяжение. Федор бережно положил юную красавицу на кровать.

– Не надо, отпусти! Я прошу тебя, – зашептала девушка. Испугавшись чего-то такого неизвестного, она, как ужаленная, стала вырываться из объятий любимого человека.

– Выключи магнитофон, сыграй лучше на гитаре что-нибудь, – девушка, оживившись, сняла со стены гитару и протянула ее своему избраннику. Он неохотно взял инструмент в руки.

– Давно не играл. И она, наверное, вся давно уже расстроена, – парень взял несколько аккордов. Гитара зазвучала, настраиваясь то на одну, то на другую мелодию.

– Спой, ты хорошо поешь! – настаивала девушка.

– Хорошо. Вот эта песня должна тебе понравиться, – парень поудобнее перехватил в руках гитару и запел.

Молодой мужской голос, становившийся все более мелодичным, уверенно выводил слова песни:

Подари хоть один поцелуй.
Их у девушек юных так много.
А на утро усну до зари
И появится в сердце тревога.

Весь захваченный исполнением песни Федор еще продолжал старательно дотягивать последний куплет, когда возле его ног осторожно присела девушка. Она с немым восхищением, застывшим на ее юном красивом лице, смотрела снизу вверх на своего возлюбленного.

– Милый, я безумно люблю тебя, – промолвили ее губы.

Федор отложил гитару в сторону.

– Любимая, дорогая моя, несравненная моя, я так люблю тебя! – юноша, опустившись на колени, нежно взял руки девушки в свои ладони.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

В эту минуту их лица, светящиеся любовью и счастьем, говорили о стремлении следовать страстному порыву. Они медленно поднялись. От нового желанного прикосновения легкая приятная волнующая дрожь охватила молодые упругие тела. Страстно любящие сердца бросились вскачь. Молчали только пересохшие от жажды любви губы, не в силах высказать всего того, что сейчас творилось в трепетных душах возлюбленных.

Во мраке комнатной ночи пара молодых юных рук, ставших в одно мгновение неуклюжими, пыталась расстегнуть многочисленные застёжки и пуговицы на одежде, оказавшиеся так некстати в эти секунды и минуты. Наконец, нерасторопные руки расстегнули блузку и дали ей соскользнуть вниз. Затем освободили плечи и рвущуюся наружу упругую девичью грудь от безжалостных бретелек. Тонкие губы юноши, пересохшие от сильного волнения, инстинктивно сновали от полураскрытого влажного рта и прикрытых глаз девушки к распущенным, приятно пахнущим волосам, под которыми прятались тонкая изящная шея и мягкие ушки. Дыхание совсем перехватило, когда от легкого прикосновения губ и языка заметно приподнялась и глубоко вздохнула не знавшая доселе мужских ласк девичья грудь. Вздернутые вверх соски, вмиг набухшие от прикосновения губ, до безумства возбуждали и дразнили юношу. Не переставая беспрерывно осыпать поцелуями возлюбленную, Федор расстегнул молнию юбки.

Влюбленные даже не заметили, как оказались совсем голыми в постели под одним одеялом. Юноша почти неосознанным движением руки скользнул по девственной плоти. Девушка вздрогнула и на мгновение затаила дыхание. Напряжение достигло предела. Словно подавая знак, Ольга вцепилась в его спину и всем телом прижалась к юноше. Перед глазами возникло яркое зарево, замелькали искорки, в ушах как-то сразу зашумело. Разгоряченные упругие тела сплелись, губы слились в едином жарком поцелуе. Как слепой котенок, раз, другой, третий ткнувшись мимо, юноша, наконец, осторожно вошел в девушку. Она, негромко вскрикнув и охнув одновременно, вначале попыталась столкнуть парня с себя, а потом еще крепче прижалась к нему. В эту секунду девушка вдруг поняла, что стала жен-

щиной. Юноша не сразу почувствовал на своих губах девичьи слезы. Испытав сильное возбуждение, ранее не известное удовольствие и наслаждение, он затих. Коснувшись губами мокрых глаз девушки, нежно обнял ее и прошептал:

– Я безумно люблю тебя, я хочу, чтобы ты была моей женой! – молодой мужчина сделал паузу.

– Ты согласна, милая моя Олечка? – парень, как мог, пытался успокоить девушку.

– Да, любимый, – сквозь слезы прошептала Ольга. Возлюбленные вновь крепко обнялись.

Нахлынувшие воспоминания вновь взволновали Федора. «Как после всего того, что между нами произошло, можно было написать такое письмо?» – мысленно рассуждал Пашин. «Что же все-таки с ней могло случиться?» – мучил его один и тот же вопрос. «Точно, уже летом она была какой-то другой!» – Федору вспомнились его последние встречи с девушкой, когда он приезжал на похороны матери. «Надо обязательно объясниться. Сегодня же закажу телефонный разговор», – твердо решил про себя Пашин.

Оторвавшись от невеселых мыслей, он повел головой по сторонам. За соседними столиками курсанты, разговаривая друг с другом, неспешно ужинали. Федор отодвинул в сторону тарелку с пловом из жирной свинины. Намазал наполовину маслом ломтик белого хлеба. Откусил и положил его на тарелку. Отпил глоток чая. Резко встал из-за стола и придвинул на место стул, а потом, не дожидаясь общего построения, незаметно проскользнул через входные двери мимо помощника дежурного по училищу, который наблюдал за порядком прибытия курсантов в столовую.

В этот осенний теплый вечер Пашин так и не смог выбраться позвонить к себе в родной городок, откуда ему пришли дурные вести. Едва он вернулся в казарму, как туда же бжегал Жирик. Он был в крайнем возбуждении.

– наших бьют! – громко закричал он.

Жирик зашел в ленкомнату, где в это время находилась большая часть курсантов. Со стен самого главного помещения казармы на присутствующих с укоризной взирали суровые лица членов политбюро центрального комитета коммунистической партии Советского Союза. Шурик стоял посередине помещения в расстегнутом кителе, без фуражки и галстука. Его красная физиономия и всклооченные волосы говорили сами за себя. Запыхавшись от бега, курсант с трудом мог объяснить все случившееся с ним.

– Короче, наших бьют, я прибежал за помощью, – бубнил он и крутил головой по сторонам.

Из сбивчивого рассказа Шурика стало ясно, что на дискотеке в городском парке местные ребята попытались пригласить на танец спутниц Жирика, но девушки им отказали. Тем это, естественно, не могло понравиться. Кто-то из «щирых националистов», изъяснявшихся на «ридной мове», обозвал интеллигентных девушек «подстилками черных». За учительниц вступился афганец Джахангир. Слово за слово, начали хвататься за грудки. Как обычно, вышли разобраться на улицу. По словам Жирика, «местных» сначала было около десяти человек. Как только те принялись избивать афганца, к месту стычки прибежали двое афганцев

с иностранного факультета, которые в этот момент прогуливались вокруг дискотеки. Здесь же крутились два второкурсника в военно-морской форме со спецотделения, которые не могли не проявить курсантскую солидарность. Завязалась драка. Вот тогда-то Жирик и решил бежать за помощью.

– А где Пашин? – спросил Жирик, едва закончив свой сумбурный рассказ.

Дневальный громко позвал Пашина. Тот сразу откликнулся. Стычки с местными хулиганами, в том числе и с последователями украинских националистов, были частыми случаями в курсантской жизни. Да, курсанты прославленного военно-политического училища воспитывались в духе интернационализма, но постоять «за други своя» на улицах старинного «западенского» города считалось у будущих советских офицеров делом чести.

На призыв Федора Пашина сразу откликнулось несколько человек, коротающих время в казарме. Будущие офицеры собрались возле тумбочки дневального. Правда, нашлись и такие, кто отнесся к призыву товарищей о помощи с полным безразличием. Кто-то смотрел телевизор в ленинской комнате, кто-то там же писал письмо. Из угла последнего отсека спального помещения доносились звон гитары и негромкое пение.

Уже через несколько минут, не побоявшись грозящих последствий ухода в самоволку, команда добровольцев из почти десятка курсантов выскочила из подъезда казармы. По пути к ним присоединились еще двое курсантов. Группа смельчаков быстро перебралась через железный забор всего в нескольких метрах от главного КПП училища. Прогредев сапогами по бульжной мостовой, курсантская ватага стремительно понеслась вниз по главной аллее Стрыйского парка. Встречные прохожие рассыпались по сторонам, уступая место военным. Лица ребят были полны решимости, в руках они держали наперевес солдатские ремни с начищенными до блеска бляхами.

Драка еще шла. Курсанты-моряки и афганцы оказались не робкого десятка и поэтому продолжали сопротивление. Подмога им подоспела вовремя, так как число местных ребят, участвующих в драке, все время увеличивалось. Пашин врезался в толпу дерущихся парней. Короткими профессиональными ударами он сразу вырубил одного, самого активного верзилу. Тут же успел увернуться от просвистевшей над головой металлической трубы и, резко разогнувшись, метко ударил нападающего ногой в голову – «цуки». Тот опрокинулся навзничь. Тяжелая труба выскочила из его рук на асфальт и загремела, покотившись вниз по скату парковой дорожки. Лишь на мгновение оглянувшись на грохот металла, Федор кинулся на помощь афганцам. Полдюжины местных воевсю «катали» пинками по земле троих гостей с Востока. Сразу было видно, что больше всего достается самому активному из них. Несмотря на быстротечность драки, Пашин сразу узнал Джахангира. Закрыв голову руками, «повелитель мира» только успевал уворачиваться от жестких ударов нападающих. Возле дерущихся парней бегали молоденькие учительницы русского языка. Все в слезах, они неизвестно кого молили о помощи.

Драка возле дискотеки закончилась неожиданно быстро. По дороге к зданию «Романтика» уже подъезжал милицейский патруль с завывающей сиреной и включенной мигалкой. Местные парни сразу бросились враспынную. В сложившейся

обстановке надо было действовать быстро и решительно. Пашин принял командование на себя. Заломив назад руки одному из местных хулиганов, которому так и не дал возможности убежать, он уверенно управлял командой однокашников.

– Все бегом назад в казарму! – жестом руки он показал в сторону училища.

– На аллею не выбегать, Давайте лучше в обход! Прячьтесь за деревьями! И никто никого не видел, – отдавал он последние указания вслед убегающим курсантам.

– Шурик, иди помоги афганцам очухаться, – успел он крикнуть однокашнику.

Это была его последняя команда. Милицейская машина была уже рядом. Три милиционера во главе с лейтенантом сразу кинулись к самому подготовленному курсанту. Федор не сопротивлялся, хотя продолжал крепко удерживать местного хулигана. Милиция на месте не стала разбираться. Отпустила только девушек. Остальных забрали в отделение милиции. Несмотря ни на какие объяснения курсантов, поздно вечером их отправили на гарнизонную гауптвахту, а единственного местного драчуна посадили в милицейский «обезьянник».

Все благополучно разрешилось к часам двенадцати следующего дня, в воскресенье. Дочка полковника Сосновского сделала все от нее зависящее, чтобы вызволить курсантов с гауптвахты. В училище ребят доставили с шиком на служебной «Волге» полковника Сосновского. В казарме другие курсанты встретили Пашина крепкими рукопожатиями и одобрительными кивками. Жирик тоже норовил примазаться к чужой славе, рассказывая всем, как ему удалось организовать отпор нападавшим хулиганам.

Поговорить со своей любимой девушкой Пашину удалось лишь к ближе вечеру следующего дня. Федор два часа ожидал, когда оператор соединит его с квартирой соседней девушки. Приглашение подойти к телефону явно застало юную красавицу врасплох. В этот вечер она шла на свидание с Артемом Мирским.

Новый избранник девушки уже вышел из комсомольского возраста. Препуслев на ниве кооперативной торговли, Мирский уже к тридцати с небольшим годам сделал себе карьеру. Год назад его назначили начальником городского отдела торговли. Он и раньше не бедствовал, когда заведовал пивбаром в городском парке. Однако теперь он стал принадлежать к местной элите. Сразу поменял однокомнатную «хрущевку», доставшуюся ему после последнего скандального развода, на трехкомнатную «брежневку». Обставил квартиру чехословацкой мебелью и современной теле- и радиоаппаратурой. Купил новенькую «Волгу».

Теперь у Мирского было все, или почти все, чего может желать мужчина в расцвете лет. Только в одном ему не везло – никак не удавалось создать семью. Его овальная голова, странный профиль лица, массивный нос с горбинкой и пухлые губы больше отталкивали от него местных красавиц, чем помогали завоевать их сердца, жаждущие настоящей любви. Вопреки, прямо сказать, невзрачной внешности он пользовался вниманием у незамужних барышень. Однако из-за его блудливой природы женщины надолго не уживались с ним. Несмотря на то, что он дважды был женат и имел двоих детей от второго брака, в городке Мирский слыл завидным женихом.

Правда, жених старался не позволять дамам выбирать себя, а делал это сам. Любовь строптивых избранниц покупал за шампанское и конфеты, цветы и кольца, дорогие украшения и заграничные тряпки. Дороже всех ему стала Ольга. Эта юная высокая красавица, по уши влюбленная в какого-то курсанта, почти полгода водила его за нос, пока наконец не очутилась в его широкой кровати, словно специально сделанной для любовных утех. Купить благосклонность девушки и положить ее в постель удалось, но Мирскому хотелось большего – взаимности и любви, причем настоящей, искренней любви.

Вот и сегодня, в воскресенье, он, отбросив все свои деловые встречи, весь день развлекал Ольгу. С утра они ходили по магазинам, а днем зашли в кафе-мороженое. Редкой красоты девушка, элегантно одетая и умело накрашенная, сидела перед ним. Длинные стройные ноги, вызывающе положенные одна на другую, соблазнительно выглядывали из-под боковых разрезов длинной стильной юбки. Аккуратная прическа, собравшая волосы сзади, и дамская сумочка на коленях придавали стройной женской фигурке подчеркнуто строгий, деловой вид. Дорогие, сразу бросающиеся в глаза золотые сережки и кольца на руках с редкими, дорогими камушками, возводили девушку в ранг избранных и недоступных женщин города. Ольга курила. Поставив локоть левой руки на край стола, она пальцами другой руки нервно постукивала по открытой пачке дорогих сигарет «Мальборо».

– Хватит курить. Мы же ребенка ждем! – прервал паузу Мирский. Его пухлые губы немного округлились, а растопыренные большие уши зашевелились.

– Не твое дело. Это я жду ребенка! – грубо ответила Ольга.

– Не дури, крошка моя, – Мирский попытался взять руку девушки. Но она не позволила ему прикоснуться к себе.

– Ольга, прекрати! Мы же обо всем договорились. Вчера заявление отвезли в ЗАГС! Через месяц ты будешь моей законной женой! Опять за свое взялась! Чего тебе еще не хватает, что еще надо от меня, чтобы ты забыла своего курсанта?

– Ничего, отвези меня лучше домой.

– Мы же собирались ко мне, сегодня к нам гости придут.

– Я устала сегодня, – девушка встала из-за стола.

– Хорошо, отдохни, а вечером я заеду за тобой, договорились!?

Артем и Ольга вышли из кафе и подошли к припаркованной рядом машине.

Однако вечером, когда она уже собиралась выйти из своей квартиры и спуститься вниз к «Волге», в которой ее ожидал Артем Мирский, соседка позвала девушку к телефону.

– Оля, скорей, Федор у телефона ждет! – соседка громко стучала в дверь.

Девушка вначале опешила. Она была в явном смущении. Постояв секунду-другую в нерешительности, открыла дверь и прошла в соседскую квартиру к телефону.

– Я слушаю, – молодая женщина старалась говорить уверенным тоном. На другом конце телефона зазвенел до боли знакомый дорогой голос.

– Оля, Олечка, милая, здравствуй. Как ты там? Я очень соскучился по тебе.

Девушка вся сжалась внутри, комок подступил к ее горлу. Боясь разреветься, она закусил губы. Слезы заблестели на ее больших красивых глазах.

– Что ты молчишь, Оля?

Встряхнув головой, девушка вновь заговорила уверенно:

– Привет, Федька! Как дела? Как жизнь курсантская?

– Да плохо все, Олечка, слышишь, плохо! – на другом конце провода юный мужской голос немного дрожал. – Я же получил от тебя письмо. Оно какое-то странное, просто чужое. Я не верю, что это ты его писала. Ты слышишь меня?

В трубке молчали. Ольга кусала губы. По ее лицу текли слезы. Они смешивались с тушью и растекались по щекам темными ручейками.

– Олечка, любимая, что случилось? Не молчи, а ответь мне, ради бога!

Собравшись с силами, Ольга опять заговорила серьезным тоном:

– Федя, ты мне больше не звони. У меня есть другой мужчина. Я выхожу замуж!

Прости меня, Федька!

Девушка бросила телефонную трубку. И только теперь она дала волю своим горячим слезам. Девушка рыдала и ревела так откровенно, что собрала вокруг соседей по лестничной клетке. Бабушка безуспешно пыталась утешить любимую внучку. А когда за будущей женой по лестнице поднялся Мирский, юная красавица была уже совсем невменяемой

– Ненавижу! – она попыталась вцепиться руками в треугольное лицо Мирского.

В эту минуту этот маленький лысеющий мужчина, однажды напоивший ее и взявший силой, вызывал в ней такую дикую ненависть и злобу, что хотелось сначала убить его, а затем покончить с собой. Стремясь поскорее увести девушку с глаз любопытствующих соседей, Мирский силой затащил Ольгу в ее квартиру и плотно прикрыл за собой дверь. Соседи не сразу разошлись. Они не могли не догадываться о произошедшей драме. Соседи, которые любили Ольгу с малых лет, не могли не сочувствовать искреннему и трогательному увлечению девушки симпатичным парнем, который много лет заживал в их подъезд еще до того, как стал курсантом. А сегодня они присутствовали на похоронах первой любви, которая в жизни этих молодых людей, скорее всего, уже не повторится никогда.

Глава 2

Ташкент

Лейтенант Федор Пашин приехал в Ташкент в середине августа, поэтому все «прелести» летней жары он познал уже в первые часы своего пребывания в незнакомом городе. Август в Ташкенте – самый жаркий месяц. Днем столбик термометра редко опускается ниже сорока градусов. За короткие часы летней ночи столица солнечной республики не успевает остыть от знойного дневного пекла. Спасительная живительная прохлада неспешно приходила в город лишь на рассвете. С восходом солнца она, каких-то пару часов бессовестно подразнив горожан, незаметно исчезала. До следующей ночи огромный восточный город снова погружался в крепкие объятия августовской жары.

Тогда Федор Пашин не мог даже подумать о том, что находится в главном перевалочном пункте Советского Союза на Афганскую войну. Что пройдут годы, но узбекская столица навсегда останется в его памяти особенным городом: точкой отсчета в жизни – «до» и «после» Афганской войны. Ташкент для многих был особым прифронтовым городом по дороге на войну и обратно. Сюда они приезжали необстрелянными новобранцами, а возвращались опаленными войной воинами.

В свой первый приезд лейтенант Пашин в Ташкенте задержался ненадолго. Уже через неделю ему было приказано вновь прибыть в штаб Туркестанского военного округа. Кадровый окружной конвейер здесь вращался безостановочно. Люди в военной форме и гражданские лица толпились в коридоре, терпеливо ждали решения своей судьбы.

Наконец, очередь дошла до Пашина. Уже знакомый подполковник, в пятнистой от пота генеральской рубашке, с широкой простодушной улыбкой на лице, торжественно произнес: «Товарищ лейтенант, вот ваши документы. Направляетесь для прохождения дальнейшей службы в Афганистан. Поедете не по прямой замене. В предписании все указано».

Кадровик был необычайно краток. Он со значением, словно почетную грамоту, вручил молодому офицеру новенький, синий заграничный паспорт и предписание с большим угловым штампом. Пашин браво поднес руку к козырьку. Подполковник одобрительно кивнул головой: «Будь здоров!»

«Ну, вот и все! Завтра Афганистан!»

С этой мыслью офицер прошел через вертушку штабного КПП. Часы показывали четверть двенадцатого. Постояв еще минуту-другую в короткой дневной тени ветвистого дерева, Пашин решительно направился в объятия пышущего жаром города. Надо было еще позвонить жене в Подмосковье, сделать перед отъездом все необходимые покупки. Уже к вечеру, в тревожных мыслях о предстоящем пути в Кабул, молодой офицер наконец-то добрался до военной гостиницы.

– Ну, наконец-то! – он решительно вошел в прохладный вестибюль.

Под прохладным, слегка массирующим потоком шумящей воды было приятно и хорошо. Жизнь вновь была прекрасна. Совсем не хотелось думать о завтрашнем дне. «Много ли человеку надо?» – Федор мечтательно улыбнулся.

Его приятные раздумья прервал сосед по гостиничному номеру. Немолодой прапорщик постучал в душевую.

– Федя, давай заканчивай! Пора на вечернюю прогулку.

Сосед в ожидании получения служебной квартиры вот уже больше месяца обитал в окружной военной гостинице КЭЧ. Командование штаба округа, куда недавно перевели прапорщика, пошло ему навстречу. Как адъютанту заместителя командующего войсками округа по вооружению, ему помогли устроиться жить в гостинице до получения ташкентской квартиры. В своем номере прапорщик не позволял соседям по номеру ни пьянок, ни гулянок. Своим очередным новым жильцам он всегда повторял одно и то же.

– Мне здесь жить не один еще день. Поэтому попрошу без излишеств.

Федя Пашин ему приглянулся сразу, когда тот еще дневал и ночевал на чемоданах в гостиничном вестибюле. Поэтому, когда освободилось место в номере, он уговорил администраторшу вселить к нему лейтенанта. С ним прапорщик любил по вечерам гулять по городскому парку.

Вот и сегодня они вышли на улицу вместе.

– Значит, завтра улетаешь?

– Улетаю! – с легкой горечью ответил Пашин.

– Жаль расставаться с тобой, хороший ты парень, Федя!

Так, негромко переговариваясь, они вышли за массивные железные ворота и остановились на краю тротуара. Федор мельком взглянул на часы. Было уже около двенадцати. До отъезда на военный аэродром оставалось всего несколько часов. Пора было идти спать.

Лейтенант и прапорщик хотели уже возвращаться, но задержались. Их внимание привлекли две неизвестно откуда взявшиеся модно одетые женщины. Они стояли на противоположной стороне тротуара и демонстративно громко переговаривались. Встретившись с игривым взглядом той, что посимпатичнее, Федор Пашин сразу догадался о цели ночного визита местных красавиц. В гостинице их знали хорошо. Регулярно эта парочка «жриц любви» уводила с собой очередных клиентов, готовых щедро расплатиться за ночь любовных утех.

Слегка подбоченившись, выставив оголенную коленку, та, что повыше ростом, томным, нагловатым взглядом рассматривала потенциальных клиентов. При этом она, не поворачивая головы, что-то живо рассказывала подруге.

Вот так, профессионально обратив на себя внимание мужчин, проститутки важно, с чувством собственного достоинства, играя бедрами, направились к ним через дорогу. Девица повыше ростом заговорила первой:

– Мальчики, отдохнуть не желаете?

Она спрашивала так, словно интересовалась временем.

– Вы к нам обращаетесь? – Федор в недоумении покрутил головой по сторонам.

– Нет, к забору! Можно подумать, здесь еще кто-нибудь есть! – резко ответила та, что посимпатичней.

Ночные искательницы приключений, переглянувшись, дружно рассмеялись.

– Девочки, вы не по адресу. У меня уже нет денег, так как я в Ташкенте служу. А у него – еще нет. Он только завтра едет «за речку», – весело ответил сразу за двоих прапорщик и легонько подтолкнул Федора в спину. – Пойдем! А вы, девчонки,

идите от греха куда подальше! – с заметной иронией в голосе бросил через плечо старожил гостиницы.

– Ах-ах-ах! Бедненькие какие, ну прямо как в анекдоте: она разводила ногами, а они руками! – в стремлении задеть мужчин за живое молодая женщина, что пониже ростом, с восточным типом лица, развязано засмеялась. Обиженно громко фыркнув, проститутки насмешливыми взглядами взирали на оторопевших военных.

– Может, тогда по любви? Без любви на войне делать нечего, слышишь, лейтенант! Могу даже в долг, а приедешь – расплатишься. Ну как, лейтенант, слабо? – неслось вслед неспешно удаляющимся мужчинам.

Кто именно из двоих проституток предлагал договориться бесплатно, разобратъ было уже трудно. Прапорщик и офицер даже не обернулись. Сильно смущенный и одновременно озадаченный беспардонностью и наглостью девиц, Пашин заговорил не сразу, только на подходе к самой гостинице.

– Здесь не соскучишься. Я их раньше не видел.

– Кто здесь только на «афганцах» не зарабатывает! Просто ужас, что творится! Проституция процветает! В ресторанах бабы прямо рвут их на части.

– Чего же эти не в ресторан, а сюда ходят? – поинтересовался Федор.

– Эти ушлые. В кабаках молодняк заправляет, а они, как видишь, уже далеко не первой молодости. Конкуренция! Здесь же все отработано. Приходят, оговаривают цену и вперед, к себе на квартиру! Сто рублей или пятьдесят чеков стоит ночь. Думаешь, они меня не знают? Еще как знают! Я их уже не раз и не два куда подальше посылал.

– Не слабо берут!

В ответ прапорщик вдруг рассмеялся.

– Что такое? – Федор тоже невольно улыбнулся.

– Да случай в гостинице недели две назад был. Со смеху умрешь! Короче, жил здесь один «летеха». Он приезжал из Афгана на два дня на окружные сборы политработников. Перед самым твоим приездом укатил обратно в Афганистан. Сашка его звали. Да, точно, лейтенант, не то Жирок, не то Жирик. Молодой такой, но из ранних. Шурик, одним словом!

– Жирик? – Федор сразу встрепенулся.

– Точно! Что – знакомый?

– Да, я знал одного Александра Жирика. Однокашник мой по военному училищу.

– Кривоногий такой! Весь из себя! Пальцы веером! – уточнил собеседник.

– Точно, Шурик Жирик, – Пашин утвердительно кивнул головой.

– Короче, однокашник твой не промах парень. Его в гостинице еще долго будут помнить.

Федор, внутренне напрягшись, погрузился в свои мысли. «Значит, Жирик уже в Афгане. Как интересно бывает в жизни», – думал про себя Пашин.

В его сознании ненадолго всплыли картинки беззаботной курсантской юности. Напряженные годы учебы и службы. Короткие увольнения. Долгожданные поездки в отпуск домой – на малую Родину. Большая и трогательная первая любовь к красивой девчонке, что жила в его родном городке. Вдруг странный, непонятный и мучительный разрыв, который последовал почти сразу после внезапной смерти матери. Непреходящая душевная боль, вызванная невозможной утратой самого близкого человека, перемешалась со страданиями по потерянной любви. Проходит немного

времени, и судьба сводит его с Натальей Сосновской. Появляются новые надежды и дополнительный смысл жизни. Однако любовный треугольник, возникший в военном училище, навсегда сделает Пашина и Жирика соперниками по жизни.

– Как быстро идет время. Надо же, не прошло и полгода, как вновь наши пути-дороги с ним пересеклись. Это судьба! – почти вслух произнес лейтенант.

– Федя, так ты хочешь узнать, что приключилось с твоим однокашником? – прапорщик прервал мысли Пашина.

– Да-да! Я слушаю.

– Так вот. В ночь перед возвращением в Афган друг твой хорошенько набрался. И начал искать на одно место приключений. В этот момент тут как тут эти две красавицы. Он договорился с одной из них за восемьдесят рублей. Больше у него просто не было. Рассказывали, что даже всю мелочь по карманам собрал.

– Это на него похоже, – грустно улыбнулся Федор.

– Слушай дальше! Девицы эти, как ты видел, больно ушлые. Цена для них – закон. Или сто рублей, или пятьдесят чеков. И ни рубля меньше! Они же не только себя предлагают, но и еще стол накрывают. Одним словом – полный сервис, а это в Ташкенте накладно! Короче, одна – та, что длинноногая, остается охотиться дальше, а вторая везет лейтенанта к себе. Там она его напивает до беспамятства и оставляет с хозяйкой квартиры. Как я слышал, старой проституткой, которая теперь сдачей жилья промышляет на жизнь.

– Сколько же ей лет?

– Кто ее знает? Прапорщики рассказывали, что за шестьдесят!

– Какие прапорщики?

– Какая тебе разница? Слушай, не перебивай! Вторая, что осталась возле гостиницы, сняла двух вертолетчиков-прапорщиков, про которых ты как раз и спрашиваешь, и отвезла на ту же квартиру. Они с девицами, что ты сегодня видел, а твой Жирик – со старухой. Вот такой расклад!

Прапорщик ненадолго замолчал. Прикурил сигарету. Затянулся и вновь продолжил с легкой иронией:

– Утром он, естественно, опоздал на самолет. Вернулся в гостиницу. Сам злой. Главное, что остался без денег. Всё тут ходил занимать. Ко мне приходил, кланчил. Короче, без слез не взглянуть. Под глазами синяки, весь помятый, какой-то измученный. Я ему дал тогда денег.

– Так он улетел в Афган или нет? – больше всего интересовало Пашина.

– Улетел, слава Богу! А мы здесь в гостинице еще долго за животы держались!

Незаметно для себя собеседники оказались на ступеньках гостиницы. Прапорщик, открыв входную дверь, первым пропустил лейтенанта. В небольшом, но уютном гостиничном холле, несмотря на позднее время, продолжали толпиться люди. Стояла очередь к международному телефону-автомату. На диване и низких креслах в ожидании заветного номера дремали офицеры, прапорщики и несколько человек гражданских. Со своего рабочего места, особо не церемонясь и не утруждая себя гостиничным этикетом, бойко покрикивала на приезжих острая на язык, симпатичная, лет тридцати пяти, администраторша.

В ночь перед отправкой в Афганистан спать совсем не хотелось. Пашин мысленно вновь обратился к незабываемым временам курсантской юности.

Любовный треугольник

Теплым июньским утром личный состав красноезвездного училища замер на плацу в парадном построении. Торжественная церемония посвящения в офицеры завершалась одним из самых трогательных армейских ритуалов. Вчерашние курсанты выпускных курсов с волнением и грустью прощались со знаменем училища.

Вновь звучат четкие и строгие команды: «равняйся», «смирно», «в походную колонну», «шаг-о-о-м марш!». Гремит оркестр. Исполняется трогательный за душу старинный русский марш «Прощание славянки». Лейтенантские колонны, прощаясь, идут четким строевым шагом по плацу родного училища. Чеканная поступь ротных коробок сливается с глухим боем оркестрового барабана. Перед трибуной по команде «смирно, равнение на-право!» головы в шеренгах дружно повернуты направо, руки прижаты к бедрам.

Непередаваемая атмосфера праздника царит вокруг. Волнение, радость и гордость переполняют сердца курсантов, родителей и близких сегодняшних выпускников.

Но вот отгремел оркестр. Молодые лейтенанты сразу оказались в объятиях родных и близких. В новенькой форме, в золоте погон и пряжек ремней, белизне рубашек, в скрипящих ослепительных хромовых сапогах, они приводили в трепетный восторг окружающих. В эти счастливые минуты молодым офицерам и их близким казалось, что военная сказка будет продолжаться всю жизнь. Казалось, что радости мам, пап, бабушек и дедушек не будет предела. То, к чему так долго и упорно шли их чада, наконец, свершилось. Их дети, однажды выбрав профессию защищать Родину, наконец-то стали офицерами Советской Армии, самой сильной армии в мире!

Между лейтенантами появлялись курсанты младших курсов. Они с едва скрываемой завистью смотрели на молодых офицеров, которые еще вчера были обыкновенными курсантами и вместе с ними делили все тяготы и лишения, радости и удачи военной службы. По старой доброй армейской традиции, младшекурсники спешили первыми поприветствовать лейтенантов. Они, поравнявшись с лейтенантами, молодцевато отдавали им воинскую честь. И тогда те одаривали их деньгами – кто железным рублем, а кто и бумажной купюрой.

Новоиспеченный лейтенант Александр Жирик стоял на плацу в стороне ото всех. Свою радость ему разделить было не с кем. Он безразлично вертел в руках диплом синего цвета об окончании училища. Впервые не прячась от начальников, он нервно курил и постоянно озирался по сторонам. Курсанты к нему тоже не подходили. Одного из них молодой лейтенант только что отчитал за неопрятный внешний вид, вместо того чтобы откупиться рублем, когда тот попытался отдать воинскую честь.

Лишь изредка Жирик поглядывал в сторону своего однокурсника лейтенанта Федора Пашина, который стоял неподалеку в компании с Наташей Сосновской,

дочерью заместителя начальника военного училища. С ними была подруга Наташи, яркая симпатичная блондинка. Она, как и Сосновская, работала преподавателем русского языка на спецфакультете, а потому не могла не присутствовать на выпускном мероприятии. Возле нее, не отходя ни на шаг, крутился ее давний и страстный поклонник из числа афганцев, проходивших обучение в военном училище. Это был Джахангир. К Пашину афганец с недавних пор, когда курсант предотвратил избиение иностранца местными хулиганами на танцплощадке в городском парке, стал испытывать особые дружеские чувства. При встрече с Федором Джахангир всегда почтительно здоровался и при случае норовил подарить тому какую-нибудь безделушку.

Тем временем история любви афганца к русской учительнице давно уже стала «притчей во языцех» в училище. Сначала молодая женщина пыталась всячески отвалить от себя афганца, но Джахангир не отставал. Дарил цветы и дорогие подарки, приглашал сходить в театр или кино, звал замуж. При этом афганец часами мог рассказывать о своей далекой Родине – Афганистане и еще об Иране, выходцем из которого был его отец, известный на мусульманском Востоке ученый.

Учительница всячески отмечала успехи старшекурсника спецфакультета в изучении русского языка, но на большее долго никак не соглашалась. Тем более что эта молодая женщина явно симпатизировала Пашину, вчерашнему курсанту, сегодняшнему лейтенанту. Она, конечно, знала о том, что у Феди была несчастная любовь, и поэтому не торопила события, искренне надеясь на то, что курсант сам обратит на нее внимание. Однако неожиданно события приняли иной оборот. Молодая «русичка» была неприятно удивлена, когда узнала, что в последние два-три месяца между ее подругой, Наташей Сосновской, и Пашиным стал стремительно развиваться бурный роман. Подружка не могла не расстроиться, однако это обстоятельство, тем не менее, не повлияло на давние отношения двух молодых женщин. Так появился шанс завоевать сердце русской учительницы и у Джахангира.

Сегодня на плацу военного училища вся их компания была вместе. Не было среди них только новоиспеченного лейтенанта Жирика. Компания от души веселилась, непринужденно разговаривая между собой. Лейтенант Пашин в новенькой офицерской форме непрерывно шутил. «На учениях танк стоит на месте. Подходит командир и требует трогаться с места». Девушки от души смеялись. Не отставал от Пашина и афганец. Почти без акцента, Джахангир упражнялся в знании советских военных традиций.

В этот торжественный час Жирику было явно не по себе. После майской вечеринки на квартире пути однокашников разошлись. В любовном треугольнике Шурик неожиданно стал лишним. Наташа не захотела простить ему измены, когда застала своего кавалера в комнате вдвоем с молодой хозяйкой квартиры. В тот злополучный вечер Наташа ушла домой в сопровождении уже другого курсанта – Феди Пашина.

Судьба словно толкала их навстречу друг другу. Курсанта не дождалась любимая девушка из родного городка, которая выскочила замуж. А учительница оказалась жестоко обманутой Жириком. Желая поскорее преодолеть горечь

любовных потерь и утрат, они за какие-то два месяца прошли сложный путь от отношений добрых знакомых до рождения чувств взаимной симпатии, привязанности и любви. Все последнее время курсант и учительница проводили вместе, почти забыв о существовании окружающих.

Несмотря на то, что отношения Пашина и Наташи зашли уже далеко, отвергнутый курсант не оставлял планов вернуть девушку себе.

– Не верю, просто не хочу верить! – раздраженно твердил всякий раз Сашка, когда его очередная попытка примириться с девушкой заканчивалась неудачей. Жирику казалось, что рано или поздно Наташа отступит и простит ему измену. Он был уверен, что она по-прежнему помнит и ждет его.

– Не может быть! Ведь в любви призналась! Как кошка ко мне ластилась! Жили как муж и жена! – Жирик пытался понять, что сейчас происходит с его любовницей.

Тем временем девушка сама толком не могла разобраться в своих противоречивых чувствах. Первое время после жириковского предательства было ощущение, что весь мир перевернулся и земля уходит у нее из-под ног. Душа рвалась в ключья от причиненной боли. Девичье сердце терзали обида и злоба на изменника.

Но так происходило лишь тогда, когда Наташа оставалась наедине со своими невеселыми мыслями. Все менялось, когда появлялся Федор Пашин. Они и раньше были добрыми знакомыми. Девушка его иначе и не воспринимала, как лучшего друга Жирика. В одной компании им всем было удобно и комфортно. Федор никогда не претендовал на место Жирика. Наташа никогда не давала Пашину никаких лишних поводов.

Все разрешилось само-собой. Наташе с Федором было необыкновенно легко, просто и спокойно. От него веяло какой-то надежностью. Время шло. Оно стало хорошим лекарем. Девушке вновь хотелось радоваться жизни, смеяться и шутить. В присутствии доброго и милого Федора совсем не хотелось думать о Сашке. Были ли это самообман или еще что-то, Наташа тогда не знала и не хотела знать.

От незадачливого, чрезмерно ретивого бывшего жениха Наташу всячески оберегали и родители. Дома телефонную трубку часто снимала мама, которая, нисколько не смущаясь, отвечала обидчику дочери всегда «нет». Желание Жирика нагрянуть к Сосновским и объясниться сразу во всем однажды жестко охладил отец Наташи.

Полковник Сосновский месяц назад остановил курсанта Жирика на плацу за неопрятный внешний вид.

– Когда сапоги последний раз чистили, товарищ курсант?

Потупив взор, Жирик молчал.

– Как вы честь воинскую отдаете?! Забыли, что такое строевой шаг и воинское приветствие? Почему не брит, товарищ курсант? – наседали заместитель начальника училища. – На гауптвахту вас сажать не буду, дабы не было лишних разговоров. Но если еще раз мне на глаза попадетесь, вам несдобровать! Понятно излагаю?

Курсант, став по стойке смирно, продолжал молчать.

– Как следует отвечать, товарищ курсант?

- Так точно, товарищ полковник!
- Вопросы есть?
- Никак нет!
- Идите!

Жирик круто повернулся кругом и строевым шагом направился в сторону курсантской казармы.

После этой встречи Жирик уже больше не стремился объясниться с Наташей Сосновской. Он был просто в отчаянии. Ко всему прочему, просто на глазах рушились все его планы с удачным распределением после окончания военного училища. Вместо продолжения службы в вожденной Группе советских войск в Венгрии, о чем ему раньше намекал полковник Сосновский, его ждало далекое Забайкалье – ЗабВО, что на курсантском сленге означало «Забудь Вернуться Обратно!».

Погруженный в свои мысли, Жирик только в последний момент заметил, как к шумной веселой компании стремительно подошли полковник Сосновский и его супруга. Сашка напрягся и повернулся вполборота к компании. Краем глаза он видел, как жена Сосновского вручила огромный букет цветов Пашину и трогательно расцеловала его. Затем лейтенанта поздравил полковник Сосновский. Сашка отчетливо услышал его слова.

– Поздравляю от души! Каков молодец! Желаю дослужиться до генерала! – Сосновский крепко пожал руку и похлопал по плечу лейтенанта. А потом неожиданно оглянулся и сразу заметил Жирика.

- Товарищ лейтенант! – полковник громко обратился к молодому офицеру.
- Я, так точно! – моментально откликнулся Сашка.
- Что стоите в одиночестве? Идите сюда.

Жирик быстро приблизился.

– Товарищ лейтенант, поздравляю вас с присвоением первого офицерского звания! Всяческих успехов вам! – Сосновский сдержанно пожал руку офицеру. Затем к поздравлениям заместителя начальника училища присоединились все остальные стоявшие рядом.

Наташа была немногословна.

– Поздравляю! Будь счастлив! Я на тебя больше не в обиде, – тихо добавила девушка и быстро отошла в сторону.

На глазах у всех друг друга поздравили и лейтенанты. Сосновский предложил фотографироваться на память. Он достал специально прихваченный по этому случаю фотоаппарат.

– Становитесь вот здесь, – командовал полковник.

– Есть, товарищ полковник! – весело ответила дочь, стараясь руками удержать на голове офицерскую фуражку жениха.

Компания расположилась лицом к солнцу. Жирик оказался рядом с Наташей. Легкое касание руки девушки заставило его вздрогнуть. Наташа убрала руку и поближе придвинулась к Федору. Павел взял девушку под руку.

– Внимание. Все готово! – после некоторой паузы полковник щелкнул фотоаппаратом. Затем попросил афганца сфотографировать его вместе со всей компанией.

Ну, вот и хорошо! – с удовлетворением заметил Сосновский.

– А пока до свидания, товарищи офицеры! – тут же встряла его супруга. – Завтра ждем в гости! Сегодня у вас выпускной вечер, завтра непременно ждем в гости! Как только Сосновские скрылись за углом казармы, Жирик еще больше осмелел.

– Наташа, можно тебя на минутку? Мне надо поговорить с тобой.

Девушка вернула Федору военную фуражку.

– Я сейчас, не беспокойся, милый, – она легко коснулась губами щеки лейтенанта.

Они отошли в сторону. От сильного волнения Жирик даже не почувствовал, как смял рукой дымящуюся сигарету.

– Наташенька, я давно хотел поговорить с тобой обо всем. Но ты избегаешь меня, – неуверенно начал разговор Сашка.

Наташа молчала.

– Любимая, прости меня! Я просто не знаю, как тогда такое могло случиться. Я виноват, прости меня, пожалуйста, – голос лейтенанта дрожал, глаза беспорядочно бегали.

– Поздно, Жирик. Я выхожу замуж, – сухо отрезала Наташа.

– Как?! – лицо лейтенанта вытянулось, глаза еще больше округлились. – Как?! Ты же говорила, что любишь меня. Как ты можешь?! У-у... – глухо простонал лейтенант.

– Могу. Ты во всем виноват сам.

– Что ты в нем нашла? Он никому не нужен. Его одна уже бросила.

– Я все знаю. А вот в отличие от тебя ему можно верить, он надежный человек. А это самое главное. Прощай, Санек! И еще. Не мешай мне больше жить! После всего случившегося ты мне противен.

– Наташа! – взмолился Жирик.

Он попытался задержать девушку, но она резко вырвалась из его цепких рук и направилась в сторону Федора Пашина, который нетерпеливо ожидал возвращения Сосновской.

– Ревную, – полусерьезно и полушутя встретил девушку ее новый избранник.

Наташа взяла крепко офицера под руку. Слегка прислонившись головой к блестящему золоту погон, нежно посмотрела ему в глаза.

– Глупенький! Я ему все объяснила. Сказала, что выхожу за тебя замуж.

– Прямо так и сказала?

– Да. И вообще, хватит об этом Жирике. Его больше для меня не существует, – девушка мило улыбнулась.

Слегка смущаясь окружающих, они поцеловались.

– Всё, всё, всё! Пойдем, пора уже, – Наташа остановила порыв жениха.

Они быстро двинулись на выход. Там, за воротами КПП родного училища, ожидала большая самостоятельная жизнь.

Через неделю Наташа и Федор стали мужем и женой. Короткий медовый месяц, и молодая офицерская семья убыла к новому месту службы в Подмосковье. Через год лейтенант Пашин получил новое назначение. Ему предстояло выполнять интернациональный долг в Афганистане.

«За речку»

Небольшой военный аэродром с непривычным для слуха лирическим названием Тузель располагался на самой окраине Ташкента. С началом афганской эпопеи он за короткий срок стал широко известен далеко за пределами древнего восточного города. Здесь, за высоким каменным забором, втайне от посторонних, любопытных глаз, ежедневно пересекались сотни и тысячи человеческих судеб.

За время, проведенное в ташкентской военной гостинице, лейтенант Федор Пашин немало наслышался о Тузели. Самый большой перевалочный пункт на афганскую войну работал почти без выходных. Изо дня в день, туда – по ту сторону реки Амударьи – забитые до отказа военные борта увозили наших соотечественников. В мирное время отправившись на войну, они подсознательно спешили поскорее оказаться в Афганистане, пугающем своей неизвестностью.

Из-за «речки» грозные стальные птицы приземлялись уже с «афганцами», либо отслужившими свой срок, либо командированными и отпускниками. Их счастливые лица светились нескрываемой радостью встречи с Родиной – Советским Союзом.

В ночь отправки в Афганистан Пашин почти не спал. Было очень жарко. В голову лезли разные мысли. Хотелось поскорее отправиться «за речку», чтобы, наконец, начался отсчет двум годам служебной командировки на войну. Невольно думалось о возвращении обратно в Союз.

Рано утром, промчавшись по пустынному, сонному городу, такси быстро доставило Федора Пашина к шлагбауму въезда на аэродром Тузель. Еще не было шести часов, когда он вошел во внутренний дворик военного аэропорта. Сразу бросилось в глаза, что он практически не приспособлен для приема и отправки больших партий людей. Военные и гражданские люди сидели прямо под открытым небом на своих чемоданах, сумках и коробках. Устроившись поудобнее, многие спали. По всему было видно, что в надежде улететь первым рейсом люди находятся здесь еще с вечера.

По лицам обитателей аэропортовой «ночлежки» без особого труда можно было определить впервые отправляющихся «за речку» и тех, кто там уже побывал. Первые почти не спали и большей частью сидели молча. Взгляды их воспаленных глаз как-то настороженно перебежали с одного места на другое. Одни реагировали на каждый новый, незнакомый звук. Другие дремали, но как-то нервно, беспокойно. Неизвестно от чего больше – то ли от неопределенности, то ли от утренней прохлады, инстинктивно прижимались поближе к своим попутчикам на войну. Почти повсюду курили.

В отличие от новичков, те, кто уже побывал в Афгане и привык ко всяким неожиданностям, чувствовали себя здесь уверенно и комфортно, в полной безопасности. Они спали крепко. Если переговаривались, то громко и непринужденно. Они вольно или невольно демонстрировали свое моральное превосходство над теми, кому еще только предстояло узнать, что такое Афганистан.

«Афганцы» даже своей одеждой разительно отличались от нового пополнения. Выгоревшая от южного солнца полевая форма, выглядывающие тельняшки, разномастная обувь – от уставных туфель, ботинок и сапог до кроссовок – выдавали их с головой. Крепкий бронзовый загар на опаленных войной лицах был совсем не похож на «огородный» или даже пляжный. Постояв несколько минут в самом центре внутреннего двора аэродрома, Пашин нашел глазами свободное место. Прошел к закрытым дверям магазина военторга и пристроился на ступеньках.

Уже рассвело. Спасительная прохлада постепенно готовилась уступить место августовской жаре. В ожидании вылета время тянулось медленно. Небольшая площадка между забором, аэропортовой постройкой и магазином быстро заполнялась прибывающим людом. Пятачок возле военторга с каждой минутой становился все более оживленным и заполненным табачным дымом.

Федор с любопытством продолжал оглядываться по сторонам. Наконец его внимание приковала к себе шумная тройца, удобно рассеявшаяся на коробках возле витрины военторга. Два неказистых на вид прапорщика в компании с рыжеволосой молодой женщиной увлеченно играли в карты. Судя по их самоуверенному виду и несколько развязному поведению, «за речкой» они уже бывали. «Афганцы» каждый свой ход сопровождали громкими комментариями. Федор невольно прислушался.

– Получи, «честная женщина», гранату! – говорил один из бывалых.

– И еще две «семерочки!» – весело вторил второй, освобождаясь от ненужных карт у себя в руках.

«Честная женщина», с ног до головы одетая в модные джинсовые шмотки фирмы «Монтана», растроенно собирала карты.

– Набросились, тоже мне, кавалеры! – недовольно ворчала рыжеволосая, обнажая передние золотые зубы.

– Зато тебе в любви везет! У тебя, Сеня, наверное, за всю жизнь столько мужиков не было, сколько за один месяц в Афгане бывает! – не переставал подтрунивать над женщиной прапорщик, что был помоложе возрастом. При этих словах второй, не обращая внимания на окружающих, заразительно гоготал.

– Чего ржешь как сивый мерин! – вконец разозлившись, она сильно толкнула в плечо гоготавшего прапора. Быстро посмотрела по сторонам.

Федор отвернулся. С трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. «Веселые нравы!» – подумал он про себя.

Только в восемь часов объявили начало регистрации. Солнце уже пригревало. Легкая прозрачная пелена – недобрая предвестница дневной жары – висела в воздухе. Пассажиры, спешащие на войну, сразу пришли в движение. Люди и чемоданы стали вытягиваться в длинную змеевидную очередь, голова которой быстро скрылась в аэропортовой постройке. Таможенный досмотр и регистрация шли необычайно медленно. Очередь почти не двигалась. Люди уже устали двигать ногами чемоданы и сумки. Становилось нестерпимо жарко и душно.

– Ну, дает, десантура!

Услышав сзади себя громкий возглас, Федор мгновенно обернулся. Стоявший рядом с ним плечистый старший лейтенант невысокого роста, поднявшись на носочки, весело смотрел вперед. Там, у столика таможенного досмотра, майор-десантник на глазах у всех силился опорожнить бутылку ноль семь.

– Чего это он? – с содроганием поморщился Пашин.

– Понятное дело! Лишнюю водку нашли. Не пропадать же добру!

Очередь немного повеселела.

– Молодец, крепкий мужик! Гляди, пошел! – старлей, стоявший следом за Федором, вновь привлек внимание всех к сцене у стола.

Допив бутылку, майор, в фуражке набекрень, с расстегнутым воротом рубашки без галстука, заметно шатаясь, уравновешенный двумя огромными чемоданами, медленно побрел в отстойник, где собирались все пассажиры перед выходом на посадку.

У Федора проблем с таможенной не было. Проверившая его узбечка в форменной одежде без труда определила, что молоденький лейтенант впервые отправляется на «ту сторону» и контрабандистским хитростям не обучен.

– Деньги, драгоценности, художественные ценности, еще что запрещено везете с собой? – лишь для формальности монотонно опросила она. Мысленно женщина уже примеривалась к идущему за Пашиным старшему лейтенанту с огромным чемоданом и сумкой.

– Водки две бутылки лишние везу! – честно признался Федор.

– Почему нарушаете?

– Посоветовали брать чем больше, тем лучше!

– Ладно, идите! – усмехнулась таможенница, даже не открывая лейтенантский чемодан.

Опытная работница, за многие годы, проведенные здесь, в Тузели, она ошибалась очень редко. Вот и сейчас, пропустив без досмотра одного, она подвергла настоящей досмотровой экзекуции очередного. Старания таможенницы не были напрасны. Ушлый «старлей» с быстро бегающими глазами, возвращаясь из отпуска, вез в тубике из-под зубной пасты аккуратно свернутые в трубочку сторублевые бумажки. Зачем они понадобились ему в Афгане, в то время Федор не знал. В отстойнике, где все люди, уже прошедшие таможенный досмотр, изнывали в томительном ожидании от духоты, «старлей» появился только перед самым выходом к самолету.

– Вот овчарка, накрыла-таки! – ругался он. – Вот этих лучше попробовала бы проверить, сука! – «старлей» злым взглядом окинул двух генералов и полковника, который шли налегке к выходу на посадку.

Федор продолжал молчать, никак не реагируя на навязчивого попутчика. После разразившегося только что скандала личность соседа по очереди на досмотр была ему неприятна. Разговаривать с ним не хотелось.

– Эти и туда, и обратно везут тысячи, а здесь пару сотенок припрятал, так скандал устроила! Теперь телегу в часть пришлют! – продолжал недовольно плакаться старший лейтенант.

Как только прошло начальство из штаба военного округа, началась посадка. Людской муравейник, высыпав наружу, вновь выстроился в очередь, только теперь к трапу самолета.

Большой грузовой салон Ил-76 быстро заполнился до отказа. В невероятной тесноте лишь немногим посчастливилось занять откидные боковые сиденья. Значительная часть людей устроилась прямо на чемоданах и сумках. Самые смелые облепили сверху большие коробки и тюки, размещенные посередине грузового отсека. Остальные, не найдя себе места, устроились в самом низу на металлическом полу.

Наконец тяжелая рампа грузового отсека медленно закрылась. Щелкнули бортовые замки. Салон погрузился в полумрак. От нехватки кислорода стало ужасно дискомфортно, нестерпимо душно и немного боязно. Казалось, еще мгновение, и произойдет что-то страшное. Встревоженные, напрягшиеся лица людей моментально покрылись испариной. Потная одежда неприятно прилипла к телу. Люди принялись расстегиваться. Они обмахивались фуражками, газетами и платками.

В этот момент особенно тяжело было наблюдать за женщинами. Устроившись поближе к мужчинам, бедные соотечественницы, неизвестно зачем отправившиеся в рискованное путешествие на войну, с нескрываемой тревогой в глазах взирали на своих временных попутчиков. Казалось, что в них они видели единственную надежду в надвигающейся, пугающей неизвестности.

Пашин перевел взгляд на прапорщиков, затем на рыжеволосую молодую женщину. Бывалые «афганцы» в выжженной почти добела полевой форме выглядели сосредоточенными, но спокойными. Видимо, они хорошо знали, что, как только самолет оторвется от земли, неприятные ощущения сразу исчезнут. Молодая женщина с мужским прозвищем Сеня удобно устроилась на коленях у одного из своих партнеров по утренней игре в карты. Крепко обвив его шею руками, она отрешенно смотрела в иллюминатор самолета.

– Через час с небольшим будем в Кабуле, – сидевший рядом все тот же назойливый «старлей» вновь напомнил о своем присутствии.

Федор никак не среагировал. Взял в руки фуражку и начал усердно обмахиваться ею. Внизу, прямо перед ним, устроившись на двух своих больших чемоданах, уже мирно похрапывал здоровенный майор-десантник. Ему, принявшему изрядную дозу спиртного, до моральных и физических неудобств других не было никакого дела.

Разговоры в салоне грузового самолета незаметно стихли. Все приготовились к взлету. Наконец, военно-транспортный аэробус взревел двигателями. Какое-то время подрожал в напряжении, а затем, словно спохватившись, резво тронулся. Тем самым невольно заставил пассажиров вздрогнуть, крепче уцепиться за сиденья и ручки, чемоданы, ящики и просто друг за друга. Слегка покачиваясь на выбоинах взлетно-посадочной полосы, Ил-76 начал разбег. Скорость стремительно нарастала. И вот, плавно оторвавшись от земли, аэробус стал уверенно набирать высоту.

Сразу заложило уши. Перехватывало дыхание, сердце замирало при резких виражах военного борта. Каждый новый звук, изменение тональности ревущих моторов вызывали заметную настороженность в глазах новичков. Даже солнечные лучи, то и дело врывающиеся в отсек через небольшие боковые иллюминаторы, пугали.

Вскоре самолет набрал заданную высоту, принял горизонтальное положение. Постепенно стало прохладно. Дышать было уже легко. Салон самолета заметно оживился. Заглушая звуки и голоса пассажиров, надрывно ревели мощные моторы.

Федор не сразу понял, что теперь совсем уже не обязательно держаться за ящик. Опасность скатиться вниз давно уже исчезла. Он неспешно растер затекшие, слегка посиневшие руки. Посмотрел по сторонам. Знакомые прапорщики и их подруга вновь играли в карты. Некоторые потянулись в походную поклажу за провизией, прихваченной в дорогу. Кто-то решил принять что-нибудь покрепче. Между тем другая часть пассажиров уже спала.

Но Федору не спалось. Ощущение тревоги сжимало сердце, отдавалось легким головокружением. Мысли безостановочно сновали в узких лабиринтах прошлого, настоящего и будущего. На мгновение стихший монотонный гул моторов вывел Пашина из состояния задумчивости. Неожиданный глухой удар заставил насторожиться. Федор посмотрел по сторонам. На необычный звук среагировал не только он. В разных местах салона люда встревоженно подняли головы. Видимо, угадав причину беспокойства лейтенанта, к нему наклонился «старлей»:

– Высоко идем! Сюда даже ракета не достанет. Вот при снижении будет опасно.

Дальше Федор не расслышал. Слова соседа потонули в мощном реве моторов, вновь заработавших на полную мощность. Однако по хитровато бегающим глазам старшего лейтенанта Пашин понял, что тот посмеивается над новичком. «Вояка нашелся!» – подумал про себя Федор. Осторожно слез с ящика и встал между чемоданами, сумками и сидящими на полу людьми. Придвинулся к расположенному напротив иллюминатору. Обращенное к нему маленькое самолетное окошко горело ослепительным огнем. Лейтенант приблизился вплотную. За иллюминатором все вокруг было залито солнцем. Внизу широкая извилистая лента большой реки медленно уплывала назад.

– Амударья! Все! «За речкой!» – услышал Пашин позади себя.

Только теперь он оценил все значение того емкого понятия, какое было в ходу у «афганцев» – убить «за речку». Стало ясно – под крылом самолета была уже чужая и еще не известная горная страна – Афганистан.

Чарующие виды за окном иллюминатора продолжали удерживать возле себя лейтенанта. Сквозь редкие облака отчетливо проступали горы. По мере продвижения военного борта в глубь страны они становились всё ближе и виднее. Мощные громады горных вершин, укрытые снежной ватой, проплывали совсем рядом под крылом самолета. Они величественно сверкали на солнце своей ослепительной белизной. Каждая из вершин была сказочно красива и неповторима.

Вдруг самолет снова на какие-то секунды, чуть сбавив обороты моторов, задержал дыхание. В этот раз он предупреждал о намерении начать снижение. Федор вернулся на свое место. Дивные картинки в иллюминаторе невольно навяли трогательные воспоминания: Москва. Последние дни с Наташей. Аэропорт Домодедово.

– У-у-у, – глухо простонал Пашин.

Как-то неожиданно из памяти выплыли грустные глаза жены. Большие, выразительные, красные от слез, они в очередной раз больно щемили сердце. «Сухарь, сухарь! Ну просто идиот какой-то!» – клял себя Федор. Каяться было в чем. При расставании в аэропорту он вел себя подчеркнуто холодно с женой. Тогда ему казалось, что так он сможет удержать Наташу от слез. А когда уходил, так даже не поцеловал супругу. «Фу, противно!» – при воспоминании о том, как только пожал жене руки, даже не обнял, бросил на прощание: «до свидания!» и сразу скрылся в дверях, лейтенант внутренне содрогнулся. Невольно покачал головой. Закрыв глаза ладонями.

Неожиданно вспомнилась последняя ночь перед расставанием. Служебная комната на втором этаже старой пятиэтажки в гарнизонном городке, где поселилась год назад лейтенантская семья. Теплая летняя ночь. Открытое окно. Яркая луна. Запахи шелестящих деревьев. Загадочный полумрак в комнатухе.

С Федором, совсем рядом, прижавшись вплотную всем телом, спала Наташа, одновременно грустная и счастливая. Все это вновь отчетливо возникло в памяти сейчас, когда военный аэробус все дальше и дальше отдалял лейтенанта Пашина от родного, сокровенного...

В ту до отчаяния короткую августовскую ночь Пашины долго не могли заснуть. Приготовившись к долгой, нелегкой разлуке, суровому испытанию на верность временем и расстоянием, они судорожно ловили последние мгновения семейного счастья, с упоением мечтали о будущем, строили планы на жизнь после Афганистана. Игриво, совсем по-детски вздоря между собой, супруги пророчили друг другу долгожданного первенца. Видели его самым красивым, здоровым и умным. Непременно хотели мальчика. И в этом и в другом молодожены в ту памятную ночь были единомышленники. При этой мысли незаметно для себя лейтенант задумчиво улыбнулся. Симпатичная, совсем мальчишеская улыбка едва ли была понятна сидящим вокруг него людям. Федор посмотрел по сторонам. По лицам попутчиков, так и не заснувших, он, неожиданно для себя, смог прочитать мысли, вполне созвучные его состоянию души. «Кто они, все эти люди, отправившиеся на войну? Что им не сидится дома? Зачем лететь к черту на кулички, когда у каждого есть свой дом, Родина, родные и близкие! Какая такая сила заставляет человека рисковать своей жизнью? Кто смеет мне приказывать ехать умирать?» – Пашин за минуту задал себе столько вопросов, сколько не смог за все время нахождения в Ташкенте.

Стремительное движение самолета к земле прервало его мысли. Ощущение, близкое к невесомости, заставило крепко вцепиться руками в деревянный ящик. За окнами самолета медленно поплыл молочного цвета туман. Прошло еще сколько-то времени, прежде чем в салон снова брызнуло солнце. Оно перебегало короткими быстрыми лучиками по вещам и лицам пассажиров. Один за другим люди поднимались к иллюминаторам.

– Кабул! – бросил через плечо «старлей».

Федор привстал на носочках. За окном открылась панорама желто-зеленой долины. В строгом окружении гор, она пересекалась тонкими, пока еще едва заметными линиями дорог, как магнит, притягивала к себе ниточки высохших русел многочисленных горных речушек.

Чем дальше снижался самолет, тем отчетливее стали видны прямоугольные кварталы огромного восточного города, строго очерченные линиями больших и маленьких улиц. Первая живая картинка незнакомой страны поражала своим диковинным видом. С высоты птичьего полета было невозможно рассмотреть все детали непривычного колорита восточного города. Самолет резко лег на крыло, заставив всех любопытных снова сесть на свои места. Потом выровнялся и еще стремительнее пошел на снижение. В салоне уже никто не спал. Под крылом самолета проплывали площадки и ограды, коробки расположения воинской части с советской техникой.

Наконец, коснувшись самой земли, Ил-76 слегка вздрогнул и, сбрасывая скорость, уверенно побежал по асфальтированной полосе кабульского аэродрома. В иллюминаторах на фоне горной гряды замелькали стоящие самолеты и вертолеты, движущаяся техника и постройки гражданского аэропорта.

Полный тревог и беспокойства рейс для тех, кто впервые летел в Афганистан, завершился, но долгая командировка на неизвестную войну только еще начиналась.

Пересылка

Массивная гидравлическая рампа военно-транспортного корабля медленно опустилась и превратилась в длинный трап. Горячий ветер афганского лета стремительно ворвался в душное чрево военного самолета. Рев моторов Ил-76 окончательно стих. Военные и гражданские люди, утомленные перелетом, почти одновременно стали вставать со своих мест навстречу спасительному дыханию свежего воздуха. В ожидании начала высадки они вглядывались в освещенный дневным светом проем.

Самолет стоял распахнутым настежь хвостовым отсеком к забору из длинных металлических аэродромных покрытий прямоугольной формы, между которыми рядами была натянута колючая проволока. Прямо за ним через пыльную от машин дорогу отчетливо просматривались зеленые палатки и прямоугольные синие коробки кабульской пересылки.

Внизу у самого трапа самолета толпилось много народу. По приподнятому настроению было легко понять, что большинство из них Ил-76 обратным рейсом заберет с собой в Союз. В толпе были и встречающие. Они радостно принимали в свои объятия сослуживцев, вернувшихся обратно в Афганистан из госпиталей, отпусков и командировок.

Большинство «афганцев», едва сойдя с трапа, уверенно спешили в сторону автостоянки за забором. Там стояли пыльные «камазы», «газики» и разнокалиберная «броня», которые могли добросить их до своих частей, штаба армии, гарнизонного госпиталя и в любое другое место, куда добраться самостоятельно мог рискнуть далеко не каждый.

Солнце стояло в зените и пекло немилосердно. Люди прятались в тени большого аэробуса. Веселье и прибаутки не утихали. Несмотря на жару, звучали тосты. Старожилы по-доброму подтрунивали над новичками.

Вновь прибывших на войну людей тоже встречали. Небольшой желтый пересылочный автобус стоял возле стоянки военного аэробуса. Его двери были открыты. Бывалый прапорщик с опухшим лицом и бравый загорелый сержант быстро проверяли служебные паспорта и предписания, решительно и жестко направляли новичков к автобусу.

Поставив чемодан на заднее сиденье автобуса, лейтенант Федор Пашин направился к выходу. Хотелось осмотреться. Но его тут же остановил голос нагловатого сержанта:

– Вам по-русски, кажется, было сказано: всем находиться в автобусе!

Лейтенант просто опешил:

– Это вы мне?

– Вам! Садитесь! – сержант указал на дверь.

Сдержавшись, чтобы не ответить младшему по званию, Федор несколько растерянно покачал головой. Сержант последний раз затянулся сигаретой. Изловчился и бросил окурочок под заднее колесо автобуса.

– Все, что надо делать здесь – на войне, вам объяснят! Вы уже в Афгане, а не в Союзе! Чем раньше это поймете, тем лучше для вас!

Он повернулся и пошел назад к трапу самолета. Там его ждала очередная партия новобранцев. Лейтенант Пашин, ошарашенный сержантской наглостью, успокоился не сразу. Стараясь не смотреть на других офицеров, которые стали свидетелями его неприятного общения с сержантом, он уселся рядом со своим чемоданом и отвернулся к окну.

Большой аэродром находился вблизи от подножия гор, которые плотным кольцом окружали афганскую столицу. Длинная взлетно-посадочная полоса тонула в воздушном летнем мареве. Время от времени заходили на посадку и взлетали пары вертушек, стремительно разбегались и уверенно приземлялись самолеты.

Военный аэробус из Союза еще не разгрузился до конца, а толпа людей, убывающих на Родину, уже вытянулась в нетерпеливую очередь. Люди с нескрываемой радостью и одновременно с некоторой грустью в глазах прощались с сослуживцами, оживленно переговаривались. Изредка задерживали взгляды на пересылочном автобусе, уже забитом до отказа новичками.

Пашин невольно отвел глаза от самолета. Захотелось домой. «Зачем я здесь? Что забыл? Почему я не могу сейчас улететь обратно, быть вместе с Наташей?» – в одну секунду он задал себе с десяток вопросов. Предстоящие два года службы в эту секунду отчаяния показались ему бесконечно долгими. Как нельзя кстати, двигатель автобуса завелся.

– Все на месте? – вошедший бывалый прапорщик стоял в передних дверях. Получив молчаливое подтверждение, жестом показал немолодому майору-связисту, чтобы тот освободил переднее место, предназначенное для старшего машины.

До пересылки было проще дойти, чем трястись в душном автобусе. Буквально минут через десять он замер у ворот военного городка. Тот выглядел небольшим, мрачным и неприветливым. Был хорошо известен своими дикими законами почти каждому, кто служил в Ограниченном контингенте советских войск в Афганистане (ОКСВ). Впервые оказавшимся в Кабуле людям пересылка запоминалась своим раздраженным, хамским и враждебным нравом. Федор Пашин не переставал поражаться тому, как здесь, на пересылке, относятся к приехавшим соотечественникам. Большинство из них, молодых и не очень, симпатичных и страшненьких, так не похожих друг на друга внешне, объединяла неустроенность личной жизни. Именно это обстоятельство заставило многих девушек искать счастье за тысячи километров от родного дома. Однако на войне до этого никому не было дела. Неписанные законы сурового военного быта, уже при первом знакомстве с ними, открыто давали понять, что главное предназначение женщин в Афганистане может быть только одно.

Едва наступал вечер, цвет пересылочной администрации – заезжие штабники и другой подвыпивший служивый люд мужского пола – начинал рыскать по палаткам и модулям в поисках неприхотливой фронтовой подруги, которой пока еще не были известны расценки на любовные услуги.

Новеньких соблазняли землячеством и уверениями в любви и дружбе, готовностью пристроить непременно в Кабуле, просто бесконечными обещаниями на завтра: перевести из палатки в модуль, сводить в душ, найти чистое постельное

белье и многое другое, что способно одинокую женщину на войне заставить согласиться на все. Строптивых ревностные администраторы пугали далекими афганскими гарнизонами, демонстративно обрекали девушек на неустроенный быт, третировали, как могли. Однако девчонки, в своем большинстве, готовы были стерпеть многое, лишь бы только не потерять человеческого достоинства и не стать «пересылочными подругами». Многих из них ожидали дальние гарнизоны, жизнь в которых так разительно отличалась от жизни в афганской столице. Кабул же принимал женщин более стоворчивых и смазливых, готовых на все – только бы красивая жизнь продолжалась и здесь, на чужбине. Сбежав от грехов молодости из родных мест, они отправились на войну за дармовыми, на их взгляд, деньгами и новыми любовными приключениями.

Здесь, на пересылке, иные сразу попадали в родную стихию. Новые ухажеры, щедрые угощенья, подарки и решение всех проблем теперь неотступно будут следовать за ними все два года начиная с первого дня пребывания в Афгане. Из больших металлических «бочек» с окнами, приспособленных под полевое жилье, где размещалась пересылочная администрация, всю ночь напролет неслись звуки веселья, пьяный женский визг и мужской хохот. Так предприимчивые девчонки спешили устроить свою судьбу на войне, поскорее обрести «постоянную прописку» в Кабуле. Для них интернациональный долг был понятием куда более растяжимым, чем для многих других. Что касалось остальных, то для них жизнь тоже не останавливалась. Дорожные знакомства, быстро рождающиеся земляческие братства прочно объединяли и сближали ранее не знакомых людей. Так в тесном кругу доброжелательных компаний они коротали свои первые, самые трудные, часы на афганской земле. Они верили в удачу и надеялись на нее, желая счастья себе и ближнему. Несмотря ни на что, они страстно хотели жить, любить и быть любимыми. Оттого радостные улыбки с каждым проведенным в Афгане днем становились более частыми гостями на молодых лицах, чем выражение грусти и печали.

Было около десяти часов вечера.

Перед сном Федор Пашин решил выйти из палатки. Пропыленный жесткий воздух густой ночи неприятно хлынул в лицо. Федор осторожно шагнул за палатку. Прислушался. С наступлением тревожной кабульской темноты то одна за другой, а то и сразу одновременно надрывно лаяли пересыльные собаки, словно недовольные людским весельем и гомоном в палатках и модулях. Но не холеные овчарки, что жили вместе со своими хозяевами в их бочках, проявляли сторожевую бдительность, а дворняги, которые за кусок хлеба верой и правдой годами служили военному городку на аэродроме.

Однако не громкий собачий лай настораживал новичков, которые на какое-то время забыли о том, что они на войне. Всякий раз отзвуки далекой ночной канонады в горах заставляли людей замирать, осторожно прислушиваться и вспоминать, что они уже не на Родине, а в городе, в окрестностях которого затаилась смерть.

Лейтенант Пашин еще раз взглянул на ночной звездный небосвод. Попытался взглядеться в очертания загадочных в ночи гор, в кольце которых стоял и жил древний Кабул. Грустно вздохнул. Невесело улыбнулся.

– Ну, вот я и на войне! Удивительно как-то! Совсем не верится! – вслух произнес Федор.

Пыль в глаза

Большой военный гарнизон был дислоцирован на севере страны в так называемой «Долине смерти». Почти круглый год здесь беспрепятственно разгуливали эпидемии различных болезней. В давние времена англо-афганских войн в дышащем смертью природно-климатическом капкане Гиндукуша нашли гибель тысячи чужеземцев, которые пытались поставить на колени непокорных патанов (пуштун, афганец – пер. с афг.).

Всего несколько лет назад брошенный на голое место советский воинский контингент за короткий срок успел основательно обустроиться. С высоты птичьего полета гарнизон представлял собой нечто среднее между военным походным лагерем и обычным рабочим поселком городского типа, каких сотни разбросаны вокруг российских городов. Обычно таким запоминался советский воинский гарнизон в «Долине смерти» тем, кто прилетал сюда на «вертушках».

Лейтенант Александр Жирик большим начальником не был, потому к новому месту службы, как и большинство других, добрался попутной колонной. Знакомиться с гарнизонными достопримечательностями ему, как заместителю командира роты по политической части, предстояло длинными неделями и месяцами однообразной службы. Зато останутся в памяти они надолго – на всю оставшуюся жизнь.

За более чем полгода службы в этом треклятом месте судьба уберегла Жирика от всевозможных инфекционных болезней, которые здесь поджидали новичка на каждом углу. По совету бывалых сослуживцев, он с первых дней не пил сырой воды, регулярно принимал стопку водки или спирта. Старой русской поговорке «береженого Бог бережет» Александр Жирик следовал теперь во всем, и прежде всего в службе. На первых порах вел себя на редкость осторожно, ни при каких обстоятельствах не лез на рожон. «Спокойно! Все будет в свое время! Надо только в струю попасть!» – постоянно внушал себе Жирик.

Однако в тот памятный день замполиту роты все же не удалось открутиться от боевого выхода. Когда утром Жирика неожиданно послали на сопровождение колонны, он, не на шутку перепугавшись, не мог даже предположить, что судьба приготовила ему отличный случай попасть в «заветную струю». Правда, впервые в жизни оказавшись в боевом охранении воинской колонны машин и бронетехники, лейтенант заметно нервничал. Напутанный разговорами о минах, замполит всякий раз внутренне сжимался и напрягался, когда его БРДМ наезжала на поврежденное подрывами асфальтированное полотно дороги.

На дороге к месту назначения опасных участков было немало. Однако среди бела дня «духи» редко решались нападать на советские колонны, которые шли в сопровождении боевого охранения. К тому же потомки храбрых патанов все еще страшились грозных ракетных ударов нурсов с «вертушек», которые обычно степенно барражировали в дневное время высоко в небе. Выполняя только им известные боевые задачи, краснозвездные, только с виду неуклюжие

«вертушки» – «волки», гарантировали безопасность движения советских колонн на беспокойных горных серпантинах. Здесь, на афганских дорогах, проходивших сквозь строй невидимых душманских взоров и готовящихся засад, в мирной тиши прохладных гор и благоухающих оазисов – «зеленок», до поры до времени таилась война.

Было около четырех часов дня, когда колонна стремительно миновала самый опасный участок дороги, пролегающий через плотный коридор сахарного тростника. Афганское немилосердное солнце, давно уже прошедшее точку зенита, стремительно клонилось к закату. Одинокие «мерседесы», «тойоты», советского производства «газики» и «зилы», загруженные доверху дынями и арбузами, облепленные со всех сторон афганцами, всё реже и реже встречались в пути. Последние одиночные машины пугливо спешили до наступления темноты покинуть опасные участки серпантина.

БРДМ с лейтенантом Жириком шла, замыкая длинную колонну. Неожиданно машина приняла вправо и резко затормозила. При виде стремительно уходящей вперед «брони» Александр, понемногу привыкший к монотонной дороге и совсем было приободрившийся, вновь беспокойно заерзал. Покрутив головой по сторонам, он склонился к совсем молоденькому прапорщику, который сидел в люке над водителем.

– Что случилось? Чего встали? – последняя фраза пришлась на момент, когда гул моторов резко затих.

В воцарившейся тишине ответ прапорщика показался необычно громким:

– Не знаю! Может, сломались?! – он пожал плечами и выпустил наверх чумазого водителя. Волосы, лицо и шея солдата были покрыты густым слоем пепельной пыли.

– Вода закипела! – недовольно пробурчал водитель.

– Долго стоять будем? – еще больше занервничал Жирик.

Солдат ничего не ответил. Пробравшись по броне назад, он стал тряпкой открывать крышку радиатора. Пар рванулся наружу, грозя обжечь лицо водителю, склонившемуся над раскрытым мотором. Тот резко отпрянул в сторону. Поднялся во весь рост.

– Чурка, канистру тащи! – скомандовал водитель темноволосому солдату в выгоревшей почти добела форме. Первогодок пулей нырнул в водительский люк.

Прошло всего каких-нибудь пять минут, и возле БРДМ, как вкопанный, оставился БТР из технического замыкания.

– Чего встали? – зампотех роты одной ногой стоял на своей броне, другой – уже на БРДМ.

– Вода закипела! – постарался уверенно, со знанием дела, ответить Жирик.

– Понятно! Вода есть? – старший лейтенант уже обращался к водителю, который возился с канистрой.

– Есть!

– Ремни в норме? Ни один не полетел?

– Всё в порядке, товарищ старший лейтенант! Не беспокойтесь!

– Хорошо! – закончил зампотех свой чисто профессиональный разговор с водителем и повернулся к Жирику:

– Догоняйте! Не задерживайтесь! Вон какая буря собирается! – показал рукой на горизонт офицер. Затем уверенно переступил на свою броню и, прямо как опытный наездник, вскакивающий на лихого коня, быстро оседлал правый люк бронированной машины.

БТР грозно взревел моторами и ринулся догонять скрывающуюся из глаз колонну.

Тем временем чуть слева по ходу движения горизонт стремительно погружался во тьму. Солдаты с некоторой тревогой в глазах поглядывали в сторону огромной грозовой тучи, предвещавшей ураган. Все уже хорошо знали, что надвигающаяся буря – это жгучий ветер «афганец», который в Афганистане особенно грозен в период межсезонья и летом. Как обычно, буря подкралась незаметно. Казалось, еще пятнадцать-двадцать минут назад ярко светившее солнце не предвещало никакой беды, но вот прозрачный горячий воздух стал постепенно мутнеть и желтеть. Солнце, как при затмении, начало затягиваться плотной, густой пеленой из мельчайшей серо-желтой пыли, сорванной ветром с полей и дорог.

Лейтенант Жирик в эти тягостные минуты ожидания не отходил от водителя и все время его тербил.

– Я и так быстро! – недовольно огрызался механик-водитель, неторопливо наполнявший водой радиатор.

Наконец, БРДМ смогла тронуться с места. Солдаты уже взбирались на броню, когда из-за поворота, за которым скрылась советская военная колонна, в облаке пыли возник силуэт грузовика. Кузов машины почти доверху заполняли большие продолговатые золотистые дыни и зеленовато-светлые арбузы.

– Товарищ лейтенант, бакшиш надо брать?! – к заметно нервничающему офицеру обратился солдат родом из Средней Азии. Его, с малых лет привыкшего ко всем стихийным причудам азиатской природы, казалось, совсем не тревожил надвигающийся «афганец».

– Совсем спятил, солдат! Какой еще бакшиш?! Нашел время! – лейтенант махнул рукой и стал вслушиваться в гул набравших обороты двигателей.

Слабо понимавший по-русски солдат жест командира расценил по-своему. Он перехватил автомат с плеча в руки и сделал шаг навстречу афганскому ЗИЛу. Резко заскрежетав тормозами, машина свернула на обочину и остановилась в нескольких метрах позади БРДМ.

– Эй, бача, бакшиш давай! – подойдя к кабине, на полурусском-полуафганском обратился он.

Люди, сидевшие в машине, кажется, не шелохнулись.

– Эй, сюда! – солдат позвал оставшихся возле БРДМ, а сам вскочил на подножку ЗИЛа, но не успел даже поздороваться с афганцами в кабине.

Едва он взялся за ручку дверцы, как машина рванула с места. Грузовик стал быстро набирать скорость. Замешательство длилось недолго. В один прыжок соскочив с боевой машины, прапорщик на ходу уже передергивал затвор. Предураганную тишину разорвала длинная автоматная очередь. Еще мгновение, и по машине уже стреляли остальные бойцы.

– Прекратить стрельбу, прекратить!.. – кричал Жирик.

В эту минуту он больше всего боялся, что стрельба накличет местных «духов», не позволит уйти от надвигающейся бури. Но было поздно. Резко свернувшая

вправо машина остановилась. Выскочивший из кабины афганец не успел сделать и трех шагов, как распластался на земле, насмерть сраженный метким выстрелом прапорщика.

Жирик подошел к машине последним. Грузовик стоял всего в нескольких сантиметрах от края дороги, за которым внизу начиналась горная расщелина. Водитель тоже был мертв. Прямо за ним зияло несколько пулевых отверстий. Пятна крови были на стекле, дверце и сиденье водителя. Жирик еще больше испугался.

– Убийство мирных жителей? Это всему!.. – почти вслух выругался Жирик. Он хорошо знал, что за убийство простых афганцев придется ответить всем.

– Кто дал команду стрелять? – кричал он на стоящих вокруг него солдат.

– Само собой вышло! Им же сказано было: стоять! – неуверенно оправдывался прапорщик.

Он только теперь начал осознавать весь ужас происшедшего. Насмерть перепуганный, он стоял, понунив голову и опустив руки по швам. Складной автомат Калашникова, сделавший свое дело, виновато висел на согнутых пальцах прапорщика, слегка касаясь земли длинным рожком.

Недолгое оцепенение нарушил широкоплечий сержант.

– Ого, ни хрена себе!

Копаясь в кабине, он вслед за одним автоматом вытащил из-под сиденья второй, аккуратно завернутый в плотную материю.

– Обыскать машину! – зрачки лейтенанта резко расширились. Пока еще неизвестно чему Жирик как будто обрадовался.

– Быстрее, быстрее! – торопил он подчиненных. Черное грозное облако уже крутилось рядом, словно неотвратимое возмездие за происшествие, случившееся на горной дороге.

Оружие было не только в кабине. Завернутые в серую мешковину автоматы западного образца, два китайских пулемета, гранатомет и три ящика с патронами были умело спрятаны в кузове под золотистыми продолговатыми дынями и ядерными полосатыми арбузами. Через минуту-другую солдаты уже перекладывали оружие на БРДМ. Все спешили, работали сосредоточенно, молча.

– Товарищ лейтенант, машину надо сбросить! – не по годам рассудительный сержант спокойно отдавал распоряжения офицеру. Тот, придя в себя от первоначальной растерянности, утвердительно кивнул головой.

С помощью брони грузовик столкнули вниз, прямо в расщелину. Высота была небольшая, наверное поэтому ожидаемого взрыва не последовало. Резко запахавшие аппетитные дыни и арбузы продолжали раскалываться на лету, скатываясь вниз к опрокинутой вверх колесами машине. Лишь солдат из Средней Азии, видимо в силу своей восточной расторопности, сообразил прихватить пару продолговатых желто-серых дынь. Они уже лежали возле пулеметной башни сзади, наполовину прикрытые старым грязным бушлатом. Люди быстро забирались на броню. В крошечной ураганной мгле стремительно угасающего дня вокруг почти ничего не было видно. Медлить больше было нельзя. Включив все фары, БРДМ рванулась по дороге.

Свою колонну настигли лишь за последним населенным пунктом перед поворотом к месту дислокации дивизии. Пока ехали, перепуганный, с трясущимися

руками лейтенант лихорадочно искал объяснение всему тому, что произошло с ними на дороге возле горной расщелины.

– Итак, еще раз! – снова и снова офицер начинал проговаривать в голове версию, выстроившуюся за время пути.

Офицер так был занят этими мыслями, что не обратил внимания на то, как БРДМ вслед за колонной стала медленно спускаться с дорожной насыпи. От лихорадочных размышлений его отвлек прапорщик:

– Товарищ лейтенант, что докладывать будем? – он склонился к уху офицера. Светло-зеленые глаза главного лица в событиях на дороге напряженно горели. Нервно играли желваки.

Жирик сразу очнулся.

– Да, конечно, молодец! – проговорил он тихо, почти губами, и склонился в люк к водителю. БРДМ остановилась.

Солдаты построились перед броней. Их лица были предельно серьезны и взволнованны. Двое из них – прапорщик и сухощавый солдат из Узбекистана – сегодня впервые не только увидели самых настоящих «духов», о которых столько слышали в части, но и стреляли по живым людям. Такое даже на афганской войне бывало далеко не каждый день. Лишь сержант по-прежнему оставался внешне спокойным и невозмутимым. За два года службы ему, повидавшему всякое, смерть «духов» казалась обыкновенным делом.

Еще раз внимательно взглянув на лица подчиненных, офицер внутренне весь собрался. Заговорил неожиданно уверенно:

– Товарищи, сегодня вы лицом к лицу столкнулись со смертью. Рискуя своей жизнью, вы действовали быстро, умело и до конца выполнили возникшую на марше боевую задачу. Мы взяли караван, который вез смертоносный груз.

Лейтенант, выпалив заученную по дороге наизусть первую фразу, облегченно вздохнул. Так и не заметив тени ухмылки на лице сержанта, продолжил:

– Дело это серьезное! Не останови рядовой Убайдуллаев по моей команде подозрительную машину..

Замполит роты, как ломти хлеба, нарезал заранее продуманные фразы – версии случившегося:

– Трудно себе представить, сколько бы наших ребят еще сложили головы в Афгане! Не одна советская мать еще скажет вам спасибо, ребята! Хорошо, что никто не пострадал. Считаю, что решение было верным – преследовать машину и уничтожить врага метким огнем всего экипажа!

В эти минуты, стоя перед строем, Жирик не просто говорил. Внешне преобразившись, он пел свою профессиональную песню штатного соловья, способную одним только звоном и громом слов убеждать любого. В эти минуты замполит совсем не был похож на пуливого лейтенанта, каким был в пути. На подчиненных смотрели глаза совершенно другого человека.

– Короче, «духи» не ушли! Оружие и трупы мы доставили. Машину сбросили! – лейтенант достоверными фразами изложил концовку разработанной версии.
– От себя лично объявляю всем благодарность за мужество и героизм при ведении боя с противником. Короче, все будут представлены к наградам! – он резко приложил руку к панаме, затем тут же опустил ее вниз.

По посветлевшим лицам офицер сразу понял, что в легенду о скоротечном бое на марше подчиненные поверили.

– Всё! По местам! – радостно скомандовал замполит.

Подняв клубы пыли, БРДМ проехала ворота КПП.

Вечером в присутствии старшего колонны лейтенант Жирик обо всем обстоятельно доложил в штабе дивизии. Он так правдоподобно описал все перипетии боя, что, выйдя из кабинета начальника штаба, он уже и сам ни на секунду не сомневался в своем героическом поступке. Как и предполагал замполит, в штабе приняли решение представить боевой экипаж к наградам. Доставленное оружие было весомым аргументом в пользу этого. Самого Жирика представили к ордену Боевого Красного знамени, а вскоре и к очередному званию. В тот год в штаб сороковой армии пришел циркуляр, в соответствии с которым офицера, прослужившего полгода в Афганистане, за особые заслуги можно было представлять к званию досрочно.

У лейтенанта Жирика теперь на то были все основания. Случайное сопровождение колонны помогло ему заработать такой боевой капитал, которого вполне могло хватить на всю оставшуюся военную службу. Так в Афганистане начиналась служебная карьера политработника ротного звена Александра Жирика.

Субтропики

К счастью, на кабульской пересылке лейтенант Пашин пробыл недолго. Уже на третьей сутки рано утром он сидел в одном из двух вертолетов. Быстро запустив двигатели, пара винтокрылых машин взяла курс на юго-восток – к границе с Пакистаном.

Когда «вертушка» забралась на предельную высоту, Федор вдруг впервые подумал о своем однокашнике по военному училищу: «Черт возьми, ведь Жирик тоже где-то здесь! Судя по поздравительной новогодней открытке, он в Афгане уже около года!» – мысленно рассуждал Пашин.

Несмотря на то, что расстались они, по меньшей мере, не друзьями, Федору захотелось непременно повидать своего однокашника. «Надо будет поспрашивать о Сашке на месте!» – решил про себя Федор. И в который раз за последние дни он вспомнил услышанную историю, приключившуюся с его однокашником в ташкентской военной гостинице. Она оказалась одновременно смешной и грустной. Неожиданно «вертушка» накренилась. Винтокрылая машина приступила к снижению. Оказалось, что летели совсем недолго. Не прошло и часа, как вертолеты благополучно приземлились в самом центре аэродромного прямоугольника. Раскаленный воздух афганских субтропиков негостеприимно принял в свои жгучие объятия людей. Один за другим осторожно спускаясь по маленькой металлической лестнице, они опасливо взирали по сторонам. Им открылась панорама благоухающей зелени садов и полей. Сверкающая белизна снежных вершин исполинских гор слепила глаза.

В ожидании попутной машины лейтенант Пашин и его спутники расположились на повороте дороги от аэродрома в тени деревьев возле прохладного ручья. Несмотря на утреннее время, было нестерпимо жарко. Хотелось раздеться, искупаться и выпить холодной воды. Ждать пришлось недолго. Вскоре на обочине дороги притормозил советский военный Газ-66. Старший походного автоклуба – худощавый усатый капитан, не спрашивая ни о чем, кивком головы пригласил людей на чемаданах занять места в машине.

«Газик» шел на большой скорости. Он стремительно обгонял тихоходные, полные людей или нагруженные до отказа афганские машины, ловко уворачивался от встречных автомобилей и бронетехники. Небольшой спуск, и автоклуб влетел в зеленый тоннель из деревьев.

– Соловьиная роща! – прокричал солдат-киномеханик. В оконный проем кунга походного автоклуба внезапно ворвалось дыхание свежей буйной растительности, голоса растревоженных птиц. – Еще год назад просто так не проехать было! И днем и ночью «духи» долбили. Сейчас – нормалек! Вот оттуда обычно стреляли! – солдат резко привстал с места и решительно показал в глубину рощи.

Быстро проскочив оживленный кишлак, расположенный вдоль растрескавшегося русла реки, автоклуб без остановки проехал раскрытые ворота КПП со-

ветской воинской части. Здесь, на окраине афганского города Джелалабада, и предстояло служить лейтенанту Пашину. В каких-нибудь сорока километрах от места дислокации гарнизона проходила граница Афганистана с Пакистаном. Однако она была начертана лишь на географических картах. В действительности никакой границы не было. А горные перевалы за годы войны превратились в коридоры для караванного потока «бойцов за веру» и оружия на территорию Афганистана.

После короткого представления в штабе уже знакомый Федору капитан проводил его в синий модуль возле офицерской столовой, где жили офицеры и прапорщики. По дороге к походным «апартаментам» познакомился. Оказалось, что Вадим – начальник клуба части. Пашину он сразу понравился. Веселый, он не умолкал ни на минуту. Пока шли, успевал на ходу обмениваться короткими приветственными фразами со встречными сослуживцами.

Пройдя по сквозному коридору в модуле, офицеры зашли в комнату, где стояло восемь солдатских железных кроватей.

– Вот твоё жилище! Пока батальон находится на боевом выходе, будешь жить по-царски – один! Как тебе здесь?

– Нормально!

– Не то слово, класс! Главное, кондер пашет! Когда я сюда приехал, они только у начальства были! Спаса от жары просто не было. Сейчас ништяк!

Вадим подошел к окну, в левой половине которого размеренно гудел кондиционер, умело вмонтированный между рамами. Капитан поставил ладонь к вентилятору агрегата. Его полностью раскрытые створки усиленно гнали прохладу.

– Всё как надо! Это для отражения солнечных лучей, – Вадим показал рукой на блестящую фольгу, которая была аккуратно проложена между двойными стеклами.

Федор пронес чемодан к столу. Осмотрелся. Над заправленными кроватями висели многочисленные цветные и черно-белые семейные фотографии, детские рисунки. «Наверное, все женатые, как и я», – решил про себя лейтенант. Но тут же невольно заулыбался, заметив над кроватью в углу у второго окна журнальные вырезки с длинноногими модницами и певицами популярных ансамблей. Озорной взгляд Федора перехватил начальник автоклуба:

– Здесь Ваня спит. Иван Коваленко – классный мужик! – прицелкнув языком, он выставил перед собой большой палец. – Так, мне пора! Давай устраивайся! Вот эта кровать свободная. Белье возьмешь у дневального. Его комната при входе. Вечером заходи! Приезд отметим! Я живу через дверь, – Вадим показал в ту сторону, откуда они вошли в модуль.

Начальник клуба, которому до замены оставалось не более полугода, в части слыл ревностным поборником афганских традиций. Вхождение в коллектив вновь прибывшего офицера здесь считалось событием обязательным. И дело было даже не в распитой вечером бутылке. Она была лишь предлогом собраться, поговорить по душам, дать волю воспоминаниям о доме при виде появившегося за столом новобранца, привезшего в словах, жестах, взгляде и припасах съестного живую, свежую частичку жизни из далекого и дорогого Союза.

Вечером собрались у Вадима, куда поселили и Пашина. Познакомились. Со своим ротным – капитаном Арбузовым Алексеем Дмитриевичем и его подчиненными офицерами лейтенант Пашин уже успел познакомиться, когда его представляли в штабе. Кроме них, в комнате был еще один постоялец – начальник склада ГСМ прапорщик Ахалая.

Пока те офицеры, что помоложе, суетились у стола, Федор охотно делился последними союзными новостями. Одного из жильцов – чернявого прапорщика – больше всего интересовала смерть генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова. Его портрет в самодельной рамке висел в комнате над кроватью в углу.

– Так что, его убылы или нэт? – Томаз Ахалая говорил с заметным акцентом.

– Не знаю! С чего вы такое взяли?

– Вах, вах! Понятно, что убылы. Порядок стал навадыть, вот его ы... – прапорщик сделал всем понятное движение ножом, которым только что открывал консервные банки.

Ему горячо поддакнул Вадим:

– Это точно! Я хорошо помню, как он бездельников гонял.

Им вяло возразил старший лейтенант возле электрической плиты:

– Тебе откуда знать, если в Афгане все это время находился?

– Х-м, что я – в отпуске не был? Помню, прошлой осенью сию с женой в кинотеатре. Заходят аккуратно подстриженные ребята и начинают проверять документы. Если в отпуске, как мы тогда с женой, – нет вопросов, отдыхай, а нет – пройдемте для выяснения всех обстоятельств!

– Разве это правильно? – без задней мысли возразил Федор.

Он совсем не предполагал, что его слова заденут за живое чернявого прапорщика.

– Паслюшай, дарагой! – он не на шутку разозлился. – Скажи, да! Лючше в бардакэ жыт? Да? Молядешь совсем пляхой стал! Лышь бы балдэть! Танцы, манцы, джинцы! Вот и весь смысл! Ми на Кавказе силу уважаим. Мой отец всегда гаварыл, что при Сталине настоящый парадык бил! Потому что он челавэк гор бил. Балшой человек! – Томаз поднял вверх сжатый кулак. – Люды работалы, дисциплин был. За лышний слов – получи! Пьянства совсем мала был!

– Ладно тебе, Томаз, завелся! Лейтенант Пашин, что ли, виноват в бардаке, – в разговор встрял Арбузов.

– Да все понятно. Обыдно! Жалко, говору, что Андропов мало пожил.

Бил бы сыйчас в Союзе парадык! Ти, летеха, приезжай в Тбилисы, гостем дарагым будышь! – прапорщик сделал извинительное лицо.

В комнате повисла пауза. Сразу стал слышен шум работающего кондиционера. Федор подсел к кровати, над которой был оборудован деревянный каркас, обтянутый тонкой марлей. Возникла новая тема для разговора.

– Это зачем? – поинтересовался новичок.

– Так мы от комаров и мух спасаемся. А то, только заснешь, мухи тут как тут. Грызут – спасу нет! А с таким шатром совсем другое дело, зашторил и спи себе спокойно! Особенно днем выручает. Здорово!

– Рационализаторская мысль! – вернул «старлей» со сковородкой в руках, на которой дымилась разогретая аппетитно пахнущая тушенка. – Ваня Коваленко

придумал. Он у нас мастер на все руки. Из молодых – самый толковый! – он за глаза похвалил сослуживца.

Наконец все сели за стол. Выпили. Закусили. Еще раз, уже молча, выпили за погибших. Поговорили по душам. Вновь прибывший лейтенант всем понравился. Подкупали его искренность, какая-то правильность и деловая рассудительность.

На удивление, Пашин заснул сразу. Видимо, дала о себе знать многодневная усталость. Впервые за последнее время ему ясно виделся сон. Снилось мама. Она сидела во дворе их старенького дома и гадала на картах. Возле ее ног дремала собака Герта. Федор осторожно закрыл калитку. Всегда осторожная, бдительная собака на этот раз не залаяла, не бросилась радостно навстречу молодому хозяину. Он прошел в глубь двора. Подсел к матери. Но она тоже, казалось, не замечала его. Тогда сын достал из сумки красивую, расшитую серебристыми нитками черную шаль, специально для нее купленную в подарок в Афганистане. Мать, ничего не говоря, встала, накинула ее на плечи. Неспешно пошла к дому. Федор побрел следом. За углом темная тень матери вдруг пропала. Сын испуганно покрутил головой по сторонам и замер. На него медленно из темноты выплыла скамейка, на которой сидели парень и девушка. Федор сразу узнал в юноше своего однокашника – Александра Жирика, а вот черты его подруги не угадывались. Пашин ринулся вперед, но скамейка быстро плыла назад. Перед глазами неожиданно вырос белый каменный забор.

Больно ударившись о стенку, Федор проснулся. Будильник показывал пять часов утра. Пора было вставать. Летом жизнь в афганских субтропиках начиналась необычайно рано. Из-за невыносимой дневной жары военный городок приходил в движение вместе с восходом солнца.

Федор быстренько побрился, умылся в летнем умывальнике, пропахшем хлоркой, и через полчаса уже сидел в столовой. При виде новенького сонливые официантки, молча разносившие тарелки в полупустом зале, мгновенно встрепенулись. Из-за стенки раздачи стали выглядывать сначала одна, потом другая поварихи в белых колпаках. Спустя несколько минут к симпатичному лейтенанту пружинистой, игривой походкой подошла худая шатенка лет тридцати. Загадочно улыбаясь, она ловко поставила перед ним тарелку с едой.

– Приятного аппетита, товарищ лейтенант!

Федор улыбнулся.

– Спасибо! А это что? – он кивнул головой в сторону желто-коричневого драже в металлической посуде.

– Витамины! Очень полезно в профилактических целях от болезней, по одной штучке, товарищ лейтенант! – вежливо, но с некоторой иронией ответила женщина и бодро направилась к соседнему столику.

Федор взял ложку. Повернул тарелку. Есть совсем не хотелось. После вчерашнего сытного ужина под водочку перловка в горло не лезла. Вместе с аппетитом неизвестно куда пропало и настроение. К тому же из головы никак не выходил этот дурацкий сон.

Лейтенант резко тряхнул головой. Машинально отодвинул в сторону кружку недопитого чая и встал из-за стола. Прохладную столовую покинул в несколько шагов. За дверями его встретило жаркое дыхание афганских субтропиков. Так начались повседневные будни Пашина на войне.

Кадровик

Афганская осень, давно пришедшая на север страны, здесь вступать в свои права не спешила. Солнце светило совсем по-летнему. В дневные часы воздух накалялся, как во время июльской или августовской жары, становился сухим и жгучим. Плотные слои плывущего над землей марева почти до самого захода солнца продолжали висеть в зеленых оазисах. Вот разве что только ночи с каждым разом становились все более продолжительными и прохладными. Они напоминали о том, что скоро лето должно закончиться. Явной приметой грядущей смены сезона оставался неутомный «афганец», который ближе к концу дня начинал безжалостно кружить и гонять плотные, сжатые слои горячего воздуха по лабиринтам горных дорог и ущелий, вокруг военного городка и близлежащих кишлаков.

Прослужив в Афганистане почти год, лейтенант Жирик с нетерпением ждал декабря – месяца, на который ему был запланирован отпуск. Поэтому в часы обеденного перерыва, разлегшись в постели, он каждый раз мысленно оказывался в Союзе. Первый кандидат среди политработников ротного звена на выдвижение, без пяти минут кавалер боевого ордена и афганской медали, он горел страстным желанием поскорее предстать во всем блеске перед родными, знакомыми и однокашниками.

Но с не меньшим ожиданием и трепетом Сашка представлял встречу с Сосновской, вернее, уже теперь с Натальей Пашиной. Время шло, а большие добрые глаза этой миловидной девушки почти не исчезали из его памяти. Ее единственная открытка в ответ на новогоднее поздравление Жирика была большим, чем живое напоминание о счастливом времени, проведенном вместе в городе, где прошла незабываемая курсантская юность. Беря в руки дорогое послание, он в который раз перечитывал и без того уже наизусть выученный текст. С обыкновенной почтовой открыткой Сашка неосознанно связывал свои самые желанные и заветные мечты на будущее. Здесь, на чужбине, получив за все время лишь одно письмо от спившегося одинокого отца из далекой сибирской глубинки, он все острее чувствовал потерю Наташи. Вдали от Родины Жирик стал понимать, что еще больше любит эту девушку. Поэтому в своих мыслях он рисовал самые неожиданные встречи с женой своего однокашника.

Вот и сейчас, едва закрыв глаза, Сашка очутился в городе своей недавней курсантской молодости. Там, где родился злополучный любовный треугольник, в котором он оказался третьим лишним. Дремотные мысли оборвал отрывистый стук в дверь. Сашка испуганно приподнялся в кровати. На пороге стоял посыльный из штаба:

– Лейтенанта Жирика – к командиру! – солдат обратился сразу ко всем обитателям комнаты.

Сашка насторожился. С командиром части, ему, замполиту роты, приходилось до сей поры сталкиваться не так часто, как хотелось бы. Дело в том, что, несмотря на боевые заслуги лейтенанта, требовательный, строгий полковник относился к Жирику с какой-то неприязнью, внешне едва уловимой.

На последнем офицерском построении, как показалось Сашке, тот вдруг ни с того ни с сего сделал ему замечание за разговоры в строю, хотя этим грешили и другие. Не без оснований полагая, что данный эпизод – не просто случайность, Жирик теперь старался держать ухо востро, избегать непредвиденных встреч с полковником.

Однако в штабе томившегося в ожидании неизвестности лейтенанта ждал приятный сюрприз. В кабинете командира, под большим портретом Ленина, на командирском месте чинно сидел молодежавый подполковник в новенькой экспериментальной полевой форме «афганка» с множеством карманов на куртке и штанах.

Сашка удивленно вскинул брови. Сомневаться не приходилось. В старшем офицере Жирик сразу узнал своего первого командира и наставника в армии.

– Товарищ подполковник! Лейтенант... – Жирик не успел закончить свое бодрое, радостное приветствие старшего начальника, как подполковник Кончаков, не вставая с места, жестом остановил своего бывшего солдата, который сейчас в нетерпении гарцевал в строевой стойке.

– Вольно, вольно! Еще вольней! – он изрек до боли знакомый для Сашки армейский афоризм.

Так говорил только один человек – бывший «комсомолец» Гвардейской Таманской дивизии, старший лейтенант Кончаков Борис Яковлевич. Подобострастно изогнувшись, Жирик крепко пожал расслабленную, кажется, всегда слегка потную руку, небрежно выброшенную вперед.

– Ну, садись, садись! Каков орел стал! – подполковник продолжал себя вести подчеркнуто важно. – Я вот тут к вам с проверкой из Кабула! – сильно нажав на «я», Кончаков многозначительно потер руки. – Значит, смотрю списки офицеров части. Ба, знакомая фамилия! Иди сюда, говорю замполиту. Тот это или не тот Жирик? Выясняю – тот! – подполковник бросил короткий взгляд на подполковника Андронникова, который сидел поблизости от кабульского гостя почти на самом краю стула.

Постное лицо Михаила Степановича моментально растеклось в улыбке умиления и безграничного почтения к старшему начальнику.

– Ну что ж, рад! Искренне рад тебя видеть, дружище! – по этой фразе Сашка узнал беззаботного, шустрого старлея, каким тот был тогда, когда Жирик только начинал познавать азы армейской службы.

– Давно здесь?

– Скоро год! На Новый год обещали отпустить в отпуск!

– Понятно! Еще что? Хотя по службе я наслышан! Всё в порядке! Молодец, далеко пойдешь, если что?...

– Если милиция не остановит! – Жирик на одном дыхании выпалил известную присказку.

– Нет, мой друг! Милиция нам не страшна, а вот пули-дуры берегись! Поэтому далеко пойдешь, если будешь головой думать! Понял?

– Так точно!

Тут в разговор встрял замполит полка:

– Ему это не грозит! Он парень сообразительный! В бою без единой потери столько оружия взял, что не каждый командир разведроты за два года сумеет добыть! Не зря мы его и к ордену представили, и на очередное звание досрочно послали! Есть даже соображения в кандидаты на Героя Союза зачислить!

В завершение своего короткого монолога Михаил Степанович с легким металлом в голосе изрек мысль, только что внезапно пришедшую ему в голову. Она, по его соображению, могла помочь установлению более тесного контакта с председателем проверочной комиссии, который второй день отказывался принять приглашение «отметить приезд» кабульских гостей.

– Мой воспитанник, чего ты хочешь?

– Чувствуется, Борис Яковлевич, ваша школа!

– Ладно-ладно! Ты мне здесь дифирамбы не пой! А на счет Героя – это предложение интересное! На досуге помаракуем!

– Как скажете, товарищ подполковник!

– Скажу, что такие кадры нам и в Кабуле нужны!

– Борис Яковлевич, помилуйте! Мы здесь из него «комсомольца», помощника по комсомольской работе части вырастим, а по зиме – на замполита батальона аттестуем, майорская должность! – замполит, ровесник по возрасту, равный в звании подполковнику из штаба армии, обращался к нему только на «вы».

– Одно другому не мешает! Впрочем, об этом мы без лейтенанта еще поговорим! – Кончаков, сдвинув брови к переносице, строго взглянул на Жирика.

В эту минуту Сашка чувствовал себя именинником. Его всего прямо-таки распирало, душа беззвучно повизгивала от хвалебной речи старшего политработника полка. Но он, потупив взор, сидел молча, боясь шевельнуться и прервать своего прямого начальника.

– Борис Яковлевич, как я понял, вы вместе служили в одной дивизии?

– Да. Сашок у меня был правой рукой!

– Стало быть, мы все трое – однополчане! Я ведь тоже начинал в этой дивизии.

– Ах, да! Ты что-то говорил по этому поводу!

Кончаков недовольно поморщился. Он, конечно, не забыл, как вчера вечером услужливый замполит части битый час убеждал его в том, что они в одно время служили в придворной дивизии под Москвой. Борис Яковлевич, так и не вспомнив взводного из комендантской роты, где начинал службу Андронников, сейчас не стал возражать против наличия еще одного бывшего сослуживца.

– Да что и говорить! Мир тесен, кругом свои люди! Без этого, Сашок, в жизни нельзя!

Подполковник из Кабула поднялся со стула. Ему уже больше не нравилось, что так много внимания уделяют не его персоне. Борис Яковлевич Кончаков всегда и везде привык быть в центре внимания. Первым это сообразил замполит полка, сразу вставший со своего места.

– Борис Яковлевич, так как у вас сложилась судьба в дальнейшем?

Кадровик, заложив руки за спину, продолжал стоять вполоборота у окна. Он с интересом смотрел в сторону военного магазина, возле которого уже выстроилась длинная очередь. Полковой дуккан, открывался сразу после обеденного перерыва, ровно в четыре часа дня.

После небольшой паузы подполковник, вернувшись на командирское место, жестом усадил Жирика и замполита части.

– Садитесь, садитесь! Чего встали? Сидите! Как у меня дела? Да всё своим чередом! В Германии получил батальон, затем – академия. По окончании перешел

работать в кадровые органы. Кадры, как говорится, решают всё! Верно, Сашок? – Кончаков самодовольно подмигнул лейтенанту.

– Так точно! – снова вскочил с места младший по званию.

– Да сиди ты! Чего вскакиваешь каждый раз?!

– Так учили, товарищ подполковник, со старшими по званию разговаривать стоя!

– Молодец! Ценю! Военный этикет усвоил хорошо! И впрямь – далеко пойдешь!

– Рад стараться!

Сашка не удержался, чтобы не выдать свою обычную невинную издевку над старшими офицерами полка. Однажды он уже схлопотал серьезное вразумление от начальника штаба за подобный неуставной ответ. Но урок, видимо, впрямь не пошел. Вот и сейчас Кончаков

как-то странно взглянул на своего бывшего воспитанника.

– Ладно, поговорили! Еще увидимся.

Представитель вышестоящего штаба говорил подчеркнуто сухо. От неожиданной перемены тона Сашка опешил. Его худое лицо еще больше вытянулось.

Вершитель человеческих судеб из Кабула, видимо, был большим специалистом в области военной психологии. Ему не составило большого труда определить, что лейтенант уже осознал свой досадный промах, который допустил в присутствии хотя и старого знакомого, но, по афганским меркам, большого армейского начальника. Кончаков нехотя встал из-за стола, небрежной улыбкой давая понять, что он не в обиде.

– Всё понял? Давай служи! Иди! В субботу Михаил Степанович грозился баньку организовать, так думаю, он и тебя захватит с собой! Там обо всем поговорим! Верно говорю, Стаканыч, извини, Степаныч? – не то пошутил, не то оговорился старший начальник.

Однако его оговорка рассмешила только Жирика, который невольно прыснул от смеха. Между тем, сам Степанович никак не среагировал на оговорку.

– Какой разговор! Нет проблем! – несказанно обрадовался замполит тому, что кабульское начальство наконец-то дало добро на «неформальную встречу».

Светясь от счастья, лейтенант Жирик выскочил из дверей штаба. Неожиданная встреча в Афгане со своим первым наставником в армии сулила новые радужные перспективы.

Как и обещал кадровик из Кабула, Александр Жирик оказался в числе приглашенных на скромный ужин в полковую баню. Лейтенант не шел, а летел туда, словно это было приглашение, по меньшей мере, на торжества в Кремль по случаю приема выпускников военных училищ и академий.

Бань в гарнизоне было несколько, но эта, находившаяся в глубине военного городка, вдали от посторонних глаз, считалась особенной. Она исправно служила полковому начальству в их служебной суете по организации неформальных встреч с представителями многочисленных проверочных комиссий и высокопоставленных гостей из Кабула, Ташкента и Москвы.

О «зоне отдыха», спрятанной под навесом желто-зеленых маскировочных сетей, Александр Жирик знал, десятки раз проходил и проезжал мимо, но бывать там ему, замполиту роты, еще не доводилось. Секунду-другую помявшись возле входа, Сашка осторожно проник внутрь тенистого дворика. Здесь было прохладно

и уютно. Площадка под сетями, обильно политая водой, пахла влажной землей. Совсем по-домашнему журчал фонтанчик. Вдоль асфальтированной дорожки зеленела травка, росли молоденькие деревца. В глубине, возле небольшой беседки, Жирик заметил солдата-истопника, который сосредоточенно колот дрова.

– Подполковник Андронников пришел? – офицер подошел вплотную к беседке.

– Нет еще!

– Что, вообще никого нет?

– Пропагандист стол накрывает! – распрявился истопник.

Жирик резко повернулся и направился к бане. Снаружи она была отделана крупным бульжником и деревом. Сашка открыл дверь.

– Ну наконец-то! – его приход громким возгласом встретил пропагандист полка. – Времени совсем нет! Бери нож и режь хлеб!

– Во сколько начало? – робко спросил лейтенант.

– Скоро буду! Тебе что, никто не сказал, чтобы помог?

– Никак нет.

– Ну Михаил Степанович, работничек! – недовольно ворчал майор.

Взяв в руки нож, Сашка осмотрелся. По афганским меркам баня была сделана с размахом. Огромный предбанник с самодельным шкафом, большим столом и лавочками. Через открытую дверь Жирик увидел бассейн, душевую и парилку. Перегородки и внутренние стены были профессионально отделаны досками от раскученных снарядных ящиков, виртуозно обожжены паяльной лампой.

В просторном предбаннике сразу обращала на себя внимание большая картина на стене возле телевизора: стройные березки на крутом берегу сверкающей внизу реки, зеленая полянка в желтых одуванчиках. Незамысловатый пейзаж русской природы здесь, вдали от родного дома, поневоле навевал дорогие, сокровенные воспоминания, всякий раз заставлял колотиться сердце.

Через полчаса, когда стол уже был накрыт, предбанник наполнился шумом. Собравшиеся офицеры даже в бане, сами того не желая, соблюдали субординацию. В небольшой пышущей жаром парилке кадровик с командиром и замполитом сидели на верхней лавке под самым слегка закопченным потолком, на котором ярко горел огромный для такого помещения плафон. Пропагандист полка, секретарь партийного комитета части и Сашка пристроились внизу по краям, готовые в любую секунду вскочить со своих мест. Их счастливые услужливые взоры были устремлены вверх. Еще один из числа кабульских проверяющих вместе с начальником штаба готовился зайти в парилку во вторую очередь. В нетерпении начальник штаба то и дело проверял, насколько хорошо размокли эвкалиптовые веники, специально заказанные для такого случая из афганских субтропиков.

В парилке Жирик был наверху блаженства только от одного понимания того, что он – замполит роты – парится вместе с самим начальством. «Завтра комбату скажу, пусть знает». Сашка смахивал мокрыми руками пот, градом катящийся по лицу. Он на мгновение представил, как завтра утром объяснит комбату причину своего опоздания на служебное совещание: «Извините, вчера немножечко засиделся в бане с командиром и проверяющим!» Жирик ясно увидел, как сначала округлятся глаза майора, как присутствующие на совещании, кто с нескрываемой завистью, кто с уважением, посмотрят на замполита роты.

Сашка зажмурился от удовольствия. Хотел мысленно нарисовать новую сцену своего очередного утверждения, но неожиданно почувствовал себя нехорошо. Офицеры, зашедшие на первый ковш, явно пересидели. Это было написано на лицах у всех, за исключением кабульского визитера, да и, пожалуй, командира, человека сибирской закалки, привычного ко всему. Поскорее окунуться с головой в холодную воду бассейна хотелось не только лейтенанту, но первым выходить из парилки никто не решался. Сделать это не позволяла все та же, неуместная сейчас, субординация. Все ждали, когда, наконец, поднимутся командир и Кончаков.

К радости многих, наверху вскоре задвигались и направились к выходу. За ними, прижимаясь друг к другу почти вплотную, чтобы поскорее вырваться из адского пекла, потянулись и остальные. Слегка подпрыгнув, кабульский гость плашмя плюхнулся в бассейн. Разорванная гладь воды плеснула через край.

Парилка и купание были важными и обязательными компонентами приема гостей, но далеко не самыми главными. Уставшие от многочисленных заходов в парилку и звонкоголосого барахтанья в бассейне любителя бани из Кабула офицеры в нетерпении ждали завершающей части программы.

Вскоре розовые, сразу помолодевшие, они в полном составе разместились за накрытым столом. Легкий теплый сквознячок из раскрытых двери и окна ласково обнимал разогретые тела, завернутые в проштампованные армейские простыни.

Хозяева постарались. Стол ломился от яств. А за банными постройками шипела на сковородке картошка. Там же банщик, казах по национальности, уже завершал приготовление плова.

Пристроившийся на самом краю длинной скамейки Жирик с жадностью перебежал голодными глазами по заставленному тарелками столу. После никудышного сегодняшнего обеда в офицерской столовой, где он с большим трудом осилил тарелку борща, сваренного из рыбных консервов, а к месиву из перловки с жирным куском свинины даже не притронулся, начинавшийся ужин казался ему сказочным.

Все выжидали, нетерпеливо поглядывая в сторону Кончакова. Наконец кадровик сел за стол. Его место было предусмотрительно выделено: нож, ложка и вилка, фужер вместо граненого стакана, как у всех, не банка, а большая, с красивой этикеткой бутылка «ноль семь» чешского пива говорили о том, что здесь будет сидеть не простой смертный.

Все было готово. Стройные ряды «Столичной» томились под длинной лавкой, на которой нетерпеливо вертелся замполит полка. Но Кончаков медлил. Ему – тертому калачу – больше было по душе, когда такого рода застолья начинаются сами по себе. Слово прочитав мысли кабульского гостя, бразды правления взял в свои руки подполковник Андронников:

– Единственная радость – банька да посидеть за столом!

Народ одобрительно загудел.

Андронников выхватил из-под стола бутылку. Когда стаканы уже были налиты, Кончаков неожиданно нахмурился:

– Это лишнее!

Опытный штабник решил подождать традиционного объяснения, чтобы после него санкционировать начало застолья. Затаив дыхание, Сашка ловил премудрости армейского гостеприимства.

Во внезапно возникшем неловком положении вновь первым нашелся Михаил Степанович:

– Уважаемый Борис Яковлевич, это же чисто символически! За приезд! Опять же, после баньки для аппетита! И потом, у нас в гостях не просто проверяющий, а человек, с которым я в одной дивизии службу начинал!

Об этом факте из своей биографии замполит снова заговорил не столько для того, чтобы найти достойный предлог для произнесения тоста, сколько чтобы дать понять присутствующим однополчанам, что он на короткой ноге с кадровиком из Кабула.

– Нет, вот умеешь ты, Стаканыч, за живое взять! Ведь знаешь, что не пью, с проверкой у вас, а не нет, нашел-таки повод!

Кончаков все больше смирялся с тем, что находится в гостях у своего бывшего сослуживца. Сидевшие за столом офицеры полка, довольные тем, что до того, чтобы хорошенько выпить и поесть, осталось совсем чуть-чуть, дружно рассмеялись.

Засмеялся и командир части, но того больше смешала вся эта нелепая возня вокруг кабульского гостя, непонятная чертовщина вокруг обыкновенной бутылки на столе.

– Борис Яковлевич, никуда нам от этого не уйти. Видно мы – русские – без бутылки никуда! И здесь запрещай не запрещай, бесполезно!

– Хорошо, но только если самую малость! А то я вас знаю! Потом скажете: отчет составь, какой надо! Оцени, понимаешь, как следует! Не ожидайте! Дружба дружбой, а служба службой! Яволь?

– Да как вы могли подумать? – замполит полка продолжал обращаться к бывшему сослуживцу на «вы».

Кончаков жестом остановил Андронникова:

– Хорошо! – поднял свой фужер. – За встречу, товарищи! За ваши успехи!

Устав выслушивать объяснения, все разом, вслед за Кончаковым, подняли и опустошили стаканы.

После выпитой холодной водочки сразу почувствовалось, как по телу стала разливаться приятная тяжесть. Сашка невольно расслабился, увереннее придвинул к себе тарелку.

В эту минуту Кончаков не видел и не слышал неизбранного тамаду. Он, любивший хорошенько поесть, орудовал сейчас вилкой, как знатный стахановец во время установления очередного рекорда. Попробовать хотелось всего, но уже вскоре стало ясно, что это будет сделать непросто.

Раньше, в лейтенантские годы, Борис Яковлевич съедал впрок сколько угодно. Но теперь настали другие времена. Пухленький, рыхлый животик вмиг налился как здоровенный арбуз, подобно тому, что лежал на столе, до которого еще не дошла очередь. Отложив вилку в сторону, кабульский гость оторвался от еды. Это как раз и было нужно Михаилу Степановичу, уже высматривающему момент, когда будет удобнее освежить посуду кадровика.

– Борис Яковлевич, позвольте хозяевам маленький тост?

– Ты же говорил, что только по одной выпьем?! – сказав только для должного приличия, Кончаков еще ближе придвинул к себе до краев наполненный фужер.

– Борис Яковлевич, три тоста обязательны: за встречу, за вас и традиционный! От этого никуда не уйти!

В знак одобрения короткому объяснению замполита сидевшие довольно заулыбались.

Так как разрыв между первым и вторым стаканом был недопустимо большой, сразу последовал третий тост, потом четвертый... Застолье было в разгаре. Выпили за «сорокоградусную» армию, за «ограниченный во всем» контингент советских войск в Афганистане и еще пили за то, чтобы выжить, чтобы встретиться с семьями, за родных и близких.

Когда стрелка на часах приблизилась к десяти, никто уже точно не знал, сколько было выпито. Теперь наступило время достойно завершить банное застолье. После очередного пышного тоста в честь дорогих гостей замполит полка достал из шкафа «скромный подарок» от офицеров части – японский двухкассетник.

– Вот, еще и взятку даете! – захмелевший кадровик вроде бы как-то сурово глядел на присутствующих. – Не понимаю я таких вещей!

Он внимательно стал рассматривать серебристого цвета «Шарп», который предусмотрительно вынули из коробки, чтобы у того, кому он предназначался, не было ни малейшего сомнения в исключительной ценности подарка.

– Что вы, что вы! Борис Яковлевич, дорогой, как вам в голову такое могло прийти?! Это не моя инициатива, коллектив решил вам преподнести сувенир на память о посещении части!

Михаил Степанович по-заговорщицки посмотрел на представителей коллектива, проявившего инициативу. Пропагандист и начальник штаба тут же попытались утвердительно кивнуть пушистыми после бани головами.

Дав понять кабульскому гостю, что офицеры в части – народ гостеприимный, замполит и про свою особую роль в этом деле не забыл.

– И потом, слух до меня дошел, что у вас день рождения не за горами...

Михаил Степанович был уверен, что, в принципе, именины у любого человека не за горами. По крайней мере, каждый год – обязательно. К такому приему он прибегал довольно часто, когда нужно было вручить подарочек очередному визитеру, а должного повода не находилось...

– Ну что с вами сделаешь! Ничего от вас скрыть невозможно!

Кончаков решил все-таки взять подарок. При этом он мысленно сравнил сегодняшний двухкассетник с такой же аудиосистемой, подаренной ему месяц назад в день рождения. «В крайнем случае, тоже кому-нибудь из руководства или «москвичей» подарю, а то и с Ольгой расплачусь, наконец!» – он вспомнил о своей любовнице в Кабуле, которая работала машинисткой в штабе.

Довольный подарком, Кончаков еще какое-то время крутил в руках объемистую дорогостоящую систему, листал инструкцию по пользованию на нескольких языках, пока его вновь не привлекла беседа за столом.

Изрядно выпившие офицеры говорили о женщинах.

– Так, так, интересно! – кабульского гостя вдруг перестал интересоваться подарком. Когда разговор заходил о женщинах, он забывал о многом. Частенько о своей жене, совсем некрасивой, к тому же немолодой, старше него почти на десять лет.

Женившись на ней еще в молодые курсантские годы, он теперь все чаще жалел об этом. Кончаков уже вышел на «финишную прямую» своей военной карьеры. Поэтому дочь бывшего московского генерала, скорее мешала, чем могла помочь

перспективному подполковнику, и без нее знавшему, что ему нужно в жизни. Но и развестись с ней просто так он не мог. Зная подлый и властный характер своей лучшей половины, Борис Яковлевич хорошо представлял, что его могло ожидать в случае развода. Генеральская дочь с молоком на губах усвоила, как можно умерить пыл коммуниста Кончакова, душой и телом стремившегося в генералы.

Кроме того, практичного подполковника сдерживало и еще одно, совсем немаловажное, обстоятельство. В случае развода ему бы никогда не видать черной «Волги» престижной двадцать четвертой модели, четырехкомнатной квартиры на Смоленской площади в Москве и прекрасной дачи, в которой доживали свой век родители немолодой супруги. А еще была тринадцатилетняя дочь, которая любила и ждала отца, без которой не представлял жизни и сам Кончаков. Поэтому дурные мысли о разводе Борис Яковлевич гнал от себя всякий раз, как только очередная привлекательная молодуха заговаривала с ним о женитьбе. Именно такая женщина у него сейчас была в Кабуле. Серьезные многозначительные предложения красивой девушке кадровик делал всякий раз, когда еще только предстояло лечь с ней в постель.

– Так как у вас с женским полом? – Кончаков выгнул спину колесом и высоко поднял голову, демонстрируя всем своим видом, что он в этом деле знает толк. По петушиной стойке и еще сильнее заблестевшим глазам Жирик окончательно признал в сидящем напротив кадровике своего прежнего шефа по солдатской службе. В части, где Кончаков был секретарем комитета комсомола полка, Жирик помогал ему писать протоколы собраний и вести учет комсомольцев.

«Во многом благодаря нему я тогда поступил в военное училище», – невольно пронеслось в сознании лейтенанта. При этой мысли он вновь расплылся в слащавой улыбке.

Между тем деликатный вопрос, только что заданный Кончаковым, несколько озадачил сидящих офицеров. Никто из женатых мужчин не решался первым приоткрыть занавес над тайнами интимной жизни мотострелковой части.

– Вопрос, конечно, интересный!

Михаил Степанович Андронников, бодрее других державшийся на «сабантуе», собрался дать справку всем присутствующим:

– Надо сказать, что с женщинами у нас негусто! Раз-два и обчелся. Да и те разобраны! Это в Кабуле раздолье, а сюда ихнюю сестру дубленкой не заманишь!

– Ой, темните вы все! Знаю я вас! Наверное, у каждого по афганской жене! Я почти неделю у вас, столько краль по городу расхаживает! Так что нечего прибедняться.

Кончаков обвел хитроватым взглядом всех сидящих. Однако Михаил Степанович решил отвести все намеки:

– Разговоров вокруг этого много, но больше сплетен! У нас так: холостяки, разведенные офицеры, чего им не иметь, так сказать, фронтовых подруг! Остальные люди семейные, уважаемые, партийные. Хотя, конечно, всякое бывает! Мужики все-таки! – помялся Андронников.

Незаметно за разговорами прошел еще час. Пора было расходиться. Первым веселую компанию оставил Кончаков. Проводить себя попросил лейтенанта, который только и ждал того, чтобы остаться наедине с кабульским гостем. «Другой возможности определиться с Кабулом может и не быть!» – решил про себя Сашка.

Во тьме афганской ночи Жирик вел изрядно выпившего шефа, словно опытный лоцман во время шторма боевой корабль.

– Как вы тут в темноте ходите? Ничего не видно! Хотя бы освещение сделали!

Тащась сзади, кадровик грязно ругался. Между тем в своих руках беспрестанно спотыкающийся подполковник крепко удерживал подарок от офицеров части. Его он не рискнул доверить даже услужливому проводнику.

– Мы привыкли! К тому же, чтобы городок не демаскировать! Там ближе к модулям столбы с фонарями есть!

Кончаков насторожился:

– Что, постреливают? – он опасливо взглянул в сторону очертаний черных вершин, которые с трудом просматривались на ночном горизонте.

– Не без этого, всякое бывает!

В готовности помочь старшему по званию преодолеть небольшую канаву, Сашка повернулся назад. Протянул руку. Помог переступить яму.

– Ну, наконец-то! – обрадованно пропел подполковник, когда они вышли на освещенную асфальтированную дорогу, которая вела к жилым модулям.

– Может, лучше было бы на машине подъехать? – осторожно заметил Жирик.

– Все нормально! Мне поговорить с тобой надо было! – Борис Яковлевич взял Сашку под руку. – Послушай, Сашок-напосошок! – заговорил он вкрадчиво. – Пока мы одни с тобой... – протрезвев на воздухе, кабулец с особой тщательностью подбирал слова. Огромная коробка с магнитофоном с трудом удерживалась под левой рукой.

В готовности достать хоть звезду с неба, Жирик по-собачьи преданно заглядывал в глаза будущему генералу.

– Так вот, Саша! Что, если сегодня мы женщину найдем ответственному, но еще совсем не старому подполковнику?! В Кабуле у меня есть вот такая баба! – на руке с магнитофоном кадровик попытался оттопырить большой указательный палец. – Приедешь, и тебе найдем! Но это там, а здесь тоже было бы неплохо праздник души организовать! Яволь?

Кончаков говорил вполне понятными намеками. Жирик начал бешено соображать, как помочь кабульскому гостю справиться возникшую нужду.

– Чего молчишь?

– Надо бы подумать, товарищ подполковник!

– Что ты заладил? – кадровику явно не нравилась нерешительность замполита роты. Он убрал свою руку с плеча лейтенанта. – Во-первых, для тебя я не подполковник, а Борис Яковлевич! В Кабул забираю под крыло, а ты заладил! Во-вторых, «помаракуй», «помаракуй», мин херц! – он многозначительно подмигнул лейтенанту глазом.

«Мараковать» действительно было о чем. Жирику уж очень хотелось очутиться в Кабуле под крылом могущественного шефа. Сашка быстро мысленно просчитал все возможные кандидатуры женщин в военном городке. Но ни одну из них, кроме Галки – своей полевой любовницы, для этих целей он предложить не мог.

– Ладно, ты думай! Я буду у себя. Но никаких лишних разговоров. Понял? – Кончаков не сразу узнал прямоугольный модуль с горящими окнами по сторонам.

Глава 9

Засада

На свой первый по-настоящему боевой выход, который на войне принято считать крещением, лейтенант Пашин отправился лишь в ноябре. Нельзя сказать, что почти за три месяца службы в Афгане Федор так и не ощутил горького привкуса «необъявленной войны», однако в засаду замполит десантно-штурмовой роты шел только сегодня.

Подразделение готовилось уйти в ночь. Перед выходом еще раз внимательно проверялась экипировка. Все старались брать только самое необходимое. Под завязку набивались спаренные длинные, сорокопятипатронные рожки к автоматам, плотно перевязанные синей или черной изоляционной лентой. В многочисленных карманах экипировочной амуниции были заботливо спрятаны ребристые яйцеобразные гранаты.

Из картонных коробок вынимался небогатый сухпай. С собой брали только мясные консервы, сахар, чай и сухари. Банки с кашей оставляли дома. Ребята хорошо знали, что в горах каждый лишний грамм покажется увесистым килограммом. Исключение делалось лишь для патронов, цена каждому из которых в бою могла равняться жизни. Ими заполняли вещмешки, забивали подсумки и внутренние карманы. Бывалые «афганцы» из числа суверенных людей еще один – последний – вешали на шею.

К 22.00 рота была готова. Короткий сон и тихий подъем. В ночной тишине мирно спящих субтропиков бронегруппа осторожно выскользнула через тоннель за пределы джелалабадской долины. Пройдя километров десять, колонна остановилась. Здесь, в мрачном лабиринте горной расщелины, оставаясь незамеченной, группа оставила броню. Длинной цепочкой осторожно направилась в сторону величественных горных вершин, зловеще выделяющихся на фоне неба, освещенного светом белого месяца.

Во избежание группового подрыва шли цепочкой след в след на расстоянии шага друг от друга. Лейтенант Пашин шел в середине. Как он ни старался не думать о предстоящей засаде, ничего из этого не получалось. Чуткое ухо моментально ловило любой посторонний шум, напрягшиеся руки еще сильнее сжимали автомат. Во власти всеобщего напряжения тела почти не ощущалась тяжесть ноши. Ноги уверенно переступали между неровными камнями. Идти было еще легко. Федор был обут в удобные чешские кроссовки, а не в тяжелые уставные бахилы, в которых приходилось ходить в части. До рассвета рота благополучно достигла цели. Горное селение в предгорье оказалось заброшенным. Большая часть построек была разрушена полностью, развалины и остатки других напоминали о том, что здесь некогда стоял большой кишлак.

Его судьбу, вероятно, афганская война решила еще в первые годы. Причина была ясна. Мимо заросших травой развалин проходили вековые, удобные караванные тропы. Они выходили прямо к «зеленке», которая лежала внизу в пойме широкой реки.

Боевая задача роты была предельно ясна. Местные банды не должны были получить очередную партию оружия и боеприпасов. От успешного проведения засады в немалой степени зависели мир и спокойствие в обширном предгорном районе восточной провинции, безопасность движения советских колонн на горном маршруте Кабул – Джелалабад.

Выставив наблюдение, рота разместилась. Приход каравана ожидался следующей ночью, поэтому первый день проходил относительно спокойно. Одни бойцы по очереди несли службу. Другие, укрывшись в тени глинобитных развалин, дремали, вполголоса переговаривались, жевали галеты и опустошали оставленные в сухпайке маленькие консервные банки.

Неуютнее всех чувствовали себя курильщики. Да так, что на них смотреть было грустно. Особенно хотелось курить после еды, когда силу привычки, казалось, не сдержат. Но ротный был непреклонен даже днем. Слишком велика могла быть цена за обнаружение засады. Сам лейтенант Пашин не курил, но к мучениям сослуживцев относился с должным сочувствием и пониманием. Переходя от одной группки людей к другой, он, как мог, подбадривал сослуживцев.

Сейчас он, наконец, выбрался к ребятам на сопке, которые вели наблюдение и одновременно прикрывали засаду от внезапного нападения со стороны гор. Не разгибаясь, Федор осторожно присел возле здоровенного камня с большими плешинами в виде наростов густого зеленого моха.

– Как дела, мужики?

– Нормально, только курить тянет! – ответил Василий Нефедов, который остался за старшего на сопке.

– Нет худа без добра, так у нас, кажется, говорят! – лейтенант окинул внимательным взглядом обветренные лица еще двух солдат. – Хотя бы курить бросите. Домой вернетесь здоровыми и красивыми. Девчонки с ума сойдут!

Караван прождали еще двое суток. Командирская рация, все время работавшая на прием, продолжала подозрительно молчать. На исходе были запасы продуктов. В воскресенье под вечер командир роты капитан Арбузов принял решение возвращаться.

Утром в назначенном месте роту должна была ждать бронегруппа. Вторая десантно-штурмовая рота готовилась совершить марш-бросок обратно. Оставалось только разблокировать засаду – снять наблюдение, охранение и убрать следы боевых позиций. Несмотря на усталость и бессонные ночи, у людей было приподнятое настроение. Дома – в части – их ждали сослуживцы, баня, горячая пища, спокойный сон, кровати с матрацами, подушками и постельным бельем.

Придирчиво осмотрев экипировку подчиненных, командир роты отозвал в сторону командира второго взвода:

– Коваленко, снимай наблюдение и блоки! Ровно в два часа начнем движение. Вопросы? – командир всегда был подчеркнuto строг.

– Нет!

– Тогда действуй!

Однако лейтенант не смог выполнить поставленную задачу – снять умело расставленную западню для каравана. От командирской радиостанции, прижимаясь к земле, к ним спешил лейтенант Пашин.

– Товарищ старший лейтенант, караван! – замполит был не в силах отдышаться от бега и волнения.

Ротному на размышление понадобились считанные секунды.

– Внимание! Все по своим местам! Коваленко, у тебя главный участок. Я – на КПП! Пашин, бери санинструктора и во второй взвод! – уверенно командовал старший лейтенант.

Без лишней суеты, молча, бойцы бросились занимать оборудованные позиции. Тем временем караван приближался. Его голова из десятка вооруженных людей уже вышла из ущелья и поравнялась с развалинами заброшенного кишлака. Следом медленно тянулась вереница тяжело груженных животных. Горные верблюды, маленькие, но выносливые лошади и ослики везли на себе огромные тюки, ящики и коробки.

До спасительной «зеленки» всего несколько километров, в караване царил уверенность в успехе. Особой бдительности не было даже в охранении. Люди, шедшие впереди, переговаривались. Отрывки непонятной речи доносились до развалин. Напряжение достигло предела, когда голова каравана втянулась в раскрытый мешок засады. Вторая рота замерла. Она ждала сигнала к бою.

Взвод Ивана Коваленко был последней преградой на пути выхода «духов» вниз к «зеленке». На взволнованных, напряженных лицах молодых парней проступила испарина. Бешено стучало в висках. Желание во что бы то ни стало уничтожить врага, заснуть и открыть глаза только тогда, когда все будет кончено в предстоящей ночной схватке, страх и ярость одновременно переполняли разум и сердце.

Еще минуту назад бесконечно медленно тянувшееся время сразу бросилось вскачь, как только с сопки по хвосту каравана ударили ротные пулеметы и автоматы. Стало ясно, что мешок засады затянулся. В горящем предгорье темно-серые краски в одно мгновение смешались с красно-белыми. Пробил тот час, когда не было страшно только пулям.

Как только первая длинная очередь пулемета гулко раскатилась по горным вершинам, Василий Нефедов весь преобразился. Глаза его бешено горели. По каменной маске напрягшегося лица градом катился пот. Застигнутые врасплох «духи» один за другим валились с ног, не успевая даже изготовиться к стрельбе. Верблюды, приученные войной, послушно опускались на землю. Только бестолковые ослики, напуганные громом боя, суматошно носились вокруг гибнущих людей и животных, пополняя их ряды окровавленными трупами.

Замешательство в стане душманов продолжалось недолго. Через некоторое время с десятков человек, все-таки успев укрыться за мертвыми и живыми животными, острыми выступами горных пород, открыли ответный огонь.

Но было уже поздно. Западня сработала на все сто. Бой был скоротечным. Стреляющих «духов» в упор метким огнем расстреливали советские снайперы.

Лейтенант Пашин, переведя автомат на режим одиночной стрельбы, бил наверх, выхватывая из укрытия пульей одного душмана за другим. Его меткому огню вторил пулемет сержанта. Но вдруг Нефедов резко вскрикнул.

Федор обернулся на крик. Василий был ранен. Шальная пуля, лишь задев, разорвала ему правую щеку. Темно-красные струйки текли по лицу, капали на руки и одежду. Раскаленный ствол пулемета зашипел от человеческой крови. К сер-

жанту подсел санинструктор. Рана оказалась опасной. Окровавленные зубы Нефедова торчали наружу.

Через полчаса все было кончено. «Духи» больше не сопротивлялись. Те, что остались в живых, сидели с поднятыми руками, лежали ничком на земле. В стороне валялось их брошенное оружие.

Быстро вызвав по радиации «вертушки», чтобы забрать оружие и другие трофеи, капитан Арбузов торопился. Уже светало. Нужно было уходить. На стрельбу, как волки на добычу, могли сбжаться банды из «зеленки». И тогда роте несдобровать.

Лейтенант Пашин крутился вокруг Нефедова, который от сильного кровотечения то терял, то приходил в сознание. Лицо сержанта было обезображено кровавой рваной раной. Оно теперь навсегда сохранит отметку афганской войны, мелькнуло в голове у офицера. Чтобы облегчить страдания подчиненного, лейтенант вкалывал ему уже вторую ампулу промедола, постоянно меняя тампоны на щеке. Раненый медленно приходил в себя.

Рядом санинструктор Невинный в отчаянии пытался помочь солдату-дегубелю, смертельно раненному в живот. На запястье солдата виднелась аккуратная наколка – знак плюс и цифра два. Но кровь ему теперь была больше не нужна.

– Товарищ лейтенант, он умрет? – Невинный испуганно тряс офицера за плечи.

Пашин кинулся к распластавшемуся на земле солдату. Тот был мертв. Лейтенант на секунду закрыл глаза. Решительно встряхнул головой. Надо было срочно что-то делать с сержантом. Кровь из раны продолжала идти, несмотря на все попытки остановить ее с помощью бинтов и ваты.

– Невинный, иди сюда! – офицер позвал к себе трясущегося медбрата. – Хватит нюни распускать! Кому сказал? – Федор громко одернул солдата, тем самым пытаясь успокоить и себя, и его. – Обработывай рану и зашивай щеку нитками!

Лейтенант быстро пересел в изголовье и взял в руки голову Василия. Новая порция алой крови полностью пропитала повязку. Перекошенное лицо сержанта молило о помощи.

– Какими нитками? – переспросил и без того перепуганный санинструктор. Ему до этого выхода ничего сложнее укола в ягодицу делать еще не приходилось.

– Обыкновенными! Какие у тебя в панаме должны быть!

Дрожащими руками солдат принялся зашивать. Федор на лицо Василия старался не смотреть. По тихому, но надрывному стону он догадывался, как нестерпимо больно сейчас сержанту. В этот момент из-за развалин появился ротный.

– Командир, один убитый, Нефедов тяжело ранен! – доложил замполит.

– Как? Кто? – старший лейтенант опустился на колени к мертвому, накрытому плащ-палаткой. – Вот черт! Что, нельзя было спасти?

Пашин молчал. Арбузов повернулся к Нефедову. Внимательно присмотрелся к ране сержанта.

– Черт побери! Теперь мать родная не узнает!

Тем временем уже светало.

– Замполит, начинаем движение. Скоро будут «вертушки». Коваленко останется – загрузит трофеи, раненых и прилетит потом. Действуй!

Пашин бросился за развалины – туда, где совсем недавно кипел бой. Он стре-

мительно шел вдоль живых и убитых животных. Трупы «духов» уже успели стащить в одно место, к разрушенной стене в центре бывшего селения. Солдаты быстро освобождали животных от грузов и складывали трофеи на открытой площадке.

Возле одного из убитых верблюдов лейтенант неожиданно натолкнулся на Хасана Везирова из взвода лейтенанта Коваленко. Тот быстро спрятал что-то за пазуху. За трупом животного Пашин увидел двух мертвых афганцев, у которых были вывернуты карманы курток. Рядом валялись их полевые сумки и распотрошенные вещмешки.

– Что у тебя там? – лейтенант прикоснулся к бронежилету солдата, из-под которого торчал целлофановый сверток.

– Ничего! – Везиров опустил руку на автомат, заслоняя то, что у него было на груди.

Лейтенант протянул руку:

– Давай! Живо!

В свертке было трое красивых японских часов, несколько пакетиков опиума и большая пачка разноцветных денежных бумажек. Это были афгани – афганские деньги.

– Твое?

Хасан молчал.

– Откуда? Вас спрашиваю, рядовой Везиров! – лейтенант был вне себя от нахлынувшей ярости.

– Командир сказал всё забрать!

– Командир приказал трофеи собрать, а не мародерствовать! Ты что делаешь, подонок?! – лейтенант подошел к солдату вплотную.

– Я не хотел, думал отдать ротному! – оправдывался Везиров.

– Наркотики зачем взял?

Везиров тупо молчал.

– Ладно, потом разберемся, иди!

Однако разбираться с Везириным так и не пришлось. После инцидента с замполитом роты солдат исчез. Организованный поиск ничего не дал. Сверху уже раздавался шум моторов. Из-за сопки на посадку один за другим заходили вертолеты. Сегодня они прилетели неожиданно быстро. Подняв вокруг себя облако пыли, на подготовленную площадку вскоре сел первый, затем второй и третий. В первую очередь в вертолеты занесли раненых. Затем оружие и другие трофеи. На погрузку ушло совсем немного времени.

Всем остальным в роте предстояло возвращаться к месту постоянной дислокации на броне. Под горку, до места ожидания бронегруппы, рота добралась быстро. Утро уже наступило, когда бойцы, счастливые оттого, что все, наконец-то, закончилось, расселись по БТР и БМП.

Федор сидел на предпоследнем БТР. Одной рукой он крепко держался за поднятую крышку люка, а другой удерживал на коленях автомат. Прохладный встречный ветер от быстрой езды трепал волосы. Всепроникающая едкая афганская пыль с каждым километром покрывала людей дополнительным слоем пепельной дорожной муки.

Непонятно отчего, лейтенант Пашин нервничал. Его внутренний барометр душевного состояния показывал на беду. При виде большой камазовской крышки с большой пятиконечной звездой на треноге сердце забилося еще тревожней. Памятник неизвестному советскому водителю, погибшему на дороге, приютился по соседству с развалинами небольшого придорожного кишлака. Он еще раз напоминал всем о страшной войне на горных афганских серпантинах. Странно было видеть, но душманы не трогали памятник. Словно грозно предупреждали шоурави о том, что их может постичь участь погибших.

Колонна продолжала стремительно набирать скорость. До тоннеля, за которым начинались «родные» субтропики, оставалось совсем немного. Дорога то пропадала, прячась среди пропыленных скал, то стремительно выскакивала из очередного поворота. Колонна шла по тесному скалистому ущелью, в котором нашлось место только узкому дорожному полотну, да бешено несущемуся зеленому потоку воды. Федор поднял голову. Справа, слева, спереди и сзади над бронегруппой грозно нависали голые скалы, из-за которых уже пыталось выглянуть солнце. В чистом утреннем небе парили горные хищники.

Как всегда, беда пришла неожиданно. Оглушительный взрыв потряс горы. Из-под первой БМП, стремительно ведшей колонну, взметнулся огромный столб огня и дыма. Многотонную боевую машину подбросило взрывной волной, словно спичечный коробок. Вырвавшись из крепких гусеничных объятий бронированной массы, уткнувшейся носом в черную, дымящуюся воронку, большой ведущий левый каток не спеша покатился вперед. Подброшенные сильной взрывной волной, бойцы оказались на земле.

Солдаты и офицеры на других машинах не успели толком сообразить, что произошло, как воздух горного утра наполнили раскатистые пулеметно-автоматные очереди. Стреляли с гор. Видимо, «духи» не могли простить удачливой роте ночной караван. Определить точно, откуда велась стрельба, в туманной дымке было непросто.

Лейтенант Пашин ехал сразу следом за БМП. Его БТР резко затормозил почти одновременно с грохотом взрыва. Водитель сразу принял вправо к скале. Взрывной волной Федора сбросило вниз в люк. Внутри царила настоящая паника. Бойцы в отчаянии пытались вылезти наверх. Стрелок беспорядочно крутил башней пулемета, не зная, в какую сторону надо открывать огонь.

Лейтенант Пашин, несмотря на то, что больно ударился о крышку люка, быстро пришел в себя.

– Без паники! Приказываю выбираться строго по одному через боковой люк! – четко командовал офицер. Тут же обернулся в сторону стрелка. – Стреляй! – лейтенант показал рукой в сторону сопки.

Солдат дал длинную очередь. В ответ враждебная сопка в очередной раз оскалилась бешеным огнем. Свинцовый дождь громко застучал по бронированной крыше. Несколько раскаленных капель чуть было не попали в открытый люк.

– Вот падлы! – выругался офицер и захлопнул люк.

Еще одна пуля, чудом не задев его, пролетела рядом и больно ужалила пулеметчика. Лейтенант инстинктивно обернулся на крик.

– Иди сюда, сержант! Вытаскивай его! – приказал он сержанту, заглянувшему в опустевший БТР.

Сам Пашин прильнул к прицелу пулемета. Через минуту-вторую разобрался с кнопками и открыл огонь. В ответ по броне вновь брызнул и застучал короткий свинцовый дождик.

Бой был в разгаре. Рота быстро пришла в себя и, укрывшись за броней, повела прицельный огонь по сопкам.

– Товарищ лейтенант, первый вызывает! – метко стрелявшего офицера лихо-радочно толкал в бок бортовой радист.

Первым был ротный, который находился впереди колонны на связном БТР – «Чайке».

– Пашин, чего стоишь? – ротный вел телефонные переговоры без кодовых условностей.

– Стреляем!

– Потери есть?

– Нет!

– Надо уходить! Иди к взорванному БМП, заведи людей! Всё понял?

– Так точно!

– Вперед! Конец связи! – в наушниках танкового шлемофона остался лишь привычный шум включенной радиостанции.

Вскоре стрельба стихла. Получив жесткий отпор, душманы скрылись в горах. Колонна спешно выбиралась из заторов ловушки. Пулеметы и пушки брони продолжали стволами смотреть вверх, в сторону сопки. Лейтенант Пашин быстро выбрался наружу. Возле дымящейся бронемашины лежали тела трех убитых бойцов. Санинструктор перевязывал раненых. Федор взобрался на обгоревшую БМП и заглянул в открытый командирский люк. На месте водителя дымился уже обуглившийся труп. Взрыв был такой силы, что водителю не помогли даже мешки с песком, которые были специально положены в ноги. Мощный фугасный заряд взорвался прямо под ним. Двое других, кого взрыв застал внутри брони, были еще живы. Окровавленные, с перебитыми руками и ногами, разбитыми головами, они, как слепые котята, продолжали копошиться, издавая глухие звуки и стоны.

От запаха гари вперемешку с запахом горелого человеческого мяса и тошнотворной духоты Федору стало нестерпимо плохо. В глазах мелькали «чертики». Руки плохо слушались. Но глаза подчиненных, наполненные отчаянием и болью потери сослуживцев, заставляли действовать быстро и решительно.

Окончательно пришел в себя Пашин, когда колонна мертвых и живых, миновав тоннель, въехала в «зеленку». Кругом было тихо и спокойно. В полях паслись отары овец. Вдоль дорог неспешно брели за своими хозяевами маленькие ослики. Вдоль глинобитных жилищ, как тени, в длинных одеждах и с закрытыми лицами, двигались афганские женщины. В придорожном населенном пункте работали маленькие дукканы. Развалы с избытком овощей и фруктов манили к себе. Вокруг них крутилось много детей. Они бежали рядом с бронетехникой, настойчиво выпрашивали бакшиш, радостными возгласами и криками провожали колонну шоурави. Ехать до места постоянной дислокации оставалось совсем недолго.

Словно в награду за все переживания и потрясения последней недели, в комнате Федора ждало письмо от жены.

Дуканщица

Горя непреодолимым желанием ублажить кабульского гостя, Александр Жирик влетел в женский модуль части. В его слабоосвещенном коридоре перемешивались громкие голоса, музыка, смех и веселье, которые доносились из-за дверей комнат. Женский модуль жил своей обычной жизнью. В стремлении скрасить свой досуг женщины в компании сослуживцев праздновали дни рождения, отмечали присвоение званий и вручение наград, отъезд в Союз и возвращение назад.

Лейтенант без стука проник в комнату с белой табличкой, на которой была выведена только одна фамилия. Небольшая прихожая, отгороженная плотной темной материей, две кровати возле противоположных стен, также завешенные друг от друга защитного цвета тканью, превращали комнату в таинственный лабиринт, попав куда в первый раз, не мудро было заблудиться. Один из вариантов афганской коммунальной квартиры был призван хранить в тайне интимную жизнь живущих в нем девушек.

Правда, сделать это удавалось крайне редко. Военный городок был такой маленький, а языки такие длинные, что тайны личной жизни больше недели не хранились. Сначала тайна превращалась в слух, который быстро обрастал самыми невероятными подробностями, а затем история становилась предметом сальных шуток и насмешек на вечерних посиделках в модульных комнатах, в столовой, курилках и даже на служебных совещаниях. Лейтенант Жирик слухов не боялся, потому как, будучи холостяком, имел полное право на фронтовую подругу.

Галку-дуканщицу Сашка увидел сидящей за столом у окна.

– Скучаем!?

По поднятым шторам над кроватями справа и слева он сразу понял, что женщина была одна.

– Как жизнь, мин херц? – Жирик ловко вернул понравившееся ему выражение, позаимствованное на сегодняшнем «сабантуе» в бане из лексикона кабульского гостя.

– Сколько раз просила тебя в такое время не заходить ко мне! – женщина неожиданно зло встретила приход своего любовника. – Дятел обещал зайти! – она назвала по кличке заместителя командира части по тылу. Так его окрестили сослуживцы за чрезмерные прямоту, дотошность и упорство, а также редкую бестолковость.

С виду совсем непривлекательная толстушка, хотя и была зарегистрирована общественностью военного городка как официальная афганская жена заместителя командира части по тылу, тем не менее, Жириком тоже не пренебрегала.

Заместитель по тылу всячески помогал ей устроить здесь свою жизнь. Сначала сделал Галку главным лицом в магазине. Потом одну поселил в комнате, чтобы не было проблем с посещением своей официальной любовницы. Теперь всю ста-

рался оставить ее еще на один срок в Афганистане, что, впрочем, было заветной мечтой многих женщин в городке.

С Жириком дуканщица, что называется, «крутила» настоящую любовь. Здесь, в гарнизоне, ни один мужик не мог заменить ей в постели кривоногого, с виду невзрачного замполита роты. При этом Галка втайне вынашивала далеко идущие планы в отношении своего фаворита. Сашка был холостяк, а в Афгане для женщины – это истинная находка. Достичь заветной мечты – женить Жирика на себе – мешал подполковник. Ему дуканщица была обязана своим привилегированным положением. Действительно, не каждая женщина в гарнизоне могла похвастаться тем, что является почти «официальной» любовницей заместителя командира части по тылу. Вместе с тем Галка с нетерпением ждала его замены.

Сам Сашка первое время с трудом соглашался с существованием Дятла. Его просто бесило, что он должен мириться с ролью второсортного мужчины. Галка всячески старалась развеять подозрения своего любимца. «Ты – высший сорт!» – не раз успокаивала она Жирика.

Однако ревность, душившая Сашку в первое время их знакомства, быстренько прошла, как только он догадался о том, что у предприимчивой дамы были не только он с Дятлом.

За два года в Афгане сообразительная бабенка, съевшая собаку в афганских переделках, вскоре сообразила, что, помимо основного заработка, здесь можно иметь и другой – несравненно более надежный и солидный. Благо, мужиков, изголодавшихся по женской ласке и теплу, в военном городке было предостаточно, а вот женщин было мало.

Правда, надо отдать должное Галке, в части она не злоупотребляла этим промыслом, а вот уехать на ночь в советнический городок на «Ниве» или «Фольксвагене» – в этом удовольствии она себе отказать не могла. Чеки нужно было копить на квартиру в Союзе. А сделать это на одну зарплату для женщины было непросто.

Догадавшись обо всем этом, Жирик не стал устраивать бурных сцен ревности и искать повод для разрыва с женщиной, уличенной в измене. Сашок быстро сообразил, что его вполне устроит, если он будет поддерживать с Галкой отношения постольку-поскольку.

С тех пор дуканщица стала интересоваться замполита роты в тех случаях, когда срочно надо было «достать» дефицит в военторге, перезанять чеки или получить свою порцию женской ласки и тепла. При этом ему все больше нравилось играть роль любовника, ничем не обязанного женщине, пылкой в любви, авторитетной в городке и влиятельной у начальства.

Наведывался он к ней редко – обычно в обеденный перерыв или поздно вечером, после ухода зама по тылу. Быстренько сделав свое дело, он надолго пропадал.

Галке, конечно, было не совсем приятно видеть перемены в своем фаворите. Однако ей ничего не оставалось делать, кроме как мириться, ждать лучших времен, когда, наконец, можно будет Жирика окончательно прибрать к рукам.

Вот и сейчас, только для приличия поломавшись, Галка уже дрожала в объятиях своего молодого любовника, о существовании которого не подозревал, пожалуй, только Дятел.

– Дверь прикрой, что обо мне люди скажут? – едва успела вымолвить Галка, на мгновенье освободив пыльные уста от жаркого затяжного поцелуя.

Сашка бросился к двери. Пока закрывал ее, успел немного поостыть.

– Галочка, я к тебе по делу! – он говорил несколько театрално.

– Галя, единственная! Очень тебя прошу, не убивай во мне самые светлые, лучшие чувства к тебе! Я очень дорожу отношениями с тобой! – выражение Сашкиного лица было неподдельно серьезным.

– Чего тебе не дорожить? Все, что в магазине, – твое! Бабу в Афгане под боком имеешь! Не каждый подполковник может позволить себе такое! И мало того, что бесплатно, еще женщина займы регулярно дает, причем без всякой надежды на возвращение! Ты хоть знаешь, какие подарки мужики нашей сестре делают?

Почти за полгода их отношений Галка впервые сегодня не выдержала и решила всё высказать своему бессовестному любовнику, который в последнее время даже не скрывал пренебрежительного отношения к ней.

Жирика тоже не раз подмывало хорошенько «пройтись» по афганскому образу жизни «дамы сердца». Но он вновь смолчал. Делать этого сейчас было никак нельзя. Кадровик из Кабула ждал лейтенанта у себя в модуле.

– Да ты что? За любовь платить?! Как только у тебя язык поворачивается такое говорить?

– Поворачивается, Сашенька, еще как поворачивается! Потому что вы, мужики, в нас, бабах, только одно ищете.

Женщина не мигая смотрела ему в глаза.

– И попробуй откажи вашему брату, особенно, если он какой-нибудь начальник! Так заест, проходу не даст! Один за любовь предлагал в Кабуле пристроить в штабе армии! Отказалась! Теперь вот в этой дыре прозябаю!

– Жалеешь, да? Вот оказалась бы в Кабуле, меня бы тогда не встретила! – глупо сострил Сашка.

Он попытался обнять отвернувшуюся к окну женщину, но та резко отпрянула от него.

– Конечно, вот только ради тебя и стоит здесь быть!

Женщина села возле стола на стул. Закурила.

– Кстати, коль у нас такой разговор зашел... Вот ты, Жирик, полгода ко мне ходишь, но совсем не знаешь меня! Ни разу даже не поинтересовался: кто я? зачем меня черт сюда занес?

– Галочка, это все очень серьезно. Я завтра приду к тебе, и ты расскажешь. Хорошо? – Сашка незаметно посмотрел на часы.

– Нет уж, послушай! Завтра, может, я не захочу с тобой на эту тему говорить! – было взъерепенилась толстушка, но тут же замолчала.

Заговорила не сразу. Какое-то время молодая женщина не мигая смотрела на почтовый конверт, на котором красовался многозвездный советский маршал. Словно внутренне решалась, поведать или нет о самом сокровенном Жирику, бывшему для нее здесь, несмотря ни на что, пожалуй, самым близким человеком.

– Сашка, а ведь я когда-то счастлива была! – грустно произнесла женщина. – Замуж вышла рано – сразу после школы. Мужа своего со школьной скамьи знала. Мы из одной деревни были, – она задумчиво улыбнулась.

Поняв, что на этот раз все-таки придется выслушать свою любовницу до конца, Жирик опустил на стул. Широко раскинул ноги. Обхватив голову сзади в замке, он приготовился слушать.

– Муж ушел в армию. Через полгода родила. Жила у своих родителей. Ждала мужа, воспитывала ребенка, – не спеша продолжала хозяйка комнаты. – Вернулся – дом поставили. Через год машину купили. Газ в доме провели. Чем не городская жизнь? Муж шофером на комбинате, я – заочно в торговом техникуме. Одна беда – мужик мой выпивать стал.

– А ты хочешь, чтобы никто в рот не брал? – перебил рассказчицу Жирик, тем самым невольно торопя женщину с развязкой.

– Не перебивай, слушай! Черт с вами, пейте, сейчас весь мир пьет! Только головой надо думать! – Галка едва слышно всхлипнула. – Да что там говорить! Сама дура! Сыночка родного с ним, пьяным, оставила. Курносенький, глаза черные! Четырех лет не было. Господи, да за что же это? Никогда тот день не забуду. Суббота была. Снежок первый выпал – хорошо. Меня в магазин вызвали. Обувь импортную завезли, вот и понадобилась. Будь она проклята!

Женщина с трудом проглотила подкативший к горлу комок.

– Эта сволочь, видать, напился и заснул. А сыночек мой... – запричитала Галка, слезы блеснули на ее глазах. – Сынок сам краны открыл на газовой плите. Открыть – открыл, а закрыть... Вернулась я только к обеду. Дверь открыта, а оттуда – вонь страшная. Короче, газ. Мужики мои рядышком лежат – мертвые!

Неизвестно за что так жестоко наказанная судьбой простая деревенская женщина плакала без слез. Жирик кинулся ее успокаивать. В таком состоянии он еще никогда не видел свою любовницу.

– Галочка, не плачь, успокойся! – Сашка присел перед ней на корточки, взял ее руки.

– Отстань! – вырвалась женщина. – Не плачу я, нечем уже плакать! Все давно выплакано. Полгода после случившегося глаза не просыхали, отхаживать не успевали! – она встала. – Вот так, Сашенька!

– Да, тяжелая у тебя судьба!

– Тяжелая? У нас здесь, у баб, через одну судьба непростая! Только вам, мужикам, наплевать на это!

– Почему наплевать?

– Ладно прикидываться тебе, насквозь вас всех вижу. Когда из деревни уехала в город, чтобы хоть как-то забыться, так в военном училище, где я в магазине работала, через одного жениться предлагали. Только вот покобелятся вволю, и поминай как звали. Вот почему я решила сбежать из Союза в Афган! Думала, хоть здесь можно счастье обрести! Да какое там! И здесь та же музыка!

Женщина замолчала. Машинально посмотрела на часы. Затем взглянула на себя в небольшое круглое зеркальце на подножке, стоявшее на столе.

– Черт знает, на кого я похожа! – она залихватски трянула головой, коротким жестом рук поправила прическу. – Слава Богу, что здесь хотя бы заработать можно. В Союзе я за полгода на приличные сапоги собрать не могла!

– Конечно, подарки от поклонников! – все-таки не сдержался Сашка.

– Не хаами, Жирик! С тебя, что ли, беру подарки? С тебя возьмешь! И вообще – хватит об этом! Поплакалась, и будет! Чего ты хотел-то?

– Что, просто так уж нельзя зайти?

Ни на минуту не забывая о цели своего визита, Жирик, тем не менее, не спешил приступать к главной теме своего неожиданного визита в женский модуль.

– Можно. Только сомневаюсь я в этом! – женщина подозрительно, с некоторым пренебрежением, посмотрела на младшего офицера.

– Знаешь, Галка, хочу в Кабул податься!

– В командировку, что ли?

– Нет, насовсем!

– Переводят?

– Пообещали.

– Обещаний можно ждать долго, к тому времени успеешь заместиться.

– Это ты зря! Здесь все надежно! Шеф мой прежний приехал. Я у него еще солдатом служил. Сейчас он бугор в Кабуле! – Сашка вплотную приблизился к Галине.

– Это подполковник, важный такой? С папочкой ходит, ну, в очках?!

– Он, он! Галка, ему бы внимание уделить. Сама понимаешь, женское тепло в Афганистане лечит любые душевные травмы!

Сашка не договорил. Женщина резко оттолкнула его от себя.

– Ишь, чего захотел! Иди отсюда! Думаешь, если с тобой, то Галка под любого ляжет? Проститутку нашел!

Предложение лейтенанта до глубины души обидело Галку. Она, будучи безгрешной, тем не менее, считала себя порядочной женщиной.

Вновь Жирик заговорил лишь тогда, когда понял, что женщина постепенно успокоилась.

– Ты ничего не поняла, ничего не поняла! – как попугай твердил Жирик. – Ведь я хотел не только себя перевести, но и тебе помочь выбраться из этой дыры! Дятел не сегодня, так завтра заместится, что тогда? Придет «заменщик» твоему заму по тылу и кончится твоя райская жизнь. Ты только представь, мы бы вместе оказались в Кабуле! Перестали бы скрываться от всех! Сплетен бы не было! Плохо бы было?

– Смеешься? Ты через день себе другую бабу найдешь! Это здесь мы – красивая, некрасивая – все наперечет, а там женщин и без меня хватает!

– Не говори так, Галюнчик, ты женщина что надо! – лейтенант по привычке исковеркал имя женщины.

– Перестань меня так называть, противный!

– Молчу, молчу, молчу.

– Зачем ты меня другому мужику сейчас подставляешь?

– Скажешь тоже! Никому я тебя не подставляю! Однако такое знакомство никому еще не мешало! Ты спасибо должна сказать! Придешь, посидишь, поболтаешь за жизнь – вот и все, что требуется. Я же его хорошо знаю: для него главное – душевный контакт.

– Где он сейчас?

– В модуле.

- Не поздно, время-то уже сколько?
- Он рано не ложится!
- Кто, ты говоришь, он по должности?

Галка уже не скрывала своей заинтересованности в предстоящем знакомстве. Ей, проторчавшей два года в богом забытом месте, всегда хотелось перебраться в Кабул, где была совершенно иная жизнь. Но сделать это никак не удавалось. И теперь вдруг такая возможность! Она почти не сомневалась в том, что ее надо использовать.

- Хорошо, но только с тобой вместе пойдем, идет, ладно?
- Конечно вместе, как ты могла подумать иначе?

Жирик, видя, что женщина стала поддаваться, решил не обострять обстановку. Он хорошо знал, что там, на месте, все решится само собой. «Главное, чтобы спиртного было достаточно. Не бывает строптивых женщин, бывает только мало выпитого!» – вспомнил он крылатую военную присказку.

– Галюнь, а Галюнь! – тут же обратился Сашка к толстушке. – Чтобы не забыть, возьми бутылочку водки – в долг! Я потом отдам, а то как-то несолидно, шеф приехал, а угостить нечем будет!

– О чем вы с ним раньше думали? Тоже мне, кавалеры называются, женщину приглашают, а у самих ни хрена нет! Вот в этом, Жирик, ты весь! – она скрылась за темной шторой в прихожей.

– Чего-чего, а хрен есть! Подарить!

– Достал ты меня. Я сыта этим по горло! – женщина слегка коснулась рукой своего подбородка.

– Галюнчик, ты всё не о том. Я подарок тебе принес!

Сашка достал из внутреннего кармана красивые, с черным циферблатом, японские женские часики. Их он нашел вчера в одном из ротных БТР, только что вернувшихся с боевого выхода. На такой широкий для себя жест Сашка решился, чтобы вконец уговорить женщину.

Появившись в комнате с бутылкой водки и коробкой «Ассорти», Галка поразилась:

– Не может быть! С ума сойти! Жирик, и дарит подарки?!

Через полчаса дуканщица, благоухая запахами почти всех духов, какие за последние полгода продавались в местном военторге, в новом вельветовом платье, вошла в модуль, где жило командование части.

По итогам работы кабульской комиссии мотострелковая часть была отмечена в лучшую сторону.

«Груз-200»

Пригородная электричка, предупредив о своем отправлении шумным пере-закрыванием автоматических дверей, стала быстро набирать скорость. До Москвы было около двух часов езды. Федор Пашин ехал в почти пустом вагоне. Лишь при подъезде к Кольцевой дороге народу стало заметно прибавляться.

На станции со смешным звучным русским названием «Щербинка» в вагон впорхнула стайка молоденьких девчат. Не сговариваясь, троица прошла в середину и села напротив симпатичного загорелого лейтенанта. Но грустный офицер даже не взглянул на юных красавиц, он продолжал отрешенно смотреть в окно. Напрасно девушки пытались обратить на себя внимание громкими разговорами, шарканьем ног и любопытными короткими взглядами в упор. Федору Пашину, сидевшему прямо перед ними, было сейчас совсем не до них – беззаботных москвичек, живущих в совершенно ином, столичном ритме жизни.

Находясь в Союзе вторые сутки, мыслями он оставался на войне. Два трупа во второй ДШР с последнего боевого выхода неожиданно-негаданно позволили замполиту роты съездить в Союз. Один из цинковых гробов в весеннее Подмосковье было поручено везти ему.

Еще вчера утром, в афганскую пятницу – джуму, он вместе с другими «счастливыми» сидел в салоне «Черного тюльпана», отправлявшегося в Союз со своим страшным, нелепым грузом. А уже сегодня к вечеру лейтенант Пашин был свободен от своих чудовищных обязанностей сопровождать цинковый гроб на Родину убитого солдата. Выполнив свой служебный долг, Федор мог теперь со спокойной совестью ехать к жене в Москву. Хотелось думать о предстоящей встрече после долгой разлуки, но навязчивые воспоминания упрямо возвращали его к событиям прошедших суток.

«Черный тюльпан» долго не мог улететь. Ждали еще один цинк. В салоне самолета было душно. Гробы стояли посередине. Они создавали тягостное ощущение брэнности человеческого бытия. Своим присутствием давили на психику живых. Все эти томительные минуты ожидания вылета Пашина не покидало ощущение того, что гробы запаены неплотно. Казалось, что смрадный, неприятный запах разлагающихся тел медленно выползал наружу, заполнял собой тесный салон небольшого военного самолета. Федора слегка мутило. Чтобы совсем не стало плохо, он, расстегнувшись, отвернулся к окну.

Когда, наконец, взлетели, дышать стало легче. Однако по соседству с цинками, в одном из которых лежал его подчиненный, Пашин продолжал чувствовать себя неудобно. Тягостные раздумья не оставляли его ни на миг. Во время полета до Ташкента Федор вновь и вновь мучительно вспоминал лица погибших. Молоденькие, жизнерадостные, они лишь на мгновение всплывали в воспаленном воображении лейтенанта и тут же уходили из памяти подобно mirажу.

Боль тяжелой потери боевых товарищей занозой сидела в груди. Даже представление к высокой государственной награде не могло отвлечь лейтенанта от страшных воспоминаний последних дней. Бездыханные окровавленные и обугленные тела возле подорванной брони всякий раз возникали перед глазами.

Между тем командование высоко оценило умелые действия замполита в том бою. Как было сказано комбатом на общем построении батальона, лейтенант Пашин в одно мгновение лишил душманов неожиданно представившейся возможности расправиться с небольшим советским подразделением, случайно напоротившимся на базовый район «духов».

Сам Пашин чудесное вызволение второй ДШР из душманской ловушки по дороге к месту постоянной дислокации на свой счет не принимал, полагая, что лишь его величество случай на войне помог роте избежать больших потерь. Его меткая стрельба из пулемета по «духам», засевшим на сопке, стала для него самого откровением.

– Практически первый раз стрелял из бэтээровского пулемета. Надо же, попал! – всякий раз думал Федор, когда его хвалили за умелые действия в бою.

Почти сразу по возвращении второй ДШР с боевой операции было принято решение, чтобы один «груз-200» сопровождал в Союз лейтенант Пашин. Сам Федор посчитал, что так и должно было быть. И напрасно в штабе убеждали лейтенанта в том, что таким образом боевому замполиту, в последнее время не вылезавшему с операций, всего лишь любезно предоставлена возможность побывать в Союзе, повидаться с семьей. Молодой офицер думал совершенно по-другому: за погибшего сына перед родителями обязан отвечать его командир.

В Ташкенте «цинковые посылки» рассортировали. На подмосковном военном аэродроме лейтенанта Пашина встретил представитель райвоенкомата. Холеный молодцеватый капитан в надраенных до блеска сапогах вежливо предложил оформить документы о принятии гроба.

– Поздравляю! Твоя миссия на этом окончена. Давай, поезжай, подольше дома побудешь, – военкоматчик протянул авторучку и пальцем показал, где следовало расписаться. – Счастливо отдохнуть, лейтенант!

Но Федор не отпускал протянутой руки капитана.

– Я с вами. Это был мой подчиненный.

Он окинул военкоматчика тяжелым холодным взглядом.

В дороге молчали. Маленький санитарный «рафик» уверенно бежал по ровной глади асфальтированного шоссе. В Подмоскovie наступала весна. Приветливо светило солнце. По синему весеннему небу плыли взъерошенные облака. За окнами виднелся лежащий местами грязного цвета снег. Словно пытаясь спрятаться друг за другом, сиротливо стояли голые деревья. Неугомонный мартовский ветер безжалостно трепал растопыренные ветви крон. До боли знакомые, дорогие для глаз россиянина пейзажи вернувшегося с далекой чужбины не радовали. У ног сиротливо стоял цинковый гроб. В нем сегодня возвращался домой уроженец здешних мест.

– Давай сразу по адресу! – донеслось из-за перегородки, где сидели водитель и капитан.

Машина въехала в черту райцентра и свернула направо на городскую улицу. Прямо возле пятиэтажного дома «рафика» остановился. Увидев у центрального подъезда много людей, женщин в черных платках, Пашин понял, что здесь уже давно ждут приезда военных.

– Приехали. Держись, лейтенант! – обронил работник военкомата, когда они вышли из машины.

Гражданский водитель сочувственно посмотрел на взволнованные лица офицеров.

Задние дверцы «рафика» еще не успели раскрыться, как из дико взывшей толпы черных платков вырвалась небольшого роста, сухая женщина. Растрепанная, с распущенными седыми волосами, она стремглав бросилась к машине. За ней вдогонку кинулся было мальчишка лет десяти, но его быстро схватили чьи-то сильные мужские руки.

В глазах бежавшей женщины застыли ужас, невыразимая боль страшной беды. Наконец достигнув машины, она вошла в открытую заднюю дверь и упала на гроб. Душераздирающий крик русской матери, не дождавшейся с войны своего сына, вырвался наружу и взорвал скорбное людское молчание. Люди в черном, толпившиеся у подъезда, на мгновение замерли. Только на мгновение встречи матери с убитым сыном, потом снова издали многоголосый надрывный плач человеческого сострадания.

В припадке истерики убитая страшным горем женщина стонала и рыдала. Прижавшись всем телом к цинковой страшной посылке, мать беспомощно царапала гроб ногтями, вгрызалась зубами в запаянные рубцы. Не в силах добраться до своего мальчишка, она билась головой, рвала на себе одежду и волосы. Подбежавшие родственники безуспешно пытались успокоить и оттащить от гроба убивающуюся по сыну мать. Стоявший возле двери Федор Пашин от всего увиденного внутренне содрогнулся и невольно сжался. Сильно зажмурился глаза, так, что они увлажнились, он запрокинул голову к солнцу. Но весеннему подмосковному светилу в эту минуту было не под силу растопить в груди ледяной ком беспредельной скорби. Кулаки сжимались и разжимались в бессильной злобе на войну, всех тех, кто послал парня туда, на себя, что не уберег для матери сына.

Неожиданно женщина стихла. Несколько секунд посидев над гробом, она повернулась, медленно вылезла из машины. Глаза ее бешено горели, пальцы судорожно сами собой сжимались в мертвой хватке. Лишь на мгновение задержав взор на работнике военкомата, стоявшем в толпе со всеми, она остановилась перед лейтенантом. Не мигая, женщина впиалась горящим взглядом в обожженное войной и чужим солнцем лицо молоденького офицера. Еще секунда – и мать, как волчица, оставшаяся без своего детеныша, кинулась на него. Закрыв глаза, Федор замер. Женщина трясла его за грудь, душила, безжалостно царапала молодое красивое лицо лейтенанта, почти ровесника своего сына.

Ее не успели оттащить, как, словно орлица, насытившаяся кровью своей жертвы, бедная женщина вдруг как-то вся обмякла и медленно опустилась к ногам ни в чем не виноватого «афганца». Остекленевший взгляд женских глаз говорил о том, что мать близка к сумасшествию. Закрыв лицо руками, она упала ничком.

Вслед за ней на колени опустился Федор. Из расцарапанной щеки и носа текла алая кровь. Всклопоченные волосы стояли торчком. Фуражка, петлицы и погон валялись на земле.

Лейтенант взял женщину под локти. Мгновение она соображала, мучительно всматриваясь в лицо офицера. Затем, обняв юношу, тихо заплакала. Отрешенно глядя коротко стриженные колючие жесткие волосы лейтенанта, женщина оставалась во власти своего горя. Материнские слезы, смешиваясь с кровью, размазывались по лицу и рукам офицера. Слегка поддерживая женщину, Федор молчал. Всем своим видом «афганец» сейчас молил у матери прощения за гибель сына.

От своих тягостных раздумий Федор очнулся, когда электричка прибыла к месту назначения.

– Сынок, а сынок! Поезд дальше не пойдет. Конечная остановка, – донеслось до Пашина.

Он поднял глаза. Перед ним стояла старенькая, вся белая старушка. Вагон электрички спешно покидали оставшиеся люди.

Купив семь ярких гвоздик, Федор сел в такси и назвал адрес.

– Где служишь, командир? – заговорил таксист.

– В Афганистане, – безразлично произнес лейтенант.

– Как там?

– Нормально.

– Что нормально-то? Послушаешь, такие страсти рассказывают. А ты – нормально! Наверное, в Кабуле в штабе служишь? – водитель решил поддеть молчаливого офицера.

– В штабе, – Пашин отвернул лицо.

Машина стремительно неслась мимо городских новостроек.

Сосновские получили квартиру в новом двенадцатиэтажном кирпичном доме. Скоростной лифт в считанные секунды поднял лейтенанта на четвертый этаж. Дверь открыла теща.

– Федька! Господи! Ты откуда? Прямо как снег на голову! – причитала опешившая женщина.

Не выпуская из рук кухонную доску, она заключила зятя в объятия.

– Что это у тебя? – мать Наташи испуганно коснулась поцарапанной щеки.

– Так, пустяки! – помялся Федор и устремил свой взор в глубь квартиры.

В открытых дверях залы появился сам хозяин.

– Заходи, герой, заходи. Ты что, в десанте служишь? А то как с неба свалился!

– Во второй десантно-штурмовой роте мотострелковой бригады, – четко доложил Федор.

– Молодец! Только почему пишешь редко? Наташка неделями места себе не находит. Пока письмо не получит.

За зятя вступилась теща:

– Хватит тебе, отец! Накинулся! Дай парню с дороги отдышаться.

– Почему? Я пишу. На все стараюсь отвечать. Правда, не всегда получается, – оправдывался зять по дороге в большую комнату.

– Ох, Федька, худющий ты весь какой! Скелет прямо! – рассмотрев на свету зятя, всплеснула руками хозяйка.

– Не беда, были бы кости, мясо само нарастет! – успокоил жену Сосновский.
– Феденька, иди мойся, переодевайся и к столу! Буду тебя откармливать, – улыгнулась женщина и направилась на кухню.

Мужчины сели на диван. Сосновский сразу заговорил о дочери.

– Ты разве не в курсе?

– Нет, а что?

– Она тебе недели две назад обо всем написала.

Федор недоуменно пожал плечами.

– Друг твой, Жирик, в госпитале.

– Что с ним?

– Что? Был ранен. Ногу выше колена отрезали.

– Не может быть! Как же так? – на лице Федора застыла маска человеческого сострадания.

– Вот так, Федя. Черт бы побрал эту проклятую войну! Наташка, получив от него письмо, взяла за свой счет три дня и улетела в Ташкент. Говорит, заодно о муже что-нибудь узнаю. Ведь от тебя уже около месяца нет никаких вестей. Нельзя же так, дорогой.

– Так он что, в Ташкентском госпитале?

– Да.

– Что же делать? – Пашин был в растерянности.

– Не расстраивайся. В среду вечером вернется наша красавица. У нее уже билет на руках. Ты пока отдохнешь, на мужика хотя бы станешь походить! – заговорщически подмигнул тесть.

– Нет, нет! Что вы? Мне в пятницу надо быть на службе.

– Ничего страшного, удержишься. Бумагу я тебе организую. Что, ты не мог заболеть или еще что? Надо – в Кабул позвоню в понедельник. Если что, они подстрахуют.

– Нет, буду вовремя. Я обещал к операции вернуться.

– Нашел, что обещать! Спешешь без головы остаться? Так ты теперь не один!

Семья у тебя! – разозлился отец Наташи.

Федор не стал возражать тестю. Встал с дивана и подошел к телефону. Через десять минут он знал уже обо всех ближайших рейсах на Ташкент.

– Вот упрямый! Хотя бы до понедельника подожди. Не улетишь ведь, а я бы билет достал.

Сосновский безуспешно уговаривал зятя не лететь сегодня.

– Мать, смотри, что делает! Собрался улетать, – в поисках поддержки он обратился к жене.

– Как? Феденька, сынок, ты куда? Наташка вчера звонила. Обещала завтра позвонить. Может, и раньше вернется! – засуетилась женщина.

– Вы не волнуйтесь. Чего мы будем по телефону объясняться? Лучше вместе подольше побудем. Заодно Сашку повидаю. Ему сейчас поддержка нужна как никому другому. Все будет хорошо! – мягко улынувшись, зять слегка обнял стоявших вместе родителей жены.

Как и следовало ожидать, билетов на Ташкент в кассах не было. В надежде заполучить голубой квиток улетающие роями кружили возле касс, окошка диспет-

чера по транзиту и комнаты военного коменданта. Впору было пожалеть, что отказался от услуг тестя.

На текущий ночной ташкентский рейс регистрация уже закончилась. Взяв билет на то же время через неделю, лейтенант подошел к регистрационной стойке на посадку.

– Ваш билет, – ярко накрашенная женщина в форменной одежде Аэрофлота вопросительно смотрела на офицера.

Мило улыбнувшись, Федор протянул свой синий служебный паспорт, внутри которого вместе с билетом лежали две новенькие двадцатипятирублевые бумажки.

– Что вы мне суете? У вас билет не на тот рейс.

– Девушка, там в паспорте написано, что все государственные и другие учреждения должны всячески содействовать владельцу этого документа. К сожалению, на сегодня билетов в кассе нет, а мне очень надо улететь. Без меня война в Афганистане никак не обойдется! – закончил шуткой свой короткий монолог Федор.

Через час, откинувшись в удобном кресле просторного аэробуса, Федор уже спал.

«Долина смерти»

В Афганистане зима почти всегда короткая. Здесь лишь в январе небольшой морозец да легкая утренняя изморозь напоминали о настоящих холодах, белоснежных зимах далекой России. Редко выпадавший мокрый снег больше двух суток не лежал. Яркое солнце, достигавшее к обеду своего зенита, безжалостно топило белые признаки афганской зимы, лежащие одинокими островками на полях, вдоль дорог и на заброшенных глинобитных дувалах. Дневное движение машин, мирская суета людей и животных превращали редкий снег в вязкое темно-серое месиво. К исходу солнца оно на глазах подсыхало, становясь обычной летней пылью.

Весна с каждым днем все увереннее вступала в свои права в городах и кишлаках северной провинции. Раньше календарного срока она пришла в советский военный гарнизон и в «Долине смерти».

Новоиспеченный старший лейтенант Жирик готовился не только к долгожданному отпуску, но и к переезду в Кабул. Кончаков сдержал слово. Выписка из приказа уже поступила в часть. Собственно, ради этого известия Сашке пришлось задержаться с отъездом в отпуск на целых два месяца. Но он нисколько не жалел. За это время пришли боевой орден и звание, так что в Союз ехать Александр Жирик собирался во всей красе. Настроение было приподнятым еще и оттого, что в прошлую субботу ему пришло неожиданное письмо из Москвы.

В коротком послании Наташи Пашиной сообщалось, что она переехала в Москву. Проводив мужа в Афганистан, она теперь жила вместе с родителями. И хотя девушку больше всего интересовала судьба мужа, от которого, по ее словам, письма были редкими, тем не менее Жирик несказанно обрадовался желанной весточке из Союза.

За скупыми строками женской тоски по мужу и одиночества он для себя увидел нечто большее – надежду на скорое возвращение к нему любимой женщины. По крайней мере, Сашке очень хотелось в это верить. В тот же день он дал ответ на двух страницах, которые, в основном, были посвящены воспоминаниям об их давних отношениях и встречах. Только в самом конце черкнул пару строчек о главном, что интересовало Пашину: «Не волнуйся! Вернется героем!» – Жирик немело попытался успокоить жену однокашника.

Теперь, после неожиданно завязавшейся переписки, Сашка не без оснований рассчитывал на встречу с Наташей в Москве. Сегодня, будучи в прекрасном предотпускном настроении, он ни на минуту не забывал об этом.

Время на часах приближалось к трем. Обеденный перерыв в части продолжался. Однако Жирику сейчас было не до отдыха. Устроившись поудобнее в кровати, он вел глубокомысленные денежные расчеты. Надо было хорошенько всё обмозговать. Например, как подешевле организовать вечеринку по поводу отъезда в Союз. Ломал голову Сашка и над тем, что прикупить с собой в Союз в качестве сувениров и подарков для Сосновских. Задача эта была совсем непростая.

Получал старший лейтенант не так уж много, а «затовариться» хотелось основательно.

Закончив свои непростые расчеты, он развалился в постели.

– Нет, двести чеков на отвальную из части, пожалуй, будет маловато! – Сашка неожиданно приподнялся в кровати.

– Надо, чтобы меня здесь запомнили! – он резко встал на ноги. – Крутанусь-ка еще разок!

Застегиваясь на ходу, старший лейтенант Жирик спешил исполнить только что созревшее у него в голове решение.

Замполита полка подполковника Андронникова он застал дома. Михаил Степанович после обеда читал газеты, доставленные сегодня из штаба соединения на «вертушках». В этот раз пресса запоздала ненамного – газеты оказались позавчерашние.

– Кто там? – услышав, что кто-то вошел без стука в комнату, Андронников обернулся назад. – А, Жирик, будь добр...

Замполит сдержался, чтобы не отчитать подчиненного, который последние два дня вел себя нагло.

Сашка прошел в комнату и без разрешения подсел к столу. С тех пор как пришел приказ о его переводе в Кабул, старший лейтенант особенно ни с кем не церемонился. Мысленно он уже пребывал в новой должности. Он красочно рисовал себе, как в качестве офицера вышестоящего штаба приедет с проверкой в родную часть, а замполит будет перед ним вертеться волчком.

– Михаил Степанович, ваша помощь нужна! – лицо выдвигенца стало умоляюще-молящим.

– Не тяни! Говори, чего надо! – подполковник снял очки и отложил газету «Красная звезда» в сторону.

– Сегодня же прощальное застолье делаю – «вынос тела», а послезавтра – в отпуск, а оттуда – уже в Кабул. Полагаю, надо попрощаться с коллективом!

– Ты говорил, что в субботу поедешь.

– Я подсуетился! Успел все документы оформить за два дня! Договорился с вертолетчиками, чтобы с ними после обеда в дивизию улететь. Оттуда «Черный тюльпан» с «грузом-200» прямым рейсом на Душанбе летит!

– Вот молодец, хотя бы предупредил заранее! – недовольно пробурчал подполковник. – Значит, решил уже послезавтра быть в Союзе?

Андронников медленно подошел к маленькому зеркальцу на стене, вокруг которого веером висели небольшие фотографии из семейного альбома. Одна из них, где Михаила Степановича фотограф запечатлел с женой и маленьким сынишкой, была особенно дорога замполиту. Этот снимок он получил перед самым отъездом в Афганистан. Здесь же среди фотографий висел листочек с милыми каракулями двухлетнего малыша.

– Посылочку сможешь передать?

Сашка пожал плечами:

– Большая?

– По мелочам, жене и сынишке! – Андронников вытащил из тумбочки маленькие красивые кроссовки. – Вот пацану-то будет радость! Пищат они!

Он надавил на подошву. Кроссовки издали короткий писк. Конечно, Жирику не хотелось тратить дорогое отпускное время на выполнение разного рода поручений, но и отказать он не мог.

– Какой разговор, конечно!

Замполит принялся всё складывать в небольшую сумку.

– Так какие у тебя проблемы, Саша?

– Михаил Степанович, черкните записочку в военторг!

– О чем ты?

– Мне на вечер упаковок пять апельсинового напитка «Сиси» надо!

– А Гальюнчик что, уже не дает тебе?! – добродушно усмехнулся Андронников.

– Она по норме продает, а тут – особый случай! – Жирик сделал вид, что не понял ехидного намека замполита.

Андронников сел за стол писать записку. Сашка, в который раз за последнее время, нервно поежился при воспоминании о приезде прошлой осенью в часть проверочной комиссии из Кабула. Тогда пребывание Кончакова закончилось благополучно, без лишних разговоров. Но когда через неделю Галка поехала в отпуск, на таможне в Ташкенте у нее в тайниках женского платья и тела пограницы обнаружили пять тысяч чеков.

Об этой истории в части были все хорошо наслышаны. Сумма чеков явно была выше, чем могла официально заработать дуكانщица. Но Галка легко вышла из создавшегося положения.

– Вот пройдоха! – мысленно чертыхнулся Жирик.

Он в который раз усмехнулся при воспоминании о том, как на таможне Галка предъявила отпечатанный список тех лиц, кто с ней переспал за чеки или отдельные подарки. Тогда обескураженные пограничники были вынуждены пропустить сметливую женщину. Однако список людей, которых она успела осчастливить женским теплом и лаской, был отправлен в штаб 40-й армии в Кабул.

Скандальная депеша попала прямо в кадры, к самому Кончакову. Поэтому все обошлось без последствий. Уничтожив крамольную бумагу, он, тем не менее, позвонил в «Долину смерти».

Тот памятный звонок, как будто специально, застал Андронникова и Жирика вместе. Когда позвонили из Кабула, замполит части инструктировал своего подчиненного на счет политзанятий. Так в присутствии тогда еще лейтенанта подполковник вынужден был выслушать всё до конца. Минут десять Кончаков материл его за упущения в работе с женским полом, недвусмысленно давая понять, что речь идет о дуكانщице Галке.

Михаил Степанович так и не понял, чем кадровику она насолила. По его данным, Галка вполне добросовестно скрасила тоскливые минуты одиночества кабульского гостя в служебной командировке. Однако Андронников твердо пообещал Кабулу отправить ушлую продавчиху в Союз после ее приезда из отпуска, благо основания на то были веские. Два положенных года пребывания в Афгане у Галки истекали через месяц. В отсутствие заменившегося заместителя командира по тылу никто уже не мог помешать избавиться от этой скандальной бабенки.

С Жириком кадровик сразу говорить не стал, попросил замполита передать, чтобы тот позвонил вечером. Вот тогда-то ему от своего первого армейского наставника досталось по первое число. Тогда Кончаков сильно напугал старшего лейтенанта.

– Знай, больше тебе не видать должностей, досрочных званий как своих собственных ушей! – бросил в трубку кадровик.

После этого телефонного разговора Жирик еще неделю ходил ни живой ни мертвый.

Тягостные воспоминания старлея прервал замполит части:

– Держи записку!

– Михаил Степанович, огромный «ташакор»! – Сашка взял протянутый листок бумаги, на афганский манер приложил руку к груди и склонился в восточной позе почитания.

– Иди, иди! Чего стоишь?

– Товарищ подполковник, еще одна, маленькая просьба, вот такая! – он показал тремя пальцами размер просьбы. – Чтобы за фруктами и овощами сгонять, нужен ваш БТР. Всего на час!

– Какой тебе БТР! Время уже почти четыре часа! – Михаил Степанович показал на часы. – Иди к хренам! Пока соберешься, туда-сюда – пять часов! Куда ты на ночь глядя? Нет, нет и нет! Давай без излишеств! А если того, то сходи на продсклад, попроси что-нибудь к столу! – подполковник взял со стола газету, давая понять, что разговор на этом окончен.

Жирик забеспокоился. Его сегодняшние планы были под угрозой срыва. Он продолжал, не двигаясь, стоять за спиной подполковника.

– Сказал тебе – иди! Не стой над душой! – отозвался на молчание Андронников.

– Михаил Степанович, когда еще буду, если только с проверкой не пришлют! Так хочется по-человечески расстаться!

Подполковник, не поднимая головы, читал газету.

– Одна нога здесь, другая – там! – наседали старший лейтенант.

– Ты, Жирик, хочешь меня под суд подвести. Если что случится, кто станет отвечать?

Чувствуя, что начальник стал понемногу поддаваться, Жирик продолжал наседать:

– Михаил Степанович, ничего не случится! Здесь до ближайшего дукана не более двадцати минут ходу!

– Иди, черт с тобой. Чтобы в 18.00 был в части! О прибытии лично доложишь!

– Раньше буду! В семь часов начало отвальной!

Выскочив из модуля, старший лейтенант бросился к броне, которая стояла неподалеку прямо за маскировочными сетями летней киноплощадки. Лежащего под машиной водителя Жирик увидел сразу. Его длинные ноги торчали из-за переднего колеса брони. Издалека казалось, что водитель занят ремонтом ходовой бронетехники.

– Веселый! – едва приблизившись, прокричал офицер.

Но Веселый, которого все так и называли по его говорящей фамилии Веселов, не отзывался. Старший лейтенант нагнулся и заглянул под броню. Солдат, удобно

устроившись на заношенном матраце, сладко спал. Его в ссадинах, грязные руки были привязаны ремнем к днищу БТР. Так сметливый водила имитировал для окружающих ремонт шасси.

– Ну, мудрец! – вслух произнес Жирик и носком ноги пнул солдата в ботинок.
– Подъем, боец! Труба зовет солдата в путь! – громко прокричал он и склонился вниз. – Оборзел, боец, долбаный, едрена долбаный... – Сашка грязно выругался.

Стреноженный ремнем солдат резко дернулся. Открыл глаза. Увидев офицера, он испуганно залепетал:

– Виноват, товарищ старший лейтенант, задремал малость!

Весёлый стал быстро высвобождать руки.

Времени было в обрез, поэтому Жирик не стал воспитывать солдата. Еще предстояло зайти за апельсиновым напитком в военторг, где предстоял нелicenseприятный разговор с Галкой. После ее возвращения из отпуска Сашке до сегодняшнего дня чудом удавалось избегать встречи с дуканщицей.

– Весёлый, ...ля, БТР на ходу?

– Так точно, товарлянт! – скороговоркой выпалил солдат

– Через двадцать минут выезжаем! Но вначале подъедешь к военторгу, только с обратной стороны! Всё понял? Действуй!

Не дожидаясь ответа, старший лейтенант стремительно направился в сторону военного дукана. Галка уже открыла магазин и бойко торговала желто-коричневыми банками кофе со сгущенным молоком, югославскими конфетами в ярких цветных пачках, завезенными на этих днях. Сока «Сиси» на прилавке не было. Оставшись незамеченным в магазинной толчее, Жирик осторожно выскользнул за дверь. Быстро обошел с обратной стороны. Дверь открыла напарница Галки.

– Тебе чего?

– Старшую позови! – как можно более официально произнес старший лейтенант.

Галка появилась сразу. Отправив вместо себя напарницу, она осталась наедине со старшем.

– Явился – не запылился! Чего тебе здесь надо?

Сашка протянул записку.

– А если у меня нет, что тогда?! – злорадно пропела женщина.

– Не может быть, чтобы у тебя и не было! Галочка, лапочка, выручи, пожалуйста! – Жирик даже не заметил, как перешел на заискивающий тон.

– Хм, замурлыкал, кот мартовский! Понадобилась ему Галочка – сразу такой уважительный, добренький стал, а то, видишь ли, замечать перестал! – слегка подбоченившись, Галка торжествующе смотрела на своего бывшего любовника.

Жирик решил молчать, чтобы таким способом успокоить разбушевавшуюся дуканщицу.

– Что молчишь, как в рот воды набрал! Конечно, теперь, когда заменяют, Галка не нужна стала! Кстати, интересно получается! До отпуска никто не возражал, чтобы меня на третий год оставили, а не успела вернуться – Андронников говорит, что уже нет возможности! Ты, случайно, не знаешь, в чем тут дело?

– Нет, не знаю! Я же тебя предупреждал: как только уедет Дятел, лафа сразу закончится, – Жирик виновато взглянул на женщину.

– При чем тут Дятел! Твой Кончаков, когда был здесь, тоже клялся и божился, что переведет в Кабул! И тоже молчок! Что-то здесь не так!

– Не знаю! – Сашка развел руками.

– Значит так, Жирик, пару упаковок дам, но не больше! – дуканщица направилась в подсобное помещение.

Офицер вошел следом.

– Галочка, милая, две мало! – залепетал Сашка. Его лупоглазый взор был полон умиления.

– Не проси! За свое хамское поведение ты и этого не заслуживаешь!

– Галюнок, дорогая, знаешь, как я переживал нашу размолвку!

Жирик неожиданно решил выяснить отношения. «От меня не убавится! Подвалю снова, а там уеду, и поминай как звали!» – мелькнуло у него в сознании.

– Я к тебе с серьезными намерениями, а ты? Знаешь, как обидно было! – Сашка изобразил на лице подобие душевной боли.

– Ах ты, ирод кривоногий! Кто меня подставил кадровику! Еще говорил, что в Кабул переведет!

С вытянутыми вперед руками Галка бросилась на офицера. Но Сашка уже был готов принять в свои объятия рассерженную женщину. Он крепко прижался к ее пышным округлостям тела. Галка обмякла, машинально обхватила его за шею. Чтобы в подсобку случайно не заглянули посторонние, Жирик свободной ногой плотно прикрыл дверь. Но Галка вдруг опомнилась:

– С ума сошел?! Люди войдут! Вечером приходи!

– Галя, вечером «вынос тела», а потом – я твой!

За КПП части БТР выскочил только в пять часов вечера, когда открытые ворота лишь впускали колонны, отдельные машины и бронетранспортеры. Дежурный прапорщик показал на часы, на что старший лейтенант небрежно махнул рукой.

Выбравшись на большую дорогу, бронемашина стремительно понеслась в сторону уездного центра. Жирик упруго, на полусогнутых ногах, стоял в правом люке на сиденье, словно наездник в стремях на лихом коне.

За первым поворотом, слева внизу показались бурлящие воды горной речки. Наверху стало совсем холодно. Сашка нагнулся и достал бушлат. Удерживая равновесие на броне ногами, он на ходу застегнулся.

Багровое солнце спустилось и почти касалось вершин дальних гор. Жирик, временами с опаской озираясь по сторонам, пристально смотрел вперед.

– Черт меня понес на ночь глядя! – заволновался Сашка. – Ничего, обойдется, не впервой, здесь рядом! – тут же успокоил он себя.

За очередным поворотом Жирик увидел большую отару овец, которая быстро приближалась. Погоняемая двумя погонщиками, она засветло возвращалась домой. Идея пришла сама собой.

– Веселый, не гони! – Сашка спустился в люк. – В стадо въедешь – притормози! Барашка прихватчу!

БТР плавно рассекал блеющее стадо. Перепуганные животные, налезая друг на друга, спешно выскакивали из-под колес ревущей машины. Крепкого телосложения бородатый афганец лет сорока со строгими чертами лица и шустрый под-

росток в советской солдатской шапке-ушанке, как могли, помогали машине продраться сквозь живую преграду на пути.

Почти вырвавшись из громкого, блеющего, неприятно пахнущего плена, БТР резко затормозил. Бородач и пастушок не успели опомниться, как Жирик, спрыгнув в самую гущу стада, выхватил и подал наверх водителю небольшого барашка. Машина надрывно взревела. Старший лейтенант уже на ходу забирался в люк. Напрасно шустрый подросток в отчаянии барабанил кулачками по стальной броне. Грозная боевая машина набирала скорость.

Знакомый афганский городок Жирик узнал по огромному зданию элеватора, которое бросалось в глаза издалека. Через десять минут, путаясь в собственном облаке пыли, БТР влетел в уездный центр.

Возле раскрытых настежь дверей небольшого приодорожного дукана принял вправо и остановился.

– Салом алейкум! – поприветствовал он знакомого дуканщика. – Четоур асти? Как дела?

– И здравствуй, кумандон! – афганец средних лет приветствовал Жирика. – Хороще дила, забись! – коротко выругавшись по-русски, владелец магазина вытянул вперед большой палец.

Как старые знакомые, по местному обычаю трижды поцеловали друг друга в щеки. Хозяин взял Жирика за руку и повел за собой в магазин. Оказалось, что внутри самой торговой лавки имелась не только подсобка для товаров, но и отдельная комнатка с низким потолком, где тускло горела керосиновая лампа.

По дороге Сашка осторожно высвободил свою руку. К дружеским жестам и любезностям афганцев Сашка с недавних пор относился настороженно-брезгливо. Дело в том, что на последней совместной попойке в афганской части по укреплению интернациональной дружбы и боевого содружества один подвыпивший афганский капитан сначала долго объяснялся в дружбе к великому советскому народу, бесконечно обнимал и целовал советского офицера, а потом, вытянув с собой покурить, стал снимать с него штаны. «Фу, мерзость!» – поморщился Жирик, вспомнив, как он еле отбил от афганца.

Только в половине седьмого Сашка закончил свои нехитрые торговые операции. На вырученные деньги, не выходя из дукана, он купил все, что было необходимо на вечер, – водку, пиво, зелень, желто-красные яблоки и коричневые груши, которые даже в это время года не потеряли своего товарного вида. Брать шашлык уже не было смысла. Симпатичный молоденький барашек, свернувшись за задним сиденьем водителя, покорно ждал своей участи в бронированной машине.

Быстро проскочив городской перекресток, одиночный БТР вырвался из объятий незаметно стихшего до утра уездного центра. Проектор ревущей машины далеко впереди разрезал темноту, освещая узкую ленту дороги, внезапно высвечивая в ночи грозные мрачные скалы. Жирик, пугливо озираясь по сторонам, посмотрел на часы. Они показывали ровно семь. Испугавшись позднего времени, Сашка нагнулся в люк.

– Весёлый, гони! Гони, родной.

Наверху было холодно. Даже теплый бушлат не спасал. Колючий встречный ветер больно хлестал в лицо, срывал с головы панаму. Еще минуту-другую нервно

поерзав на броне, Жирик решил спуститься вниз. Но сделать это ему самому не удалось. Острая резкая боль в правом колене, которую он почувствовал почти одновременно с автоматной очередью, неожиданно бросила его назад.

Услышав крик офицера, водитель сначала притормозил, а потом нажал на газ. Тело офицера бросило вперед в открытый люк. Ударившись головой о поднятую крышку, раненый чудом не свалился на землю, а провалился внутрь. Перепугавшись, Весёлый снова нажал на тормоза. Бросился к старшему лейтенанту, голова которого свисала вниз к рычагам машины. Перебитая пулей в колене нога, казалось, висела на одной штанине, не давая телу полностью свалиться в люк. Кровь сочилась по лицу, выступала на одежде, капала на пол и сиденье.

– Гони, гони! – превозмогая сильную боль, прокричал старший лейтенант и совсем провалился вниз на руки к солдату.

Сознание покинуло Жирика. Уложив его, Весёлый вылез наверх, чтобы забрать старлеевский автомат, висевший на крышке люка. В свете большого прожектора и зажженных фонарей БТР продолжал оставаться хорошей мишенью. Но, словно рассчитавшись сполна за украденного барашка, горы не хотели больше мстить...

В части БТР уже ждали. Ворота КПП были открыты настежь. Замполит части уже больше часа не находил себе места. Он сидел в комнате дежурного по КПП и беспрерывно смотрел на часы. После семи вечера с одиночной машиной в дороге могло произойти все что угодно.

Наконец отчетливо послышался гул моторов. В темноте вспыхнула движущаяся точка, огни которой приближались. Свернув с дороги, БТР въехал в ворота КПП и заглох. Тяжело дыша, Весёлый выбрался наружу. Со стороны КПП к броне бросился Андронников. Сильно волнуясь, заикаясь, водитель не сразу смог рассказать обо всем случившемся.

Жирика на руках вынесли через боковой люк, бережно положили на носилки в медавтомобиль – «таблетку» – и быстро повезли в санчасть. Шатаясь и озираясь по сторонам, в боковом проеме бронемашины показался барашек. Испугавшись темноты узкого железного пространства, он остановился в нерешительности...

Рана оказалась серьезной. Рано утром пара «вертушек» взяла курс на Кабул. Во избежание нежелательных последствий для себя подполковник Андронников еще вечером позвонил Кончакову.

Выслушав сбивчивый доклад замполита полка, кадровик был в растерянности.

– Черт знает, что у вас там творится! – он обращался на «вы». – Вы, Михаил Степанович, не только сами под трибунал можете угодить, но и меня ставите в щекотливое положение! Как вы могли разрешить выезд на ночь глядя?

Подполковник Кончаков неслучайно так гневался. Сделав все необходимое, чтобы перевести Жирика в Кабул, он невольно тоже попал в эту историю. Кадровик, хотя и косвенно, но нес ответственность за произошедшее вечером в «Долине смерти».

– Завтра позвоню, пока ничего не предпринимайте! Может, обойдется! Рана, говорите, тяжелая?

– Колено прострелено!

– Черт бы вас всех побрал!

Не дожидаясь ответа, Кончаков бросил трубку.

На следующий день из Кабула позвонили только поздно вечером.

– Кончаков говорит! – забулькало в трубке. Голос кадровика был подчеркнuto официально. – Товарищ подполковник, дело очень серьезное. Вашему подчиненному ампутировали ногу выше колена! Понимаете, что это значит?! – в трубке замолчали.

– Товарищ подполковник, Борис Яковлевич, как же так? Что же делать?!

– Говорите медленнее! Не разбираю, булькает! – раздалось на другом конце провода.

– Что делать, говорю! – растягивая слова, закричал Андронников.

– Раньше надо было думать! – кадровик не спешил подсказывать выход из создавшегося положения. – Судя по твоему докладу, Михаил Степанович, Жирик – нарушитель дисциплины? – Борис Яковлевич, перейдя на «ты», заговорил примирительно. – Выходит, сам во всем виноват! Прямо хоть под суд отдавай инвалида войны?!

– Нет, нет! Как вы могли подумать! Боевой офицер, награды имеет, звание досрочно... – принялся оправдываться Андронников.

Растягивать слова больше было не надо. Связь постепенно налаживалась.

– Вот поэтому давайте что-нибудь придумаем! Скажем, разве он не мог выехать по спецзаданию? В таком случае, он, минимум, заслуживает поощрения!

– Борис Яковлевич, точно! Он на проверку постов выезжал! – осенило замполита.

– Ну, этого я не знаю, вам на месте виднее! Надеюсь мне не надо подробно объяснять, как следует поступить и всё оформить! – Кончаков вновь перешел на официальный тон.

– Сегодня же напишу представление на орден!

– Михаил Степанович, только не пишите в наградном листе, сколько он лично убил, зарезал, кому открутил голову, ну и тому подобное! А то получается, если собрать все ваши наградные листки и посчитать число убитых, то вы у себя в «зоне ответственности» как минимум дважды всех душманов перестреляли! Только вот на деле их число почему-то не уменьшается!

– Нет, нет! Все будет нормально!

– В общем, подумай! – кадровик сделал ударение на последнем слове.

– Как там Сашок? – замполит наконец вспомнил о самом раненом.

– Жить будет! Неделю в Кабуле, затем в Ташкентский госпиталь. Не волнуйся, его я проинструктирую! – кадровик проникательно уловил суть заданного вопроса.

Михаил Степанович не успел попрощаться. В трубке замолчали...

Госпиталь

Летевший в ночи авиалайнер неожиданно вздрогнул. От сильного глухого удара в правый борт он вдруг накренился и стал стремительно терять скорость. Через боковое рваное отверстие в салон самолета хлынул упругий воздух небесного океана. Сразу заметно похолодало. Стальная птица, подбитая душманской ракетой, камнем летела к земле. В салоне воздушного корабля царил страшная паника. Людей, не пристегнутых ремнями, выбрасывало из кресел, словно легкие надувные шары. Несчастные пассажиры судорожно хватались за поручни, спинки и просто за своих соседей. Стюардесса безуспешно призывала по радио сохранять спокойствие. Ее испуганный слезливый голос тонул в стихии рыданий, криков и захлебывающемся реве поврежденных моторов.

От страшной силы удара об огромную отвесную скалу мощным гулким взрывом содрогнулись горы. Вниз, в зияющую в ночи пропасть, небольшими горящими огоньками полетели останки пассажирского самолета.

Федор Пашин, больше всего боявшийся во время полетов в Афгане остаться в живых, если самолет будет сбит «духами», тем не менее, чудом уцелел. Выброшенный воздушной волной из падающего, разломившегося пополам аэробуса, он упал в заросли тутовника вблизи заброшенного горного селения. Большое дерево, широко раскинувшее свою зеленую крону, приняло человека в свои спасительные объятия. Исцарапавшись, пока летел сквозь ветви, Федор свалился на землю. Механически ощупывая тело, он инстинктивно искал следы переломов. На удивление, все кости были целы.

Пашин ползком пробрался к груде разбросанных камней, за которыми виднелась небольшая выемка. Здесь огляделся. Белый как мел месяц контрастно горел в ночных небесах, серебрился в горной реке, которая шумела внизу.

Неожиданно в ночном завывании ветра отчетливо слышались странные звуки. Федор резко обернулся. Небесный звездопад обрушился на склоны гор. Во тьме афганской ночи вокруг места падения офицера замелькали таинственные огоньки. Кольцо пугающих звуков и огней стремительно сужалось.

– «Духи!» – промелькнуло в сознании лейтенанта.

Пашин стремительно кинулся обратно к дереву. В попытке обнаружить пистолет или гранату он вновь машинально ощупал себя. Ключья одежды едва прикрывали голое тело. Защищаться было нечем. Единственная пуля на тонкой тесьме на шее, которую лейтенант берет на крайний случай, без автомата помочь ему ничем не могла. Ужас и испуг в одно мгновение охватили офицера.

Полусогнутые фигуры душманов появились почти одновременно. Свою жертву они обступали со всех сторон. Уже была отчетливо слышна чужая, радостно повизгивающая речь, видны горящие диким огнем глаза. При свете фонарей поблескивали длинные кинжалы, чернели взятые наизготовку автоматы и пистолеты.

Федор закрыл глаза. Страшная картинка хорошо известной в Афгане истории гибели советского офицера от рук озверевших «духов» возникла в сознании.

Группа поиска. Горы, расщелины, «зеленка». Когда беднягу нашли, он был уже мертв. Изуродованное тело без рук и ног со зверски вырванной плотью висело на дереве. На лице повешенного застыла страшная гримаса насильственной смерти. Из прижженных огнем мест ножевых порезов еще сочились кровь. Мухи и другая неизвестная живность плотным слоем облепила смердящий труп.

– Нет, нет, нет! Пашин открыл глаза. Перекошенные бородатые рожи ненавидяще смотрели на русского офицера. Спертое прерывистое дыхание было совсем рядом. Оно душило, не давало свободно дышать. Стало невыносимо жутко. Казалось, еще мгновение, и занесенные ножи, желтые обнаженные клыки нечеловеческих зубов вонзятся в него, искромсают и разорвут на мелкие куски.

Задохнувшись от страха, Федор весь сжался. Но тут же, вконец отчаявшись, схватил с земли большой круглый камень и с душераздирающим криком бросился сквозь вооруженную толпу полулюдей.

Слегка подскочив в откиннутом назад кресле, Пашин проснулся. В салоне было очень душно. Пассажирский аэробус приступил к снижению. Между рядов ходили две высокие стюардессы, которые для порядка проверяли, чтобы все пристегнули ремни.

Федор глубоко и облегченно вздохнул, но ужасный сон не покидал сознание. Было страшно закрыть глаза. Сильная нервная дрожь продолжала ощущаться во всем теле. Наружу через пересохшие губы прорывалось тяжелое возбужденное дыхание.

– Что с вами? – немолодой узбек, сидевший рядом, наклонился вплотную к лейтенанту.

– Нет, нет, ничего. Простите, – Федор с извиняющим видом заморгал глазами.

Поймав на себе укоризненный взгляд светловолосой стюардессы, молодой офицер неуверенно щелкнул металлическими застежками пристегнутых ремней и машинально привел спинку кресла в вертикальное положение.

В ташкентском аэропорту самолет приземлился в четыре часа по московскому времени. В девять по-местному времени лейтенант добрался до окружного госпиталя. Свою жену он нашел в палате, где лежали только «афганцы».

Наташа сидела на краю железной кровати, на которой лежал Жирик, и укладывала в тумбочку припасы съестного. На одеяле в месте правой ноги ниже бедра бросилась в глаза неестественная впадина. Забросив руки за голову, Сашка исподтишка разглядывал Наташу. Федор осторожно прикрыл за собой дверь. Заметив резкую перемену в лице своего пациента, молодая женщина инстинктивно повернула голову назад. При виде мужа она вскрикнула, бросилась к дверям и через секунду повисла у него на шее. Не смущаясь присутствия посторонних, супруги жадно поцеловались. Никто в палате не заметил, как болезненно сморщился в кровати Жирик, а потом резко отвернулся к стене.

– Федька, дорогой! Как я соскучилась!

Наташа вождеденно смотрела в глаза мужа, нежно гладила его голову. Наконец, опомнившись, засыпала массой вопросов:

– Откуда ты взялся? Как узнал? На сколько приехал?

Федор коротко рассказал о своих двухдневных мытарствах в Союзе. Умолчал лишь о том, как серая пятиэтажная «хрущевка» встретила своего убитого на войне жильца, когда «рафик» с солдатским цинковым гробом подкатил к подъезду.

– Здесь вот тоже горе! – Наташа полуоборотом головы показала на кровать Жирика. – Сашка без ноги.

Молодая женщина всхлипнула.

– Я как узнала, так сразу решила лететь. У него, кроме нас, больше никого нет. Еще думала о тебе узнать. Феденька, правильно я поступила? – она вопросительно посмотрела на мужа.

– Все правильно, Наташенька. Ты просто умница!

Пашин нежно улыбнулся. Жена вновь бросилась на шею мужу.

– Наташка, подожди, неудобно. Дай с Сашкой поздороваться.

Федор осторожно перехватил руки девушки.

– Здорово, мужики! – по пути к постели однокашника лейтенант вначале поздоровался с его двумя соседями по палате.

Без особого энтузиазма ребята по очереди отозвались.

Федор подсел к кровати, осторожно коснулся плеча Жирика.

– Здравствуй, Саня!

– Здорово, – нехотя, без особой радости Сашка повернулся к Пашину.

Офицеры пожали друг другу руки.

– Разве так однокашники встречаются? – ворчала Наташа.

После небольшой паузы мужчины обнялись.

– Как тут?

– Всё в порядке, старик. Извини, что Наташке написал. Так уж вышло. Первое время тяжело было. Отец приезжал, так я его выгнал. Пьет, скотина! – Жирик старался не смотреть Пашину в глаза.

– Как тебя угораздило?

– Не знаешь, как? На операции, мина, – соврал Сашка и вновь отвернулся к стенке.

Дверь в палату с шумом отворилась.

– Товарищи, начинается обход. Всех посторонних прошу покинуть палату, – мужчина в белом халате, из-под которого торчали военные брюки, говорил подчеркнуто строго.

– Идем! – Наташа спешно взяла мужа под руку.

– До вечера. Я еще три дня здесь буду, – Пашин на прощание легонько толкнул лежащего в бок.

– Сашка, не хандри! – Наташа хотела было потрепать Жирика по волосам, но тот увернулся.

Однако ни вечером, ни на следующий день, ни в день разъезда супругов из Ташкента Федор уже больше не попал к однокашнику.

– Опять напился! – жаловалась Наташа мужу после возвращения из госпиталя.

– Никого не хочет видеть. Врачи говорят, что у него новый нервный припадок. Перевели в отдельную палату, никого не пускают. У меня только продукты возьмут и – до свидания! – одно и то же твердила девушка.

В их последнюю ночь в городской гостинице она неожиданно расплакалась.
– Всё из-за тебя! Не надо было тебе показываться ему на глаза. Вызвал бы меня, и достаточно.

– Наташа, что ты говоришь? Мы же однокашники. Разве я мог не повидаться?

– Ты не понимаешь, как ему тяжело? Он калека на всю жизнь. И вот ты – здоровый, веселый, жена рядом! – Наташа продолжала больно укорять мужа.

– Выходит, я виноват, что меня не ранило? У меня такое впечатление, что ты совсем не рада мне, – Федор приподнялся в постели.

Наташа, придерживая на груди одеяло, под села вплотную к мужу. Свободной рукою обняла его и нежно поцеловала в щеку.

– Дурачок! Как ты только мог такое подумать? Ты же муж мой, а Сашка – друг нашей семьи, твой однокашник. Как ты можешь, Федька? Человек попал в беду. Он калека! Я молюсь, чтобы ты вернулся живым и невредимым. Ради этого я готова днеть и ночевать в этом госпитале! Зря ты так.

– Наташенька, я очень соскучился по тебе. Столько не виделись! Как узнал, что ты здесь, сразу вылетел. А тут смотрю: ты какая-то другая. Всё Сашка, Сашка.

– Вот дурачок! Приревновал, точно приревновал! Нашел к кому. Никто мне, кроме тебя, не нужен, – Наташа вновь поцеловала мужа. – Сашку жалко. Он такие страсти про себя рассказывал. Жуть! Понимаешь, он – герой! Его ко второму ордену представили, звание досрочно присвоили.

Представляешь?! – безудержно, вдохновенно говорила девушка.

На мгновенье замолчав, она вдруг начала всхлипывать.

– Как он будет дальше жить? У него ведь никого нет!

– Ну что ты плачешь, глупенькая! Все обойдется. Сделают самый хороший протез, устроится на работу.

– Хорошо бы. Кстати, ты знаешь – он рапорт министру обороны написал с просьбой остаться в армии.

– Ну, вот видишь! Еще генералом будет.

– Смеешься? Знал бы ты, что он здесь творил до моего приезда, – страстно заговорила молодая женщина. – День и ночь пил, какую-то траву курил, в припадках всё рвал и метал. Отца выгнал. Медсестра рассказывает, что не раз слышала от него, как он грозил покончить жизнь самоубийством. Представляешь, как его война искалечила. Когда он начинает рассказывать про Афган, я не могу сдержаться, плачу, – Наташа, закрыв лицо ладонями, замотала головой.

– Ну, всё, всё! Успокойся. У Сашки теперь всё позади. Еще на его свадьбе будем гулять, – Федор, как мог, успокаивал жену.

– Скажешь тоже! Ему сегодня самому не до себя. Ты лучше расскажи о себе, как ты там? – неожиданно для себя девушка перевела разговор на другую тему.

– Нормально. Как и все.

– Никого себе не нашел?

– Разве может кто-нибудь сравниться с тобой? Лучше моей жены на этом свете никого нет! – Федор обнял и крепко поцеловал Наташу.

Панджшер

Еще до конца не рассвело, когда несколько пар «вертушек», набрав высоту, направились в сторону белоснежных горных арманд Гиндукуша. Лейтенант Федор Пашин летел в головном вертолете вместе с командиром батальона, который в этот раз решил разместить свой КП во второй роте. Причина объяснялась просто. Десантно-штурмовая рота на свой очередной боевой выход шла под командованием другого ротного. Вместо прежнего командира, убившего в Союз по замене, новым ротным был назначен лейтенант Пашин.

Известие о своем назначении Федор воспринял спокойно, хотя сам считал, что еще не готов командовать ротой. Поэтому в предстоящей Панджшерской операции новоиспеченный командир второй ДШР должен был надеяться на благосклонность своей судьбы, полагаться на опыт старослужащих бойцов и товарищескую поддержку также новоиспеченного заместителя командира роты Ивана Коваленко.

Чтобы не «поймать» пулеметную очередь с гор, «вертушки» шли на предельной высоте. Лейтенант Пашин внимательно всматривался в лица подчиненных. Спокойные, слегка задумчивые, они не выражали ни тревоги, ни боязни. Его строгий командирский взгляд, скользивший по переполненному салону боевого вертолета, сам собой остановился на безмятежном лице дремлющего друга.

Старший лейтенант Коваленко летел на очередное задание после бессонной ночи. Причиной тому была его последняя встреча с невестой. В предчувствии долгой разлуки она так и не дала заснуть Ивану.

– Плачет, дуреха! Говорит: не пушу, боюсь и всё! Видишь ли, беду какую-то чувствует! – перед самым вылетом поделился с ротным Коваленко.

Пашин постарался пристальнее всмотреться в усталое, мужественное лицо Ивана, исхудавшее не только от постоянных хождений на боевые, но и бесконечных интриг вокруг его любимой девушки со стороны старших начальников. В эту минуту он искренне сочувствовал непростой любви друга в Афгане.

– Вернусь, оформим отпуск по семейным обстоятельствам и в Союзе распишемся! – бросил Коваленко, когда они садились в вертушку.

Мысли Пашина прервались. Из кабины вертолета вышел командир экипажа.

– Через десять минут будем перед заданным районом!

Смысл сказанного Федор скорее разобрал по артикуляции губ, чем услышал. Команду «приготовиться» сидящие тоже толком не разобрали. Из-за шума моторов и гула винтов голос ротного едва был слышен. Но люди всё поняли. Салон вертолета сразу пришел в движение. Бойцы снова и снова поправляли снаряжение, без надобности трогали оружие, молча переглядывались.

Ровно в назначенное время «вертушки» одна за другой стали снижаться. Наконец ведущий вертолет завис над сопкой. Люди изготовились к десантированию. Желто-серая площадка небольшой горной сопки качалась внизу перед открытой дверью вертолета. На высадку отводилось крайне мало времени. Рискую сломать ноги при приземлении под тяжестью непомерного снаряжения, оружия и бое-

припасов, бойцы, тем не менее, не задумываясь, прыгали друг за другом в серую круговерть туманной дымки, которая разбегалась по сторонам от работы вертолетных винтов. Федор Пашин прыгнул последним. Про ушибленную о большой камень ногу думать было некогда. Бойцы ждали приказаний своего командира. Времени было мало. Выбросив десант, вертолеты сразу набирали высоту и ложились на курс для возвращения на базу.

Задача десантно-штурмовой роты была обычна и проста – блокировать отход банд. В этот раз боевому подразделению предстояло преградить путь вооруженным отрядам самого Ахмад Шаха. По данным разведки, они спешно покидали Панджшерское ущелье, которое находилось в семидесяти километрах севернее Кабула. В годы афганской войны Панджшер и имя Ахмад Шаха были известны далеко за пределами страны. Сын полковника афганской армии, известная личность еще по сражениям в отрядах палестинцев, Ахмад Шах свою войну против правительства начал задолго до советских войн. Однако истинную славу исламского «борца за веру» он обрел в начале 80-х годов, превратив известный Лазурный край в Панджшере, богатый лазуритом и алмазами, в неприступную крепость. Ходили легенды о фортификационных сооружениях в горах, подготовленных западными «спецами». Многие из них, действительно, были сделаны по последнему слову военной инженерной мысли и не имели аналогов в мире. Учебный центр, хорошо спрятанные в горах склады, госпиталь с современным оборудованием, отлаженная связь, разведка и ПВО делали Панджшер наиболее мощным укрепрайоном душманов на территории Афганистана.

Отлично вооруженные, обученные западными, пакистанскими и китайскими советниками, мобильные отряды Ахмад-шаха держали в постоянном напряжении весь центр страны, непосредственно угрожали безопасности афганской столицы, почти беспрепятственно хозяйничали на коммуникациях, прежде всего вдоль стратегической дороги Кабул – Хайратон.

Предпринимались неоднократные попытки уничтожить бандформирования Панджшерского льва, как величали в Афганистане Ахмад-шаха. Наибольшего успеха советские и правительственные войска добились в 1982 году, когда остатки муджахедов были окружены в самом сердце Лазурного края – в селении Базарак.

Неизвестно, по каким соображениям, но советские спецслужбы заключили соглашение о перемирии с почти поверженным врагом аж на два года. Видимо, надеялись легендарного муджахеда обратить в советскую веру. По рассказам очевидцев, правоверного Ахмад Шаха регулярно снабжали марксистско-ленинской литературой, всячески уговаривали поменять зеленое знамя джихада на красное знамя строителя социализма в отдельно взятой мусульманской стране.

Хозяин Панджшера дружбе не противился, но исподволь готовил свои формирования к окончанию перемирия. За два года щедрой помощи Запада, Ахмад Шах сумел полностью восстановить базовые укрепрайоны, хорошо вооружиться, а заодно существенно потеснить своих соперников из других партий афганской оппозиции.

В сороковой армии об Ахмад Шахе знали немного. А те, кто знал, за два года успели уже заместиться в Союз. О начале армейской операции в тот год узнали в последний момент, когда из Генерального штаба пришла соответствующая ди-

ректива. В Москве твердо решили раз и навсегда покончить с хозяином мятежного ущелья. В войсковой операции в Панджшере советское командование постаралось задействовать максимальное количество сил и средств. Всем специальным подразделениям был отдан приказ осуществить поиск и захват легендарного афганца, его заместителей и иностранных советников.

Вторая десантно-штурмовая рота под командованием лейтенанта Пашина имела более скромную задачу. Ей предстояло блокировать возможный отход формирований Ахмад Шаха через высокогорную часть границы в Пакистан. Вытянувшись в длинную цепочку, рота двинулась по узкому ущелью к намеченной на командирской карте цели. Безопасность ее движения обеспечивало охранение, которое шло по склонам гор слева и справа от скользящей внизу боевой ниточки.

До первого привала, определенного к полудню, группа должна была пройти добрую треть пути. Из-за гор уже появилось солнце, но было еще прохладно. Казалось, ничто не нарушит строгого графика движения. Охранение было постоянно на связи. Рота быстро двигалась к цели.

Неожиданно для всех в ясном утреннем небе появились самолеты. Сомневаться не приходилось – они шли бомбить душманские базовые районы, засеченные разведкой.

В тот момент, когда десантно-штурмовая рота невольно замедлила движение, чтобы проводить крылатых собратьев восхищенными взглядами, мысленно пожелать им удачи в «охоте» на врага, произошло необъяснимое. Оказавшись прямо над ущельем, одна из стальных птиц неожиданно отстала от большой краснозвездной стаи боевых самолетов. На глазах у десантников самолет сделал крутой разворот и со страшным ревом бросился к земле. Смертельный груз черных продолговатых бомб зловещим градом посыпался на землю. Походная колонна бойцов ДШР, вытянувшаяся в длинную вереницу, вмиг рассыпалась и залегла. Люди прижимались к земле, прятались в камнях и за скалами.

Грохот мощных взрывов потряс ущелье, гулкое эхо стремительно покатилося по горам. Камнепад в облаке песчаной бури лавиной устремился вниз, обрушился на бойцов, прижавшихся к скалам. Ужасное оцепенение охватило людей. Попадать под бомбежку своих самолетов им здесь еще не доводилось.

К счастью, пилот не рискнул пойти на второй круг бомбометания. Помахав крыльями на фоне темно-синего неба, словно довольный тем, что накрыл «духов», самолет быстро набрал высоту и кинулся догонять темневший на горизонте косяк краснозвездных железных птиц.

Возбужденный ропот человеческого испуга и негодования грозно прокатился между камней и скал, привел в движение людей, быстро соединил звенья разорванной цепочки.

– По своим бьют, сволочи! Совсем офигели! – шумели бойцы.

– Авианаводчик, сучонок, придушить мало! – нецензурно ругался радист, который вместе с рацией не отходил ни на шаг от ротного.

– Еще не хватало от своих погибнуть! Нарочно не придумаешь! – грустно сказал старший лейтенант Коваленко.

– Прекратить разговоры! Строго соблюдать тишину! – уверенно командовал Пашин. – Коваленко, Иван, хватит восклицать! Проверь людей! Через пять минут

начнем движение! Постоянно быть на связи! Поглядывая в небо и прижимаясь к земле, Пашин пошел в конец походной колонны.

Потерь не было. Одна легкая контузия солдата была не в счет. Боец уже пришел в себя. Группа двинулась вперед. Ясно стало, что к двенадцати часам дня запланированного расстояния не пройти. Поэтому график движения приходилось корректировать по ходу марша.

Солнце уже было в зените, когда колонна втянулась в новое, еще более узкое ущелье. Припекало. Бронежилеты и амуниция больно сдавливали грудь. Пот градом катил по лицу. Мокрая одежда неприятно прилипала к телу. Из-под неудобной каски трудно было разглядеть что-либо дальше спины впереди идущего товарища. Прошедший бомбовый душ добавил волнения, усилил ощущение жары. Хотелось пить. Но никто не отвлекался. Спешили успеть прийти в заданный район. Привал решено было сделать перед самым заходом солнца, чтобы затем в ночь совершить последний бросок.

День незаметно приближался к концу. Багровое солнце осторожно коснулось заснеженных вершин Панджшера. Голова цепочки показалась из ущелья. Прямо внизу шумел поток быстрой горной реки. На противоположном зеленом берегу второй роте предстоял привал. За спиной осталось двадцать километров пути. Усталые лица людей уже ощущали благодатную прохладу воды, измученные тела инстинктивно готовились освободиться от тяжелых «доспехов», с облегчением присесть на землю.

Но отряду не суждено было ни совершить долгожданный привал, ни выполнить поставленную задачу. Они охотились за врагом, а он, в свою очередь, сам искал легкую добычу. Таковы нравы войны. На ней чем больше везет, тем жестче и коварнее жди расплаты.

Размеренный, убаюкивающий шум реки в размеренной тишине вековых каменных гор в одно мгновение исчез, как только по людям, почти спустившимся вниз к воде, ударили пулеметы и автоматы. Пятачок возле речной переправы из камней расстреливали в упор со всех сторон. Люди бросились врассыпную. Но смертельный огонь встречал их у входа в ущелье, косил вблизи камней, наповал валил в воду. Стреляли профессионально. Пулеметные и автоматные очереди чередовались с одиночными выстрелами. Снайперы умело выхватывали из десантной полусотни командиров. Первым меткая пуля нашла командира первого взвода. Его безжизненное тело продолжало лежать у переправы. Забрать его «духи» не давали. Так и не добравшись до убитого, рядом с командиром распластались еще трое ребят.

Трудно было представить, что охотящийся может сам стать чьей-то легкой добычей, но вышло именно так. Удачливую роту у переправы ждали. Засаду ей устроил специально подготовленный отряд пакистанских наемников. О «духах» в черной одежде, неуловимых и метких стрелках, в те годы в сороковой армии ходили легенды. Об их боевой силе, коварстве и вероломстве слышать приходилось немало, но встречаться в бою доводилось не всем. Второй ДШР сегодня «почастливилось».

Застигнутая врасплох утомленная тяжелым горным переходом рота сопротивлялась на пределе своих возможностей. Уже в первые полчаса она потеряла

две трети личного состава. Тела убитых и раненых были разбросаны повсюду. Через час наемники практически расправились с советским десантно-штурмовым подразделением. Отстреливались остатки роты только из-за больших камней под отвесной скалой.

– Связь давай! – лейтенант Пашин все еще надеялся вызвать подмогу.

– Молчит, сука, не слышу!

Рация ротного молчала практически с самого начала боя. Не было связи ни с охранением в горах, ни с командным пунктом бригады.

– Еще раз «Центр» вызывай! Слышишь, «Центр» давай!

Перекатываясь от одного камня к другому, Федор Пашин метался между товарищами. Раскалившийся ствол его автомата почти не смолкал. Фонтанчики от разрыва вражеских пуль пока безуспешно прыгали по серому скальному камню в стремлении заставить замолчать «говорливый» АКСМ лейтенанта.

– «Волга», «Волга»! Я – «Кедр», я – «Кедр»! – как мог, умолял рацию радист. Его глаза были полны слез.

Здесь, у больших камней, под навесом массивной горной породы собрались остатки роты. Санинструктор Невинный напрасно пытался помочь прапорщику, умиравшему в предсмертных судорогах. Еще секунда, и он навсегда уткнулся лицом в небольшую лужицу, которая весь день собирала в себе капельки живой влаги, стекавшие со скалы по зеленому мху.

Боеприпасы были на исходе, но остатки роты продолжали стойко держаться. Когда ненадолго стрельба стихала, советским бойцам на ломаном русском языке враги предлагали сдаться.

– Иначе всех вас будем убивать! – заканчивались их призывы.

Получив в ответ прицельные выстрелы, наемники вновь подвергли массивной огненной атаке убежище шурави. Получив достойный отпор, штурмовать они больше не решались.

Незаметно прошло еще два часа. Солнце уже скрылось за горными вершинами. Стало быстро смеркаться. Но спасительная темнота не спешила прийти на выручку оставшимся в живых советским бойцам.

За первым камнем послышался шорох. Лейтенант Пашин моментально повернул ствол автомата вправо.

– Фу! – облегченно вздохнул Федор.

– Что со связью? – в убежище роты вскочил Коваленко и бросился за камень. Появление Ивана повлекло за собой новый шквал огня.

– А-а! – вскрикнул Невинный. Свинцовая капелька насмерть сразила санинструктора.

– У, падлы! – прильнув к камню, Коваленко ответил длинной раскатистой очередью по зарослям кустарника на горе.

– Кончай! Надо ждать темноты! – Федор силой оттащил друга назад.

По камням, вновь огрызнувшимся автоматным огнем, дружно ударили со всех сторон. Живые бросились под скалу. В грохоте стрельбы не было слышно предсмертных воплей Коваленко и радиста. Осколки походной рации, вдребезги разлетевшейся от пулеметной очереди сверху, сильно посекали лицо и руки Пашина.

От прицельного огня врага его спасла не каменная защита. Тела товарищей, сраженных метким огнем наемников, рухнули и придавили собой командира роты. Федор сильно ударился головой о камень. Почувствовав резкую, острую боль в левом плече, он потерял сознание.

Очнулся, когда было совсем темно. Короткие автоматные очереди на пятачке у переправы вмиг заставили прийти в себя. Прямо впереди, возле каменных глыб, воинственные мужчины, заросшие бородами, в черной форме хладнокровно добивали раненых, обыскивали убитых и собирали оружие. Очереди заглушали предсмертные крики двадцатилетних парней. В воздухе висел стойкий запах горелого человеческого тела. Пашин больно закусил губу. Рывком попытался вырваться из-под груды тел, но снова потерял сознание.

Тем временем наемники торопились. Оставалось проверить два камня под отвесной скалой, ответный огонь откуда надолго задержал их в засаде возле реки. Двое бородатых людей в черном с двух сторон осторожно приблизились к неприступному убежищу десантников. Лихорадочно разрядили автоматные рожки в темное пространство между скалой и камнями.

Но пули наемников цели не достигли. Мертвые тела Коваленко, Невинного и радиста в последний раз судорожно вздрогнули. Сдвинулись с места и полностью закрыли лежащего под ними живого человека. Отсутствие криков, видимо, успокоило автоматчиков. Они смело шагнули под скалу. Федор Пашин так и не вспомнит, как совсем рядом с его лицом на секунду встанет нога безжалостного врага в высоком армейском ботинке. Забрав трофейное оружие, наемники не стали шарить по телам убитых. Отрывистая гортанная речь главаря приказным тоном звала бородачей за собой.

Незаметно, под покровом ночи, спецгруппа наемников покинула пятачок у реки. Узкая горная расщелина на противоположном берегу вывела ее в безопасное место, где можно было отдохнуть и снова выйти на «волчью» охоту.

Второй раз Федор Пашин очнулся от нестерпимой боли в плече. Вся тяжесть человеческих тел пришлась на правую раненую сторону, на которой неудобно было лежать. Превозмогая боль, Федор с трудом выбрался из-под своих мертвых спасителей. Прислонился спиной к камню. На темном небосклоне горели яркие звезды, становилось непривычно холодно.

Федор попытался укрыться руками. Наткнулся на рану. Чуть не вскрикнул. Ощупав плечо, с облегчением вздохнул. Пуля прошла по касательной и зацепила только мякоть. Кровь уже запеклась. Рука больше болела от тяжести тел, чем от самой раны.

Здоровой рукой Пашин снял каску. С отметиной от пули, она верой и правдой послужила сегодня хозяину. Еще не вникнув до конца в произошедшее, он откинулся назад. В голове шумело. От потери крови во всем теле чувствовалась слабость, ноги были ватными. Слегка пошевелившись, Федор нащупал белую пластмассовую флягу. Она была пуста. Снял с ремня убитого радиста другую. Жадно напился. В санитарной сумке Невинного нашел ампулы и шприц. Сделал себе укол промедола. С большим трудом перевязал рану. Сделал небольшой глоток из пузырька со спиртом. Затем обработал им руки и лицо, пораненные камнями и осколками рации.

– Фу, гадость! – поморщился офицер.

Только теперь Пашин медленно стал приходить в себя, осознавать, что с ним произошло. Состояние полузабытья постепенно рассеивалось. Чувство тревоги стало нарастать. Не найдя автомата, Федор в испуге ощупал себя. На шее висел только бинокль. Командирские часы тихо тикали. Горящий в темноте циферблат показывал половину двенадцатого. Раненный человек несколько успокоился, когда нащупал на поясе, в кармашке, специально вшитом изнутри маскхалата, ребристую гранату.

Лейтенант взгляделся в темноту. Тела мертвых ребят с изуродованными пулями лицами лежали рядом. Кровь вновь прихлынула к голове. Страх и ужас одновременно пронзили тело. Бешено заколотилось сердце.

Федор прополз по телам. Они были бездыханны. Оружия не было. «„Духи“ унесли с собой!» – мелькнуло в воспаленном сознании. Крепко сжимая в руке гранату, офицер выбрался из-за камней. Привстал. Полусогнувшись, двинулся вперед. Трупов больше Федор не нашел.

Услышав шум воды, спустился к реке. Здесь, на прибрежных гольшах, он наткнулся на распластанное тело взводного. Распоротый живот был полон камней. Вместо лица – изуродованная красная маска. Еще два тела в неестественной позе застряли в самой воде между больших камней. Стало ясно: убитых сбрасывали в реку. Большую часть тел, видимо, уже снесло по течению.

Собрав волю в кулак, лейтенант Пашин встряхнулся, осмотрелся. Надо было идти. Чтобы донести своим всю правду о случившемся в треклятом горном каньоне и хотя бы таким образом искупить свою вину перед погибшими товарищами.

Он осторожно выбрался наверх. Вернулся к скале. Привалил тела сослуживцев лежащими вокруг камнями. Неожиданно для себя неумело перекрестился. Рожденный простой русской женщиной, в обычной нательной рубашке крещеный в младенческие годы в церкви, он сегодня чудом остался в живых. Так здесь, на чужбине, в горном ущелье у трупов своих товарищей, молодой офицер вновь обрел веру в бога и предначертание судьбы.

Время бежало быстро. Часы показывали без четверти два ночи. В небе ярко светила луна и горели звезды. Надо было уходить. Ощущение тревоги не ослабевало, заставляло лихорадочно соображать, подчиняло разум и уставшее тело силе воли и чувству долга. «Надо немедленно сообщить своим!» – стучало в висках. «Прислать „вертушки“ и забрать тела!» – соображало сознание. «Я обязан дойти до своих!»

Федор решительно направился вверх по камням. Выше идти становилось трудней. Цепляясь за острые углы горных пород и редкий кустарник, он каждое свое движение обозначал шумом падающих камней. Он ненадолго замирал, прижимаясь всем телом к неудобной скалистой лестнице, мучительно вглядывался в темноту. Вслушиваясь в пугающие звуки горной ночи, лейтенант машинально то и дело трогал гранату.

Незаметно стало светать. Взобравшись на сопку, Федор решил отдохнуть, выбрав заросли небольшого кустарника. Но вконец измученного лейтенанта, кусты встретили страшным криком. Чьи-то сильные руки вцепились ему в горло. Глаза двух людей, борющихся за жизнь, налились кровью, заблестели животным све-

том. Прошло еще несколько секунд, прежде чем нападавший узнал в своем противнике командира.

– Товарищ лейтенант! – хрипел солдат, расслабив клещи своих рук.

Только сейчас в оборванном, в синяках и кровоподтеках человеке Пашин узнал сержанта Василия Нефедова.

Несмотря на то, что Василий лишь неделю назад вернулся из кабульского госпиталя, идти на Панджшерскую операцию он изъявил желание сам. Ему хотелось, как и в прошлый раз, быть с лейтенантом Пашиным. Поэтому неслучайно сегодня командир направил его старшим в охранение.

– Ты? Ты зачем здесь?

Тяжело дыша, офицер с трудом выдавливал из себя членораздельные звуки. Его повисшие, как плети, руки, еще мгновение назад сдерживавшие звериный порыв напавшего на него сослуживца, скользнули вниз. Измученные жестокой борьбой, мужчины теперь молча сидели напротив друг друга, пытаясь осознать все произошедшее с ними.

– Как ты здесь оказался? – ротный совсем забыл, что делал его подчиненный в горах.

– Я старший в охранении. Мы шли втроем! – бессвязно объяснял солдат. – Стали спускаться к реке. Я задержался, присел, чтобы сообщить по рации, что переправа свободна.

Василий говорил все уверенней и понятнее.

– Вдруг слышу: впереди шорохи! Выскакиваю на шум. Два «духа» добивают старшину роты. Не успел дать очередь, как меня сзади сбили с ног. Автомат выпал. Я к нему. «Дух», здоровый такой, черный, с ножом, и на меня. В горло метил, но промахнулся. Сука духовская! – выругался солдат и показал след от ножа на брошенной жилете. Куски разорванной материи ершились внизу от левой ключицы.

– Короче, хорошо засадил ему! Смотрю, второй целится. Я бежать, но не удержался – сорвался вниз! Не стреляли. Наверное, были уверены, что разобьюсь. Высоотища какая, охренеть просто! – Нефедов показал на горную вершину справа.

– Понятно, шум боялись поднять! Чтобы роту у реки не спугнуть! – решил Пашин.

– Может быть! Как летел, куда? Не помню! Очухался здесь, в кустарнике. Слышу – стрельба! Я к тому камню! – рассказчик показал на край сопки. – Смотрю вниз. Суки, что сделали! – сержант заскрипел зубами. Все его тело задрожало. – Суки! Убивать их надо! Бомбить всех!

Он судорожно тряс головой, здоровенные руки Василия сжимались в мертвой хватке. Глаза его бешено горели. Шрам от предыдущего ранения на лице стал пунцовым.

– Что я мог сделать, товарищ лейтенант?

– Ты видел, как добивали раненых?

– Видел! Все видел! Ребята кричали так, что горы стонали. Слышишь, командир? Горы рыдали! Оружия не было, я бы их всех поубивал!

– Да что бы ты сделал? – Федор махнул рукой. Затем коротко пересказал последние минуты боя.

– Взводный? Коваленко? Невинный? – только успевал задавать вопросы Нефедов.

– Товарищ лейтенант, я сволочь, да? Не смог помочь?!

На солдата было больно смотреть. Он метался в припадке мучавшей его совести. От волнения заговорил с еще большим заиканием.

– Товарищ лейтенант, надо спуститься, чтобы тела захоронить.

– Нет. Надо идти!

– А оружие? Нам ведь нужно оружие? – вновь спохватился солдат.

– Всё оружие «духи» забрали! Граната на двоих – вот и вся наша защита!

– У меня патроны есть! – сержант достал из кармана горсть патронов.

– Еще бы автомат к ним! – грустно усмехнулся лейтенант.

Незаметно рассветало. Солдат и офицер осмотрелись. Колючий кустарник утопал в небольшой впадине горной сопки. Рядом лежал огромный камень. Спасительное пристанище едва скрывало головы сидящих здесь людей.

– Пару часов отдохнем и вперед! Спать будем по очереди! Наблюдение вести в бинокль! – командир быстро принимал решения.

Решили перекусить. После еды потянуло в сон. Пашин поудобнее облокотился на каменный выступ. В небе вдруг начал нарастать гул самолетов. Высоко в небе над горами Панджшера летела новая стая краснозвездных самолетов. Армейская операция против Ахма Шаха продолжалась.

Наташа

За два месяца Наташа Пашина получила от мужа лишь одно-единственное письмо. В ответ она отправила сначала одно, через неделю второе, затем еще и еще, но от Федора не было никаких вестей.

Беспокойство усиливалось. Через месяц отец Наташи полковник Сосновский со службы дозвонился до части, где служил зять. Вечером произошел разговор с дочерью.

– Папа, где мой муж? На каком-то мероприятии? На митинге? На торжественном собрании? На вечере вопросов и ответов? – спрашивала дочь в ответ на скудные объяснения отца.

– Если он на боевом выходе, зачем говорить, что на мероприятии? Слово-то какое придумали! Только ведь не может одно мероприятие второй месяц длиться! – язвила Наташа.

Между тем тревога девушки за судьбу своего мужа с недавних пор стала тесно переплетаться с беспокойством об Александре Жирике. Весть о том, что ему ампутировали ногу, буквально потрясла всю семью Сосновских. После возвращения из ташкентского госпиталя Наташе не надо было долго уговаривать отца, чтобы он смог поскорее помочь офицеру.

– Да, совсем запущенный случай! – грустно отреагировал отец на рассказ дочери по поводу душевного состояния тяжело раненного «афганца».

– Ладно, придется его ставить на ноги, что называется, в прямом и переносном смысле слова, – Сосновский доброжелательно отнесся к просьбе Наташи.

В тот вечер он по-отечески поцеловал, обнял и прижал к груди любимую дочь, погладил ее волосы.

– Девочка моя, успокойся, пожалуйста, и не переживай!

Полковник опустил глаза. Он не мог рассказать дочери всего того, о чем узнал сегодня утром. Как офицер Генерального штаба, полковник Сосновский по спецсвязи разговаривал с Кабулом. Из штаба армии ему сообщили, что рота лейтенанта Пашина попала в засаду. Имеются большие потери. Правда, среди погибших лейтенант Пашин не значится. Значит, остается надежда.

Вскоре по ходатайству полковника Сосновского старшего лейтенанта Жирика перевели в Москву в госпиталь имени Бурденко. Наташа теперь чуть ли не каждый день моталась к нему через весь город. В палате к девушке быстро привыкли, считая ее не то женой, не то сестрой Сашки. Наташа особенно и не старалась разубеждать ребят. И без того забот возле больного было невпроворот. Ее добрая женская душа желала только одного – чтобы как можно быстрее вернуть Жирика к жизни.

Принимая близко к сердцу боль и страдания Сашки, она еще больше переживала за мужа, страшно боясь, что подобная участь, не дай бог, может постигнуть ее Федора. Заботясь о Жирике, молодая женщина как бы вымалывала у Всевышнего жизнь и здоровье другому для нее человеку.

Вскоре Сашке сделали протез. Наташа принялась обучать его заново ходить. Время стремительно летело. Окрыленный сестринской заботой Наташи, Жирик быстро возвращался к жизни. Каждый новый день теперь приносил ему радость. С некоторых пор он стал следить за собой. Чисто брился. Всегда аккуратно причесывался, старательно укладывая волосы, чтобы не блестела наметившаяся лысина на затылке. При появлении Наташи Жирик сразу оживал. Чужая жена, молодая женщина, которая когда-то была его невестой, вновь становилась для него смыслом жизни, заменяла родных и близких.

Пока старший лейтенант Жирик находился в госпитале в Москве, были урегулированы главные для него проблемы. Министр обороны, в порядке исключения, удовлетворил просьбу старшего лейтенанта Жирика остаться служить в рядах Вооруженных Сил. Во многом благодаря полковнику Сосновскому был положительно решен вопрос о переводе старшего лейтенанта в город Москву. Теперь для Сашки не было большего счастья, чем чувствовать себя полноценным человеком, таким же офицером армии, как и все другие. Оказывается, жить можно и с одной ногой.

О переменах, происходивших в своем подопечном, Наташа могла без устали рассказывать дома. Мать, внимательно следившая за отношениями дочери с бывшим ухажером, уже высказывала мужу свои опасения и беспокойство. После того как Жирик, выписавшись из госпиталя, поселился у них постоянно, она решила все-таки поговорить начистоту с дочерью.

– Наташа, доченька! – заговорила мать, когда они остались вдвоем на кухне.
– Ох, не нравится мне все это!

– Что именно, мама?

– Федор не поймет! Он там под пулями ходит, а от его жены мужчина не отходит, пусть даже инвалид. Не дай бог, что случится, нам с отцом отвечать!

– Что, мама, может случиться?

– А то и случится!

– Так ты предлагаешь инвалида выгнать на улицу? В общаге ему, что ли, жить на одной ноге? Посоветуй, как поступить!

– Не знаю!

– Чего тогда говорить! Вот получит квартиру, тогда и уйдет!

– Когда он ее еще получит!?

– Я человека выгнать не могу! Если хватит у вас с папой совести, поступайте, как знаете!

– Доченька, что ты говоришь? Кто его гонит, пусть живет. Одного боимся, как бы чего не вышло! Муж у тебя есть. И не просто где-то, а на войне!

Откровенный разговор с матерью не прошел бесследно. Пашина решила обо всем поговорить с Жириком. Удобный случай представился через неделю. Произошло это на следующий день после возвращения Сашки из отпуска. Он на две недели ездил к отцу в Сибирь.

В тот день девушка пришла с работы пораньше. Вышедший открыть дверь Жирик сразу понял, что Наташа сегодня совсем другая.

– Здравствуй, Наташенька! Здравствуй, свет мой!

Сделав вид, что ничего не заметил, Сашка по привычке поспешил выразить словами радость видеть девушку. И он не лукавил.

– Можно подумать, что утром мы с тобой не виделись! – раздраженно ответила девушка на приветствие постояльца.

От произнесенного им сегодня слова «мой» Наташе стало не по себе.

– Наташенька, что-нибудь произошло?

– Дома кто-нибудь есть? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Никого! Мама звонила, будет к шести!

Жирик осторожно умолк.

– Мама... Сыночек нашелся! – едва слышно пробурчала Наташа.

– Что ты говоришь? – переспросил Сашка.

Заметная сухость в словах девушки, обычно веселой и приветливой с ним, больно задела его.

Видя, как переменялся в лице Жирик, Наташа сразу спохватилась:

– Какие у тебя новости?

– Все хорошо! Ходил на будущую работу. После отпуска выхожу. Документы все оформили. Выйду – напишу рапорт на квартиру. Должность пока капитанская. Но, как офицер, служивший в Афганистане и имеющий боевые награды, могу поступать в академию, причем вне конкурса! – несколько оживившись, Сашка хвастал своими очередными успехами. – На машину встану в очередь! Будем кататься!

Жирик сопровождал девушку из прихожей на кухню. Ловко опираясь на инвалидную трость, он почти не хромал.

– Как инвалиду, ведь быстро дадут! Махнем на юг, по Союзу покатаемся!

– Кататься, говоришь, будем?!

– Конечно, а что? – Сашка недоуменно посмотрел на Наташу.

– Нет, ничего! Только вот что я думаю! Если так быстро мы поедем, то и впрямь забудем, что у меня есть муж, законный, кстати! Федор его зовут! Слыхал о таком? – с явной издевкой в голосе говорила Наталья Пашина. – Мой Федор, которого я жду! Понимаешь ты это, когда предлагаешь «на юга» махнуть?

Она нервно бросила целлофановый пакет с продуктами на стол. Устало присела рядом.

Жирик, не шелохнувшись, остался стоять в дверном проеме. Вновь помрачнев, отставив ногу на протезе дальше обычного вправо, чтобы было удобнее сохранять равновесие, он молчал. В тишине неприятно щелкали суставы его пальцев. Сашка делал так всегда, когда сильно волновался.

Наташа резко подняла голову, не мигая, посмотрела ему в глаза.

– Да не гляди на меня так! Мы с тобой по вечерам, как голубки, в комнате воркуем, а от Федора ни слуху ни духу! Что с ним?! Где он сейчас? Вдруг убили?

Она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

– Успокойся, пожалуйста! Не убили его, жив! Если бы что случилось, давно стало бы известно!

Жирик осторожно коснулся плеч девушки.

– Тогда почему столько времени писем от него нет?

Она встала со своего места, медленно направилась в большую комнату. Жирик заковылял следом.

– Всякое может быть!

– Но не два с лишним месяца!? Разве две строчки нельзя черкнуть? Написать – жив, здоров и всё!

Наташа остановилась. Вытерла повлажневшие глаза. Не поворачиваясь, стала смотреть в окно.

Внизу улица жила своей привычной жизнью. Работали магазины. Светофоры на перекрестке регулировали движение транспорта. Звенел под окном трамвайчик. Люди спешили домой после работы. На противоположной стороне улицы во внутреннем дворе детского сада играла детвора.

В этот же день, когда с работы поздно вечером возвратился полковник Сосновский, разговор о судьбе пропавшего без вести зятя возник сам собой вновь. Отец Наташи и Жирик после ужина вышли перекурить на лестничную клетку. Внизу на улице всё еще сновали машины. Раздавался смех и громкие голоса молодежи. Разговор начал полковник.

– На последнюю операцию Федор ушел ротным.

– Не может быть, он же политработник!

– На войне все может быть! Как выяснилось, его группа напоролась на засаду в горах.

– Где?

– Не помню. Панджшер, что ли?

– Да, Панджшер, есть такое место! Главное логово «духов»!

– Все подробности пока неизвестны. На месте предполагаемого боя вниз по течению реки нашли трупы. Но не всей роты. Где остальные, также неизвестно...

– Может, в плен взяли, такое в Афгане бывает, – высказал предположение Жирик. – Хотя вряд ли! Федор скорее подорвет себя, чем сдастся! – рассуждал вслух Жирик.

– Вот такие дела, брат-«афганец»!

– Наташка знает?

– Нет. И ты молчи! Не вздумай ей сказать!

Сосновский глубоко затаился. Они вновь замолчали. На стене мерно отстукивали свой ход часы.

– Короче, надо быть готовым ко всему, но раньше времени болтать лишнего не следует! Всё понял!?

– Есть! – Сашка утвердительно закивал головой.

Так на лестничном пролете многоэтажки, втайне от женщин, мужчины приготавливались к самым худшим ожиданиям. В эту минуту в возвращение лейтенанта Федора Пашина они почти не верили...

Хождения по горам

Худой, заросший человек лежал среди больших желто-серых камней. Яркое летнее солнце немилосердно слепило глаза. Чтобы хоть на мгновенье продлить сновиденье, он закрывался от солнечных лучей руками, надвигал на глаза панаму, поворачивался с боку на бок. Но, как бы он ни желал вновь заснуть, сделать это было уже невозможно. Сознание медленно пробуждалось, неотвратимо возвращало его ко дню наступившему.

Заканчивалась вторая неделя скитания по горам. Уйдя километров на сорок от злополучного места, где вторая ДШР напоролась на засаду, лейтенант и сержант окончательно заблудились в горах Панджшера. Бывали ночи, когда они часами кружили вокруг одного и того же места. Спрятавшись под утро в новом убежище, чтобы переждать дневное пекло и с заходом солнца вновь отправиться в дорогу, люди приходили в отчаянье от одного того, что они находятся там же, откуда вчера вечером ушли. Когда окончательно сориентировались на месте, то стали двигаться только по ночам. Боялись нарваться на «духов». Днем по очереди отсыпались. При появлении в небе самолетов и вертолетов, моментально оживали. Первое время кричали, махали руками. Отчаявшись – перестали. И все-таки продолжали верить в чудо. Поэтому Федор и Василий тоскливым взглядом подолгу продолжали смотреть в небесную голубизну. Затаив дыхание, они провожали краснозвездных стальных птиц, которым всякий раз было не до двух соотечественников, заблудившихся в горах на чужбине.

Последнюю неделю шли уже и днем и ночью. Привалы делали через каждые два-три часа движения. Еды уже не осталось. Силы быстро покидали их измученные тела. Лейтенанта беспокоила раненная рука. К концу второй недели она просто болталась, как плеть, причиняя нестерпимую боль командиру. Нефедов через день чистил рану ножом.

Улучшение неожиданно наступило три дня назад. В их очередном дневном убежище солдат обнаружил целебную черную смолу.

– Командир, мумие! Надо помазать рану!

– Давай, хуже не будет! – решил Федор.

Хуже действительно не стало. Через пару дней, на удивление, появились первые признаки заживления. Помазали еще. Офицер сразу повеселел.

– Еще бы пожрать чего-нибудь! Совсем было бы хорошо! – Пашин в который раз попытался выскрести из карманов крошки еды.

Теперь им все чаще приходилось питаться подножным кормом. От употребления диких плодов и трав всякий раз начинало «крутить» животы. Спали плохо. Дольше обычного поднимались с земли. Офицер оказался покрепче, сержант едва поспевал за ним в пути. Последние несколько суток он был молчалив и зол.

Однажды вечером лейтенант решил сделать большой привал и хорошенько отоспаться. По его расчетам, до большой дороги оставалось идти недолго. Всю

ночь от начала до конца спал только сержант. Офицер не стал будить вконец измученного парня в условленное время. Сам, в полудреме, продержался лишь до рассвета, а потом беспомощно провалился в черную дыру и заснул. Разбудил Федора яркий свет утреннего солнца.

Наполовину выбравшись из-за кустарника и под прикрытием желто-серых камней, офицер прильнул к биноклю. На крутых склонах были хорошо видны деревья. До его уха донеслись какие-то неясные, едва слышимые звуки. Лейтенант посмотрел вверх. Синева чистого неба молчаливо слепила глаза. Тогда он снова поднял бинокль и стал внимательно глядеться вниз, пока не обнаружил причину непонятного шума.

У выхода из небольшого ущелья около двух десятков людей сидели возле костра, суетились вокруг животных. Они были в полной уверенности, что их никто не видит. Высокомерно задрал головы, стояли и лежали на земле уже загруженные верблюды. На нескольких верблюдах поверх тюков со скарбом Федор разглядел молодых ягнят, которые были увязаны в небольших корзинах. Заросшие мужчины, обутые в высокие военные ботинки, основательно готовились отправиться в путь.

Лейтенант уже почти не сомневался в том, что это были кочевники. Его даже не смутило наличие у людей обыкновенных охотничьих ружей. «Автоматов и винтовок нет, боевого охранения не видно – точно, простые кочевники!» – решил про себя Федор. Снующие между животными женщины и дети окончательно развеяли его сомнения. Федор навел окуляры на дымящийся костер. Женщина, одетая в свободное платье со сборками и широкими рукавами, из-под которого виднелись темные штаны до щиколоток, размашисто жестикулируя руками, о чем-то переговаривалась с сидящим неподалеку мужчиной. Серебристого цвета украшения на шее и руках, блестящие на солнце, хорошо были видны даже из укрытия.

«Ага! Если кочевники, то, значит, должна быть поблизости дорога! Наверняка или на нее выходят, или параллельно идут!»

Так рассуждая, офицер полез на противоположную сторону их ночного приюта. Дальний гул и непонятный рокот быстро нарастали, становились еще более различимыми в утренней тишине гор. Поднеся к глазам бинокль, Федор едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Внизу прямо под ними узкой ниточкой забиралась вверх дорога. В бинокль она видна была как на ладони. С одной стороны над выщербленным полотном, сильно изъеденным подрывами, нависали темно-серые скалы, а с другой – бежала горная река. В целом ряде мест она была перегорожена камнями и остовами обгоревшей техники.

Вне себя от радости Федор бросился назад.

– Василий, Нефедов, Вася! – тормошил он сержанта. – Внизу дорога!

Открыв глаза, подчиненный стал очумело крутить головой, а затем ринулся выбираться из кустарника. Офицер здоровой рукой схватил его за куртку.

– Куда? Спятил? До дороги километров пять, кругом «духи»! Посты наши надо искать!

Зеленовато-серые глаза сержанта недобро засверкали. Шрам на щеке налился кровью. Лицо стало злым. У него задрожали губы.

– Всё, не могу больше! Не могу! Дорога рядом! Какую еще ночь ждать? Скоро колонны пойдут! Сейчас пойдём, вечером дома будем! – он жестом показывал вниз.

– Василий, успокойся! Какая колонна? Надо вначале осмотреться, всё как следует разведать!

– Чего ждать? Я иду!

Сержант попытался встать, но Федор решительно усадил его на место. Как в первый день, когда они нашли друг друга после страшного боя в горах, лейтенант обнял

Василия и склонился к нему головой.

– Нельзя нам сейчас собачиться! Вместе надо быть! Памятью погибших ребят заклиная тебя! Никто нам не простит, если за несколько часов до спасения нас прикончат «духи»! Ты же знаешь, сколько их вокруг дороги вертится! Ты меня слышишь, Василий? – офицер встряхнул молчавшего солдата. – Потерпи! Ты и не такое терпел! – Федор осторожно прикоснулся ладонью к ране на щеке сержанта.

После минутного молчания Нефедов широко открыл глаза. Виногато улыбнулся.

– Хорошо, командир! Приказывай!

Его рука уверенно легла на плечо офицера.

– У-у-х! – застонал, закрихтел от острой боли Пашин.

Тем временем жизнь на темном горном серпантине постепенно оживала. Гул моторов становился ближе и различимее. Пашин и Нефедов по очереди вели наблюдение за дорогой. Только к полудню появилась первая советская «броня».

– БТР! Второй! – радостно закричал Василий.

– Где? – Федор выхватил бинокль. – Точно! Наши! Наши! Ура!

Офицер и сержант крепко обнялись.

– Значит, поблизости должен быть пост! – офицер снова и снова вглядывался в тонкую ниточку дороги.

Через час с небольшим советские бронемшины вернулись назад. Когда они скрылись за поворотом извилистой дороги, Федор уже почти не сомневался в том, что внизу по серпантину находится советский пост. Оставалось определить наиболее безопасный маршрут выхода к нему.

С наступлением сумерек начали движение. Шли быстро, но осторожно. Сержант теперь почти не отставал от командира. Через три часа пути вышли к положому спуску. Было уже совсем темно. На небе высыпали яркие звезды. Большая Медведица висела, казалось, так близко, что ее можно было потрогать рукой. Совсем рядом, внизу, уже отчетливо можно было услышать шум горной речки.

Возле очередного валуна остановились. Офицер и сержант изготовились к последнему броску.

– Если верно идем, то прямо на пост выйдем. А если нет, то спрячемся у дороги и будем ждать своих! Главное – на ту сторону попасть. С рассветом перейдем реку! Ночью опасно! – вслух рассуждал лейтенант.

– Что это? – сержант резко повернул голову в сторону. – Слышите? – он показал рукой в темноту.

– Река шумит!

Федор машинально коснулся гранаты. Но ее на месте не оказалось. Он быстро ощупал все тело.

– Гранаты нет!

– Как?

Василий машинально потрогал штык-нож на пояском ремне.

– Хрен его знает! Наверное, возле камней осталась.

Вновь донесшийся звук снизу заставил их замолкнуть.

– Слышали? – Василий настороженно вслушался в темноту.

Федор утвердительно кивнул головой.

– Посмотрю! – едва слышно произнес солдат и стал тихо спускаться вниз.

Вернулся быстро. По сильному возбуждению лица трудно было определить, что он увидел. Федор молча, легким поднятием головы, требовал доклада.

– «Духи»! Гомики, наверное.

Пашин еще внимательнее прислушался. Непонятное шуршание и сопение становилось отчетливее. Про мужеложство среди афганцев Федор был наслышан, но сейчас его беспокоило другое.

– Какое у них оружие?

– Не рассмотрел!

Страшная улыбка мести заиграла на лице сержанта. Весь праведный гнев за погибших в горах товарищей готов был выплеснуться наружу.

– Спокойно, Василий! Слепая месть нам сейчас не помощник! – вслух промолвил офицер и задумался.

«Видимо, наблюдательный пункт! Но почему он с ночи уже выставлен? Не готовится ли на завтра засада?» – рассуждал про себя Федор.

Его мысли остановил сержант.

– Командир, надо спешить. Момент терять нельзя! Сейчас – самый раз! – Василий брезгливо усмехнулся.

– Спокойно, товарищ сержант! Всё делать только по команде! Ясно?

– Так точно!

– Ты слева, я – справа! Бей ножом того, что сзади, я – второго камнем! – коротко скомандовал Пашин.

Они осторожно начали спускаться. Пока подбирались, время тянулось неимоверно долго. Боясь выдать себя, Федор всем телом прижимался к острым камням. «Лишь бы Василий не промахнулся, второго задавим вдвоем!» – лихорадочно стучало в висках. Приблизившись почти вплотную, Пашин ужаснулся. «Духов» оказалось не двое, а трое. Еще один лежал под камнем и спал.

Менять что-либо было поздно. Худощавая, длинная фигура сержанта метнулась из-за камня. Резкий, короткий крик, а затем громкие истошные вопли на непонятном языке пронзили ночную тишину. Держа в руках увесистый голыш, Федор привстал, чтобы наверняка попасть в лежащего афганца. Но камень пролетел мимо. В один миг проснувшийся «дух» успел привстать и схватить оружие. Холодный пот пробил лейтенанта. «Конец!» – мелькнуло в сознании. Через мгновение, сжавшись в единый комок мышц, силы, страха и духа, офицер бросился на душмана. Оставалось три, два метра. Небольшое замешательство, и «дух» передернет затвор. Но автомат не выстрелил. В невооб-

разимом прыжке ногами вперед лейтенант сбил врага. Новый страшный крик повис в воздухе. Автомат неуклюже плюхнулся на землю. Федор кубарем скатился к оружию. Поднявшегося с земли «духа» свалил коротким выстрелом в живот.

Почти сразу следом за командиром в драку ввязался сержант. Он со всей силой вонзил штык-нож в спину активному гомосеку. Быстро отпрянул и тут же в смертельной схватке сплелся со вторым. Афганец оказался не из слабаков. Бросившегося на него сержанта он быстро подмял под себя. Нефедов из последних сил сдерживал на своей шее его руки. Помощь пришла вовремя. Удар прикладом по голове в одно мгновение лишил афганца чувств. Звериная хватка на шее сержанта сразу ослабла.

Василий с трудом выбрался из-под полуголового тела врага. По его лицу сочилась кровь. Одежда на теле висела лохмотьями.

– Надо всё осмотреть! «Духов» стащить в одно место! – быстро приказывал Федор.

Вскоре все три тела лежали в одном месте у камня, где размещался душманский наблюдательный пункт. В живых остался лишь один – тот, который едва не задушил сержанта.

– Командир, жратва! – Василий рылся в сумках духов. – Лепешки! Сыр! Помидоры! – он радовался каждой своей находке.

На еду набросились как очумелые. Было не до разговоров. Конец голодной жизни заставил забыть обо всем на свете.

Надо уходить, – спохватился лейтенант. – Оружие собрал?

Уплетая за обе щеки афганский сыр и помидоры, солдат в ответ лишь махнул головой.

– «Духа» надо добить! – сквозь набитый рот проговорил Нефедов.

– Нет! И так шуму наделали! Возьмем с собой!

Тем временем «дух», оставшийся в живых, окончательно пришел в себя. Коснулся ушибленного места. Стыдливо подтянул штаны. Пугливо поглядывая на заросшие лица людей в изорванной одежде, гомосек никак не мог понять, кто эти два человека, жадно набросившиеся на еду.

Они тоже заметили, что дух зашевелился.

– Что, сука, жрать хочешь? – Нефедов поймал на себе взгляд афганца. – Убью! Вот тебе!

Он сделал выразительный, но, видимо, непонятный для бородатого жест. «Дух» инстинктивно сжался.

Лейтенант опустился к афганцу и притянул его за шиворот к себе.

– Бача, русский понимаешь?

В ответ афганец боязливо втянул голову еще дальше в плечи.

– Шурави пост аст?

В стремлении разузнать о наличии советского поста Пашин с трудом вспоминал свои скудные познания в местных наречиях.

«Дух» сначала посмотрел на одного, потом на второго человека в лохмотьях. Наконец, радостно закивал головой.

– Бали, пушта, пустее-е шурави! – афганец показал рукой в темноту.

– Пуста? Что такое «пуста»? Фу, черт! Это же пост! Шурави пуста? – Ф е д о р переспросил еще раз.

– Бали, бали! Унджа пuste-е шурави! – душман вновь утвердительно закивал головой.

Показав рукой в сторону реки, «дух» кинулся к камню. Решив, что он убегает, Нефедов вскочил на ноги, сильно ударил бегущего автоматом по голове. Афганец вновь потерял сознание. Его бесчувственное тело соскользнуло по камню вниз.

– Зачем? Он пост показывал!

– Виноват! – сержант развел руками.

– Ладно, и так все ясно! Берем его и уходим!

– Командир, он же, как хряк, тяжелый!

– Бери, я оружие возьму.

К реке спустились быстро. Оказалось, что до нее было метров четыреста. «Духа», пока он не пришел в себя, Нефедов волоком тащил за собой. Сил взвалить на спину у него просто не было. Федор, с одним автоматом за спиной, другим – на шее, а третьим – в руках, шел первым.

Прячась за камнями, они еще около часа ползали вдоль реки в поисках удобной переправы на другой берег. Монотонный рокот быстрой горной реки хорошо помогала скрыть шум осыпающихся камней. Возле воды было холодно.

– Стоп, тихо! – офицер замер на месте.

Из предраассветной темноты на другом берегу выплыли очертания танка.

– Прячемся! Долбанут – костей не соберешь! Нас сейчас мать родная не признает! Наверняка, на нас подумают, что «духи» решили пост накрыть!

Офицер и сержант вновь притаились. Решили ждать рассвета. Из-за камней местонахождение поста было видно как на ладони. Небольшой прямоугольник, накрытый маскировочными сетями, почти сливался с большим выступом на дороге. Из-под сетей хорошо просматривались две походные постройки из камня и дерева с маленькими оконцами. Ниже к реке за проволочными ограждениями была видна еще одна постройка. На территории поста находился танк, который почти по башню был зарыт в землю. Ствол его пушки грозно смотрело в сторону гор, чуть выше затаившихся среди камней людей.

Быстро светало. Пашин и Нефедов отчетливо видели, как просыпается пост. Сменились часовые. Послышался шум просыпающихся людей. Солдаты, кто в одних трусах, кто в штанах, по небольшому проходу в проволочном ограждении спускались к реке, чтобы умыться. Родная русская речь, так ласкающая ухо, была уже хорошо слышна. Уже вовсю дымилась полевая кухня. Офицер и сержант приготовились к встрече со своими.

Именины

С того злополучного дня, когда стало известно, что лейтенант Пашин пропал без вести, прошло немало времени. Лейтенант Жирик делал всё для того, чтобы до конца использовать неожиданно предоставившийся ему шанс вернуть себе Наташу. И хотя он особо не торопил события, оставаясь галантным и обходительным в обращении с женой однокашника, тем не менее, уверенно шел к поставленной цели.

После сообщения о пропаже мужа Наташа никак не могла прийти в себя. Нередко, вернувшись с работы, она закрывалась в своей комнате. Часто плакала. Даже заболела. Родители, как могли, успокаивали дочь. Вовсю старался и Жирик. Своим душевным сочувствием, состраданием и заботой он всячески отвлекал молодую женщину от грустных мыслей.

И тут, как нестати, из Афганистана пришло письмо. Жирик и раньше бдительно следил за почтой, которая приходила Сосновским. И вот вчера он извлек из почтового ящика письмо со знакомым штемпелем полевой почты. Это была весточка от Пашина. Сашка вскрыл конверт.

– Нашелся! Жив, здоров и невредим! Что же теперь делать? – он вновь и вновь перечитывал короткое письмо из Афганистана.

Сашка стал мучительно искать выход из создавшегося положения.

– Ладно! Письма просто не было, – вдруг оживился Сашка.

Он спешно порвал письмо в клочья. Открыл мусоропровод.

– Нет! Надо сжечь!

– Пока мы одни, надо что-то делать! – мучительно соображал Жирик.

Вскоре решение созрело само собой. Приближался день рождения Жирика. Еще раньше было договорено отметить его в воскресенье – в день возвращения Сосновских домой с дачи. Однако новые обстоятельства вынуждали Сашку торопиться.

В пятницу Наташа, пришедшая с работы как всегда в седьмом часу вечера, к своему удивлению застала постояльца в большой комнате за сервировкой стола. Жирик так был занят своим делом, что не заметил, как Наташа открыла дверь и прошла в квартиру. В самом центре уже почти накрытого праздничного стола стояли цветы и большой торт «Птичье молоко», на шоколадной поверхности которого было выведено белым кремом «С днем рождения, Сашенька!». Причина чрезмерного усердия квартиранта сразу стала ясна. Несколько секунд постояв молча в дверях, девушка вошла в комнату.

– Не поняла?!

От неожиданности Жирик вздрогнул и повернулся.

– Наташенька, добрый вечер! Я уже заждался тебя!

Прихрамывая, он бросился навстречу молодой хозяйке. Неуклюже поцеловав руку, расплылся в улыбке умиления. Наташа осторожно убрала руку.

– Как же так? Мы договорились на воскресенье! Я даже подарок не купила!

– Ты – самый дорогой подарок, Наташа! Ничего не надо! Мне просто хотелось сделать тебе сюрприз, устроить маленький праздник, чтобы ты отвлеклась от своих грустных мыслей! Хорошо, Наташенька?

– А как же родители? Они ведь знают, что послезавтра! – девушка была в некоторой растерянности.

– С ними тоже посидим, когда вернутся! Одно другому не мешает!

Невинно улыбаясь, Жирик примирительно сложил на груди руки. В ответ Наташа лишь пожала плечами.

Через двадцать минут довольный именинник в компании своей опекунши сидел за праздничным столом. Сашка был сегодня в ударе и роль горячо любящего человека играл на совесть. За столом он галантно ухаживал за дамой.

– Ох, Сашка, напоил ты меня, насмешил, сил нет! Голова кругом идет!

– Наташенька, свет мой! Давай по-последней, и будем чай пить!

– Нет, не хочу. Всё.

Наташа поднялась со своего места и направилась в другую комнату. Жирик больше не стал настаивать. То, чего он добивался весь вечер, в конце концов случилось...

Утром Наташа резко открыла глаза. Было уже светло. Болела голова. Шевельнула рукой, словно обжегшись, вздрогнула. Жирик лежал рядом. Только сейчас осознала, наконец, все то, что произошло этой ночью.

Гнев и ненависть вперемешку со стыдом и чувством позора больно сдавили сердце. Еще секунду помедлив, Наташа поднялась и перелезла через притворно сопящего Сашку. Уткнувшись в подушку, тот не спал.

Шум льющейся воды в ванной не стихал почти до самого обеда. Напрасно Жирик пытался перекрыть шум душа, упрашивая девушку покинуть ванную. Наташа вышла лишь тогда, когда уже не было сил плакать и терзаться. Преданно заглядывая ей в глаза, Жирик слезно вымаливал прощение, клялся в любви и успокаивал. Наташа молчала. Объясняться с ним у нее не было ни малейшего желания. Жутко и противно становилось лишь от одного его присутствия...

В воскресенье вернулись родители. Дочь сделала вид, что ничего не произошло, но праздновать день рождения Жирика в этот день, как, впрочем, и в последующие, не стали.

– Мы уже отметили! – резко отрезала Наташа отцу, когда тот, радостно потирая руки, напомнил всем о давно задуманной вечеринке.

– Да, совсем не обязательно, – Жирик спешно поддержал свою опекуншу.

Новая рабочая неделя пролетела быстро. И хотя дочь продолжала стойко от-малчиваться, родители быстро сообразили, что в их отсутствие произошло что-то неладное. Натянутые отношения дочери с замкнувшимся в себе постояльцем были тому подтверждением.

Развязка наступила в понедельник. Заглянув, как обычно, домой на обеденный перерыв, мама Наташи нашла Жирика в ванной. Бедная женщина едва не лишилась рассудка, когда увидела Сашку в ванне с водой кровавого цвета. Закрыв глаза, Жирик сидел, прислонившись к задней стенке. Его бледное лицо ничего не выражало.

Оказалось, что Жирик пытался вскрыть себе лезвием вены. От него сильно несло спиртным. Недопитая бутылка конька стояла рядом на стиральной машине. Вызвали «скорую помощь». Все обошлось. Вечером следующего дня Сашка, отоспавшись, окончательно пришел в себя. И тогда в семье Сосновских состоялся серьезный разговор. Первым заговорил глава семейства:

– Что происходит в нашем доме? – он сначала посмотрел на виновника разговора, потом на дочь. – Что случилось, Саша?

Жирик молчал.

– Может, ты объяснишь, Наташа?

Оба словно воды в рот набрали.

Сосновский растерянно вскинул руки. Мужа горячо поддержала жена:

– За эти двое суток мы с отцом глаз не сомкнули! Сашка, ты нас всех насмерть перепугал! Разве так можно? Не явись я тогда, один Бог знает, что могло случиться! Как же ты смог до такого додуматься, Сашенька?! – причитала бедная женщина.

Не дав разрыдаться супруге, в разговор вновь решительно вступил Сосновский:

– Короче, так! Сейчас от тебя я хочу знать одно: что произошло, пока нас не было?

Он встал со стула и подошел к дивану, где сидел Жирик.

– Мужик ты или нет, говори!

– Оставь его, папа! Мы сами разберемся!

– Нет уж, хватит! Сами с усами! Пусть говорит!

– Тогда без меня! – Наташа резко поднялась.

– Нет, сядь! – отец усадил дочь на место.

Сегодня он впервые в жизни был жестким по отношению к своему единственному ребенку, которого всегда безумно любил.

Решимость мужа выяснить все до конца перепугала даже мать. Невольно сжавшись при виде внезапной ярости супруга, она затаилась. Говорил только полковник:

– Мы слушаем тебя, Саша!

Жирик присел в кровати, взглянул на Наташу. Но она смотрела в противоположную сторону. Еще секунду помедлив, Сашка, наконец, заговорил:

– Все очень просто! Дело в том, что я безумно люблю вашу дочь!

Наташа нервно дернулась в кресле. Еще больше напрягшись, сильнее сжала деревянные поручни кресла.

– Так и люби себе на здоровье! Чего же ты вены режешь? Черт тебя возьми! – выругался Сосновский.

– Наташе я не нужен, я калека! Все это мне понятно, но и своей жизни без нее я теперь просто не представляю!

– Сашенька, а если муж законный объявится? Что делать тогда? – поднялась со своего места хозяйка.

– Не знаю!

Жирик вновь лег. Заложив руки за голову, отвернулся к стене.

Паузу молчания нарушила Наташа:

– Ему наплевать! Лишь бы ему одному было хорошо! Меня он уже не спрашивает! – она говорила горячо и безжалостно.

Ее сухо перебил «афганец»:

– Потому и хотел умереть, что не хочу тебе больше мешать! стыдно мне жить так, пойми!

Жирик сильно сжал веки, слеза отчаяния мгновенно блеснула в его глазах. Тело судорожно напряглось, нервно вздрогнуло и сразу обмякло. Сашке стало плохо. Большая потеря крови дала о себе знать. Вновь вызвали «скорую». Укол быстро погрузил больного в сон.

На следующий день все стало на свои места. Наташа занялась своими привычными обязанностями – опекать инвалида и всячески заботиться о нем. Только вот не совсем все было по-прежнему. Не в силах больше сопротивляться воле судьбы, молодая женщина вскоре сама «сожгла» последний мост к пропавшему без вести мужу. Его теперь заменил Жирик.

На побывку в Союз

После лечения в кабульском госпитале Пашин получил долгожданный отпуск в Союз. Еще в пять часов утра по местному времени он находился в афганских субтропиках, около семи вертолет приземлился в Кабуле, а еще через пару часов офицер прилетел на военном аэробусе в Ташкент. Почти пять часов занял перелет в Москву. В половине шестого вечера отпускник был уже в столичном аэропорту Домодедово. Рейс из Ташкента прибыл в Москву строго по расписанию.

Всего за час расторопный, говорливый таксист домчал пассажира до нового микрорайона столицы.

– Спасибо, командир! За такую оплату полагается не к подъезду, а на этаж доставлять!

По дороге к знакомому дому Федор купил огромный букет белых роз.

Всего через несколько минут он уже стоял перед дверью, обитой коричневым дерматином. Решительно позвонил. Сначала послышалось легкое шуршание. Затем появились признаки квартирной жизни в дверном глазке. «Не хотят открывать, что ли?» – тревожная мысль мелькнула в сознании. Пашин позвонил еще раз.

Наконец дерматиновая дверь открылась. Полковник Сосновский растерянно смотрел на нежданного гостя.

– Здравствуйте! – неуверенно произнес Федор.

– Здорово, коль не шутишь! – протянул тесть, все еще находясь в полном замешательстве.

– Не шучу. Что с вами?

Смутное чувство тревоги овладело Пашиным.

– Так, давно не виделись! Значит, жив, здоров! Молодец, рад тебя видеть!

Сосновский приблизился к зятю вплотную. Неловко обнял. Взял чемоданы и внес в прихожую.

– Проходи!

Хозяин пропустил гостя в квартиру. Закрыл дверь.

– Почему ничего не сообщил? Мы тут уже не знаем, что и делать!

Сосновский прошел в гостиную и опустился на диван.

– Садись, докладывай, что там с тобой произошло.

Пашин коротко рассказал обо всем том, что случилось с ним в последние полтора месяца.

– Рана-то серьезная? – Сосновский перебил рассказчика.

– Да нет, все уже обошлось.

– Как говорится, хорошо то, что хорошо кончается! А чего не писал?

– Почему? Из госпиталя три письма направил.

– Не было твоих писем, Федор. Наташа ничего не получала, – с явным сожалением бросил Сосновский.

Пашин вновь насторожился. Нехорошее предчувствие вновь охватило его.

– А где Наташа? – Федор, наконец, задал свой главный вопрос.

– Сейчас придут. Они с Жириком в магазин пошли.

– Сашка? Он здесь? – еще больше напрягся Федор. Инстинктивно положил на газетный столик букет белых роз.

Сосновский сделал вид, что не заметил перемен в зяте.

– Ты что, не знал? Его в армии оставили! Пока не получил квартиры, вот поэтому и живет у нас! Уже работает. Наташка столько сил потратила, чтобы его к жизни вернуть, не передать! – слегка наигранно посетовал полковник. – Он тоже молодец! Герой! Видишь, какой иконостас на кителе!

Сосновский взял и отвернул полу жириковского кителя, который висел на спинке стоящего рядом стула. Наряду с боевым орденом и медалью за выслугу лет, офицерский мундир украшали многочисленные памятные значки.

– Тебя-то к награде представили? – спросил тесть.

– Представили, к ордену, – сухо ответил Федор.

– Ордена, медали, чеки – это хорошо! Только главное – здоровье! Без него не будет ни того ни другого! Вон у однокашника твоего – всё есть: работа в Москве, льготы, деньги, а ноги – нет! Понимаешь, калека он, инвалид войны. По сути, глубоко несчастный человек! А ты молодец!

В трудной ситуации не спасовал, выжил. А значит, в любой ситуации не пропадешь!

Федор не успел до конца разгадать истинный смысл короткого монолога, только что произнесенного Сосновским. В прихожей громко щелкнул замок. Пашин поднялся с места.

– Гости у нас, что ли? – донеслось из коридора.

– Наверное! – женскому голосу ответил мужской.

Сомнений не было, в коридоре были Наташа и Жирик. Федор бросился к дверям и замер, едва не столкнувшись с женой, которая тут же отшатнулась назад.

– Ты здесь?

Наташа испуганно прикрылась рукой. В ее больших, открытых глазах застыли смятение и ужас.

– Наташа, милая, все хорошо, я приехал!

Федор неуверенно протянул руки навстречу супруге. Но женщина продолжала стоять на месте, растерянно поглядывая по сторонам.

Пашин медленно опустил руки. Он все еще не мог до конца осознать случившееся.

– Наташа, что с тобой?

Федор сделал шаг навстречу и обнял жену.

– Нет, нет!

Молодая женщина выставила вперед руки. Неожиданно скользнула вниз к ногам мужа. Федор быстро подхватил тело, но оно стало вялым и тяжелым. Наташа была в обмороке. Все трое мужчин кинулись отхаживать несчастную девушку.

– Окна – настезь, мокрое полотенце! – командовал Пашин.

Он осторожно поднял жену на руки и отнес на диван, еще не зная, что это в последний раз.

«Скорую помощь» вызывать не пришлось. Едва Федор коснулся мокрым полотенцем лба Наташи, она пришла в себя. Открыв глаза, сразу закрыла. Отвернулась к спинке дивана.

– Наташа, как себя чувствуешь? – супруг сидел рядом.

– Федор, уйди, я не могу сейчас с тобой говорить! Папа, сделай что-нибудь! Забери их! Оставьте все меня в покое! – женщина была на грани срыва.

Молодые мужчины ушли на кухню. Дверь за ними в большой комнате плотно закрылась. Жирик не успел достать из кармана пачку сигарет, как за комнатной дверью раздались громкие рыдания. Пашин бросился было назад, но Сашка крепко держал его за рукав.

– Давай покурим!

– Я не курю!

– Все равно! Разговор имеется!

Жирик исподлобья взглянул на однокашника.

– Давай поговорим!

Только теперь Пашин догадался, о чем пойдет речь.

– Садись!

Сашка прошел к окну и открыл одну половинку настежь. Повинуясь хозяйскому тону Жирика, Федор сел на табуретку. Сашка уверенно стоял на обеих ногах, ни одним движением не выдавая того, что у него протез. Глубоко затянувшись, он начал издали:

– Понимаешь, старик, жизнь – чертовски сложная штука! Ты веришь в судьбу?

– Ты мне зубы не заговаривай. Что с Наташей? Почему она не хочет со мной говорить? – Федор грубо оборвал однокашника.

– Все очень просто! Ты пропал без вести! Во все времена это означало, что человек погиб! Понял?

– Я погиб? – Федор не шевелился.

– А как ты прикажешь понимать известие, что твоя рота попала в засаду, среди раненых и убитых лейтенанта Пашина нет?

– А я жив, понимаешь, жив! Чего же здесь неясного?

– Ты хочешь сказать, надо было думать, что ты в плену у «духов», сдался?

– Что ты несешь? – Федор схватил обидчика за грудки.

– Убери! Не устраивай сцен! Слушай внимательно! Правду слушай! – решительно убрал в сторону руки своего соперника. – Она ждала тебя, верно ждала, хотя всегда любила меня!

Жирик безжалостным взглядом хитро прищуренных глаз пригвоздил Федора к кухонной табуретке. Пашин прикрыл глаза. Стало невыносимо гадко и противно.

– Но ты пропал без вести! Она – человек! Молодая женщина не может ждать неизвестно чего! К тому же она поняла, что никогда не была тебе нужна!

– Видимо, не без твоего участия?! – встрял Федор.

– Она сама не слепая! Письма писал раз в месяц! В них слова доброго от тебя не дожدهшься! Сухарь!

– Ты и письма читал?

Сашка замялся, но сразу вышел из неловкого положения:

– Наташа говорила! Она всё мне рассказала, как ты женился на ней назло мне и своей первой любви! Ольгой ее звали. Она всё помнит! В себе надо искать причину! – Жирик был беспощаден.

– Надеюсь, у вас с этим не будет проблем!

– Надейся! – Сашка запнулся.

Федор вновь поднялся. Возникшее желание ударить Жирика, казалось, было непреодолимо. Но перед Пашиным стоял человек на протезе, пусть даже и поддон. «Значит, надо стерпеть!» – себе под нос процедил Федор.

Сашка, видимо, угадал мысли однокашника. Понял, что тот не станет больше сопротивляться, продолжать бороться за Наташу. Потому сразу сменил тон на примиренческий.

– Наташа – необыкновенная женщина! Она мне заменила всех – мать, отца, сестру!

– Главное – жену! Удобно устроился, инвалид!

– Ты меня за большое не тронь! Нашел чем попрекнуть! Да, я инвалид, но остаюсь в армии, службу в Москве, жду квартиру. Семью хочу создать! А ты всю жизнь мне мешаешь!

Глаза Жирика налились кровью, руки задрожали. Он безуспешно попытался прикурить сигарету.

Спичечный коробок, покувыркавшись в ладони, полетел вниз.

Пашин вновь схватил обидчика за грудки, крепко сдавил руки. Жирик, побледнев, захрипел:

– Ты что? Ты что, Федор!

Федор отпустил руки. Заговорил спокойнее:

– Может, ты все-таки позволишь мне переговорить с женой?

– Какая она тебе жена! Она моя! Мы любим друг друга! Ребенка она ждет от меня!

На шум в кухне поспешил Сосновский. Но Федор не слышал его вопросов. В голове шумело. Гулко стучало в висках. Волна горечи и обиды продолжала безжалостно душить, рвать в клочья сердце. Больше уже не было сил оставаться в квартире, где так безжалостно надругались над ним. Пашин выскочил на улицу.

По родным местам

О ставшееся время отпуска после короткого пребывания в Москве у Сосновских Федор Пашин провел у себя на Родине в небольшом провинциальном городке в самом сердце российской глубинки. Едва скорый поезд вполз в черту города, сердце защемило. Внезапно возникло одновременно тревожное и радостное чувство. Правда, в этот раз встреча с родным и любимым городом была грустнее обычного. Федор вспомнил о матери:

– Мамочка, милая, зачем ушла из жизни ты так рано!?

На глаза у офицера невольно навернулись слезы. Он тяжело вздохнул. Прошло уже почти три года с того момента, как умерла мать Федора. Он опустил голову, стыдясь окружающих пассажиров, которые вышли в коридор купейного вагона и прильнули к окнам.

За окном поплыли картинки городского вокзала. Поезд остановился. Пассажиры высыпали на перрон. Многих встречали. Радостные объятия, поцелуи, смех. Федора не встречал никто. Родственники и друзья даже не знали о его приезде. После смерти матери Федор ни разу не был в городке, где прошли его детство и юность.

Он вышел на привокзальную площадь. До своего родного дома, где теперь жила его тетка с мужем, решил пройти пешком. «Не пойму, что изменилось здесь», – подумал Федор, когда, миновав центр города, свернул на знакомую улочку.

Между тем в городе заметно поубавилось винно-водочных магазинов. Да и пьяных земляков, которые в прежние времена с раннего утра начинали рыскать вокруг магазинов в попытках опохмелиться, сегодня Федор на улицах не встретил.

Объяснялось все просто. Мощная антиалкогольная пропагандистская кампания, развернутая в те годы по всей стране, добралась и до здешних мест, где во все времена пили помногу. В принципе, московская партийная затея – прекратить повальное спаивание народа, остановить вырождение нации – сама по себе была неплохой. Неслучайно многострадалная женская половина советского общества открыто радовалась началу мужицкого протрезвления в стране. Их радостные лица в поддержку известного антиалкогольного закона в те дни не сходили с телевизионных экранов и газетных полос.

Однако пройдет совсем немного времени, и страну захлестнет самогоноварение, лихорадка винно-водочных очередей, повальная спекуляция спиртным. Заодно в моду войдет токсикомания, а существование наркомании будет признано официально. Уровень потребления спиртного в горбачевский период правления побьет все рекорды печально известной эпохи застоя.

Вот тогда, когда несчастный народ будет окончательно тонуть в новой волне пьянства, а заодно гласности и вседозволенности, перестройка в стране достигнет своей кульминации. Нескоро простые советские люди сумеют разгадать все тайны кремлевского двора, затеявшего новый передел власти. Тем временем

новые большевики, только теперь уже с «общечеловеческим» лицом, вновь провозгласив разрушение до основания старого коммунистического мира, выведут на улицы и площади беззаботный столичный люд, чтобы, забрав власть в свои руки, переделить госсобственность в свою пользу.

Федор Пашин не помнил, с какого времени он стал увлекаться политикой. Однако в этом отпуске он первые две недели провел за чтением книг и «толстых» журналов. Захватив в день отъезда из Москвы самое разное политическое чтиво, по случаю купленное на Арбате, он с упоением перелистывал страницы исторических романов, политических журналов и самиздатовских книг. Молодому офицеру, в недавнем прошлом политработнику, открывались такие факты, о которых он раньше просто не подозревал. Теперь он много думал и размышлял. С особым интересом смотрел и слушал ежедневные новости, покупал газеты. Прочитанные книжки постепенно делали свое дело. Он слышал и видел одно, а понимал совершенно другое, получал более полное представление о глубинных процессах в стране и мире. Его некогда прочные коммунистические установки незаметно разрушались, уступая место новому, пока еще до конца не понятному мировоззрению.

От увлекательной политики и мыслей об Афгане его мог отвлечь только спорт. Федор ежедневно ходил на спортивную площадку, где тренировал мышцы. По вечерам совершал легкие пробежки вдоль реки, которая разделяла городок на правобережную и левобережную части. По выходным дням частенько выходил на поле, чтобы поиграть в мяч. Здесь, на футбольной площадке, Федор получил возможность повидаться с некоторыми из своих друзей детства и однокашников, которые, так же как и он, сохранили страсть к дворовому футболу.

Уже на второй день своего пребывания в отпуске Федор на утренней пробежке встретил мать Ольги. Она его узнала сразу. Остановились.

– Здравствуй, Феденька!

Женщина подошла и обняла первого жениха своей дочери.

– Здравствуйте!

– Как поживаешь, сынок? Как тебе без мамки?

Глаза женщины наполнились слезами.

– Все нормально. Не волнуйтесь! Как ваши дела? Как Оля?

– Нет Олечки в городе. А ты разве не знаешь? В Афганистане она. А я вот с ее дочкой, моей внучкой, осталась. Я ведь теперь на пенсии, – женщина рассказала сразу обо всем. – Ты когда обратно-то?

– Через пару недель.

– Так ты загляни! Я тебе адресок Оли дам. Может, посылочку возьмешь для дочки. Как там жизнь на войне, расскажешь. Заходи, сынок!

В ответ Федор лишь качнул головой. Однако зайти к матери своей первой любви он так и не захотел. В тот раз он не стал рассказывать ей о случайной встрече в Афгане с Ольгой. Когда вернулся с пробежки домой, снова вспомнил их последнюю встречу в Кабуле.

Сразу после выписки из госпиталя, незадолго перед отъездом в отпуск, Федор Пашин зашел в штаб армии. Он находился на окраине Кабула в живописном районе, который сами афганцы называли Дарламаном. Большое дворцовое сооружение стояло на горе прямо за красивым зеленоватого цвета зданием

министерства обороны Демократической Республики Афганистан. Бывшая летняя резиденция афганских королей, оцепленная высокими горами, гордо возвышаясь над городскими постройками, продолжала поражать своим величием и красотой.

Замок над Дарламаном, где теперь размещалось командование сороковой армии, советским людям в Афганистане был известен как дворец Амина. Здесь, в монументальном здании восточной архитектуры, нашел свою гибель его последний хозяин – Хафизулла Амин. Глава государства, один из инициаторов ввода советских войск в Афганистан, Амин в конце концов был сам уничтожен в ходе известного штурма дворца советскими спецподразделениями в декабре 1979 года.

Там-то Федор Пашин и встретил свою первую юношескую любовь. Он не спеша поднимался по длинной лестнице, ведущей наверх – на гору, прямо во дворец. Пашин был уже на расстоянии одного многоступенчатого пролета от будки дневального, как вдруг прямо перед его глазами мелькнули стройные женские ноги. Офицер поднял голову и не поверил. Оля!

Ольга и Федор, оторопев, долго не могли начать разговор. На глазах людей, снующих вверх и вниз, говорили недолго и почти формально. Выяснилось, что она уже около года находится в Афганистане. Работает в кадрах. Дома у нее растет дочка, которая осталась с матерью. В целом была довольна своей судьбой. Только вот Федора вспоминала очень часто.

– В Афган поехала, чтобы тебя увидеть! – немного смутилась Ольга. – Приехала, узнала, где ты служишь. Пару раз звонила в Джелалабад. Но ты все время пропадаешь на боевых операциях...

То, что лейтенант Пашин пропал без вести, Ольга тоже знала. По ее словам, сильно переживала и все время расспрашивала шефа – подполковника Кончакова о судьбе погибшей в горах роты.

– Узнала, что ты в госпитале. Хотела поехать. Но сегодня встретила тебя. Очень рада. Как чувствуешь себя, Федя? – девушка приблизилась вплотную к офицеру. – И вообще, хватит уже воевать, Федя! Не пора ли тебе перебраться к нам в Кабул? Кстати, могу помочь!

Она вновь кокетливо и чарующе улыбнулась. Попыталась слегка коснуться руки офицера.

Федор отступил на ступеньку назад. Сухо поблагодарил. Заманчивое предложение молча проигнорировал. Сказал, что здоров и невредим. Что скоро уезжает в отпуск. Что ждет – не дождется встречи со своей женой, Наташей.

– И вообще, у меня всё в порядке. Желаю удачи. До свидания, Оля!

При воспоминании о последней брошенной фразе Пашин горестно ухмыльнулся. Взял в руки журнал. Полистал и бросил на кровать.

– Дурак! Теперь совсем один остался! – почти вслух произнес Пашин. – Теперь я один, а значит, свободен, как ветер в поле, – с этими словами он подошел к зеркалу.

«А не завалиться ли мне сегодня в ресторан?» – решил про себя Федор.

Сунув червонец человеку в дверях, Федор вошел в большой зал местного ЦК. Так в городе величали центральный кабак. Настоящая кабацкая жизнь начиналась здесь после девяти часов вечера, а сейчас была половина седьмого. Сервирован-

ные столы в ресторане были заняты почти полностью. Свободными оставались лишь один столик на четверых в самом центре зала и место у двери.

– Может, вам девочек подсадить? Это недорого будет стоить, – предложил свои услуги расторопный официант, когда клиент выбрал свободный стол.

Пашин немного смутился:

– Что, так можно?

– Нет ничего невозможного! С вас всего десять рублей. С девочкой сами рассчитаетесь.

Часам к восьми вечера, когда зал ЦК постепенно заполнился, Федор уже успел уговорить почти бутылку армянского коньяку, что означало две с половиной ресторанные нормы в условиях всенародной борьбы с пьянством. Оказалось, что указ запросто можно обойти, если официанту дополнительно заплатить.

Закуски на столе хватало, поэтому пьяным себя Пашин не чувствовал. Настроение поднялось, ни о чем плохом не думалось, хотелось только веселиться.

Вскоре появилась обещанная «девочка». Не первой молодости девица с самого начала повела себя уверенно. Заказала пару бутылок шампанского, графин с водкой и коньяк. Выбрала дорогие закуски. Предложила выпить за знакомство и за любовь.

Федору проститутка не понравилась. Крашенная, безгрудая, худая, она даже как женщина не представляла для него интереса.

Чокнулись. Выпив, она подседа ближе, коснулась языком уха. Рука ловко скользнула по мужским штанам.

– Ты мне нравишься, – почти прошипела она, прижимаясь к груди молодого мужчины.

Любовный порыв проститутки сдержал расторопный официант. Он принес очередную партию закусок.

– Через полчаса – горячее, потом кофе! Пару бутылок коньяку с собой! – приказным тоном скомандовала путана.

– А ты мне не нравишься. – Федор решительно отстранил от себя нагловатую девицу. – Извини, но можешь быть свободной, – он протянул ей четвертной.

– Очень жаль. Ты мне испортил вечер.

– Ты в Афганистан лучше поезжай, там у тебя от мужиков отбоя не будет, – посочувствовал Пашин.

– Еще чего! Что я там забыла? Я и здесь нарасхват. Прощай! – она встала из-за стола.

Когда сухоногая скрылась в дверях, Пашин оглянулся. За столиками царило оживление и веселье. Обитатели ЦК произносили громкие тосты, вели задушевные беседы и горячо спорили. Многие курили. Пелена шума и дыма плотным кольцом окружала красивые колонны большого зала. На эстраде перед танцевальной площадкой на вечернюю музыкальную программу настраивался ресторанный ансамбль.

Глазами проскочив столик в самом углу под большой картиной морского прибоа, Пашин невольно вздрогнул. Сомнения исчезли, как только лысеющий мужчина склонился к своей юной партнерше. Блондинка приятной наружности весело чокнула Артема Мирского в нос. Несмотря на появившуюся густую чер-

ную бороду, Федор сразу узнал мужа Ольги, бывшего соперника в борьбе за свою первую любовь. Кровь моментально прихлынула к голове. Тело мгновенно напрыглось. Кривая усмешка невольно появилась на лице «афганца». Желание медленно рассчитаться за поруганное когда-то искреннее и глубокое чувство было непреодолимо.

Пашин выпил еще одну рюмку. Вновь взглянул в сторону столика в углу и тут же понял, как отомстит Мирскому. Юная избранница Артема смотрела в его сторону. Павел улыбнулся. Девушка, смущенно ответив тем же, отвела глаза в сторону. Как-то неловко принялась прикуривать сигарету. Мирский тут же пришел ей на помощь. Тонким чутьем опытного любовника сразу почувствовал возможного конкурента. Быстро оглядел зал. Горячие пьяные взгляды кавказцев он в расчет не брал.

Пашин не спешил выдать своего присутствия. Слегка прикрывшись ладонью руки, он обратил свой взор в сторону места, где ансамбль музыкантов готовился исполнить очередную музыкальную композицию. «Жду начала танцев!» – решил про себя Федор. Однако первый «быстрый» пришлось пропустить. На азартный танец столик в углу ушел в полном составе. Напрасно юная красавица бросала ему многозначительные взгляды, приглашая в танцевальный круг. Пашин ждал медленный. Наконец его объявили. Через несколько секунд Федор был уже у цели.

– Разрешите пригласить вашу девушку на танец, – Федор стоял у стола.

Подняв глаза вверх, Артем Мирский сразу понял причину своего недавнего беспокойства. Перед ним стоял стройный, высокий, голубоглазый парень – тот самый курсант, у которого он когда-то увел девушку, ставшую впоследствии его женой. Однако на чужом несчастье своего Мирский так и не построил. Год назад Ольга ушла от него. Его попытки вернуть ее назад не увенчались успехом. Вскоре Ольга через военкомат оформила документы и уехала в Афганистан.

– Она не танцует. Правда, крошка?

Он попытался поцеловать девушку в щечку. Но та увернулась. Тут же встала.

– Пожалуйста! – блондинка мило улыбнулась.

Они вышли в центр зала. Осторожно прикоснулись друг к другу. Мелодичная музыка, грустные слова о потерянной любви и радости новой встречи делали их танец необыкновенно значимым и желанным. В легком плавном кружении они прижимались всё сильнее, яснее чувствовали взволнованное дыхание, биение молодых сердец.

– Как тебя зовут? – наконец заговорил Федор.

В полумраке лицо девушки было необычайно красивым и милым.

– Роза.

– Мне не хочется тебя отпускать, – уверенно произнес молодой мужчина.

– Не отпускай!

Вновь заиграла музыка. Быстрый танец они опять танцевали вместе.

Тем временем Артем продолжал сидеть в оцепенении. Он понял, что его соперник решил ему просто отомстить. Но и ссориться с дочкой первого секретаря горкома партии он не хотел. Потерять такой канал влияния и поддержки в его положении местного наркобарона было недопустимо.

Танец еще не закончился, когда Роза вернулась к столику в углу.

– Мирский, я ухожу. Не ищи меня больше, – она развернулась.

Но он успел схватить ее за руку.

– Постой, ты знаешь, с кем связываешься?

– Отстань!

Девушка вырвалась и направилась в сторону выхода. Мирский моментально знаком руки подал команду остановить парочку. Несколько кавказцев разом встали из-за столика у входа. Преградили дорогу Розе и Федору.

– В чем дело? – Пашин остановился.

– С шефом гавары, – невысокий южанин повернул голову в сторону столика в углу.

– Дорогу, орлы! – грозно сказал Пашин и резко оттолкнул в сторону кавказца.

Второй кинулся на него, но Федор коротким профессиональным ударом в живот опустил его на пол. Еще одного, бросившегося из-за стола, вырубил жестким ударом ноги.

Завязалась драка. На помощь к кавказцу потянулись другие его земляки, отдыхавшие в ЦК. Боевая прыть спортивного вида парня несколько не смутила торговцев помидорами и арбузами. Пашин едва успевал отмахиваться от нападавших людей. Умело использовал столы и стулья. Но кавказцы наседали. Народ потянулся к выходу. С южными гостями никто не хотел связываться.

Самое удивительное, что на помощь Федору подоспел лишь один человек – мужчина лет шестидесяти с орденскими планками на груди. Но он больше взывал: «Люди, русских бьют, помогите!», чем помогал незнакомому парню, бросившему вызов интернациональной мафии. Мужика угомонили быстро. Удар бутылкой по голове надолго лишил чувств ветерана войны.

Удивительно, но милиция в момент драки так и не появилась. Для Пашина всё могло бы закончиться очень плохо. Удары кавказцев становились всё жестче, чаще достигали цели. У двоих из них замелькали ножи. Ситуацию спасла Роза. Как только она поняла, что драка не закончится малой кровью, она подскочила к Мирскому.

– Если ты их не остановишь, я тебя посажу! – гневно прокричала Роза.

– Успокойся, девочка моя! – Артем попытался обнять девушку.

– Мирский, последний раз прошу тебя.

Грозные, властные нотки в голосе секретарской дочки мгновенно отрезвили Мирского. Он стремительно кинулся к выходу. Через несколько минут в кабаке был наряд милиции. Пашин из последних сил сдерживал наседавших. Его лицо было в кровоподтеках, из носа текла кровь. Рубашка висела ключьям. Но кавказцы жаждали крови. Их остановила не милиция. Седовласый кавказец, который все это время спокойно наблюдал за дракой из-за колонны, что-то громко прокричал на своем языке. Этого хватило, чтобы дерущихся разделил отряд милиции.

Южане, не остывшие от боя, с недовольными лицами, бранью на своем и русском языках, стали отходить в сторону и покидать кабак. Мирского тоже уже не было видно. Когда зал почти опустел, милиционеры скрутили Пашина и отвезли в отделение милиции. Объяснений офицера слушать никто не стал. Утром его передали в комендатуру города.

Мысленно Федор уже даже смирился с тем, что отпуск пропал, а на службе предстоят серьезные неприятности. Однако помощь пришла оттуда, откуда он не мог ждать. От серьезных последствий Пашина спасла секретарская дочка.

– Повезло тебе, летеха! Позвонили сверху, дали команду отпустить и шума не поднимать. Иди с богом! Не залетай больше! Иначе, правды не найдешь! – посочувствовал молодому офицеру на прощание дежурный по комендатуре.

Однако Розу Пашин больше не увидел. Ее высокопоставленный родитель, испугавшись нового бурного увлечения дочери незнакомым офицером-«афганцем», спешно отправил дочь отдохнуть в Чехословакию. Розе ничего не оставалось, как согласиться, в противном случае отец отказывался помочь ее новому неожиданному избраннику, угодившему на губу.

Пашина тоже хорошенько предупредили. Аккуратный и тактичный помощник первого секретаря горкома партии, который на машине забирал офицера из комендатуры, вежливо сказал офицеру:

– Имя этой девушки вам лучше забыть. У нее уже есть жених, из ее круга. Вас просили больше не напоминать о себе. Иначе о случившемся здесь станет известно по вашему месту службы. Зачем вам это надо? Вы ведь перспективный офицер.

Черная «Волга» подкатила к дому. Помощник вышел первым. Услужливо открыл заднюю дверь. На прощание крепко пожал руку и улыбнулся непроницаемой улыбкой.

Оставшиеся дни отпуска тянулись неимоверно долго. Насытившись беззаботной гражданской свободой, Пашин, не понятно отчего, все сильнее жаждал возвращения в Афганистан – на войну. Нелегкая служба в горах Гиндукуша, за тысячи километров от родного дома, ему представлялась делом более достойным для честного и порядочного человека, нежели бесцельное прожигание жизни в перестроечном Союзе. В Афганистане, сразу по прибытии из отпуска, Федора Пашина ожидали только приятные новости. Словно судьба пыталась компенсировать «афганцу» его обиды, боли и страдания, с которыми он возвращался из Союза. Уже на следующий день на офицерском построении перед штабом бригады ему торжественно были вручены погоны с тремя звездочками.

– Поздравляю, товарищ старший лейтенант! – командир части пожал руку офицеру и обратился к строю. – Хорошего офицера мы вырастили, товарищи. Боевой командир. К высокой боевой награде его представили. Жаль вот только, что расставаться приходится. Пришел приказ – старшего лейтенанта Пашина переводят в Кабул.

Последняя радостная весть оглушила Пашина. Сослуживцы в строю поздравляли старшего лейтенанта, а он никак не мог сообразить, в чем дело. Только поздно вечером, не в силах заснуть, Федор стал вновь и вновь прокручивать в памяти последние дни пребывания в Кабуле перед своим отпуском.

«Точно! Это дело рук Ольги!» – наконец стал догадываться Федор, когда часы уже показывали три часа ночи.

Однако с переездом в Кабул старшему лейтенанту Пашину пришлось немного повременить. В зоне ответственности десантно-штурмовой бригады на востоке Афганистана началась армейская операция, которая не смогла обойтись без дембелей, каким был офицер Пашин.

Любовь уходит тихо

Несмотря на холодное расставание со своей первой любовью Федором Пашиным во время их неожиданной встречи в Кабуле, Ольга радовалась. Сердце приятно щемило. Хотелось петь и танцевать. Едва Федор уехал в отпуск, стала считать дни до его возвращения. Заодно занялась вопросом перевода своего лейтенанта в Кабул.

Осуществить задуманный план оказалось совсем несложно. Кончаков, который к тому времени уже успел получить очередное воинское звание «полковник», ради штатного писаря своего отделения кадров был готов на всё. На следующий день после очередного посещения им своей любимицы в комнате штабного модуля приказ на Пашина был сверстан.

Когда через неделю кадровик решил вновь заглянуть к девушке домой, Ольга оказалась неприступной. Еще на пороге, открыв дверь, она сразу заявила:

– Извините, товарищ полковник, но я прошу вас больше не приходите ко мне!

Кончаков вначале опешил. При виде людей в коридоре попытался все обратить в шутку:

– Хорошо, потом поговорим, в штабном кабинете, – напоследок съязвил кадровик.

Разговор в штабе ни к чему не привел. Ольга твердо стояла на своем. Попытка обнять и поцеловать бывшую любовницу закончилась для Кончакова увесистой пощечиной.

– Уйди от меня! Больше видеть не могу!

Вырвавшись из цепких рук кадровика, молодая женщина бросилась к входной двери.

– Ты еще пожалеешь, сучка! – неслось ей вдогонку.

Однако Ольге жалеть больше ни о чем не хотелось. После встречи с Федором она больше не могла жить прежней жизнью. Все ее мысли теперь были заняты двумя людьми – маленькой дочкой, которая осталась в Союзе, и ее первым, самым дорогим и любимым мужчиной.

Как и следовало ожидать, полковник Кончаков ей ничего не простил. На неговорчивость молодой женщины он ответил приказом о переводе своего писаря из штаба армии в часть, что дислоцировалась на самой окраине Кабула возле аэродрома. Решив не отправлять свою бывшую любовницу в более отдаленный гарнизон, за пределы афганской столицы, кадровик тем самым оставлял себе надежду на желанное примирение. Он был уверен, что его любимица рано или поздно перебесится и вернется к нему.

Между тем для Ольги год жизни в Афганистане пролетел незаметно. Пора было ехать в долгожданный отпуск. Но девушка продолжала откладывать день своего отъезда. Она не могла уехать, не повидавшись с Пашиным. Она знала, что Федор уже вернулся с отпуска в Джелалабад и со дня на день должен был приехать в Кабул к новому месту службы.

В тот день, выпросив у командира части «уазик», чтобы съездить в городские магазины, Ольга сначала отправилась в штаб армии. Приехав, она сразу кинулась звонить, а когда узнала, что офицер из Джелалабада находится после обеда у себя в комнате, то побежала прямо туда. В считанные минуты Оля оказалось возле офицерского модуля.

– Можно? – запыхавшись, она влетела в комнату.

– Оля, ты? – опешил Федор, продолжая стоять около стола с утюгом в руках.

Девушка бросилась к нему. Нежно посмотрела в глаза. Федор поставил раскаленный утюг на стол. Еще секунда, другая, и они, немного стеснясь, обнялись. Инстинктивно прижались друг к другу. Счастливым миг продолжался. Словно не было между ними долгих лет разлуки, отчуждения и горьких обид.

– Мальчик мой дорогой! Как хорошо, что я тебя застала! Милый, очень прошу тебя, не держи на меня больше обид.

При этих словах Федор раскрыл объятия. Отстранился. Провел руками по лицу.

– Не отталкивай меня! Умоляю! Я люблю тебя! Пойми, здесь, на войне, без любви нельзя, с любовью на войне жить хочется!

Девушка отняла руки офицера от лица. Федор, не мигая, смотрел на нее.

– На войне, Оля, с любовью шутить нельзя. Слишком дорого обходятся предательство и измены...

Пашин не договорил. С шумом отворилась дверь. В комнату заглядывал незнакомец в гражданской одежде:

– Извините, пожалуйста! Выручите, чай кончился, вечером верну!

Пашин достал из-под стола начатую пачку цейлонского.

– Пойдет?

– Спасибо, с меня причитается!

Незнакомец плотно прикрыл за собой дверь.

В комнате запахло чем-то паленым. Федор бросился к утюгу и быстро вынул шнур из розетки. Неловкое молчание вновь нарушила Ольга.

– Я тебе очень ждала, Федя! Когда ты из отпуска вернулся?

– Две недели назад. Вчера в Кабул перебрался.

– Поздравляю! Я знала, что всё хорошо будет! Очень рада! Как дома?

Как семейные дела?

Ольга уже поняла, что здесь у Федора не всё в порядке.

– А никак. Не любят меня женщины. Бросают и всё. Уходят к другим. Ты ушла. Жена ушла. Всё нормально!

Пашин сел на кровать.

– Федор, прости меня, пожалуйста. Я исправлюсь. Ты самый лучший, поверь мне!

Оля вновь мило улыбнулась и под села к офицеру.

Федор пристально смотрел ей в глаза.

– Оля, так что ты знаешь о моем переводе в Кабул?

– Всё знаю! Хотела тебе сюрприз сделать к приезду из отпуска!

– Тебе удалось. Чем обязан?

– Ничем!

Девушка неожиданно рассердилась. И следом сухо выпалила:

– Я полгода любовницей кадровика в штабе армии была. А кадры, как известно, решают всё...

Девушка отошла к окну. Достала сигарету. Жадно затянулась. Наступило молчание. Пашин вновь включил уют в розетку. Приготовился гладить военную форму. Но тут же вскинул брови.

– Ты и курить научилась?! Молодец! Я-то думал: с чего это меня в Кабул перевели?! Оказывается, всё так просто! Действительно, ты права, с любовью на войне жить проще, а главное – удобнее!

Девушка неумело потушила сигарету. Бросилась к офицеру. Присев перед ним на корточки, по-собачьи заглянула в глаза. Федор опустил на стул.

– Феденька, милый, прошу тебя, не надо так! Всё это было до встречи с тобой. Нельзя меня за это винить, я женщина! Да, твой перевод организован мной! Хотела, чтобы ты был рядом! Потому что безумно люблю тебя!

Молодая красивая женщина сначала положила руки на колени возлюбленного, а потом покорно опустила голову.

– Прекрати, встань!

Взяв руки девушки в свои, Пашин вместе с ней поднялся. Кончиками пальцев смахнул с ее лица слезинки.

– Когда я кадровику дала отлуп, меня сразу выгнали из штаба армии!

Оля достала носовой платок, вытерла слезы. Опять замолчали. Федор гладил куртку. Девушка нервно курила. Женские плечи продолжали вздрагивать.

– Ну, хватит курить! – неожиданно прервал молчание Федор.

Ольга послушно затушила сигарету.

– Федор, я послезавтра уезжаю в отпуск! Я хочу сегодня быть с тобой вместе!

Давай на сегодня забудем обо всем! Я люблю тебя! Прошу тебя, поедem ко мне, я живу сейчас одна в комнате! – умоляла Оля, заглядывая в глаза любимому человеку. Но уединились они нескоро. Больше двух часов провели в городе в поисках самых лучших подарков и сувениров для родных и близких. Свой подарок сделал девушке и Федор – великолепный английский костюм, безумно ей понравившийся. По приезде на место Ольга немедленно захотела предстать перед любимым в новом наряде.

– Как тебе?

– С ума сойти!

– Правда?

Ольга подошла к зеркалу в платяном шкафу. Затем вернулась и нежно поцеловала офицера в щеку. Внимательно посмотрела прямо в глаза.

– Я с ума от тебя схожу, это что-то невообразимое! Веришь, Федя?

В ответ Пашин улыбнулся. Взял руку девушки и поцеловал. Потом ловко подхватил Ольгу на руки, осторожно положил на кровать... О том, что одной любовью сыт не будешь, они вспомнили лишь в десятом часу вечера.

– Я есть хочу! – первым не выдержал Федор.

– И я!

Девушка протянула руку к столу и щелкнула выключателем. Настольная лампа вмиг прогнала комнатную темноту.

– Федя, а у меня тоже есть для тебя подарок!

Девушка, открыв дверцу шкафа, старательно расчесывала волосы.

– Не может быть!

Пашин сел на кровати, прикрывшись одеялом лишь по пояс.

– Ого, этого я не ожидал! Откуда?

В руках Ольги он увидел новую шестиструнную гитару.

– Купила в военторге! Сыграй что-нибудь! Я, помню, с ума сходила от твоих песен!

– Соловья баснями не кормят! Дай что-нибудь поесть!

– Вот так и знала! Кроме еды, вас – мужиков – ничто не интересует, – обиженно проворчала девушка и принялась собирать на стол.

– Попрошу не обобщать! – весело отозвался Федор.

Приняв в руки новенькую гитару, он стал сосредоточенно настраивать инструмент.

– Федька, а Федька, женись на мне! – неожиданно заговорив, Ольга запнулась и затаила дыхание.

Вышло как-то само собой, непроизвольно. Честно говоря, у нее даже в мыслях не было говорить на эту тему. Но Пашин упрямо продолжал возиться с гитарой, словно не слышал.

– Испугался, молчун? Ладно, не бойся, нужен ты мне!.. Хватит брэнчать, спой лучше! – неизвестно на что и на кого разозлилась девушка.

Быстро набирая темп звучания, «шестиструнка» затосковала трогательной мелодией. Еще раз повторив струнное вступление, Федор негромко запел:

Здравствуй, чужая милая, та, что была моей!

Век тебя любил бы я до самых последних дней!

Но прошлое не воротится и не померкнет слеза!

Как целовать мне хочется дочке твоей глаза!

Припев Федор пропел громче, еще более трогательно, с чувством.

– Федька, прекрати! – резко оборвала его девушка. Внимательно посмотрела на него: – Ты дочку мою видел?

– Нет!

– А жаль, тем хуже для тебя!

Она лихо запрокинула голову. Отвернулась к окну. Закурила.

Федор не придал никакого значения вопросу Ольги. Сделав еще пару аккордов, отложил гитару в сторону.

– Оля, давай лучше поужинаем!

Пашин как ни в чем не бывало подсел к столу. Взял готовый бутерброд и ломтик белой редьки.

– Федя, может, мяса пожарить?

– Нет-нет! Все и так очень даже вкусно приготовлено! Колбаска, зелень, редька – прелесть, – мужчина попытался сделать комплимент женщине.

– Я очень старалась, – Ольга немного смутилась.

– Молодец, еда что надо, хозяйка что надо! – Пашин, улыбнувшись, пригласил даму жестом руки к столу.

Они жадно накинулись на еду. Вскоре подоспел чай. Разливая его по чашкам, Ольга спросила:

– Тебе не хочется говорить со мной на серьезные темы?

– Оля, милая! Мы с тобой уже раз слишком жестоко обожглись, чтобы вновь говорить о чем-то серьезном. Давай хотя бы для начала определимся со своими прежними семьями. И еще – у тебя есть ребенок. Ты должна знать, что отца ему, даже самого плохого, никто не заменит! Как и ни один мужчина никогда не станет для тебя дороже собственного ребенка!

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, ты поняла меня.

– Ты же еще не видел мою девочку!..

Ольга вновь запнулась. Ей было что скрывать.

Федор, не заметив перемены в женщине, продолжил говорить отрешенно, словно час назад между ними в постели ничего не было.

– Прежде чем решиться на что-то, мы должны хорошенько обо всем подумать! В свой новый брак я вступлю лишь тогда, когда буду на сто процентов уверен, что он принесет радость, а не очередное разочарование.

– Ты эгоист! Меня ты никогда не любил!

– Может быть, ты и права! Но я не хочу больше страданий, мук и боли! Тебя я любил... Знала бы ты, чего мне стоила разлука с тобой! – Федор говорил спокойно. Но неожиданно, несколько смутившись, усмехнулся. – Когда мы расстались, я долго боролся со своей любовью к тебе. Запрещал, топтал, прятался, но все зря. Тогда я отделил свою любовь от тебя – женщины, которая бросила меня. Себе оставил мечту, надежду и веру. Терять этого я теперь не хочу!

– Федор, что ты говоришь! Так нельзя! Что с тобой случилось, милый мой мальчик?

Оля под села к нему на кровать. Взяла его голову в руки и повернула к себе.

– Извини, Оля, но я сказал, что думаю!

– Врешь ты все! Не верю! Если меня любил, зачем женился?

– Побойся бога, Оля! О чем ты говоришь? Как можно меня укорять за то, что ты не дождалась меня и вышла замуж за другого, родила от него ребенка, наконец!

– Прости, Федя!

Девушка отрешенно опустила на стул.

– Если ты хочешь знать, зачем я женился, пожалуйста, я отвечу! Хотел тебя забыть. Думал: родит она мне сына и все встанет на свои места! Будет смысл жизни.

При этих словах молодая женщина вновь бросилась к любимому мужчине.

– Федька, милый! Я тебе рожу! Мальчика, хочешь?! Такого маленького, хорошенького, как ты! И дочку ты обязательно полюбишь, ты просто не сможешь не полюбить ее! Я знаю, я все расскажу тебе!

Ольга крепко обняла Федора и сама поцеловала его в губы.

Спецпропаганда

Совместная военная операция советских и правительственных войск в афганской провинции Кунар, что находится на границе с Пакистаном, была в самом разгаре. Шел третий день активных боевых действий. Уже с раннего утра с заготовленных позиций начинала вести непрерывный огонь в сторону гор армейская артиллерия. Колонны советской разнокалиберной бронетехники и автомобилей сновали вверх-вниз по узким серпантинам высокогорного Кунара. С восходом солнца в небо взлетали вертолеты, которые часами кружили над землей и своими ракетными ударами с воздуха по наземным целям обеспечивали должную поддержку действиям пехоты, спецназа и десантуры на земле. Высоко в небе раз за разом пролетали «косяки» авиации дальнего действия, которая бомбила опорные базы непримиримой афганской оппозиции, даже залетая в пределы соседнего Пакистана.

Туда, в зону пуштунских племен, банформирования уходили всякий раз, чтобы скрыться от преследования советских и афганских войск. Отсидевшись и передохнув, пополнив запасы вооружений, боеприпасов и продовольствия, «борцы за веру» снова уходили неведомыми тропами на территорию Афганистана, чтобы нападать на воинские гарнизоны и колонны, дестабилизировать обстановку в уездах и волостях, грабить афганцев на дорогах, совершать набеги на беззащитные горные кишлаки и разорять жилища своих же единоверцев.

Операция в Кунаре была одной из тех армейских операций, которые были призваны сдерживать боевую активность вооруженной оппозиции в приграничной зоне с Пакистаном. Она проходила в строгом соответствии с планами командования, зафиксированными на больших раскрашенных стрелах и условными значками штабных картах. Попытки «борцов за веру» путем устройства засад на коммуникациях и ночных обстрелов боевых порядков советских и афганских войск в принципе не могли нарушить стратегию боевой деятельности шурави. Вместе с тем, отдельные вылазки муджахединов были небезуспешными. Число потерь среди личного состава объединенной группировки, привлеченной к армейской операции, не уменьшалось. Военные борты с «грузом-200» ежедневно улетали на Кабул, а оттуда – в Союз. Вдобавок душманы сбивали на днях вертолет и самолет.

Бронегруппа из трех бэтээров и двух бээмпэшек прибыла в назначенное время к месту расположения полевого штаба по руководству войсковой операцией. Старший лейтенант Пашин, который возглавлял бронегруппу, четко доложил старшему начальнику о своем прибытии. Полковник, поздоровавшись с младшим по званию, покрутил головой по сторонам и, заметив кого-то среди других людей в военной форме, сделал понятный знак рукой. Быстрой походкой к ним подошел еще один офицер.

– Знакомьтесь, – резко бросил старший начальник, обернувшись назад.

Сегодня заместитель руководителя операции нервничал больше обычного. Утром в засаду попала колонна. Количество убитых и раненных за прошедший

день оказалось наибольшим за все время проведения операции начиная с выдвигения задействованных частей и подразделений из мест постоянной дислокации в провинцию Кунар. За убитых бойцов надо было кому-то отвечать. Сам генерал Варенников, который на тот период был самым главным от Министерства обороны в Афгане, уже дважды звонил по спецсвязи руководителю операции. Высокоставленный московский генерал обещал сам прилететь в Кунар. Поэтому полковнику, исполнявшему обязанности заместителя, было от чего нервничать.

Пашин первым представился и протянул руку подошедшему офицеру. Сергей Русак, так звали командира отряда спецпропаганды, оказался не простым офицером сороковой армии. Он был выпускником спецфакультета знаменитого тогда в Советском Союзе Военного института, более известного в военных кругах как Военный институт иностранных языков Красной Армии – ВИИЯКА. Поступить в этот бластной вуз было заветной мечтой многих советских мальчишек, бредивших романтикой путешествий в дальние страны, мечтавших о военной карьере, полной опасных приключений. Выпускников института, владевших как минимум двумя иностранными языками, можно было встретить везде в мире, где Советский Союз преследовал свои военно-политические интересы. В Афганистане их было много, и не только переводчиков, но и офицеров спецпропаганды. В отличие от своих однокашников по престижному вузу, которые в своем большинстве работали в аппарате военного советника, спецпропагандисты жили с семьями во вполне приличных бытовых условиях и получали, по советским меркам, невиданное жалованье. Выпускники спецфакультета, которые в качестве простых переводчиков служили в действующей армии, жили по ее писаным и неписаным армейским законам. Эти офицеры получали жалкое денежное довольствие.

Подошедший офицер высокого роста был крепко сложен. Бросалась в глаза ладно сидящая на нем полевая экспериментальная форма. В руках он держал небольшой черный чемоданчик. Открытое лицо старшего лейтенанта украшали пышные славянские усы. Добродушные глаза спецпропагандиста весело взглянули на Пашина. Между тем полковник спешил закончить разговор с офицерами.

– Познакомились?

– Так точно, – дружно среагировали офицеры.

– А дипломат-то зачем тебе, старлей? Мы же на войне, а не в институте благородных девиц, – съязвил старший начальник.

– Товарищ полковник, мое главное оружие – слово, а не автомат Калашникова. Общаться с афганцами и призывать к миру лучше без оружия. А в дипломате у меня топографическая карта, Коран, граната и бутылка водки.

– Странный набор. А Коран тебе, политработнику и коммунисту, на хера нужен?

– В Афгане без него никуда. Аяты и суры из Корана здесь цитируют чаще, чем у нас классиков марксизма-ленинизма.

– Это ты о чем, политработник? И матом не выражайся, а то «сюры» какие-то, «яты», «айяты»...

– Это так, к слову пришлось, товарищ полковник!

Старший начальник многозначительно округлил глаза и нахмурил лоб. Полковник был явно недоволен смелостью младшего по званию в общении со старшим начальником, а потому заговорил предельно жестко.

– Всё, политзанятия закончили! Товарищ старший лейтенант Русак, рота Пашина придается твоему подразделению для осуществления боевого обеспечения. Вопросы?

– Никак нет!

– Другое дело, лейтенант! Стало быть, пожелание начальника политотдела армии я выполнил.

– Спасибо, товарищ полковник.

– А ты, Пашин, поступаешь в распоряжение командира отряда спецпропаганды на правах его заместителя и начальника штаба. Старший лейтенант Русак является старшим начальником всего объединенного подразделения. Есть вопросы?

– Никак нет! Я человек военный, приказы не привык обсуждать.

– Вот это правильно!

Полковник, также одетый в экспериментальную полевую форму, строго взглянул на обоих офицеров, небрежно пожал руку сначала одному, а затем другому.

Пашина приободрил Русак:

– Все будет нормально, сработаемся!

Он слегка тронул рукой свои пшеничные усы.

Оставшись наедине, старшие лейтенанты разговорились. Русак достал сигареты, протянул пачку своему новому «энша». Пашин вежливо отказался.

– Я до Афгана совсем не курил, а здесь начал баловаться. Закон жанра иногда требует, приходится много с афганцами общаться. А они либо травку типа чарса жуют, либо сигарету мусолят. Теперь вот еще и на водку падкие стали. Быстро учатся, способные ребята!

Пашин усмехнувшись, перевел разговор на другую тему:

– Насколько, я осведомлен, с нами будут афганцы.

Русак уверенно и обстоятельно пояснил:

– Всего девять человек. Два представителя Народно-демократической партии из провинции Кунар, один человек от афганской молодежной организации ДОМА, два афганских спецпропагандиста из одиннадцатого армейского корпуса в Джелалабаде, еще один – это работник ХАД. Это служба безопасности. Еще будут две афганки – это для работы с женщинами. И будет мулла. Забирать их будем каждое утро в одном месте – возле здания НДПА в провинциальном центре. По окончании работы, во второй половине дня, возвращаем афганцев обратно. Как и было предписано, отряд расположился в советском батальоне. С нами также два афганских спецпропагандиста из Джелалабада.

– А женщины зачем?

– Чтобы работать с женским населением, скажем медицинскую помощь оказывать. Это отработанная схема. Они будут оказывать помощь вместе с нашими женщинами – медиками.

– Сколько у тебя народу-то в подразделении?

– Семь офицеров и девять солдат, еще две прикомандированные женщины, одна – врач, другая – фельдшер из военного госпиталя. Вместе со мной пять офицеров владеют языком дари. Еще один офицер – стажер из Ленинградского округа, но товарищ майор владеет только западными языками. Шесть единиц техники и еще облегченная станция звуковещания. Это ОЗС-78, на нашем сленге – «Комар».

– Большое хозяйство.

– Вообще-то армейский отряд спецпропаганды в Кабуле – это самый большой из тех, что развернуты в сороковой при политотделах отдельных частей и соединений. Причем со своей нумерацией, полевой почтой и печатью. А здесь находятся не все. Еще одна оперативная группа от нас сейчас работает под Кабулом.

– Какая у нас задача, – продолжал задавать вопросы «энша».

– Политическая работа в освобожденных кишлаках предполагает встречи со старейшинами, проведение собрания или митинга, оказание материальной и медицинской помощи населению, показ кинофильмов, раздачу листовок и литературы на языке дари.

Федор немного оживился:

– А что собираетесь показывать?

– «Белое солнце пустыни».

– Классный фильм, я бы его и сам посмотрел. А листовки-то зачем? Они ведь неграмотные. Я понимаю, там муку раздавать. А листовки, брошюры зачем?

– Товарищ начальник штаба, – старший лейтенант Русак постепенно начал вступать в права командира объединенного подразделения, – как человеку новому в нашем деле, докладываю: листовки у нас все с иллюстрациями и даже не одноцветные. Текста в них минимум. Ссылки на Коран и так далее. А что касается литературы, то там у нас тоже иллюстрированные журналы о Советской Армии, жизни наших мусульманских республик и одна брошюра «СССР: сто вопросов и ответов».

– Грамотно.

– Что у тебя, какая техника?

– Предлагаю пройти и на месте всё посмотреть, – Пашин показал рукой в сторону дороги, где на обочине расположилось несколько единиц боевой техники.

Проходя мимо полевой вертолетной площадки, оборудованной на время проведения операции, офицеры невольно замедлили шаг. Неподалеку от металлического настила вертолетной площадки в ряд лежали три безжизненных тела советских бойцов, сверху аккуратно накрытых легкими покрывалами защитного цвета. Очередной «груз-200» ожидал своей отправки на Родину.

– Мне приходилось доставлять один цинк в Союз.

– Это, наверное, не для слабонервных! У меня, к счастью, потерь не было. Тьфу-тьфу-тьфу! – командир спецотряда сплюнул через левое плечо.

Сосредоточив всю технику и броню в одном месте, выставив свою охрану, разместив на ночлег всех подчиненных в батальоне, старлеи допоздна задержались в штабном помещении у заместителя командира батальона по политической части. Веселый капитан решил угостить представителя политотдела армии, каким являлся здесь Сергей Русак. Поэтому капитан обращался к младшему по званию хотя и на «ты», но строго по имени-отчеству.

– Сергей Николаевич, мы здесь находимся вдали от благ цивилизации, не то, что жизнь в Кабуле или, даже в Джелалабаде, – замполит кивнул головой в сторону Пашина.

– У нас не намного лучше, – возразил Федор.

Однако капитан, никак не среагировав на это возражение, продолжал:

– Поэтому, чтобы разнообразить жизнь, наладили производство бражки. Предлагаю отведать. Шедевр полевой бормотухи!

С этими словами замполит поставил на стол, видимо, уже заранее приготовленный закопченный солдатский чайник. Аккуратно разложил на столе апельсины и бананы, помидоры и огурцы. Ловко и быстро открыл консервные банки с тушенкой и килькой. Разорвал на несколько ломтей большую афганскую лепешку, поставил перед гостями большие кружки и наполнил их мутной жидкостью из чайника.

– Не много? – вновь попытался возразить старший лейтенант Пашин.

– Пей. Это же брага! Пьется легко и приятно, – с ротным из десантно-штурмовой бригады капитан не считал нужным особо церемониться.

Действительно, пилося легко. Сладковатая жидкость с привкусом и запахом спиртного не вызывала неприятных ощущений. Офицеры дружно опорожнили кружки. Закусили. Выпили еще по одной. Капитан предложил по третьей, но гости отказались. Незаметно все опьянели. Потянуло в сон. Поблагодарив замполита за гостеприимство, старшие лейтенанты ушли. Прежде чем совсем завалиться спать, поговорили еще немного о жизни. В походной палатке было темно. Пройдя к своим кроватям, офицеры присели. Со всех сторон слышался здоровый мужской храп попеременно со смачным посапыванием. Военные люди на «необъявленной войне» отдыхали.

Выяснилось, что Русак еще во время учебы дважды побывал в военно-политическом училище, которое в свое время закончил Пашин. Там он работал в качестве переводчика на спецфакультете, где учились афганские военные. Старлеи с удовольствием вспомнили время, проведенное в старинном украинском городе на самом западе страны. Им даже показалось, что они могли видеться в этом училище.

Еще поговорили о личном. В отличие от своего собеседника Сергеем было чем похвастаться. В Союзе его ждала любимая жена, которая воспитывала двух мальчиков. При этом Русак заметил, что двое детей в его семье – это еще не конец. «Дети – это главный семейный капитал, главный итог жизни любого человека», – рассуждал Сергей. Федор во всем соглашался с другом. По-хорошему завидовал своему новому товарищу. «Мальчики – это здорово!» – уже засыпая, бросил Пашин.

Утро наступило, как обычно это бывает на операции, гораздо раньше. Методичные удары ракетной артиллерии с совсем маленькими промежутками между залпами всякий раз громом содрогались над небольшой территорией полевого штаба. В такой обстановке спать могли только немногие.

Пашин и Русак проснулись почти одновременно. Умылись. Пашин ушел к своим подчиненным из боевого охранения. Русак заглянул в штабную палатку. Вновь встретились уже в батальонной столовой. Пашин коротко доложил о готовности людей и техники.

– Федор, ты «энша», так что вникай во все вопросы! – бросил Русак, не отрываясь от тарелки.

– Приказано оказать помощь командиру одной части – организовать звуковещание.

– Что-то случилось?

– Батальон напоролся на засаду. Есть потери. «Духи» блокированы со всех сторон. Уходить им некуда. Сопротивляются ожесточенно. Командование предполагает предъявить ультиматум. Я направил бэрдэм с экипажем во главе с диктором-переводчиком. Ну и майор-стажер сам напросился, я не стал возражать.

– Наши действия?

– Выстраивай колонну, проверяй людей и технику, и выезжаем в уездный центр. Там заберем афганцев, и к десяти часам надо быть на месте.

– Какое расстояние?

– Пять километров до города и от него еще столько же. Всё рядом. Нас уже ждут.

Старлеи дружно встали и вышли из-за стола. В девять часов утра спецпропагандистская колонна уже миновала пределы небольшого уездного центра и направилась в близлежащий кишлак.

Населенный пункт находился недалеко от центра у самой дороги, поэтому позиции местной власти здесь были прочные. Шурави уже здесь ждали. На небольшой деревенской площади возле одноэтажного здания, над которым развивался государственный флаг Афганистана, собралось человек пятьсот жителей. Преимущественно это были старики, женщины и дети.

Старший лейтенант Русак первым спрыгнул со своего БТРа. На ходу отдал все необходимые команды, а сам направился в сторону встречающих гостей афганцев. Старший лейтенант Пашин немедленно приступил к размещению бронетехники. Два БМП он отправил на внешнюю сторону кишлака для обеспечения охраны со стороны гор. Два БТРа съехали с дороги на противоположную сторону от кишлака и жерлами своих стволов уперлись в высокие заросли камышей, которые начинались в двухстах-трехстах метрах от дороги и тянулись до подножия синеющих вдали каменных громад. Еще один БТР занял боевые позиции в непосредственной близости от деревенской площади, которая пряталась в тени больших деревьев. Здесь должны были происходить главные события в афганском кишлаке.

Было уже совсем жарко. Старший лейтенант Пашин, расположив технику и проверив связь, с интересом наблюдал за действиями спецпропагандистов. Еще до начала основных массовых мероприятий из звуковещательной станции, смонтированной на базе бэтэра, полились звуки восточных мелодий. Кишлачная жизнь сразу оживилась. Любопытные мальчишки перебежали от одной машины к другой, стремясь забраться прежде всего на броню. Они весело переговаривались с шурави, самым удивительным образом коверкая русские слова и брызгая матерщиной. Советские солдаты и офицеры с улыбками на лице отгоняли назойливых мальчишек, не забывая их снабжать брошюрами, журналами и листовками. Когда заработал полевой автоклуб, на специальном экране которого стал демонстрироваться сюжет о жизни советских мусульманских республик, от желающих прильнуть к небольшому экрану не стало отбоя. Много афганцев толпилось возле пункта выдачи материальной помощи. Сегодня раздавали муку и сахар, а в придачу к ним опять же листовки и брошюры. Вместе с советским офицером-переводчиком находились еще два шурави, представитель провинциального парткома и заместитель старейшины кишлака. Афганские женщины, одетые с головы до ног в светлые и темные паранджи, столпились возле «таблетки», внутри которой афганка-переводчица помогала советским женщинам вести медицинский прием.

Агитационно-массовая работа в кишлаке, на первый взгляд казавшаяся стихийной спецпропагандой, продолжалась около часа. Неожиданно музыка стала стихать. Из главного кишлачного здания с флагом вышло много людей. В центре был Сергей Русак, который разговаривал сразу со всем своим окружением. Только что успешно

прошло собрание старейшин этого и еще двух соседних кишлаков, представители которых были заблаговременно доставлены сюда. На встрече было решено принять совместные меры по недопущению в кишлаки членов бандформирований, а также минирования дорог и обстрелов колонн. Договоренности планировалось обнародовать на митинге перед всеми жителями кишлака. Микрофон уже был подключен к станции магнитозаписи, а та, в свою очередь, к размеренно работающему походному движку. Вся аппаратура в полной готовности стояла в самом центре площади.

Периодически проверяя по связи бдительность своих подчиненных, старший лейтенант Пашин продолжал наблюдать за всем происходящим в кишлаке с боевой машины пехоты. «Это кто такие? Откуда?» – Федор весь напрягся, заметив сначала одного, потом другого бородатого афганца, появившихся на площади. Им можно было дать лет тридцать-сорок, одеты они были в национальные одежды. Он быстро перевел взгляд на Русака. Тот в это время о чем-то говорил с афганцем, работником службы безопасности – ХАД. Их лица были напряжены и взволнованны. Пашин не мог знать о том, что работник афганской спецслужбы располагал некой агентурной информацией о действиях одного бандформирования в районе армейской операции. «Духи», спасаясь от точечных ударов советской авиации и реактивной артиллерии, скрылись в кишлачной зоне. А здесь сейчас работал советский спецотряд. Внезапно появившиеся в кишлаке бородатые люди как раз и были разведкой банды. Покрутившись на площади еще пару минут, они так же незаметно исчезли, как и прибыли.

Смысл напряжения на командирском лице старший лейтенант Пашин понял уже через пару минут. Первый гранатометный выстрел угодил прямо в гусеницу БМП, стоявшего на левой стороне внешней охраны кишлака. Стрелок с брони тут же проинформировал командира роты о подрыве. Следом прогремел еще один гранатометный выстрел. От него взорвался небольшой автобус «мерседес», на котором приехали старейшины. На площади началась паника. Пашин тут же дал команду на подавление огневых точек душманов. Прицельный огонь советской брони обрушился на глинобитные развалины прямо за кишлаком, откуда велась стрельба. В ответ «духи» тоже дружно ударили по шурави из пулеметов и автоматов. Площадь в центре кишлака мгновенно опустела.

Ситуация принимала серьезный оборот: появились убитые и раненые. Советским военным активно помогали афганцы. Почти сразу погибли хадовец и афганский партиз, которые бросились преследовать бородатых людей. В бою ранение получили два советских солдата. Однако душманских лазутчиков удалось достать. Двоих тут же положили, а одного ранили и захватили в плен.

Пашин, понимая, что действовать надо быстро и решительно, дал команду одному БМП и двум БТРа́м двинуться к развалинам. Остальная броня прикрывала бросок командира шквальным огнем всех своих стволов. При виде грозной техники полдюжины душманов стали стремительно покидать развалины. Их замысел был понятен. «Духи» стремились поскорее укрыться в «зеленке» и далее в горных расщелинах. Преследовать врагов дальше по пересеченной местности на броне было бессмысленно.

На месте, в развалинах, шурави обнаружили схрон и глубокий лаз размером в рост человека, который вел в сторону гор. В спешке «духи», по всей видимости, не

сумели его, как следовало, замаскировать. Старший лейтенант Пашин внимательно осмотрел узкий туннель. Было видно, что по нему только что ушли люди. Многочисленные отпечатки массивной военной обуви отчетливо просматривались на земле. «Значит, те, которые бежали по земле, лишь отвлекали внимание», – подумал офицер. Он огляделся. Возле проема в стене, откуда, видимо, и вели огонь из гранатомета, находились ящики с неотстрелянными гранатами. Вдоль других стен на земле лежало несколько невоскресших цинков с патронами. Тут же оказался небольшой сундук. Он был полон исламской литературой и листовками. Поковырявшись в ворохе изданий с арабской вязью, офицер, к своему удивлению, обнаружил несколько листовок на русском языке. Содержание было простым. Неизвестный Народно-трудовой союз призывал народы СССР «к свержению прогнившего коммунистического режима...» Пашин скомкал вражескую агитку и бросил ее обратно в деревянный сундук. «Надо всё забрать с собой. Русаку, наверняка, будет интересно», – подумал Федор.

К месту нахождения полевого штаба отряд спецпропаганды вернулся, когда уже стало темнеть. Движение задержалось из-за ремонта поврежденной гусеницы у БМП. Убитых и раненых отправили раньше вертолетами. Старший лейтенант Русак сразу проинформировал штаб обо всем произошедшем в кишлачной зоне на южной окраине провинциального центра. Однако на этом злоключения спецпропагандистов в этот день не закончились. Вечером пришлось помянуть еще одного погибшего. Как стало известно, днем трагически погиб майор-стажер. Оказалось, что спецпропагандистский броник, возвращаясь назад после выполнения поставленной задачи по организации вещания на душманов, только чудом избежал подрыва. В тот год духи начали особенно активно использовать управляемые фугасы. Подрывник немного ошибся, и взрыв прогремел на пару секунд раньше перед приближающейся броней. Водитель резко затормозил и принял вправо. Однако, бэрдэм все же не удержался на горном серпантине, опрокинулся и слетел вниз с дороги. К счастью, высота падения была небольшой, так как боевая машина только начала свой подъем вверх по серпантину. Экипаж, сидевший внутри брони, не пострадал, если не считать синяков и шишек. А вот майор, сидевший наверху и не успевший вовремя спрыгнуть, вначале принял на себя остатки взрывной волны, а потом, сорвавшись вниз, попал под многотонную боевую машину. Когда перевернули и вытащили броню, его безжизненное тело было буквально раздавлено в нескольких местах.

На следующий день спецотряд остался на месте. Надо было «залечить раны». После обстоятельного разговора в штабе, где состоялось оперативное совещание, старший лейтенант Русак выехал в провинциальный центр. Там должна была состояться встреча с афганцами. Ехать решили вместе. Взяли звуковещательную станцию и боевое сопровождение из двух бэмпэ. Командир спецотряда все время оставался предельно сосредоточенным и излишне напряженным.

– Как прошло совещание?

– А, лучше не спрашивай! В отряде же никогда не было потерь. А тут сразу – майор, двое раненых, не говоря уже об афганцах.

– Не расстраивайся! Это не самые большие потери, поверь, я это знаю хорошо. Могло и хуже все закончиться, – Федор, как мог, успокаивал своего нового товарища и друга.

– Может быть! Поэтому, наверное, и отметили наши умелые действия по нейтрализации душманской засады. Кстати, твоя фамилия прозвучала. Начпо сказал, чтобы всех, кто отличился, представили к наградам. Так что с тебя причитается! А вообще-то банда, на которую мы напоролись, совсем не простая. Она столько уже бед наделала. На совещании довели, что треть всех потерь – это их рук дело. За этими духами наши с хадовцами давно уже охотятся. Поэтому наша задача – собрать всю информацию по своим каналам. Поговорим с официальными властями, потолкаемся на базаре, заодно подпитаемся слухами. Базар на Востоке – это ценнейший источник информации. Покруче Би-би-си будет!

Приехав в провинциальный центр, вначале посидели с заместителем партийного секретаря по идеологии в компании с представителями хада и афганской полиции - Царандоя. Русак успевал не только вести разговор, но и переводить основное содержание своему «энша». Затем заглянули в женскую организацию. Надо было провести активисток, которые вчера были вместе с отрядом спецпропаганды в кишлаке. Девушки были на месте. Они с радостью встретили шурави и сопровождающего офицеров ХАДовца. В просторной комнате были и другие молодые женщины. Лишь две из них были закрыты паранджой, а все остальные – одеты вполне по-европейски, если не считать воздушных платков на их головах. Афганки с нескрываемым любопытством стали рассматривать офицеров. Старшие лейтенанты сдержанно поздоровались. Им сразу был предложен чай с восточными сладостями. Другие афганские мужчины отсутствовали, ХАДовец был занят разговором по телефону, и активистки ДОЖА были особенно приветливы и гостеприимны с гостями. Каждой из них хотелось пообщаться с молодыми симпатичными шурави. Они, насколько не стесняясь, задавали офицерам самые неожиданные вопросы. Узнав, что Сергей женат и у него двое детей, афганки принялись наседать на Федора. Тот только успевал разводиться руками, всякий раз смущаясь и растерянным взглядом моля о помощи своего друга. Русак отшучивался стихами Хайяма и Саади, аятами Священного Писания, чем еще больше покорял сердца юных мусульманок.

Не согласившись остаться на обед, офицеры пошли в центр города. Там обошли пару десятков городских дуканов. Пашин не переставал поражаться искусству Русака общаться с самыми разными людьми. Тот спокойно переходил с дари на пушту и обратно, а когда надо было – показывал знание английского языка. Со всеми он был весел, благодушен и тактичен. Информации набралось немало. Решили перекусить, чтобы всё хорошенько обмозговать. По полученной информации выходило, что банда, скорее всего, является пришлой, но опирается на местное подполье. В афганской забегаловке, выпив по бутылке чешского пива, набросились на вкусную еду. Продолжали рассуждать только короткими фразами.

– Темнит «идеолог»! – бросил Русак.

– Да, глаза бегали, сам, наверное, с ними связан, – согласился Пашин.

– А лаз, который выходит прямо к кишлаку, который якобы под контролем власти. Ты же сам всё видел. Заниматься этим туннелем будет хад, – Русак налегал на шашлык.

Беседа за столом неожиданно прервалась. Мальчишка лет двенадцати что-то сказал Русаку на своем родном языке. Офицер покрутил головой по сторонам. Не обнаружив ничего подозрительного, встал.

– Я сейчас, жди меня.

Федор дообедал и расплатился. Прошло уже около получаса. Обеспокоившись длительным отсутствием своего товарища, Пашин вышел наружу. Русак сидел на улице за столиком возле соседнего магазинчика и о чем-то беседовал с незнакомым афганцем. На столе у них находились бутылка водки, банки с соками, шашлыки и еще что-то. Заметив еще одного шурави, собеседник Русака засуетился. На восточный манер попрощавшись, он ушел. Спецпропагандист тоже встал и направился к товарищу.

– Тут такое дело. Надо бы обмозговать! Этот человек из той самой банды.

– Что ты его отпустил?

– Ну конечно, еще не хватало стрельбу устроить в центре города. И потом мы с ним давно знакомы.

– Агент? – улыбнулся Пашин.

– Может стать! Он предлагает в банду сходить на переговоры. Говорит, есть возможность склонить часть банды к сотрудничеству и даже переходу на нашу сторону. Это дело известное. Сейчас много «духов» понимают, что мы здесь в Афгане надолго, если не навсегда, а Красную Армию голыми руками никому не взять. Из числа бывших душманов, перешедших на сторону властей, формируются специальные так называемые национальные батальоны, которые вместе с афганской армией принимают участие в боевых действиях против непримиримой оппозиции.

– Так ты что, собрался в банду идти? Перебрал, что ли? – укорил друга Федор, видевший того сидевшим с незнакомцем за бутылкой водки.

– А что?! Смелость города берет! Я чувствую, что надо идти. Одним разом можно будет наши потери сократить, если их вынудить покинуть зону операции. А там, чем черт не шутит, может, и удастся уломать на сотрудничество с властями.

– Надо с начпо поговорить!

– Даже обсуждать не будет, пошлет куда подальше. Он всего боится. Слушай мою команду. Я же командир! Ухожу на задание! – Русак, весело подмигнув другу.

– Какие гарантии? Откуда ты его знаешь?

– Он у нас в Союзе учился, политработник. Вернулся в Афган, а дом шурави разбомбили. Его брат ушел в горы. Из-за этого уволили из армии. Ничего не осталось, как идти вслед за братом в банду. Тот у него один из главарей. Мой знакомый утверждает, что и брат тоже давно уже ищет пути к сотрудничеству с афганской властью. А вот мулла у них там очень вредный мужчина, а еще американец и два пакистанца из Пешавара зачем-то в их рядах оказались. Они там всем и верховодят. Какие-то специальные задачи решают. У них там переносной зенитно-ракетный комплекс «Стингер». Они им самолет наш сбили два дня назад. Вот такая информация! Дело серьезное, надо идти!

– Может, я с тобой?

– Нет, ты здесь останешься старшим начальником. Если меня завтра к шести часам утра не будет, доложишь руководству. Считай – это мой приказ! Понятно тебе, товарищ старший лейтенант?

– Да иди ты!

– Не понял! Как надо отвечать?

– Так точно! – невесело ответил Пашин.

По прибытии в штаб Пашин не находил себе места. Всю ночь он так и не сомкнул глаз. Однако все обошлось. Утром Сергей вернулся, и не один. Вместе с ним на ХАДовцев вышла почти вся банда, которая, оказавшись зажатой со всех сторон, восприняла советского парламентаря спокойно. Уйти попытались только человек десять из числа непримиримых, которые были тесно связаны с иностранцами. Но им это сделать не удалось. Шурави сработали хорошо. Главным трофеем был целехонький новенький переносной зенитно-ракетный комплекс «Стингер» американского производства. В штабе операции о проделках старшего лейтенанта Русака узнали от ХАДовцев. Усталого, не спавшего ночь, полутрезвого лейтенанта доставили часам к восьми. Часа полтора-два его продержали в штабной машине. Допрашивали его «начпо» и два особиста. Главный политработник больше всего был озабочен самовольством и самодеятельностью подчиненного. Офицеров военной контрразведки прежде всего интересовали прежние и нынешние отношения старшего лейтенанта Русака с его знакомым афганцем. Несмотря на то, что Русак всё взял на себя, Федору тоже досталось. Заместитель старшего начальника на операции сразу предупредил: «Готовься к худшему! За такие вещи без погон можешь остаться».

Когда Пашин увидел друга, тот был совсем не похож на себя. Совсем не выспавшийся, с бледным вытянувшимся лицом, Сергей устало глядел на друга.

– Все хорошо.

– Расскажи, как было.

– Водку пили, плов ели, суры из Корана и стихи им читал. С ними можно договариваться. Нормальные ребята! Поспать бы сейчас.

Офицеры вместе побрели к своим подчиненным.

К счастью, на войне победителей не судят. Начальник политотдела армии быстро сообразил, что за нейтрализацию опасной банды, захват большого количества подрывной литературы и оружия, в том числе такого уникального, как «Стингер», надо не наказывать подчиненных, а поощрять их. Поэтому, когда генерал Варенников в очередной раз заслушивал главного армейского политработника по телефону, тот четко доложил об успешных действиях войск по ликвидации крупной банды и оппозиционного подполья.

А вообще хорошо, что все хорошо закончилось. Старший лейтенант Русак был представлен к высокой воинской награде – ордену «Боевого Красного Знамени», старший лейтенант Пашин – «Красной Звезды». Жаль только, что в момент, когда кадровики готовили представление, конечно, никто не думал о том, сколько советских и афганских жизней сохранил своим мужественным поступком старший лейтенант Русак. Об этом в наградном представлении не скажут ни слова. Поэтому вместо «Боевого Красного Знамени» старлею придет «Красная Звезда», которая, как считают в вышестоящих штабах, больше подходит по чину младшему офицеру.

Однако Федор Пашин, возвращаясь обратно в Кабул к месту постоянной дислокации своей части, не мог знать обо всем этом. Сидя на раскаленной броне под немилосердно жарившим афганским солнцем, офицер думал о другом. В долгие часы медленного движения длинной колонны бронетехники и военного транспорта по невероятным извилинам и зигзагам горного серпантина Федор вспоминал и размышлял о том, как начиналась его военная служба.

«Правда» о войне

В этот год бархатная кабульская зима длилась недолго. Еще меньше гостила в афганской столице весна. Едва правоверные мусульмане 21–22 марта отпраздновали одна тысяча триста шестьдесят пятый ноуруз по восточному календарю, как наступило лето. К этому времени казалось, что вооруженное сопротивление афганских бандформирований будет и дальше уменьшаться и сходиться на нет. Динамика и характер потерь в Ограниченном контингенте советских войск свидетельствовала о том, что самые ожесточенные и кровопролитные боевые столкновения частей и подразделений ОКСВ с силами вооруженной оппозиции остались в прошлом. В самом Афганистане, где постепенно стали смиряться с советским военным присутствием, в правящей политической элите заговорили даже о возможности вхождения ДРА в состав Советского Союза в качестве шестнадцатой республики.

Однако такое развитие событий вокруг Афганистана явно не входило в планы сильных мира сего. В свое время втянув СССР в затяжной афганский конфликт, они преследовали далеко идущие планы. Столкнув интересы Москвы и ведущих мусульманских столиц, можно было не только дестабилизировать обстановку в обширном регионе Центральной Азии, но и перекинуть «пожар» необъявленной войны в Афганистане на территорию Советского Союза, где мусульманское население составляло влиятельное меньшинство.

Для достижения своих планов США и их союзники по НАТО активизировали подрывную работу и в самом СССР, где они опирались на диссидентские настроения в обществе и власти. И поэтому совсем неслучайно, что объявление «политики национального примирения» в Афганистане практически совпало по времени с началом провозглашения «политики нового мышления» в СССР. Взятие курса на так называемое «национальное примирение» спровоцировало резкое обострение военно-политической обстановки в Афганистане. Сразу увеличилось количество вооружённых столкновений.

Высокая активность афганской оппозиции опиралась на возросшую военно-политическую, финансово-экономическую и информационную поддержку зарубежных стран. За спиной афганской оппозиции стояли США и их союзники по НАТО, Китай, ведущие мусульманские страны: Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Турция и др. Фактически Советскому Союзу противостояла в Афганистане широкая коалиция крупнейших стран мира. Оппозиции оказывалась беспрецедентная финансовая, материальная и военная помощь. На территории Пакистана и Ирана в лагерях афганских беженцев, возвращение которых обратно в Афганистан всячески сдерживалось, были развернуты центры специальной подготовки вооруженных группировок. В идеологическом плане против СССР и кабульского режима были задействованы самые мощные силы и средства. В расчете на население страны и жителей зоны пуштунских племен на территории Афганистана и Пакистана постоянно вещали более двадцати

зарубежных радиостанций. Среди афганцев распространялось около ста наименований газет и журналов, огромное количество листовок на языках дари, пушту и др. Целенаправленная пропаганда на русском языке велась и среди советских военнослужащих.

В этих условиях советское военное командование вынуждено было лавировать. С одной стороны, советские военачальники не могли не реагировать на возросшую боевую активность вооруженной оппозиции, которая стала применять более гибкую тактику и новые боевые средства и вооружения в борьбе с шурави. Между тем в войсках поползли слухи о возможном скором выводе войск из Афганистана. Понять, откуда пошли разговоры – из Союза или от афганской стороны, было сложно. Однако некоторые признаки изменения советской политики в Афганистане стали появляться. Активизировались переговоры в Женеве по урегулированию «афганской» проблемы, в Кабуле набирала обороты политика «национального примирения», поддерживаемая из Москвы.

Дарламанский штабной городок советских войск в Кабуле впервые в своей истории видел такой наплыв гостей, военных и гражданских. Все объяснялось просто. В Союзе началась перестройка, задули демократические ветра, об афганской войне уже говорили и открыто писали все кому не лень. Стало ясно, что боевые действия теперь могут пойти на убыль. Между тем число желающих «отметиться» на войне возросло.

По отдельному, предельно сжатому графику сюда сновали партийцы всех мастей, штатные агитаторы и пропагандисты ЦК, высокопоставленные генералы и полковники из московских штабов, горбачевские полпреды так называемого «нового политического мышления» по линии МИДа, известные и еще совсем не известные деятели культуры и искусства. Острым конъюнктурным чутьем уловив скорое приближение конца афганской эпопеи, они спешили выжать из этой дармовой партийно-военной кормушки всё до последнего: звания и боевые награды, возможность быстрого продвижения по карьерной лестнице, чеки, подарки и сувениры. В крайнем случае, по возвращении в Союз оформить себе удостоверение о праве на льготы. Мода на получение почетного звания «участника войны» оставалась.

«Облегчив» пламенным словом или патриотической песней незавидную участь рядовых солдат и офицеров, командированные гости уезжали восвояси с большими, тяжелыми чемоданами. Бывали и такие гости, которые, как напишет позже пресса, контрабандным путем вывозили из Афгана драгоценные металлы, культурные ценности и даже наркотики. Именно тогда афганская «белая смерть» проложила себе дорогу в Союз, который вскоре стал одним из крупнейших объектов наркотрафика в Евразии.

Между тем «ограниченный во всем» контингент советских войск встречал и провожал многочисленных экскурсантов на войну без должного восторга и энтузиазма. Здесь, в объятиях ежедневной опасности, жестоких мужских нравов войны, болезней и бесконечной тоски по дому и Родине, военная служба казалась крепостной барщиной, начальники были не столь грозны, как в Союзе, а приезжающие казались наивными и беспомощными.

Всю прошедшую неделю в окрестностях афганской столицы снимали очередной фильм об интернациональной миссии Советской Армии в Афганистане. Старший лейтенант Пашин, как представитель опергруппы на боевой операции в «зеленой зоне» Чарикара, должен был помочь киношникам отснять необходимый материал в условиях, максимально приближенных к боевым. Заодно была дана команда взять телевизионную группу «первого» канала.

Пашин встретил московских визитеров на военном аэродроме в Баграме. Короткое знакомство, и военный «уазик» с гостями устремился в расположение одной из полков баграмской дивизии, части которой дислоцировались в пределах военного аэродрома. По дороге Федору было интересно отвечать на вопросы гражданских лиц, которым было поручено узнать буквально все об армейской жизни на афганской войне.

Знакомство с гостями продолжилось и на следующий день. Старшему лейтенанту Пашину пришлось их сопровождать в поездке по окрестностям Панджшера.

– Доброе утро, дорогие друзья! Карета подана! Прошу располагаться! – весело поприветствовал гостей Федор.

Сам он после всех забрался на броню. Пара запыленных БТРов лихо тронулась с места. Сначала киношники с ветерком прокатились от Баграма до Джабаль-уль-Сараджа, что находился километрах в семидесяти от Кабула. Остановились на одном блокпосте. Отсняли кадры повседневного быта бойцов, которые месяцами были вынуждены на своем участке обеспечивать безопасность главной магистрали страны. Почти полностью оторванные от жизни своей части и армии в целом, они выглядели одновременно забытыми и далекими от мира сего. Поэтому кадр сержанта с газетой «Комсомольская правда» почти месячной давности призван был продемонстрировать всей стране, что ее воины-интернационалисты в Афганистане, несмотря на боевые будни, остаются в гуще советских событий. А вообще-то, встрече с киношниками бойцы блокпоста радовались как дети. Им было любопытно знать буквально обо всем, что происходило в Союзе. И, конечно же, снявшись на камеру, многие из ребят искренне надеялись, что родные и близкие увидят их по телевизору.

Миновав поворот в сторону ущелья Панджшер, задержались в небольшом афганском городке Гольбахор. «Цветок весны», как означал перевод с дари, находился в живописном местечке у самого подножия величественных гор. Представители местных органов власти по-восточному гостеприимно встретили московских гостей, накормили обедом. Киношникам больше всего понравились шашлык из бараньих яиц, сытный плов и душистая продолговатая дыня. Они не скрывали своего восторга от восточной кухни. За обедом удалось пообщаться. Киношники очень удивились тому, что многие из афганцев вполне прилично объяснялись на русском языке. Находясь в самой гуще общения, старший лейтенант Пашин с удовлетворением обнаружил у себя способности к усвоению афганского языка общения. В тот момент он даже представить себе не мог, что наступит время, когда он будет видеть сны, думать и говорить на фарси так же, как сейчас на русском языке.

В этот раз традиционная зимняя чистка душманского логова под Кабулом ограничилась эпизодическими действиями войск и широкой разъяснительной

работой среди местного населения. Поэтому киношникам удалось отснять кадры раздачи резиновых галош и пропагандистских листовок жителям придорожных кишлаков.

Здесь Федора Пашина судьба снова свела со старшим лейтенантом Русаком. Пообщавшись друг с другом какие-то полчаса, старшие лейтенанты не могли даже предположить, что судьба еще не раз сведет их вместе, только уже в России.

Напоследок Русак вызвался помочь телевизионщикам отснять для показа в Союзе наиболее калоритные картинки афганских реалий. В придорожном кишлаке, прежде всего, камера запечатлела виды глинобитных построек, дукканы с богатыми развалами овощей и фруктов, грязных шустрых детишек, стайки афганок в парандже под строгим присмотром мужчин, шустрых осликов и величавых верблюдов, важно крутящих головами по сторонам. Однако москвичам были интересны не только картинки восточного средневековья, но и признаки XXI века в афганской глубинке. Время близилось к обеду. Убеленные старики в чалмах и восточных одеяниях неспешно обедали: ели рассыпчатый плов, рвали пахучие лепешки, пили душистый зеленый чай. Им нисколько не мешали звуки индийских мелодий, которые изавал дорогой японский панасоник, стоявший на соседнем овощном развале. Возле чайханы стояли современные легковая тайота и грузовой мерседес. Афганские мальчишки с интересом следили за работой телекамеры, настойчиво предлагали гостям обменять чеки на афгани, купить жвачку, пепси-колу, презервативы и другой ширпотреб японского и европейского производства.

Но и в ходе этих съемок главным действующим лицом оставался симпатичный шурави в форме советского офицера, в совершенстве владевший местным наречием. Русак с явным уважением говорил со стариками, по деловому с дукканщиками, весело и шутливо отгонял от камеры назойливых озорных бачат. Настороженные взоры афганских старожилы менялись на ответные улыбки, добрые знаки, желание пообщаться с шурави.

Уже по возвращении на баграмский аэродром киношники не смогли удержаться от соблазна сняться на память на фоне самой современной советской военной техники на афганской войне. Здесь находилось наибольшее скопление боевых машин, людей с оружием. Работали полевые кухни. Трещали машины связи. Периодически куда-то стреляла реактивная артиллерия. Взлетали и садились «вертушки». В общем, было всё как на настоящей войне.

Телевизионщики спешили. Сразу после обеда отснятая кассета была отправлена в Кабул. Когда на следующий день Федор увидел знакомые сюжеты на «первом» канале, он был поражен тому, как профессионально сработали журналисты. Боевые действия были показаны с размахом. Деятельность советских и афганских подразделений по уничтожению бандгрупп была на редкость слаженной и эффективной. Бойцы, отвечая на вопросы журналистов, были уверены в том, что политика примирения в Афганистане уже приносит свои плоды.

«Во дают! Как мозги пудрить научились!» – усмехнулся про себя Пашин, когда вечером в ленкомнате вместе с другими смотрел телепрограмму «Время». Между тем сослуживцы сюжетом были явно довольны. Радость на лицах почти никто не скрывал. Было приятно, что на Родине воинов-интернационалистов всё еще продолжают считать героями.

Видимо по знакомству, журналисты Федора также проинтервьюировали. Но Пашин сразу понял, что в эфир его мысли никогда не попадут. На вопрос журналиста о том, как он относится к «политике национального примирения» и возможности вывода войск из Афганистана, Федор ответил слишком прямолинейно:

– Эта политика ведет только к активизации боевых столкновений, а войска наши в свое время незачем было вводить в Афганистан, тем более ни к чему теперь их выводить отсюда!

Бывалый журналист из Москвы – спецкор «первого» канала в Кабуле сразу опустил микрофон. Вежливо улыбнулся:

– Интересная позиция. Но об этом пока рано говорить. Однако могу этот комментарий на радио «Свобода» послать, не возражаешь?

– Я служу Союзу, а не прислуживаю врагам.

Этой фразой офицер явно оскорбил журналиста Центрального телевидения. «Вот ублюдок! – хмыкнул про себя Пашин. – С такими СМИ и впрямь Афган профукаем!»

– Будь здоров, боярин! – вслух произнес Федор и направился в сторону своего модуля.

Через неделю Пашин отвез москвичей на аэродром. За все это время Жирика он ни разу так и не увидел. Оказалось, что Сашка, пробыв всего день в Баграме, сразу улетел в Кабул. Ему надо было работать с основной группой киношников.

После отлета гостей Пашин еще не раз вспоминал телевизионщиков. Ему были интересны рассказы бывалых журналистов об интригах в высших коридорах власти в Москве. В целом за последнее время с кем только из советских знаменитостей не познакомился Федор!.. Такие важные, недоступные на телеэкранах, здесь, в Афганистане, перед Пашиным они представляли обыкновенными людьми с присущими человеку слабостями.

По-настоящему он проникся уважением лишь к одному артисту из всех тех гастролеров, с кем пришлось работать. Ничего удивительного не было. Этот певец в общей сложности провел в Афганистане времени ничуть не меньше, чем любой солдат и офицер сороковой. Он приезжал сюда к соотечественникам на войну, а не за чеками, наградами и ветеранской «ксивой» на льготы. Привозил с собой драгоценное дыхание Родины, оставляя частицу самого себя. Оттого его искренне любили и всегда с нетерпением ждали в самых отдаленных гарнизонах.

Однако, как ни странно, больше всего хлопот у Пашина было не с московскими звездами, а с малоизвестными гастролерами. Если первых прежде всего волновала отметка в послужном списке о командировке в «горячую точку», то вторых главным образом заботило материальное благополучие. Поэтому в перерывах между концертами мастера советской сцены умоляли Пашина свозить их в кабульские дуканы, где они могли бы совершить свои нехитрые рублево-чековые обменные операции.

Все это время своими прямыми обязанностями старший лейтенант Пашин почти не занимался. Федору иногда казалось, что о его существовании в части просто забыли. Видимо, этим можно было объяснить тот казус, что начальник штаба, направивший своего непосредственного подчиненного работать с го-

стями из Союза, однажды при встрече в аэропорту даже не узнал старшего лейтенанта.

При таком отношении со стороны командования Федор все чаще стал испытывать равнодушие к службе. Если сразу по возвращении из госпиталя он искренне переживал, что занимается не своим, постыдным для боевого офицера делом, мучительно искал пути, как снова сбежать на командную работу, то теперь, за считанные месяцы до замены, Федор постепенно смирился со своим новым положением. «Вернусь в Союз, начну всё сначала!» – успокаивал он себя.

Нынешняя пашинская меланхолия, кроме всего прочего, была вызвана еще одним немаловажным обстоятельством. Прошло почти четыре месяца с того дня, как Федор посадил Ольгу в самолет рейсом на Ташкент. Улетев в отпуск, она так и не вернулась. Пашин терялся в мучительных догадках о судьбе любимой. Отсутствие писем от нее лишь усиливало тревожные предчувствия.

Жизнь продолжала немилосердно обходиться с Федором. Едва трогательное чувство к своей первой любви стало оживать, как вновь пришла горечь разлуки, тоски и одиночества. Не выдержав томительного ожидания вестей, он сегодня опять позвонил в крепость Балахисар. В этот раз новости были, но неутешительные. Как сообщил знакомый прапорщик из штаба части, куда была направлена дослуживать Ольга Мирская, на официальный запрос военкомат российского городка ответил короткой телеграммой. Оказалось, что Ольга не собиралась возвращаться назад. По семейным обстоятельствам она прервала свой двухлетний афганский контракт.

Настроение на весь день было испорчено. «Что могло случиться, неужели помирилась с мужем?» – терзался Пашин. «Почему не написать? Может, еще даст знать о себе?» – пытался успокоить он себя.

Так и не придя ни к какому выводу, Федор решил до конца ждать письма от Ольги. Прошло не больше двух недель, и его ожидания были вознаграждены. В тот день он даже не мог предположить, что долгожданная весточка уже лежит на столе у дневального по модулю. В обеденный перерыв Пашин заглянул к себе. Долгожданное письмо на столе у дневального он разглядел сразу. Пока шел в конец длинного коридора, успел прочитать. В комнате еще раз внимательно перечитал дорогие, знакомые строчки. Письмо было нежное, ласковое, но необычайно тревожное. Оля сообщала, что вновь заболела дочка, плоха мама. «Муж, – писала она, – отказывается дать развод, грозит отобрать ребенка! Все это вынуждает меня подчиниться обстоятельствам, которые могут разлучить меня с тобой...»

В следующем абзаце Оля просила не забывать, обязательно писать, но не домой, а на главпочтамт до востребования. Письмо было датировано апрелем. Федор тут же сел и написал пространное письмо. Оно было полно оптимизма, нежности и любви, надежды на скорую встречу. Письмо написал, а отправить не успел.

Перевал Саланг

Вышло так, что в самый разгар раскаленного афганского лета старший лейтенант Пашин нарушил неписанный кодекс традиций сороковой армии. Один из непреложных законов гласил – за три месяца до замены в Союз человека «не кантовать». Главный же смысл этого предписания состоял в том, чтобы «афганец», уцелевший за два года на «необъявленной войне», не дай бог, не погиб или не был ранен всего за три месяца до долгожданного возвращения на Родину.

Старшему лейтенанту Пашину не суждено было дослужить до замены в прохладе своего кабульского кабинета. Новый начальник штаба полка забрал с собой толкового офицера на горный перевал Саланг. Поездка в этот раз была не просто служебной командировкой в войска.

К тому времени уже вовсю шла подготовка к выводу из Афганистана очередной партии частей и соединений. Дорога на Родину лежала через горный перевал Саланг. Федору Пашину вместе с другими офицерами опергруппы предстояло организовать обеспечение этого одновременно знаменитого и печального исхода советских войск из Афганистана.

Старший лейтенант в общей сложности пробыл на выводе войск больше двух месяцев. Время, проведенное на Саланге, не оставило особых впечатлений, если не считать тех горных красот, которые шурави наблюдали каждый день с утра до вечера. Несмотря на высокогорье, Пашин умудрялся даже здесь заниматься спортом. Перед завтраком он совершал короткие пробежки вокруг временных построек КПП. Тягал тяжелые камни. Отжимался от земли.

Еще запомнился сам тоннель на Саланге. Огромной длины проход через высокогорный перевал действовал с утра до вечера. Один день колонны разнокалиберной брони и боевых машин бесконечным потоком шли в одну сторону – на Кабул. На другой день вереницы машин тянулись к советской границе.

За время нахождения на перевале старший лейтенант Пашин не раз и не два проезжал по тоннелю. Внутри его находиться было неприятно. Холодные темные стены. Постоянный полумрак. Непрерывный грохот движения. Устойчивый неприятный запах выхлопных газов. Пелена дыма, режущая глаза.

Хотелось как можно быстрее выбраться наружу.

Как рассказывали ему старожилы с северного блокпоста, на въезде в тоннель случаи гибели людей были нередкими. Так, однажды внутри тоннеля, в самой его середине, сломался КамАЗ. Пока его ремонтировали, большая часть машин продолжала стоять с работающими двигателями.

– Так что, нельзя было дать команду заглушить моторы? – Федор перебил рассказчика.

– Дали команду, только поздно уже было. Люди стали терять сознание. И выбраться было некуда. Короче, были потери, – невесело закончил рассказчик.

Именно по маршруту через тоннель на перевале Саланг следовали в Советский Союз части и подразделения сороковой армии, которые навсегда покидали Афганистан. В оперативной группе хорошо знали, что «духи» не откажутся от попыток устроить какую-нибудь провокацию при выводе советских войск.

Несмотря на предварительные договоренности с руководителями вооруженной оппозиции не пытаться провоцировать советские войска, минирование дорог и обстрелы колонны продолжались. Вреда они никакого не принесли, так как били издали, но желаемого переполоха «духи» достигли. Правда, потом «подрывные радиоголоса» неделями верещали об успехах моджахедов на горном перевале Саланг, огромных потерях, которые понесла советская сторона.

До окончания операции по обеспечению вывода войск оставалась пара дней, когда «духи» предприняли более серьезную попытку помешать движению колонн. Засада, которая была устроена на этот раз на южном склоне Саланга, была классической.

Остановившаяся у поста на ночь советская колонна с восходом солнца вытянулась в длинную цепочку и начала ползти вверх по горному серпантину. После короткой ночи люди приходили в себя. Горный серпантин постепенно наполнился сплошным шумом движения машин. И вдруг – засада!

Спереди и сзади советской колонны почти одновременно были подорваны мощные управляемые фугасы. Столбы дыма, копоти и гари. Крики людей. Паника. Со стороны гор по передовой машине дружно ударили гранатомет и крупнокалиберный пулемет. По бойцам, сидящим на броне, стали прицельно стрелять снайперы. Началась беспорядочная ответная стрельба в сторону гор. Так завязался бой.

В оперативной группе на перевале Саланг на действия врага среагировали вовремя и решительно. Сводным оперативным подразделением было приказано командовать старшему лейтенанту Пашину. В небо были подняты «вертушки» прикрытия. Засаду в горах удалось быстро накрыть с воздуха. Разрозненным группам «духов» деваться было некуда. Бойцы Пашина доставали их повсюду. Короткий жесткий бой в горах, и противник был повержен. Лишь немногим удалось уйти. Еще некоторое время «вертушки» продолжали прочесывать горные расщелины в стремлении достать оставшихся беглецов.

Трупы моджахединов вперемежку с оружием лежали на земле. Федор остановился. Внимательно оглядел тела убитых врагов. Заросшие бородатые лица были безжизненными. Униформа черного цвета, ремни и добротные полуботинки на них показались до боли знакомыми.

«Да это же пакистанские наемники! Вот так встреча!» – мелькнуло в сознании. Офицер небрежно пнул ногой массивный полуботинок. Сразу вспомнились картинки памятного боя в горах, когда вторая ДШР под командованием лейтенанта Пашина напоролась на засаду наемников. Именно такими пренебрежительными движениями ног «духи» тогда проверяли, жив или мертв шурави.

Федор невольно тряхнул головой, стремясь сразу развеять неприятные воспоминания. Опустив голову, старший лейтенант направился на командный пункт.

Туда уже доставили двух наемников, оставшихся в живых. Допрос проводили разведчики и армейский контрразведчик. Дольше всех они возились со здоро-

венным молодым душманом, как потом выяснилось, наемником из Пакистана. Вел себя пакистанец на редкость спокойно. Несмотря на угрозы и побои, отвечать на вопросы шурави так и не стал. Напрасно изощрялись разведчики, пытаясь развязать язык пакистанцу.

– Уведите его! Потом поговорим! Давайте второго, – командовал капитан-разведчик.

Старший лейтенант Пашин вошел в помещение, где проводился допрос, когда из угла вытащили еще одного «духа». Он был укутан в темно-зеленое длинное одеяние. Капитан-разведчик грубо сорвал накидку.

– Есм-е ту чист? Имя говори, сука!

– Есм-е ман Хасан Везир, – спокойно ответил «дух».

Только сейчас Федор узнал в «духе» своего бывшего сослуживца.

– Вот так встреча! Ну, здравствуй!

В ответ Везиров насутился, что-то прошипев на местном наречии, из чего Пашин понял лишь одно слово – «хар». На языке дари это означало «осёл». Так афганцы обычно ругались. Пашину доставило истинное удовольствие смазать пару раз по физиономии предателя. Тот сразу заговорил по-русски. Попросил не бить. Обещал дать ценную информацию. По его бегаящим глазам Федор понял, что и Хасан узнал его.

Оказалось, что к «духам» он тогда ушел добровольно. Спрятался в развалинах кишлака, где была устроена засада банде, переждал, а потом сдался моджахедам. Как правоверного мусульманина, узбека по национальности, его недолго обрабатывали, сразу приняли за «своего». Гранатометчик по воинской специальности, он им пригодился. В первом же бою поджег две бронемашины. С тех пор был штатным гранатометчиком в одной из банд знаменитого Ахмад Шаха.

В ходе допроса выяснилось, что список советской техники, подбитой и сожженной предателем, не ограничивается лишь двумя бронями. Хасан не скрыл от своих бывших соотечественников, что всегда стрелял метко.

– Не меньше десятка сжег! – с вызовом бросил он в ответ на прямой вопрос особиста.

За свою прямоту получил хороший удар ногой в пах. От сильной боли предатель по-собачьи взвизгнул. Повалился было на пол, но капитан-разведчик схватил его за длинные слипшиеся волосы и резко поставил на ноги.

– В Узбекистане кто у тебя остался? Говори.

– Не знаю, – предатель отвечал теперь только по-русски.

– Здесь где живешь?

Хасан рассказал, что у него теперь новая семья, что богат, имеет дом, много земли, машину.

Когда старший лейтенант Пашин, не выдержав, напомнил о долге и чести, Родине, которая кормила, поила и учила его, предатель не смолчал:

– Вам меня не понять! Я мусульманин, правоверный! У меня здесь двое детей.

– Ах ты сука! – вновь вмешался Пашин. – Ты забыл, как наркотики жрал, как мародерничал? Или не ты забирал у убитых мусульман деньги и часы? Где тогда были твои правоверные чувства?

Офицер заметно нервничал.

– Заткнись, неверный! Я не боюсь тебя. Жаль, что не смог застрелить тебя тогда на операции в горах! – неожиданно осмелел предатель.

Пашин опешил. Едва усидел, чтобы не встать и не размазать по стенке бывшего подчиненного. За него это еще раз профессионально сделал капитан-разведчик. «Дух» вновь завизжал и распластался на земляном полу.

Его, конечно, убить было мало, на чем сошлись все участники того памятного допроса, но какое-то двойственное впечатление от некоторых откровений душманского гранатометчика осталось. Последняя наглость предателя Родины, чьими руками был убит не один соотечественник, особенно поразила Пашина, заставила его вновь задуматься о смысле происходящего на этой войне.

Дело в том, что число шурави, в силу разных причин и обстоятельств оказавшихся по другую сторону баррикад, в последнее время стало расти. Дошло даже до того, что год назад к «духам» на бронетранспортерах ушел подполковник – начальник разведки полка. Можно было понять тех, кто попадал в плен ранеными или волей нелепой случайности, которая всегда имеет место на войне. Но что двигало людьми, которые переходили на сторону душманов добровольно, Федор Пашин объяснить не мог.

Этот эпизод афганской войны еще не раз будет оживать в душе Федора Пашина, заставляя всякий раз по-новому переосмысливать простые человеческие понятия о добре и зле, долге и чести, верному служению России.

Афган, до востребования!

Еще до возвращения в Кабул Пашин знал, что его заменик приехал вовремя. Только вот сразу не сказали, что капитан прибыл из Закавказского военного округа. Поэтому еще оставалась надежда уехать по замене если не за границу, в Европу, то хотя бы куда-нибудь в Центральную Россию.

На передачу должности времени много не понадобилось. Новый помощник начальника штаба, хорошо знавший свои обязанности по прежней службе, работал на новом месте уже две с лишним недели. Федору оставалось оформить документы, получить чеки, «затовариться» афганскими сувенирами и подарками, собрать вещички, организовать «отвальную» и отправиться на Родину.

На все сборы ушло три с половиной дня. В четверг после обеда служебный паспорт с открытой визой в СССР был на руках у офицера. Время первого рейса на Ташкент стало известно еще раньше. Поэтому можно было теперь смело ехать в город, чтобы истратить полученные только что в кассе чеки за целых три месяца.

В город Пашин отправился на машине начальника штаба. На КПП пришлось захватить двух офицеров-десантников, которые попросили забросить их в военную комендатуру.

Забросив попутчиков в комендатуру, штабной «уазик» лишь к двум часам приехал в самый базарный квартал афганской столицы – «зеленые ряды». Остановились в переулке возле углового дукана, торгующего разноцветными восточными тканями. Напротив, в витрине маленькой ювелирной мастерской, поблескивали дешевые женские украшения из железа и серебра. Прямо на земле перед входом стояла разнообразная металлическая посуда. На небольшом перекрестке расположились лавки с зеленью, овощами и фруктами. Там же продавались сигареты, консервные банки, печенье, презервативы и многое другое, что называется повосточному «зелень-мелень». Услужливый дуканщик помог Федору отобрать самое необходимое к вечернему застолью в модуле. О цене спорили недолго. Товарного вида помидоры, огурцы, лук стоили того, чтобы особо не жадничать на деньги. Вдобавок ко всему прочему Федор прикупил две золотистые душистые дыни и арбуз. Водитель с трудом донес покупки до машины.

Купив все подарки и сувениры в другой восточной лавке, офицер вернулся к военному «уазу». Ни времени, ни денег больше уже не оставалось. Едва «уазик» завелся, как по дверце постучали. Темно-зеленая паранджа стояла у машины. Пашин вначале подумал, что афганка подошла, чтобы попросить подавание, но женщина неожиданно заговорила по-русски:

– Федя, открой!

Она двинулась к задней дверце. Еще не поняв, в чем дело, Пашин открыл. На глазах оторопевших афганцев женщина, похожая на русскую монахиню, вспорхнула на заднее сиденье. В кабине сразу почувствовался запах давно не мытого женского тела вперемишку с резкими импортными духами.

– Поедем скорее, умоляю! – произнесла паранджа.

Машина рванулась с места, едва не раздавив металлическую посуду на тротуаре перед дуканом.

– Ты меня не узнал?

Офицер и солдат разом обернулись. Заметно смущаясь, необычная попутчица приоткрыла лицо.

– В таком виде мать родная не узнает! Я в училище вместе с твоей женой, Наташкой, на спецфакультете работала!

– Не может быть!

Федор недоуменно тряхнул головой. Еще раз внимательно пригляделся. Молодая женщина выглядела заметно старше своих лет. Сеточка мелких морщин окружала воспаленные глаза, несколько заострившимися казались нос, скулы, подбородок. По бледноватому лицу с красными болезненными пятнами было трудно узнать некогда цветущую, яркую блондинку, которая работала учительницей русского языка у иностранцев в военном училище.

– Что ты здесь делаешь? Почему в таком виде? – наконец заговорил Пашин.

– Что-что! Живу я теперь здесь! – невесело сказала женщина.

Не успев обрадоваться тому, что соотечественник ее признал, она сразу погрузилась в тоску.

– Замужем я здесь! Я, дура, выскочила за афганца, подданство приняла, теперь вот мучаюсь! Сил больше нет жить здесь дальше! Просто не знаю, что делать!

Глаза девушки увлажнились.

– Так он что, из нашего училища? – неизвестно зачем решил уточнить Федор.

– Джахангира такого не помнишь?

– Может быть!

Офицер попытался напрячь память. Но в эту минуту, кроме одного афганца, которого он особенно запомнил на торжествах по случаю выпуска из военного училища, никого больше вспомнить не мог.

– Это тот, что на выпускном вечере был в нашей компании?

– Конечно! Два года меня обхаживал, чего только не обещал! А когда в Кабул приехали, оказалось, он уже женат, двое детей! А тут у меня от него ребенок родился, девочка, просто красавица!

– Не может быть! Ну, ты даешь, мать!

– А ты знаешь, мой муж ведь тебя тоже часто вспоминает. Ты же его тогда на дискотеке спас. Его бы тогда местные ребята до смерти забили. Помнишь?

– Было дело! Джахангир, точно. Что же ты, мать, так сплеховала?

– Дуры мы, русские бабы, нам только пообещай рай, так готовы идти хоть на край света. Как же – иностранец! Только правду говорят: курица – не птица, Афганистан – не заграница!

– Работает?

– Смеешься? Какая здесь работа? С утра до ночи по дому занята! Стираю, готовлю, с детьми вожусь, вздохнуть некогда!

– Ладно, ближе к делу. Давай, я тебя в посольство наше завезу.

– Это для тебя оно наше, а не для меня. Я теперь афганская подданная!

– Что же ты собираешься делать?

– Мне больше ничего не остается, как писать письма в Союз. Родители хлопчут, может, что-нибудь получится! На вот, перешли! – молодая женщина вытаскивала из-под своего темного одеяния аккуратно запечатанный конверт. – Брат мужа все мои письма проверяет, если что не так – в огонь! Поэтому я каждые две недели здесь бываю. Здесь много шурави за покупками приезжают. С ними письмо надежнее дойдет.

Федор не мог не обратить внимания на то, что его бывшая соотечественница на афганский манер произнесла слово «советские».

– Как же ты меня узнала?

– Представь себе, сразу! Как только машина остановилась в переулке, решила подождать, пока не вернешься!

– Тебе повезло, я завтра в Союз возвращаюсь.

– Ой, счастливый! Как здорово! Письмо там отправишь?

– Могу домой завезти, я собираюсь захватить в училище.

– Правда? Можешь еще что-нибудь передать моим? – она стала снимать с себя драгоценности, достала пачку чеков. – Здесь пятьсот, передай. Сто – тебе!

– С ума сошла!

– Возьми! Возьми! Я готова больше заплатить лишь за одну встречу с советским человеком, тем более с тобой!

– Нет, нет! – Пашин однозначно отрицательно покачал головой.

Тем временем «уазик» давно проскочил центральную часть города и выехал на Дарламановскую прямую, ведущую в штаб армии.

– Ой, останови! Мне давно пора бежать малышку кормить! – всполошилась попутчица. – Я выйду, отсюда недалеко! Спасибо тебе.

Паранджа осторожно соскользнула на тротуар и бросилась к только что остановившемуся на остановке афганскому автобусу, полностью забитому людьми.

Последний день старшего лейтенанта Пашина на афганской войне продолжался до самого утра. Народ с вечеринки разошелся часа в три ночи, но Федор так и не заснул. Какая-то неведомая внутренняя сила продолжала держать его в прощальном оцепенении...

Первый самолет на Ташкент, разгрузившись, стоял на посадочной площадке. В большой толпе улетающих военных и гражданских людей на Родину, в Союз, старший лейтенант Пашин шел последним. Пока проверялись документы у трапа самолета, он грустно озирался по сторонам, пытаясь запомнить и увести с собой последние восточные впечатления, зрительные картинки древнего центрально-азиатского города – столицы страны гор, вековых традиций, войны и шурави.

Самолет быстро заполнился. Медленно поднялась и плотно закрылась рампа самолета. В салоне наступил полумрак. «Война для меня закончилась! Прощай, Афган!» – прошептал Федор и тяжело откинулся на сиденье назад. Самолет взревел, качнулся и не спеша поплыл на взлетную полосу... В эти минуты он даже не мог предположить, что ему когда-то еще придется вернуться в страну гор и легенд, а Афган войдет в его сердце и душу и навсегда поселится в них.

• • •

ЧАСТЬ II

Россию не выбирают

Кавказский странник

Кавказ в Российской империи с незапамятных времен считался признанным местом ссылки вольнодумного русского офицерства. Здесь, в Закавказском горном крае, далеко не самые худшие сыны Отечества вынуждены были в жестоких бесконечных схватках отстаивать свою офицерскую честь и достоинство и ценой собственной крови добиваться высочайшего царского прощения и дозволения возвратиться назад, чтобы служить в метрополии.

Впервые в Нагорном Карабахе капитан Пашин побывал два года назад. Командование дивизии, куда он попал служить по замене, посылало его за допризывниками. Военкомат находился в небольшом аккуратном армянском городке. Добротные здания из темно-красного туфа делали Степанакерт совсем непохожим на азербайджанские города и селения, разбросанные по дороге в Нагорный Карабах. В своем темно-красном мемориальном облачении городок казался немного суровым и строгим, но одновременно рассудительным. Жил в нем добрый, приветливый народ. По давно сложившейся традиции он доброжелательно и почтительно относился в людям в военной форме.

Всю неделю в Степанакерте Пашин прожил в центральной гостинице почти рядом с городской площадью. По вечерам любил прогуливаться по той из улиц, что забиралась вверх к единственной здесь воинской части. Приветливые улыбки молоденьких армянок и степенных старцев всегда были одинаково искренни. В оазисе человеческого согласия, доброжелательности и спокойствия Федор нашел настоящую отдушину после суеты армейской службы в двухмиллионном закавказском мегаполисе на берегу Каспийского моря.

Тогда, в свой первый приезд, Пашин никак не мог предположить, что пройдет совсем немного времени и город армянского Степана превратится в главный очаг братоубийственного противостояния на Кавказе. Духовные последователи дела истребления армян в начале двадцатого столетия вновь покажут свое змеиное жало, втавив в бессмысленный конфликт два соседствующих народа.

Приехав сюда во второй раз, офицер не узнал знакомого городка. Закрытые магазины, баррикады на улицах, изрешеченные пулями стены темно-красного туфа. И еще – толпы озлобленных людей, митинги, демонстрации и множество лозунгов, транспарантов на русском, армянском и азербайджанском языках. Вооруженные люди и бронетехника на улицах уже стали непременным атрибутом степанакертской действительности. В город приятных воспоминаний капитан Пашин прибыл теперь в ином качестве. Около года назад, когда начались кровавые события в Сумгаите, боевого офицера-«афганца» перевели в парашютно-десантную часть начальником штаба батальона. «Летучее» подразделение за короткий срок успело отметиться в Сумгаите, Тбилиси, Ереване, а месяц назад было брошено в Нагорный Карабах. Здесь вновь резко обострилась обстановка.

Парад суверенитетов, война законов, обилие теле- и радиолжи, взаимных обвинений в прессе переросли в настоящее кровопролитие. Русскому батальону

предстояло в очередной раз встать стеной между двумя враждующими сторонами. Заклание бесправной «кавказской» группировки войск во имя новомышленнических интересов Москвы случилось спустя всего полгода после ухода ее войск из Афганистана. Но, как гласит старая умная русская пословица, «нет худа без добра». Везде, где бы ни оказывался Пашин со своим боевым подразделением, он непременно встречал сослуживцев по Афганистану. Казалось, нет места в Закавказском крае, где не служили бы люди, прошедшие суровую школу войны на Востоке. Словно Родина-мать не нашла другого способа отблагодарить своих верных сыновей за выполнение интернационального долга, кроме как послать их из огня да в полымя межнациональной антиимперской лихорадки.

Здесь, в Степанакерте, капитан Пашин встретил не просто «афганца», а человека, которому был обязан своим лейтенантским становлением. Его первый ротный Алексей Дмитриевич Арбузов уже полгода исполнял обязанности помощника начальника штаба комендатуры особого района.

За это время Алексей Дмитриевич так и не получил майора. Прослужив в Афганистане два года, он по замене просился в Центральную Россию, откуда сам был родом. В ответ кадры в Кабуле предложили ему повышение в Закавказском военном округе.

– В ЗакВО будешь служить! Это тебе не ЗабВО! – кадровик торжественно вручил Арбузову командировочное предписание. – Знаешь, какая разница? ЗабВО означает – забудь вернуться обратно, а ЗакВО – забудь, когда вернешься обратно. Улавливаешь отличие? Так что шанс вернуться в Россию все же имеется, – весело подмигнул работник кадров.

– Спасибо, утешил, благодетель.

Арбузов, по достоинству оценив тонкий армейский юмор, выругался. Развернулся и вышел.

Когда офицер приехал в штаб ЗакВО, в самом Тбилиси ничего подходящего не оказалось. Ехать в азербайджанский Казах семья не хотела. Поэтому от повышения Арбузов отказался. Пришлось вновь командовать ротой. Время шло, а назначения не было. Когда же до очередного рубежа в возрасте – сорока лет – осталось меньше года, Алексей Дмитриевич решил увольняться. «Какая-никакая пенсия за двадцать лет будет в кармане», – справедливо рассуждал старый капитан.

Едва успел отправить рапорт, грянули известные события. Седовласого офицера до окончательного решения его судьбы сначала отправили в командировку в Сумгаит, а потом перебросили в Степанакерт. Обо всем этом капитан Арбузов поведал своему бывшему подчиненному в первый же день неожиданной встречи, когда они решили вечером по этому случаю устроить небольшое застолье. С тех пор Федор Пашин не только заходил переночевать в кабинет помощника начальника штаба степанакертской комендатуры, но и нередко забегал на обед, чтобы сыграть партию-другую в шахматишки, поболтать «за жизнь».

Сегодня Алексею Дмитриевичу было не до шахматного реванша. В обеденный перерыв он на телефоне коменданта города ждал важного для себя звонка из Тбилиси. Федор остался в кабинете один. Подразделение отдыхало после приема пищи, поэтому у него было в запасе около часа. Устроившись поудобнее на широком кожаном диване старинной работы, неизвестно каким образом оказав-

шемся в строгом штабном кабинете, Федор взял в руки ксерокопию книги Антона Ивановича Деникина «Очерки русской смуты». Ее он купил случайно во время зимнего отпуска, когда заезжал в Москву, но познакомиться с записками белого генерала удалось только по приезде в Степанакерт. Федор приспособился читать очерки не только в обеденный перерыв, но и в короткие минуты передышки на выездах. Так многолетняя жизнь в экстремальных условиях постепенно приучала заниматься собственным самообразованием урывками.

Прочитав пару страниц, Пашин отложил книгу в сторону. Очерки далекого прошлого невольно заставили задуматься о дне сегодняшнем. Двадцать шесть месяцев в Афганистане, закавказские события, как естественное следствие страшной межнациональной ломки и мучительной политической агонии мировой сверхдержавы, до основания разрушали совдеповские идеалы, подрывали веру в себя, доводили до отчаяния. Чем больше Пашин читал прессу, слушал радио и смотрел телевизор, тем обиднее становилось за Россию, которую братские народы бесчестно обвиняли во всех коммунистических бедах, тем острее ощущалась боль за поруганную честь армии. Каждый прожитый день приносил гораздо больше вопросов, чем ответов, продолжая безжалостно путать мысли и чувства.

Как и другие «афганцы», Пашин с особым трепетом ловил сообщения из Афганистана, внимательно следил за каждым публичным словом, политическими оценками в адрес афганской войны и его участников. Но с недавнего времени он перестал читать об афганской проблематике, выключал телевизор, когда речь заходила об Афгане. Болезненно перенес период замалчивания необъявленной войны в Союзе, Федор не смог вынести неслыханного потока небылиц, бесовственного глумления над святыми чувствами афганского братства. Их жалели, оскорбляя подачками, всячески внушали комплекс психической неполноценности, принародно обвиняли в преступлениях на войне. Не менее противно было слушать и читать беспардонные перехлесты, никому не нужную повальную героизацию, приписывание каждому «афганцу» того, что и с десятком из них не могло быть. Одновременно в голове не укладывалось и другое: как можно было обвинить сороковую армию в том, что она не выиграла ни одного сражения в афганской войне, когда только благодаря шурави держался прокремлевский режим в Кабуле, сохраняясь и сегодня. Почему никто ни разу не задался вопросом, как вообще такая «игрушечная» армия, добрая половина которой лежала в госпиталях, находилась в командировках и отпусках в Союзе, несла службу в гарнизонах и на коммуникациях, умудрялась набирать людей на боевые действия, контролировать территорию, где проживало больше половины населения. Остальные семьдесят процентов гор, пустынь и заброшенных кишлаков просто незачем было охранять: люди давно оттуда сбежали в города. А ведь в Генеральном штабе хорошо знали, что для успешного решения задач военного присутствия требуется не менее пятисот тысяч войск. Значит, стотысячная сороковая – это не меньшее, а большее преступление, чем ошибочное решение о вводе.

При таком раскладе армия заведомо ставилась в экстремальные условия, обрекалась на ведение боевых действий чисто по-русски, через «не могу». Двадцатилетние советские солдаты и сержанты направлялись на войну, где им противостояли взрослые мужчины с огромным боевым опытом у себя в горах, получавшие не

гроши, а сотни и тысячи долларов. Что это, если не предательство Родины-матери своих сыновей, от которых она откупилась бумажными льготами и дешевым славословием газетных публикаций. Пока шла война, регулярно летели в Союз «Черные тюльпаны» – символ безвременной гибели людей на афганской войне, горя и страданий вдов и матерей, возвращались калеки и еще требовались рекруты в Афганистан, об Афгане писали много и упорно искали виноватых в тысячах жертв. Но едва стихли рукоплескания последнему БТРу из Афганистана на пограничном посту, как пропагандистская кампания в стране пошла на убыль. Войну стали быстро забывать, а с ней и ее вчерашних героев. Они теперь были не нужны. Заодно с «позорной войной» спешили похоронить кровоточащие проблемы самих «афганцев», невосполнимую боль потерь и утрат. Гласность процветала всюду, но правду об Афгане она с собой так и не принесла. Надежда на то, что она когда-нибудь восторжествует, день ото дня таяла в сердцах «афганцев».

Хотелось напрочь забыть обо всем, что было «за речкой». Но Афганистан упорно не отпускал Пашина от себя. Он приходил по ночам в беспокойных снах, терзал сознание и бередил душевные раны днем. Следуя неотступно по пятам, афганская выжженная земля неведомой силой манила к себе обратно. Порой Федор был готов отдать всё, только чтобы вновь побывать на войне в горах Гиндукуша. Там было несравненно легче, проще и, как ни странно, человечнее, чем в несчастной стране, где люди сошли с ума, беснуясь над своим прошлым, настоящим и пугающим будущим.

Все чаще капитан Пашин стал задумываться о своем будущем. Ратная служба теперь была не в почете у общества. На пятом году перестройки армию били не только на страницах газет и журналов, но и на улицах многострадального Отечества. После апрельских событий в Тбилиси Федор и вовсе пришел в отчаяние. Его не раз возникало желание написать рапорт на увольнение, но что-то сдерживало. Между тем тбилисские воспоминания продолжали терзать душу и совесть русского офицера.

В ту трагическую ночь капитан Пашин вместе со своим подразделением находился на проспекте Шота Руставели. Батальон был задействован в специальной операции, которая предусматривала вытеснение митингующих с площади около грузинского Дома правительства. По замыслу военного руководства, десантники должны были замыкать движение основных сил вытеснения, подразделений по применению спецсредств, пожарных машин и санитарного автобуса.

Перед самым выходом капитан Пашин дал команду проверить экипировку людей. Согласно установленным нормам, подразделение было оснащено стальными касками, бронежилетами, малыми саперными лопатками. Офицеры и прапорщики были вооружены штатным оружием. Сам Федор лично еще раз напомнил людям приказ командира о порядке применения средств активной обороны и о соблюдении законности, категорически запретив применять силу против женщин и несовершеннолетних.

Движение началось по общей команде. В море огней проспекта сплошной людской гомон растворился в реве бронетранспортеров, которые ехали в двадцати – сорока метрах перед колонной вытеснения. Федору Пашину не раз приходилось в Афгане заглядывать смерти в лицо, но такого ощущения полной

подавленности, непонятного страха и безысходности боевому офицеру еще не доводилось ощущать. Сейчас было очень стыдно смотреть в глаза двадцатилетних парней, которым он вел карать непокорных грузин. Нет, он ни в коем случае не поддерживал тех, кто в эти минуты возле Дома правительства продолжал бешено выкрикивая лозунги «Давить русских!», «СССР – тюрьма народов!», «Долой русских оккупантов!», «Долой фашистскую армию!», «Русские, вон из Грузии!» и тому подобное. Но ему было нестерпимо противно от одной мысли, что он должен в роли жандарма разнимать перегрызшийся между собой тбилисский люд, становиться на сторону тех, кто, по мнению Москвы, имел больше прав в борьбе за грузинский трон.

Такие настроения у Пашина возникали и раньше, когда его батальон полгода назад впервые бросили гасить очередной очаг межнациональной розни. Но разве можно сравнить почти часовую защиту роддома в Сумгаите от беснующейся толпы молодчиков, которые требовали выдачи армянских новорожденных, с тем, что происходило сейчас на площади Руставели. Едва оцепление двинулось с места, как в него полетели камни, бутылки и палки. Федор чудом увернулся от летящей в него визжащей фрезы. Страшное оружие толпы пролетело мимо и наполовину вошло в растущее на газоне дерево. Сзади раздался крик. Пашин резко обернулся. Вторая ребристая металлическая пластина вонзилась в незащищенную часть тела подчиненного ниже бронезилета. Солдата быстро подхватили на руки и унесли к санитарному автобусу.

Десантники еще больше напряглись, глаза молоденьких солдат бешено забегали по сторонам улицы. Как по команде, солдаты стали выставлять вперед руки. Сейчас это была, пожалуй, единственная защита от летящих в них предметов. По мере продвижения войск сопротивление нарастало, толпа все больше свирепела. Вслед за камнями и бутылками в ход пошли дубинки, колья, металлические прутья. В первых рядах митингующих с солдатами контактировали сильные мужчины, люди, владевшие приемами рукопашного боя. Их действия в самые первые минуты столкновения были настолько успешными, что во избежание резкого увеличения потерь личного состава и срыва операции военное командование пошло на выделение в помощь передовой группе вытеснения подразделения десантников.

Капитан Пашин решил лично возглавить выделенную для этой цели роту на главном направлении операции. Подход десантников был как нельзя кстати. Внутренние войска с трудом отбивались от разъяренной толпы грузинских боевиков. Положение осложнялось тем, что доблестные молодчики пускали впереди себя женщин и девушек. В результате постоянно нарушалась целостность рядов, которым все время приходилось открываться, чтобы пропустить беззащитных граждан. Боевики умело пользовались неразберихой и паникой в рядах солдат, среди которых быстро росло число раненых.

Защищаясь от летевших предметов и нападавших каратистов, десантники действовали профессионально. Малые пехотные лопатки почти не применялись. Жестокий мужской бой продолжался минут десять. Немногие из грузинских каратистов были в состоянии долго сопротивляться. Точные, профессионально поставленные удары десантников валили наповал визгливых молодцов.

Федор Пашин долго не вступал в драку, оставаясь с дюжиной здоровенных, накачанных бойцов в стороне на случай непредвиденных обстоятельств. Лишь когда из подъезда многоэтажного дома на проспект выскочила группа людей с ломами, железными прутьями и нунчаками, капитан бросился им навстречу. Резким ударом ноги он сбил одного нападавшего, вырвал лом у другого, хотел ударить в пах, но замер... Перед ним, тяжело дыша, разгоряченный, стоял его афганский брат – Томаз Ахалая. Тот самый прапорщик, с которым его свела судьба в далеких афганских субтропиках. Томаз тоже узнал бывшего сослуживца. На несколько секунд они, оторопев, замерли в молчании. В эти короткие секунды вряд ли они могли вспомнить, как собирались встретиться на гостеприимной грузинской земле. Из недолгого оцепенения их вывел грохот жестокой мужской драки. Она бешено танцевала вокруг них: удары и крики, свист тяжелых предметов, ядерный русский мат, падение окровавленных тел. «Федор, сзади!» – лишь успел крикнуть Ахалая, бросившись под удар металлической арматуры, который предназначался русскому офицеру. Пашин вмиг извернулся и в один прыжок уложил накачанного бугая. Хотел броситься на помощь лежащему Томазу, но еще один молодой боевик, профессионально раскручивающий перед собой деревянные нунчаки, решительно преградил ему путь. На его смуглом лице играли желваки. Глаза горели и жаждали крови.

И тогда вся звериная ненависть ко всему происходящему здесь, на центральной тбилисской улице, выплеснулась на этого грузина. В бешеном каратистском танце громящих ударов ног и рук Федор был просто неудержим. Когда с коротко стриженным боевиком было покончено, офицер обернулся назад. Но было поздно. Два других грузина спешно заносили в подъезд многоэтажного дома обмякшее тело бывшего сослуживца.

Выполнив к утру поставленную задачу, спецподразделение Пашина в вытеснении демонстрантов из центра города больше не участвовало. После обеда личному составу было разрешено отоспаться. А вечером все прильнули к телевизору. Но ложь, обман и фальсификация фактов, льющиеся мутным потоком с голубого экрана, просто поражали.

Федор смотрел телевизор в офицерском общежитии вместе с другими офицерами в комнате отдыха. Однако при виде московских правозащитников, которые, поочередно сменяя друг друга в эфире, на чем свет стоит охаивали армию, встал со стула и уже хотел уходить. В этот момент на экране на короткое время промелькнул его хороший знакомый еще по Афганистану. Это был Сергей Николаевич Русак, лидер общественной организации, как промелькнуло в телевизионных титрах. Неизвестно о чем шла речь, но в эфир попала только одна его фраза: «Нельзя поливать армию грязью!». Присутствующие в комнате офицеры не сдержались, чтобы своими возгласами не одобрить единственное публичное мнение в поддержку армии, которое в этот вечер прозвучало с голубого экрана.

Прежде чем вернуться к себе в комнату, Пашин еще какое-то время оставался на месте в надежде вновь увидеть бывшего «афганца». А когда офицер лег спать, то в его памяти невольно ожили картинки встречи, знакомства и короткой совместной работы на войне с бывшим офицером и нынешним политиком Сергеем Русаком.

Парламентеры

Несмотря на межнациональные пожары в Закавказье, возникающие то там, то здесь, служить в армянском Степанакерте советским офицерам и солдатам было спокойнее. Местное население продолжало относиться к ним с уважением и неподдельной любовью. В тот день Федор Пашин не был настроен покидать свой служебный кабинет, где он работал и отдыхал. Начальство обещало сегодня его не беспокоить. Сегодня офицер решил дочитать книгу белого генерала. Однако чтение шло плохо. Федор в своих мыслях постоянно отвлекался от «чтива». Он еще долго после тбилисских событий не мог найти себе места. Думать обо всем случившемся было невыносимо больно, стыдно и противно. Мысли о том, как могло произойти, что вчерашние сослуживцы-«афганцы», дружбу которых навеки скрепила война, оказались по разные стороны баррикад, сошлись в жестокой схватке, продолжали терзать Федора.

Состояние общей депрессии усиливали ложь и обман, которые витали вокруг тбилисских событий в печати и на телевидении. Любимое детище народа – армия, втравленная в межнациональный конфликт, в который раз становилась заложницей политических интриг Кремля, из терпеливых и послушных русских солдат и офицеров делали козлов отпущения за все грехи и ошибки партократов и властолюбивых генералов. Офицерам нечего было сказать на этот счет своим подчиненным. В СССР того времени необъявленная информационная война против собственной армии была в самом разгаре.

С досады Пашин бросил в сторону «Очерки русской смуты» генерала Деникина. Поднялся с дивана. «Ни хрена история не учит людей!» Он подошел к столу. Словно только того и ожидая, зазвонил телефон. Федор взял трубку. Звонил комбат.

– Пашин, времени на сборы пять минут! Выезжаем! Опять толпа «азеров» собралась!

– Где?

– Идут блокировать дорогу! Живо собирайся, по дороге все обговорим! – майор бросил трубку.

Всего через полчаса бронегруппа уже пылила за пределами Степанакерта. Вскоре на горизонте появилось небольшое селение. Не доезжая до него, броня свернула на проселочную дорогу. Именно отсюда, по оперативным данным, ожидался выход толпы. Позади, в поднятой техникой пыли, осталось место, где две недели назад уже произошла очередная стычка двух карабахских народов. Тогда в межнациональном противостоянии у дороги участвовали сотни людей, ослепленных ненавистью, злобой и враждой друг к другу. И только гибель двух ни в чем не повинных советских офицеров остановила две неистовствовавшие толпы, предотвратила массовое кровопролитие,

«Какую цену сегодня запросят воинствующие националисты?» – пронеслось в сознании Пашина, когда его БТР, идущий следом за головным, проскочил на по-

вороте злополучное место на шоссе. О том, совсем недавнем, инциденте продолжали напоминать темно-бурые пятна крови на асфальте, разорванные газеты и журналы, куски материи, груды камней и щебня на обочине, следы десятков машин на пустыре у дороги.

В клубах пыли от движущегося на большой скорости комбатовского бэтэра, водитель второго не заметил, что тот резко принял вправо и затормозил, но, успев круто вывернуть руль влево, чудом сумел не врезаться в замершую на обочине первую броню. От резкого торможения и крутого поворота Пашин сильно ударился о бортовую радиостанцию головой.

– Ты что делаешь, молотобоец? – капитан размазал кровь по рукам.

– Товарищ капитан, извините! Пыль, ничего не видно! – водитель растерянно смотрел на офицера.

– В Афгане живым остался, так ты меня здесь решил угробить?!

Справившись с первой болью, Пашин смягчился. Солдат кинулся к походной аптечке. Протянул бинт.

– Зеленка или йод есть?

Солдат отрицательно покачал головой.

– Пьете вы их, что ли?

– Вчера армянка старая выпросила! – оправдывался солдат.

Замешкавшегося внутри брони офицера уже ждал комбат.

– Пашин, спишь? – недовольно пробурчал майор, когда капитан появился из люка. – Что с головой?

– Пустяки, ударился!

Федор спрыгнул вниз.

– Видишь, идут.

Пашин посмотрел вперед. По проселочной дороге в облаке пыли к ним стремительно приближался людской караван.

– Человек двести пятьдесят – триста! – на глаз определил Федор. – Лейтенант!

– он обратился к офицеру связи на штабной «Чайке». – Уточни, задержали колонну на Степанакерт или нет. И будь все время на связи с комендатурой. Постоянно держи в курсе всего!

Капитан вновь повернулся к комбату и подошел к ротному.

– Технику немного рассредоточьте, экипажи в броню! Быть в готовности! Без команды ничего не предпринимать!

Пашин продолжал раздавать короткие распоряжения в присутствии своего непосредственного начальника на правах побывавшего на войне офицера. Но майор нисколько не обижался. Прибыв по замене из Венгрии, где его главной заботой был порядок на территории вверенного подразделения, он охотно прислушивался к советам своего начальника штаба и в особо сложной обстановке охотно полагался на его опыт. Сегодня был как раз такой случай.

Два офицера и прапорщик отделились от десятка бронемашин, расположившихся на обочине дороги. Они не спеша двинулись навстречу толпе. С собой Пашин взял лишь своего взводного – азербайджанца – и прапорщика, по национальности татарина, родом из Баку.

Было жарко. Солнце еще стояло высоко, пекло немилосердно.

Заросшие лица людей с прутьями, кольями и другими непонятными предметами в руках быстро приблизились. Плотное кольцо моментально сомкнулось вокруг трех парламентаров. Вблизи от окруживших людей несло перегаром, неприятно пахло. Небритые лица молодых азербайджанцев освещал блеск глаз, жаждущих немедленной расправы над военными, осмелившимися выйти к ним навстречу. В толпе слышалась громкая истеричная брань, открыто звучали призывы не церемониться с военными.

Кольцо враждебного дыхания с каждой секундой сжималось все больше. Пашин почувствовал, как что-то острое уперлось ему в спину, чьи-то грубые руки бесцеремонно ощупали тело, видимо, искали оружие. Не сговариваясь, парламентары переглянулись. Федор не дрогнувшим спокойствием лица придал подчиненным уверенности. В этот момент казалось, что противостояние достигло высшей точки своего кипения, но Пашин, к своему удивлению, уже совсем не чувствовал страха, держался хладнокровно и уверенно.

В толпе явно выделялся лидер. Азербайджанец лет тридцати пяти со вставленными передними золотыми зубами что-то резко сказал на родном языке. Злобный гомон враждебного кольца постепенно стих.

– Что вам здесь надо? Убирайтесь с дороги! Мы на своей земле! – обратился он на хорошем русском языке к офицеру.

Затем, видимо сразу признав в старшем лейтенанте своего земляка, быстро заговорил по-азербайджански. Пока они говорили, перебивая друг друга, толпа то взывала в дикой злобе, то стихала вздохом разочарования. Колючие взгляды из толпы кололи военную троицу. Пашин не совсем понимал, о чем идет спор на непонятном для него языке, но точно знал, что офицеру-азербайджанцу сейчас нелегко – Они требуют, чтобы я ушел отсюда! Грозят убить вместе с вами! – старший лейтенант испуганно посмотрел в глаза своего командира.

– Иди!

Но азербайджанец не шелохнулся. Толпа вновь взревела. Чтобы ее перекричать, Пашин заговорил громким, четким, уверенным голосом:

– Люди, послушайте меня! Мы не можем допустить, чтобы вновь пролилась кровь! Вы должны вернуться назад!

Его грубо перебил вожак стаи:

– Убирайся, пока жив! Это вам не Афганистан! Сначала разберитесь в своей России!

В ожидании одобрения своих слов он обернулся назад. Вопли неистовой поддержки неслись со всех сторон. Недовольные крики и брань сотрясали воздух. Казалось, что толпа людей уже готова была наброситься и разорвать на куски стоящих в центре военных.

Дикий испуг застыл в глазах прапорщика и командира взвода. От страшного напряжения рана на голове Пашина вновь стала кровоточить. Струйка крови медленно побежала вниз по лицу. Надо было что-то немедленно предпринимать. И тогда Пашин вытянул вперед руки. Неизвестно, что больше – неожиданное резкое движение офицера вперед или размазанная по лицу человеческая кровь, в одно мгновенье уладило разгоряченную мусульманскую толпу. Люди смолкли и приготовились слушать офицера.

– Азербайджанцы, правоверные мусульмане, остановитесь! За что вы хотите убить нас? За то, что мы вышли, чтобы не дать пролиться крови? Только за это? Тогда убивайте! Но знайте, Аллах не прощает невинно пролитой крови.

По мере того, как все более страстно говорил русский, становилось еще тише. Толпа незаметно становилась пленником его честных и искренних речей.

– Меня не запугать! Я был в Афганистане, видел, что такое смерть! Но как вы будете жить дальше, если прольете кровь невинных людей? Вы хотите убить отца трех детей, своего земляка! – Федор ткнул пальцем в грудь побелевшего от страха прапорщика. – Его? Который, оставив своих детей в Баку с больной женой, день и ночь рискует жизнью! Колонны с продовольствием в Шушу охраняет, азербайджанских беженцев перевозит в Баку! Нас убить легко, но где вы еще найдете тех, кто встанет на пути кровопролития?

Офицер замолк. Взволнованным взором он обвел заросшие лица молодых азербайджанцев.

Конечно, трудно было надеяться, что полуграмотные сельские парни до конца поняли смысл сказанного, но, может быть, как раз не слова, а неподдельная искренность военного заставила простых, обманутых людей задуматься. Кольцо медленно разжималось. Люди становились все меньше похожими на ту разъяренную стаю хищников, которая не шла, а бежала к повороту шоссе. Конечно, вожак из Баку мог вновь легко завести протрезвевшую вдруг толпу, но он не решился. Видимо, слова капитана действовали и на него.

– Ладно, командир! Нас не надо агитировать за советскую власть! Оставь свои лозунги для политзанятий! Я в армии служил, знаю эти сказки! – бородач быстро взял бразды правления в свои руки. – Ты хорошо говоришь, капитан, но среди этих людей половина тех, кого армяне согнали со своих исконных земель, как последних собак! Нам есть нечего, а им продовольствие везут. Поэтому колонна не пройдет, продовольствие принадлежит нам!

Он грозно взмахнул кулаком. Толпа людей вновь зарокотала.

– Внимание! Вы должны знать: колонны не будет! Она нами остановлена и никуда не пойдет!

Толпа зашумела. Раздались одобрительные возгласы. Видно было, что искреннее выступление офицера сделало свое дело. Погромщики, потоптавшись еще несколько минут на месте, дружно отправились восвояси. Улюлюкающий, все еще грозный караван азербайджанцев быстро растворился в посадках на горизонте. Парламентеры не спеша двинулись назад. Высыпав из брони, их уже с нетерпением ждали десантники. Комбат бережно обнял своего «энша» за плечи.

– Молодец, Федор! Я уже грешным делом подумал, что несдобровать!

– Афганский спецпропагандистский опыт пригодился.

– Вот как раз на Кавказе сегодня и нужна настоящая спецпропаганда.

– На хрена нам спецпропаганда, долбануть бы сейчас по этой звериной стае! – еле сдерживал эмоции ротный.

Пулеметы запыленных бэтэров его подразделения продолжали грозно смотреть в ту сторону, куда ушла толпа.

В Степанакерт вернулись засветло. Только на совещании в штабе Пашин узнал, что у Алексея Дмитриевича Арбузова сегодня настоящий праздник. Высо-

чайшим соизволением министра обороны старый капитан был уволен в запас по выслуге двадцати лет. Официальный банкет Алексей Дмитриевич спланировал на завтра, а в этот вечер они решили посидеть вдвоем. Утром подразделение Пашина срочно перебрасывалось в Баку. Закавказский мегаполис, в переводе означающий – город ветров, вторые сутки бурлил митингами, собраниями и погромами.

Капитан, закрыв дверь, принялся готовить скромный армейский «а-ля фуршет» на столе посередине комнаты. Тем временем Пашин начал собирать свой походный чемодан. Уложив вещи, он вынул полевую сумку. Прежде чем засунуть туда ксерокопию книги генерала Деникина, он раскрыл ее на странице, где лежала закладка. На обороте карманного календарика девушка в белом купальнике и кожаной куртке, настоящая красавица с забранным сзади пучком волос, игриво исподлобья смотрела на него. Календарь был по случаю прикуплен в прошлом отпуске в Москве. Девушка в белом удивительно была похожа на Ольгу Мирскую.

Мысли Федора мгновенно вернулись к любимой женщине. После Афганистана они так и не виделись. Мирские теперь уже жили в Москве, где Артем получил квартиру. Уже больше года Ольга никак не давала о себе знать.

И все-таки в свой последний приезд в Москву Пашин сумел раздобыть телефон и дозвониться до своей первой любви. От неожиданности Ольга так перепугалась, что первые минуты разговора она не переставала заикаться. До конца договорить жене с другим женщиной не позволил бдительный супруг. Он, вырвав из ее рук телефонную трубку, вначале послал Пашина куда подальше, а вдогонку пригрозил подать на него в суд. За что именно, Федор не расслышал. Горько усмехнувшись, Федор положил трубку.

Как выяснилось, Мирский попал «в струю». Будучи человеком предприимчивым, он быстро нашел себя в московской среде демократов и реформаторов. Заодно успел сколотить хороший капитал на бартерных сделках. Создал свою фирму. На предстоящих выборах собирался баллотироваться в Совет народных депутатов страны. Теперь Федору стало понятно, что такого мужчину Ольга, женщина во всех отношениях рассудительная, не променяет ни на кого.

«Стало быть, теперь офицеры не в моде», – грустно подумалось тогда в Москве.

– Ну что же, если не везет в любви, то, наверное, повезет в службе, – приободрил себя офицер, вновь возвращаясь в Закавказье.

Мысли Пашина прервал Алексей Дмитриевич:

– О чем задумался?

– Так, обо всем сразу.

Федор взял в руки книгу.

– Что там такое интересное читаешь? – не отставал дембель.

– Воспоминания Антона Ивановича Деникина!

– Белогвардеец, что ли?

– Он самый. Генерал-лейтенант царской армии!

– Скажите пожалуйста! Чего только не продают! Гласность, ити их мать! Что там такое пишет царский генерал?

– Здесь как раз тот случай, что лучше раз прочитать, чем сто раз услышать! В общем, тот бардак, который сейчас в Союзе происходит, он как две капли воды похож на события в России в начале столетия!

– Ой, не говори, что творится! Слава Богу, что уезжаю из этого ада! Хуже, чем Афганистан! Там хотя бы знали, кто враг, а здесь свои, советские, житья не дают. – Алексей Дмитриевич, видимо, не до конца понял смысл сказанного Федором.

– Вы думаете, в России лучше?

– Нет, Федор, что ни говори, а гражданский человек – совершенно другое дело. Ты посмотри, что делается, – в форме нельзя выйти! Что это за наказание?

– Так было во все времена, когда шла борьба за власть! Армия – оплот любого трона, кость в горле тех, кто стремится на него!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только одно: если развалят армию, то и от государства мало что останется. Так было всегда в нашей истории.

– Что – правда, то – правда! Погляди-ка, что сегодня об армии пишут, как об «афганцах» говорят. Преступники, наркоманы, воры! – Алексей Дмитриевич вытащил из-под стопки книг популярный журнал и с силой бросил на стол. – Читал желтую прессу?

– Приходилось!

– Каково тебе?

– Сегодня это плюрализм. Сколько людей, столько мнений, – попробовал пошутить Федор.

– Вот-вот, и ты туда же! Все это демагогия, – отрезал старый капитан.

– Время, Алексей Дмитриевич, само расставит все на свои места.

– Черт с ней, с политикой! Давай хряпнем за мой приказ! – уволенный капитан распечатал бутылку хорошего армянского коньяка.

– За встречу, за возвращение домой, самые наилучшие пожелания! – Федор первым поднял рюмку.

Выпили. Арбузов внимательно посмотрел на Пашина:

– Может, и тебе уволиться, пока не поздно? В армии долго еще порядка не будет. Парень ты умный, на гражданке быстро устроишься. А?

– Нет, Алексей Дмитриевич, мне идти некуда. Никого у меня, кроме армии, нет. Я остаюсь! России еще понадобятся офицеры.

Федор не мог рассказать Арбузову о том, что два дня назад ему пришел вызов в Военно-дипломатическую академию. Попасть учиться в главную кузницу кадров военной разведки оставалось заветной мечтой не только сухопутных разведчиков. Старый и молодой капитаны молчали. За окном слышалась стрельба, гремела далекая канонада. Но это было не в Афганистане. Необъявленная гражданская война разгоралась на одной шестой части суши.

Перекур в поезде

Всего за несколько минут до отправления скорого поезда из Москвы в купе вошла молодая женщина приятной внешности с маленькой девочкой дошкольного возраста. Трое мужчин, уже расположившихся на нижних полках, дружно встали со своих мест. Стройные ноги, пышная грудь, которая соблазнительно выглядывала из-под белой летней кофточки, обворожительная улыбка на милом личике с правильными чертами, сразу обратили на себя внимание незнакомых мужчин. Двое из них, что постарше, которые держались вместе, поздоровавшись, пересели на другую нижнюю полку. Третий, высокий крепкий молодой человек, подхватил своими мускулистыми руками большой чемодан пассажирки.

– Можно убрать под сиденье? – спросил он.

Ловко поднял освободившуюся нижнюю полку и опустил чемодан вниз.

– Да, спасибо!

Женщина мельком оглядела всех соседей по купе.

В этот момент поезд тронулся. Усадив к окну дочку, мама устало сама опустилась на полку. Не обращая внимания на мужчин, сидевших напротив, пассажирка освободила волосы собранные сзади. Пышные красивые русые локоны скользнули по открытым плечам девушки, прикрыли собой вырез ее груди. Положив ногу на ногу и подтянув к коленям край короткой юбки, пассажирка вновь улыбнулась незнакомым попутчикам.

Молодой человек невольно отвел глаза в сторону. Другие мужчины расплылись в довольной улыбке. Один из них принялся рыться в своей большой клетчатой сумке. Из нее он достал маленькую шоколадку и протянул девочке. «Челноки, наверное», – подумал Федор, заметив другие большие сумки и тюки в проеме купе над входной дверью. В купе завязался разговор. Мужчины постарше наперебой расспрашивали разговорчивую девочку. Оказалось, что ее мама по профессии бухгалтер, работает на железной дороге. Возвращаются они с ней домой из Москвы, куда ездили на экскурсию. Больше всего девочке понравились Красная площадь и метро, а меньше – рынок в Лужниках, где будущей первоклашке покупали школьную форму, обувь и портфель.

– Так ты уже большая, раз в школу собираешься!

– Ей шесть лет исполнилось месяц назад. Дома сидеть не с кем, пойдет учиться, – разговорилась и молодая женщина.

В купе зашла проводница, чтобы забрать проездные билеты. Пообещав обязательно разнести чай утром, она ушла. Возникла небольшая пауза. Мужчины продолжали украдкой разглядывать свою очаровательную попутчицу. Соседка по купе была хорошо собой. Со вкусом одетая, с распущенными волосами, она мало походила на провинциальную бухгалтершу.

– С вашей внешностью надо не на железной дороге работать, а в конкурсах красоты участвовать! – сделал комплимент один из тех мужчин, что ехали вместе.

Федор внезапно поймал себя на мысли, что молодая женщина нравится ему. Какое-то неведомое влечение к ней офицер почувствовал сразу, когда она еще только вошла в купе. Когда он помогал даме убрать под полку чемодан, то невольно коснулся локтем ее руки. Внутри сразу что-то шевельнулось. И сейчас, когда спутница вела оживленный разговор с другими мужчинами, молодой мужчина пару раз поймал на себе ее внимательный взгляд с обворожительной улыбкой.

Почувствовав мужское влечение к незнакомке, он встал и вышел в коридор. «От греха подальше!» – решил офицер.

Уже уходя, он услышал ответ на другой вопрос, который был задан девочке любопытным дядей. Однако на него мама ответила уже сама:

– Наш папа погиб в Афганистане... Три года назад.

В купе вновь воцарилось молчание. Было уже поздно, и двое мужчин средних лет сразу полезли на свои верхние полки.

Пашин сходил в туалет и вернулся в купе, когда там уже все спали. Вагон монотонно постукивал колесами по рельсам железной дороги. Было нестерпимо душно. В темноте офицер неспешно разделся. Лег на свою нижнюю полку и прикрылся простыней. Вглядевшись в темноту, Федор увидел, как на соседней полке расположились молодая мама с дочкой. Привлекательная женщина легла не раздеваясь. Ей было явно неудобно. Она лежала полусогнувшись возле девочки. Ее тело немного свисало вниз с полки.

В духоте купе Федор уловил запах молодого женского тела. Его не могли перебить даже терпкие дамские духи, которые также явно ощущались. Возбуждение вновь охватило все тело. В плавках стало тесно. В эту минуту молодой человек попытался припомнить, когда у него последний раз была близость с женщиной, но так и не смог. «Дожил!» – усмехнулся он про себя.

Федор немного приподнялся на руках, хотел было до конца прикрыть дверь, но его остановил женский голос.

– Может, не надо? Очень жарко! И так не заснуть!

После небольшой паузы мужчина прошептал:

– Вам, наверное, неудобно? Может, на мое место ляжете, а я обойдусь, посижу, мне не привыкать!

Он резко встал на ноги и стал натягивать на себя штаны. Секунду спустя женская рука коснулась мужских плавков и осторожно скользнула под них. Остолбеневший мужчина немного задрожал и еще чаще задышал.

Незнакомка внезапно остановилась. На верхней полке справа зашевелился попутчик.

– Выйдем покурить! – бросила попутчица и первой выскользнула из купе.

В коридоре никого не было. Держа мужчину за руку, женщина повела его за собой в тамбур. Здесь, не объясняя ничего друг другу, они начали быстро раздеваться. Секунду-другую молодой человек жадным взглядом блуждал по обнаженной фигуре случайной любовницы. В полумраке тамбура молодая женщина все еще казалась несбыточной сексуальной мечтой. Однако, оказавшись совсем голыми, попутчики без всякого стеснения бросились друг другу в объятия. Какое-то время они жадно целовались, лаская друг друга руками. Пышные волосы женщины прятали их головы. Набухшие соски большой женской груди коснулись мужественного тренированного

тела. Лихорадочные движения, сопровождаемые учащенным дыханием партнера, вздохами и вскриками любовницы, вскоре достигли своей кульминации. Потная попка стала выскальзываться из рук мужчины. Его осоловевшие глаза отстраненно смотрели на партнершу, которая не в силах была открыть своих красивых глаз.

– Прости! – еле слышно прошептали ее губы.

Прижавшись всем телом к мужчине и положив голову ему на грудь, она крепко обнимала партнера за талию.

– Ты славная, мне хорошо с тобой! – в ответ промолвил мужчина.

– Прости, что соблазнила. После смерти мужа я не знала мужчин! Не могла! Ты первый, с кем я изменила памяти о нем!

Молодая вдова отстранилась от мужчины и стала искать глазами свою одежду, разбросанную на полу тамбура.

– Я тоже был в Афганистане!

Женщина, вмиг посерьезневшая, вскинула вверх свои печальные глаза. Приблизившись к мужчине, она вновь прильнула к сильному, тренированному мужскому телу.

Часы показывали уже около часа ночи, когда они вернулись в купе.

Осторожно легли. Молодой человек расположился на своей нижней полке, а мама – напротив, возле спящей дочки. Мужчина и женщина лежали в полуметре друг от друга и держались за руки. Бережное сжатие рук становилось все крепче. Наконец мужчина первым произнес условленный пароль:

– Перекурим!

– Да-да, очень хочется курить! – прошептала женщина.

Любовники вновь тихо выскользнули из купе. Там они случайно встретились с проводницей.

– Что, не спится?

– Не спится! Можно с вами переговорить? – молодой человек взял полненькую небольшого роста проводницу под руку.

– Что вы хотели?

В ответ мужчина протянул женщине стодолларовую купюру. Женщина лет тридцати в железнодорожной форме все поняла без слов.

– Идите в мое служебное купе! Оно открыто. Пару часов хватит?

– Да-да, конечно! – смущенно поддакнула молодая женщина, стоящая здесь же рядом.

– Только закройте! Сумасшедшие! Вы хоть знакомы?

Времени любовниками, видимо, все-таки не хватило. Иначе бы они точно успели познакомиться друг с другом. В свое купе попутчики вернулись ровно через два часа. До остановки на станции, на которой молодая женщина со своей дочкой должны были сойти, оставались минуты движения поезда. Соблазнительная попутчица, взяв полотенце и свои туалетные принадлежности, вышла из купе, чтобы привести себя в порядок. Мужчина, уже больше не раздеваясь, залег на свою полку. Измученный долгим ночным сексуальным марафоном в тесноте купейного вагона, всю дорогу качающегося и подпрыгивающего, монотонно постукивавшего по рельсам, Федор закрыл глаза и сразу погрузился в сон. Попутчица во всей своей прекрасной наготе какое-то время продолжала еще будоражить сонное подсознание. А затем в который раз появились яркие волнительные афганские сновидения.

Заканчивалась вторая неделя скитания в афганских горах Панджшера. Далеко уйдя от злополучного места, где десантно-штурмовая рота напоролась на засаду афганских моджахедов, офицер и сержант окончательно заблудились. Еще даже не начало светать, когда они вновь оказались у огромного камня, где коротали прошлую ночь. В отчаянии они повалились на землю. В небе продолжала ярко гореть луна, невольно притягивая к себе взоры. Неожиданно в очертаниях ночного светила офицер увидел образ неземной покровительницы России – Богородицы. Она пристально смотрела с неба вниз на землю, где в кустарнике возле большого камня нашли приют два человека в изорванной в клочья военной форме. В ее объятиях был младенец. Вокруг прекрасных ликов матери и ребенка отчетливо проступали яркие золотистого цвета ауры, наподобие очертаний солнечных кругов. Яркий свет Богородицы падал на землю, тянулся длинной лунной дорожкой, уходящей в направлении географического Севера. Офицер вздрогнул, приподнялся и принялся лихорадочно трясти спящего сержанта. «Вставай, вставай, пора идти! Нам Богородица показывает путь к спасению – дорогу в Союз, на Родину», – шептали его губы.

Федор Пашин проснулся, встряхнул головой. Сна как и не бывало. Попытался резко встать, но больно ударился головой о верхнюю полку вагонного купе. «Опять Афган снится!» – пронеслось в сознании. Он невольно почесал затылок. Несмотря на то, что со времени окончания службы в горах Афганистана уже прошло немало времени, афганские сны продолжали ему сниться и сниться. «А тут еще пресвятая Богородица приснилась, к чему бы это?!» – подумал Федор. «Надо бы в церковь сходить», – твердо решил он.

Скорый поезд из Москвы резко стал тормозить и вскоре совсем замедлил свой ход. В купе напротив офицера на нижней полке сидели два его попутчика, которые ехали от самой Москвы. Они неспешно пили чай. По их безразличным лицам трудно было понять, что им известно о бурной любовной истории в скором поезде, которая ночью внезапно возникла между молодыми людьми, расположившимися на нижних полках. Федор оглядел купе. Но виновницы его ночной страсти и след простыл. Федор так и не мог понять, во сне или наяву были их ночные похождения, короткое утреннее их расставание, когда поезд резко затормозил и остановился ненадолго на незнакомой станции.

Прилив смешанных чувств охватил молодого мужчину. Афганский сон, и особенно приснившаяся Богородица, вызвали ощущение стыда за случайную половую связь в скором поезде. «Совсем сдурел, с первой встречной, ни стыда ни совести!» – Федор стыдливо взглянул на соседей по купе. «Еще не хватало заразу какую-нибудь подхватить!» – невольно мотнул головой. Офицер украдкой перекрестился. Его движение руки заметили за купейным столиком напротив. Соседи по купе, вскинув брови и усмехнувшись, переглянулись. Они по-мужски восприняли ночные похождения попутчика.

– Слава Богу, уже почти приехали, без опоздания в этот раз! – один из мужчин тоже перекрестился.

– Выйдем перекурить? – предложил второй попутчик.

Пашин, как ни в чем не бывало, продолжал смотреть в окно, где мелькали лесные просеки, заросшие поля, небольшие застройки городского типа. Однако мысли о случайной сексуальной связи с симпатичной и привлекательной незна-

комкой не выходили из его головы. «И все-таки классная девица! Жаль, что не взял адресок! – расстроился Федор.

Между тем до боли знакомые картинки родного города уже сменяли друг друга. Стало одновременно радостно и грустно. В сознании быстро промелькнули годы детства и юности, первая любовь, учеба в военном училище, годы службы в Афганистане. По лицу поплыла сдержанная мужская улыбка, а затем налетела легкая грусть.

Длинный пассажирский состав медленно вползал в черту небольшого провинциального городка, который вот уже более трехсот лет как обосновался в самом сердце российской глубинки в непосредственной близости от верховьев Дона. Пашин последний раз посмотрел в окно, где уже проплывал перрон с толпой встречающих, взял в руки спортивную сумку и направился в тамбур.

Только оказавшись на перроне родного города спохватился и проверил наличие документов с деньгами. Все оказалось на месте. Однако в кармане брюк офицер неожиданно обнаружил листок бумаги, сложенный вчетверо. Он развернул его и сразу заулыбался. Это была короткая записка от его попутчицы. Молодая женщина оставила свой номер телефона и сделала короткую приписку: «Пароль: давай покурим! Бухгалтер». Федор огляделся по сторонам. «Бухгалтер, милый мой бухгалтер, вот он какой... Да, неслабо оторвался!» – почти вслух произнес он и двинулся навстречу своему родному городу.

Вырваться к себе на малую Родину майору Пашину удалось лишь спустя два года после того, как он перебрался в Москву из Закавказского военного округа. Ему удалось пройти специальный отбор и поступить в Военно-дипломатическую академию. Учеба в кузнице кадров военной разведки оказалась нелегким делом. Восточные языки давались с трудом, поэтому приходилось учиться, пересдавать экзамены и во время каникул. Лишь к концу второго курса все стало на свои места. Пашин втянулся в учебу и вышел в отличники. Поэтому в летний отпуск на Родину Федор отправился с легкой душой. Город земляка встретил неприветливо. Московские реформы успели докатиться и до этих мест. Хмурые неприветливые лица прохожих встречались чаще улыбчивых взглядов. Вначале молодого человека, сошедшего с московского поезда, оговорили в очереди за минеральной водой в привокзальной палатке. Еще раз дружно обматерили на стоянке такси несколько местных водил. Им, видите ли, не понравилось, что гость города, к тому же прибывший из Москвы, не согласился с предложенным ему тарифом на поездку в такси.

– Жируете там, в Москве, воздух уже деньгами греете, а здесь каждый деревянный рубль считаете, москвичи долбаные! – бросил вдогонку Федору загорелый крижистый таксист в выгоревшей от солнца панаме военного образца.

«Спасибо за гостеприимство, землячки!» – усмехнулся про себя Пашин и направился в сторону от привокзальной площади. Выйдя на главную улицу города, он со второй попытки остановил старенький «москвич».

– Куда едем?

– За город, в деревню Ивановка.

– Где это?

– В сторону Гремячьего, это за Доном. Слыхали, наверное?

– Известное место, но это не близкий путь. Сколько платишь?

– Договоримся!

Федор открыл дверь и сел на заднее сиденье, небольшую спортивную сумку бросил рядом. Еще до приезда в родной город Пашин решил, что прежде всего надо съездить в деревню на могилу матери.

«Москвич» медленно тронулся с места. «Сколько же лет я здесь не был!», – пронеслось в голове. За окном стремительно замелькали знакомые с юности улицы и кварталы. «Как изменился город!» Федор непрерывно крутил головой по сторонам. Мимо мелькали торговые палатки и толпящиеся вокруг них люди, рекламные щиты магазинов. Из приоткрытого окна «москвича» доносились запахи восточной кухни, автомобильные звуки, шум оживающего утром города. Солнце уже выглядывало из-за пятиэтажек. День обещал быть жарким.

На сердце было одновременно радостно и тревожно. Радостно было вновь очутиться в городе детства и юности, а грустно оттого, что Федора Пашина на родине никто не ждал. Родителей давно уже не было в живых. Отец, Михаил Иванович Пашин, бросил семью, когда сыну не было и четырех лет. Наведывался редко. Известие о скоропостижной смерти отца на чужой стороне Федор получил, будучи курсантом первого курса военного училища. Через два года не стало и матери. Комок подобрался к горлу, когда старенький «москвич» покатил по родной улочке, мимо дома, где когда-то проживала семья Пашиных. Сразу после смерти матери частный дом с небольшим участком в черте города был продан. Теперь с некогда родным очагом Федора уже ничего не связывало.

– Уважаемый, если можно, там за поворотом есть церковь, остановите ненадолго, – попросил пассажир водителя.

Церковь действительно оставалась на прежнем месте. В советские времена она была полуразрушенным приходом для десятка местных старушек, сейчас же преобразилась. На солнце ярко золотились старинные купола, небольшой дворик был огорожен крашеной металлической оградой с изображением православного канонического креста, в киоске торговали церковной атрибутикой. Федор перекрестился и вошел в храм. Написал записочку за упокой родных. Первыми вписал маму и папу, бабушку и дедушку. Себе заказал молебен Сорокоуст. Подошел к иконе Богородицы. У нее на руках был младенец. Богородица пристально смотрела на Пашина. Федор постарался не отвести глаз. Перекрестился. Зажег и поставил свечи. Еще раз помолился. «Огради мя, Господи, силой Честного и Животворящего Твоего Креста и сохрани мя от всякого зла», – прошептали губы.

Машина миновала черту города и выехала за его пределы. Быстро добрались до реки. «Москвич», замедлив ход, въехал на понтонный мост через Дон. Мутные воды реки неспешно неслись на юг. На самом мосту по обеим сторонам сидели рыбаки. Несмотря на еще утреннее время, в воде было немало купающихся людей, на противоположном берегу реки на прибрежном пляже уже загорали отдыхающие. Неподалеку от берега стояли два катера и две грузовые баржи.

– Извините, – Пашин прервал молчание и обратился к водителю. – Баржи, наверное, по ночам здесь проходят?

– Да, на ночь мост разводится.

Водитель и пассажир вновь замолчали. Вскоре машина подъехала к развилке дорог. Федор остановил машину и расплатился.

Малая Родина

До самой деревни Ивановки оставалось километров пять. Пашин решил пройти пешком. Снял с себя джинсовую куртку, кинул за плечо сумку и направился вперед. Именно таким пешим способом, когда он был мальчишкой, он не раз с матерью или дедушкой добирался от развилки шоссе до своего деревенского дома. Из этих удивительно прекрасных мест шла родословная Пашина по материнской линии.

Кинув взор по сторонам, Федор вздохнул полной грудью. Насыщенный запахом трав степной воздух кружил голову, невольно навевал яркие картинки безмятежного детства, когда маленький Федор приезжал на летние каникулы из города в гости к бабушке и дедушке. «Хорошо-то как, Родина моя!» Пашин уверенно зашагал вперед. «Только вот поля все заросли и ничего не растет», – подумал Федор. В совсем недавнем прошлом здесь кругом колосились поля, стройными рядами стояли кукуруза и подсолнухи, работали комбайны и развезжали грузовики с урожаем зерновых.

Путник не заметил, как добрался до «белой горки», которая возвышалась над всей округой. Отсюда было хорошо видно жизненное пространство деревни Ивановка. В окружении холмов и оврагов, небольших лесополос, в соседстве с маленькой речкой, заросшей камышом, змейкой построек и садов протянулась старая русская деревенька. Постояв всего несколько минут, Пашин направился вниз мимо придорожного покосившегося столба с надписью «Колхоз "Восход"».

Ивановка после развала местного колхоза превратилась в полузаброшенную деревеньку, где проживали в основном старики, а на выходные дни приезжали редкие дачники. Здесь, в Ивановке, со своей небольшой семьей жил его родной дядя – Иван Павлович Новиков. Среди самых близких родственников по материнской линии он оставался самым старшим в вымирающем роду Новиковых. Его жизнь, понапрасну загубленная почти десятью годами сталинской каторги, пьяно катилась под горку стремительно уходящих лет. В 1943 году его восемнадцатилетним парнишкой призвали в действующую армию. Там он, по его словам, грубо ответил офицеру. Тот оказался сотрудником НКВД. Рядового Ивана Новикова обвинили в антисоветчине и неподчинении офицеру в военное время. Дали десять лет, отсидел восемь. Вернулся в деревню еще при жизни Сталина. Поэтому к вождю всех народов особых претензий не имел и даже очень его уважал.

Дом своего дяди Пашин разглядел сразу, как только миновал последний поворот дороги, ведущей к деревне. Старый деревянный дом с подворьем стоял первым по улице Ленина. Сам хозяин встретил племянника, сидя на скамейке возле ограды палисадника. Иван Павлович дремал, опершись на деревянную палку, которая, видимо, служила ему вместо костыля. Возле его ног играли два маленьких шаловливых котенка. Один был весь черного цвета, а другой – совсем рыжий. Рядом с ними шипел гусак, явно недовольный баловством котят.

– Разрешите присутствовать! – весело пошутил молодой человек с открытой улыбкой на лице.

Сгорбившийся старик не спеша открыл глаза. Морщинистое лицо с мешками под глазами, взъерошенная нечесаная копна седых волос на голове заметно контрастировали с его ярким спортивным одеянием. Под старенькой фуфайкой, заношенной до дыр и пропахшей куревом, виднелась футболка красного цвета с эмблемой пепси-колы. На старике были спортивные брюки под фирму «Адидас» и белые на босу ногу кроссовки. Рядом, на скамейке, валялась спортивная кепка красного цвета. По всему было видно, что Иван Павлович уже с утра успел выпить и оттого не сразу признал своего родного племянника.

– Кто таков, чей будешь?

Хозяин двора скривил губы и покрутил головой. Напряг зрение.

– Чай наш будет! Федька, стервец, ты что ля? – поморщился дядя. – Сразу не узнать, каков молодец! Заматерел, итию-мать совсем!

Иван Павлович с трудом поднялся со скамейки. Опираясь на самодельную деревянную палку, сделал шаг навстречу. Дядя и племянник крепко пожали друг другу руки и обнялись. От Ивана Павловича несло перегаром спиртного, курева и лука. Ловко взмахнув костылем, он лихо шутанул гусака, который норовил хватануть гостя за штанину. Затем хозяин двора напустился на котят, один из которых успел по штанине вскарабкаться на спину хозяину.

– Чубайс, поди прочь, черт шелудивый!

Иван Павлович сбросил рыжего котенка вниз и двинул его ногой. Чубайс и котенок черного цвета дружно бросились прятаться в зарослях внутри палисадника возле старенького деревянного дома. Им вдогонку полетела палка хозяина.

– Давненько ты в наших краях не бывал! Поди-ка, забыл родную сторонку, а ведь пацаном здесь бегал.

Дядя привстал с места. Обнялись.

– Виноват, служба! – опять полушутливо бросил племянник.

– Сразу тебя не признал. Возмужал, возмужал. Да ты садись, в ногах правды нет.

Иван Павлович опустил на скамейку. Федор подал ему с земли костыль. Затем открыл сумку и достал пакет. Вынул пару десятков пачек сигарет «Прима», две бутылки водки «Столичная» и небольшой портативный приемник.

– Дядь Вань, это тебе в подарок, «Голос Америки» слушай!

– Да ну их к черту, наслушались! По радио денно и ношно брешуть, а какие страсти передают! Что творится кругом, ума не приложу! Распустили народ, бинть. Кругом спекуляция, разврат и воровство. Беда, да и только! – хозяин двора сокрушенно взмахнул руками и опустил на скамейку. – Ты сам-то, в Москве, чай, обитаешь?

– В ней, будь она неладна! – Федор невольно перешел на местный сленг, с которым был знаком с малых лет, когда подолгу жил у бабушки с дедушкой в деревне.

– Это ты правильно заметил. Бедовый город. Что правда, то правда. От Москвы все беды на Руси. Там вся ихняя демократическая звездобратия пасется.

– Тусуется, – встрял племянник.

– Это же надо, какую страну развалили! Эсэсэсэр сами сокрушили. Демократия, бинть. Развели бардак. Кому энта демократия, на хрен, нужна? Где хозяин? Нет хозяина в стране!

– Дядь Вань, как известно, хозяева наши теперь в Америке, а в Москве их ставленники правят.

– Всё правильно гутаришь. Стало быть, все, как у блатных, – смотрящие.

– Иван Палыч, ты лучше скажи, где твое остальное семейство.

– А кого тебе надо? Дети все в городе обосновались. Жена на старости лет совсем сдурела – в пьянку ударилась, бинть. А надьсь так в очередной загул подалась. Ушла в Матреновку, вон там за горой, – Иван Павлович костылем показал в сторону невысоких холмов на северо-востоке деревни.

– Ты-то как сам? – улыбнулся Федор.

– Я мужик, чего ты хрен с пальцем равняешь?, а она баба, понимаешь: ба-ба. Слышишь, скотина ревет, второй день не кормлена. Вот сучарища!

Иван Павлович открыл подаренную пачку «Примы», достал сигарету и прикурил. Жадно затянулся и сразу закашлял. Повертел в руках горящую сигарету. Еще раз затянулся.

– Крепкие. Тока я «Беломорканал» дюжа люблю, но его чего-то совсем не стало.

Пашин перебил дядю:

– А малой где, с тобой живет?

– Какой малой!? Яму уже двадцать годков будет. В город с утра уехал по делам. Он тут с какими-то азербайджанцами связался. Чую, наркотой балуется. Слышал про энту заразу?

– Слышал. Плохо дело.

Федор огляделся. Припекало.

– Как бы воды испить, а то припекает.

– Во двор сходи, там колодец, колодезной водицы напейся. Ох, хороша водичка!

Пашин прошел через сенцы во двор. Во дворе, действительно, стоял рев скотины. Мычали коровы в дворовом загоне, непрерывно визжали и сновали туда-сюда поросята в сарае, гоготали гуси и кудахтали куры. Здоровенный гусак, который всю шипел еще при встрече племянника с дядей возле палисадника, теперь опять норовил ухватить чужака за штаны. Пашин взял палку, валявшуюся на земле, и отогнал агрессивную птицу. Вслед за гусаком врассыпную бросилась вся ватага гусей. Федор опустил железное ведро на цепи в колодец. Набрал воды и жадно напился через край. Холодная, по вкусу железистая, вода ломила зубы. Но Федор не мог оторваться от ведра. Вода потекла по шее, рукам и рубашке, попала под штаны. «Хорошо-то как!» Федор поставил ведро и вытер рукой подбородок. «Прямо как в детстве!» – мелькнуло в сознании.

В этот момент на улице прямо возле дома резко, с визгом и скрежетом тормозов, остановилась машина. Поднявшийся столб едкой пыли почти сразу достиг территории двора. Услышав начало разговора, Пашин прислушался и сразу насторожился.

– Где сын? – человек, вышедший из машины, говорил с легким акцентом.
– Откуда мне знать. Ишо анады уехал в город, обещал нонче быть.
– Передай сыну: Азер вечером за долгом зайдет! Все понял?
– Чаво ш тут не понять. Тока он можа и не вернуться из города. Тады как быть, земляк?

– Если не отдаст, с тебя спрошу. Ты знаешь меня, дом сожгу! Всё понял?

Незнакомец громко засмеялся, сверкнув блеском вставленных передних зубов, сел в машину и громко хлопнул дверью. Только сейчас сквозь просветы в заборе Пашин разглядел машину. Черная «Волга» рванула с места и запылила по главной деревенской улице в глубь села.

Федор продолжал стоять на месте. Он был просто ошарашен всем услышанным. Майор с большим трудом сдержал себя, чтобы не выскочить на улицу и не встрять в разговор. Боевому офицеру, в совершенстве владевшему приемами силовых единоборств, имевшему опыт рукопашных схваток с врагом, не составило бы особого труда разобраться с непрошеным гостем, так нагло и бесцеремонно «наехавшим» на его родственника. Однако Пашин был вынужден руководствоваться строжайшей инструкцией руководства своей академии. «Должна быть исключена даже сама возможность того, что вы окажетесь втянутыми в любую конфликтную ситуацию, в результате которой можете быть вскрыты как слушатели нашей академии, сотрудники Главного управления ГэШа», – невольно возникли в памяти майора последние слова напутствия начальника курса перед отправлением в отпуск.

Федор появился в дверях дома.

– Кто такой? – как можно спокойнее спросил он дядю, который дрожащими руками пытался прикурить сигарету.

– Азер, не то с Азербайджана, не то с Армении, черт бы его не видал. Он таперша всеми на селе заправляет. Пришел за долгом. Да хрен с ним! – пьяно выругался Иван Павлович.

– Как «хрен с ним»? Он дом твой собрался сжечь. Ты чего?

– Обойдется. Не таких видали! Давай лучше за встречу выпьем! – он потянулся, чтобы открыть бутылку «Столичной».

– Дядь Ваня, нет, давай не сейчас! Мне на кладбище надо, давай уж там помянем! – спокойно, но решительно возразил племянник.

Старое деревенское кладбище, которое еще с незапамятных времен располагалось на самом высоком холме в округе, как бы нависало над деревней. Федор поразился тому, как оно разрослось с того времени, когда он три года назад последний раз навещал могилы своей матери и других родственников.

– Ничего себе! – невольно воскликнул племянник, первым оказавшись в границах деревенского кладбища.

– Вымирает деревня помалеху. Смотри, сколе могил новых! – шедший следом Иван Павлович показал костылем вокруг себя.

– Так и хоронить скоро негде будет! – Федор невольно покачал головой.

– Чаво-чаво, а землицы в России на всех хватит!

– Только-вот когда все вымрем, что тогда? – Пашин все больше мрачнел при виде свежих могил.

– Бог даст, мор закончится, бабы ишо нарожают! – уверенно возразил дядя племяннику.

– Никто и ничего уже больше не нарожает, – Федор махнул рукой.

Ему на ум невольно пришли известные предсказания великого русского мыслителя Дмитрия Ивановича Менделеева, по оценкам которого к концу двадцатого столетия в России должно было жить около восьмисот миллионов человек. Федор невольно хмыкнул: «Великий ученый, видимо, исходил из того, что девяносто и более процентов жителей страны по-прежнему будут проживать в сельской местности, где всегда были сильны традиции и местное право. Русские женщины бы выходили замуж, как правило, один раз и девицами, рожали бы по полудюжине и более ребятишек, а семьи были бы большими, здоровыми и набожными. А понятия морали и нравственности в деревенской общине были далеко не пустыми словами».

Сразу после посещения могил своих родственников дядя и племянник растались и направились вниз от кладбищенской горы в разные стороны. Пашин пошел по дороге к речке, за которой находился деревенский пруд с родником. Дядя поковылял к своему дому. Жаркий июльский день был в разгаре. Федору хотелось поскорее окунуться в прохладную воду и хоть как-то отвлечься от грустных мыслей.

Пруд у родника находился прямо за речкой, которая имела одноименное с деревней название – Ивановка. Она извивалась вдоль заброшенных полей, невысоких холмов и редких лесополос и несла свои воды на юг – параллельно расположению деревенских построек, садов и огородов.

Офицер невольно замедлил шаг. Мысли сразу унесли его в детство – в далекие времена, когда он, еще подростком, во время летних каникул навещался к бабушке и дедушке. В те времена вдоль берегов быстрой широкой реки всюду бурлила деревенская жизнь. Весело плескалась детвора в воде. Через мост непрерывно сновали груженные машины и повозки. Внизу толпились люди, набиравшие воду в деревянные бочки, которые затем юные водовозы доставляли на колхозный двор. Возле реки женщины устраивали стирку белья. В выходные селяне любили порыбачить. Здесь же на костре готовилась сытная уха из крупной рыбы, на подсолнечном масле жарилась мелкая рыбешка.

«Как здорово было!» Федор вступил на мост и осторожно прошел по старому, ветхому настилу, уже обрушившемуся в нескольких местах. Речная гладь с трудом просматривалась сквозь густые заросли деревьев и кустов. Сразу бросилось в глаза, насколько сильно обмелела река. «Речка и деревня умирают вместе», – подумал Федор и тяжело вздохнул. Ему стал как-то не по себе от ощущения того, что уже при его жизни может совсем исчезнуть знакомая деревушка, с малых лет запавшая ему в душу. «Пожалуй, самое лучшее время!» – решил он про себя. Наконец Федор добрался до водоема. Расположился среди высокой травы и полевых цветов на дальнем берегу красивого водоема. «Хорошо-то как!» – произнес он вслух. Отмахиваясь от назойливых слепней, Пашин полной грудью вдыхал аромат полевых цветов. Постелив на шелковистую траву свое походное полотенце, присел. Удивительные звуки трескотни луговой живности, свидетельствующие о невидимой бурной жизни, достигали слуха. Молодой человек

разделся. Почувствовал подошвами ног шелковистую, слегка колючую траву. И сразу ощутил себя в далеком детстве. Повертел головой по сторонам. Весело взмахнул руками и прямо с разбега прыгнул в воду. Встревоженные лягушки, прятавшиеся в прибрежных траве и кустах, с громким кваканьем стали дружно прыгать вслед за человеком в воду.

Достигнув илистого дна, пловец резко бросил тело вверх и вынырнул на поверхность. «Ух, хорошо! Классная вода!», – повторял он за разом раз. Захватив побольше воздуха, снова ушел на самую глубину. На поверхности показался почти на середине реки. Чтобы отдышаться, лег на спину. По небу плыли небольшие облака, но они были не в силах закрыть собой всепроникающий свет яркого летнего солнца. Рядом раздался плеск воды. «Рыба, наверное», – подумалось Федору. Он уже было поплыл назад, как неожиданно обнаружил на берегу среди деревьев постройку. Пригляделся. Оказалась небольшая банька. По всему было видно, что она срублена совсем недавно. Возле нее – аккуратная беседка. От берега к самой воде пролегал добротный деревянный настил. «Это чтобы из бани и в воду, все правильно!», – подумал Федор. Он знал толк в банях. В Москве каждую субботу сокурники приглашали его попариться. Пашин уже хотел подплыть поближе и рассмотреть баню, как вдруг заметил человека. Тот нес в руках вязанку дров. Федор только сейчас заметил, что баня топится. Дым из трубы был едва различим на фоне июльского дневного марева. «Жаль, что баня не про меня», – решил Федор и поплыл назад к своему берегу. Попадаться кому-либо на глаза ему явно не хотелось.

Он растянулся на своем походном полотенце, лежащем на густой траве, и закрыл глаза. Не заметил, как задремал. Лишь иногда его тревожили летавшие рядом слепни и ползающие муравьи. Тогда, не открывая глаз, он шлепал рукой по телу в надежде рассчитаться с назойливыми кусачими тварями. Федор окончательно проснулся, когда услышал шум моторов. Он открыл глаза и немного приподнялся. На берегу возле бани остановилось два автомобиля. Одним была «Нива» вишневого цвета, другим – черная «Волга». Из первой машины вышли двое еще молодых черноволосых мужчин с большими животами. Из «Волги» вначале вышел водитель – невысокого роста мужичонка неприметной внешности лет сорока. За ним следом наружу вылезли три девицы. На вид им не было и восемнадцати лет. Двое из них, невысокого роста и худощавые, были одеты в джинсовые брюки и футболки. Они не выпускали из рук жестяные банки с пивом и беспрерывно курили. На третьей девице, что поплоней и выше ростом, были короткая юбка и блузка с короткими рукавами, из которой выпирала пышная грудь. Вокруг нее беспрерывно крутился водитель «Волги».

Округа вмиг наполнилась громкими голосами, звонким женским смехом и грубым мужским гиканьем. Сразу бросилось в глаза, что девчонки были навеселе. По доносившимся обрывкам разговоров Пашин понял, что компания приехала хорошенько оторваться. Из багажника «Волги» были вынесены ящики с водкой и пивом, коробки с припасами съестного. Из открытой кабины машины доносились звуки какой-то восточной мелодии.

Руководил всем черноволосый со вставленными передними зубами, который приехал со своим напарником на «Ниве». Все к нему обращались и называли Азер.

В нем Федор сразу признал утреннего гостя своего дяди. «Точно, Азер, азербайджанец!» – как-то сразу пронеслось в сознании.

Пашин невольно опустился на землю. Положив руки за голову, лег. Хорошего настроения как не бывало. Стараясь отвлечься, стал смотреть на голубое небо и следить за движением облаков, которых становилось всё больше. Они всё чаще пытались закрыть собой солнце. Тем временем голоса отдыхающих на пруду стихли. Шумная компания перенесла свое веселье в стены бани. Федор не мог видеть, как посетители бани уселись за столом, заставленным бутылками и съестным.

Между тем Федор неизвестно отчего вновь и вновь мысленно обращался к облику кавказца. Он неожиданно привстал. Еще раз глянул в сторону бани. На ее пороге в трусах стоял Азер и о чем-то весело объяснялся с истопником, в руках которого были дрова. Кавказец решительно жестикулировал руками. Истопник только успевал кивать головой. Полная фигура кавказца, его движения рук, улыбка, а главное – вставленные во весь рот золотые зубы кого-то напомнили Пашину. «Где-то я его уже видел», – Федор все силился узнать азербайджанца. И наконец офицер вспомнил человека по имени Азер. «Точно он! Какие люди, и здесь, в России!» – Федор в эту минуту отчетливо вспомнил их встречу в Закавказье на дороге между армянским Степанакертом и азербайджанским Агдамом. Пашин сразу весь напрягся.

Между тем посетители бани один за другим вышли наружу гольшом, что называется, в чем мать родила. Округа вмиг наполнилась громкими молодыми голосами. Раскрасневшиеся тела любителей бани жаждали водной прохлады. Первым пошел по настилу и прыгнул в воду Азер, за ним последовали все остальные.

Пашин присел на корточки. В воде уже барахтались голые девицы. К ним спешили неказистый мужичонка и соплеменник Азера. Оказавшись в воде, они подплыли к девицам и принялись их лапать и целовать. Проститутки при этом не переставали визжать и ржать. В любовных водных играх дальше всех продвинулся Азер. Несмотря на нерешительное сопротивление самой пухлой девицы с огромными отвислыми грудями, он силой затянул ее под прибрежный куст, ловко наклонил от себя к берегу и начал открыто совокупляться с ней. Вокруг них в воде барахтались две другие пары, которые также пытались сплестись голыми разгоряченными телами.

Федору стало как-то не по себе. Он опять опустился на землю. Стало противно и обидно. Офицер сжал кулаки. «Эх, автомат бы сейчас. Весь бы этот бардак одним разом накрыл!»

Карьеристы

Солнечные лучики всё активнее проникали через окно в глубь квартиры в доме сталинской архитектуры на Кутузовском проспекте. Они падали на стены светлой спальни и лицо человека, спящего в двуспальной большой кровати. Еще молодой мужчина, раскинувшись один на широкой постели, спал укрытый по пояс легким одеялом. Рядом с ним лежал шоколадного оттенка персидский кот. В ожидании пробуждения своего хозяина животное тихо урчало. Настенные часы показывали четверть одиннадцатого утра.

Дверь в комнату приоткрылась. Кот открыл глаза и, спрыгнув на пол, бросился навстречу своей хозяйке.

– Александр, Александр Абувалиевич, Саша, сколько ты еще собираешься спать? Вставай, завтрак уже на столе.

Жена взяла на руки кота и под села на кровать. Она слегка коснулась рукой лысеющей головы мужа. Тот приоткрыл глаза.

– Иди, сейчас буду вставать.

Он убрал руку. Привстал, потер глаза. Затем затылок. Голова сильно болела. Заметно припухшее лицо свидетельствовало о бурно проведенной ночи. Мужчина взглянул на настенные часы, что висели напротив. Висевшая под ними картина дивной горной природы не впечатляла.

– Саша, как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – недовольно прохрипел Александр Абувалиевич.

– Ты хоть помнишь, в котором часу ты опять пришел домой и в каком состоянии?

– Я все помню. У меня ненормированный рабочий день. Я государственный чиновник, работаю в аппарате Верховного Совета. Сколько тебе еще повторять?

– Что, твой Верховный Совет и по ночам работает? Я тебе звонила по всем телефонам. Никто ничего не говорит. Я уже не знала, что мне и думать! Что, позвонить трудно домой? – несчастная женщина уже чуть не плакала.

– Не твое дело! Иди, я сейчас, подремлю маленько! – мужчина повернулся набок и отвернулся к окну.

– Как тебе не стыдно?! Что ты мне рот затыкаешь? Где ты вчера был? – уже со слезами на глазах настаивала женщина.

– Слушай, давай не будем! Повторяю для непонятливых еще раз, последний. Я нахожусь на государственной службе. Мой день ненормированный. Вчера я встречал шефа из Лондона.

– А три дня назад ты кого встречал? Тоже за полночь пьяный вернулся.

Муж резко перебил ее:

– Ладно, всё, хватит! Потом объяснимся. Иди и закрой дверь.

Женщина громко хлопнула дверью.

«Достала! Видеть не могу», – прошипел про себя мужчина.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как он женился на бывшей жене Федора Пашина, своего однокашника по военному училищу. В семейной жизни все бы

было ничего, только вот Наташа уже который год не могла родить ребенка. Молодая женщина и ее родители очень страдали от этого, а сам Александр Жирик особо не расстраивался. «Вся жизнь впереди, надейся и жди!» – любил он всякий раз повторять припев знакомой песни, когда несчастная жена в очередной раз затевала разговор о ребенке.

По службе у него тоже все складывалось неплохо. Несмотря на то, что Сашка остался без ноги, его оставили служить в Вооруженных Силах. Благодаря стараниям жены и тещи ему по заказу сделали в Германии прекрасный протез, и теперь он мог передвигаться даже ускоренным шагом. Его тесть, полковник Сосновский, помог ему поступить учиться в Военно-политическую академию и решить к тому же квартирный вопрос.

Закончив главный военный вуз политработников, майор Жирик готовился остаться там служить курсовым офицером, но судьба ему подготовила новый приятный сюрприз. На выпуск в академию из Главного военно-политического управления приехал генерал Кончаков Борис Яковлевич. Тот самый человек, который знал Сашку еще солдатом по совместной службе в Гвардейской Таманской дивизии, где он сам был секретарем комитета комсомола. Позже, уже в Афганистане, судьба вновь свела подполковника Кончакова, работника отдела кадров Сороковой армии, и лейтенанта, замполита мотострелковой роты одной из частей Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Несмотря на то, что с распадом Советского Союза для бывших политработников наступили не лучшие времена, Борис Яковлевич Кончаков не опустил руки. Тонким чутьем бывалого службиста он еще до распада Союза уловил, что в стране грядут большие перемены. А когда произошли памятные всем события так называемого путча в 1991 году, Борис Яковлевич решил, что, наконец, пробил и его час. В те тревожные августовские дни, когда Москва была охвачена многотысячными митингами протеста против коммунистического правления, он не только не скрывал своих симпатий к сторонникам российского президента Ельцина, но и принял самое активное участие в событиях вокруг здания правительства. Его рвение не осталось незамеченным. Московские власти представили Кончакова к медали как активного защитника Белого дома. Недолго ему пришлось ждать и желанного повышения по службе. Уже через полгода Борис Яковлевич начал щеголять в новенькой форме генерал-майора.

В эти непростые времена здесь, в Москве, и пересеклись вновь пути-дороги бывших однополчан Таманской дивизии. Встретившись на торжествах по случаю очередного выпуска прославленной академии, Жирик и Кончаков уже дальше по жизни держались вместе. Вскоре майора с легкой руки его шефа направили служить в Ленинградский военный округ.

– Езжай и ни о чем не спрашивай! Жена твоя никуда не денется! Получишь квартиру, и она следом приедет. Короче, все поймешь потом! В Москву ты всегда успеешь вернуться. Слово даю, – категорично напутствовал генерал майора перед самым его отъездом.

Причина такой кадровой рокировки стала ясна Жирику уже через полгода. Он даже не успел толком освоиться на новом месте в должности заместителя начальника гарнизонного дома офицеров. Генерал Кончаков сам прибыл в Питер

на неопределенный срок. Ему предстояло участвовать в довыборах в Верховный Совет России по одному из избирательных округов города. Вместе с ним приехала большая команда московских политтехнологов.

И вот закипела настоящая агитационно-пропагандистская работа. Тут-то и пригодилась политработническая сноровка Александра Жирика. В качестве помощника руководителя предвыборного штаба кандидата в депутаты он изо всех сил содействовал тому, чтобы военные избиратели гарнизона проголосовали за его патрона – генерала Кончакова. Майор часами сидел на телефонах, договаривался о проведении встреч, собраний, митингов и концертов. Участвовал в различных застольях и попойках, на которых местные питерские авторитеты всех мастей клялись в дружбе кандидату в депутаты и обещали всяческую поддержку в борьбе за голоса избирателей. Александр Жирик сам лично контролировал расклейку плакатов и листовок. Продвигал в местные СМИ заказные публикации.

Но больше всего выпускник тогдашней Гуманитарной академии преуспел в день голосования. По подсказке ушлых московских политтехнологов он организовал в непосредственной близости сразу от нескольких городских мест голосования мобильные пункты негласной «работы с избирателями». В двух десятках легковых машин граждане могли легко обменять свои незаполненные избирательные бюллетени, полученные на избирательном участке, на бутылку водки. Тогда «черные» политтехнологии еще только входили в моду избирательных кампаний. Эксперимент оказался на редкость удачным. В тот памятный день был реализовано не менее трех тысяч бутылок дешевой паленой водки. Это стало заметным вкладом в дело борьбы за голоса избирателей Бориса Кончакова.

Наутро, когда стали известны предварительные итоги голосования, новоиспеченный народный депутат был не в силах скрыть своей радости и восхищения работой предвыборного штаба.

– Молодцы, все молодцы, – без устали повторял Кончаков. Он старался пожать руку каждому из своих соратников, присутствовавших в офисе предвыборного штаба. – А Жирик каков красавец, каков мастак, знай наших!

Он подошел к Сашке. Крепко обнял и расцеловал своего сослуживца.

– Ой, далеко пойдешь, майор Жирик! Мы с тобой еще наворочаем дел! Так держать, Александр Абдувалиевич! – Кончаков, пожалуй, впервые назвал Жирика по имени и отчеству.

После двухдневного обмывания своей победы на выборах генерал Кончаков укатил в Москву. Майору Жирику тоже не пришлось долго оставаться в городе на Неве. Перед Новым годом пришел приказ министра обороны о переводе его в Москву. А уже на месте стало ясно, что майора Жирика прикомандировали к аппарату Верховного Совета России. Теперь он считал себя не иначе как государственным служащим, большим чиновником, который трудится в самой главной структуре законодательного органа страны.

Вернувшись в самый первый день со своей новой работы, он так и заявил своей жене:

– Ну что, Наташа, ты теперь имеешь дело с сотрудником Комитета по обороне и безопасности Верховного Совета России. Имею честь представиться по случаю выхода на работу, – он вытянулся в струнку и весело козырнул рукой.

– К пустой голове руку не прикладывают! – ошарашенная всем услышанным, явно не к месту, попыталась пошутить женщина.

Жирик недовольно оборвал жену:

– Чего ты несешь, дура?!

Но потом немного смягчился:

– Ты хоть понимаешь, о чем речь идет, дуреха? И вообще, думала ли ты, дочь обыкновенного полковника, что когда-нибудь будешь спать с таким человеком?

– Да если бы не мой отец, век бы тебе не видать ничего, – несколько обиженно заговорила женщина.

Жирик не позволил ей дальше развить мысль. Он обнял женщину и поцеловал ее в губы. Этого оказалось достаточно, чтобы Наташа окончательно смягчилась.

– Сашка, ты молодец, просто умница. Я в тебя всегда верила!

Молодая женщина стала осыпать мужа поцелуями в губы, щеки и нос. Мужчине, не выпуская жену из крепких объятий, повалил ее на диван. Мягкие вьющиеся волосы касались его лица. Грубо поцеловав женщину в засос, Жирик распахнул легкий халатик. Обнаженное женское тело оказалось под ним. Еще один страстный мужской поцелуй, и под супругами заскрипел массивный диван.

Так, после неожиданной встречи с Кончаковым, у майора Жирика началась совершенно новая жизнь. Теперь он дни и ночи напролет занимался делами депутата, который к тому же стал заместителем председателя комитета в Верховном Совете. В его обязанности входили обеспечение встреч депутата, сопровождение его в командировках, а заодно и организация досуга народного избранника.

В очередной раз депутат Кончаков возвращался из командировки в Англию, куда он ездил для изучения опыта законотворческой работы. Поздно вечером Жирику пришлось встречать своего шефа в аэропорту Шереметьево. К себе домой Жирик вернулся только под утро.

Схватка в ночи

Солнце уже клонилось к закату. Стараясь остаться незамеченным, Федор оделся. Низко пригнувшись к траве, покинул свое место возле пруда. До дома дяди пробирался задами, в обход самой деревни, через овраги и брошенный колхозный сад. Со стороны огорода незаметно проник во внутренний дворик. На удивление, коровы уже не мычали непрерывно, а поросята стали лишь негромко повизгивать, видимо реагируя на появление постороннего во дворе. Федор открыл дверь в сенцы и прошел в хату.

Иван Павлович сидел у стола и, опершись на палку, дремал. Возле него на полу растянулся и спал котенок по имени Чубайс. На столе лежали хлеб, сало, лук и яблоки, нарезанные большими кусками. По кружке с квасом и тарелке с недоеденной яичницей еле ползали усталые, объевшиеся мухи. Посреди стола одиноко стояла чуть-чуть недопитая бутылка «Столичной». Рядом с ней – трехлитровая банка с молоком, накрытая сверху клочком марли. На стене размеренно тикали старинные часы-ходики. Они показывали четверть девятого. На столе приглушенно работал радиоприемник, утром подаренный хозяину дома. Федор прислушался. В радиостудии «Маяка» журналист беседовал с Анатолием Чубайсом. Известный российский демократ и реформатор страстно убеждал слушателей в перспективах рыночной экономики.

Пашин приблизился к столу и выключил радио.

– Дядь Вань, слышишь меня? – он слегка коснулся руки хозяина дома.

Иван Павлович поднял голову и открыл глаза. Вокруг него закружился рой растревоженных мух. Дядя, ничего не говоря в ответ, взял со стола пачку «Примы», достал сигарету и прикурил.

– Сядь, в ногах правды нет.

Федор опустился на стул.

– Дядь Вань, мне ехать надо, я зашел попрощаться.

– Куды ты на ночь глядя. Таперча уж и ехать не на чем. Погодь, утро вечера мудренее. Поешь, попей молочка парного. Вишь, на столе стоять, – он указал на трехлитровую банку. – Яичницу с салцем пожарить?

Он было приподнялся с места, но тут же опустился на стул. Оттолкнул ногой Чубайса:

– Поди прочь, черт ржавленный! Проходу нет от него! Прожорливый, сукин кот, спасу нет. Токо бы чего локтал!

Котенок спрятался под стол и теперь с опаской выглядывал оттуда.

– Дядь Вань, молоко-то откуда?

– Тык сам и подоил, скотину накормил, всё честь по чести. А она, сука, все блудя гдей-га. Хрен там, я один не пропаду!

Иван Павлович сделал красноречивый жест руками. Затем взял со стола недопитую бутылку, поставил два стакана и разлил по ним остатки «Столичной».

– Давай выпьем по маленькой!

Чокнулись. Дядя по-новой закурил. Федор сам себе сделал яичницу. С удовольствием съел. Выпил две кружки парного молока. «Да, такого молока в Москве днем с огнем не найдешь», – подумалось Пашину.

Между тем на дворе стемнело. Включили свет. Много мух, как по команде, полетели на свет. Иван Павлович занавесил окна и вновь завел разговор за жизнь.

– Как там в Москве?

– Процветает, чего ей делается? Все деньги там крутятся. Всё ворье там. Все беды российские от Москвы.

– Ну, ты загнул, как же нам без Москвы-та?! Порядок нужен, хозяин! Вот Сталин был!

В те годы разговоров и споров о роли Сталина в судьбе СССР было немало как на митингах и собраниях, страницах изданий, в теле- и радиоэфире, так и в семьях, что называется, на кухне. Одни проклинали Сталина за годы политических репрессий, напрасные жертвы и гибель безвинных людей, «вешали на него всех собак» за коммунистическое прошлое. Другие, и их не становилось меньше, всячески превозносили «вождя всех народов», ставили ему в заслугу индустриализацию страны, победу в Великой Отечественной войне, расширение границ государства, достижения в развитии народного хозяйства, науки и искусства.

Федору была ближе и понятнее позиция тех, кто считал, что главная вина сталинского правления состояла в том, что в этот период были созданы окончательные предпосылки гибели русской деревни, произошел подрыв православных основ общества. В те времена в СССР фактически было возрождено крепостное право. Деревенские жители даже паспортов не имели. А без бумаги, как известно, человек всегда был никто. Без паспорта люди не могли даже в город убежать, так как можно было и в тюрьму угодить. Силы деревни были растрочены в решении задач коллективизации, на грандиозных коммунистических стройках, укрупнении деревень. Потом – все силы фронту, всё для Победы. После – даешь возрождение национальных окраин в ущерб исконным русским землям, нищание крестьянства и трудового народа на фоне процветания чиновничьей верхушки. В результате сложившегося «перекоса» стала расплзаться по швам уникальная российская общинная цивилизация, в рамках которой лишь и было возможно воспроизводство духовно и физически здорового народонаселения.

Свой взгляд на сталинские времена имел и Иван Павлович Новиков.

– Со Сталиным Русь ох как хватила лиха-горюшка! Да и какой он Сталин? Джугашвили – грузин стало быть! Тока нынешняя власть ишо хуже будя, поверь, нутром чую! Ох, ишо натерпится народ от нее.

Племянник хотел было возразить дяде, но не успел. Возле дома резко затормозила машина. Свет фар скользнул по окну и погас. Через некоторое время во входную дверь постучали. Иван Павлович приоткрыл оконную занавеску и тут же опустил.

– Похоже, Азер с дружками! Чава делать-то?

Тем временем майор уже действовал. Он быстро выключил свет. Сбоку окна глянул в темноту. Возле дома стояла «Волга». «Та самая», – пронеслось в сознании. У двери дома стоял Азер. В руках у него был какой-то предмет. Им он периодически стучал в дверь. Слегка прищурившись, Пашин старался в ночи рассмотреть людей, сидящих в машине. «Судя по всему, там еще двое», – решил про себя Федор.

– Дядь Вань, слушай меня внимательно! Запомни: с утра к тебе я больше не заходил и уехал в обед. Сейчас ухожу. Чтобы ни случилось, ты ни во что не ввязывайся и не выходи из дома, – давая указания дяде, Пашин уже соображал, как ему действовать дальше. – Спроси, кто и зачем! В дом никого не впускай!

– А ежели дверь сломают али ишо что?

– Если кто сунется, возьми что потяжелей и бей как следует! Не мне тебя учить. В конце концов, по закону ты у себя в доме, а частная собственность у нас вроде как неприкосновенна. Всё, пока.

Они обнялись. Федор шмыгнул в коридор и плотно закрыл за собой дверь в хату. В сенцах от ударов уже содрогалась уличная дверь. Он выскользнул во двор. Свернул за угол и притаился у полуоткрытых ворот со двора, расположившись поближе к хозяйственным постройкам. Сзади захрюкали поросята. Пашин инстинктивно зажался и притих. Всмотрелся в темноту. У машины тускло горели только подфарники. Отсюда хорошо можно было наблюдать за стоящей у обочины машиной и слышать разговор у дверей возле дома. Присев на корточки, Федор невольно кинул взор на небо. На темном небосводе горела полная луна и мерцали звезды. Большая Медведица была совсем близко.

Тем временем Азер продолжал требовать, чтобы ему открыли и впустили в дом.

– Палыч, открывай! Сейчас дверь сломаю, – он вновь принялся колотить каким-то предметом по двери.

Между тем Иван Павлович решил больше не отмалчиваться и вышел в сенцы.

– Табе чего? Нет никого, я один, иди с Богом, завтра приходи, погутарим! Сказал – не пушу никого.

– Открывай, сука, долг давай, не то сыну твоему... – кавказец грязно выругался.

– Только попробуй, басурман, – Иван Павлович нагнулся и вытащил из-под коридорной лавки большой топор.

– Открывай, дом сожгу! – с этими словами непрошенный гость принялся с разбега выбивать дверь.

Сделанная из досок тяжелая дверь заходила ходуном. Пашин продолжал сидеть не шелохнувшись.

Наконец дверная задвижка отвалилась и дверь открылась. Азер ввалился в сенцы и, не удержавшись на ногах, повалился на пол. Не ориентируясь в темноте, попытался подняться. И в этот момент хозяин дома обрушил на его голову всю силу своего стариковского удара обухом топора. При этом пенсионер сам едва удержался на ногах. Тяжело дыша, вернулся в дом. Закрыл за собой дверь на ключ и задвинул задвижку.

«Молодец дядя Ваня! Просто молодец! Настоящий мужик!» – пронеслось в сознании офицера. Федор продолжал внимательно через щели в воротах наблюдать за происходящим на улице. На шум в сенцах дома из машины вышел еще один человек и бросился на помощь Азеру. Видимо сильно перепутавшись, он заговорил на своем родном наречии. Вместе с водителем «Волги» он втащил безжизненное тело Азера в машину. Затем уже водитель открыл багажник и достал канистру. Только сейчас Пашин узнал в нем того неказистого мужичонку, которого видел

днем на деревенском пруду у бани. «Вся банная команда здесь», – мелькнула мысль.

Между тем Пашину в своей засаде все труднее давалось терпение в ожидании развязки. Однако теперь, когда водитель «Волги» достал канистру и направился в сторону приоткрытых ворот во двор дома, Федор понял, что теперь наступает его черед. Свет от фонарика, который показывал дорогу незваному гостю, проник во двор. Пашин весь напрягся. Он не заметил, как на лбу выступила испарина. Сердце колотилось так, что казалось, оно вот-вот вырвется наружу.

Человек с канистрой принялся лихорадочно плескать бензин на стену дома и дрова, аккуратно уложенные в поленицу. Видимо в предчувствии беды, на дворе заревела скотина. Пашин по-кошачьи двинулся с места. Поджигатель достал спички и присел. Но Федор уже был у него за спиной. Офицер сделал профессиональный захват сзади, выломав одну руку за спину. Человек лишь успел вскрикнуть. И тут же выверенным приемом Пашин резко повернул голову поджигателя вправо на себя. Обмякшее тело повалилось на землю. Федор машинально обыскал одежду и нашел газовый револьвер. Лежащему на земле успел всунуть в рот тряпку

Тем временем на шум короткой схватки уже спешил молодой азербайджанец. В руках он держал пистолет. Поравнявшись с воротами, остановился. На мгновение зачем-то обернулся назад. И это стало его роковой ошибкой. Федор был готов к новой схватке в ночи. Здоровенное полено в его руках обрушилось на голову непрошеного гостя. Раздался крик, который вызвал новый рев домашней скотины. Молодой парень повалился навзничь. Федор обыскал его и забрал оружие. Вышел из двора и огляделся. Улица была пустынна. Вдали горел один-единственный фонарь на несколько ближайших домов. «Только бы никто не видел», – пронеслось в сознании. Пашин начал действовать еще быстрее. Он перетащил по-одному тела ночных налетчиков к машине и загрузил их в багажник. Несмотря на вместительный багажник «Волги», с трудом его закрыл. Пришлось выбросить запасное колесо. Вернулся еще раз во двор. Осмотрелся. Забрал канистру и свою спортивную сумку. Положил их на заднее сидение. Сел за руль машины. Ключи оказались на месте. На переднем сиденье сползло вниз распластанное окровавленное тело самого Азера.

Машина рванула с места и понеслась в ночи. Фары разрезали темноту. К моменту выезда на шоссе Пашин успел освоиться с вождением. Только теперь услышал стук своего бьющегося сердца, заметил дрожь в теле и руках. Решил остановиться. Вылез наружу. Не открывая, замкнул багажник на ключ. Вновь сел за руль и осмотрелся в салоне. Открыл бардачок. В нем лежали крупные российские купюры, карты автомобильных дорог и всякая мелочь. Посмотрел вниз под ноги. Из-под сиденья, где лежал Азер, торчал дипломат. Пашин открыл его. «Вот это да!» – только и смог он вымолвить. Дипломат был набит долларами. Федор закрыл крышку. «Пора поторопиться. До рассвета надо выбиратья отсюда. Только вот где машину бросить?» – лихорадочно размышлял офицер.

Федор уже почти проехал населенный пункт, как увидел в темноте на обочине дороги милицейский «уазик» и стоящего с жезлом гаишника. Милиционер жестом приказал остановиться. В растерянности Пашин вначале замедлил ход, но тут же, словно спохватившись, нажал на газ. «Волга» с ревом пронеслась мимо милицей-

ского автомобиля. «Останавливаться никак нельзя», – твердил себе под нос Федор, вглядываясь вдаль.

Только проехав несколько километров, обернулся назад. Далеко позади мелькали фары автомобиля. «Погоня! Черт побери! Ну, попал!» – с досадой мотал головой Пашин. Его машина стремительно неслась в сторону понтонного моста через Дон. Перед спуском вниз на мост Пашин резко затормозил. Тело Азера двинулось, мужчина застонал. «Черт, мост, наверняка, разведен. Что делать?!» – пронеслось в сознании.

Надо было на что-то решаться. Мелькающие сзади в ночи огоньки приближались. Пашин выключил фары и стал съезжать с дороги прямо к берегу Дона. Проехав вдоль берега около километра, он с ходу въехал в воду. Капот «Волги» скрылся под водой. Оставив повернутым ключ зажигания, Пашин выбрался из кабины, а затем перетащил на водительское сиденье тело Азера. Тот тихо застонал. «Жив, сучонок!» Пашин действовал на удивление хладнокровно. Он взял за волосы голову Азера и ударил о руль. Захлопнул дверь. Трофейный пистолет бросил в воду. Посмотрел в сторону дороги. Огни догоняющей машины уже поворачивали в сторону, куда исчезла «Волга». «Догадались! И откуда они взялись на мою голову?» – стучало в сознании офицера. Оглянувшись в последний раз, Федор побежал дальше по берегу прочь от брошенной машины.

Выбрав на реке место поуже, как ему показалось, он разделся догола. Забросил вещи в свою спортивную сумку и бросился вплавь на противоположный берег. Вначале плыть было легко. Но на самой середине его стало сносить по течению. «Еще не хватало, чтобы снесло к мосту!» – билось в сознании. Пашин изо всех продолжал плыть к спасительному берегу.

Тем временем милицейский «уазик» наткнулся на брошенную «Волгу». Автомобиль стоял почти наполовину в воде. Водитель «уазика» остался за рулем, а второй милиционер стал осматривать машину. С трудом открыл дверь кабины и осветил салон фонариком. Сразу обнаружил тело окровавленного человека за рулем машины. В салоне тихо работало радио. Звучала легкая музыка. На соседнем сиденье милиционер заметил дипломат. Открыл и чуть не задохнулся от радости. Столько долларов сразу блюстителю порядка в своей жизни еще не доводилось видеть. Он сразу позвал напарника. Решение между милиционерами созрело само собой. Они дружно подтолкнули машину, и она стала медленно уходить под воду.

Путаны

В международном аэропорту Шереметьево Александр Жирик сразу увидел своего шефа, лишь только Борис Яковлевич Кончаков вошел в комнату для VIP-гостей. Они обнялись.

– С возвращением, Борис Яковлевич! Рад вас видеть! Как все прошло?

– Все отлично, в дороге поговорим. Бери чемоданы и вперед.

На выходе их уже ждал служебный автомобиль. В машине разговор продолжился.

– Все прошло хорошо. Лондон есть Лондон! Это тебе не хухры-мухры, там все крутится. Это центр мировой политики. Без англичан в России каши не сварить. Они в наших внутривластных перипетиях больше нашего понимают. И вообще, нас ждут великие дела, Александр Абдувалиевич. Скоро всем красно-коричневым в России «кирдык» придет. Понимаешь, о чем речь?

Это Жирик понимал с трудом. Он, конечно, знал, что красно-коричневыми в России называют всех тех, кто открыто выступает против новой демократической власти. В те дни в российских газетах, по телевидению и радио только и шли разговоры о противостоянии Верховного Совета и президентской власти. Большая часть депутатов открыто требовала смещения со своего поста президента, прекращения либеральных реформ и изменения прозападного политического курса в стране.

Несмотря на то, что на общероссийском референдуме весной большинство населения поддержало политику президента Ельцина, депутаты из числа коммунистов и националистов были настроены более чем решительно. Не прошло и дня, чтобы они в пику исполнительной власти не приняли какого-нибудь решения. Их действия активно поддерживали многие общественные движения, которые в средствах массовой информации журналисты именовали не иначе как красно-коричневыми силами и реваншистами. Обстановка в Москве в те дни была очень тревожная. На городских площадях и перед зданием Верховного Совета постоянно собирались люди, проходили митинги и устраивались пикеты. По городу распространялись антиправительственные листовки, в которых в пух и прах разбивались реформы Гайдара и Чубайса, критиковалось вмешательство Запада во внутренние дела России, звучали призывы к протестным выступлениям и свержению правительства Ельцина. В столице на улицах и площадях было много милиции. По всему было видно, что уже в начале осени может наступить развязка событий.

– Короче, Александр Абдувалиевич, время идет такое, когда надо будет действовать решительно, отступать будет некуда. Будущее России – это рынок и демократические ценности. И Запад нам в этом поможет!

Кончаков весело подмигнул своему попутчику. Жирик только успевал моргать глазами. Борис Яковлевич говорил, как настоящий трибун.

– Борис Яковлевич, скажите, что делать, я готов! С вами хоть куда!

– Молодец! Завтра будь готов, чтобы вечером посетить московский Дом приемов депутата Мирского. Слышал о таком?

– Так точно. Это олигарх известный, о нем в газетах много пишут. Говорят, полстраны к рукам прибрал, круче Чуба будет!

– Дурак, чего ты мелешь?! Смотри, не ляпни такое где-нибудь еще. Ты сотрудник аппарата Верховного Совета. А газеты пусть пишут, бумага всё стерпит. Ничего кроме пиара.

– Чего-чего?

– Пиар – это связи с общественностью, повышение публичного рейтинга политика. Ты, брат, совсем неграмотный. Надо бы тебе подучиться. На следующий год направлю учиться в президентскую академию. А что касается Мирского, так это большой человек. К нему поближе надо бы быть. Такие связи дорогого стоят. Сечешь поляну?

– Секу!

– Вот и молодец. А подучиться тебе не мешало бы! Теперь о Мирском. Завтра он организует большой прием. Я тоже приглашен. Ты поедешь со мной. Смотри, чтобы все было тип-топ. О'кей?

– О'кей!

– Так, ну ты чего заснул? Шефа не встречаешь как надо. Там у меня в дипломате бутылка «вискарика». Я в «дьюти фри» прихватил, настоящие шотландские виски. Когда еще попробуешь? Доставай, хряпнем за нашу встречу!

Сашка тут же встрепенулся и засуетился.

– Да я тоже прихватил с собой водочки. Может, с нее начнем?

– Нет-нет. Я уже в самолете начал с виски. С соседом одну уговорили, вторую раздавить не успели.

Кончаков неожиданно рассмеялся. Жирик вопросительно взглянул на шефа.

– Анекдот вспомнил. Летит самолет с министром обороны и его свитой в Москву из Германии. Пьют водку. Выпили ящик, начали второй. В полете прошло уже часов пять времени, а самолет все не садится. Он вызывает командира корабля и спрашивает: «В чем дело, сколько еще лететь будем?». Тот отвечает: «Товарищ министр, уже прилетели, внизу военный аэродром, пошли на седьмой круг перед посадкой, однако не хотел вас беспокоить, смотрю – ящик водки стоит, еще не допит, значит, надо еще полетать».

Борис Яковлевич громко расхохотался и хлопнул по плечу своего помощника. Тот следом тоже рассмеялся.

– Ладно, наливай!

Выпили по одной. Затем еще. После третьей вернулись к разговору о женщинах.

– Кстати, о Мирском. Ты его жену случайно не видел? Она в свое время в Афгане была.

– Да как-то не доводилось.

– Много потерял, красавица-баба! Ольгой зовут. Ох, хороша! Бог даст, завтра увидим, что называется, во всей красе.

Кончаков весело подмигнул попутчику. Посмотрел сначала на часы, а затем в окно. Машина стремительно неслась в ночи в сторону Москвы. Затем обернулся к Жирику.

– Так вот, мой друг, а ведь Ольга Мирская была в Афгане моей афганской женой, иными словами – любовницей. Только вот соскочила с цугундера, сучка. На простого «летеху» запала. Я так понял, она с ним еще до Афгана снюхалась. А ведь я все условия для нее создал в Кабуле. В кадрах в штабе армии у меня работала. Такие бакшиши, презенты ей дарил. В модуле комнату отдельную для нее пробил. Готов был квартиру в Союзе выхлопотать, как воину-интернационалисту. Так нет, с лейтенантом снюхалась. Ой, сучка! Я такого простить не мог. Из Кабула в гарнизон перевел эту сучку. А вот с лейтенантом, Пашин, кажись, его фамилия, так и не удалось повидаться.

Жирик перебил шефа.

– Как фамилия лейтенанта? Пашин, говорите?

– Вроде того!

– Я знаю его хорошо. Он мой однокашник по военному училищу. К тому же бывший муж моей жены – Наташки, ну вы знаете.

– Да ты что?! Ох, как все переплелось! Так ты жену у него сумел увести, что называется, на одной ноге? Ты и впрямь мастак, Александр Абдувалиевич! Держи!

Кончаков протянул руку. Жирик с явным недовольством на лице сжал протянутую ладонь шефа.

– Ты не обижайся, я так, к слову. Яволь, мин херц! Молодец, молодец, знай наших, – Борис Яковлевич приобнял своего подчиненного.

– Все в порядке, Борис Яковлевич, – примирительно пробурчал Жирик. – А Ольга – это, видимо, первая любовь Пашина. Она из его родного города. Я слышал, что она его еще на третьем курсе кинула. Короче, замуж выскочила. Он говорил – за какого-то местного барыгу.

– Как все переплелось. Где он сейчас, твой однокашник?

– Понятия не имею, слышал, что по замене в Закавказье уехал служить.

– Ну, вот и хорошо, пускай помыкается, будет знать, как у старшего по званию любимую женщину отбивать.

– Борис Яковлевич, так что, теперь эта сучка в Москве?

– Не просто в Москве, а жена одного из самых богатых и влиятельных людей в России. Я думал, что после Афгана нам с ней уже не придется встретиться, ан нет! Пару месяцев назад был в Доме приемов у Мирского, мужа его. Первый раз меня тогда пригласили. Захожу. Смотрю: всё честь по чести, Мирский у входа сам всех гостей встречает. Рядом с ним Ольга. Хороша, сучка! Представляешь, ничуть хуже не стала. Светские манеры. Повадки. Вся в украшениях. Ну прямо графиня! Шикарное платье. Высокая прическа. Мирский с ней рядом – просто карлик. Я так просто очумел! Оказывается, она замужем за самим Мирским. У них дочь Анна. Такая девочка симпатичная. Сразу видно породу. Деваха будет что надо!

Кончаков вновь замолчал. По всему было видно, что эта Мирская в его жизни оставила заметный след.

– А дальше? Что дальше?

– Ну что ты заладил? – Борис Яковлевич отвлекся от набежавших воспоминаний. – Это как в анекдоте. Слышал? Школьники расспрашивают своего однокашника, как он с девушкой первый раз любовью занимался. Он рассказывает. Вначале раздел, потом поцеловал, затем вошел в нее. Ну понятно, о чем речь идет.

А они не унимаются и спрашивают, как ты сейчас: «А дальше?». Так вот, он ответил: «А дальше яйца не пускают!».

Кончаков невесело улыбнулся. Жирик громко рассмеялся. На шутку среагировал и водитель. В салоне повеселело. Депутат вновь вернулся к теме разговора.

– Я сделал вид, что не узнал ее. Она тоже виду не подала. Завтра в Доме приемов можем снова повидаться. Интересная штука – жизнь!

Кончаков задумался. Семейные дела у него не клеились. С женой он развелся сразу, как только стал генералом. Дочь выросла. Он помог ей поступить в институт, но отношения с ней не складывались. Девочка не могла простить отцу того, что он ушел из семьи и не стал жить с ее матерью.

Борис Яковлевич вновь поднял походный металлический стаканчик и выпил. Отломил кусочек от плитки шоколада.

– Ешь, настоящий черный шоколад. А об Ольге Мирской молчок. Только ты знаешь. Всё понял? Смотри, я два раза не повторяю.

– Могила, шеф, – бодро откликнулся Жирик и вслед за депутатом выпил виски. Затем многозначительно кивнул в сторону водителя.

– Это не его вопрос. К тому же он человек проверенный, – откликнулся Борис Яковлевич.

Несмотря на позднее время, служебная «Волга» двигалась медленно. Машин на дороге было много, и они то и дело останавливались. Кончаков и Жирик окончательно допили бутылку «вискарика» и были уже явно навеселе. Разговоры о служебных делах стихли, и мужики опять вспомнили про женщин.

– Слушай, Сашок! А что, если нам тряхнуть стариной, ну в смысле «трахнуть» кого-нибудь. Ты в прошлый раз неплохо все организовал. Помнишь двух сестренок? Где ты их тогда нашел?

– Борис Яковлевич, это мой стратегический резерв. Это практикантки из лингвистического института. Помните, у нас в Верховном Совете на производственной практике были? Ну, переводчицы, с немецким и английским языками. Надежные девки, во!

– Да, та, что со мной осталась, ну очень языкастая девочка была. Молодец, что говорить, доставила тогда мне удовольствие.

Кончаков расплылся в пьяной улыбке. Следом за ним довольно заулыбался Жирик. Хорошенько выпив, он совсем осмелел и уже не стеснялся в выражениях в присутствии своего руководителя.

– Шеф, я что думаю, ядрена вошь... – Сашка принялся пьяно рассуждать. – Можно было бы повторить девочек, только ведь поздно уже. Их сейчас не найдешь.

Жирик посмотрел на часы. Они показывали за полночь.

– Что будем делать?

Депутат посоловевшими глазами глядел прямо на своего помощника. Тот сразу отреагировал:

– Шеф, спокойно! ...Ля буду, по дороге прихватим кого-нибудь! Мы же в рыночные отношения вступили. Бабло есть, значит, нет проблем!

Еще больше осмелев, Жирик скомандовал водителю ехать медленнее.

– Здесь, в районе Химок, всегда проститутки тусуются.

Он стал внимательно всматриваться в автомобильное окно.

– Есть, есть! – радостно закричал Сашка.

Кончаков дал указание водителю остановиться. Жирик с трудом выбрался наружу и, пошатываясь, направился к стоящей у проезжей дороги девице. Та была невысокого роста, в короткой юбке и светлой блузке, из которой вываливались огромного размера груди. Кончаков заерзал на сиденье. Приоткрыл окно.

– Если подруга есть, то бери! – крикнул он вслед своему подручному.

Тот в ответ только поднял руку вверх. Другой рукой обнял проститутку за талию и что-то заговорщически стал шептать ей на ухо. В этот момент от придорожных кустов в темноте отделилась фигура человека, которая быстро приблизилась к парочке на обочине. Оказалось, что подошел сутенер. Высокого роста парень с длинными волосами стал быстро жестикулировать и показывать в сторону от дороги.

Жирик вернулся к машине и нагнулся в окно.

– Яклич, сутенер предлагает осмотреть всех проституток.

– Тогда пошли!

Жирик открыл дверь автомобиля и помог шефу выбраться наружу. Взял его под руку. Они сошли с обочины дороги к кустам и деревьям. Прямо в глубине пыльных зарослей появились очертания двух машин. Сразу за ними из темноты выплыла шеренга, состоящая из ночных фей любви. Новых клиентов проститутки встретили шутками и легким девичьим смехом. Сутенер цыкнул на разбитых девиц, выстроившихся в ряд.

– Пожалуйста, выбирайте! – он обратился к клиентам.

– Молодец, прямо как в армии на построении, уважаю!

Кончаков подошел вплотную к девицам. Одни из них жеманно переминались с ноги на ногу, другие беспрестанно жевали что-то. При этом все старались улыбаться. От проституток пахло резким парфюмом вперемешку с женским потом.

– Выбирай, командир, не стесняйся! На любой вкус есть! – сутенер обращался к старшему по возрасту, сразу, видимо, сообразив, кто из двух потенциальных клиентов главный. – Цены умеренные, гибкие скидки! Если больше двух девиц возьмете и на длительное время, большие скидки будут. Все продумано. Квартира для свиданий в пяти минутах езды отсюда, – заливался соловьем лохматый парень.

Между тем Кончаков уже вовсю выбирал. Он тискал девиц то за задницу, то за груди, норовил залезть под юбку, одну из них пытался даже поцеловать в губы. Девушки, непрерывно хихикая, вежливо уклонялись. И вдруг Борис Яковлевич неожиданно остановился и замер.

– Почему она голая?

Борис Яковлевич пьяно смотрел то на сутенера, то сразу на всех стоящих в строю девиц. Из-за спины шефа выглянул Жирик и тоже оторопел. Сутенер сразу понял, в чем дело.

– Это наш сюрприз, извините, пожалуйста. Образец резиновой женщины. Дело в том, что некоторые клиенты не рискуют и берут просто резиновых женщин. Кукла многоразового использования. Возвратов не бывает. В машине у нас есть в упакованном виде. Если берете, организуем всё в лучшем виде!

– А она мне понравилась, – немного сконфузившись, пьяно заулыбался Кончаков.

– Шеф, а у вас вкус есть! – решил похохмить Жирик.

В строю опять захихикали. Проституткам явно понравились веселые клиенты, и они стали предлагать себя наперебой. Только сутенер на обочине дороги, казалось, оставался невозмутимым.

– Извините, время – деньги. Выбирайте, наконец!

В конце концов сутенер и клиенты стоворились за двух девиц. Выбирал помощник депутата. Для себя он взял проститутку небольшого роста с большими грудями, как оказалось, ту самую, которую Жирик заметил еще из машины. Это она стояла у обочины дороги и «ловила» мимолетных клиентов.

– С первого взгляда понял, что эта – моя! – он уже крепко обнимал девицу за талию. – Яклич, рекомендую вон ту блондиночку. У нее ноги от плеч растут. Всё при ней!

Кончаков пристально посмотрел на другую проститутку, затем обернулся в сторону резиновой куклы, чем вновь вызвал улыбки присутствующих.

– Ладно, берем, на месте разберемся! – народный избранник вытащил из бумажника несколько долларовых купюр.

У сутенера, действительно, все было хорошо продумано. На квартире свиданий клиенты провели около часа, строго по оплаченному тарифу, но остались довольными. Проводив шефа до самой квартиры, Жирик к себе домой приехал часам к четырем утра. Тихо пробрался в комнату и завалился спать.

Но выспаться ему не удалось. С утра жена устроила ему разбор полетов. Однако непутевый супруг в последнее время практически перестал реагировать на нравоучения супруги.

Едва проснувшись, Александр Абувалиевич забеспокоился. Он сразу стал лихорадочно вспоминать, что с ним происходило прошедшей ночью. «Главное, чтобы лишнего не наговорил шефу», – носилось в его сознании. С трудом вспомнив все фрагменты ночной встречи, он немного успокоился. И тут же опять напрыгся. «Только бы заразу не подхватить!» – еще лежа в постели, он засунул руку в трусы. Более внимательно осмотреться не успел. Вновь в дверь заглянула жена.

– Тебя к телефону! – сухо бросила женщина.

– Кто там еще?

– Шеф твой!

Завернувшись в одеяло, Жирик выскочил в коридор и сел на пуфик возле телефона. Звонил Кончаков.

– Александр, привет! У тебя все в порядке!

– Да! А у вас?

– Что ты имеешь в виду? Проститутки, что ли? Я доволен. Молодец, так держать! Вот только бы без последствий. Но я так понимаю, они девки предусмотрительные. Я у себя в трусах аж два презерватива обнаружил.

Жирик едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

– А я нет! – вымолвил Жирик и тут же спохватился, слегка замявшись.

Разговор прервался. На другом конце провода положили трубку.

Мирская семейка

Многомиллионный московский муравейник стремительно оживал с восходом солнца и продолжал свое хаотичное движение до самой поздней ночи. Ольга Мирская вместе со своей дочкой Анной и мужем Артемом Ильичом уже более трех лет как поселились в столице. Сам Мирский, переведя свой бизнес из провинции в Москву, преуспел. За короткий срок на бартерных сделках с цветными металлами он смог сколотить хороший капитал. Одновременно Мирский занялся политикой и здесь добился многого, став народным избранником. Семья его почти не видела дома. С утра и до поздней ночи Мирский, как он любил говорить, «крутился как белка в колесе».

Его жена Ольга не любила выходить из дому. Москва ей никогда не нравилась. Молодая женщина никак не могла привыкнуть к столичному ритму жизни. Особенно непривычно было находиться в уличной суете большого города, где все куда-то постоянно спешат. Мирская всегда быстро уставала от хождения по магазинам. Только войдя в квартиру и приняв душ, молодая женщина начинала чувствовать, что силы вновь возвращаются к ней.

Несмотря на все блага, которые достались ей после вступления в брак с Мирским, своего мужа Ольга не любила. Выйдя за него замуж по материальным соображениям, она тяготилась супружеской жизнью с мужчиной, который был гораздо старше ее. Однако он считался отцом ее любимой дочери и делал все для того, чтобы Анна Мирская была счастлива. Чтобы не скучала жена, Артем Ильич поручил ей руководить работой Дома приемов на Остоженке, который год назад недорого прикупил по случаю. Помогли связи в правительстве Москвы. Здесь в Доме приемов частной компании «Мирский и К^о» ежедневно собирались московские бизнесмены и политики, крутились журналисты и эксперты. Особо уважаемыми гостями были депутаты и члены правительства, представители иностранных посольств и международных организаций. Мирскому очень хотелось видеть у себя в гостях самых влиятельных людей. Жена не сразу поняла, что таким образом муж решил завязывать и развивать новые контакты и лоббировать свои бизнес-интересы. «Ты ничего не понимаешь, Оля! Я "иду на Вы" – во власть! И ты мне в этом должна будешь помочь! Ты заслуженный человек, была в Афганистане. Имеешь медаль. Ты, наконец, не какая-нибудь дешевая содержанка, каких у других бизнесменов полно. Они их меняют как перчатки. Ты моя жена. Мать моего ребенка. Поэтому я хочу из тебя сделать светскую даму самого высшего разлива». Жена перебила мужа: «Милый, я уже перебродила. Мне Анну надо воспитывать. Отца у дочери уже нет. Он день и ночь дома не бывает. Так ты хочешь еще и мать у девочки отнять. Побойся Бога!». Мирский обнял жену. «Девочка любимая моя, ты ничего не понимаешь. Пойми, деньги без политики – это ничто. Деньги делают политику, а политика – деньги! Это аксиома! А главный инструмент политики – это информация, то есть телевидение, радио, газеты. Это власть, настоящая власть!» Последнюю фразу Мирский произнес особенно внятно и не-

спешно. После паузы продолжил: «Скоро, когда я возьму под контроль Первый канал российского телевидения, ты будешь там моим представителем. Так что набирайся опыта и знакомств в Доме приемов, пока есть время!».

Этот разговор между мужем и женой состоялся год назад, сразу после открытия в начале сентября политического сезона в Доме приемов на Остоженке. А сейчас Ольга Мирская в среде высокопоставленных представителей московской политической тусовки уже чувствовала себя, что называется, «в своей тарелке». Молодую женщину устраивали ее новые обязанности. Многочисленные встречи, новые знакомства, внимание высокопоставленных мужчин – все это особенно нравилось молодой женщине. Она быстро погрузилась в атмосферу политических слухов, скандалов и интриг. Мирская вдруг почувствовала, что стала кое-что смыслить в политике, по крайней мере, не меньше чем писали газеты, вещали радио и телевидение. Муж не мог не заметить перемен в жене и всячески ее хвалил: «Да ты молодец, просто умница!». Ольга даже иногда решалась спорить со своим мужем. Последний раз супруги заспорили о роли столицы в жизни России. Мирский просто боготворил Москву, а вот жена была явно не в восторге от происходящих перемен. Артем Ильич, не найдя весомых аргументов в доказательство своих доводов, бросил тогда жене в досаде: «Начиталась красно-коричневой мерзости, вот и несешь всякую чушь!». И действительно, Ольге импонировали мысли, которые она находила в патриотических изданиях.

Дело в том, что, как и в другие времена загадочной русской истории, первопрестольная «бежала» впереди России всей. С началом шоковой терапии, приватизации и других либерально-демократических нововведений Москва стала меняться на глазах. Прежний облик образцового коммунистического города стремительно растворялся в океане новых фешенебельных построек, индустрии рыночных услуг, рекламных площадей и деловой активности москвичей и многочисленных приезжих. С каждым днем Москва все больше превращалась в масштабную общероссийскую стройку.

Все возрастающее недовольство москвичей вызывал наплыв в столицу неконтролируемых масс мигрантов. К тому времени уже практически целая страна нелегалов общей численностью в миллионы человек проживала среди москвичей. Людей особенно раздражала и пугала этническая преступность. Ситуация усугублялась стремительным социальным расслоением среди горожан. В политическом плане многонациональная столица, тем не менее, на ведущие роли в государственных органах власти, обществе и бизнес-структурах продолжала выдвигать людей, которые в своей практической деятельности исходили из корыстных интересов своих национальных групп. Привилегированный статус москвичей, высокие уровень и качество жизни, несравнимо большие возможности в использовании гражданских прав и свобод вызывали растущее недовольство в российской глубинке. Со столицей простые люди стали всё чаще связывать пагубные последствия демократических реформ, нарастание негативных социальных явлений, господство в обществе психологии бездуховности, распушенности и стяжательства. Российская провинция не могла простить Москве ни «шоковой терапии», ни грабительской приватизации по западным рецептам.

Тем не менее, когда казалось, что доверие населения к президенту и правительству находится на нулевой отметке, итоги проведения весеннего всероссийского референдума неожиданно показали, что граждане России в своем большинстве выразили поддержку правящему курсу в стране. В те дни Мирский чувствовал себя настоящим триумфатором. Перед самым референдумом он вошел в совет директоров Первого национального канала и практически взял его под свой контроль.

За успешную организацию информационного обеспечения всенародного волеизъявления Мирский удостоился личной благодарности от президента России. Тот сам к нему подошел на приеме в Кремле, где в числе приглашенных оказался и Артем Ильич. Президенту страны его представил глава администрации:

– Артем Ильич, главный вдохновитель нашей победы на апрельском референдуме.

– Ну что вы, я простой и скромный человек, всегда рад послужить президенту и Отечеству! – смутился Мирский.

– Скромность, понимаешь, украшает человека. Однако же заслужил похвалы, подлец этакий! – заговорил сам президент.

Он передал свой бокал с шампанским кому-то из многочисленного окружения и крепко пожал руку удачливому бизнесмену. Затем неуклюже развернулся и направился в противоположную сторону огромного президентского зала официальных приемов. Мирский не мог про себя не отметить, что глава государства был уже изрядно выпившим. В этом ничего не было нового. Дурная слава выпивохи давно уже вышла за границы Кремля и загородной резиденции. Информационное сообщение о том, что он с раннего утра работает с документами, давно уже стала расхожей фразой в устах президентского пресс-секретаря, одним из основных заголовков новостей центральных радио и телевидения. «Мне сегодня повезло, президент не работает с документами», – усмехнулся про себя Мирский. Ему было приятно, что в кремлевских кулуарах авторство известной в народе фразы приписывали не кому-нибудь, а Мирскому.

В тот день, не дожидаясь окончания приема в Кремле, Артем Ильич в приподнятом настроении убыл к себе восвояси, в особняк в исторической части Москвы, где его ждала молодая супруга. Своего мужа, который предварительно позвонил, Ольга встречала в его рабочем кабинете в Доме приемов. Ольга обняла супруга. Муж был в сильном возбуждении. От него пахло спиртным, едким потом и дорогим парфюмом. Глаза его горели. Лысина блестела. Легкая испарина выступила на лбу. Толком даже не поздоровавшись, он сразу затараторил:

– Оличка, милая, наш час пробил. Я переверну этот мир. Я задеру матушке-России подол. Она у меня всю оставшуюся жизнь будет раком стоять. Не будь я Артем Мирский!

Он не договорил, жена быстро прикрыла ему рот рукой.

– С ума сошел, чего ты орешь?! Там к тебе гости пришли, уже битых два часа ожидают, не хватало еще – услышат твой очередной крик души! – Ольга притворила дверь в его кабинет. – Успокойся, успокойся! Все будет хорошо.

– Не успокоюсь, я сегодня с самим президентом вот так, как с тобой, разговаривал. Он мне руку пожал за работу.

– Какую руку, милый? Ты случайно не мыл ее? – заулыбалась Ольга. – Можно, я тоже потрогаю эту руку?

– Все шутишь? Не понимаешь текущего политического момента. Россия на пороге новых больших перемен. Налицо революционная ситуация в стране, а ты все шутишь!

– Нет у революции начала, нет у революции конца! Революция продолжается, – продолжала ерничать женщина.

– Кстати, кто сказал? Правильно! Это я – Мирский – сказал, – муж резко обхватил жену за талию и приблизил к себе.

– Тоже мне классик марксизма-ленинизма! – молодая женщина попыталась увернуться от объятий и поцелуев. – Отстань, слышишь, что говорю?!

Но Мирский не унимался. Это был как раз тот момент, когда он, далеко уже немолодой мужчина, мог неожиданно прийти в сильное возбуждение. Артем опрокинул Ольгу на огромный стол для служебных совещаний, ловким движением задрал юбку и принялся снимать с жены трусики.

– Сумасшедший, нимфоман какой-то, дверь хотя бы замкни.

– Just moment, один момент, моя несравненная! – на русско-английском произнес страстный мужчина.

Мирский, на ходу снимая одежду с себя, бросился к двери. Молодая женщина осталась лежать на столе. Раскинув ноги в стороны, она расслабилась и устремила свой опустошенный взор в потолок, где висела большая красивая хрустальная люстра. Хорошо зная сексуальные повадки и взбалмошный нрав мужа, Ольга не сопротивлялась. В состоянии повышенного возбуждения от него можно было ожидать любого сумасшествия. И еще женщина уже привыкла к внезапным сексуальным порывам мужа, когда тот вдруг приходил в сильное возбуждение. Продолжалось это недолго и до полноценного полового акта в последнее время доходило не часто. Вот и сейчас супруг с лихорадочной суетливостью спешил справиться нужду до того, как внезапный прилив мужской силы может сойти на нет.

– Оличка, сама, сама! Помогай мне, – бубнил он, взбираясь на жену.

Похотливый мужчина, пуская обильные слюны изо рта, стараясь непрерывно осыпать поцелуями молодое, упругое тело возлюбленной, спешил поскорее перейти к главному действию. Но, оказалось, что и сегодня его ждала неудача. Признаки мужской силы, не успев толком обозначить себя, стали стремительно исчезать. По женскому телу потекла липкая жидкость.

– Ох, хорошо-то! Я кончился... – тяжело пробормотал супруг и упал ничком на красивую грудь жены.

– Милый, ты и впрямь перевозбудился сегодня. Нельзя одновременно думать о политике и сексе! И вообще, все силы на политику и бизнес потратил, а молодой жене ничего не оставил, – лишь для вида огорчившись, попыталась пошутить молодая женщина.

Про себя она даже порадовалась, что сегодня ей опять не придется испытать близость с человеком, с которым она была вынуждена жить вместе.

– Да, вот беда! – устало пробормотал Мирский.

Оставаясь лежать на супруге, он на мгновение приподнял и тут же вновь покорно опустил голову ей на грудь.

– Надо было не бегать дверь закрывать, – вновь пошутила Ольга.
– Это точно, перегорел.
– Конечно, мысли о мальчиках тебя способны вдохновить на большее.
– Ты опять за свое! Заладила, глупая женщина.
– Сам такой! И вообще, слазь, кончилось твое время! Так, кажется, говорили большевики-революционеры?!
– Все шутишь, помогать мне надо!
– Ладно, вставай. Ой, какой же ты тяжеленный. Сколько в тебе сейчас, больше ста, наверное?

Она руками попыталась сдвинуть с себя рыхлое тело мужа. Тот с трудом приподнялся на руках и сполз вниз. Сел на кресло и опрокинулся назад. Его ноги были спутаны штанами и трусами, рубашка по пояс расстегнута. Волосатое тело Артема Ильича содрогалось от тяжелого дыхания.

– Ольга, ты меня во всем должна с полуслова понимать!

– Да, конечно, я у тебя всегда во всем виновата. Как это ты любишь говорить, милый? Она разводила ногами, а он руками! Правильно? Это про кого, не знаешь?
– продолжала шутить женщина, легко соскочив с огромного стола для служебных совещаний.

Неожиданно в дверь постучали. Мирские принялись быстро одеваться. Ольга первой натянула белые ажурные трусики, поправила лифчик, одернула строгого покроя юбку и застегнула на все пуговицы красивую ажурную блузку. Только потом подошла двери.

– Минуту! Кто там?

– Ольга Борисовна, гости спрашивают, сможет ли Артем Ильич принять их сегодня.

Молодая женщина обернулась и вопросительно посмотрела на мужа. Тот уже натягивал пиджак и тщетно пытался причесать на лысине потные остатки волос.

«Консерватория»

Вернувшись из отпуска, майор Пашин в августе почти три недели провел в особом лагере на Истринском водохранилище, где шли занятия по специальной подготовке. К концу месяца курс вернулся в Москву. Здесь в «консерватории», как все сотрудники ГРУ, прошедшие и не прошедшие школу *alma mater*, называли между собой Военную академию, началась плановая учеба слушателей. Она проходила строго по расписанию. Учиться на выпускном курсе было легко и интересно. Сказывались опыт предыдущих лет и приобретенные за годы учебы навыки. К тому же уже пошли разговоры о распределении по окончании учебы. Слушатели факультета стратегической разведки бредили дальними странами, романтикой предстоящей оперативной работы. Однако во времена больших перемен, когда спецслужбы в стране реформировались едва ли не каждый год, чтобы удачно распределиться, мало было хорошо учиться, нужно также было иметь солидную поддержку, и не только в Минобороны и Генштабе.

Федор, прежде всего, налегал на иностранные языки. Особенно ему нравилось изучать все, что было связано с первым языком – фарси. Персидскую литературу им преподавал иранец по происхождению, который знал огромное количество стихов и заставлял слушателей учить наизусть все основные шедевры классической персидской поэзии. На летней сессии преподаватель даже выставил всем слушателям языковой группы, в которой учился Пашин, неудовлетворительные оценки. Пришлось выучить наизусть более тридцати стихов и рубаи великих персидских поэтов. Федору больше всего по душе были творения Омара Хайяма и Саади. Их стихи были одновременно глубоко философскими и при этом лиричными и романтическими. Рубаи, звучавшие на фарси, создавали непередаваемое ощущение вдохновения, возвышенности и радости, улучшали настроение и душевное состояние чтеца. Больше всего запоминались рубаи, имевшие удачный перевод на русский язык.

Мы все одно Адама естество,
Постигнет одного в делах расстройство,
Весь мир охватит беспокойство.
Тебе, не сострадающий другим,
Мы имя человека не дадим.

Эти строчки особенно запомнились Федору Пашину. Когда у слушателей академии появилась возможность факультативно посещать курс лекций под общим названием «Метафизика безопасности», они постоянно обретали новый смысл. Майор Пашин, как холостяк, был более свободным в выборе времени и старался не пропускать ни одного занятия, которые проводил немолодой профессор, полковник запаса, в прошлом резидент ГРУ в одной из центральноазиатских стран. Лекции были организованы в помещении клуба во внеплановое время строго на

добровольной основе. Из уст «резака», так называли на профессиональном сленге руководителя органа разведки за рубежом, Федор Пашин впервые услышал такие понятия, о которых до этого не имел ни малейшего представления. В ходе увлекательных лекций профессора слушателям открывались удивительные сведения и представления о космогенезе Вселенной, метафизических и геоисторических процессах на планете Земля, сакрально-мифологической картине мира, зафиксированной в символах и знаках, цифрах, национальных языках, религиозных верованиях, оккультных науках. Бывалый разведчик ненавязчиво объяснял слушателям основы мироздания, вскрывал механизмы и пружины мировой политики, показывал взаимосвязь между собой всех народов и государств мира.

Лекционные знания позволяли уже совершенно по-другому осмыслить основные вехи отечественной истории. На вопросы слушателей седой профессор отвечать не любил, а если и реагировал, то прибаутками, пословицами и стихами. Несмотря на возраст, он прекрасно владел персидским, а поэтому любил отвечать на вопросы меткими иранскими изречениями и пословицами. Известное персидское стихотворение «мы все одно Адама естество...» он называл разгадкой, ключом к спасению земной цивилизации в эпоху нарастания глобальных вызовов и угроз, с которыми столкнулось человечество на рубеже столетий.

Пашину было искренне жаль, когда с началом нового учебного года факультативные занятия «резака» неожиданно прекратились. По академии поползли слухи, что команду дали из Главного управления ГШ, испугавшись излишней политизации слушателей. Однако в условиях, когда политическая жизнь в Москве бурлила, захватывая в свой водоворот все новых и новых людей, равнодушных к судьбе Отечества, удержать от влияния улицы офицеров военной академии было непросто.

Со второй половины второго курса слушатели группы Пашина начали изучать родственный фарси язык дари. На нем говорили в Афганистане. Проблем с новым языком особых не было, хотя Федору тяжело давался военный перевод. Приходилось зазубривать огромное количество терминов, которые разительно отличались от лексики фарси.

Учиться было интересно. Особенно легко майору Пашину давались занятия по специальности. Их проводили преподаватели с огромным опытом работы на Балканах, Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Увлекательными были страноведческие путешествия по географическим и топографическим картам, овладение реалиями этнокормящих ландшафтов, познание специфики традиций и обычаев страны изучаемого языка. В академии на должном уровне были поставлены боевая и физическая подготовка. Федор находил время и для дополнительных физических занятий. Увлеченность карате, возникшая у него еще с курсантских времен, превратилась в постоянную, желанную потребность. Этим делом он мог заниматься не один раз в день. Одновременно еще на втором курсе Пашин увлекся компьютерной техникой. В «консерватории» тогда уже начиналось освоение сети Интернет. Пашин оказался в числе энтузиастов этого дела. Все свободное время он посвящал работе на компьютерах. Поэтому неудивительно, что зачет по освоению компьютерной техники он получил автоматом.

В общем, за два года учебы майор Пашин преуспел в освоении интересной и романтической профессии военного разведчика. Командование и преподаватели его хвалили и ставили в пример, однокашники уважали и ценили за глубокие знания по всем предметам, отзывчивость и порядочность, скромность и добрый нрав. Если и завидовали, то по-хорошему, а все подколки в адрес симпатичного офицера касались его полуаскетической спортивной жизни и отсутствия семьи. Пашин дорожил этим беззаботным периодом жизни, когда не надо было страдать, переживать и беспокоиться, а потому девушек и женщин с серьезными намерениями старался избегать. Академические дамы из тех, что были на выданье, поведение завидного холостяка явно не одобряли, подозревая тихоню и молчуна в наличии тайной зазнобы. Была ли такая или нет, знал только сам майор Пашин, который своего времяпровождения за пределами военной «консерватории» никогда и ни в чьем присутствии не афишировал.

Однако все последние дни голова майора Пашина была занята другим. Он постоянно думал о недавнем разговоре с представителем Главного управления Генерального штаба. В тот день в начале сентября по расписанию была самостоятельная работа над ошибками по проведенной летучке по военной терминологии персидского языка. На прошлом занятии майор Пашин получил за нее пятерку. Поэтому сегодня на занятии он мог спокойно проанализировать недавнюю встречу с генералом Вашановым. То, что она была неслучайной, стало ясно с самого начала. Тогда Пашина прямо из аудитории вызвали к начальнику курса. В канцелярии за столом сидел мужчина в штатском. Он был невысокого роста, слегка полноватым, с добрым выражением лица. Представился заместителем начальника одного из управлений ГРУ. Владимир Георгиевич, так звали генерала, сразу предложил слушателю прогуляться по внутреннему парку академии. Выйдя из здания, они неспешно двинулись по территории закрытого учебного заведения. Представитель «Аквариума» на Полежаевской, где размещался главк, повел разговор издали. К младшему по званию он обращался подчеркнуто вежливо.

– Как в отпуске отдохнули, Федор Михайлович? Знаю, что на малой родине побывали.

Офицер немного замялся, не зная с чего начать ответ на вопрос. В голове невольно замелькали тревожные мысли. «Неужели командованию всё уже известно? Тогда всё, конец всей службе!», – подумал офицер. Однако заговорил как можно уверенней:

– Совсем недолго был. Родители давно умерли.

– Да, я знаю. Тяжело жить без родителей. Держись, майор! – генерал приободрил младшего по званию.

– Стараюсь!

– Вижу, что стараешься. Отличник! Спортсмен! – заулыбался генерал, невольно проговорившись о своей осведомленности о прозвище офицера.

– Кому-то надо и учиться, товарищ генерал, – Пашин, немного успокоившись, ответил тоже улыбкой. «Значит, не знают про мою поездку в Гремяче», – решил он про себя.

– Это правильно! Учиться надо!

Старший по званию на секунду отвлекся от разговора. Собеседники, не спеша, прошли мимо клуба академии, дошли почти до ворот контрольно-пропускного пункта. Затем повернули в сторону теннисных кортов, обогнули стадион, после чего вернулись обратно к скверу у здания главного корпуса. За железным забором «консерватории» шумела городская жизнь. По автомобильной эстакаде сновали вниз-вверх автомобили. По городским тротуарам прогуливались люди, большинство из которых и не подозревало, что за высокой металлической оградой, за густыми и высокими кустами сирени выстроились фундаментальные здания сталинской постройки. В них и расположилась главная кузница кадров военной разведки. Выпускников «консерватории» готовили работать везде, где того требовали интересы армии и государства.

Очередной вопрос генерала застала слушателя академии врасплох.

– Кстати, товарищ майор, это не дело, что вы не женаты. В нашей службе такое положение дел просто недопустимо. В свое время мы пошли навстречу вам, когда приняли в академию холостяка. Но это только в порядке исключения. Я такое и не припомню в своей практике, чтобы офицер с войск поступил в «консерваторию», не имея семьи. Нет, помню! Это был капитан Вашанов! – генерал ухмыльнулся и тут же заметил: – И потом, это даже и неприлично в звании майора быть неженатым молодым человеком. Правильно говорю?

– Так точно! Только непростое это дело – определиться с выбором жены. Я уже обжегся, – Пашин опустил голову.

– Я всё знаю. Ваш бывший тесть полковник Сосновский – мой хороший приятель. Кстати, дело прошлое, но это он постарался, чтобы офицер Пашин прошел соответствующий отбор и поступил в академию ГРУ.

– Разве? Я не знал.

Федор был ошарашен услышанным. Он никак не мог предположить, что отец Наташи, которая ушла от него к Жирику, принял заинтересованное участие в его судьбе и помог поступить в столь уважаемое военное учебное заведение.

– Он к вам очень хорошо относился и сожалел, что вы расстались с его дочерью. Кстати, Наташа вся в отца, добрая девушка. Я ее знаю вот с таких лет, – генерал сделал понятное движение рукой.

– Мне тоже искренне жаль. Так вышло. Я не хотел.

Федор не мог даже предположить, что генерал Вашанов близко знаком с семьей Сосновских.

– Не надо оправдываться, майор. Вам не за что себя корить. Тем более что времена парткомов ушли в прошлое, а иначе вы бы не учились в нашей академии. Однако давайте договоримся. До конца учебы вам надо жениться. В противном случае мы вынуждены будем с вами расстаться. Поедете в войска! Все понятно?

– Так точно! – Пашин невольно встал по стойке «смирно».

Генерал движением руки остановил майора:

– Но я не только об этом собрался с вами говорить. Время, Федор Михайлович, пролетит быстро, даже не заметите. Надо уже думать о предстоящей работе. Как представитель главного заказчика, я уже провел несколько бесед с выпускниками.

Генерал слегка улыбнулся. Внимательно посмотрел на офицера. Пашин понимающе кивнул головой. После паузы генерал продолжил:

– У нас к вам есть определенный интерес. Знаю, что у вас неплохо обстоит дело с компьютерной техникой, знаете Интернет. Это так?

– Мне нравится. Интересно. Семьи нет, чем еще было заняться? – Пашин как бы оправдывался.

– Это хорошо. В смысле, что с Интернетом уже имеете дело. За этим будущее. Современные информационные технологии открывают принципиально новые возможности деятельности и для нашей службы. Я так понимаю, вы не только на уровне обычного пользователя можете работать с компьютером, это так?

– Мне интересно и программное обеспечение, самостоятельно стараюсь осваивать. Литература уже имеется. В академии есть один сильный программист, пользуюсь его добрым отношением. Он мне много помогает. Мы с ним обсуждаем возможность создания международного сайта, на котором можно было бы оперативно размещать различную информацию, в том числе разведывательного характера. Можно и связь держать.

Пашин не договорил. Его перебил генерал.

– Вот это интересно. Вернемся к этому разговору отдельно и поговорим вместе с вашим коллегой. Кстати, он тоже хорошо вас характеризует. Через пару недель я лечу в спецкомандировку. Принято решение, и вы должны будете лететь со мной в качестве специалиста по компьютерной технике. Думаю, уже в ближайшие дни вас пригласят и введут в курс дела. Чтобы было более понятно, о чем идет речь.

– Ясно! – офицер вновь вытянулся по струнке.

– Хорошо. Все другие вопросы обговорим уже в дороге. И не забывайте о том, что я просил!

Генерал, по-заговорчески улыбнувшись, поднял вверх указательный палец. Пашин недоуменно посмотрел на собеседника.

– Жениться не забудь, майор!

Вашанов похлопал офицера по плечу и крепко пожал руку на прощание.

Так они расстались в тот день. Как и обещал генерал, все необходимые инструкции майор Пашин получил уже через несколько дней. Прежде всего, ему необходимо было успеть за две недели отрастить усы и бороду и ни в коем случае не стричься. Все остальные указания слушатель выпускного курса должен был получить от генерала.

Время до отъезда тянулось долго. Как ни старался Федор понять смысл своего привлечения к оперативному заданию, ничего у него из этого не получилось. Тем не менее, он с нетерпением ждал своей первой, пока короткой, спецкомандировки за рубеж уже в совершенно другом качестве, чем когда служил в Афганистане. Ему грезилась сложная и рискованная нелегальная работа.

Спецкомандировка

Общая ситуация несколько прояснилась, когда слушатель выпускного курса вместе с генералом вылетел спецбортом в Душанбе. Военный аэробус Ил-86 взлетел с большой задержкой по времени. В тот день они так и не смогли прибыть в Душанбе. Сильный грозовой фронт вынудил спецборт приземлиться на военном аэродроме в Моздоке на Северном Кавказе. Так у майора появилось время обо всем поговорить с генералом обстоятельно. Вечером после ужина в столовой летчиков они вышли прогуляться на воздухе. Несмотря на сентябрь, вне помещения было прохладно. На небе, казалось почти рядом, ярко горели звезды и светила луна, предсказывая хорошую погоду на следующий день.

– На завтра не будет проблем с погодой! – первым заговорил генерал. – Как с новой ролью освоился? Смотрю, за пару недель успел обрасти щетиной, как душман стал. Прямо не отличишь!

– Осваиваюсь, – Пашин провел рукой по щетине на лице.

– А очки вам идут. В них вы настоящий программист, прямо-таки какой-то топ-менеджер!

– Ну, вы скажете!

Федор инстинктивно поправил очки. К ним он никак не мог привыкнуть. После долгого ношения очков болели глаза.

– Ко мне будете обращаться только по имени и отчеству, даже когда будем в нашем разведцентре в Душанбе. И потом, я ведь действительно старше вас. Всё уяснили?

Генерал по-доброму располагающе улыбнулся

– Так, точно. Хорошо, Владимир Георгиевич, – поправился сразу собеседник.

Попугачики неспешно дошли до границы аэродрома, обнесенного колючей проволокой, и остановились возле шлагбаума, где находился контрольно-пропускной пост военной авиационной части. Не стовариваясь, развернулись. В небе по-прежнему ярко сияли звезды и луна. В ночной темноте проступили контуры аэродрома, где на стояночных площадках стояли военные самолеты и вертолеты.

Паузу прервал старший по возрасту:

– Афганистан не забываешь?

– Он мне до сих пор снится. Считаю, там были мои лучшие годы.

– Да, удивительная страна! Мне тоже приходилось там не раз бывать.

– А где приходилось служить?

– Ты мне лучше скажи, что о своих сослуживцах знаешь, – вопросом на вопрос ответил генерал.

Пашин слегка замаялся.

– Да ни о ком толком ничего и не знаю. Как-то служба всех нас раскидала.

– А фамилия Везиров ни о чем не говорит?

Пашину не пришлось долго вспоминать имя солдата своей роты, который в Афганистане перешел на сторону «духов». С предателем, которого советские раз-

ведчики захватили в одном из боев на перевале Саланг, он даже встретился тогда. Пашин принимал участие в одном из допросов дезертира.

– Хасан Везиров – это солдат, который ушел к «духам». Я его на всю жизнь запомнил. Он жив?

– Вот это и предстоит вам выяснить.

Генерал сделал небольшую паузу.

– Тогда в Афганистане с ним хорошенько поработали наши ребята и отпустили с надеждой на сотрудничество. Но через месяц он пропал и вышел из поля зрения. Вначале была информация, что «духи» его убили, заподозрив в нем советского агента. После развала Советского Союза Везир Хан был обнаружен в окружении полевого командира Дустума.

– Он этнический узбек, ориентируется на Ташкент.

– Правильно, это очень важно иметь в виду!

Генерал не мог не отметить для себя хорошую военно-политическую подготовку слушателя академии. Немного помедлив, Вашанов продолжил:

– С Ташкентом была проведена работа, переданы копии документов о его вербовке и другой компромат. Но Ташкент до сих пор не идет на сотрудничество или не желает. Другие времена, другие хозяева!

Генерал задумался. «Наше влияние там, к сожалению, сходит на нет», – грустно подумал он.

– Недавно какой-то Везир Хан появился в окружении Масуда. Полагаю, слышали об этом афганце?

– Ахмад Шах, Панджшерский лев, – это легендарная личность в Афганистане, народный герой. В настоящее время министр обороны Исламской республики Афганистан в правительстве Бурхунуддина Раббани, лидера Исламского общества Афганистана. Масуд возглавляет вооруженную борьбу против оппозиции, в частности отрядов Хекматьяра и Дустума. Он среднего роста, густые длинные волосы, орлиный нос, худощавое костлявое лицо, мускулистое тело. При этом любит поесть, но...

– Достаточно, оценка отлично! – генерал весело перебил молодого разведчика.

Во внутриафганском раскладе Ахмад Шах давно уже стоял особняком. Он был одним из немногих, кто «не ложился» под западные спецслужбы. Поэтому они давно уже охотились за Панджшерским львом, который после падения просоветского режима Наджибуллы возглавил афганское военное ведомство. ГРУ располагало данными, что Ахмад Шаха хотят ликвидировать. Недавно была предпринята попытка сбить вертолет, на котором он летел. Приходилось констатировать, что это было не первое покушение на жизнь народного героя. Допустить этого было нельзя. В ГРУ не без оснований полагали, что Масуд мог, вольно или невольно, еще многое сделать в интересах России в этом чрезвычайно важном регионе.

– Так вот, у нас нет сегодня другой возможности опознать этого человека по имени Вазир Хан, кроме как привлечь вас. Полагаю, что бывший командир роты не может не узнать своего бывшего подчиненного. Согласны?

– Я обязательно узнаю его.

«Так вот зачем я понадобился! А я-то надеялся, что мне выпало настоящее агентурное спецзадание», – разочарованно подумал про себя Пашин.

Генерал словно уловил ход мыслей майора.

– Задание очень серьезное. По имеющейся информации, Везир Хан связан не только с Дустумом, но и с бен Ладеном, которого контролируют американцы.

– Какие мои действия, если Везиров признает меня?

– Во-первых, не факт что это тот самый Везиров, – генерал попытался немного успокоить майора. – Во-вторых, вас будет двое. Еще с одним человеком познакомитесь в Душанбе. Это специалист, в том числе и по компьютерной технике. Напарник знает, как действовать в этом случае. Он «дока» не только в компьютерной технике.

Вашанов грустно улыбнулся и после непродолжительной паузы продолжил:

– Если это Хасан, он действительно может вас узнать. Однако этого нельзя допустить. Успех операции состоит в том, чтобы, опознав Везирова, мы смогли вновь взять его действия под контроль. Короче, заставить его вновь работать на нас. У нас с ним свои счеты. С компроматом на агента советской разведки по прозвищу Саланг ознакомитесь позже. На всякий случай запомните: Саланг!

Генерал аккуратно взял майора за руку и внимательно заглянул в глаза.

– Я навсегда запомнил ту последнюю встречу с ним на перевале Саланг, когда его взяли наши разведчики.

– Вот и хорошо! Теперь о самом главном. Вам с напарником предстоит в панджшерской резиденции Ахмад Шаха установить и наладить компьютерное оборудование, которое поставила американо-российская фирма «Атлант», вернее ее филиал в Душанбе. Акцент делайте на то, что представляете американскую фирму в России и Таджикистане. Задачу надо выполнить качественно!

– Почему в Панджшере, а не в Кабуле?

– Ахмад Шах в своей берлоге бывает не реже, чем в министерстве обороны. В Лазурном крае его главные ресурсы и секреты, а в Кабуле для него небезопасно. Не приведи господи жить в эпоху перемен! Сегодня в Афгане у власти Раббани, а завтра ЦРУ вместе с пакистанской разведкой других приведут к власти.

– В России перемены круче!

– Задачу усвоил? – Вашанов никак не прореагировал на реплику подчиненного.

– Да.

– И еще. Общаться придется через афганского переводчика. Он знает английский и русский. Человек надежный, его старший сын и дочь живут и учатся в России. Со своим напарником и другими афганцами старайтесь общаться исключительно на английском языке. Уровня нашей «консерватории» там вполне хватит! Сам больше слушай и запоминай, если услышишь что-то важное.

Генерал замолчал. Он не мог сказать майору о том, что переводчик – это давний агент ГРУ и это именно он сообщил о появлении в окружении Ахмад Шаха человека по имени Вазир Хан. Когда в разведцентр в Душанбе переправили его фото для наведения справок, оказалось, что посланец бен Ладена чем-то смахивает на дезертира Везирова, который был завербован ГРУ еще в период советского военного присутствия в Афганистане. Немедленно доложили в Москву. Там решили проверить всё на месте, а к выполнению задания привлечь слушателя третьего, выпускного, курса военной академии майора Пашина.

В столицу Таджикистана самолет прилетел в понедельник днем. С высоты птичьего полета город казался небольшим селением, затерянным в зеленой долине среди исполинских гор. «Понедельник – день тяжелый», – мелькнуло в голове у Пашина. «Душанбе – это и есть понедельник», – Федор мысленно перевел название города с персидского на русский язык. Сразу вспомнилась история основания города. В далеком прошлом в этих сказочных местах побывал великий покоритель Востока Александр Македонский. По свидетельству историков, инициатива создания небольшой военной крепости на пути в глубь Гиндукуша принадлежала знаменитому полководцу. Спустя уже много веков удобное с военной точки зрения место основательно обустроили русские казаки, которые обеспечивали военно-культурную экспансию российского самодержавия в Среднюю Азию. По понедельникам с утра возле места дислокации русских военных в знаменитой крепости собирался большой восточный базар, где местные жители могли продавать свои товары и продукты. С тех пор и закрепилось название Душанбе за поселением, которое со временем выросло по своим размерам и численности населения до приличного, по среднеазиатским меркам, восточного городка. Несмотря на то, что у таджиков, являвшихся одним из древнейших народов Центральной Азии, были и другие, более крупные и красивые, исторические центры, чего стоили, например, Самарканд или Бухара, в советское время аборигенов древней культуры явно обделили. Вследствие протюркских симпатий большевистской верхушки таджики лишились значительных территорий, переданных новым государственным образованиям в Средней Азии, в частности Узбекистану. Так Душанбе стал столицей Таджикистана.

После изучения метафизических основ безопасности Федор уже хорошо представлял себе всю этнополитическую подоплеку геополитического передела Средней Азии в советский период. Таджики, как и русско-славянское население, имели отношение к арийскому историко-культурному земледельческому наследию, а потому были обречены на дискриминацию по цивилизационным признакам. После событий 1917 года к власти в Москве пришли носители кочевнических традиций, для которых турки – прямые потомки татаро-монголов, осевшие в Средней Азии, – были более естественными союзниками, чем таджики. «Поэтому-то во всех советских фильмах об установлении советской власти в Туркестане басмачи говорят исключительно на фарси», – задумчиво решил про себя Пашин, спокойно наблюдая в иллюминатор за начавшимся стремительным снижением самолета.

По прибытии в Душанбе московские гости до утра следующего дня были в разведцентре в Душанбе. Там майору и генералу показали небольшое фото Вазир Хана. По фотографии Пашин так и не смог до конца признать своего бывшего подчиненного Хасана Везирова. С фотографии из Панджшера на Федора зло смотрел немолодой заросший мужчина на вид лет тридцати пяти. В тот день, пока не заснул, Пашин еще не раз мысленно пролистал картинки встреч и общения с бывшим советским солдатом Везириным. Спал недолго. Когда его разбудили, не сразу понял, где находится. Над ним склонился генерал.

Рано утром из ворот разведцентра на улицы города стремительно выехала неприметная «Тойота-Королла». В машине было три человека. Управлял автомобилем генерал. Улицы города были еще пустынными. Автомобиль быстро добрался

до военного аэродрома. Местная охрана сразу пропустила неприметную легковушку на свою территорию. Сразу за КПП прямо перед «Короллой» возник бравый военный «уазик». Колонна из двух машин понеслась по пустой взлетной полосе. Остановились на самом краю аэродрома, возле площадки, где стояли уже готовые к вылету два вертолета. Вращающиеся вертолетные винты поднимали на площадке пыльную бурю. Из «уазика» вышел офицер в полевой форме в звании подполковника. Это был пограничник. К нему сразу подошел летчик одного из вертолетов в форменном светло-голубом одеянии. Люди у вертолетов встретились и расстались без особых церемоний. Генерал коротко представил своих попутчиков.

– Это специалисты по компьютерной технике. Как договаривались, доставите их до границы, а там их уже встретят афганцы.

Холодно попрощались. Пожали руки. Генерал явно не хотел дать понять, что находится в особых отношениях с одним из специалистов по компьютерной технике.

В гостях у Ахмад Шаха

Старенькие «вертушки» подняли вокруг себя круговорот пыли и стали неспешно отрываться от земли. На первом борту, кроме экипажа, в воздух поднялись еще три человека. Вторая машина была загружена оборудованием. Фарид Пашид обернулся назад в иллюминатор. Внизу уже поплыли горные вершины, ущелья и долины, небольшие речушки.

Летели недолго. Приземлились уже на афганской стороне. Встречал гостей невысокий худой афганец лет под пятьдесят. Это и был переводчик Ахмад Шаха. Внимательно оглядев прибывших людей, он коротко поприветствовал их на ломаном русском. Не дожидаясь пока закончится разгрузка оборудования, афганец жестом предложил пройти в машину, которая стояла неподалеку. Это был старенький «уазик» советского производства, который в войсках называли «таблеткой». Машина сразу тронулась с места. Следом за ним устремился бээрдэм.

Техника медленно, с трудом преодолевала большие дорожные ямы, образовавшиеся в асфальтовом покрытии. Офицеру невольно вспомнился первый боевой выход в Афганистане, когда к месту армейской операции колонна совершала марш по дороге, буквально нашпигованной минами и фугасами. Под противоминным тралом, который на жесткой сцепке впереди себя тащил танк, раз за разом гремел взрыв, поднимался столб огня и дыма, вздыбалась земля. Пашиду вспомнилось, как при каждом таком подрыве бэмпэ, на котором он, молодой лейтенант, был старшим, сжималось сердце и замирало дыхание.

От воспоминаний отвлек скрежет переключения коробки передач. Машина поползла вверх. За окнами были хорошо видны остовы сгоревшей разномастной брони и автотехники, доставшейся Афганистану в наследство от боевых действий на коммуникациях со времен советского военного присутствия в этой горной стране. «Не слабо повоевали. Совсем ничего не изменилось здесь с тех пор, как я скитался по здешним местам с Нефедовым», – мелькнуло у Пашина в мыслях. Ему показалась до боли знакомой местность вдоль дороги.

– Четоур, инджа хуб джои аст? – переводчик неожиданно обратился к гостям на афганском языке.

Сделал ли он это специально, чтобы попытаться «прощупать» компьютерщиков, или у него вопрос о том, «насколько хороша здесь местность», вырвался случайно, было неизвестно. Однако гости никак не прореагировали. Будущий разведчик сделал вид, что ничего не услышал. Однако про себя отметил, что ухо надо держать все время остро.

Наконец «уазик» свернул с асфальтовой дороги. Проехав еще несколько километров, транспорт остановился. Кроме переводчика, было еще несколько сопровождающих с автоматами Калашникова в руках. Все они ехали следом за «уазиком» на стареньком, ободранном бэрдэмэ, украшенном кораническими изречениями, выведенными арабской вязью. Среди стихов Корана Пашид сразу узнал известный постулат: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его».

Вскоре колонна притормозила и остановилась. Дальше пришлось идти пешком. Гостям каким-то грязными темными платками завязали глаза.

– Так надо! – сухо бросил на русском переводчик.

Пеший переход не занял и двух часов. Солнце, пройдя точку зенита, продолжало немилосердно жарить. Оказалось, что прибыли почти в самое сердце Лазурного края. Местечко Базарак находилось в северной части ущелья Панджшер, где размещалась одна из резиденций Ахмад Шаха. Здесь компьютерщики провели всего два дня, а ночевали только одну ночь. Тем не менее, за это короткое время будущий разведчик сумел дважды повидать Вазир Хана.

Первый раз это случилось на встрече у Ахмад Шаха, когда тот, то ли из любопытства, то ли следуя закону афганского гостеприимства, решил взглянуть на гостей.

В уютном доме хозяина Лазурного края было прохладно. В большой комнате, где компьютерщикам был предложен чай с восточными сладостями из разнообразных орехов и сухофруктов, размеренно тихо шумел вентилятор, который не в состоянии был заглушить пение птиц за окном в саду. Ахмад Шах Масуд, еще далеко не старый крепкий мужчина, стремительно вошел в комнату. Гости встали. Масуд, приложив руку к груди, другой предложил сесть. Он был одет в национальную одежду. На голове у него была знаменитая верблюжья шапочка строго определенной формы, по которой его моджахединов узнавали еще во времена советского военного присутствия. Следом за знаменитым Панджерским львом, так его нередко величали не только в кругу сторонников, но и в мировой прессе, зашли два его ноукера и замерли в стойке по обе стороны от дверей.

Переводчик перевел, что хозяин рад приветствовать специалистов из братского Таджикистана. Присутствующим было известно, что в те годы Ахмад Шах частенько посещал Душанбе. Видимо, поэтому он поинтересовался погодой, ценами на рынке. Затем Ахмад Шах выразил надежду, что на базе специализированного класса, где будет установлена компьютерная техника, можно будет организовать подготовку специалистов.

– Деньги на это найдем! – перевел переводчик.

И вот как раз в этот момент протокольной встречи дверь открылась и на пороге появился бородатый человек. Его сразу остановили охранники. Человек был сильно взволнован. Он извинился перед верховным правителем, своим господином, за невольное вторжение. «Амир саиб, очень срочная весть», – сумел разобрать Пашин. Масуд знаком руки разрешил пропустить нежданного гостя. Тот, приблизившись к Ахмад Шаху, вручил ему листок бумаги. Пока верховный правитель – амир саиб – читал текст, бородатый мужчина обернулся назад и цепким взглядом оглядел сидящих гостей. Будущий разведчик, делая вид, что не обращает ни на что и ни на кого внимания, с наслаждением продолжал пить душистый зеленый чай. При этом он не стеснялся лакомиться изысканными восточными сладостями. Окружающие не заметили, какого большого труда ему стоило не выдать своего невольного возбуждения и напряжения. Офицер почти не сомневался, что бородатый мужчина – это не кто иной, как Хасан Везиров, его бывший подчиненный, призванный в армию из солнечного советского Узбекистана. Пауза продлилась совсем недолго. Ахмад Шах встал. Извинился и вышел из комнаты вслед за бородатым мужчиной.

Второй раз компьютерщики столкнулись с Вазир Ханом перед самым отъездом. Завершив работу, они собрались уже в дорогу и сидели на скамейке возле модульной постройки, где устанавливали и запускали компьютеры. Поблизости стоял охранник, который все эти два дня присматривал за гостями. Напарник Пашина, насытившись зеленым салатом, пловом, шашлыком с горячей афганской лепешкой, курил. Сам он после сытного восточного обеда любовался дивной природой гор. Рядом с приезжими сидел местный специалист по компьютерам. Молодому человеку, по его словам недавно закончившему кабульский политех, на вид было не больше двадцати лет. Как выяснилось, он был дальним родственником Ахмад Шаха Масуда. Молодой афганец неплохо знал английский, а вот на русском изъяснялся с большим трудом. Тем не менее, с помощью жестов и английской специальной терминологии компьютерщики успешно объяснялись друг с другом, разговаривали на любимую тему.

Все ждали переводчика. Он задерживался. Пашин, морщась от яркого солнца, старательно протирал очки. На самом деле он таким образом давал своим глазам отдохнуть. Внизу, совсем рядом, шумела быстрая горная река, которая несла свои бурные воды вниз по ущелью. Было хорошо видно, как на том берегу две молоденькие девушки в светлых мусульманских одеяниях старательно стирали одежду. Приоткрыв свои симпатичные молодые лица, юные афганки весело переговаривались. На другом берегу невольно прислушивались к беззаботной болтовне девчонок. Говорили о гостях Ахмад Шаха. Офицеру было приятно осознавать, что он все больше и больше слышит, понимает и усваивает живой язык дари. Обидно было только, что он не мог сейчас воспользоваться редкой возможностью пообщаться с носителями языка. «Такой практики в Москве не будет!» – с грустью подумал он.

Бородач куда-то спешил. Проходя мимо гостей, он, по мусульманской традиции, приложил руку к груди и поприветствовал людей, сидевших на скамейке возле модуля. Больше компьютерщики Вазир Хана не видели.

Время, проведенное в Панджшере у Ахмад Шаха, пролетело как один день. Маршрут назад в Душанбе не изменился. Пеший марш-бросок с завязанными глазами, «уазик» в сопровождении старенького БРДМа, который быстро довез гостей до вертолетной площадки афганских пограничников. Там их уже поджидали готовые к взлету «вертушки». Недолгое путешествие в обратную сторону по знакомому воздушному маршруту. На аэродроме в Душанбе компьютерщики попрощались. Знакомый человек из разведцентра, который встречал его с генералом в день прилета в столицу Таджикистана, коротко объяснил ситуацию. Тут же вручил конверт и черный пластмассовый дипломат офицера с личными вещами, который предусмотрительно был оставлен им в разведцентре перед отправкой в Афган. В конверте оказались билет до Москвы и деньги.

Рейс на Москву отправлялся через час, а уже через пятнадцать минут старенькие «Жигули» подъехали к зданию главного душанбинского аэровокзала. Так и не решившись спросить офицера разведцентра о генерале Вашанове, майор Пашин попрощался со своим хмурым сопровождающим и направился на посадку.

Расположившись в кресле самолета, Федор откинул назад спинку. «Вот и всё! Домой!» – почти вслух произнес офицер. Только сейчас майор понял, как устал за эти четыре долгих дня. Ни о чем не хотелось думать. Он прикрыл глаза. Однако в голове продолжали роиться тревожные мысли: «Где же Вашанов, что с ним? Кому я должен обо всем доложить?».

– Молодой человек, разрешите пройти, мое место у иллюминатора.

Пашин резко открыл глаза. В проходе возле его ряда кресел стоял Владимир Георгиевич. Оторопев, Федор закивал головой. Он не мог скрыть радости от встречи со своим начальником. Генерал уверенно держал ситуацию в своих руках. С улыбкой представился. Пожал руку попутчику. Третье место в ряду оказалось пустым. Поэтому говорить обо всем можно было, особо не опасаясь. Как понял Федор, Вашанов уже владел некоторой информацией о работе компьютерщиков. Тем не менее, генерал внимательно выслушал сбивчивый доклад майора. А затем задал уточняющие вопросы:

– Значит, Вазир Хан – это Везиров. Думаете, что вас он не узнал?

– Уверен, нет!

– Ладненько! В целом молодец! Будешь отмечен, а детальный разбор будет позже.

В Москву прилетели, когда на улице уже стемнело. Служебная «Волга» быстро домчала генерала и офицера до центра города. Генерал выбрался из машины. Тепло попрощались. Дальше до служебной квартиры Пашину предстояло ехать на метро. Немного помедлив, напоследок старший начальник попросил Федора и еще об одном деликатном дельце:

– Тут, в Москве, пока нас не было, политические события непростые закрутились вокруг Верховного Совета, – как всегда неспешно и тихо заговорил генерал. – Кстати, наш рейс на сегодня последний, которому было разрешено сесть в столице.

В который раз генерал продемонстрировал свою поразительную осведомленность.

– Слушаю, Владимир Георгиевич.

Пашин понял, что сейчас разговор пойдет о чем-то очень важном.

– Ты денек отоспись. Рапорт, как положено, составь. А затем пойд и покрутишься вокруг Белого дома. Там события серьезные разворачиваются. Нам надо быть в курсе всего, санкцию на это, считай, что имеешь от меня! В «консерватории» обо всем будут знать. Со мной связь по телефону. И будь осторожен! Генерал протянул визитку и улыбнулся на прощание.

Час олигарха

Московская телебашня была уникальным строением. Возведенная в советское время, она долго оставалась особой достопримечательностью и предметом заслуженной гордости не только москвичей. Но с недавних пор телебашня по внешнему облику стала все больше напоминать большую иглу, которая зловеще торчит над огромным мегаполисом. Новые правители России превратили телеиглу в главное свое оружие в борьбе за власть в стране. Практически круглосуточно фабрика по производству всероссийских вестей работала в своем привычном режиме. Телеигла ежесекундно через телеэфир впрыскивала ядовитые дозы информационных инъекций в многомиллионную зрительскую аудиторию России.

Московский олигарх Артем Ильич Мирский в тревожные дни московского восстания практически не выключал телевизора в своем кабинете в офисе на Остоженке. В тот период в московской прессе ходило немало слухов об особой роли Дома приемов и самого олигарха Мирского в московских осенних событиях.

В самом начале октября, когда манифестанты перешли к активным антиправительственным действиям у здания мэрии и в Останкино, Артем Ильич интуитивно осознал, что власть в России в буквальном смысле «валяется на дороге». Беспомощность властей перед действиями непримиримой оппозиции была более чем очевидной. «Надо срочно что-то предпринимать!» – вот уже который час крутилось в сознании у Мирского. «Вчера было рано, завтра может быть поздно!» – рассуждал он про себя.

– Интересно получается! Видимо, об этом говорил Ульянов-Ленин в свое время, когда революцию вершил в России, – уже вслух произнес Мирский, внимательно рассматривая на экране телевизора кадры штурма телевидения в Останкино.

– Ты с кем разговариваешь, Артем? Ты не забыл, что у тебя дом полон гостей? Собираешься с ними общаться? – прозвучал вкрадчивый голос сзади.

Это была его жена Ольга. Она слегка обняла мужа. Погладила рукой по лысой потной голове.

Неожиданно зазвонил телефон. Трубку взяла Ольга.

– Кто? – полушепотом, скорее глазами, спросил Мирский.

– Рыжий, Толик! – прошептала жена, прислонив руку к губам.

Мирский выхватил трубку из рук растерянной супруги и жадно припал к телефону.

– Я, я слушаю! – нервно заговорил он.

– Артем Ильич, узнаете? – спокойно ответили на другом конце провода.

– Да, да!

– Только не надо меня называть. Телефоны могут быть на прослушке.

– Да, да, понимаю!

– Я звоню по поручению Деда. Ситуация в Москве, сами видите, сложная. Мы принимаем меры для того, чтобы она не вышла из-под контроля, но нужна четкая координация действий всех демократических сил. Дед просит вас подключиться к работе антикризисного штаба. Как, готовы?

– Нет вопросов!

– Это хорошо. Спасибо за понимание. Буду вас ждать у главы правительства в двадцать два часа. Договорились?

– Да, до скорой встречи!

Мирский положил трубку. Хитровато взглянул на супругу. Потер руки. «Значит, сам президент страны на меня надеется. Дед просит Мирского», – так мысленно рассуждая, он весело подмигнул жене.

– Вот теперь можем идти к гостям!

Большая гостиная была полна праздного московского люда. Гости степенно рассказывали по просторному помещению. У одних в руках были бокалы и фужеры, другие, расположившись на удобных креслах и диванчиках возле столиков, внимательно смотрели на экраны больших телевизоров, которые располагались во всех четырех углах гостиной. В это время на всех экранах одновременно возникла знакомая картинка НТВ. «Новости – наша профессия», – мелькнул знакомый слоган самой популярной на тот момент в стране информационной программы. Передавали последние новости. НТВ показывало в прямом эфире столкновения демонстрантов и милиции возле телецентра Останкино. Беснующиеся на экране молодчики, старушки с красными и черно-желто-белыми знаменами наседали на отступающие порядки беспомощных милиционеров. Массовые стычки и драки перемежались с сюжетами разбитых витрин, перевернутых машин. Голос за кадром синхронно преподносил действия оппозиции как заговор красно-коричневых сил против демократической России. При появлении на Остоженке хозяина Дома приемов, который шел вместе с красивой молодой женщиной, гости начали вставать с мест. Мирский взглянул на экран телевизора в левом углу большой стильной гостиной. Журналист уже вел репортаж с места штурма в Останкино, откуда вещал на страну главный телеканал. Картинка с большим грузовиком, врезающимся в вестибюль здания телецентра, на мгновение повисла на экране.

Хозяин Дома сделал жест рукой, чтобы не мешали ему смотреть новости. «Все идет по плану, должна пролиться кровь. Теперь красно-коричневым мало не покажется», – решил он про себя. «И правильно сделал, что Ольгу не пустил сегодня на работу», – похвалил себя Мирский. Постояв еще несколько минут перед экраном телевизора, на котором появилась картинка беседы в студии, он пропустил жену вперед и решительно направился к гостям. Хозяин Дома приемов широко улыбался, жал руки, бросал многозначительные реплики и шел дальше. Гости из числа настоящих светских львов норовили отличиться и поцеловать руку супруге хозяина. Ольга, ослепительно улыбаясь белыми зубами, тактично кивала своей красивой головкой, при этом загадочно поднимала веки, грациозно передвигалась под огнями софитов. Ей явно льстило внимание знакомых и совсем незнакомых мужчин, которыми были переполнены гостиная и большой зал Дома приемов.

Заметив в углу у большого окна за журнальным столиком знакомого депутата в компании с еще молодым мужчиной, Мирский жестом предложил гостям подождать. Хозяин с супругой сделали еще один круг. Затем, выйдя в центр зала, Мирский обратился ко всем гостям сразу:

– Дорогие друзья, соратники! Приветствую всех в стенах нашего Дома приемов. Надеюсь, что сегодняшняя вечер доставит вам истинное наслаждение от общения с

приятными и уважаемыми людьми. Приглашаю всех в Зал приемов. Там уже все готово. Перегоняя друг друга, гости двинулись через распахнутые настежь большие двери.

В Зале приемов царил легкий полумрак. Гости стали рассаживаться за столики. Сегодня их ожидали богатый ужин, роскошные совсем молоденькие девушки из лучших модельных заведений Москвы, концерт мастеров искусств и другие увеселения. Все это давно уже стало визитной карточкой Дома приемов на Остоженке.

Произнеся первый тост и открыв вечер, Мирский в сопровождении жены покинул Зал приемов. В гостиной на кожаных креслах его прихода ожидали депутат Кончаков и его помощник Жирик. Оживленно жестикулируя, они что-то обсуждали. При этом Кончаков непрерывно курил, а Жирик не выпускал из руки бокал с шампанским. Завидев хозяина Дома приемов, оба гостя поднялись со своих мест, обменялись с ним крепкими рукопожатиями.

– Рад приветствовать вас, коллеги! – обратился к ним Мирский. – Моя супруга, Ольга Борисовна, – представил он жену.

– Мы уже знакомы, – замялся Кончаков.

– Да, на прошлом приеме виделись, – уточнила Мирская.

Кончаков сразу перевел беседу на другую тему:

– Мой помощник, Александр Абувалиевич Жирик. Надежный парень, со вчерашнего дня подполковник, «афганец». Вы его должны были видеть у меня в комитете в Верховном Совете.

– Хорошо. Садитесь, есть разговор. Ольга, распорядись, чтобы нам что-нибудь принесли. Лучше шотландский самогон, ну то есть виски.

Мирский поднял брови на Кончакова. Тот в ответ молча кивнул головой. Жирик проводил Ольгу цепким мужским взглядом. На стройной женской фигуре прекрасно сидел элегантный деловой костюм бордового цвета. Легкой походкой женщина удалилась в глубину гостиной к стойке бара. Жирик опустил глаза. «Так вот ты какая, Ольга Мирская. Ай да Пашин, губа не дура. Хороша, сучара! Да и Борис Яковлевич тоже своего не упустил, ох не промах генерал. Вот мне б такую бабенку, ох и покувыркался бы я с ней!» – похотливые ассоциации моментально возникли в сознании Жирика.

– Абувалиевич, ты где? – Кончаков прервал ход мыслей своего помощника.

Жирик тут же встрепенулся, поднял глаза. Кончаков перехватил его взгляд. Недовольно качнул головой. Тем временем Мирский продолжил свою речь, сопровождаемую резкими жестами.

– Красно-коричневые вконец оборзели. Представляете, мэрию взяли. Лужок ни хрена не мог сделать. Его милицейские шавки просто наложили в штаны и разбежались. Козлы вонючие, толпы испугались. Хорошо, СМИ под нашим контролем, иначе нам давно уже был бы полный «крандец». Говорил же этим козлам: надо жестче действовать. Если бы слушали меня, тогда не допустили бы такой ситуации. А красно-коричневые хорошо всё понимают.

– Что делать? Всегда готов! – Кончаков привстал с места.

– Твоя задача – собрать «афганцев» из числа наших сторонников и вооружить их. Они должны быть готовы действовать, когда Белый дом будем штурмовать. Правительство уже вооружает наших людей. Егор Тимурович сам руководит этим делом.

– Правильно, главное – по «ящику» передать, что «афганцы» за президента, – четко отпарентовал Кончаков.

– Здесь проблем не будет, «новостями» я сам дирижирую. А вот ты, Боря, не забудь! За тобой контакты с англичанами и американцами. Твои старые знакомые по Лондону сейчас в Москве. Твоя задача – обеспечить их информацией, что называется, из первых рук. Они обещали помочь. Служба CNN уже готова к прямой трансляции событий вокруг Верховного Совета. Все ясно?

Кончаков и Жирик, переглянувшись, молча кивнули головой.

– Я уезжаю в администрацию, потом в правительство. Пока всех деталей плана не знаю, но ночь будет бессонная – это точно. Утром надо покончить разом со всей красно-коричневой чумой в Москве, – сообщил Мирский коллегам.

Он не стал говорить о звонке из администрации и приглашении президента войти в состав антикризисной группы.

– Вопросы есть? И постоянно быть на связи. Имен и фамилий по телефону не называть.

Кончаков и Жирик встали со своих мест.

– Стоп! Борис Яковлевич, помощник твой пусть здесь остается. Будет на связи. И главное! Около двенадцати ночи к нам сюда придут гости из одной дружественной страны, – Мирский по-заговорщически всем подмигнул.

– Задача – расположить их здесь и никого к ним не допускать. Это всё специально подготовленные ребята, короче – снайпера. Вот эту задачу должен будешь решить ты. И молчок об этом.

Мирский впился своими темно-карими глазами в Жирика. Тот, сразу не выдержав жесткого взгляда олигарха, сначала потупил взор, а затем уверенно поднял глаза.

– Есть!

– Он справится! – Кончаков похлопал своего шустрого помощника по плечу.

Неспешно добывая виски, они уже собирались расстаться, но тут к журнальному столику у большого окна подошли трое незнакомых представительных мужчин. Один из них – человек среднего роста, с курчавыми волосами, расстегнутым воротом рубахи и галстуком на боку – поприветствовал всех присутствующих первым:

– Добрый вечер, коллеги, господа и товарищи!

Немного сгорбленный насупленный мужчина лет пятидесяти протянул свою расслабленную руку и поздоровался. Затем сделал короткий кивок головой двум здоровякам, сопровождавшим его сзади. Телохранители моментально отошли в сторону.

Мирский радостно поприветствовал гостя:

– Вольдемар, Володя, а ты без охраны никуда. Сразу видно, что идет видный общественный деятель. Не только символ конструктивной оппозиции, но и, просто, – секс-символ русского народа. Одним словом – будущее России!

Жирик и Кончаков с радостью пожали руку Владимиру Залумяну, известному в стране и за ее пределами политику, лидеру российских либерал-демократов. За глаза в московской политической тусовке его величали не иначе как Вольдемар.

– Артем Ильич, кого ты опять здесь собрал? – видный общественный деятель с виду был очень серьезен.

– Как всегда, приличные и уважаемые люди, озабоченные судьбами государства, – весело заметил Мирский.

– Да ну, рвань, какие-то политические недоноски, ворюги! Пусть в Лондон убираются к своим хозяевам! Мы в России без них обойдемся.

– Как же без них? При таком подходе красно-коричневые и за тобой скоро придут. Они, думаю, хорошо понимают, как ты русскому народу голову морочишь! Давай лучше о делах наших скорбных поговорим.

– Что говорить? Москва бунтует! Мятаж!

– Так вот, ты-то хорошо понимаешь цену «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».

– Этого нельзя допустить. Главное – нейтрализовать фашистов и сталинистов. Депутата Русака надо арестовать и всех его сторонников, а также это лицо кавказской внешности – председателя Верховного Совета. За ним все горцы стоят, мусульмане его готовы поддержать. И фамилия у него серьезная, это я вам как востоковед говорю. Хасбулатов – дословно с арабского «партия Ааллаха». Надо сделать все, чтобы красно-коричневые не успели перевести правильно фамилию чечена на русский язык и поднять зеленое знамя ислама в России. Союз исламистов, русских националистов и сталинистов – это гибель России.

– Круто, ну ты даешь! Вот за что я уважаю тебя, так это за четкие оценки текущего момента. Одним словом, голова ты, Вольдемар! Просто «Дом советов»!

Мирский покачал головой и многозначительно поглядел на Кончакова. Тот, подняв брови, взглянул на Жирика. Между тем Залумян продолжил свой пламенный спич:

– Партия ЛДП поддержит действия законно избранного президента. Силовики не должны подвести. Каленым железом будем прижигать головку правового нигилизма. А потом все пойдем на выборы, где непременно победит ЛДП.

В эту минуту Залумян, как всегда, работал на публику. И гости Дома приемов потянулись к месту, где стоял и вещал известный политик. Всем очень хотелось услышать мастера публичного слова. Он был вхож в кремлевские коридоры власти. К нему, талантливому демагогу, непревзойденному скандалисту и задире, который при всем этом был аналитиком и оратором, всегда стремились журналисты. Взять эксклюзивное интервью или получить сенсационный комментарий у него считалось редкой удачей, а потому непростым делом.

Вот и сегодня возле громогласного оратора стали кружить журналисты. Несмотря на охрану, одна журналистка, худосочная дамочка далеко не первой молодости с крашенными рыжими всклокоченными волосами и большим горским носом, пробравшись к столу, быстро протянула свой микрофон с надписью «НТВ» прямо ко рту любимчика прессы. Следом за ней на депутата наехала камера, которую с трудом удерживал в руках толстяк неопрятного вида, одетый в джинсовый костюм.

– Господин Залумян, господин Залумян, как вы думаете, чем закончится нынешний политический кризис в Москве? – журналистка, неизвестно сознательно или нет, всякий раз искаженно называла фамилию депутата.

– Мразь, отстань! – огрызнулся Залумян.

– Но господин Золумпян, как вы не вежливы, – без всякого смущения наседала дамочка.

– Всё будет хорошо! ЛДП спасет Россию. Это однозначно! И на этом всё. Пока, пока, девочка! Потом всё будем комментировать! Скоро всё будет кончено! – он поднял руки вверх, давая понять, что все разговоры с журналистами завершены.

– Последний вопрос! – не унималась рыжеволосая юркая репортерша НТВ в короткой юбочке, которая продолжала крутить микрофоном прямо возле носа главного «элдэпэровца» страны. – Что ждет депутатов, выступивших против президента и засевших в Белом доме?

– Справедливый, но гуманный суд! ЛДП всех врагов русского народа отправит на нары. Наше дело правое, победа будет за нами! И на этом, девочка, давай закончим все комментарии. Убери, наконец, свой микрофон! Всё, всё, на этом всё! – лидер популярной в народе партии решительно выставил ладони перед собой. – Всё! Митинг окончен, интервью только завтра. Потом, потом, девочка! Ступай себе, чудная малышка. Охрана, уберите же эту сумасшедшую!

Любимец публики громко окрикнул здоровенных парней, которые были в это время заняты тем, что отгоняли от столика других назойливых журналистов. Охранники незамедлительно отреагировали на призыв своего шефа.

Гости Дома приемов стали неспешно расходиться по своим местам.

– Ну, Вольдемар, тебе популярности не занимать! Неудовлетворенных журналисткой только одно упоминание фамилии Залумян манит и заводит! – веселился Мирский.

– Да ну их к черту! Привыкли на халяву жить, бездельники, борзописцы, бумагомараки! Забыли, что рынок наступил. Пусть платят продажные журналюги. У них у всех денег – куры не клюют! А информационный продукт – это самый дорогой сегодня товар. Правильно говорю, господин Мирский?

– Устами Владимира Залумяна глаголет истина! – весело поддакнул хозяин Дома приемов.

– А то врут как сивые мерины, а с них как с гуся вода. Всё! Кончилось бесплатное бла-бла-бла. Пусть платят. Рублем и буквой закона будем воспитывать их.

Видный политик насупился и грозно потряс кулаком вслед удаляющимся журналистам.

– Хороших журналистов – расстреливать, а плохих – вешать, правильно?

– Вот именно! – Залумяну льстило, когда его цитировали.

Компаньоны Мирского от души веселились. «Хазанов ему в подметки не годится! Ему бы клоуном в цирке работать! Цены бы не было!», – приблизившись вплотную к Жирику, прошептал тому на ухо Кончаков. Сашка ехидно захихикал. Между тем Залумян с совершенно серьезным выражением лица, продолжал:

– Ладно, теперь о деле. Я прибыл. Что за вопрос стоит особняком?

Он строго поглядел на Мирского. Артем сразу успокоился. Прислонив кулак ко рту, прокашлялся.

– Володя, дорогой, от тебя нужны постоянные выступления на Первом канале. Твое слово сегодня особенно дорого стоит.

– Это правильно. Демократия лишь тогда чего-нибудь стоит, если за нее хорошо платят. Ха-га-га-ха! Сам придумал!

– Володя, Ленин тебе в подметки не годится, ты просто новый классик!

– Ладно, по рукам. Всегда готов, как пионер! Но деньги вперед! – лидер партии либералов сделал рукой пионерский жест готовности действовать.

– И еще. Нас с тобой сейчас в администрации ждут по всем этим вопросам.

– Тогда вперед и с песней! – Залумян потер руки.

Маленькая Анна

По указанию мужа оставшись с дочерью ночевать в Доме приемов, Ольга Мирская смогла освободиться только часам к девяти вечера. Она поднялась наверх, где у Мирских находился жилой блок помещений для встречи и размещения гостей. В просторной гостиной маленькая Аня Мирская с интересом смотрела детскую телепередачу. Подойдя сзади, мама обняла дочку, погладила ее по голове и поцеловала в щеку.

– Мама, а почему в мультике «Ну, погоди!» волк всегда плохой, а заяц – хороший? А мне почему-то жалко волка бывает.

– Золотко, я как-то и не думала об этом. Хороший мультик! В жизни всегда есть хорошие и плохие. И среди людей, и среди зверей.

Мать вновь обняла дочку и крепко прижала к себе.

– А папа наш хороший?

– Папа? Почему ты об этом спрашиваешь?

– А он злится все время, говорит – человек человеку волк, тебя почему-то называет курицей.

– Это он шутит, дочка.

– Мама, а какая у папы профессия?

– Зачем тебе? Он политик и бизнесмен.

– А что он создает?

– Ну, он идеи разные предлагает, говорит умно...

– Это как заяц в мультике «Ну, погоди!».

– Почему заяц?

– А он тоже ничего не делает, только говорит, но всегда побеждает. А волк, бедный, бьется, трудится и всегда остается ни с чем.

Мать от души рассмеялась.

– Совсем взрослая ты стала, дочка. Но надо еще подрасти, тогда все сама узнаешь.

– Мама, а ты любишь папу?

– Я тебя очень люблю, золотце мое!

– И я тебя мамочка очень сильно люблю и хочу быть всегда только с тобой.

– Ладно, дочка, мультик закончился, пожалуйста, иди умывайся и ложись спать. А то мне еще надо к гостям выйти.

– Можно я с тобой! Мне одной не хочется засыпать!

– Ладно, только вначале попей кефир! Вернемся, сразу спать! Договорились?

– Да! – обрадовалась девочка и бросилась в объятия мамы.

– Мамочка, а ты расскажешь мне продолжение истории о том, что будет, когда я вырасту и меня сможет полюбить военный курсант?

– В следующий раз, Аня!

– Нет, хочу сегодня!

– Ладно, ладно! Марш пить кефир!

Аня побежала на кухню, где ее ждала гувернантка. Ольга сразу взгрустнула. История о большой любви, которую она неделю назад начала было рассказывать дочери, сразу понравилась Ане. И это понятно. Ольга фактически поведала дочке о своем знакомстве с Федором Пашиным. Время шло, а первая девичья любовь продолжала тревожить женское сердце. «Зря я это делаю. Еще Мирский догадается!», – мелькнуло в сознании Ольги. Неожиданно зазвонил телефон. На другом конце был муж. Он поинтересовался настроением, предупредил, чтобы семья была дома, дал некоторые указания, в том числе просил передать информацию для Жирика.

Тем временем, оставшись один, Александр Абувалиевич забрел в бар. Заказал рюмку виски, затем еще. Настроение сразу улучшилось. Кровь хлынула к лицу. В ногах почувствовалась легкая слабость. Он прошел к столику и уселся в мягкое кожаное кресло. В сознании понеслись самые невероятные мысли в связи со складывающейся ситуацией в Москве. «Ну, дела! Что будет? Надо же, в какие тайны я посвящен. Так и до генерала можно дослужиться». Сашка невольно заулыбался и тут же осекся. Покрутил головой по сторонам. «А если ничего не выгорит, что тогда? Так и в тюрьму угодить можно...».

Жирик вскочил с кресла и опять оказался у стойки бара. Быстро опрокинул еще пару рюмок. Оказавшись совсем навеселе, принялся шарить глазами по гостиной. Гости Дома приемов сидели группами возле двух больших телевизоров и смотрели новости. Канал НТВ продолжал комментировать последние московские события. На экране красовался Владимир Залумян. Был как раз тот сюжет, который час назад журналисты сняли в Доме приемов. «Оперативно работают!», – подумал Жирик и невольно заулыбался, снова представив себе, как политик общается с журналистами. Кадр сменился. На экране появились старые картинки столкновений демонстрантов с полицией. Синхрон за кадром убеждал зрителей в том, что сегодня самую главную опасность для России представляют красно-коричневые реваншисты, которые сейчас открыто рвутся к власти в Москве.

Жирик остановил длинноногую официантку во всем белом.

– Just moment! – пробурчал на английском Сашка с заметным акцентом и пьяно устался на девушку.

Та мило улыбнулась, протянула поднос и игриво расшаркалась перед гостем. Жирик взял с подноса две рюмки: одну с водкой, другую с коньяком. На глазах официантки залпом опрокинул содержимое рюмок и поставил пустую посуду на поднос.

– Огромный ташакор!

Жирик изъяснялся с официанткой на смеси русского и афганского языков. Официантка, мило улыбнувшись, сделала короткий кивок головой. Жирик остекленевшим взглядом проводил стройную походку девушки. Затем прошел к столику в углу и опустился в кресло. Прямо перед ним настенные часы показывали десять минут одиннадцатого. Жирик продолжил крутить головой по сторонам. Неожиданно в его поле зрения попала хозяйка Дома приемов. Молодая женщина с присущими ей изяществом и грациозностью спускалась со второго этажа вниз по парадной лестнице. Рядом с ней шла девочка с косичками в темно-синем джинсовом костюмчике. На вид ей было лет десять. Жирик невольно поднялся со своего места. Ольга Мирская, среагировав на мужчину, обернулась к нему.

– Вам, господин Жирик, просили передать, что чартер из Тираны уже приземлился в аэропорту. Через час наших гостей привезут сюда. Будьте, пожалуйста, готовы.

Хозяйка дома внимательно поглядела на собеседника. От ее внимательного взгляда не могло ускользнуть то обстоятельство, что Жирик был изрядно выпивши.

– Может, вам поспать часик? У нас есть свободная комната наверху.

– Это можно. С кем только поспать? – оживился Жирик.

Молодая женщина сделала вид, что не поняла грязного намека гостя.

– Если вы мне понадобится, где я могу найти вас?

– Я готов идти с вами хоть на край света, Ольга Борисовна, – Жирик, расплывшись в улыбке, попытался поцеловать руку женщине.

– Оставьте, вы пьяны, я буду вынуждена сказать о таком хамском поведении своему мужу!

– Простите, ради Бога, я не хотел обидеть, – немного оторопев, залепетал Жирик.

Ничего не говоря, хозяйка повернулась, чтобы идти.

– Идем, Анна, – она взяла девочку за руку.

Но Жирик остановил женщину:

– Подождите, мне надо сказать вам что-то важное. Пойдите, речь пойдет о Федоре Пашине.

Ольга замедлила шаг и остановилась. Жирик стремительно вынырнул из-за спины молодой женщины и встал перед ней.

– О ком вы хотели говорить? – хозяйка развернулась обратно к столу и тут же слегка склонилась к дочери. – Анна, пойдти в бар, попроси себе соку, а мне пусть принесут воды без газа.

Мать слегка подтолкнула девочку в спину.

– Ваша дочка? Красивая девочка! Вся в маму пошла.

Жирик жестом руки пригласил Ольгу присесть.

– Спасибо за комплимент. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– Дело в том, что Федор Пашин – мой однокашник по военному училищу, мы с ним вместе по жизни идем. Он много мне о вас рассказывал. Он очень любил вас.

Жирик внимательно заглянул в глаза молодой женщины. И сразу понял, что попал в точку. Ольга переменялась в лице. Стало ясно, что разговор с Жириком вызывает у нее неподдельный интерес.

– Слушаю вас, продолжайте!

– Вот только после Афгана наши дороги с Федором разошлись. Вы, случайно, не знаете, как его судьба сложилась?

– А почему вы решили спросить у меня?

– Я знаю, вы были в Афгане. Федор рассказывал, что встречался там с вами, – соврал Жирик.

Об истории отношений Федора Пашина и Ольги он совсем недавно узнал от своего шефа Кончакова. Правда, самого Пашина в последний раз Жирик видел несколько лет назад в Москве, когда ему удалось увести жену однокашника по во-

енному училищу. Вот уже несколько лет Наташа, дочь полковника Сосновского, была его законной женой. В эту секунду в памяти Жирика отчетливо всплыла картина его объяснения с Федором Пашиным, который, вернувшись из Афганистана, обнаружил в квартире своей жены бывшего однокашника. Ход мыслей Жирика остановила Ольга:

– Так чего вы от меня хотите? Я не знаю ничего о Пашине.

В этот момент к столу вернулась девочка. Следом за ней подошла официантка. Та самая, с которой час назад пытался заигрывать подвыпивший Жирик. Она поставила на столик перед хозяйкой Дома приемов фужер с водой и стакан с соком. Девочка сама взяла с подноса сок. Мама неодобрительно поглядела на дочь.

– Разрешите идти, Ольга Борисовна? – официантка замерла в ожидании дальнейших указаний.

Хозяйка взглядом отпустила девушку. Уходить сама не решалась, что-то должно удерживать ее за столиком с этим неприятным мужчиной, который представился однокашником Федора Пашина. Того самого Федора Пашина, которого она так любила в юности, хотя вышла замуж за другого, вновь обрела в Афганистане, но опять потеряла. Она нежно взглянула на дочку. Девочка все больше становилась похожей на своего настоящего отца, о существовании которого она и не подозревала. Ведь ее отцом считался Артем Ильич Мирский, и девочка искренне любила его. И это была ее, Ольги Мирской, самая большая тайна, о которой знала только ее мама. Даже Федору Пашину Ольга не рискнула открыться в те недолгие часы и минуты их встреч в Афганистане.

Ольга невольно вздрогнула, перехватив внимательный взгляд Жирика, которым тот рассматривал девочку.

– Аня, на кого же ты больше похожа? На папу или маму? – неожиданно Жирик обратился к девочке.

– На себя, – по-взрослому ответила девочка. Ей явно не нравился незнакомый неопрятный дядя.

– Аня, ступай в свою комнату и ложись спать! А я сейчас приду, – мать решительно встала со своего места.

Девочка молча пошла наверх по лестнице.

Между тем Жирик решил не отступать.

– Ольга Борисовна, я вас не задержу больше минуты, пожалуйста, – почти взмолился гость.

Мирская присела за столик. Сделала небольшой глоток воды из фужера.

– Ольга Борисовна, Оля, я хочу тебе, ну вам, сказать что-то очень важное. Дело в том, что я люблю тебя, Оля! Ты понимаешь, о чем я говорю!

Впившись пьяными глазами в молодую женщину, в эту минуту Жирик говорил страстно. Произнес свой короткий монолог, он попытался взять собеседницу под руку. Ольга резко отпрянула от него.

– Вы с ума сошли! Безумец! Да вы просто мне неприятны, если не сказать больше! Я сегодня же обо всем расскажу мужу! У вас будут большие неприятности...

Жирик сразу переменился в лице. В одну секунду его вожденный страстный взор потух. Выражение его лица стало непроницаемым и холодным.

– Ольга Борисовна, тебе не нравятся мои слова любви? Так может тогда нам вместе рассказать вашему мужу, Артему Ильичу, как ты в Афганистане была одновременно любовницей Кончакова и Пашина? Уверю тебя, ему будет очень интересно. И тогда большие неприятности будут ждать уже тебя.

– Мерзавец! Как смеешь ко мне обращаться на «ты»?

Ольга попыталась ударить мужчину по лицу. Но тот ловко перехватил ее руки и привлек к себе.

– Спокойно, несравненная Ольга Борисовна!

Гость попытался поцеловать руку светской красавицы. Женщина резко вырвалась и отступила назад.

– Вы с ума сошли!

Она с силой вlepила пощечину наглому мужчине, позволившему посягнуть на ее женскую честь. Жирик лишь считанные секунды оставался в замешательстве. Про себя успел отметить, что, кажется, его разговор с хозяйкой остался незамеченным для посторонних. Быстро оправившись от оплеухи, Жирик продолжил играть роль влюбленного.

– Да, я сошел! Я люблю тебя, и ты будешь моей. Иначе Мирский будет знать все. Кстати, дочка твоя совсем не похожа на папу.

При этих словах он невольно ухмыльнулся. От его пытливого взора не ускользнули перемены на лице молодой женщины. Было видно, что его последние слова буквально ошарашили мать маленькой Ани.

– Так вот, ты попалась, детка! – развязано вновь заговорил пьяный Жирик.

– Тебе никто не поверит! Негодяй! Ничтожество!

– Детка, выбирай выражения!

– Пошел прочь, ублюдок!

Хозяйка Дома приемов резко развернулась и быстрой походкой направилась вверх по лестнице. Ей навстречу уже спешил человек из службы безопасности, давно уже издали внимательно наблюдавший за разговором хозяйки с неопрятным на вид мужчиной, который слегка прихрамывал на одну ногу. Однако Ольга жестом остановила движение охранника, и тот, развернувшись, последовал за ней.

Жирик не посмел далее задерживать молодую женщину. При виде решительного охранника он даже немного сдрейфил и потому решил спешно ретироваться. По пути к выходу из Дома приемов подошел к стойке бара. Залпом выпил подряд три налитые рюмки не то с виски, не то с коньяком. Круто развернулся и нетвердой походкой выбрался наружу. Несмотря на октябрь, на улице было совсем не холодно. «Что же предпринять?», – крутилось у него в сознании. «Надо опередить Мирскую», – рассуждал про себя Жирик. «Встречу гостей и буду дожидаться Мирского», – твердо решил он.

Супружеская месть

Было уже за полночь, когда Артем Ильич в сопровождении Кончакова, охранника и еще одного человека кавказской наружности вернулся к себе в Дом приемов. Однако свет в окнах известного в Москве малоэтажного особняка продолжал еще гореть.

– Всё еще веселятся, черти! – бросил на ходу хозяин здания и направился к входу.

При встрече влиятельного олигарха Жирик старался держаться как можно увереннее. К этому времени Жирик уже успел встретить и разместить группу спортсменов, которая прилетела чартерным рейсом в Москву. Около десятка молодых парней были одеты в спортивную форму темного цвета. В руках они держали большие сумки, а за плечами – зачехленные теннисные ракетки. Однако Жирик засомневался, что в чехлах спортивный инвентарь, когда помогал одному из спортсменов выгружать вещи из автобуса. На ощупь ему показалось, что это было какое-то оружие, очень похожее на винтовку. Между собой спортсмены разговаривали на непонятном языке. Ребят сопровождал чернявый переводчик. На вопрос Жирика «откуда гости?» ответил уклончиво: «европейские теннисисты приехали на турнир по теннису, который в Кремле пройдет в эти дни». «Врет, наверное. Тут что-то нечистое», – подумал тогда Жирик, но расспрашивать гостей в его обязанности не входило.

Еще на входе, встречая хозяина Дома приемов, он первым доложил ему о приезде гостей. Мирский коротко поблагодарил. Жирик, пользуясь тем, что оказался в непосредственной близости от хозяина, решился на задуманный разговор.

– Артем Ильич, можно на два слова? Это касается вашей жены.

– Что?

Мирский сразу напрягся. Он жестом одной руки подал знак сопровождающим, что задерживается. Войдя в просторную гостиную Дома приемов, хозяин и Жирик остались наедине. Дом приемов к этому времени уже почти опустел.

– Я слушаю.

– Артем Ильич, не знаю с чего начать! Заранее извините, что я решился на эту тему говорить с вами в такое время.

– Говори, коль начал, и побыстрее, у меня нет времени.

– Дело в том, что Ольга Борисовна повела себя со мной как-то странно.

– Что? Что ты мелешь?! – Мирский был, как никогда, грозен.

– Она, ну Ольга Борисовна, когда мы были с ней наедине, намекнула, что я ей нравлюсь и она хотела бы иметь со мной более близкие отношения.

– Что? Ты хоть отдаешь себе отчет в том, что смеешь мне говорить? Ты можешь плохо кончить!

– Я, я... – залепетал Жирик.

– Ну?

– Я вынужден был ей напомнить, что со мной это не пройдет. Достаточно того, что мне известно о ее похождениях в Афганистане с Кончаковым и Пашиным, – одним духом выпалил Жирик.

– Что? Что ты сказал? – взревел Мирский. – Подробности!

– Кончаков сам мне рассказывал о своих особых отношениях с Ольгой Борисовной. Ну, понимаете, о чем я говорю.

– Не «нукай», не запряг, продолжай!

– Ольга Борисовна у Кончакова в штабе Сороковой армии работала в кадрах. А потом переметнулась к Федору Пашину, моему однокашнику по военному училищу. Они еще раньше имели особые отношения.

– Ну, этого курсанта я хорошо знаю. Сученок, опять на моем пути возник. А вот Кончаков – это новость, – нахмурившись, произнес Мирский.

– Артем Ильич, извините, что я по такому деликатному вопросу с вами заговорил. И еще. Мне кажется, что Аня не ваша дочь.

– Что? Убью, падла, инвалид долбаный!

Мирский схватил Жирика за грудки, с силой потряхнул и прижал к стене. Затем открыл дверь и волоком втащил «афганца» в мужской туалет.

– Прости, хозяин! Я ради вас старался, за вашу честь! Простите меня, я ни в чем не виноват, – заскулил Жирик.

Мирский отпустил руки. Помощник депутата вывалился из них и упал на кафельный пол. Стал на колени, прижал руки к груди и, как верная собачонка, обратил свой испуганный, жалкий взор на хозяина Дома приемов.

– Молчи, сука! Убью!

Мирский вновь замахнулся рукой на Жирика, а потом сильно пнул того подошвой ботинка в голову. «Афганец» упал навзничь, затем перевернулся на живот, подтянул к себе ноги, закрыл голову руками, опасаясь новых ударов. Мирский подтащил жертву к унитазу и попытался макнуть подполковника туда головой. Жирик опустил голову в унитаз и заплакал.

– Молчать, падла, убью!

– Прости, хозяин, не бей меня, я слуга твой навек, – скулил Жирик.

– Встать! Стоять, подполковник!

Жирик вскочил на ноги. По его волосам и лицу стекали струйки жидкости красноватого цвета. Из разбитого носа мужчины струилась кровь.

– О нашем разговоре никому ни слова. Понял?

– Так точно!

– Приведи себя в порядок. И никуда не уходи, понадобится, – бросил Мирский, вышел из туалета и стремительно направился в сторону лестницы, ведущей наверх.

Как и просил муж, Ольга в эту ночь осталась с дочерью ночевать в Доме приемов. После разговора с Жириком она долго не могла заснуть. Уложив дочь, она продолжала сидеть возле дивана, где спала маленькая Анна. Мысли о том, что тайна рождения дочери может стать известной мужу, тревожили ее. Как она ни пыталась подремать в кресле, ей это не удалось. Часы показывали половину первого ночи. Она включила настольную лампу и взяла в руки журнал. Как раз в эту минуту дверь распахнулась.

На пороге стоял Мирский. Жена давно не видела супруга таким напряженным и злым.

– Тише, дочь разбудишь! Что-нибудь случилось?

– Да. Есть разговор. Зайди ко мне в кабинет. И побыстрее, пожалуйста!

Мирский резко повернулся в дверях. Возле его кабинета в приемной толпились сопровождающие. Они о чем-то оживленно разговаривали. Мирский жестом дал понять им, что он будет занят.

Когда супруги остались наедине, Мирский плотно закрыл обе входные двери. Несмотря на крайнее возбуждение, Артем Ильич начал разговор с супругой издалека.

– Что у тебя произошло сегодня с этим помощником депутата Кончакова? – уточнил Мирский.

Ольга сразу поняла, что Жирик опередил ее. Скрывать не было смысла.

– Он пытался объясниться мне в любви, грязно приставал ко мне и домогался, при этом шантажировал, – Ольга старалась говорить как можно спокойнее.

– Хорошо, только ответь мне, пожалуйста, на два вопроса!

– Артем, кому ты поверил? Он же подонок, этот Жирик.

– С ним будет разговор отдельный! Он свое получит! Ты мне ответь и быстро! Ты была любовницей Кончакова в Афганистане?

– Оставь меня! Меня обижают сама постановка вопроса.

– Так ты была?

– Артем, мы же тогда с тобой не жили вместе, мы расстались.

– Я спрашиваю: да или нет?

Ольга молчала, опустив голову. На ее глазах выступили слезы.

– Я правильно понимаю, что и с Пашиным у тебя были близкие отношения в Афганистане?

– Артем, смилуйся, ты же обещал мне никогда не напоминать про него.

– Ах ты, б*, шалава, проститутка! Ты будешь сучиться налево и направо, а я должен сопеть в две дырочки!

Мирский подлетел к жене и с размаху ударил ее по лицу.

– Оставь меня, не подходи ко мне! – Ольга уже плакала навзрыд. – Когда мы были с тобой в браке, я тебе никогда не изменяла. Ты что, забыл, что в Афган я уехала, когда документы уже на развод были поданы, а дочка с мамой осталась? Мы тебе тогда не были нужны. Ты тогда налево и направо ходил, ни одну бабу мимо себя не пропускал.

– Я мужик, а ты баба! И до развода ты была моя жена, а значит – обязана хранить верность! Тебе понятны мои претензии, падла!

В приступе гнева Мирский схватил женщину за волосы и с силой попытался ударить ее головой о стол. Ольга, как могла, упиралась руками. Муж с силой толкнул жену в сторону от себя. Ольга бросилась к двери. Мирский бросился за ней следом и вновь схватил одной рукой за волосы.

– Куда, сучарица? Присядь, поговорим еще!

Он усадил ее в кресло, разорвав платье. Женщина прикрыла руками обнаженную грудь.

– Что, стыдишься, сука? Мужа она стыдится, стерва позорная! И последний мой вопрос. Он главный! Аня моя дочь или нет? Говори, ...лядица! – прошипел

Мирский, пытаясь схватить отвернувшуюся от него женщину за подбородок и повернуть к себе.

– Я буду кричать, если ты не прекратишь!

– Кричи! Здесь я хозяин всего. А завтра в стране во всей буду хозяином. До кого ты собираешься докричаться? До ООН, до Страсбургского суда? Кричи! Но прежде ответь мне на вопрос: Аня моя дочь или нет?»

– Мне перед тобой нечего виниться.

– Аня моя дочь?

– Побойся Бога, мы столько уже лет втроем живем, Аня тебя безумно любит. Артем, остановись! Если я виновата, накажи меня, но дочку не тронь, умоляю тебя! – женщина, опустившись на пол, молила мужа.

– Ты меня больше слезами не возьмешь! – Мирский был в ярости. – Для тебя наступил час расплаты!

Хозяин Дома приемов нажал на кнопку звонка. В дверях появился охранник.

– Жирика, Кончакова и Джабраила, всех ко мне!

– Артем, умоляю тебя, не надо! – взмолилась жена, начиная догадываться о задуманном мужем.

Когда кабинет заполнили все приглашенные, Мирский первым обратился к Кончакову:

– Борис Яковлевич, у нас тут с женой семейный совет, что называется совет да любовь, так ты помоги нам прояснить одну ситуацию.

– Извините, но мне надо идти, у меня дела, – сухо произнес депутат и развернулся в сторону дверей.

– Нет уж, стой! – хозяин сделал знак охраннику.

Молодой, коротко остриженный мужчина в темном костюме и красном галстуке преградил Кончакову дорогу из кабинета.

– Артем Ильич, что Вы себе позволяете? Я народный депутат, – насутился гость.

– Я понимаю. Еще я напоминаю тебе, сраный народный избранник, о том, кто тебя сделал депутатом! Я тебя им сделал, козел ты вонючий! Или забыл?

Мирский впился глазами в Кончакова. Тот, не выдержав тяжелого пронизательного взгляда, опустил глаза. Попытался смахнуть со лба пот, выступивший на лбу.

– Вижу, не забыл. Это хорошо. Надо быть благодарным человеком, – продолжал шипеть Мирский. – Так вот, ответь мне, народный депутат, на один простой вопрос: эта женщина была твоей любовницей в Афганистане? – он указал рукой на свою жену, которая, сидя в кресле, пыталась руками укрыться от мужских взглядов.

– Да, я раньше был знаком с Ольгой Борисовной. Она работала в кадрах, где я был ее начальником. Тогда мне не было известно, что она замужем.

– Не петляй! Отвечай! Ты драл мою жену, тебя спрашиваю?

Вновь рассвирепевший Мирский стал потрясать кулаками перед носом депутата. Тот было отпрянул назад, но там его твердым хватом профессиональных рук поддержал и подтолкнул вперед охранник. Кончаков молчал.

Мирский резко схватил одной рукой Жирика за волосы и вытащил того на середину кабинета.

– Ты, убудодок, подтверждаешь, что Кончаков был любовником моей жены в Афганистане?

– Да, так точно! – залепетал Жирик.

– Откуда тебе об этом известно?

– Кончаков, Борис Яковлевич, мой шеф, сам мне рассказывал!

– Так был ты или нет ее любовником, а, Кончаков? – Мирский бросил Жирика и схватил за шиворот депутата.

– Я не мог знать, что она была вашей женой.

– Мне ответ ясен, – Мирский оглянулся на кресло, где, поджав ноги под себя и закрыв голову руками, сидела его жена. – Жирик, кто еще был с этой шлюхой? – супруг рукой указал на кресло.

– Пашин, Пашин, однокашник мой, мне Кончаков все рассказал, – пролепетал Жирик.

– Ну и скотина, ты! – только и бросил Кончаков.

– Заткнись! Ты не намного лучше, – резко прервал того хозяин кабинета и вновь обратился к Жирику. – Теперь твой черед наступил. Ты объяснялся в любви моей жене?

– Нет, она врет, – в страхе залепетал ветеран афганской войны.

– Правду говори! – Мирский вновь схватил Жирика за шиворот рубахи.

– Прости, хозяин, я пьяный был. Прости, виноват!

– И когда про дочь говорил, был пьяным? А?

– Прости, хозяин, прости меня! – только и лепетал Жирик.

В эту минуту Ольга, поняв всю безнадежность ситуации, резко вскочила с кресла и бросилась к окну. Однако ловкие цепкие руки Джабраила схватили ее.

– Ну что, пора подводить итоги!

Мирский поворотом головы оглядел сразу всех присутствующих. Затем обратился к мужчине, успевшему вывернуть руку за спину беззащитной женщине и жестко удерживающему жену шефа в таком положении.

– Джабраил, всех в баню! Надо всем вам хорошенько отмыться от грехов. Вызывай своих орлов.

Через пару минут дверь распахнулась и в кабинет, один за другим, вошли несколько заросших крепких восточных мужчин грозного вида.

– Шеф, гвардейцы прибыли! – весело доложил Джабраил.

– До свидания, хорошего отдыха всем желаю! – бросил на прощание Мирский и знаком руки попросил Джабраила остаться.

Ольга попыталась было уговорить мужа поговорить с ней еще раз, дать возможность объясниться, но тот был непреклонен:

– Тебя больше нет для меня! Заберите эту тварь! – он сделал многозначительный жест рукой.

– Аню, дочку, не тронь, изверг! – продолжала молить женщина.

Заговорил Мирский, когда за ушедшими плотно закрылась дверь.

– Шлюху эту пропустить через всех, первым пойдет инвалид, за ним депутат. Дальше без разницы...

– Шеф, я так понимаю, делаем фараоновскую свадьбу. Мужики тоже сливаются в едином порыве секса, чтобы удовлетворить разом одну женщину. Она

сразу получит энергию семи супермужчин, – Джабраил говорил полушутливо и предельно цинично.

– Что хочешь, то и делай! Ее для меня больше нет! – Мирский устало махнул рукой. И тут же вновь завизжал: – Нет, не надо! Только не убивать!

Судорожно замахав руками, Артем Ильич резко негативно среагировал на жест собеседника кончить жену.

– Но завтра чтобы ее ноги в Москве не было!

– А как быть с народным избранником! У него, должно быть, сердце слабое, может и не выдержать парилки. Правильно понимаю, шеф?

Мирский скорчил физиономию.

– Понятно, шеф! Вас не должны волновать детали. А что делать с этим, инвалидом афганской войны? По законам гор его следует кастрировать, как думаете, шеф?

– Мысль правильная, но без фанатизма и не сегодня. Через недельку. Жирик мне будет нужен утром. А вот «отпетушить» его надо будет по полной программе. Это у твоих ребят получается хорошо.

– Обижает, шеф, у нас все хорошо получается, – Джабраил говорил размеренно, с едва заметным акцентом.

Задача был получена, но он не спешил уйти.

– Что непонятно?

– Шеф, Восток – дело тонкое, за такую работу надо хорошо платить.

– Завтра вечером рассчитаемся.

– Пожалуйста, задаток.

Мирский быстро шмыгнул в комнату отдыха, в которую вела дверь из его офисного кабинета. Через минуту-другую появился обратно. В его дрожащих руках был большой сверток, плотно замотанный в бумагу золотистого цвета.

– Не беспокойся, все будет правильно и справедливо!

В момент передачи денег входная дверь в кабинет отворилась. На пороге стояла маленькая Аня. Не понимая, в чем дело, она бросилась в объятия к отцу.

– Папочка, где мама?

В глазах девочки был ужас. Аня громко рыдала. Мирский отстраненно прикоснулся рукой к голове девочки. Поморщившись, тут же сделал знак головой Джабраилу. Кавказец тихо выскользнул из комнаты.

Белый дом

Несмотря на то, что уже стало светать и двигаться в горах становилось небезопасно, советский офицер продолжал идти к намеченной цели. Там, за грядой исполинских гор, вершины которых даже в летние месяцы не покидал снег, должна была быть магистраль Кабул–Хайратон, по которой туда и обратно шли колонны советской техники и брони. Только взобравшись, наконец, на сопку, офицер решил отдохнуть. Он усталым взором облюбовал себе для отдыха заросли густого кустарника возле развалившегося пополам большого темно-серого камня. Однако человека, вконец измученного ночным переходом по афганским горам, дикие заросли встретили истошным криком. Чьи-то сильные руки вцепились в него. Из последних сил офицер сопротивлялся, стараясь высвободиться из крепких рук, все сильнее сжимающих ему горло. Он попытался бросить противника через себя, однако попытка оказалась безуспешной. Противник всей тяжестью своего тела навалился на офицера. Тот стал задыхаться.

– Федор, проснись же!

Чьи-то крепкие руки трясли Пашина за грудь. Он открыл глаза и сразу прикрыл. Возле него на корточках, сидел Сергей Русак. Федор огляделся. В небольшой комнате царил полумрак. Рядом на полу вповалку спали еще несколько человек. Депутат держал в руке небольшую горящую свечу.

Пашин окончательно пришел в себя. Два дня назад, в самый разгар политического кризиса в Москве, оказавшись в здании Верховного Совета России среди его добровольных защитников, он неожиданно встретил двух своих старых добрых знакомых. Одним из них был известный в стране депутат Сергей Николаевич Русак. Как раз он сейчас и оторвал Федора от навязчивых афганских сновидений.

– Ну, здоров спать! В Афгане, наверное, ночами глаз не смыкал, а здесь еле разбудил тебя!

Несмотря на то, что Русак уже имел высокий государственный статус, старые добрые знакомые с самого момента встречи здесь, в здании Верховного Совета, общались исключительно на «ты».

– А где отец Феодосий?

Пашин покрутил головой по сторонам, стараясь глазами найти Алексея Дмитриевича Арбузова. Это был еще один человек из прежней его жизни. С ним его судьба вновь свела здесь, в здании Верховного Совета, который с легкой руки кого-то из «постояльцев» парламента уже успели окрестить Белым домом, видимо, по аналогии с американским.

Православный священник с несколькими своими прихожанами еще неделю назад прибыл из Подмосковья. Простые люди: два военных пенсионера, жена одного из них и незамужняя девушка – добровольно приехали в Москву, чтобы помогать народным депутатам, защищающим Белый дом, в их противостоянии с президентской властью. Вел себя батюшка тихо и неприметно. Среди постояльцев

Верховного Совета мало кто догадывался, что отец Феодосий – капитан запаса, отслуживший в армии, в том числе в «горячих точках», более двадцати календарных лет.

Отца Феодосия, как и депутата Русака, Пашин встретил в первый же день своего прибытия на Краснопресненскую набережную. К тому времени Белый дом уже был блокирован извне. По всему периметру здания стояла милиция, которая никого не пропускала. Конечно, можно было, памятуя о строгом указании генерала Вашанова «не лезть на рожон», покрутиться вокруг Верховного Совета и вернуться назад. Однако Пашин не привык пасовать перед трудностями, велик также был соблазн до конца выполнить поручение старшего начальника. В конце концов Федору удалось незаметно пробраться в стан защитников Белого дома по подземному переходу. О его существовании он узнал от одного казака в толпе на митинге в поддержку защитников Белого дома, который с утра до вечера не прекращался в районе ближайшей станции метро.

Уже при входе в здание его задержала охрана из числа защитников парламента. Усатый военный в полевой форме потребовал предъявить документы. И вот в этот момент в подъезд, по случайному совпадению, зашел сам Русак. В те дни он был одной из наиболее ярких фигур в российской политической оппозиции власти. Сергей Николаевич стремительно вошел в подъезд. Следом за ним спешили еще несколько человек. Депутат лишь на секунду бросил свой взор в сторону, но этого оказалось достаточно, чтобы он задержался в подъезде. Бывшие сослуживцы по Афгану сразу узнали друг друга. Тут же, никого не стесняясь, они обнялись. Депутат провел старого знакомого к себе наверх в кабинет.

– Проходи, проходи! Надо же, какая встреча!

Русак пропустил Пашина в свой депутатский кабинет. В комнате были еще люди: молодая броская женщина в черном одеянии, священник и мужчина средних лет с блокнотом в руках. «Видимо, посетители», – тогда еще подумал Пашин.

– Коллеги, извините, но приму всех позже. Сейчас я некоторое время буду еще занят, – с ходу заговорил Русак. – Попрошу нас оставить! Я сослуживца здесь по-встречал, «афганца», почти десять лет как не виделись!

Посетители, понимающе закивав головами, стали покидать депутатский кабинет, но батюшка задержался. Он, слегка улыбаясь, пристально смотрел на Федора. Русак с некоторым удивлением тоже глядел на обоих.

– Федор, Пашин, тебя же не узнать! – священнослужитель подошел вплотную к своему бывшему сослуживцу. – Ну, узнаешь? Ну, как же? Закавказье, Нагорный Карабах, Степанакерт, а я – капитан Арбузов...

– Алексей Дмитриевич, не может быть! Какими судьбами?!

Федор наконец-то признал в священнике своего старого доброго знакомого по Закавказью. Федор тогда еще подумал: «Это какой-то знак свыше, можно сказать судьба. Сразу встретить двух своих знакомых, это просто чудо!».

– А как? Почему в таком одеянии? – Пашин развел руками.

– Долгая история, потом как-нибудь расскажу. Я, Федор, к Богу пришел, душа как-то сама позвала. Только в лоне Церкви и почувствовал настоящее душевное облегчение и покой! А здесь, в Верховном Совете, молитвой помогаю свершиться праведному делу в противостоянии со злом. Русская православная церковь всегда

была против конфликтов и распрей в обществе. Патриарх Всея Руси Алексей II призвал стороны к примирению. Не дай Бог, беда случится и кровь прольется! Этого нельзя допустить! Здесь вот Господь свел меня с Сергеем Николаевичем, теперь мы вместе! – священник, перекрестившись, обернулся в сторону народного депутата.

Русак, быстро сориентировавшись в ситуации, вступил в разговор:

– Что же это вы, батюшка, скрывали от меня, что в армии офицером служили? Военные люди у нас на особом счету в России. Я сам офицер, не смотрите, что депутат, и знаю, что это такое.

– Да как-то недосуг было. Я сегодня с вами второй раз в жизни общаюсь, Сергей Николаевич, – смущенно ответил отец Феодосий.

– Ну, братцы, вот это встреча! По этому случаю полагается!

Депутат сразу полез в холодильник, откуда достал уже нарезанные сыр и колбасу и сухари. Не спеша, открыл коробочку конфет «Птичье молоко». Затем, словно волшебник, легким движением рук извлек из книжного шкафа коробку с бутылкой коньяку. Наполнил стаканчики.

– Извините, братцы, что Бог послал! Как на войне, всё у нас теперь по-походному. Хлеба, извините, тоже нет. «Мэрзкие» цепные псы, в том смысле, что по указанию московской мэрии, все подходы к Верховному Совету заблокировали. Вы же видели, даже специальной проволокой парламент обнесли. Представляют, что делают с народными депутатами. Как в концлагере сидим! Одним словом, «демократия в действии»! Ну да ладно. Им это так просто не сойдет с рук!

Он первым поднял стаканчик. Батюшка жестом остановил его. Повернувшись в сторону иконы Пресвятой Богородицы, которая стояла среди книг в шкафу в депутатском кабинете, начал читать молитву. Сослуживцы перекрестились вслед за священником.

– Будем живы – не помрем! – депутат вновь поднял вверх стаканчик.

– Храни нас Бог! – благословил присутствующих батюшка.

Дружно выпили. Молча закусили. В тот раз бывшим сослуживцам посидеть и поговорить «за жизнь» толком не удалось. Федор Пашин только и успел сказать, что по-прежнему служит в армии.

– Рискуете службой, товарищ майор? – при расставании бросил депутат.

Со времени той знаменательной встречи прошло всего двое суток. Тогда Русака вызвали на совещание к председателю Верховного Совета. Пашин отправился с отцом Феодосием к добровольным защитникам парламента из числа казаков, которые прибыли в Москву из Приднестровья. Федору очень хотелось поскорее окунуться в жизнь осажденного парламента, своими глазами увидеть все происходящее в доме на Краснопресненской набережной.

Развязки событий вокруг российского Белого дома пришлось ждать недолго. В тот трагический для России день политическая жизнь в стране началась необычайно рано. В пять тридцать по московскому времени по центральному телевидению выступил Борис Ельцин, который сделал специальное заявление. В нем он обвинил Верховный Совет в дестабилизации обстановки и нагнетании напряженности в стране. В его выступлении ключевыми были слова «боевики», «краснокоричневые», которые устраивают беспорядки и провокации на улицах столицы,

совершают нападения на представителей правоохранительных органов, разжигают межнациональную рознь в многонациональной стране. Из президентской речи стало ясно, что в условиях прямой угрозы безопасности страны власти намерены действовать предельно жестко.

Словно в подтверждение словам президента, сказанным по ЦТ, ночью по московским улицам в сторону Белого дома прогрохотали армейская бронетехника и автотранспорт, набитый до отказа солдатами. К рассвету подразделения силовиков взяли в тесное кольцо российский парламент. Готовые к бою танки, расположившиеся на мосту перед Верховным Советом, жерлами орудий смотрели на здание, где укрывались самые несговорчивые депутаты и их добровольные сторонники.

Обитатели Верховного Совета еще накануне поняли, что против них будет применяться сила. Депутат Сергей Русак по закрытым канал узнал от силовиков о намерениях властей и эта информация дошла до председателя Верховного Совета». Он, горец, несмотря на свой жесткий характер не сумел скрыть внутреннего волнения. Он все чаще и чаще уединялся в комнате отдыха и курил свою трубку. Еще больше нервничал и суетился вице-президент, генерал с богатым афганским опытом, который еще недавно на публике казался общепризнанным лидером, кумиром тысяч и тысяч соотечественников, готовый объединить и повести за собой своих многочисленных сторонников.

Ядро защитников Белого дома составляли сторонники коммунистов и люди, близкие к депутату Русаку. В средствах массовой информации именно в отношении их распространялись разного рода измышления. Сергей Русак готовился к худшему исходу событий. Пока работала связь, ему удалось переговорить с одним знакомым спецслужбистом, привлеченным к операции на Краснопресненской набережной. Тот прямо предупредил депутата: «Смотри в оба, может произойти все что угодно. Вы в их списках на почетном месте...». После этих слов связь сразу прервалась.

В последнюю, самую тревожную, ночь перед развязкой сложившейся ситуации большинству обитателей Верховного Совета поспать так и не удалось. Защитники Белого дома, прибывшие добровольцы из числа казаков, офицеров запаса, прибалтийских милиционеров, представителей националистических организаций готовились дать отпор силам, посягнувшим на Конституцию и ту самую легитимную власть в стране, какой оставался российский парламент.

Все эти люди не понаслышке знали, а потому особенно ценили и уважали депутата Русака. В нем видели не только авторитетного представителя законодательной власти, но и стойкого борца против несправедливости, произвола и коррупции, надежного, проверенного соратника, офицера и ветерана афганской войны. Всю ночь депутат не спал, обходя этаж за этажом, и всякий раз задерживался, чтобы поговорить с людьми. Всех он старался приободрить, вселить уверенность и поддержать. Из окна своего кабинета Русак наблюдал за приготовлениями военных, которых становилось все больше и больше. Всю ночь передвигалась техника, занимая позиции прямо перед зданием парламента.

С рассветом Русак разбудил Федора Пашина. Потом они нашли отца Феодосия, который уже не спал. Молча пожали друг другу руки, обменялись тре-

возными взглядами. Отец Феодосий предложил помолиться. В небольшом кабинете депутата собрались человек десять. Икона Пресвятой Богородицы, которая ранее стояла среди книг в шкафу, теперь была, в соответствии с христианскими канонами, помещена в верхний угол комнаты. Священник начал читать молитву. Вслед за ним присутствующие принялись сосредоточенно молиться. Федор находился неподалеку от окна, которое выходило на Краснопресненскую набережную. Уже совсем рассвело. Боковым зрением с высоты пятого этажа он невольно наблюдал за всем происходящим внизу. Хорошо было видно, как на мосту прямо перед зданием Верховного Совета люди в военной и милицейской форме почти прекратили свои перемещения с места на место. Замерла и техника. На душе стало совсем тревожно. Федор еще раз перекрестился. «Огради мя, Господи, силой Честного и Животворящего Твоего Креста и сохрани мя от всякого...» Пашину не удалось произнести молитву до конца. В утренней тишине раздался страшной силы грохот. Послышался сильный удар. Почувствовалось содрогание внешних стен. До слуха донеслись звуки сыплющегося разбитого стекла.

Несколько человек разом приникли к окну и тут же сразу отпрянули назад. С моста по зданию Верховного Совета стреляли танки. Облачка дыма раз за разом вылетали из жерл орудий. Орудийные снаряды всё чаще стали влетать в окна. Страшной силы разрывы буквально сотрясали бетонные стены здания. Стоял непрерывный звон бьющегося стекла. Сразу распространился запах гари. Люди внутри парламентских помещений пришли в движение. Коридоры заполнились криками и возгласами, женскими рыданиями и причитаниями, отрывистыми воинскими командами.

Пашин и отец Феодосий с трудом оттащили двух зазевавшихся мужчин от окна депутатского кабинета и принялись сдвигать мебель, чтобы хоть как-то защититься от возможного обстрела из других видов оружия. Сергей Русак уже руководил эвакуацией людей.

– Всем спускаться вниз, в подвальные помещения. Никому не задерживаться! – командовал он, выпроваживая людей из своего кабинета. – Пашин, – депутат обратился к Федору. – Организуй наблюдение и держи меня постоянно в курсе. Я буду здесь или внизу.

Федор коротким кивком головы подтвердил свою готовность выполнить поставленную задачу. Депутат взял под руку священника:

– Батюшка, отец Феодосий, а Вас я очень прошу быть с людьми. Помогите им успокоиться, спускайтесь тоже вниз!

Дверь в комнату закрылась. Пашин придвинул стол вплотную к шкафу, уже закрывшему наполовину окно. И в этот момент очередной снаряд со страшным свистом влетел в соседний кабинет и разорвался. Федор инстинктивно распластался на полу и прижался к боковой стене. С потолка упала люстра, со стен посыпалась штукатурка. «Следующим будет мое окно», – пронеслось в сознании. «Вперед!» – офицер сам себе дал команду на выход. Он ползком выбрался из кабинета в приемную депутата, а оттуда уже на ногах выскочил в коридор и бросился к лестничной клетке. За его спиной прогремел страшной силы взрыв. Из дверей соседних кабинетов валил дым. «Не слабо "мочат"», – мелькнуло в сознании.

Спустившись этажом ниже, офицер забрался в угловое помещение, откуда просматривалась Краснопресненская набережная и одновременно из окна, которое выходило в сторону американского посольства, можно было наблюдать за событиями, происходящими с другой стороны здания Белого дома. Осторожно подобравшись к окну, офицер попробовал осмотреться. Танки еще продолжали стрелять. Солдаты и милиционеры, спешившись вокруг бронетехники, следили за обстрелом здания Верховного Совета, оживленно жестикулируя, видимо обменивались мнениями между собой. Было видно, что многих военных забавляла стрельба по парламенту. При каждом удачном попадании некоторые из них кивали головой в знак одобрения.

Неподалеку от позиций танков стали собираться сторонние гражданские лица. Они с нескрываемым любопытством наблюдали за экзекуцией, которой подвергся российский парламент. Мужчины и женщины, молодые и почтенного возраста, и даже дети живо переговаривались между собой, указывая руками в сторону расстреливаемого прямой наводкой здания. Было видно, что уличное зрелище, свидетелями которого стали эти люди, доставляет им удовольствие. При виде всего этого особого страха Пашин не ощущал, но было жутко противно от всего происходящего в самом центре российской столицы.

Неожиданно сквозь орудийный грохот офицер услышал движение в предбаннике, из которого можно было попасть как к нему в комнату, так и в соседнее помещение. Пашин опустил на пол и залег за стол. От напряжения на лбу выступил пот. Прошло несколько минут. Несмотря на грохот взрывов, офицер уловил один за другим два выстрела, которые послышались из соседней комнаты. Он вновь приподнялся к окну. Внизу военные пришли в движение. Двое лежали на земле, а вокруг них суетились люди, которые пытались затащить их под защиту брони. Жерла орудий двух танков, прекратив стрельбу, стали разворачиваться в поисках неизвестного снайпера.

Слева из открытого окна вновь прозвучал выстрел. Почти одновременно прозвучали еще два выстрела. Федор вновь припал к окну. Поглядел в сторону стоящего рядом здания. Это была московская мэрия. Однако новый выстрел прогремел не оттуда, а явно со стороны американского посольства. Внизу на мосту упал навзничь еще один человек в военной форме.

Офицер еще больше напрягся. «Что за стрельба, что за снайпер появился в здании парламента? Явно это не защитники Белого дома», – подумал офицер и решил посмотреть, кто это стреляет из соседней комнаты по военным внизу. Он выскользнул в предбанник и подкрался к приоткрытой двери, в которую был вставлен ключ снаружи. В углу комнаты, прислонившись к стенке, сидел человек, одетый во все черное. На голове у него была спортивная шапочка. Снайпер аккуратно складывал оружие в чехол, который чем-то напоминал футляр для больших музыкальных инструментов. Стало ясно, что стрельба по военным – это его рук дело.

Пока Федор лихорадочно соображал, какие надо предпринять действия, неожиданно открылась дверь из коридора в предбанник. Перед ним появился еще один человек во всем черном. Он что-то громко крикнул на непонятном языке снайперу и бросился на Федора. Офицер умело отбил первую атаку. Чудом со-

образил захлопнуть дверь в комнату, откуда на помощь своему подельнику уже спешил снайпер, и повернуть в ней ключ. Потратив секунды на дверь, Пашин пропустил сильный удар в голову и не удержался на ногах. Быстро вскочил на ноги и провел захват сзади противника, который уже возился с ключом. Оттащив человека в черном одеянии к входной двери, Пашин сначала уложил его на пол, а затем мощным ударом сверху лишил соперника сознания. «Надо уходить», – решил про себя Федор и бросился к выходу.

В этот самый момент очередной снаряд попал в открытое окно комнаты, где оставался снайпер, и угодил прямо в противоположную стену. Межкомнатная перегородка обвалилась. Ударной волной выбило дверь. Из комнаты валили клубы дыма. Истошный крик снайпера поглотил новый взрыв снаряда в комнате по соседству, где еще недавно прятался Пашин. В эту секунду он уже вылетел в коридор, больно ударившись об угол дверного проема, выходящего на лестничную клетку. Быстро встал, отряхнулся, покрутил головой по сторонам. Пошевелил ногами и руками, пальцами. Все было на месте. «Слава Богу, обошлось!» – пронеслось в сознании.

В длинном коридоре никого не было. Рядом с ним прямо возле ног на полу валялась табличка с двери кабинета народного депутата. «Кончаков Борис Яковлевич», – прочитал Пашин. «Где-то я уже слышал эту фамилию», – подумал он. Тем временем стрельба на время прекратилось. «Интересно, кому это понадобилось стрелять по военным? Наверняка провокация. Кому это надо?», – размышлял Федор. Он вновь пробрался к депутатским кабинетам. В проемы без дверей были видны распластавшиеся на полу тела людей во всем черном. Пашин хотел было осмотреть их, но, услышав шаги снизу по лестничной клетке, решил спрятаться. Он стремительно бросился к двери с надписью «Запасной выход» и направился вниз.

Неслучайная встреча

Федор Пашин, мотаясь по этажам Белого дома, не мог знать, что уже началась операция по зачистке здания Верховного Совета. Спецназ «Альфы» выводил из здания высокопоставленных парламентариев, которые приняли ультиматум властей, а милиция была призвана осуществить поэтажное прочесывание всего здания и окрестностей парламента, разобраться с добровольными защитниками Белого дома. Особая миссия была у группы вооруженных людей в специальной униформе защитного цвета без знаков различия. Это были добровольцы из числа сторонников одной ветеранской организации участников войн и военных конфликтов. Среди них выделялся подполковник Жирик. По поручению своего нового шефа, олигарха Мирского, он имел задачу не дать уйти живыми из Белого дома главным противникам режима. Первым в этом списке стоял депутат Русак.

Выход на первый этаж был закрыт, и Пашин спустился в полуподвал. В полумраке он обнаружил выход, который вел наружу. Офицер осторожно приоткрыл дверь и попытался оглядеться. Однако, получив сильный удар по голове, потерял сознание. Оказалось, возле дверей из полуподвального помещения уже дежурили омоновцы. Тело Пашина они вытащили наверх и бросили к металлической ограде.

Очнувшись, Федор огляделся. Вдоль металлического забора в одну шеренгу стояли человек двадцать, преимущественно мужчин. Среди них, судя по одеянию, были казаки, а также люди в военной полевой униформе. На многих была порвана одежда. Бросались в глаза другие следы избиения. В конце шеренги стояли женщины, одна из которых плакала, а две другие безуспешно пытались ее утешить. Федор попытался встать и сесть, но получил сильный удар ногой и снова распластался на асфальте. В голове шумело. Пашин невольно притронулся к своему лицу. Из носа шла кровь.

Три милиционера в бронежилетах с оружием в руках от души веселились.

– Что, сука, очухался? – гоготал толстый омоновец.

– Фашистская рожа! Да мой дед таких, как ты, своими руками душил, – обронил милиционер постарше, который стоял немного в стороне и курил.

К лежащему на земле Пашину подсел другой омоновец и схватил за грудки. От него сильно разило спиртным. Его выпуклые глаза налились кровью. Он наотмашь вновь попытался ударить Федора по лицу, но тот успел увернуться. Удар омоновца пришелся по асфальту. Он истошно заорал. К нему на помощь бросились двое других «блюстителей порядка». Они принялись ногами бить лежащего на земле человека. Пашин, пока был в сознании, пытался закрываться руками и ногами. Едва снова очнулся, то увидел рядом с собой отца Феодосия. Тот, склонившись над ним, влажным платком убирал с лица присохшую кровь. Ему помогла хорошенькая девушка, голова которой была покрыта темным платком.

– Надя, Надежда, частая посетительница нашего прихода. Добровольно здесь, – коротко представил ее отец Феодосий.

Федор лишь кивнул головой. Его мысли были заняты совсем другим.

– Где Русак? – через силу произнес избитый офицер.

– Молчи. Его везде ищут, – священник приложил палец к губам и перекрестился.

Пьяный толстый омоновец скомандовал:

– Становись. Начинаем фильтрацию. Проверка документов.

В строю стояли весьма достойные люди. Сотрудники парламента, не пожелавшие оставить одними мятежных депутатов, ученые и эксперты, которые на внештатной основе сотрудничали с парламентскими комитетами, добровольцы из числа казаков, кадровые и бывшие военные. Здесь же стояли два депутата.

Проверка была в разгаре, когда в строй силой втолкнули Сергея Николаевича Русака. К нему бросился отец Феодосий, обступили другие задержанные. Своего признанного лидера люди готовы были взять под особую защиту. В этот момент перед строем появился неказистый человек в афганской полевой форме, которого сопровождали еще трое с оружием в руках. Это был Жирик. Он слегка прихрамывал на одну ногу. Был неопрятно одет, небрит. Колючий взор его воспаленных глаз бегал по лицам задержанных. Сейчас Жирик пришел, чтобы забрать из общего строя свою очередную жертву. Ему уже сообщили, что омоновцы выловили самого Русака. Приблизившись к строю, Жирик прямо обратился к депутату:

– Депутат Русак? Сергей Николаевич?

– Да, – спокойно ответил тот.

– Ты задержан по подозрению в организации государственного переворота. Пойдешь с нами, – Жирик вел себя подчеркнуто вызывающе.

– Не «ты», а «Вы»! – кто-то из строя попытался поправить наглеца.

– Кто мы, а кто вы скоро будет всем ясно, господа красно-коричневые, – бросил Жирик и подал знак рукой своей свите.

Двое в униформе вырвали Русака из строя, заломили ему руки и отвели в сторону. На помощь депутату ринулись было два казака и отец Феодосий, но им дорогу преградили другие омоновцы, находящиеся поблизости.

Тем временем Жирик отвел в сторону старшего по званию омоновца с погонами капитана. Стоящие в строю люди уже обратили внимание на то, что среди всех милиционеров этот был, пожалуй, единственным, кто симпатизировал задержанным. Жирик, показав какую-то бумагу, дал капитану указание. Офицер милиции, с явным нежеланием, забрал с собой депутата Русака и под дулом автомата увел того в неизвестном направлении. Задержанные люди, искренне переживавшие за судьбу Сергея Николаевича, не могли знать, что омоновский капитан получил команду застрелить депутата при попытке к бегству.

Выйдя за пределы стадиона и парка, находившихся сразу за Белым домом, милицейский чин остановил депутата. Между ними состоялся короткий диалог. Первым заговорил капитан:

– Сергей Николаевич, помните, год назад мы с вами виделись на празднике победы русских в Куликовской битве, примерно в это же время?

– В День Рождества Пресвятой Богородицы, – невесело заметил депутат.

– Поэтому я, как и многие люди в России, уважаю народного депутата Русака и не верю в президентскую пропаганду. Сергей Николаевич, я проведу вас сейчас до метро и отпущу. И дай Бог вам здоровья.

– Спасибо, капитан. Вы спасаете честь милиции.

– Извините, мне стыдно за них, но они жертвы пропаганды. Им сказали, что в Москве фашисты рвутся к власти, дали водки и свободу действий. Вот они и зверствуют. А к Москве в России сами знаете, как относятся – терпеть москвичей не могут. Я сам омский, как и вы. Однако не будем медлить.

– Спасибо, земляк. Живы будем – не помрем! У меня просьба. Если это возможно, сделайте что-нибудь для спасения задержанных людей.

Они расстались.

Тем временем фильтрация задержанных на задней стороне здания парламента близилась к концу. Увели в неизвестном направлении казаков и людей в военной форме. Жирик, не спеша, шел вдоль поредевшего строя. Он не возражал, когда толстый пьяный омоновец схватил и потащил за собой в подъезд Надежду, когда вступившегося за нее священника Феодосия стали избивать ногами другие менты. Неожиданно он остановился и впился глазами в человека с кровоподтеками и ссадинами на лице. Жирик не мог поверить своим глазам – перед ним стоял его бывший однокашник Федор Пашин. Тот, кому он всегда завидовал и кого поэтому тайно ненавидел. Тот самый Пашин, который в их любовном треугольнике оказался лишним, а теперь, попавшись в числе парламентских мятежников, оказался полностью в его власти.

– Ты! – Жирик дыхнул в лицо однокашнику сильным перегаром.

Пашин тоже узнал однокашника, но продолжал молчать.

– Вот так встреча! Не узнаешь?

Пашин продолжал молчать.

– Я смотрю, тебя уже успели обработать хорошенько! Не желаешь рассказать однокашнику, как и зачем сюда попал?

Пашин молчал. Жирик обернулся назад и бросил своей свите.

– Ведите его в подъезд в комнату охраны.

Когда Пашина втолкнули в комнату, там уже был толстый омоновец. В этот момент он пытался изнасиловать девушку, которая всячески отбивалась от насильника, царапая ногтями ему лицо. Вошедшие в комнату люди вместе с Жириком невольно помешали менту добиться своей грязной цели. Девушка, а это была Надежда, выбравшись из-под полуголой туши, забилась в угол. Она всячески пыталась прикрыть платком разорванное платье. Длинная толстая коса волос была наполовину расплетена. Девушка стыдливо прятала свое заплаканное лицо в красивых темно-русых волосах.

– Нашел время! – бросил менту Жирик.

– А что? Было сказано, что баб можно щупать. Фашистку не дал попробовать, – недовольно ворчал жирный мент, натягивая на задницу штаны.

– Потом, потом. Закройте ее пока в обезьяннике.

В комнате напротив, предусмотрительно оборудованной для так называемых «отфильтрованных» лиц, уже сидело несколько человек. Среди них был и священник. Жирик попросил свою свиту оставить его наедине с задержанным:

– Мы тут недолго побеседовать должны.

Он обратился к Пашину:

– Так что, узнал меня?

– Узнал, – спокойно ответил Федор.

– Давай представимся. Кто теперь из нас кто! Герой России, служу в Москве. Уже два дня как подполковник, досрочно звание получил. У меня шикарная квартира, машина. Я помощник депутата Верховного Совета. Здесь сейчас – руководитель группы «афганцев», участвующих в операции по зачистке красно-коричневой чумы в Москве. Наконец, муж Натальи Сосновской. Не забыл? Мы же с тобой теперь «молочные братья», не так ли? – Он с каким-то злорадством взглянул на Пашина.

– Еще я близкий приятель бизнесмена Мирского. Слышал о таком? Жена у него такая красавица была, ну Ольга! Ничего тебе это имя не говорит?

Пашин пожал плечами, давая понять, что не собирается откровенничать с однокашником.

Жирик не стал сразу трогать интимную тему их отношений. Не собирался он распространяться и о том, как этой ночью его посвящали в близкие приятели Мирского. В сауну компания попала в полночь. Сначала долго пили. Потом сбылась долгожданная мечта Жирика. Джабраил позволил ему взять первым жену Мирского, уличенную в супружеской неверности. Однако ритуал жреческой свадьбы по древнегреческим мотивам оказался сложным. Вначале Жирик с воплями вошел в обезумевшую женщину, которую крепко держали два джигита. Не успел инвалид достичь оргазма, как его мужскую силу стали усиливать другие люди Джабраила, пристраиваясь сзади к нему. Джигиты дружно один за другим «отпетушили» «героя афганской войны». «Теперь ты посвященный, почти что вольный каменщик!» – презрительно бросил Джабраил на прощание изнасилованному офицеру. «У тебя есть пара часов, чтобы поспать. С утра будет работа», – кавказец брезгливо плюнул в сторону Жирика и что-то проговорил на своем горском языке. Его джигиты громко расхохотались. Джабраил поведал своим людям о планах в следующий раз кастрировать похотливого подполковника.

А вот депутату Кончакову в эту ночь повезло меньше. Он отказался участвовать в пьяной оргии. Как показалось бы со стороны, ему больше по душе было проводить время в сауне. Однако к утру вдруг выяснилось, что сердце депутата не выдержало. Жирик лишь ненадолго отвлекся от беседы. Прошедшая ночь стал очередным физическим и духовным падением в его жизни. Но сам он этого так и не понял. Ощущение сближения с самим Мирским окрыляло Жирика и вдохновляло на новые подвиги. Ему грезилась другая, еще более головокружительная, карьера.

И сидящий сейчас перед ним однокашник должен знать обо всем этом еще и потому, что он уже не выйдет из Белого дома живым и здоровым. Это решение пришло к Жирику сразу, как только он увидел в строю Пашина.

– Ну а твоя судьба как сложилась?

– Служил в Закавказье. Уволился. Сейчас временно безработный. В Москве ищу работу.

– Что в Белом доме забыл?

Жирик встал из-за стола и подошел к небольшому холодильнику, стоящему в углу. В дверь постучали. Еще один человек в униформе защитного цвета поторопился ведущего допрос:

– Шеф, времени нет, список еще наполовину не отработан.

В это момент зазвенел телефон на столе. Жирик взял трубку.

– Подполковник Жирик. Я. Есть, так точно. Никак нет. Разрешите положить трубку.

На весь разговор по телефону ушло не более минуты. Подобострастно отрапортовав в трубку вышестоящему начальству, Жирик грубо заговорил с подчиненным.

– Иди. Проверь всех по списку и всех в расход. Что, не знаешь, как действовать? Мне докладывай. Я скоро буду. Всё! Действуй!

Жирик чувствовал себя полным хозяином положения. Он сел за стол на стоящее рядом кресло. Достал два стакана. Наполнил их водкой «Столичная».

– Выпьем за встречу и прощание, однокашник! – Жирик поставил стакан перед Пашиным.

– Кого в расход? – Федор впервые заговорил первым.

– Врагов президента. Красно-коричневых, фашистов и далее по списку. Но им мы не даем выпить перед смертью.

Жирик вновь впился красными воспаленными глазами в однокашника. Выпили. Жирик забросил ноги на стол и развалился в кресле. Подполковника явно развезло. Сказались и бессонная ночь, и количество спиртного, выпитого этой ночью. Напротив, Пашин чувствовал какое-то облегчение и успокоение. Боль от избиений уже почти не чувствовалась. Внутри закипала злость. Тренированное годами тело само собой стало на взвод, сигнализируя о готовности молниеносно действовать по обстановке.

– Хочу тебя напоследок порадовать новостями. Думаю, тебе будет интересно.

– А почему напоследок. Загадками говоришь, – еще больше насторожился Федор.

– А вот тебе и разгадки. Первая. Твоя бывшая первая любовь Ольга, в прошлом жена Мирского, оказалась просто проституткой. Мирский не простил этой сучке ничего, в том числе связей с тобой и Кончаковым. Кстати, Кончаков сегодня в сауне почему-то оочурился. Сказали, сердце не выдержало. А Ольгу твою сегодня-завтра отправят на Кавказ в публичный дом. И, кстати, докладываю. Сегодняшней ночью я ее все-таки поймел... Так что мы с тобой уже дважды «молочные братья»!

Жирик явно провоцировал однокашника. Однако Пашин делал вид, что никак не реагирует на полупьяную болтовню «хозяина» положения.

– Предлагал раньше твоей сучке, чтобы все по согласию было, а она, падла, не захотела. Раз не захотела со мной, так будет гордых горцев ублажать. Они знают толк в любви с невольницами. Заслужила, тварь, получи!

Жирик, выглядя изрядно выпившим, тем не менее, нить мысли держал уверенно. Самодовольно усмехнувшись, он продолжил:

– И последняя разгадка. Ольгина дочь – это Аня. Хорошенькая девочка. Думаю, крутая будет телка, не хуже матери, когда вырастет.

Жирик вновь впился глазами в лицо Федора. Но тот, казалось, был невозмутим. Федор смотрел в открытое окно, из которого был виден парк. Стоял погожий осенний день. Бабье лето было в разгаре. Хотелось поскорее вырваться из западни, которую ему уготовила здесь судьба, в городскую суету осеннего города. Мимо окна сновали люди в форме и гражданские лица, очень похожие на тех, что служат в спецслужбах. Между тем монолог Жирика не прекращался ни на секунду.

– Я разгадал и эту загадку. Знаешь, кто ее отец, Пашин, знаешь? Молчишь. А я знаю, – подполковник сделал небольшую паузу. – Аня твоя дочь. От тебя нагуляла, Пашин! Ты отец Анны Мирской!

– Что ты мелешь?

– Точно, точно. Ты не знал? Я думал, что знал. Поздравляю, отец!

– Это неправда!

– Правда, правда. Ольга сама подтвердила. Мирский тоже знает. И это главная причина, что она едет на Кавказ отдыхать, – нервно захохотал подполковник.

– Где сейчас Аня?

– Зачем тебе? Отцовские чувства проснулись? Тебе уже ничего не надо! Давай допьем! – Жирик разлил остатки спиртного по стаканам.

Выпили. Жирик неожиданно достал пистолет.

– А теперь, Пашин, прыгай в окно! Даю тебе попытку к бегству!

Федор резко встал со стула. Одним движением закрыл створки открытого окна, другим неожиданно опрокинул стул вместе с сидящим подполковником. Раздался выстрел. Пистолетная пуля угодила в потолок. Пашин действовал молниеносно. Прыгнув двумя ногами на лежащего Жирика, он вовремя спрятался за уже открывающуюся в комнату дверь. На пороге стоял толстый омоновец с автоматом в руках. Дав ему сделать шаг в комнату, Пашин провел отработанный до автоматизма прием захвата противника сзади. Выхватил из рук омоновца автомат и ударил им того по голове. Стокилограммовая туша медленно распласталась на полу. Самого Жирика, попытавшегося было дотянуться до упавшего под стол пистолета, он окончательно вырубил ударом в затылок. Моментально обернулся на звук вновь открывающейся двери и встретил еще одного входящего мента прямым ударом правой ноги. Противник опрокинулся навзничь. Автомат выпал из его рук. Федор осторожно вышел. В подъезде никого не было. Быстро сообразив, он склонился над лежащим милиционером:

– Где ключи от комнаты с задержанными?

Плохо соображая, омоновец пошевелил рукой возле своего кармана. Пашин нащупал ключи. Забрал пистолет и второй автомат. Открыл дверь.

– Спокойно. Тихо. Действовать по моей команде. Ты и ты, – офицер указал пальцем на двух здоровых мужчин в казачьей форме.

– Быстро переодевайтесь в милицейскую форму. Вот ваше оружие, – Пашин протянул автоматы. Только теперь смог на ходу переговорить со священником. – Будем выходить вместе. Сколько всего нас?

– Десять с тобой.

– Прошу не предпринимать никаких действий без моей команды. Вы все задержанные, мы вас сопровождаем в отделение милиции. Попробуем выбраться отсюда.

В это время зазвонил телефон. Пашин никак не отреагировал. Быстро нагнулся над Жириком, снял с него одежду и с трудом натянул на себя. Достал из бокового кармана спецпропуск.

Первым из подъезда вышел сам Пашин, следом за ним – переодетый в омоновца казак. Задержанные, опустив головы, понуро брели за своими «охранниками». Последним из подъезда вышел еще один казак, который был облачен в одежду самого толстого омоновца. Ментовский мундир был ему явно великоват.

Вера, Надежда, Любовь

В тот год Великий пост у православных в России пришелся на первый и второй месяцы календарной весны. В подмосковном Сергиевом Посаде, городе, который тесно связан со славным именем родновера, православного подвижника и просветителя Сергея Радонежского, все больше людей возвращались в лоно церкви и, по мере сил своих, соблюдали самый строгий христианский пост. Величие и красота Троице-Сергиевой лавры, возвышавшейся в центре города, невольно напоминали горожанам о святости веры и необходимости чтить и отправлять религиозные обряды.

Надежда Алексеева – молодой врач из городской поликлиники – жила со своей престарелой матерью в самом центре Сергиева Посада, который в советское время назывался Загорском. Большинство жителей толком не подозревали, откуда взялось советское название городка, наивно полагая, что речь идет о поселении, возникшем за возвышенными местами – горами. Надежда где-то вычитала, что Сергиев Посад в свое время был переименован в честь влиятельного большевика Вульфа Лубоцкого, известного под псевдонимом Владимира Загурского. В лихие революционные времена, в сентябре 1918 года, секретарь Московского РКП, партийная кличка «товарищ Денис», был убит во время теракта в Москве в Леонтьевском переулке.

В отличие от своей матушки, человека советских, коммунистических убеждений, до пенсии работавшей учителем в средней школе, Надя с детства воспитывалась в православной культуре, была девушкой набожной, строгих правил и высоко нравственной. И в этом была большая заслуга трех ее бабушек, которых звали Вера, Надежда и Любовь. Воспитание Надежды никак не допускало с ее стороны легкого поведения в отношениях с молодыми людьми, и поэтому она, прожив четверть века, оставалась незамужней. Тех ухажеров, кто добивался благосклонности девушки и требовал от нее сразу всего еще до свадьбы, она не хотела. Те же, которые нравились Надежде, не особенно интересовались местной скромницей. Но она не очень-то переживала, так как продолжала мечтать лишь о приходе большой, настоящей любви.

Перед Светлым Христовым Воскресеньем Надежда со своей подружкой с радостью отметили Благовещение Пресвятой Богородицы. В этот день они побывали на утреннем богослужении в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры. У девушек было прекрасное настроение. Отстояв службу, они смогли исповедоваться и причаститься. А еще Надя получила невероятное известие. Во время причастия отец Феодосий, который исповедовал девушку, сказал ей о том, что скоро состоится венчание Сергея Николаевича Русака со своей женой, а она приглашена в качестве свидетельницы. Все подробности обещал рассказать после службы.

Стоял погожий весенний день. Девушки вышли из храма, где отстояли утреннюю службу, и остановились во внутреннем дворе лавры. Они делились по-

следними новостями и сплетнями. На небе ярко светило солнце. Сегодня подружкам было о чем поболтать. Надина собеседница призналась, что скоро выходит замуж за военного человека и переезжает к нему в Москву. Надя обрадовалась новости и одновременно расстроилась из-за того, что они с подругой будут реже видаться.

– Это тот самый лейтенант, который лежал в твоём госпитале? Ты говорила, веселый такой, болтун.

– Неправда, он у меня серьезный. Уже старший лейтенант. Предложение мне сделал, на Красную горку состоится свадьба. Тебе первой говорю. Он вчера приехал свататься к моим родителям.

– Поэтому ты не захотела со мной встретиться вчера? Вот молчунья!

– Да не обижайся! А как твой стоматолог?

– Не нужен он мне совсем!

– Конечно, ты теперь все по своему спасителю сохнешь. Как его зовут?

– Федор, – Надя стыдливо опустила глаза.

– Так ты спроси у отца Феодосия о нем, ты же говорила, что они знакомы давно друг с другом.

– Мне неловко.

– Так ты что, всю жизнь будешь ждать, пока этот Федор вспомнит о тебе? А если нет? Годы-то идут. Мне осенью двадцать шесть стукнет. Ты на год моложе. Это про парня скажут, что ему еще только тридцать, а про девушку, если ей только двадцать, все равно будут говорить, что уже двадцать лет. Старые мы уже с тобой. Глянь, как молодняк подпирает!

– Я себя старой не считаю. А любимого человека готова всю жизнь ждать! И отстань со своими расспросами!

Их беседа прервалась. Появился отец Феодосий. Батюшка тоже заметил девушек. Сразу подошел и перекрестил их склонившиеся головы. Девушки поцеловали руку и крест священнослужителя. Еще на исповеди, узнав о намерении одной из девушек выйти замуж, отец Феодосий поздравил и благословил невесту.

– Венчаться собираетесь?

– Вначале только распишемся, а на Троицу хотим обвенчаться. Вас хотели бы попросить!

– Зря, надо всё сразу делать, по-божески. Потом поговорим, а сейчас мне надо с Надеждой посекретничать!

Отец Феодосий отвел вторую девушку в сторону.

– Надя, ты Сергея Николаевича Русака помнишь?

– Народный депутат, знаю.

– Сейчас он временно остался не у дел, хотя и возглавляет эколого-культурную общественную организацию «Родная природа». Только недавно его власти оставили в покое. Сергей Николаевич вместе с другими защитниками Белого дома по уголовному делу проходил.

– Он же честный человек!

– Время сегодня такое, воровское, прости, Господи. Порядочным людям больше всего достается. Но славу Богу, все обошлось. С него сняты все обвинения. Уже работает. Я с ним даже успел повидаться. В прошлое воскресенье он ко мне

приезжал в церковь. Всё, как говорится, чин по чину, службу полностью отстоял. Потом пообщались. Вот Сергей Николаевич попросил с тобой поговорить.

Надежда с нескрываемым интересом глядела на священника. Какое-то странное предчувствие вдруг возникло у нее в душе.

– О чем?

– Он и его жена просят тебя быть свидетельницей на их венчании, которое состоится на Красную горку.

– А как же моя подруга? – Надежда растерянно обернулась в сторону другой девушки, одиноко стоящей неподалеку.

– Ну, Сергей Николаевич об этом не мог знать!

– А он разве не обвенчан? Странно.

– Почему? Он женат законным браком. У него уже четверо детей, и все мальчишки, дай Бог им здоровья! Славные ребята! Вот с кого пример надо брать! Так надо бороться с демографическим кризисом. Теперь вот наступило время обвенчаться.

– Мне как-то неловко, я простая девушка, а он...

– Ты не спрашиваешь, кто будет свидетелем?

– Нет, а кто?

– Федор, Федор Пашин, помнишь, мой сослуживец, он тогда помог нам из Белого дома выбраться.

Надежда замерла. Широко открыла глаза. Ноги под ней перестали чувствовать землю. Она слегка пошатнулась и чуть не упала. Батюшка вовремя поддержал девушку за локоть. Он понял, что не ошибся в своих предположениях. «Помнит и наверняка надеется на встречу с Пашиным!» – подумал он про Надю.

Договорившись обо всем, священник и девушки расстались.

Решение обвенчаться с женой у Сергея Николаевича Русака возникло давно, но как-то всякий раз находилась предлог, чтобы отложить задуманное. Однако сразу после тех событий в Белом доме, когда ему чудом удалось спастись, понял, что больше откладывать нельзя. Сразу после освобождения по амнистии из тюрьмы, куда он все-таки угодил в связи с возбуждением уголовного дела по октябрьским событиям в Москве, он разыскал отца Феодосия и даже съездил к нему на службу в Троице-Сергиеву лавру. Всё хорошенько обсудили. Венчаться решили в Сергиевом Посаде, вдали от московских любопытных глаз. О том, кто должен быть свидетелем, Русак долго не думал. «Понятно, что Пашин!» – решил он. Отец Феодосий сразу поддержал его, поинтересовавшись своим бывшим сослуживцем.

– Еле нашел его. Оказывается, он офицер одной уважаемой спецслужбы. Поэтому сильно рисковал, когда тогда в Белый дом попал. Жив, здоров. Майор, заканчивает военную академию. Мы с ним на днях тоже виделись. Такой же, как и был, молчун, слова из него лишнего не выдавишь.

– Это на него похоже. Ну, слава Богу, все обошлось тогда! Федор просто молодец! Не знаю, что с нами со всеми было бы в Белом доме, если бы не Федор!

Священник коротко пересказал события того злополучного дня, вспомнив и о встрече Пашина с Жириком.

– Не знал! Молодец Федор! Жирик – это известный проходимец, клейма ставить некуда! Сейчас в Госдуме все время крутится вокруг известного олигарха Мирского.

Русак не стал много распространяться насчет того, что нашел Федора через свои прежние связи в Генштабе, благодаря чему познакомился с интересным генералом ГРУ, начальником майора Пашина. Уже после первой встречи между экс-депутатом и гэрэушником сложились добрые отношения. Стали поддерживать связи. Взаимный интерес был вызван еще и тем, что слишком близкими оказались политические взгляды двух этих людей на события в Белом доме и все, что происходило и происходит с нынешней Россией. Генерал Вашанов даже сознался в том, что майор Пашин пришел в парламент не без его ведома. Поэтому решил предостеречь Русака:

– Пашина не только вы ищите. К нам переслали официальный запрос из прокуратуры. Он там проходит как свидетель. В чем дело, не пойму. Что вы думаете на этот счет?

– Он вел себя достойно. На рожон не лез! В трудные минуты действовал молодцом. Знаю, ему удалось вывести из Белого дома группу добровольных защитников, в том числе несколько женщин, священника. Думаю, за это поощрять надо. Ну, говорят, немного бока намял милиционерам. Что еще? Пожалуй, всё!

– А вот об этом Пашин не докладывал.

– Правда, есть еще одно обстоятельство. – Экс-депутат на мгновение задумался. – В тот самый день мы с Пашиным оказались в числе задержанных людей. А командовал там всем некто подполковник Жирик. У меня давно руки чешутся поскорее добраться до этого гаденыша. Ведь это он отдал приказ на мою ликвидацию.

Русак немного помедлил и тут же, словно спохватившись, добавил:

– И еще. Это может быть важно! Один мой знакомый священник, который тоже был в это время в Белом доме, рассказывал мне о стычке между Пашиным и этим подполковником.

Эксдепутат подробно рассказал о том, как Пашин обошелся с омовцами и с Жириком.

Генерал вежливо перебил депутата:

– Теперь все становится ясным. Вот и разгадка. Жирик и Пашин – это же бывшие однокашники.

Владимир Георгиевич кратко посвятил депутата в тайну любовного треугольника, который родился еще в военно-политическом училище. Прежде чем расстаться, собеседники договорились на эту тему больше нигде не распространяться. Русак пообещал по своим прежним депутатским связям прощупать прокуратору, а генерал – что-нибудь придумать. «В любом случае, мы своих людей не сдаем!» – бросил на прощание гэрэушник.

Мысленно отвлекшись от продолжающейся беседы о предстоящем венчании со священником, Русак внутренне поругал себя за то, что до сих пор не предпринял никаких мер, чтобы уладить все проблемы, возникшие у Пашина по линии прокуратуры. «Это надо сделать!» – твердо решил он. Собеседник вернул Сергея Николаевича к продолжению разговора своим настойчивым вопросом:

– Сергей Николаевич, как тюрьма, не страшно было?

– От тюрьмы и сумы не зарекайся! Все обошлось! Нет худа без добра! Успел дописать диссертацию, если бы не тюрьма, неизвестно, когда бы завершил исследование. Скоро защита. Но вначале надо обвенчаться, мы с женой уже созрели...

– Сергей Николаевич, дорогой, кто свидетельница?
– Будет подруга моей жены. А что, есть другое предложение?
– Есть! Если помните, тогда со мной в Белом доме были несколько прихожан, и среди них одна молодая девушка.

– Врач?

– Точно.

– Помню, миловидная, скромная такая.

– Надя, хорошая девушка. Давно ее знаю. Как мне кажется, понравился ей Федор.

– Предлагаете ему сюрприз сделать?

– Не знаю, как быть. Только думаю, и он ее помнит. Надя ему оказывала помощь, когда его избили. Еще ее тогда чуть не изнасиловали в Белом доме, так если бы Пашин тогда невольно не спугнул пьяного омовца, неизвестно, чем все закончилось бы для молодой девушки. Такие моменты в жизни не забываются.

Убедить жену, что свидетельницей на венчании должна быть молодая девушка с замечательным русским именем Надежда, Сергею Русаку не составило большого труда. Жена согласилась: «Церковный брак – это всегда вера и любовь. Так что Надежда нам не помешает, это более чем кстати!».

Как и договорились, венчание состоялось на Красную горку. В воскресенье свадебная кавалькада из трех машин, несмотря на возникающие пробки, чуть более чем за час преодолела расстояние от Москвы до Сергиева Посада. Русак и Пашин ехали в одной машине. Только при подъезде к небольшой церкви на окраине города Федор, неожиданно спохватившись, спросил:

– А свидетельница где?

– Как это ты догадался, что свидетельница должна быть? – пошутил Сергей Николаевич. – Она, наверно, уже на месте. Это одна из прихожанок отца Феодосия.

В этот момент машина жениха стала тормозить. На небольшой площади возле церкви стояли несколько человек. Московских гостей ждали. Теперь уже Пашина охватило неожиданное волнение, возникло странное предчувствие.

Среди встречающих Федор сразу увидел Надежду. Теперь ему все стало ясно. «Вот это сюрприз!» – подумал он и бросил укоризненный взгляд на друга. Тот лишь развел руками.

Между тем Надежда пребывала в крайнем волнении. Сердце девушки колотилось так, что казалось – оно может выскочить из груди. Яркий стыдливый румянец залил ее щеки. Неведомая дрожь охватила все тело. Пока Русаки вместе со свидетелем подходили к встречающим, Надя не знала, куда деть себя. Ее руки все время тянулись поправить длинную толстую косу. Девушка то убирала ее назад, то вытаскивала обратно на грудь.

Отец Феодосий вначале обнял и трижды поцеловал венчающихся, затем свидетеля и, по-одному, всех четырех сыновей, которые явились с родителями в церковь, включая и самого маленького сына Русака. Гости поздоровались и с Надеждой.

– Это наша свидетельница, Надя! – священник коротко представил девушку.

– Очень рады видеть в добром здравии! – видя, что девушка крайне растеряна, Русак попытался приободрить ее.

– Это наш свидетель, Федор! – всем присутствующим Сергей представил Пашина.

Офицер несколько смущенно заглянул в глаза девушке.

– Здравствуй, Надя, готова? – как можно бодрее, с улыбкой в глазах, спросил он свидетельницу, тем самым невольно вселяя в нее уверенность и спокойствие.

В небольшой, уютной церквушке горели свечи. Обряд венчания проводил сам настоятель церкви. Отец Феодосий помогал ему. Зазвучали торжественные слова. Венчающиеся и свидетели, ведомые батюшкой, совершили первый круг. В храме Надежда уже чувствовала себя гораздо лучше и спокойнее. Она уверенно держала над головой невесты красивый венец и слушала венчальную молитву. В эту минуту она, больше переживая за невесту, невольно думала и мечтала о моменте, когда сама окажется на месте богом избранной женщины для единственного и желанного мужчины. Ритуал совершения венчального круга повторился еще не раз. Федор вслушивался в молитву, смотрел из-за головы высокого жениха на намоленные иконы, чувствовал тепло горящих поблизости свеч. А еще отвлекался мыслями о стоящей рядом Надежде. В своем торжественном одеянии: черном с блестками платье, плотно облегающем стройное тело, и платочке, она была проста, мила и загадочна. Федор все отчетливее понимал, что девушка ему нравится. Нельзя сказать, что после событий в стенах Белого дома Пашин часто вспоминал и думал о подмосковной девушке. Однако их сегодняшней встрече был искренне рад.

После венчания супруги Русак пригласили всех присутствующих отметить знаменательное событие на московской квартире. Свидетелям отказать было нельзя. Однако в дороге в автомобиле толком пообщаться не было никакой возможности. В центре внимания, естественно, находились обвенчанные супруги и их многочисленное семейство. Только уже после вечеринки, когда Федор Пашин вызвался проводить девушку домой, они оказались наедине. Несмотря на то, что Русаки предложили свидетелям свой автомобиль, добираться молодые люди решили на подмосковной электричке.

Ночная электричка

Было уже поздно, и в вагоне ночной электрички было немного народу. Кроме Федора и Надежды, в вагоне ехали две молоденькие девушки с таким же по возрасту пареньком. Молодежь, расположившаяся сразу у выхода в тамбур, весело переговаривалась между собой. Федор с Надеждой вначале долго говорили о большой дружной семье Сергея Николаевича Русака, его прекрасной жене и, конечно, четырех симпатичных мальчишках. Наде больше всего нравились двое младших, еще дошкольников. Пашину глянули серьезность и рассудительность старших сыновей.

Электричка ехала быстро, с короткими остановками. Никто не выходил из вагона и не входил в него. Незаметно собеседники коснулись своих судеб. Надежде было почти нечего рассказывать о себе. Она рассказала о маме, немного о папе, который скорострительно скончался несколько лет назад. Увлеченно поведала своему спасителю о своей работе врачом в городской поликлинике. А вот Федору Пашину было о чем рассказать внимательной и заинтересованной собеседнице. Хотя, конечно, многое из того, что связывало офицера с его последним местом службы, осталось за пределами его короткого повествования. Тем не менее, Надежда узнала немного о городке, в котором вырос Пашин, курсантских годах, службе в Афганистане, наконец о неудачном браке. Чем дольше Федор говорил, тем большим интересом к нему проникалась девушка. Она завороженно смотрела на офицера, боясь его перебить. Девушке было интересно знать о нем всё. Заговорив о родителях, Федор неожиданно завершил свое повествование:

- Вот и вся моя история.
- Но кто-то из родственников остался?
- Конечно, родственники есть. Они все живут в городке, откуда я родом.
- Извините, я просто не понимаю, как ваша бывшая жена могла так поступить и остаться с другим мужчиной. – Надя продолжала обращаться к Федору подчеркнуто вежливо.
- Бог ей судья!
- Со своей бывшей женой вы были венчаны?
- Нет, Надя. Ты мне прямо какой-то допрос учинила! – попытался пошутить Федор.

Спутница смутилась, опустила голову. Федор осторожно взял ее руку в свою. Она подняла голову. Молодые люди заглянули в глаза друг другу. Понимающие волнительные взгляды без слов говорили о возникновении в их сердцах глубоких чувств взаимной симпатии. Девушка первой застенчиво отвела глаза. За окном поплыл перрон. Электричка подошла к очередной остановке. В вагон вошел мужчина средних лет с большим рюкзаком за спиной и лопатой в руках. Он уверенно прошел в середину и сел на свободное место, не доходя одного ряда сидений до симпатичной парочки молодых людей. Пашин еще подумал: «Откуда так поздно и с лопатой?». Посмотрел на часы.

– Поздно, наверное, уже? – спросила Надежда.

– Скоро двенадцать.

– Через три остановки приедем.

Девушка взгляделась в темноту оконного проема.

Пашин вернул спутницу к их прерванному разговору:

– Теперь, Наденька, ты знаешь все или почти все обо мне.

– А можно последний вопрос? У вас детей нет?

– А у вас? – ответив вопросом, Федор заулыбался.

– Ой, что вы, я же девушка еще, – смутилась Надежда.

В эту волнительную минуту их отношений Пашин, если бы даже точно знал, что Аня Мирская – его родная дочь, вряд ли решился бы расстроить милую девушку. К сожалению, за время, прошедшее со дня, когда он в Белом доме узнал от своего однокашника ошеломляющую новость, ему так и не удалось приоткрыть завесу этой тайны. Федор навел справки и даже определил школу, где могла учиться девочка, но его попытка повидаться с ней оказалась безрезультатной. Как ему сообщили, Аня Мирская сразу после первой четверти убыла из школы. Других особых возможностей для поиска девочки у Пашина не было. «Скорее всего, Жирик как всегда наврал. Если бы Аня была моей дочерью, Ольга сама бы мне сообщила об этом», – успокаивал себя Пашин всякий раз, когда странные сомнения посещали его.

Но в этот раз на прямой вопрос спутницы о детях Пашину не пришлось отвечать. Через остановку в вагон шумно ввалились два бритоголовых здоровяка. Пассажиры ночной электрички невольно напряглись. Молодые парни в возрасте около двадцати лет каждый остановились напротив молодежи и потребовали у них билеты. Как понял Пашин, ребята предъявили какие-то документы. «Видимо, студенческие билеты», – подумал Пашин, внимательно наблюдая за происходящим с середины вагона. Бритоголовых парней это не устроило, и они стали требовать уплатить штраф. Худощавый паренек, что сидел с самого края, попросил предъявить документы контролеров. Тогда здоровяк, что выше ростом, съездил кулаком студенту по лицу. Тот слетел со скамейки вниз под ноги к своим испуганным спутницам. Другой «контролер» вырвал у девушки сумочку и стал рыться в ней. Девчонки сразу закричали и, озираясь по сторонам, стали звать на помощь. Мужчина средних лет лишь на секунду приоткрыл глаза, а затем поглубже натянул на лоб кепку и сделал вид, что спит.

Пашин встал. Надежда попыталась было его остановить:

– Федор, не надо, я боюсь, их же двое!

– Надя, я не просто мужчина, а еще и офицер.

Псевдоконтролеры, которые, видимо, были абсолютно уверены, что никто в вагоне не посмеет им противостоять, с удивлением обратили свои взоры в сторону молодого мужчины, вдруг поднявшегося со своего места.

– Проблемы, чувак? – один из бритоголовых, сделав ловкое движение, вытащил из рукава своего пальто битую черную палку.

– Оставьте ребят в покое! – Пашин был внешне невозмутим.

Бугаи молча переглянулись, наглово усмехнулись и друг за другом пошли вдоль сидений навстречу стоящему в проходе человеку.

По всему было видно, что «контролеры» не настроены мирно договориться. У Пашина осталось несколько секунд, чтобы оценить ситуацию и принять решение. Мельком бросив взгляд в сторону мужчины, сидящего справа у окна, он одним махом перескочил к тому через один ряд. Через секунду у него в руках была лопата. Пашин поудобнее перехватил орудие труда. Нападавшие вначале в растерянности остановились, а потом стали обступать смельчака с двух сторон. Не дожидаясь нападения, Федор резким движением лопаты выбил биту у одного бритоголового. Тот вскрикнул, схватившись за ушибленную руку. Его напарник, уже зашедший сзади, на секунду замешкался. Этого оказалось достаточно, чтобы Пашин резким жестким движением черенка лопаты ударил нападавшего в поддыхало. Хулиган, прохрипев, согнулся в три погибели. Его подельник, явно испугавшись, стал пятиться назад, к выходу из вагона. И в этот момент своего обидчика сзади ловко поддел студент. Здоровяк опрокинулся навзничь и рухнул на металлический пол. К этому времени в руках Пашина оказалась бита. Со своих мест повскакивали девчонки. Подошла Надежда.

А ушастый курчавый паренек с большим фингалом под левым глазом, быстро вскочив на ноги, принялся пинать своего обидчика. Тот только успевал уворачиваться и подставлять руки под удары высоких массивных ботинок.

– Э-э, боец, а лежачего не бьют, тебя что, не учили? – Федор резко остановил не на шутку распалившегося студента.

При виде явного перевеса в драке «проснулся» и мужичонка в кепке с огромным рюкзаком на коленях. Привстал, для порядка возмутился, что у него без спроса взяли огородный инвентарь. Федор сразу передал хозяину его лопату. Мужик сразу собрался и направился к выходу. Тем временем электричка стала резко притормаживать. В окнах замелькали огни освещенного перрона конечной станции.

Получив дружный отпор со стороны пассажиров вагона, хулиганы не на шутку перепугались. Они наперебой принялись просить человека с битой в руках не трогать их больше и не сдавать в милицию. «Контролеры», видимо, решили, что тот имеет отношение к правоохранительным органам. Но Пашин и не собирался иметь дело с милицией. Он предусмотрительно приказал хулиганам лечь лицом вниз на грязный металлический пол вагона.

– Лежать смирно и не вставать, пока не закроются двери! – были последние слова Пашина в коротком общении с поездными грабителями. Пропустив всех, Федор вышел из вагона последним. Захваченный трофей – биту – выбросил вниз, под перрон, к которому подошла электричка.

Случайные попутчики тепло попрощались. На прощание молоденькие студентки в знак благодарности по очереди поцеловали отважного симпатичного мужчину, с нескрываемой завистью окинув взглядом его спутницу. Паренек с сиянием под глазом крепко пожал руку.

– Все-таки надо было их проучить, чтобы неповадно было.

– Ладно-ладно, герой, пока!

Девчонки взяли своего геройского спутника с двух сторон под руки. Весело переговариваясь, стайка молодежи направилась в сторону переезда через железнодорожное полотно.

На улице было холодно. Все небо было усыпано яркими звездами. Не то после теплого вагона, не то из-за пережитой стычки, Надежда чувствовала небольшую дрожь во всем теле. Федор, машинально бросив свой взор вверх на ночное небо, как бы невзначай слегка приобнял девушку.

– Доктор, не холодно?

– А на вас девчонки глаз положили, заметили? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Это тебе показалось. Для них сейчас их спутник – главный герой.

До дома, в котором жила Надежда, было идти совсем недолго. После того, что произошло в вагоне, разговор как-то не очень клеился. Федор шел молча, не решаясь заговорить сейчас о появившейся навязчивой мысли. «Удобно или нет предложить девушке выйти замуж? Ведь мы знакомы два дня. Вдруг обидится? Но и времени совсем нет. Скоро выпуск в академии, а там неизвестно, где еще придется служить?».

Надежда забеспокоилась:

– Все обошлось? Не ушиблись?

– Обошлось, не волнуйся, доктор!

Вскоре они остановились возле подъезда. Наверху, на четвертом этаже, горел свет. Мать ожидала возвращения своей дочери.

– Уже поздно. Мама переживает. Я так поздно не привыкла возвращаться домой, – Надежда посмотрела наверх.

Но Федор не слушал девушку. В эту минуту он готовился сказать что-то важное.

– Мы еще увидимся? – вновь забеспокоившись, спросила девушка.

– Надя, хочу сказать тебе о самом важном для меня сейчас.

Девушка невольно замерла. Сердце заколотилось. Вновь все тело охватила дрожь. Больше всего она сейчас боялась, что у нее подкосятся ноги. Она взялась рукой за перила небольшой лестницы, ведущей в подъезд дома.

– Надя, я человек военный, как говорится, особых слов любви не знаю. Поэтому хочу сразу сделать предложение. Выходи за меня замуж!

– Как?

Девушка ждала всего чего угодно. В этот момент она была одновременно счастлива и озадачена. Не зная, то ли от чувств, то ли от опасения упасть в обморок, девушка прислонилась к возлюбленному, обняла его, положила ему на грудь голову. Федор подхватил избранницу, крепко прижал к себе и жадно поцеловал в губы. Отпрянул, когда понял, что у Надежды на глаза навернулись слезы.

– Наденька, милая, не плачь! Родная моя, ты согласна?

Надя, не в силах что-либо сразу промолвить, только утвердительно кивала головой. Так, крепко обнявшись, они еще долго стояли в волнительном молчании, пока девушку не окликнули с балкона на четвертом этаже.

– Надя, девочка, пора уже домой. Я жду тебя, – мать решительно позвала свою дочь.

Федор понял, что пришло время расставаться.

– Надя, до свидания. До завтра, а вернее – до сегодня. Я тебе позвоню.

Федор взглянул на часы. Стрелки показывали уже четверть второго ночи.

– Куда? Я не пушу! Оставайся у нас ночевать! – девушка впервые назвала молодого мужчину на «ты».

– Да, но мне неудобно, – Пашин не знал, как дальше поступить.

– Должно быть удобно. Я согласна выйти за тебя замуж, Федор!

Оставшись в ту ночь на квартире у своей избранницы, Федор Пашин интуитивно понял, что сделал правильный выбор в своей жизни. Судьба, словно в награду за прежние потери, страдания и холостяцкие мытарства, сделала ему бесценный подарок. Офицеру досталась удивительная девушка – духовно и физически здоровая, чистая, порядочная и умная. Для Надежды Федор стал первым в ее жизни мужчиной, причем желанным. О такой любовной истории мечтали все ее подруги.

Через полтора месяца стало ясно, что Надя забеременела. В день Святой Троицы Федор и Надежда вступили в законный брак и обвенчались. Среди особо значимых гостей были не только Русак с супругой, но и генерал Вашанов. Владимир Георгиевич был доволен выбором своего подопечного. При встрече в загсе, когда о собственными глазами увидел молодую женщину, то не удержался, чтобы не заметить: «Везет вам, товарищ майор, другие годами ищут себе такую надежную, верную и хорошенькую жену и найти не могут, а тут один раз увидел и всё – в дамках!». Уже в загсе, не без влияния свидетеля жениха, невесте предусмотрительно оставили девичью фамилию.

Небольшая свадьба состоялась в Сергиевом Посаде. Больше всего произошедшему событию радовался отец Феодосий, который стал теперь духовником молодой семьи. Батюшка напутствовал молодых простыми и понятными словами: «Это Бог свел вас вместе! Вы достойны друг друга. Град нашего святого великомученика Сергия Радонежского не каждому своих лучших невест замуж выдает. Живите дружно. Да убоится жена мужа, а он пусть любит ее, как нашу Святую Церковь. Ждем от вас детишек!».

Медовый месяц у молодоженов продлился недолго. Почти сразу после свадьбы состоялся долгожданный выпуск в военной академии. Еще пару недель побыв с молодой женой вместе, Федор Пашин убыл в новую служебную командировку. Жена, безропотно принявшая свою долю, готова была ждать мужа. Уже бьющаяся под ее сердцем новая жизнь скрашивала одиночество, вселяла уверенность и придавала дополнительные силы, чтобы терпеливо перенести разлуку с любимым мужчиной.

Вайнахия

Как известно, вайнахи в горах Северного Кавказа живут с незапамятных времен. Они относятся к народам II–I тысячелетия до Рождества Христова. Среди всех вайнахо-дагестанских племен, проживавших в древности по обе стороны Кавказского хребта, свою неповторимую этническую индивидуальность сохранили в основном те народности, которые нашли себе пристанище и обитель в горах Северо-Восточного Кавказа. Именно здесь и сложился уникальный вайнахский этнос, много позднее разделившийся на чеченский и ингушский народы. У них самих о своем происхождении существуют различные легенды и предания. Существует предположение, что Вайнахию основали выходцы из Хазарского каганата, который был разгромлен в свое время русскими дружинами под командованием князя Святослава. Имеется предположение, что еще раньше следы вайнахов, которые прислуживали хазарским правителям, ведут в Монгольские степи, откуда и вышли дикие воинственные племена. Однако самое распространенное предание говорит о том, что предками вайнахов были выходцы из Сирии, имевшие, в частности, предка по имени Шама. Он вынужден был бежать оттуда из-за кровной мести. Пришелец этот якобы первое время жил в Грузии, а затем поселился в нагорной Чечне, в урочище под названием Наших. Как свидетельствует одно из преданий, главные чеченские тейпы как раз и произошли из этого местечка. Именно тейповые связи во все времена играли огромную роль в жизни вайнахов. В доисламский период чеченцы поклонялись солнцу и другим языческим богам, но со временем здесь стала медленно распространяться мусульманская вера. Окончательный переход в ислам произошел в конце XVIII века, во многом благодаря деятельности известного на Кавказе шейха Мансура. Однако языческие традиции и местное право до сих пор решающим образом влияют на поведение и образ мышления горцев, определяют характер и содержание общественной психологии.

На всем Кавказе и во все времена вайнахи слыли свободолюбивым и непокорным народом. Их национальный символ «волк» наиболее точно передает горскую психологию и воинственный дух вайнахов. Сама суровая природа Кавказа и отсутствие условий для земледелия подталкивали горцев в борьбе за выживание осуществлять набеги на своих ближайших соседей. А наличие шелковых путей вдоль Каспийского и Черного морей провоцировали вайнахов на грабежи богатых караванов. Такое поведение горцев не могло не вызвать ответную реакцию других народов и государств. И Россия тоже немало сил потратила на то, чтобы усмирить горскую стихию гордых южных соседей. Однако всякий раз, когда центральная власть в России слабела, непокорные горцы вновь и вновь поднимали головы и брали в руки оружие, начинали борьбу за свою свободу и независимость. Так было в царское время, потом в советский период, подобное же произошло и в постсоветской России.

Новое поколение вайнахов в середине 90-х годов вновь восстало против центральной власти и в войне с федералами добилось заключения с Россией на своих

условиях чрезвычайно выгодных Хасавюртовских соглашений. И теперь в городах и селениях свободной Ичкерии почивали на лаврах и упивались обретенной свободой. У молодых вайнахов на устах были имена чеченских борцов за веру и независимость против ненавистных федералов – Джохара, Шамиля, Аслана, Мовлади, Джабраила и других любимцев на всем Кавказе.

Наступившие времена принесли невиданные и неслыханные ранее вольности для свободолюбивых вайнахов. Получив фактически независимость, горцы теперь могли, не оглядываясь на Москву, вершить свои дела, формально оставаясь в составе России. В результате Грозный за короткий срок превратился в главный перевалочный пункт наркотиков и оружия на всем постсоветском пространстве. Чеченцы могли, почти не опасаясь, заниматься криминальным бизнесом в России. Поэтому обычным занятием деловых горцев стали финансовые махинации, борьба за контроль над прибыльным бизнесом и за сферы влияния в российских регионах, производство и поставки туда контрафактной продукции, фальшивых рублей и долларов, участие в незаконной приватизации госсобственности в Москве и Питере. Правда, они вряд ли преуспели бы в этом криминальном бизнесе, если бы не их влиятельные покровители в России. Чеченцы, что попросту, кормились производством и продажей кустарного бензина, промышляли рэкетом на рынках, разбоями и поборами на дорогах, и прежде всего на железной дороге, кражей скотины, машин и другого имущества у своих соседей по северокавказскому региону, за определенную мзду нанимались поучаствовать в бандитских разборках на одной из сторон.

В те годы особой статьей дохода отдельных особо предприимчивых горцев, как и тысячу лет назад, во времена Хазарского каганата, стала работоторговля. Захват россиян и иностранцев в заложники с последующим обменом их на кругленькие суммы приобрел массовый характер. Непосредственное отношение к этому имела правящая верхушка в Грозном, которая нередко действовала в тайном сговоре с отдельными влиятельными федералами. Одним из таких торговцев живым товаром был Артем Ильич Мирский. Известный в стране олигарх, непревзойденный интриган и негласный советник президента к тому времени добился для себя высокого государственного поста. А будучи одним из руководителей Совета безопасности страны, он непосредственно курировал Республику Ичкерия. Вот тогда-то Артем Ильич и развернулся с новым для себя бизнесом.

Специальный рейс из Москвы с высокопоставленным чиновником и его свитой, несколькими правозащитниками и группой телевизионщиков на борту приземлился в аэропорту Грозного в начале шестого вечера. Всю дорогу, пока летели, Артем Ильич Мирский вел обстоятельные разговоры с генералом ГРУ, который оказался в его свите. С самого начала представитель Совбеза с настороженностью воспринял предложение заместителя начальника Генерального штаба включить своего подчиненного в состав комиссии по урегулированию спорных вопросов с чеченской стороной. Уж очень Мирскому не хотелось, чтобы посторонние люди присутствовали одновременно с ним в Грозном. Ведь предстояло решить очень деликатный вопрос. В чеченской столице одному из руководителей Совбеза должны были в торжественной обстановке передать высокопоставленного чиновника, который полгода назад угодил в заложники, и двух солдат, еще раньше

захваченных в плен. Однако мало кто знал, что за это Мирский должен был передать своим чеченским друзьям кругленькую сумму. Правда, отдаст он только половину, так как вторую он уже прикарманил, успев перевести деньги на свой счет в кипрский офшор.

Согласившись все-таки взять с собой генерала, Мирский поручил полковнику Жирику приглядеть за чужаком. Тот быстро навел справки и обстоятельно доложил обо всем шефу. По оценкам Жирика, получалось, что им предстоит иметь дело с заурядным военным, хотя и в высоком воинском звании. «Ничего особенного из себя этот генерал-майор не представляет. Толстенький, маленький, наверное, не дурак пожрать и выпить «на халяву», – съязвил тогда полковник во время своего доклада замсекретаря Совбеза. Настораживало, правда, что Вашанов оказался тем самым генералом, который подписал официальный ответ, пришедший из Генштаба по запросу в связи с розыском прокуратурой майора Пашина. В ответе черным по белому было написано, что офицер ГРУ Ф. М. Пашин, находясь в зарубежной служебной командировке, пропал без вести. Мирский предложил своему помощнику в приватной беседе порасспрашивать генштабиста насчет бывшего однокашника.

Еще Жирик установил, что генерал Вашанов хорошо знаком с его тестем, полковником Сосновским, и даже знает его жену, Наташу. Но об этом он не стал рассказывать шефу. Отношения с женой в последнее время стали совсем плохие. Дело в том, что Наташа стала догадываться об особых отношениях между ее мужем и Мирским. А это были не только служебные связи, но и сексуальное увлечение двух мужчин друг другом. До молодой женщины и раньше доходили слухи о том, что Жирик является младшим «голубым» партнером могущественного олигарха, ставшего к тому же замсекретаря Совбеза.

Муж днями и ночами, а то и целыми неделями теперь не бывал дома. Всякий раз, когда жена пыталась серьезно поговорить с супругом, он, ссылаясь на постоянную занятость, уходил от откровенных разговоров. Между тем Наташе давно уже стали бросаться в глаза перемены во внешнем облике мужа. Александр Абувалиевич даже одеваться стал по-новому. Странная прическа, когда волосы, неизвестно чем намазанные, постоянно стояли торчком, делала его похожим на известного в московских кругах модельера. Теперь Жирик носил тесную одежду стильного покроя. Она облегла его худосочное тело так, что явно проступали очертания протеза. Постоянно менял разноцветные футболки, чем-то напоминавшие модные женские кофточки. Еще подкрашивал седеющие виски, особенно ухаживал за пальцами рук и ног. А однажды, когда мужа привезли домой изрядно выпившим и его пришлось раздевать, чтобы уложить в кровать, Наташа просто обомлела от всего увиденного. На Жирике было надето женское нижнее белье. Тогда молодая женщина почти до утра не могла заснуть. Проспавшись и опохмелившись, Жирик лишь рассмеялся в ответ на возмущение и претензии жены. А чтобы развеять все сомнения, он, по ее подсчетам, пожалуй, впервые за последние два месяца, продемонстрировал ей свою немереную мужскую силу. После более чем часа безостановочного кувыркания в постели, Наташа заснула, что называется, мертвым сном, а когда проснулась, часы уже показывали половину двенадцатого дня. Приподняла голову в постели, а мужа уже и след простыл.

Мирский неслучайно приблизил к себе Жирика. Своим интриганским чутьем он сразу понял, что этот «афганец» будет ему необходим в его закулисных интригах. «Чего стоит только одно то, что он своего Кончакова сдал. Такой мне сейчас и нужен», – не раз мысленно соглашался с собой Мирский. И он не ошибся в своих предположениях. Тогда еще подполковник отвечал рьяной взаимностью, во всем и всегда демонстрировал преданность шефу и был готов выполнить его поручение любой ценой, даже если надо было совершить невозможное. Он не только хорошо зарекомендовал себя во время октябрьских событий в Москве, особенно в Белом доме, но и неплохо сработал в ходе президентской и выборных кампаний в регионах, где решались вопросы установления контроля над местными чиновниками и финансовыми потоками. Поэтому, уйдя в Совбез, Мирский почти сразу добился перевода Жирика и назначения его своим помощником. Вскоре положительно решился вопрос и о досрочном присвоении Жирику очередного воинского звания.

Жирик был нужен Мирскому еще и потому, что тот всегда мог скрасить одиночество могущественного кремлевского интригана. Ни одна проститутка не могла ему сделать минет так искусно, как это проделывал его новый фаворит. После такого возбуждения олигарх вполне мог и к настоящей женщине применить остатки своей угасающей мужской силы. Особенно незаменим Жирик был в командировках, когда правила хорошего тона не позволяли высокопоставленному чиновнику открыто прибегать к услугам жриц любви. Вот только излишняя ревность и маниакальная подозрительность фаворита часто раздражали Мирского. А еще наглость, с которой вездесущий плейбой норовил не пропустить мимо себя ни одной юбки из числа тех, которые проходили через руки и объятия его шефа. Но все это сходило Жирику с рук, потому что он благодаря своему новому сексуальному статусу стал вхож в московские тусовки сексуальных меньшинств. Теперь в знакомых полковника значились «голубые» партнеры многих из числа кремлевских властей поддерживающих. А значит, были связи и контакты с влиятельными лицами, доступ к ценнейшей инсайдерской информации. А вот это самое, по мнению Мирского, стоило дорогого и в прямом, и в переносном смысле. Буквально за год он вместе с другими олигархами, особо приближенными к Кремлю, сумел прибрать к рукам самые лакомые кусочки отечественной экономики и госсобственности.

Включение неизвестного генерала из военной разведки в состав группы Совбеза, отправляющейся в Грозный, не могло не насторожить Мирского. Во время полета в Грозный он решил сам хорошенько прощупать чужака. На удивление, генерал Вашанов Владимир Георгиевич оказался приятным и компетентным собеседником. Мирский не мог не отметить про себя, что генерал не только неплохо разбирается в военных и специальных вопросах, но и в курсе почти всех международных дел. Вашанов поделился с высокопоставленным чиновником своими оценками ситуации на Ближнем Востоке, в бывшей Югославии и Центральной Азии. По всему было видно, что генерал не хотел бы разочаровать совбезовца, а это было непросто, так как влиятельный чиновник не очень доверял военным, тем более представителям спецслужб.

Во время полета Мирский не преминул задать собеседнику пару острых политических вопросов. Очень хотелось, что называется, проверить генерала «на вшивость».

– А как ситуацию в Чечне оцениваете?

– Обстановка сложная и противоречивая. На Кавказе утрачены прежние позиции. Россия здесь почти ничего не контролирует.

– Не скажите, уважаемый! Вот наша комиссия летит в Чечню. Нас встретят как представителей Москвы, будем обсуждать серьезные вопросы, заберем заложников.

Генерал, словно спохватившись, закивал головой. Он хорошо понимал, с кем сейчас имеет дело. Вашанова не надо было предупреждать о том, что с новым человеком в руководстве Совбеза вести себя надо предельно осторожно. Поэтому, когда на инструктаже в Главном управлении ГШ начальник ГРУ попросил подчиненного держать ухо востро, Вашанов понял всё без лишних слов. В этой поездке от него требовалось немного – оценить обстановку в Грозном, присмотреться к основным действующим лицам, по возможности повидаться с влиятельными чеченцами из числа тех, кто когда-то уже попадал в поле зрения военной разведки. «На месте разберемся. Главное, с Мирским не проколотся!» – размышлял про себя бывалый генерал, мысленно снова возвращаясь к вопросам хитроумного собеседника и своим ответам.

Мирский, на пару-другую минут отвлекшись на вопрос известного правозащитника, что сидел справа от него, вновь вернулся к разговору с гэрэушником.

– Между нами говоря, по мне бы все эти кавказские республики взять и отсоединить от России, и границу поставить в виде непреодолимой стены. Согласны со мной?

Вашанов понял, что Мирский сейчас вновь провоцирует его на эмоциональный ответ, поэтому постарался ответить философски:

– Нас в академиях учили мыслить немного по-другому. Берешь город – ты победитель, грудь в крестах, а сдаешь – проиграл сражение, голова в кустах!

– Очень образно! Ай да генерал! Значит, не поддерживаешь официальную политику президента. Выходит, против Хасавюртовских соглашений: раз мы ушли из Чечни, значит, сдали... А жизни людей, наших солдат, сохранили, а?

– Жизни надо беречь, особенно солдат, на них армия стоит, – невесело ответил генерал.

– Правильно рассуждаешь, Владимир Григорьевич! Только с такой властью, как сейчас у нас, в России, большие дела вершить нельзя. Поэтому оставляли территории и еще будем их оставлять. Если помнишь, наш верховный главнокомандующий по пьянке как-то брякнул, чтобы национальные республики брали столько суверенитета, сколько хотят, вот они и!..

В ответ генерал Вашанов только многозначительно промолчал. Втягиваться в разговоры такого рода не входило в его планы. Тем более что самолет уже подруливал к небольшой стоянке возле здания местного аэровокзала. Несмотря на позднюю осень, здесь, в Грозном, еще не было холодно. В окне иллюминатора поплыли специальные и военные машины, стоящие неровными рядами, отдельные из них хаотично разъезжали по взлетной полосе. На аэродромной стоянке было припарковано несколько военных и гражданских самолетов, по виду явно давно уже не пригодных к полетам. Напротив аэровокзала разворачивался в сторону взлетной полосы гражданский аэробус какой-то турецкой авиакомпании. «Быстро турки осваиваются в Грозном», – отметил про себя гэрэушник. Он про-

должал сосредоточенно всматриваться в окно иллюминатора. За бортом быстро темнело. «Интересно, где же у них боевая авиация находится?» – размышлял про себя генерал. «Ага, есть!» – он увидел и зафиксировал в памяти несколько стареньких советских вертолетов и два учебно-боевых самолета L-39 «Альбатрос» чехословацкого производства.

Забрав прибывших из Москвы гостей прямо с трапа самолета, кавалькада разнокалиберных «мерседесов» черного цвета в сопровождении одного бэтээра с развевающимся зеленым флагом резко тронулась с места, вылетев из открытых настежь ворот грозненского аэропорта, и быстро скрылась в дорожных сумерках. Москвичей разместили в загородной резиденции президента Ичкерии. Программа пребывания делегации была рассчитана на два дня. Она включала в себя встречу с руководством Ичкерии, заседание смешанной комиссии по урегулированию спорных вопросов, церемонию передачи заложников представителям российского Совбеза.

И, конечно, новые хозяева Грозного не забыли о возможности продемонстрировать свое кавказское радушие и гостеприимство. Почетное право встретить гостей в самый первый день приезда выпало семейству Майсаровых. Джабраил готовился принимать своего старого знакомого Мирского в новом двухэтажном особняке из красного кирпича. Его дом был не только крепостью влиятельного чеченца. Внутри двора по проволоке вдоль забора бегало несколько огромных кавказских овчарок, ходили бородатые вооруженные охранники. За высоким кирпичным забором на окраине Грозного делался хороший бизнес. В подвальных помещениях были склады с оружием, которое легко можно было приобрести за звонкую монету. Там же было оборудовано место, где печатались фальшивые рубли и доллары. В небольшом доме во дворе обосновался «фитнес-клуб», как в шутку между собой называли его чеченцы. В действительности это был ночной публичный дом. Там, по признанию посетителей, были собраны самые красивые девушки в возрасте от четырнадцати до двадцати лет не только из России, но и из других стран. Днем их использовали как рабынь по хозяйству и на большом огороде, прилегающем к кирпичному особняку, а с вечера их ждала участь безропотных проституток. Ежемесячно состав наложниц обновлялся. Хозяин особняка и его младший брат, получивший контузию еще во время первой обороны Грозного от федеральных войск, имели право первой ночи.

Приготовления в роскошном особняке резиденции Майсаровых начались еще с утра, а к заходу солнца уже все было готово. Столы в гостиной комнате ломились от всевозможных яств. Во дворе пахло шашлыком и восточными пряностями. Московские гости появились лишь в половине восьмого. Однако приглашены на застолье были далеко не все. Вместе с Мирским в гости к чеченцам пришли Жирик, Вашанов и немолодой сгорбленный правозащитник в очках и со своей новой книжкой о преступлениях федералов в Чечне. Джабраил, по восточному обычаю, первым обнял и три раза поцеловал самого важного гостя. Затем сдержанно поздоровался с другими. Сделав вид, что Жирика видит впервые, лишь кивнул ему головой, на секунду задержал свой цепкий взгляд на правозащитнике. Московских визитеров злобным рычанием встретили кавказские овчарки. Охранники с трудом сдерживали порыв собак броситься на чужаков.

В страхе правозащитник спрятался за спину хозяина, на ходу норовя вручить ему свою книгу. При этом он неожиданно стал громко пукать, распространяя зловоние. Хозяин дома и Мирский молча обменялись недоуменными взглядами.

– Старость не младость! – проронил представитель Совбеза.

Прежде чем пригласить гостей в дом, хозяин провел их по двору.

– Хвала Аллаху, всего за год построил. Теперь хоть крыша есть над головой, – самодовольно говорил Майсаров.

– Неслабая крыша. У меня даже в Подмосковье такой нет.

– Зато на Лазурном берегу есть. Ты забыл, что ли?

Хозяин дома уже не обращался к гостю из Москвы с подчеркнутым почтением, как это было еще пару лет назад, когда чеченец был у олигарха в подчиненных. Однако времена изменились. «Теперь Москва Грозному не указ!» – справедливо рассуждал Майсаров. В новом правительстве Ичкерии бывший офицер спецназа ГРУ был не последним человеком. Он курировал силовой блок. Поэтому сейчас можно было не бояться подтрунивать над всемогущим московским чиновником.

– Сегодня девочек или мальчиков хочешь? – Джабраил с кривой ухмылкой кивнул в сторону Жирика.

– О чем ты? Не понимаю! Шутки у тебя, Джабраил! – недовольно проворчал Мирский.

В присутствии генерала Вашанова разговаривать на подобные темы ему явно не хотелось.

Застолье в особняке было недолгим. Сытная и здоровая кавказская пища под русскую водочку подняла настроение гостям. Они от души веселились. Последними московскими сплетнями делился Мирский.

– Дед не просыхает. В Кремле его днем с огнем не найдешь! Это называется – день и ночь работает с документами на даче. За него пресс-секретарь речи говорит, а мы на телевидении их корректируем. Народ должен знать правду! Ситуация такова, что через младшую дочку президента могу любой указ подписать, – хвастал Мирский.

– Воевать с Ичкерией твой Дед больше не собирается? – как бы между прочим спросил хозяин дома.

– А это зависит от того, как договоримся, дорогой Джабраил!

– Договоримся! Пока ты в Кремле, а мы в Грозном, проблем не будет!

– Мы были и будем всегда в Кремле, это наша страна! Но об этом поговорим завтра у вашего президента. А сегодня требую продолжения банкета! – заговорив с серьезным выражением лица, Мирский последнюю фразу произнес в полушутливом тоне.

Восточное застолье располагало к продолжению активного отдыха. Хозяин особняка, взглянув на часы, предложил гостям посетить «фитнес-клуб».

– наших дорогих гостей ждут сауна, массаж и прочие московские развлечения, но с кавказским колоритом, – Майсаров усмехнулся. – Мой младший брат пойдет с вами.

Джабраил нажал на кнопку под столом. На пороге появился молодой чеченец, которому на вид было лет пятнадцать.

– Хвала Аллаху, герой войны, правда, был контужен, но награжден именным оружием от президента Ичкерии, – представил юношу хозяин дома.

Худощавый парень невысокого роста заулыбался, показав крупные белые зубы. Затем лихо передернул в ножнах кинжал, чем сильно напугал правозащитника, который, слегка развалившись, сидел в кресле. Московский правдоискатель невольно съежился, у него сразу как-то забегали глаза, еще больше затряслись и без того всегда дрожащие руки. Он испуганно взглянул на юного горца. По всему было видно, что последствия контузии оказали негативное воздействие на психику юноши. Его явная неадекватность проявлялась не только в поступках, но и словах. Когда молодой человек громко заорал: «Всем строиться, пойдём к проституткам!» – присутствующие невольно переглянулись. Гостей успокоил Джабраил:

– Не пугайтесь! Это он от желания угодить гостям!

Гости, принявшие предложение отдохнуть в закрытом «фитнес-клубе», дружно последовали за худощавым юношей.

Разговор «по душам»

Генерал Вашанов не собирался развлекаться с проститутками. Под тем предлогом, что хочет попить чаю, он надеялся остаться наедине с хозяином дорогого особняка на окраине Грозного. Было видно, что Джабраил тоже рассчитывал на приватное общение с гэрэушником. Того он хорошо знал заочно. Оказывается, у них был общий знакомый еще по грузино-абхазским событиям. Капитан Майсаров тогда уже уволился, но, когда отношения между Тбилиси и Сухумом накалились и дело дошло до вооруженного конфликта, он вместе с другими добровольцами с Кавказа вызвался с оружием в руках помочь своим горским братьям. В тех событиях не обошлось и без спецназа ГРУ, которым командовал бывший командир Майсарова, а его старшим начальником от Москвы был как раз генерал Вашанов. Это он вместе с легендарным Шамилем руководил совместными действиями добровольцев и спецназа против грузинской армии. Своего бывшего комбата Майсаров встретил в абхазской столице сразу после успешного завершения военной операции. Боевой офицер очень хорошо отзывался о своем старшем начальнике. Это была последняя встреча Майсарова с бывшим командиром. Когда потом вместе отмечали победу, никто даже предположить не мог, что всего через несколько лет бывшие братья по оружию станут врагами, а во время известного новогоднего штурма федералами города Грозного комбат погибнет.

Пока прислуга в лице двух молодых человек, один из которых был славянской внешности, суегилась с приготовлением чая, Майсаров разговаривал по телефону. Несмотря на то, что чеченец говорил на местном наречии, Вашанов понял, что на проводе был сам президент, а разговор шел о московских гостях. Джабраил слишком часто называл имя замсекретаря российского Совбеза. Их серьезный разговор пару раз прерывался смехом Майсарова. Один раз это было в связи с упоминанием Жирика. Довольный телефонным звонком, хозяин положил трубку и обратился к генералу с предложением попить чаю.

– Дорогой гость, прошу! – Джабраил поставил перед Вашановым пиалу с душистым зеленым чаем. – Хвала Аллаху, чай не водка, выпьешь много! Так считают настоящие правоверные, – хозяин вновь улыбнулся своей кривой самонадеянной улыбкой.

– В России говорят по-другому: чай не водка, много не выпьешь!

Собеседники немного помолчали. Вашанов не знал, как ответить самоуверенному горцу. Паузу первым прервал чеченец:

– Наш президент просил привет передать московским гостям! Он уже в курсе вашего приезда.

Джабраил не стал говорить, что чеченский лидер не собирался встречаться с высокопоставленным представителем Совета безопасности и попросил Джабраила заниматься приезжими.

– Мы раньше не пересекались, генерал? – неожиданно спросил хозяин особняка.

– Так точно, товарищ капитан! Это было в Абхазии. Бывший комбат хорошо отзывался о вас.

– Я знаю, он погиб в Чечне, – чеченец, казалось, был готов к такому ответу заранее. – Жаль, в тот момент я и комбат были в разных окопах. Но он в моей памяти навсегда останется настоящим командиром. Дстойный был офицер! Надо выпить за его светлую память!

Джабраил молча разлил водку по рюмкам.

– За комбата! – кавказец говорил на хорошем русском языке, но с характерным чеченским выговором и непередаваемой кавказской интонацией.

– Пусть земля ему будет пухом! – Вашанов поддержал чеченца и первым выпил.

Хозяин дома нажал кнопку. Появился молодой человек славянской внешности.

– Табак и трубку!

Генерал от приглашения попробовать известный английский табачок отказался. Но разговор все равно уже завязался.

– Я смотрю, в доме в прислугах русские, – несмотря на то, что капитан запаса обращался к генералу бесцеремонно и на «ты». В отличие от горца Вашанов старался говорить с собеседником подчеркнута вежливо.

– Из Брянска, бывший солдатик, попал в плен. Хвала Аллаху, принял ислам! Сейчас помогает в доме по хозяйству. Дальше будет видно! Может, жению русского на сестре своей. Она у меня осталась вдовой, убили федералы ее мужа!

– Солдата, наверное, дома ждут?

– Никому он в России не нужен! Вести из Брянска плохие. Отец давно спился, мать копейки считает! Ты что, не видишь, что у вас в России творится?!

– Вернее, у нас в России! – попробовал было робко возразить генерал.

Но Джабраил резко оборвал его:

– Теперь это у вас, генерал. Хвала Аллаху, теперь Ичкерия – это независимое от России государство. Об этом не надо забывать, Володя! – угрожающе произнес чеченец.

Но собеседника такой тон хозяина дома нисколько не испугал.

– Но при этом чеченцы не отказываются вести свой бизнес в России, использовать рубли и от многого другого, на что имеют право только россияне.

– Хвала Аллаху, победитель имеет право на трофеи! Чеченцы не виноваты в том, что русские сдали свою страну Западу, их ставленники сегодня кируют в Москве, как у себя дома.

Джабраил говорил медленно, с явной самоуверенностью. Чем больше он распалялся, тем больше его характерный выговор выдавал в нем кавказца. При этом он все время дымил трубкой. Пелена дыма висела над столом, где стояли чайный сервиз и восточные сладости. В помещении пахло душистым куревом.

– Еще не вечер. Мы – русские, с нами Бог!

– Какой Бог? Посмотри на своих попов, у них такие же рожи, как у гаишников на дорогах, как говорится, хоть прикуривай! Известно, кроме подачек, ментов больше ничего не интересует.

– Вы же верующий человек, почему обижаете мои религиозные чувства?

– Не думал, что советские генералы в Бога верят.

– Родину и веру предков, как и мать, не выбирают. Меня не спрашивали в детстве, когда крестили. Поэтому я был и остался православным человеком.

– Хвала Аллаху, что веру своих предков не забываешь, генерал. Только просрали русские Россию! Превратили страну во всемирный базар! Где твои братья-славяне? Среди нищих и бомжей – большинство! Среди беспризорников! Алкоголики, бедные грязные солдаты, проститутки, безработные – это всё лица славянской внешности. А на Кавказе всегда силу уважали и признавали. Но сегодня не у русских в России сила! Мы всё видим и всё понимаем. Поэтому чеченцы в России имеют дело с теми, у кого власть и деньги.

– На Кавказе еще и справедливость всегда ценили.

– О какой справедливости можно говорить? В России все честные и порядочные люди превращены в дерьмо, а подлецы, проходимцы и подонки насилюют Россию. Вот ты что общего имеешь с этим Мирским? Он же мать родную продаст, не то что Россию. Его Родина там, где доллары! Я знаю, что говорю!

Джабраил махнул рукой. Отвел глаза.

– Не очень-то цените члена руководства Совбеза России, а ведь он немало сделал для независимости Ичкерии.

– Я знаю истинную цену этому члену. Но пока он нам нужен. Говорю открыто, нам нечего бояться. А вот кому ты служишь, генерал? Пьяному дебилу?

– Я служу России!

– Россия – это что?

– Народ, моя семья, дети.

– Нет народа, есть население – биомасса, над которой экспериментируют новые большевики, только под названием «либералы».

– Какие претензии могут быть у чеченцев к большевикам? При них у вайнахов появилась государственность, сохранены язык и культура, опять-таки территория увеличилась. Жили всегда на дотации из центра.

– К Ленину у нас претензий нет. Большевики сами жили и нам давали. Хвала аллаху, численность чеченцев не только не уменьшилась, но и увеличилась, родовые тейпы живы, женщина в семье, приносит здоровое потомство, дети воспитываются по горским традициям и обычаям.

– А как с коммунистом Сталиным быть? Он же депортировал столько чеченцев...

– Для нас он – Джугашвили, с ним у нас свои, горские, счеты. Он больше вашего брата, славян, гнобил, русское село, общину разрушил. Главное, что вы утратили, – это семья. Русская женщина сегодня – проститутка.

– Я бы попросил! – попытался возразить русский генерал. Но кавказец его грубо осадил:

– Сидеть! В Москве сначала защити своих баб, а здесь цена твоей жизни..., - он не договорил.

– Кавказскому гостепримству нет предела!

– Я правду говорю. Слушай и молчи. Это же вы, русские терпилы, своих женщин без защиты оставили. В результате, кого сегодня русская может родить после ста партнеров, не одного десятка абортотворцев и венерических болезней?

Генерал молчал, горец был прав.

– Вот ответь, Володя, если, храни Аллах, твою жену завтра изнасилуют, что ты сделаешь? – немного смягчился жесткий собеседник.

Не дав возможности ответить гостю, чеченец еще больше распаялся:

– В милицию с заявлением побежишь? Потом следствие, суд. Если насильнику дадут срок, хорошо, а то ведь откупится, а посадят – так его из тюрьмы досрочно выпустят. А жена уже опозорена. И ты уже не мужик. Как жить дальше будешь! А вот настоящий вайнах никуда не пойдет жаловаться, он сам разберется с насильником. Если его обидят, так на выручку придут десятки и сотни родственников. Кто за русского заступится, за твоих детей, твоего сына, генерал? А всё потому, что мы все в Ичкерии прежде всего чеченцы, а уж потом – ваххабиты, сунниты, шииты, шафииты, начальники и подчиненные. Адат, обычай предков – наш закон жизни! Тейп – это основа родовой жизни: помощь, защита и спасение! Это то, чего у русских нет и никогда уже не будет! Поэтому они безоружны перед любой угрозой!

– Целую лекцию прочитал! Поживем увидим, еще не вечер! Да, нас разделили на деревенских и городских, православных и католиков, демократов и коммунистов, «голубых» и «зеленых», демократов и патриотов, нищих и бедных, москвичей и всех остальных. Однако бывали и худшие времена!

Майсаров ничего не ответил, он глубоко затянулся и выдохнул. Очередная порция душистого дыма поплыла вокруг его головы. Он вновь посмотрел пристально на собеседника. В его глазах Владимир Григорьевич увидел отблески самодовольства, отрешенности и блаженства.

– Куришь наркоту? – генерал догадался о причине кайфа, проявившегося на лице горца.

Вопрос застал чеченца врасплох. Он бросил трубку. Наполнил рюмки водкой.

– Хвала Аллаху, что еще живы и здоровы!

Чеченец поднял рюмку и залпом выпил. После небольшой паузы вновь заговорил:

– Сегодня наркотики – это независимость и оружие в борьбе с неверными. И Россия не главный враг чеченцев. Она жертва. В Чечне это начинают понимать. Америка и ее финансовые хозяева – вот кто главный враг ислама. Россию так просто нельзя сдать Западу. Она и нам нужна – это ресурсы. На российской территории должен быть построен всемирный исламский халифат! То, что не удалось в советское время, должно быть реализовано в наши дни. А Ичкерия будет независимым кавказским государством на пространстве от Каспийского до Черного морей! Мы своих планов не скрываем, генерал!

– Америка не помешает их реализовать? Сегодня она сталкивает мусульман с христианами, а завтра и до кавказцев очередь дойдет! Если русские и другие православные народы вырождаются, что будет с национальными меньшинствами, например горцами? Кто будет объединять, работать и платить налоги, спонсировать национальное возрождение республик, служить в армии и умирать на войне? Или думаешь, на китайцах верхом ездить можно? На них где сядешь, там и слезешь!

Хозяин особняка не стал возражать. Он молчал, опустив голову. Видно было, что собеседник здорово озадачил его. Вашанов, интуитивно почувствовав, что перехватил инициативу, продолжил свою мысль.

– Надо быть вместе, капитан Майсаров! История русско-кавказских отношений, имеет не только трагические, но и добрые, славные страницы! Все еще переменится. Я верю, Россия возродится. Мы еще будем вместе.

– К сожалению, уже ничего не изменится. Русская рождаемость такова, что не оставляет шансов на выживание, а страна под названием «Россия» может исчезнуть, территорию поделят Запад и Китай. Если, конечно, Кавказ не вмешается. Как в России любят нас называть, лица кавказской национальности, так вот они еще придут к власти в России. Опыт имеется, русские любят сильную власть. Горец Джугашвили это прекрасно доказал в свое время. А уж как русским бабам горцы нравятся, я и сам знаю!

Джабраил самодовольно потянулся в кресле. На его последней фразе беседа прервалась.

Неожиданно дверь в гостиную с шумом распахнулась. Первой в комнату вошла высокая женщина. Она была в темном одеянии. Волосы закрывал туго завязанный платок. Из-под длинной юбки еще довольно молодой женщины виднелась простая домашняя обувь без каблуков. За ней следом почти сразу вошел младший Майсаров. Юноша был крайне возбужден, говорил на местном наречии. Джабраил, пытаясь успокоить брата, поднялся с места. Вашанов сначала ничего не понял.

Молодая женщина приблизилась к хозяину дома и опустила на колени.

– Джабраил, я знаю, Мирский здесь! Ты же обещал поговорить с ним о моей дочери. Где Аня, что с ней? Я просто с ума схожу!

– Обещал, поговорю. Алия, встань и иди отсюда в свою комнату, женщина.

Майсаров почему то называл русскую мусульманским именем. Обращаясь к брату, хозяин перешел на чеченский язык. Молодой горец резко передернул кинжал в ножнах, решительно взял женщину за руку и потянул за собой. Уходя, он угрожающе прокричал на русском языке.

– Зарежу, сказал, всех зарежу, яйца оторву! Алия – мой женцин!

Джабраил резко выговорил брату на своем языке и выпроводил пару за дверь.

– Молодой, горячий! Полюбил русскую, готов за нее умереть.

– Кто эта женщина?

– Бывшая жена Мирского. Он развелся с ней, выкинул на улицу. А я так думаю: зачем такой красивой женщине гибнуть? Брату подарил. Имя ей дали наше. Была Ольга Борисовна, стала Алия. Пускай брат с ней искусству любви учится. Он герой, заслужил женщину. Плохо только, что влюбился. Вай, молодой, дурак! Чеченок полно, а он! Но время лечит, до свадьбы все пройдет, да поможет нам Аллах! – хозяин дома, не забывая всякий упоминать всевышнего, продолжал вести себя самоуверенно с московским гостем.

Джабраил не стал дальше посвящать генерала в свои семейные тайны. Лишь немногие знали, что бывшая жена Мирского вначале почти год была его наложницей. Женщина недолго противилась кавказцу. Но выбор у нее был небольшой – или обслуживать в притоне грязных, больных и злых горцев, или быть рабыней одного влиятельного кавказца. История их непродолжительных интимных встреч закончилась тем, что русская родила от него сына. Месяц назад, когда мать закончила кормить мальчика грудью, отец забрал ребенка в свою чеченскую семью. Его чеченская жена без-

ропотно согласилась. Затем Джабраил великодушно передал наложницу младшему брату, поставив их обоих заведовать притоном. Правда, на момент приезда в дом Мирского Майсаров приказал спрятать русскую женщину от посторонних глаз. Но она сегодня вечером каким-то образом вырвалась из закрытой комнаты, желая встретиться с бывшим супругом. Обещая Алие поговорить с Мирским, чеченец не обманывал ее. С тех пор как русская родила ему сына, он по-настоящему озаботился судьбой дочери Алии, которая теперь была по матери родной сестрой маленького Майсарова. Раньше он уже интересовался девочкой и даже узнал от Мирского, кто мог быть отцом Анны. Год назад Джабраил в этой связи впервые услышал фамилию Федора Пашина. От Мирского чеченец узнал, что до того никак не может добраться российская прокуратура. На другие расспросы, касающиеся Анны, Мирский всякий раз реагировал раздраженно и уходил от ответов. Однако Майсаров знал, что девочка находится в Англии, где учится в престижном учебном заведении. «Что-то задумал Артем! Какие-то планы у него есть в отношении девочки. Ведь ей уже лет тринадцать-четырнадцать, а это уже почти женщина», – эта мысль как-то невольно пришла однажды в голову Джабраилу.

В этот вечер ему тоже не удалось поговорить с Мирским. Тот вместе со своим постоянным спутником после сауны и бассейна проводил время в компании юных экзотических проституток: одна из Африки, другая – Таиланда. Их недавно доставили в дом Майсарова. Пока девушки делали эротический массаж, Жирик успевал их по очереди «огуливать» с задней позиции. Через пару часов, потеряв интерес к путанам, мужчины остались наедине и вскоре заснули. Тем временем в соседней комнате сексуальным утехам долго предавался известный правозащитник. Толстая и грудастая молдаванка долго всячески ласкала дряхлое тело защитника прав и свобод граждан, но так и не смогла разбудить в нем мужчину. В конце концов правозащитник так и заснул в объятиях проститутки, наполнив воздух небольшой комнаты своими вонючими запахами.

Однако встреча гостей не закончилась только посещением домашнего «фитнес-клуба». В ту ночь в доме Майсарова ближе к рассвету случилась трагедия. Душераздирающие крики из здания «фитнес-клуба» разбудили всех постояльцев особняка. Однако ночные охранники контролировали ситуацию полностью. Вашанов ночевал в особняке, и ему не позволили попасть в соседнее помещение во дворе. Чуть позже, когда Жирика отправили в местную больницу, генерал стал догадываться обо всем произошедшем. И только позже он узнал, что под самое утро в притон заявился младший брат Майсарова. Он нашел комнату, где ночевали московские гости. Горец решительно подошел к кровати у окна, где лежал голый мужчина, ловко схватил и одним движением отрезал его мужское достоинство. Брызнула кровь, раздался страшный крик. Этого было достаточно, чтобы второй голый человек быстро вскочил со своей кровати, прошмыгнул в ванную комнату и закрылся на внутренний замок. Это был совбезовец. Юный чеченец не успел сорвать дверь и поквитаться с еще одним обидчиком его любимой русской женщины. В комнате появились Майсаров и его охрана, а за ними разбуженный старый московский развратник.

В результате нежданного инцидента в особняке Майсарова программа пребывания московских гостей в Грозном резко сократилась. Надо было срочно везти в Москву Жирика. Вылет был назначен на время после обеда. А с утра на смерть перепуганный Мирский побывал в президентском дворце, где во время

чаепития состоялась непродолжительная встреча московской делегации с некоторыми членами правительства и военными Республики Ичкерия. Для галочки непродолжительный никчемный разговор засчитали как проведение российско-чеченской комиссии по урегулированию споров. Затем, уединившись с представителями чеченского президента, Мирский передал им увесистый дипломат с деньгами в качестве платы за заложников. Сразу после расчетов кавказских пленников в присутствии московской прессы торжественно передали высокопоставленному представителю Совбеза. Отказ президента Ичкерии встретиться с высокопоставленным представителем из Москвы, неуважительное отношение других влиятельных чеченцев к нему не могли не насторожить Мирского. «Совсем обнаглели чечены, забыли, кто им независимость обеспечил, от военных спас! Устроили здесь Вайнахию! Я покажу еще им, кто в России хозяин!» – раздраженно мыслил про себя высокий московский гость. Отказавшись от предложения пообедать, Артем Ильич покинул резиденцию чеченского президента.

Ближе к обеду он уже был в аэропорту. Пока кормили журналистов и других членов делегации, привезли Жирика. Потеряв много крови, он был на грани жизни и смерти. Мирский, как мог, успокаивал своего помощника и спальника.

– Все обойдется. Ты молодец! За проявленное мужество во время служебной командировки в Чечню будешь представлен к генеральскому званию, а может быть, и высокому званию Героя России!

В ответ Жирик лишь открыл глаза. Они не подавали признаков радости. В самолет российского полковника занесли первым и положили подальше от посторонних глаз. Журналистам Мирский сразу объяснил, что его помощник пострадал, выполняя ответственное правительственное задание. Обещал, что герой даст средствам массовой информации интервью уже в Москве, когда будет чувствовать себя лучше. «Лишь бы от Вашанова не было никакой утечки. Диссидент зря болтать не будет, не то гранта лишу!» – размышлял Мирский. В Москве самолет с заложниками должны были встречать журналисты. Поэтому Мирский мысленно спешно подводил итоги непродолжительного визита представителей российского Совбеза в независимую Ичкерия.

Несмотря на то, что время пребывания в Грозном сократилось, генералу Вашанову кое-что удалось разведать. Хорошую пищу для анализа ситуации вокруг Чечни дал обстоятельный разговор в доме Майсарова. Пока ездил по Грозному, смог обнаружить много военной техники, оборудованные посты охраны государственных объектов. В президентском дворце гэрэушник внимательно изучал всех присутствующих на встрече с москвичами чеченцев. К своему удивлению, он среди чеченских военных заметил одного араба. Тот уже давно находился в поле зрения ГРУ, как главный полпред саудовских ваххабитов, через которого шли деньги и оружие. Едва разминувшись с арабом, Вашанов поинтересовался у Майсарова: «Вижу, сам "черный араб" в президентском дворце бывает?». Джабраил тогда ушел от ответа. Но по его выражению лица Вашанов понял, что попал в точку. Международные террористы всех мастей продолжали править бал в столице Ичкерии.

• • •

ЧАСТЬ III

«Аркаим» ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Компьютерщик

Кадровый военный разведчик Федор Пашин, он же Фарид Пашид, под агентурным именем «Аркаим», вновь перевоплотившись в специалиста по компьютерной технике, вот уже почти три года нелегально находился и работал в Афганистане. В те годы, когда после падения режима Наджибуллы в Афганистане возможности как легальной разведывательной работы по дипломатическим каналам, так и агентурной заметно уменьшились, ГРУ искало любые пути восстановления своих прежних позиций в стране гор. Поэтому в московском офисе гэрэу в Аквариуме не могли не заметить официального пожелания Кабула начать оснащать свои органы власти современным офисным оборудованием и обучать афганцев азам компьютерной работы. В результате в небольшую группу таджикских специалистов, которая, наряду с волонтерами из других стран, отправилась в Кабул по межправительственному афгано-таджикскому соглашению, оказался включенным и Фарид Пашид, работник филиала американско-российской фирмы «Атлант» в Душанбе. Так молодой военный разведчик, вместо того чтобы протирать штаны в душанбинском разведцентре, получил возможность испытать себя в реальной агентурной работе. Перед новой отправкой «за речку» майору Пашину предложили выучить нехитрую «легенду».

Родители Фариды Пашида познакомились во время учебы в Самарканде. Отец был узбекским таджиком, а мать происходила из поволжских немцев, волей судьбы оказавшихся в Средней Азии. Когда у них родился сын, мальчика по настоянию отца назвали Фаридом. Однако вступать в официальный брак с девушкой иных, светских нравов, отец, придерживавшийся мусульманской веры и традиций, не захотел. Все его близкие родственники были против женитьбы сына на безродной не то немке, не то русской из Поволжья. Мать-одиночка, тем не менее, в загсе зарегистрировала сына под фамилией отца – Пашид. Отец мальчика еще какое-то время продолжал встречаться с его матерью, обещая со временем как-то наладить их отношения. Однако на выпускном курсе родители маленького Фариды окончательно расстались. Отец женился на молоденькой девушке родом из небольшого селения под Бухарой, откуда и были его мусульманские корни.

Сразу после окончания вуза мать-одиночка по распределению переехала с сыном в Россию, в подмосковный Загорск. Здесь она всю свою оставшуюся жизнь и проработала на одном режимном предприятии. С отцом семья Фариды никаких связей больше никогда не имела. Со слов еще живой матери сын однажды узнал, что тот трагически погиб в автокатастрофе. Женщина сильно болела и, когда сын, выпускник военного училища, еще служил в Афганистане, скоропостижно умерла. Ей не было и сорока пяти лет. Старший лейтенант Пашид приезжал тогда из Афганистана в Союз на похороны матери.

Вернувшись назад, офицер захандрил и заболел тяжелой формой гепатита. Около двух месяцев провалялся в инфекционном госпитале в Кабуле. Написал рапорт на увольнение по болезни. Уволился сразу после Афганистана, будучи еще

в Ташкенте, где в течение двух месяцев был прикомандирован к штабу округа. Вернулся домой в Подмосковье. Сначала устроился на работу в Загорске, который вскоре стал называться своим прежним именем – Сергиев Посад. Пока работал, успел заочно закончить торгово-экономический университет.

Последнее время Пашид работал в совместной российско-американской фирме «Атлант», которая специализируется на поставках компьютерного оборудования в Россию и страны СНГ. Работая в компании, самостоятельно изучил английский язык. Среди других любимых занятий – футбол и гитара. В свои тридцать лет был еще не женат. Полгода назад приехал работать в филиал «Атланта» в Душанбе.

Когда заучивал свою первую нехитрую «легенду», Федор не мог не заметить, что судьбы его и Фарида Пашида были чем-то схожи. Сложнее всего было запомнить подробности и детали жизни в подмосковном городке. Что касается службы в Афганистане, то эту часть биографии Фарида Пашида выучить было несложно. Она удивительным образом совпадала по времени и месту службы в Афганистане с биографией старшего лейтенанта Пашина. Реальной была и американская компания. Федору пришлось не только основательно изучить ее документацию и запомнить имена немногих сотрудников, но и на месте, в Душанбе, ознакомиться с работой филиала фирмы «Атлант», которая занимала несколько комнат на втором этаже старинного особняка. Пашин сразу предположил, что к деятельности этой компании некоторое отношение имеет ГРУ.

Устроился Фарида Пашид в Кабуле неплохо. В стране, где времена Средневековья соседствовали с последними достижениями мирового прогресса, специалистам из братской соседней страны предоставили вполне приличные бытовые условия. Жилье от работы было недалеко, завтрак, обед и ужин – по расписанию. Работа в министерстве обороны разведчику давалась легко, необходимую информацию он регулярно передавал по установленному каналу связи.

Жизнь текла настолько размеренно и спокойно, что Аркаиму иногда становилось скучно. Ему хотелось романтики и приключений агентурной жизни. И конечно, все его мысли были о Родине и его молодой семье. Пользуясь свободным временем, он много читал. Особенно перед сном. В ту злополучную ночь, перевернувшую всю его дальнейшую жизнь, ему привиделось удивительно яркое сновидение.

Темная сверкающая гладь асфальта прорезала пополам белоснежное одеяние лесов и полей дивной русской природы. В Подмосковье зима уже вступила в свои законные права, хотя в последние годы она была уже совсем непохожа на те недавние зимние времена. Старожилы дивились таким превратностям погоды, вспоминали былые зимы, а синоптики путались и ошибались в своих предсказаниях изменений погоды.

Еще в недавнем прошлом немилосердные трескучие морозы стояли неделями, а то и месяцами, привычными были сильные вьюги и метели, что вокруг не было видно ни зги, а непроходимые сугробы замедляли ритм привычной жизни. В последние годы легкий морозец приходил ненадолго и быстро сменялся потеплением и слякотью. Когда он, наконец, наполнял собой воздух, то так и не успевал за короткий срок оздоровить атмосферу искусственной среды обитания, которая, чем ближе к Москве, тем плотнее сдавливала в своих тесных объятиях самый большой мегаполис страны.

Такси из подмосковного аэропорта въехало на московскую кольцевую дорогу. Пассажир с нескрываемым интересом крутил головой по сторонам. От пейзажей дивной подмосковной природы не осталось и следа. За окном машины поплыли многоэтажки, магазины, автосервисы, торговые центры, бензоколонки, дымящиеся трубы теплостанций, с двух сторон по ходу движения такси замелькали несущиеся неизвестно куда большие и маленькие автомобили. Вскоре автомобиль свернул с кольцевой и стремительно понесся в сторону от московского муравейника. Уже через час в переднем окне такси замелькали золотые купола православной лавры. Пассажир трижды перекрестился. Расплатившись с таксистом, он забрал огромные чемоданы с собой и в считанные минуты поднялся на четвертый этаж кирпичной многоэтажки.

Мужчина нажал кнопку звонка. За дверью послышались шаги. Кто-то рассматривал пришедшего человека в смотровой глазок. Дверь с шумом раскрылась, и молодая женщина с радостными возгласами бросилась в объятия мужчины. Глаза жены были влажными от слез. Она не могла наглядеться на возлюбленного. Его так давно не было. Тем временем в коридор из спальни выскочили два малыша, каждому из которых было не более трех лет. Они были одеты одинаково в колготки, рубашки и безрукавки. Мальчишки невольно замерли в нерешительности, увидев мать целующейся с незнакомым человеком. Мужчина при виде двойняшек отстранился от женщины и присел на корточки. Один из двойняшек расплылся в улыбке и почти неслышно произнес: «Тятя». «Это же Георгий!», – решил про себя отец и протянул вперед руки. Малыши один за другим кинулись к нему. Мужчина обнял и расцеловал ребят, а они наперебой что-то залепетали на своем еще не совсем неразборчивом детском языке, пытаясь ответить на его серьезные вопросы. Отец только и понял из всего лепета младенцев, что двойняшки твердо усвоили свои имена, любят очень маму и бабушку. Молодая женщина, сложив руки на груди, с умилением и радостью наблюдала за картиной встречи ее малышей с «тятей». Мужчина вновь присел и открыл большой чемодан. Мальчишки при виде игрушек еще больше обрадовались. Отец протянул одному и другому малышу по большой красивой коробке. И тут же он вдруг почувствовал, что задыхается и теряет сознание. Потолок, стены и пол коридора поплыли перед глазами. Мальчишки и жена стали исчезать как дым.

Фарид Пашид сразу проснулся, почувствовав, как чьи-то сильные, цепкие руки сначала щелкнули наручниками на руках, затем засунули кляп в рот и ударили тяжелым предметом по голове. Потеряв сознание, он не видел, как один из нападавших крепко связал ему ноги, а другой сделал укол в руку. Неизвестные люди со спрятанными под повязками лицами стащили связанного человека с кровати на пол, завернули в большой толстый ковер и понесли тело наружу. Там их ожидал грузовой «мерседес», по-восточному разрисованный картинками небесного рая, расписанный кораническими изречениями. Крытый автомобиль, в предрастветной ночи быстро миновав центральные улицы еще спящего Кабула, вырвался за пределы города и направился в сторону афганских субтропиков.

Полотно асфальтированной дороги было изрыто подрывами мин и фугасов, а поэтому «мерс» не мог двигаться быстро, так как всякий раз приходилось сбавлять скорость при преодолении или объезде больших ям. Тело пленника, завернутое в ковер, беспрерывно тряслось и каталось по кузову от одного борта к

другому. Пашид очнулся, когда автомобиль, свернув с междугородной трассы, съехал на проселочную дорогу и стал круто подниматься в сторону гор, со всех сторон окружавших афганскую столицу. Большой ковровый сверток с человеком внутри летел то вниз, то в бок, то вверх, причиняя боль пленнику. Фариду удалось высвободить руки и оглядеться. Через щелки крытого кузова пробивался свет. Наружи уже рассвело. Несмотря на то, что в Кабул пришла календарная зима, снега в этом году в окрестностях афганской столицы еще никто не видел.

Мысленно Пашид вновь вернулся к ночному сну. В последнее время он все чаще и чаще мечтал о возвращении домой, на Родину, поэтому в снах ему всякий раз чудилась одна и та же сцена долгожданной встречи с женой и маленькими детьми. Из Москвы его, конечно, проинформировали о том, что в его семье пополнение – родились двойняшки. Счастливый отец настоял, чтобы одному сыну дал имя он, а второму жена. Близнецов назвали Георгием, по просьбе мужа, и Ярославом, в честь дедушки по материнской линии. Но уж очень хотелось повидать, обнять и расцеловать малышей. Дошло до того, что, в нарушение строгой инструкции ГРУ Фарид Пашид даже пару раз звонил в подмосковный городок и общался с Надеждой. Телефонные разговоры издалека были короткими, очень скрытными, полными намеков. Далекий голос, не сразу узнаваемый, звучал так, что жена всякий раз, когда клала трубку, даже не сразу могла понять, с кем она только что говорила.

Машина резко затормозила. Тело, завернутое в большой ковер, полетело вперед по ходу движения автомобиля. Открылся борт. До пленника донеслись отдельные отрывки речи. Разговаривали на пушту. Пашид отчетливо расслышал только одно слово: «зендан». Мысль о тюрьме возникла в сознании сразу. За три года Пашид не только научился говорить без малейшего акцента, но все чаще даже мыслил афганскими реалиями и даже видел сугубо афганские сновидения. Предположения пленника подтвердились. Люди в национальной одежде со спрятанными лицами пронесли его тело, завернутое в ковер, внутрь глинобитного довала и опустили в подземелье, где была оборудована тюрьма. Развязывать пленника остался только один из похитителей. Афганец разматал большой красно-коричневый ковер, освободил пленнику руки и ноги. Пашиду стало холодно, его же вытащили из кровати в легком афганском одеянии: длинных свободных шароварах и рубахе. Оказавшись в зендане, Пашид, по афганскому обычаю, присел на корточки на земляной пол, покрутил головой по сторонам. Задержавшийся афганец, не обращая внимания на пленника, свернул ковер. Пашид решил коротко спросить его обо всем случившемся ночью.

– Намифахам!¹ – коротко бросил афганец.

Произношение и внешний облик выдавали в нем пуштуна. Словно спохватившись, пленник перешел на родной язык похитителя, чтобы попробовать наладить с ним контакт:

– Пахту пеги?

Афганец опять ответил на дари, что не понимает:

– Намифахам!

---

1 – Не знаю (не понимаю) на дари.

Поднявшись по небольшим ступенькам, афганец плотно закрыл дверь снаружи на засов и повесил замок. В زندане стало совсем темно. Свет и воздух проникли в подземелье через небольшое отверстие в верхнем углу, куда была просунута ржавая короткая труба небольшого диаметра. Пашид пригляделся. Стены тюрьмы были выложены из крупных камней скалистого происхождения. Наверху виднелись деревянные перекрытия, обмазанные глиной. Потолок был настолько низким, что пленнику приходилось склонять голову, когда он поднимался в полный рост. «Завалится, не выберешься!», – на афганском продолжал рассуждать про себя Фарид. Он вновь присел на корточки в углу. В голове шумело, подташнивало. Растер руки. Почувствовав боль, оголил левую руку выше локтя и обнаружил след от укола неизвестного происхождения.

Сознание вновь вернулось к событиям прошедшей ночи. Первое, что приходило в голову, – связь с недавним исчезновением переводчика министра обороны Исламской Республики Афганистан, одного из доверенных людей Ахмад Шаха Масуда. Влиятельный толмач, который хорошо владел английским и русским языками, был похищен из собственной квартиры в микрорайоне, выстроенном еще во времена советского военного присутствия. Через неделю его обезображенный труп был выловлен в реке Кабул. Стало ясно, что убийство не было случайным. В последнее время в Кабуле заметно усилились позиции талибов, за которыми стояли США и Пакистан в лице небезызвестного бен Ладена. Пашид неоднократно информировал центр о том, что так называемые «студенты» уже давно последовательно выдавливали из властных структур всех представителей других политических сил. Ясно было, что наступала очередь сторонников Ахмад Шаха, которые после прихода к власти талибов еще сохранили свое влияние.

Таким образом, Пашиду было от чего беспокоиться. С переводчиком они были знакомы более четырех лет, с тех пор, когда Пашид приезжал в свою первую командировку в Панджшер к Ахмад Шаху. Благодаря именно толмачу Пашид и попал на работу в министерство обороны и был привлечен к созданию технической базы банка электронной информации военного ведомства. Появилась возможность оперативно добывать ценные разведсведения. Толмач даже после ухода из министерства оставался главным каналом связи Аркаима с центром, где вся информация стекалась к генералу Вашанову. Там были довольны и заинтересованы в том, чтобы молодой военный разведчик как можно дольше продолжал свою работу в Кабуле. Более того, за успешную работу Фарид Пашид уже был награжден высокой правительственной наградой, получил очередное воинское звание «подполковник». Все это свидетельствовало о том, что Аркаиму удалось успешно легализоваться в стране пребывания.

В Дарламане, где находилось старинное здание военного министерства, никто уже толком не мог понять, откуда взялся компьютерщик Пашид. Военные и гражданские признавали его за простого, но грамотного афганца. Пашид носил только национальную одежду, отпустил длинные волосы и бороду, а усы у него и раньше были. Единственным атрибутом, который выдавал в нем интеллигентного человека, были очки. Коллеги по работе, а это были несколько молодых афганцев, увлеченных компьютерной техникой, уважали Пашида не только за профессионализм, отзывчивость и покладистый характер. Искусный технарь на редкость хорошо знал историю древней страны и великую персидскую литературу, а еще ему не

было равных в понимании заповедей священного Корана. Добиться такого расположения Пашиду было непросто. На досуге пришлось основательно изучить все основные документально-догматические источники мусульманской веры, в том числе разобраться в шариатском праве. В результате Пашид мог на память прочитать не один десяток аятов на арабском языке и перевести их на дари и даже пушту, объяснить основные различия между суннизмом и шиизмом, существующими в исламе религиозными мазхабами, суфийскими орденами и сектами. Перед пуштунами он мог блеснуть знанием положений кодекса чести – «пуштунвалаяй».

Мысли пленника прервались. Он поднялся с пола и подошел к двери. Постучал, потом еще сильнее. Не дождавись ответа, глазами поискал место, где можно было помочиться. Пошел в противоположный угол и, по-афгански, присел на корточки. Вернулся назад в свой угол. Воспоминания вновь унесли пленника в недавнее прошлое.

С каждым днем пребывания вдали от Родины ностальгия и любовь к ней только усиливались. Неотъемлемой частичкой любимой Родины были его малыши Георгий и Ярослав и их мать, его верная и преданная жена – Надежда. И пока они ему снились, он знал, что сделает все от него зависящее, чтобы оправдать доверие своего руководства.

Неожиданно загремела входная дверь. Вошел незнакомый афганец с оружием в руках. Он поставил на пол миску с пловом и накрыл ее лепешкой. Затем вынул из подмышки старое одеяло и бросил на пол. Не проронив ни слова, удалился. Пашид не притронулся к еде, накинул на плечи одеяло, подстелил его край себе под голые ноги. Воспаленное сознание разведчика, стараясь проанализировать до мелочей всё, что касалось времени работы в Кабуле, непроизвольно вновь и вновь связывало убийство переводчика с недавним появлением в министерстве обороны Вазир Хана.

Аркаим изначально имел задачу установить местонахождение этого человека и найти каналы выхода на него. Но он как сгинул. Правда, отдельная информация свидетельствовала о том, что следы предателя и двойного агента вели в Ташкент и окружение Дустума, на Кавказ в Чечню, в Пакистан в стан бен Ладена и даже на Балканы. Любопытно было лишь то, что в сообщениях афганских и зарубежных СМИ, открытых и закрытых источниках министерства обороны имя Вазир Хана всякий раз всплывало в связи с наркобизнесом. Однако все эти сведения требовали проверки, а до того относились к разряду слухов. Поэтому Пашид не спешил информировать центр об исчезнувшем агенте.

Сейчас, находясь в подземелье, Фарид вспомнил, как за две недели до своей трагической смерти переводчик успел предупредить его о появлении Вазир Хана в Кабуле. Помнится, афганец тогда сильно нервничал, просил быть осторожнее и больше не контактировать с ним на глазах у других афганцев. А два дня назад Пашид уже сам случайно встретился с Вазир Ханом в министерской столовой. Казалось, что тот не узнал Фариду. Но вечером его пригласило к себе начальство и объявило о прекращении контракта на оказание услуг. Связаться оперативно с центром Аркаим не мог, а потому стал готовиться к возвращению в Душанбе. И вот прошлой ночью к нему в комнату ворвались неизвестные и увезли из города. Пашид, продолжая теряться в догадках, тем не менее, готовился к самому худшему – встрече с Вазир Ханом.

Вазир Хан

С момента захвата Пашида неизвестными людьми в Кабуле прошло уже много времени. В тюремном подземелье совсем стемнело. Пашид хорошо знал, что на Востоке темнеет рано. В углу زندана раздалась шорохи и резкое попискивание. «Крысы», – мелькнуло в голове. Пленник поежился. Поднявшись с земляного пола, подошел к трубе. Попытался подтянуться на руках, чтобы заглянуть в нее, но сорвался. Однако мельком успел увидеть краешек звездного неба. Нашел на полу миску, накрытую сверху лепешкой. Разломал лепешку пополам, затем стал отламывать небольшие сухие кусочки хлеба и есть. О случившемся этой ночью почему-то не хотелось думать, мысли вернулись к семье. Маленькие Георгий и Ярослав были как две капли воды похожи друг на друга. Они лежали на двух кроватках, стоящих рядом, а мама качала их и пела колыбельную.

Сжавшись в клубок и поплотнее укрывшись изорванным вонючим одеялом, Пашид заснул. Однако через пару часов он проснулся, почувствовав сильную боль во всем теле. По нему ползали и больно кусались какие-то мерзкие хвостатые животные. «Крысы!» – мелькнуло в сознании. Пашид вскочил на ноги, но крысы не отступали. Сваливаясь с тела человека, они вновь карабкались наверх по одежде, кусая того острыми зубами. Пленник бросился к двери, стал громко стучать, но никто ему не открывал. Тем временем хвостатое племя не отступало. Привыкнув глазами к темноте, Фарид отчетливо различил около полутора десятков крыс, которые непрерывно атаковали его. От укусов сочилась кровь на ногах, руках и даже лице. Сбрасывая с себя одну тварь за другой, Пашид лихорадочно искал выход из положения. Неожиданно он обратил свой взгляд к металлической трубе, которая выходила наружу, и с силой потянул ее на себя. Тем временем крысы вновь вцепились в ноги, ползли по телу к лицу, впивались зубами в бедра и живот. Пашид упал на земляной пол. В руках у него оказалась метровая труба с острыми резаными краями. Грызуны тоже посыпались вниз и громко запищали. Человек своим телом придавил нескольких из них. Из последних сил вновь поднявшись на ноги, Фарид стал изо всех сил отбиваться трубой. С редкой для себя жесточенностью он расправлялся с хвостатыми грызунами. Убедившись, что живых крыс не осталось, а остальные убежали Фарид невольно пересчитал их. Насчитал девятнадцать штук. Тогда он стал выкидывать трупы животных в дыру от вытященной трубы. Справившись с этой задачей, вновь осмотрел стены и пол подземелья. Нашел несколько крысиных дыр, которые сразу же завалил и засыпал с помощью металлической трубы. Только теперь обессиленный человек осмотрел раны на теле. Оторвав кусок нижней рубахи, которая была искровавлена в нескольких местах, он помочился на материю и принялся ей обрабатывать раны. Больше всего пострадали ноги. Немного успокоившись, Пашид хотел поесть, но не обнаружил никаких остатков еды. «Сожрали всё, твари!», – мелькнуло в сознании. Чтобы отвлечься от произошедшего в زندане, Пашид опять обратился к воспоминаниям.

Знакомые афганцы ценили компьютерщика еще и за то, что тот не был жадным человеком. Ему хватало афганей² на жизнь, и он легко мог сделать подарок коллеге по работе, пригласить его пообедать за свой счет в какое-нибудь уютное местечко в престижной части Кабула, например в районе иностранных посольств, микрорайоне, или на «зеленые ряды». Хотя в последнее время, с ужесточением политики исламизации всех сторон жизни при талибах, иметь развлечение становилось все труднее и труднее.

В министерстве специалисту Пашиду платили немного. Из центра Аркаиму тоже почти ничего не перепадало. После развала СССР военная разведка влачила жалкое существование, и речь уже не шла о достойной оплате легальной и нелегальной работы военной разведки. Пашиду еще в Москве приводили в пример тех резидентов ГРУ, которые, находясь на полном содержании своих агентов, успешно выполняли поставленные задачи в стране своего пребывания. Фарид невольно вспомнил улыбку генерала Вашанова, который присутствовал при разговоре выпускника академии с кадровиком в главке перед отправкой в командировку. Тот открыто намекал на то, что еще и на хорошие подарки хватит для московского начальства.

Работая в Кабуле, Аркаим не роптал на свою судьбу. С одной стороны, ему по легенде не полагалось тратить много средств, с другой – он по жизни был неприхотливым человеком. Тем не менее, вскоре Аркаим сумел найти дополнительные источники неплохого заработка. Фарид с одним из своих молодых коллег по работе, у которого отец заведовал престижным в Кабуле лицеем «Ариана», стал подрабатывать на курсах по овладению компьютерной техникой. К тому времени в Кабуле лицейская молодежь стала проявлять все больший интерес к компьютерной и другой оргтехнике.

В «Ариане» два раза в неделю после занятий собирались его ученики. В афганский душанбе³ приходил десяток юношей, а по четвергам – несколько старшеклассниц. Сегодня как раз девичий день. Пашид уже собрался идти на занятия, но вновь задумался. Только почему-то мысли были на афганском языке.

– Дохтаре магбуль аст!

«Красивая девушка!», – молодой мужчина почему-то подумал о своей лучшей ученице. Девушка действительно была хороша собой. В свои пятнадцать лет выглядела на восемнадцать. По внешности можно было безошибочно определить, что она не была чистой афганкой. Европейские черты лица, светлые волосы, которые всякий раз выглядывали из-под головного покрытия, восточные пышные формы тела не могли оставить равнодушными ни одного мужчину. Пашид вздрогнул, остановив ход навязчивых воспоминаний. Прелюбодействовать даже в мечтах, грезить девичьими прелестями мужчине было неприлично не только по мусульманским обычаям. «Такие мысли до добра не доведут!» – разведчик уже по-русски осознал опасность.

Причину загадочной красоты своей ученицы Фарид Пашид сумел разгадать неожиданно. Однажды и группе юношей, и группе девушек учитель по компью-

---

2 – Афганские деньги.

3 – Понедельник, перевод с дари.

терной технике решил дать контрольное задание – подготовить на компьютере подробные автобиографии с информацией о близких родственниках. Задание было непростым, так как тексты должны были быть набраны на английском языке. В результате Аркаим получил интересные сведения, которые позволяли судить о новой конфигурации политической власти в Кабуле. Несмотря на то, что руководители движения «Талибан», пришедшие к власти в Кабуле, публично провозглашали и на практике реализовывали планы возвращения страны к исламским ценностям и традиционному образу жизни, своих собственных детей они предпочитали учить и воспитывать по европейским стандартам. Поэтому афганские лицеисты уже в средних учебных заведениях страны готовились к получению высшего образования за рубежом. В те годы знание компьютера и английского языка стало непременным условием жизненного успеха новой афганской элиты.

Больше всего интересного для себя Пашид как раз почерпнул из автобиографии девушки. Удивительно, но оказалось, что Аркаим в прошлом знал ее родителей. Как выяснилось, мама лицеистки была русской по происхождению, учительницей по профессии, которая вышла замуж за афганца и уехала с ним в Кабул еще в период советского военного присутствия в этой стране. При чтении автобиографии Пашид не сразу признал в матери симпатичную блондинку со спецфакультета военного училища, которое когда-то закончил сам. Лишь когда Фарид Пашид проанализировал сведения об отце девушки, у него сразу перехватило дыхание, а сердце так заколотилось, что зашумело в ушах. Он стал вновь перечитывать английский текст, даже достал словарь, чтобы убедиться в правильности перевода. Сомнений не было – юная афганская красавица была дочерью русской афганки, которую он последний раз видел перед своим возвращением из Афгана тогда еще в Советский Союз. Пашид хорошо помнил, как случайно встретился в Кабуле с бывшей советской подданной, как помог переправить в Союз письмо родителям от несчастной русской женщины. К сожалению, как следовало из автобиографии, мать умерла несколько лет назад. Отцом же прекрасной девушки был Джахангир, тот самый слушатель спецфакультета того же военного училища, почти шесть лет учившийся на военного журналиста.

Позже в разговорах с девушкой Фарид Пашид узнал и некоторые другие подробности из жизни ее семьи. Несмотря на то, что за ученицами всегда внимательно присматривали их родственники из числа мужчин, учитель всякий раз находил возможность обменяться с девушкой двумя-тремя фразами не по теме занятий. Она лучше всех владела английским и нередко по собственной инициативе начинала расспрашивать симпатичного молодого преподавателя на родном языке прибывших из Великобритании компьютеров, переданных ее отцом в дар лицу «Ариана», где училась любимая дочка богатого афганца. Еще Пашид узнал о том, что ее мама умерла от болезни, а папа уехал в Лондон, оставив прежнее семейство в Кабуле. Теперь он с нетерпением ожидает, когда любимая дочка окончит десятый класс и придет учиться в Лондон. Джахангир Рокшилбрайт в настоящее время являлся владельцем крупнейшей в Европе информационно-издательской компании.

Так, блондинка из СССР, волей судеб попавшая в Афганистан, дала жизнь и передала русскую красоту своей дочери, но ушла из жизни. Фарид вновь представил себе в мыслях юную красавицу. Ее большие карие глаза в обрамлении длинных

ресниц с нежностью смотрели на учителя. Открытое лицо излучало милую улыбку. Пашид и раньше замечал, что нравится афганке, но сам не давал ей никакого повода. Нередко даже был строже к этой девушке, чем к другим ученицам, чем вызывал негласное одобрение со стороны присутствующих афганцев, которые строго следили за нравственностью своих подопечных. И если кто-то из девушек норовил неформально поболтать с уважаемым учителем после занятий на выходе из лица, афганские мужчины обращали на собеседников свои пристальные строгие взоры. В конце концов все дело кончилось тем, что в последний месяц занятий на курсах ученицы стали приходить на компьютерные курсы одетыми в паранджи, а не как прежде – в черной лицеистской форме и белоснежных косынках.

Заснул Пашид под утро, а проснулся, когда снаружи солнце было уже в зените. Однако его никто не тревожил. Битву с крысами он выиграл, а люди, похитившие его, казалось, забыли о нем. Сколько бы Пашид ни стучал в дверь, никто не собирался ее открывать пленнику. В неизвестности и ожидании прошло еще четыре дня. Нестерпимо хотелось пить, особенно после того, как Фарид, желая утолить голод, заживо съел двух маленьких крысят, которые неизвестно как оказались в подземелье. От них остались только косточки и хвосты.

Тем временем на теле стали гноиться раны. Силы таяли на глазах. Боли в животе становились нестерпимыми. Тошнило и мутило одновременно. Казалось, еще немного и пленник сойдет с ума. Даже звать кого-то не было ни сил, ни желания. На седьмой день пребывания в зендане снаружи пошел спасительный дождь, обычный для окрестностей Кабула в зимние месяцы. Через отверстие для трубы, вырванной пленником для спасения от крыс, стала просачиваться вода. Пашид жадно припал к грязной жижице. Постоянно отплеываясь ошметками грязи, он не мог напиться, так велика была жажда.

На следующий день дверь в подземелье открылась. По ступенькам в тюрьму спустился Вазир Хан в сопровождении двух других афганцев. Он был одет в военный камуфляж, на голове возвышалась чалма, ноги были обуты в массивные ботинки на толстой платформе. В руках он держал небольшую сумку защитного цвета. По его приказу обессилевшего пленника стали приводить в чувство. Насильно напоили водой. Предложили поесть, но он был не в состоянии даже реагировать на слова и жесты афганцев. Тогда Вазир Хан извлек из своей сумки шприц, наполнил его какой-то жидкостью и сделал укол в вену человеку, бесчувственное тело которого продолжало лежать на земле. Перекинувшись парой фраз со своими людьми, человек в военной форме рассмеялся. Затем он попросил своего помощника сделать и себе такой же укол.

Через полчаса пленник стал оживать. Вазир Хан, который все это время сидел на принесенной табуретке и курил, приблизился к Пашиду вплотную и поднял его за подбородок:

– Мара мишинаси, бача?⁴

Фарид вновь закрыл глаза. Вазир Хан приказал своим помощникам достать и накалить на огне кинжал. Подручный внес в зендан старую керосинку. Афганец

---

4 – Узнаешь меня, парень? (пер. с дари).

постарше, что делал укол, снял чалму и осторожно положил на пол. Его голова была совсем лысой. Второй афганец по команде Вазир Хана стал срывать с пленника куски материи, которыми были грубо обвязаны его кровоточащие и гноящиеся раны. Затем подручные крепко схватили пленника за руки. Когда раскаленный нож коснулся ран, Пашид заскрежетал зубами и застонал. Гнойные ошметки тела полетели на землю. От невыносимой боли сводило скулы, судороги охватывали все тело, на глазах выступили слезы.

– Афарин! – восхитился мужеством пленника Вазир Хан.

Пашиду вкололи еще одну дозу наркотика. Раны, обильно смазав лечебной черной смолой – мумием, замотали бинтами. Пленник на глазах немного ожил. Ему дали еще раз воды и лепешку. Пашид начал есть хлеб. В эту минуту он смутно понимал, что с ним происходит. Какой-то муторный дурман сковывал мысли, тело не чувствовало боли, но плохо слушалось. Разведчик из последних сил пытался сохранить контроль над своими мыслями и поступками.

Между тем Вазир Хан, который тоже находился под сильным наркотическим воздействием, не спешил допрашивать пленника. Прислонившись спиной к каменной стене, он, сидя на табуретке, курил. Его бессловесные подручные находились поблизости. Они неспешно жевали легкую наркотическую травку, которую всякий раз доставали из карманной круглой металлической табакерки.

Вазир Хан задумался. Компьютерщика министерства обороны он видел всего пару раз. Особого интереса пленник не представлял, если не считать его связей с переводчиком Ахмад Шаха. Приехав сегодня в свой загородный дом, он не ожидал застать компьютерщика в живых. В его зендане крысы сумели искушать до смерти не одного пленника. Как удалось выжить этому человеку, понять было трудно! А когда Вазир Хану рассказали о почти двух десятках крыс, выброшенных из подполья наружу, он был просто поражен. Поэтому даже засомневался в показаниях, которые дал ему убитый недавно переводчик из министерства обороны. Несмотря на изощренные пытки, толмач тогда почти ничего не сказал об этом человеке, предположив только, что Фарид Пашид связан с западными спецслужбами.

Наблюдая сейчас за тем, как лежащий на полу пленник пытается осмотреться, приподняться и найти себе опору, Вазир Хан не мог даже предположить, что этот худой, заросший, грязный и оборванный человек был командиром рядового Хасана Вазирова, когда тот служил в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Между тем сам Фарид Пашид даже в таком состоянии понимал, что сейчас имеет дело с тем самым солдатом, предателем и агентом по кличке Саланг.

Когда пленник, наконец, самостоятельно сел на землю, прислонившись к стене, Вазир Хан приступил к своему допросу. Времени у него сегодня было мало, а потому он решил начать сразу с главных вопросов. Его интересовало все: кто направил в Афганистан, агентом какой разведки является, как поддерживает связь, на кого работал переводчик, с кем еще был связан в Кабуле. На все вопросы пленник отвечал коротко, что он компьютерщик.

Вазир Хан задал еще два интересных вопроса.

– По-русски говоришь?

Пашид промолчал.

– Ты мусульмон асти? – предатель схватил измученного человека за волосы и попытался притянуть к себе.

– Педаре ман мусульмон аст!⁵

– Модару ту ки аст?⁶

Пленник опять ничего не ответил.

– Ты коджа мусульман асти? Богу, харкос! – грязно выругался лысый, не поверив в мусульманство пленника..

Не спрашивая Вазир Хана, он решил воочию убедиться в физиологической принадлежности пленника к мусульманству. Подручные приподняли человека. Старший афганец рывком спустил с него до колен штаны. Промежности пленника кровоточили и гноились. Вазир Хан пошутил насчет того, что афганские крысы пострадали из-за того, что попытались сделать обрезание неверному. Афганцы дружно захохотали. Лысый взял нож, приподнял им израненный половой член. Однако видимые следы обрезания члена никак не убедили мучителей. Лысый изувер резко оттянул в сторону крайнюю плоть и так же молниеносно взмахнул кинжалом. Пашид проскрежетал зубами. Испарина выступил у него на лице. Из рук афганцев он выскользнул вниз.

– Иншалла, мусульмон шод, табрик! – Вазир Хан поздравил пленника с полноценным обрезанием. Афганцы вновь захохотали.

Предатель вновь жадно закурил. Ехидно заметил, что Пашид хотя бы умрет сегодня настоящим мусульманином. Заодно выразил негативное отношение к иудейским обрядам обрезания, почему-то решив вдруг, что Пашид принадлежит к этому вероисповеданию. А потом опять приступил к допросу. Вазир Хан сделал какой-то знак одному из своих подручных. Тот неспешно повторил Пашиду еще раз те вопросы, на которые хотел получить ответы. Но пленник упрямо молчал, потупив взор в земельный пол. Тем временем, в зендан вошел еще один афганец. Он принес табуретку с небольшим отверстием в сиденье и металлический кувшин, в котором кто-то попискивал.

«Крыса!» – мелькнуло в сознании Пашида. Дурман в голове понемногу стал рассеиваться. Во всех членах чувствовались боль и непривычная ломка в теле. Он сразу догадался, что задумал Вазир Хан. Это была известная восточная пытка, когда человека сажали на табуретку, крепко привязав к ней. Как правило, такие табуретки были металлическими, они вкапывались и бетонировались в землю. Кувшин ставили вплотную к табуретке и начинали нагревать его до такой степени, что крыса или змея стремились поскорее выбраться наружу. Бывали случаи, когда живность проходила через заднее отверстие человека и выходила через рот. Человек умирал почти сразу.

Насильники раздели пленника догола и усадили на табуретку. «Может, пока не поздно, напомнить агенту Салангу кто есть кто?» – лихорадочно соображал Аркаим. Ему, наконец, удалось вновь взять под контроль свое пораженное дурманом сознание. «А что дальше? Все равно ведь убьет, наркоман!». В эти минуты после

---

5 – Мой отец мусульманин (пер. с дари).

6 – Кто твоя мать? (пер. с дари).

всего пережитого Аркаим готов был даже умереть. Разведчик решил стоять на своем до конца, надеясь только на Бога. Он закрыл глаза, прочитал молитву и едва заметными движениями головы трижды перекрестился. В эти минуты невольно вспомнились родные русские просторы, городок в степной глубинке, лицо верной жены и воображаемые облики двойняшек.

Послушные подручные Вазир Хана крепко держали пленника, а сам он профессионально разжег походную керосинку и стал нагревать металлический сосуд. При этом палач внимательно всматривался в глаза своей жертвы. В кувшине раздалось попискивание, крыса бешено заметалась, раскачивая сосуд, наконец, опрокинув его, животное вырвалось наружу, но тут же бездыханным замерло на полу. Пашид не шевельнулся. Мысленно еще раз перекрестился. Вазир Хан вновь пошутил, заметив, что вовремя сделал обрезание пленнику и тем самым спас ему жизнь. А про себя он решил оставить компьютерщика в живых в надежде, что на него может рано или поздно объявиться хороший покупатель.

Через неделю в афганской хронике новостей прошло сообщение о том, что в Кабуле при загадочных обстоятельствах исчез иностранец Фарид Пашид, который был специалистом по компьютерной технике.

Властелина

В последние годы наплыв мигрантов из Азии и Африки в Великобританию превысил все ожидаемые размеры. Несмотря на скверную английскую погоду, дороговизну жизни и повсеместное господство атеистических ценностей массовой культуры, иностранцы правдами и неправдами стремились сюда попасть и осесть здесь навсегда. Тем не менее многие из мигрантов вовсе не собирались жить в незнакомой стране по ее законам, а приезжали со своим уставом. Компактно расселяясь в новых местах, они сразу организовывались в диаспоры со своими этнорелигиозными традициями повседневной жизни, не собирались отказываться от родного языка и культуры, обычаев семейной жизни и воспитания детей. В Англии стало расти число бизнес-структур, учредителями которых были иностранцы, религиозных организаций. В общественной жизни наиболее активными гражданами в чужой стране сразу проявили себя представители мусульман. Об их более заметном присутствии аборигенам всякий раз напоминали мусульманские магазинчики, шашлычные и развалы продуктов, чайна-тауны и мечети с голубыми куполами.

В отличие от мусульман-суннитов, последователи шиитского вероучения в исламе обязаны совершать молитву пять раз в день. В крайнем случае, молитвы, например дневные, можно объединить в одну – вечернюю. Бурная деловая жизнь и безбожные нравы лондонской жизни не смогли отлучить от веры предков его мусульманское сердце. Он продолжал регулярно посещать мечеть, оказывать финансовую помощь мусульманским организациям и общинам. Единственное, в чем Джахангир не мог себе отказать – это доступные европейские женщины. Он не только активно пользовался услугами проституток, но и стремился соблазнить светских и деловых дам. Его возможности открывать двери высокопоставленных особ заметно увеличились с тех пор, как он занялся информационным бизнесом и учредил информационное агентство, которое работало в интересах местной мусульманской общины.

Хранить в сердце веру и помнить о своей далекой Родине выходцу с мусульманского Востока стало совсем непросто после того, как он, не расторгая своих прежних мусульманских браков, вскоре женился еще раз. Жена оказалась вульгарной атеисткой и не признавала других богов, кроме доллара, евро, фунта, золота и драгоценностей. Теперь, чтобы помолиться, мусульманин вынужден был всякий раз таиться, дабы избежать упреков властной и богатой супруги. Мадлен Рокшилбрайт – так звали новую избранницу Джахангира – была почти на двадцать лет старше своего сексапильного мужа. Она происходила из знаменитого английского рода, владела миллиардным состоянием, огромной недвижимостью в Америке и Европе, а главное, обладала такими международными связями, которые ставили ее в один ряд с влиятельнейшими людьми в мировой политике и бизнесе. В свое время, будучи подданной США, она даже успела поработать в качестве высокопоставленного чиновника в американском госдепартаменте. Оставив госу-

дарственную службу, баронесса переехала в Англию, где, наконец, решила заняться бизнесом, а заодно и обустроить свою семейную жизнь. Дело в том, что, несмотря на то, что она уже не один раз побывала замужем, детей ей Бог так и не дал.

Обрести материнское счастье на старости лет женщине помог предприимчивый афганец в Лондоне. С ним она познакомилась на одном из приемов в главной загородной резиденции английской королевы – Виндзорском замке. В тот памятный вечер немолодая женщина не могла устоять перед восточным красавцем, с которым она случайно познакомилась. Лицо молодого мужчины, подтянутого и модно одетого, пахнувшего тонким парфюмом, излучало таинственную улыбку. После знакомства они сразу увлеклись беседой на международные темы. Афганец продемонстрировал редкое знание цен, индексов и котировок мирового фондового рынка. Вскоре они уединились и почти весь вечер провели в приятной светской беседе. Женщину особенно привлекли в иностранце его быстрый ум и цепкий взгляд. «Для такого восточного красавца, – тогда еще отметила про себя Мадлен Рокшилбрайт, – он слишком умен и энергичен!» На прощание они договорились встретиться вновь и «обсудить актуальные проблемы современности», как выразилась влиятельная особа.

На следующий день лондонская властелина, как за глаза величали известную особу лондонские СМИ, ждала нового избранника в своем замке в пригороде английской столицы. Она хорошо подготовилась. Несмотря на полноту, на вид ей в тот вечер можно было дать не больше сорока лет. Чтобы быть красивой и произвести неизгладимое впечатление на гостя, Мадлен полдня провела в окружении своих услужливых парикмахеров, косметологов и визажистов. Она была почти уверена, что ее изысканный наряд, дорогие украшения, великолепный макияж, крашенные в белый волосы, пышные формы тела и тонкий аромат французского парфюма смогут взволновать не только восточного мужчину.

В результате визит афганца к влиятельной светской особе закончился тем, чем и должен был закончиться. Предприимчивый восточный делец и баронесса провели незабываемую ночь любовных страстей и утех, по крайней мере, как это было воспринято немолодой, но очень богатой светской особой. Прошло совсем немного времени, и по Лондону поползли слухи о том, что знаменитая на всю Англию женщина беременна. Властелина особо этого факта и не скрывала, ей даже было приятно осознавать, что, наконец, она сможет стать матерью и родить ребенка. «Пусть попробуют забеременеть в моем возрасте другие!» – восклицала всякий раз женщина, когда до нее доходили подобные слухи. Тем временем лондонскую светскую тусовку больше интересовал вопрос о том, кто стал новым фаворитом властелины. Наконец все тайное стало явным. Рокшилбрайт объявила Лондону о своем желании вновь выйти замуж. При этом мнение отца будущего ребенка ее мало интересовало. Да у него и просто не было другого выхода, как жениться на миллиардерше, шушукалась лондонская светская публика.

Так в одночасье скромный афганский бизнесмен иранского происхождения Джахангир превратился в английского подданного. Чтобы это случилось, афганец был вынужден публично обвинить во всех грехах правящий тогда в Кабуле режим и попросить политического убежища в Англии. В награду за столь мужественный поступок он и стал мужем влиятельнейшей женщины, лордом Рокшилбрайтом.

Вдобавок он стал обладателем дорогой лондонской недвижимости, а заодно возглавил крупнейший в Европе медиахолдинг. Джахангир, который теперь звался Жангиром, об этом не мог даже мечтать. Он согласился бы и простым сэром пожить в английской столице. «Надо же, лордом стал!», мысленно радовался он и от ощущения своей новой значимости становился еще более напыщенными и самоуверенным. Правда были и потери. Теперь Жангиру были запрещены любовь к Родине, прежняя семья с женами и детьми, другие женщины, а главное – ислам.

В тот день, оставшись один в огромном старинном королевском загородном замке, Жангир Рокшилбрайт, тем не менее, решил помолиться и пообщаться с Всевышним. Его супруги не было, она уехала на очередную деловую встречу, поэтому своих мыслей и чувств можно было не таить. Мусульманин переоделся в легкий национальный наряд. Опустившись на колени, сложив руки перед собой, он начал шепотом читать аят за аятом священный Коран. Общаясь с Всевышним, он постоянно мысленно отбрасывал все другие мысли, которые мешали ему сосредоточиться на смысле молитвы. Он уже завершал вечерний намаз в своей комнате, когда двери в комнату с шумом растворились и в помещение вошла жена. Она была взбешена.

– Почему не встречаешь меня? Опять за свое взялся, шиит, собака безродная! Я предупреждала тебя, чтобы в моем доме не пахло азиатчиной, – баронесса никогда так грубо не бранила своего молодого мужа.

Приблизившись вплотную к мужчине, она схватила его за волосы, рванула в сторону и повалила супруга на пол. От женщины несло спиртным.

– Что за балахон ты на себя натянул? – властелина небрежно пнула лежащего ногой.

Жангир, поднявшись с моельного коврика на полу, ответил жене своим вопросом:

– Зачем пьешь, у нас маленький ребенок?

Он говорил на английском с легким акцентом. В последнее время свою жену он все больше ненавидел, а ее оскорбления на национальной почве переносить вообще было нестерпимо. Однажды, еще в первое время их романтического знакомства, невольно сознавшись своей избраннице в верности Аллаху, он все чаще конфликтовал с супругой из-за ее нападков на ислам. Жангиру стоило все большего труда отвечать взаимностью на сексуальные желания немолодой женщины. Приходилось терпеть, так как женитьба открывала перед афганским бизнесменом невиданные ранее возможности не только в бизнесе, но и в политике.

– Ты мне еще поучивай здесь! Через час жду тебя внизу, будем вместе ужинать. Я соскучилась по тебе! И сними эту гадость с себя и вымойся хорошенько, будешь сегодня свой супружеский долг выполнять. Я так хочу!

Баронесса круго развернулась и, слегка покачиваясь, удалилась.

В тот вечер междугородный телефонный звонок застал Жангира за вечерним туалетом. Звонили из Кабула. Это была его дочь. Юная девушка была в крайнем возбуждении и поэтому, как только поняла, что говорит со своим отцом, перешла на родной язык. Все время путаясь, скороговоркой рассказала родителю о своих бедах и проблемах. Оказалось, что теперь девушка не имеет возможности обучаться работе на компьютере. Учитель, которого девушка всегда, когда звонила в Лондон, представляла как лучшего в мире компьютерщика, к тому же хорошо

владеющего английским языком, пропал без вести. Отец, как мог, попытался успокоить любимую дочку, обещал найти другого преподавателя, даже лучше прежнего. Однако на другом конце телефона плакали и не хотели слышать ни о ком, кроме Фарида Пашида. Отцу ничего не оставалось делать, как пообещать попробовать найти пропавшего без вести человека. Он даже забыл расспросить дочку о делах семейства и передать всем привет, так сильно она его озадачила.

За длинным, богато сервированным столом в большой просторной гостиной муж и жена сидели вдвоем напротив друг друга. Им неспешно и почтительно прислуживали двое слуг. Худая высокая чопорная англичанка лет сорока и полноватый молодой мужчина негритянского происхождения подносили всё новые и новые блюда, открывали бутылки, поправляли салфетки. Свет в просторной гостиной был приглушен. На столе горели свечи. Хозяйка подала знак прислуге и та удалилась.

– Дорогой, должна тебе сообщить важную новость. Со следующего месяца тебе доверено представлять мои интересы в международных финансовых структурах. Как понимаешь, это особая честь и доверие. Верю, что оправдаешь! Поздравляю!

Женщина подняла бокал с вином. Муж поднялся со стула, встал на одно колено и поцеловал руку женщине. Властелина отпила несколько глотков, поставила бокал и поманила мужа к себе. Они поцеловались в губы. Жангир, почувствовав трепет женского тела, поспешил отстраниться. Его давно уже тошнило от одной только мысли о предстоящей близости с властелиной мужских сердец.

Мадлен была в хорошем настроении. Она пила, закусывала и все время говорила. Жангир редко видел жену выпившей, но когда это происходило, она могла наговорить такого, чего ни в одной газете или книге не прочитаешь. На следующий день будет бесполезно возвращаться к разговору: Мадлен обязательно сделает вид, что ничего не помнит, или просто отшутится. Поэтому сейчас муж приготовился внимательно слушать.

– Теперь понимаешь, почему я так отношусь к твоим азиатским привычкам? Не раз тебе говорила, что в тех кругах, в которые тебе посчастливилось войти, не принято проявлять свои религиозные и национальные чувства.

– Но есть люди твоего круга, которые не стесняются проявлять свои религиозные чувства! – супруг осмелился перебить баронессу.

– Мы – это другое дело. Истории этого народа почти шесть тысяч лет! Сегодня почти весь мир в наших руках.

– Исламу тоже много лет, более миллиарда людей на вопрос, кто ты такой, отвечают: я мусульманин!

– Заткнись. Что ты можешь знать про ислам? Все мировые религии авраамического корня мало чем отличаются от какого-нибудь коммунистического геополитического проекта, целью которого было покорение территорий и народов, формирование основ нового мирового порядка. Когда стало ясно, что «красный проект» перехватил у большевиков и возглавил Сталин и стал уходить из-под контроля, понадобился Гитлер.

– Зачем?

– Мой дорогой мальчик, ты не усвоил моих уроков, и боюсь, что тебе рано доверять серьезные дела.

Властелина заговорила на повышенных тонах. Ее большие выпученные глаза округлились. Супруг поспешил реабилитироваться. Он вновь приник к женщине, обнял и поцеловал ее. Затем поднял бокал, произнес еще один тост за самую умную и красивую женщину в мире. Мадлен немного смягчилась.

– Гитлер – это отдельная тема. Он тоже не с неба свалился. Это один из самых успешных исторических проектов. Адольф Аилозович Шикльгрубер выполнил свою миссию, возглавив процессы пробуждения национального самосознания немцев. Без него сложно было бы столкнуть в самой кровопролитной войне двух потенциальных союзников – немцев и русских. И сегодня ни те ни другие уже никогда не смогут успешно конкурировать на мировой арене. Гитлер помог создать государство Израиль.

– Но СССР тогда победил, не правда ли?

– Это была пиррова победа. Кремль был обречен! «Холодная война» окончательно решила исход глобального столкновения Запада и Востока не его в пользу. Правда, нам пришлось за это хорошо заплатить. Одна «афганская война» чего только стоила нам! Но и СССР, которого удалось втянуть туда, не выдержал людских и материальных затрат и надорвался. Уход из Афганистана стал началом неизбежного распада СССР.

– Значит, и политика национального примирения в Афганистане, и новое политическое мышление и перестройка Горбачева – звенья одной цепи?

– Мальчик, смелеешь на глазах! Со мной можно, а вот за пределами нашего дома – не смей! Понятно, милашка?

Женщина протянула руку и слегка похлопала мужа по щеке. Супруг выдавил из себя подобие улыбки.

– Безусловно, мира без войн не бывает. Это человеческая природа. Побеждает всегда умный, хитрый и сильный.

– А что делать честным, порядочным, набожным?

– Покориться и жить. Каждому свое!

– Этот лозунг, кажется, был написан на воротах гитлеровских концлагерей.

– Он не потерял актуальности и сегодня. Установить миропорядок без насилия невозможно. Поэтому и созданы были в свое время США, как витрина капитализма и одновременно военный гарант гегемонии доллара во всем мире. Кто не с нами, то против нас! Если аятоллы в Тегеране этого не поймут, Иран получит новую войну, но уже не с Ираком, а с США и их союзниками.

– Это же настоящий фашизм, когда массовое убийство поставлено на поток! А если мир когда-нибудь узнает об этих чудовищных планах?

– О планах можно узнать, но вынести информацию наружу невозможно. У нас длинные руки, запомни это, мой мальчик! Ты задаешь слишком много вопросов, мне это может надоесть, и тогда тебя ждет незавидная судьба. К нам легко прийти, а уйти с такой информацией можно только из жизни, – баронесса самодовольно ухмыльнулась.

– Извини, дорогая, я выбрал свой путь, мне без тебя и нашего ребенка жизни уже не будет.

– Дорогой, вот это корректный ответ! И пойми, наконец, в наших рядах много представителей самых различных цивилизаций, этносов и вероучений. Космополитизм, доллар, информация – наши главные средства достижения целей уста-

новления тотального мирового порядка. Кстати, тебе доверено управлять крупнейшим информационным ресурсом мира. Цени это и помни: многие хотели бы войти в наши ряды, но не каждому предоставляется такая возможность. Тебе повезло, ты отец моего ребенка!

– Я знаю, спасибо, я признателен, я люблю тебя!

Жангир, пожалуй, впервые услышав такие откровения властелины, вновь заговорил заискивающе и примирительно. Неожиданно на ум ему пришла известная русская пословица: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке». И действительно, властелина была сильно пьяна, и ее продолжало нести.

– Никому нет дела до судеб отдельных народов. Если они становятся лишними, должны будут исчезнуть. И не важно, речь идет о твоих или моих соплеменниках, русских или американцах. Нет, нет и еще раз нет! Конечно, опыт многовековых скитаний и испытаний превратил моих единоверцев в уникальное и одновременно универсальное средство уничтожения национальных государств. Это революционные дрожжи, которые способны забродить практически в любой географической точке Земли, вызвать социальный хаос и снести в наших интересах любую национальную власть. Мир без национальных границ – это будущее планеты Земля! По-другому просто нельзя, кто-то обязательно должен править миром, иначе апокалипсис. Знаешь главное противоречие современной эпохи? – женщина вновь самодовольно ухмыльнулась. – Это противоречие между огромной, многомиллиардной, численностью населения Земли и острым дефицитом ресурсов, гиблой экологией. Понимаешь, много людей лишних на Земле. Жаль, но иранцы тоже лишние. Они так и не усвоили уроков Пурима⁷. А вот тебе повезло! Ты отец моей дочери, – еще раз подчеркнула властелина.

Легкая улыбка появилась на губах немолодой женщины. На ее пьяном лице проступили глубокие морщины.

– А теперь хватит политеса. Веди меня на ложе. Сегодня ты обязан до конца выполнить свой супружеский долг. Я хочу тебя, мой милый шиит! Тс-с...

Баронесса поднесла ко рту палец. Затем она пьяно улыбнулась. Явно устав от политической дискуссии, властелина желала сексуальных утех. Жангир допил красное вино из бокала, наполнил его шотландским виски и залпом выпил. «Почти по-русски!» – мелькнула у него в сознании мысль. Почему-то вспомнились времена русских застолий и попоек во время учебы в советском военном училище. Он невольно улыбнулся.

Часам к трем ночи Жангир выполнил свой супружеский долг. Немолодая женщина, развалившись на всей большой двуспальной кровати, уже закрыла глаза, не то от желания спать, не то от удовольствия. Большой живот тяжело поднимался и опускался. Старческий храп баронессы нарастал. Муж, поморщившись, небрежно накинул одеяло на голое тело жены, а затем направился в ванную комнату. Быстро наполнив джакузи, мужчина забрался в воду. Закурил сигару. Мысли унесли его в далекое прошлое.

---

7 – Пурим – еврейский праздник, отмечается в связи с со спасением евреев, проживавших на территории Персидского царства. Защищая свои жизни, евреи убили около 76 тысяч персов.

Судьба агента

Когда в семье известного иранского ученого из Мешхеда родился, наконец, сын, его назвали Джахангиром, что в переводе с фарси означало «властелин мира». Как рассказывал отец, он дал малышу это имя в надежде, что его сын на пути к самосовершенствованию и познанию законов Всевышнего станет властелином праведных дум и поступков. Ученый был одним из тех, кто тогда не боялся открыто симпатизировать аятолле Хомейни, в свое время возглавившему борьбу иранского народа против ненавистного шахского режима. Однако ученый не дожился до триумфального возвращения Хомейни в Иран из Франции, где тот в последнее время находился в эмиграции, счастливого дня для всех иранцев, когда свершилась долгожданная исламская революция и восторжествовали идеалы исламской справедливости. Всего за несколько месяцев до падения проамериканского режима в Тегеране известного ученого схватила шахская охранка, заточила в тюрьму. Там он вскоре скончался, не выдержав зверских пыток.

Семья была вынуждена эмигрировать в Афганистан. В соседней стране к этому времени победила Саурская⁸ революция и к власти в Кабуле пришли коммунисты. Семью известного антиамериканиста в братской стране приняли неплохо. Не без помощи новых властей Джахангир, который к тому времени успел окончить три курса Тегеранского университета, успешно перевелся и продолжил учебу в политехническом институте. Ему даже предоставили небольшую комнату в студенческом общежитии, где он поселился вместе со своими родственниками. Невольно попав в водоворот революционных событий, он оказался востребованным в рядах новой власти. Еще будучи студентом, был отмечен как активный борец против американского влияния в Афганистане. А сразу после окончания института был направлен на учебу в Советский Союз, где ему предстояло шесть лет учиться на военного журналиста.

Начать успешно делать карьеру ему помогла женитьба на дочери влиятельного афганского дипломата, который, несмотря на все революционные передряги и череду изменений в высших эшелонах власти, продолжал занимать важный пост в афганском министерстве иностранных дел. Едва Джахангир уехал на учебу в СССР, как из Кабула пришло радостное известие – бывшая однокурсница родила ему сына. Когда он уже учился на третьем курсе, жена родила второго сына.

Сразу после окончания военного училища молодой офицер вернулся в Кабул. Однако приехал Джахангир не один. На четвертом курсе он по уши влюбился в русскую блондинку, которая работала учительницей русского языка на специфальтете военно-политического училища, где афганский военный служащий учился на военного журналиста. Почти два года обхаживал он девушку, пока та

---

8 – Апрельская (пер. с дари).

не дала согласия выйти замуж за иностранца. Поэтому вместе с Джахангиром в страну гор прибыла и его русская жена, которая к тому же и приняла подданство Демократической Республики Афганистан. Любимая русская женщина родила Джахангиру очаровательную дочку. Он, не долго думая, решил, что имя должно быть одновременно и иранским, и русским. Так девочку стали звать Мариам. Это имя носила бабушка Джахангира по отцовской линии. Отец не раз обращал внимание сына на то, что Иран – это часть территории древней Арианы, а иранцы не только носители исламских ценностей, но и прямые наследники древнейшей арийской культуры. «Мария, – говорил отец, – это Мать Ария».

Все складывалось бы хорошо, только вот русская жена никак не могла смириться со своей участью второй жены образованного афганца, который скрыл от нее, что уже женат и имеет двоих сыновей. Теперь, в Кабуле, супруг уже не был тем галантным кавалером, который так ревностно и внимательно ухаживал за девушкой в Советском Союзе. Больше всего огорчало русскую жену, что муж без всякого зазрения совести через день делил свое супружеское ложе и с первой женой, оставляя ее спать одну в холодной постели. Она пыталась с ним несколько раз объясниться, но Джахангир отшучивался, ссылаясь на мусульманские обычаи и традиции. В результате бывшая советская подданная стала все чаще тосковать и грустить, болеть и хиреть. Женщина правдами и неправдами пыталась вырваться из Афганистана и уехать в Советский Союз.

Тем временем Джахангир продолжал делать стремительную карьеру. Попав после окончания советского военного училища служить в ХАД, он окончил годичные курсы русского языка по линии министерства иностранных дел, после чего отец первой жены предложил ему выбор: поехать работать в посольство ДРА в Индию или в Иран. Выбор, естественно, пал на Тегеран, куда капитан ХАД выехал один, без семьи.

Первые годы жизни на исторической родине вновь вернули его к беззаботным временам юношества. Особенно трогательной оказалась поездка в родной Мешхед, куда он однажды отправился в нарушение всех инструкций. Он бродил по базарным улицам родного городка, дышал родным воздухом и не мог насытиться, любовался картинками до боли знакомого пейзажа и не мог насмотреться. Трепетные чувства вызвали встречи с близкими и дальними родственниками. Однако все это время Джахангира беспокоила слезка, которая особенно явно велась за ним здесь, на малой родине. К счастью, все тогда обошлось. Вернувшись в Тегеран, он продолжил свою работу в посольстве.

Серьезные перемены в жизни афганского разведчика произошли спустя год. В один из мусульманских выходных дней, пятницу, Джахангир встречался с иранской девушкой. С ней он познакомился полгода назад. В отсутствие семьи и жен иранка помогала афганскому дипломату скрасить мужское одиночество. Как обычно, парочка совместно проводила время в неприметном отеле, который находился в северной части города, где располагалось большинство иностранных посольств и проживала иранская элита. По взаимной договоренности любовники вначале ужинали в гостиничном ресторане, а затем уединялись в заранее заказанном номере.

В тот вечер Джахангир, получивший от сексуальной партнерши очередную порцию удовольствий и наслаждений, развалившись в широкой гостиничной кровати, курил и смотрел телевизор. Дикторы, мужчина средних лет без галстука и молодая женщина с покрытой головой, вели новостную программу. По телевизору показывали сюжеты боевых действий на фронтах ирано-иракской войны. Тем временем девушка уже оделась и сосредоточенно копалась в своей сумочке. Мужчина поднялся с кровати, оделся и достал из кармана пачку денег, состоящую из долларов и туманов⁹. Несколько денежных купюр он протянул любовнице. Она, не пересчитывая, взяла деньги, а в ответ протянула фотографию. На небольшом фото отец Джахангира был сфотографирован с лидером иранской исламской революции аятоллой Хомейни. На обороте фотографии от руки были написаны место и время фотографирования: «Париж, 1978 г.». Сын сразу узнал почерк своего отца. Он невольно прижал фотографию к груди. Потом нехотя вернул ее обратно.

– Откуда?

– Из архива Корпуса стражей исламской революции Ирана.

– Откуда это у тебя?

– Меня попросили показать тебе.

– Кто?

– КСИР.

– Что ты говоришь, душа моя? Разве ты работаешь в Корпусе стражей исламской революции? Разве ты обманула меня, когда рассказывала о своей учебе в Тегеранском университете, что ты вдова, а твой муж погиб на войне? – Джахангир не на шутку разволновался.

– Нет, милый! Все правильно.

– Что это все значит? Чем могу служить?

Девушка разорвала фото пополам.

– Что ты делаешь? – мужчина попытался ухватить за руку молодую женщину.

– Эта половинка останется у тебя. Когда ты понадобишься, тебя найдут и при встрече предъявят вторую половинку фотографии.

– Ты меня вербуешь? А если я не соглашусь?

– Я больше ничего не знаю. Мне очень жаль, но мы больше не встретимся! – бросила на прощание девушка.

Так они расстались. Джахангир еще долго анализировал содержание и все детали встречи, опасаясь провокации со стороны иранских спецслужб. Вскоре появившиеся семейные проблемы на какое-то время отодвинули на второй план случай с попыткой его вербовки. Через полгода в Кабуле скоростно скончалась русская жена Джахангира. Супруг срочно вернулся в Афганистан и быстро связался с родителями умершей. По их настоятельной просьбе он организовал отправку гроба на Родину – в СССР. Так он выполнил свой долг перед женщиной, которая ради него готова была пойти на всё. Несмотря на свой малый возраст, больше всех расстроилась пятилетняя Мариам. Тщетно отец успокаивал дочку. Она звала любимую маму, ждала ее возвращения.

---

⁹ – Иранские деньги.

В Тегеран Джахангир не вернулся. К тому времени советские войска уже покинули Афганистан и обстановка в стране была крайне сложной и противоречивой. Влиятельный тесть Джахангира, который готовился отойти от дел и уйти на пенсию, в последний раз подсуетился и решил вопрос о направлении зятя в Лондон. О работе за границей в такой стране можно было только мечтать. Однако зять не сдержал данное тестю обещание, что в этот раз отправится за границу только вместе с семьей.

Вот там, на берегах туманного Альбиона, «ксировцы» вновь и нашли афганца и предложили ему сотрудничество. Серьезный бородатый человек, представившийся членом руководства одной легальной мусульманской общественной организации, предъявил фотографию и сразу напомнил, что в Иране очень надеются на сына известного ученого, который не пожалел жизни ради торжества идеалов исламской справедливости в Иране. Уже при следующей встрече незнакомец обсудил с Джахангиром перспективы сотрудничества в связи с падением режима Наджибуллы в Кабуле. Ему было рекомендовано ни при каких условиях не возвращаться обратно в Афганистан, а уже сейчас учредить фирму и заняться бизнесом, продолжать налаживать деловые связи. Заодно пообещали афганцу позаботиться о его семье в случае дальнейшего осложнения обстановки.

В Кабуле про одного из бывших сотрудников ХАД долго не вспоминали, а поэтому он продолжал спокойно работать, даже не получая казенных денег из Афганистана, где к власти к тому времени пришли талибы. Вспомнили о Джахангире, когда до Кабула стали доходить слухи об особой предприимчивости бизнесмена, учредившего информационное агентство, а также его любовных связях с одной известной английской особой. Хотели вызвать в Кабул, но он даже не ответил. А вот в Тегеране женитьбу своего агента на влиятельной особе приветствовали. Вскоре офицера КСИР поздравили с присвоением очередного офицерского звания.

Так и не заснув в эту ночь, лорд Рокшилбрайт рано утром выехал в свой лондонский офис. За окном кабинета на двадцатом этаже шел дождь. Хозяин кабинета с наслаждением курил сигару и смотрел сверху вниз на город, над которым ступились тучи. Ровно в девять утра секретарша доложила о прибытии помощника руководителя медиахолдинга.

Рокшилбрайт предложил подчиненному присесть.

– Зовут человека, который меня интересует, Фарид Пашид. Более полугода назад он пропал без вести в Афганистане. Надо установить, жив ли он. Если да – то где находится. Куда его надо будет доставить я сообщу позже. Если требуется, определитесь с ценой вопроса. И подготовьте мне полное досье на этого человека.

Маковый рай

В деревне, откуда шла родословная Аркаима по материнской линии, дед выращивал мак. Красная поляна в саду радовала глаз и манила к себе. Когда маковые лепестки осыпались, внуку нравилось раскрывать головки, наполненные мелкими семенами. Высыпав черные мелкие зернышки в руку, он с удовольствием забрасывал все содержимое раскрытой ладони в рот. Вкусной получалась и выпечка с маком, которой любила баловать внука бабушка. Но как несовместимы были те детские воспоминания и представления с тем, что ему пришлось увидеть и пережить в Афганистане, где бело-фиолетовые и красные поля мака стремительно захватывали всё новые земли в стране гор.

После ухода советских войск из Афганистана материальная помощь стране со стороны противоборствующих сил, прежде всего СССР, с одной стороны, и США и их союзников – с другой, стала постепенно сходить на нет. За десятилетие войны вооруженные афганцы привыкли к щедрой материально-финансовой поддержке и не особо стремились вернуться работать в поля, а искали новые способы пропитания. Ослабление центральной власти в Кабуле позволяло афганцам на местах возродить и расширить массовое производство наркотиков. Выращивание мака зачастую являлось единственным источником доходов для афганских крестьян. В условиях постоянной засухи хлеб мог запросто погибнуть, в то время как маку почти не надо воды. К тому же пшеница на афганском рынке всегда стоила дешево. Поэтому простым афганцам не было дела до того, сколько людей в мире погибает от афганских наркотиков, главное – чтобы их семьи не умерли с голоду.

К концу XX столетия стало ясно, что еще ни одна страна в мире, кроме Китая середины XIX века, не производила столько наркотиков, сколько Афганистан. По данным ООН, в стране производилось около девяноста процентов опиума, поступающего на мировой рынок. Большая часть героина, реализуемого в Европе и Восточной Азии, произведена из афганского опиума. Площадь опиумных плантаций достигала двухсот тысяч гектаров. Доходы афганских «наркобаронов» составляли миллиарды долларов. Даже «Талибан» и другие вооруженные группировки, которые сначала как-то боролись с наркопроизводством, стали непосредственно участвовать в наркобизнесе.

В те годы в Афганистане развернулась настоящая война за контроль над производством и поставками наркотиков на внешние рынки. Внутриафганская склока возникла не без вмешательства извне. Самыми активными здесь оказались американцы и пакистанцы. В окружении бен Ладена, которого американские спецслужбы приручили еще со времен советского военного присутствия, за бесперебойный наркотрафик в Россию и другие страны Содружества Независимых Государств отвечал Вазир Хан. Он давно уже зарекомендовал себя жестким и бескомпромиссным менеджером, жадным дельцом. В стремлении достичь своих целей наркоделец не гнушался никакими методами и средствами: подкупал таможенников, пограничников и чиновников, подставлял правоохранительным органам или убивал наркокурьеров. За свою работу он получал неплохие комиссионные. Кроме того, Вазир

Хан хорошо зарабатывал на работоторговле, механизм которой работал просто и безотказно. Вначале его люди в крупных городах СНГ подсаживали на иглу влиятельных и богатых людей или их детей, а затем выкрадывали их и переправляли на Северный Кавказ или напрямик в Афганистан. Затем за возвращение пленников домой выставялась кругленькая сумма в долларовом эквиваленте. Тем временем заложники отправлялись в рабство, в том числе в качестве рабсилы на наркопроизводство. Тех из рабов, кого не выкупали, ждала печальная участь.

Вазир Хан на наркобизнесе хорошо поднялся. Он владел большой недвижимостью не только в Афганистане, но и в Узбекистане, имел немалые сбережения в валюте и, если бы не прогрессирующая наркозависимость, мог бы добиться большего влияния в окружении Усамы бен Ладена. Невзирая на подозрительность и недоверие, которые испытывали американцы к Вазир Хану, ему, благодаря узбекским связям, удавалась продолжать играть свою игру. От него требовалось получать информацию об общей схеме посевов и сбора урожая опийного мака и переработки сырца, его централизованной доставки на пункты складирования, торгово-расчетных операциях, а также маршрутах поставок. Самому Салангу больше всего хотелось получить доступ к другим наркотрафикам, в частности в Европу, где можно было зарабатывать несравнимо большие, чем в СНГ, деньги и приобрести более влиятельные связи. С этой целью предприимчивый наркоделец и пристроил на время своего человека в святая святых одного из афганских наркокартелей – группу учета поставок урожая мака на склады и первичной очистки опия-сырца.

Так Фарид Пашид вновь оказался в тех знакомых местах, где ему в свое время приходилось служить еще советским офицером. Здесь, в непосредственной близости от афгано-пакистанской границы, в зоне пуштунских племен разместилась крупная база складирования и первичной переработки опийного сырца. Пашид неплохо устроился. В отличие от других рабов, ему предстояло обслуживать компьютерную технику, которой недавно оснастили группу учета. Здесь всем заправляли американцы и пакистанцы. Пашид своим наметанным глазом сразу увидел, что за компьютерами работают только сотрудники пакистанской спецслужбы. Его подпускали лишь для закладки программ, да и то далеко не всех, и устранения неисправностей в оборудовании. Но и этого хватило, чтобы Пашид нашел возможность для копирования отдельных материалов на дискету, которую ему удалось раздобыть по случаю.

Жил он в бараке в небольшой комнате вместе с двумя охранниками, охранявшими деревянный модуль. Утром и вечером он должен был прислуживать охранникам, убирать в бараке, мыть посуду и выполнять другие хозяйственные работы. Тем не менее, компьютерщику можно было позавидовать. Другие рабы жили несравненно хуже его. Утром охранники, невзирая ни на что, одновременно гортанными криками, кулаками, пинками ног и прикладами автоматов вытаскивали пленников на работы. В дни посевов и уборки урожая большинство из них с утра до вечера гнули спину на маковых полях, прилегавших к лагерю. В другое время обитатели лагеря горбились на складах, прогибаясь под тяжестью тюков с опиумом. В лучшем положении были те рабы, которые занимались обустройством территории и строительством новых складов, ремонтом помещений в административных модулях. Компьютерщик с содроганием сердца наблюдал за нравами и порядками, царившими в лагере. По внутренней территории, обнесенной колючей проволокой, охраняемой

людьми с собаками и оружием, рабы передвигались только строем и бегом. Кто отставал – того охранники избивали до тех пор, пока пленник не поднимался на ноги и не бежал догонять строй. Ночевали рабы в специальных отдельно огороженных загонах, там же их кормили утром с восходом солнца и вечером, сразу после его захода. Как правило, давали грязную похлебку в целлофановом пакете и куски несвежих лепешек, видимо объедки. Единственной радостью для многих пленников была возможность получить очередную дозу бесплатной наркоты. От передозировок, жизни впроголодь, непосильного рабского труда и издевательств охранников люди постоянно болели и умирали как мухи. Трупы рабов ежедневно вывозили за пределы территории и где-то в предгорьях исполинских гор Гиндукуша, окружавших лагерь, закапывали или сбрасывали тела вниз в глубокие горные ущелья. Лишь немногим удавалось спастись, как правило тем, за кого могли заплатить хорошие деньги.

Почти ежедневно в лагерь прибывали новые партии людей. Среди них было немало рабов из России. Их Пашид легко узнавал сразу по внешнему облику и другим признакам, которые были присущи его соотечественникам. У него не раз возникала мысль попробовать организовать людей для восстания или массового побега. Однако Пашиду под угрозой смерти было запрещено контактировать с другими рабами. Поэтому он никак не мог на что-нибудь серьезное решиться. К тому же с каждым днем он чувствовал себя все хуже и хуже. Плохая кормежка, принуждение к употреблению наркотиков давали о себе знать.

Тем не менее, Пашид ни на минуту не забывал о том, что и здесь, в лагере смертников, он остается Аркаимом, который находится на войне. Уже через месяц разведчик знал о том, что в лагере осуществлялась не только первичная очистка опия-сырца, который затем переправлялся в соседние страны для углубленной переработки на предприятиях химической промышленности. Здесь, в непосредственной близости от перевалочного пункта на пакистано-афганской границе, был создан замкнутый промышленный цикл, включающий в себя выращивание опийного мака, экстрагирование опия-сырца, его переработку в морфий и далее в конечный продукт – высококачественный гидрохлорид – героин.

Военный разведчик также вскоре выяснил, что существовала полноценная банковская сеть кредитования под будущие урожаи опийного мака, с недавних пор были организованы поставки минеральных удобрений и ингредиентов для изготовления героина с химических заводов в Пакистане. Складирование и крупнооптовая реализация продукции осуществлялись на героиновых рынках пакистанского Читрала и афганского Кандагара. Транзитный узел перед отправкой наркотиков по «южному пути» функционировал в Карачи, а северо-западный наркотрафик пролегал через страны Средней Азии и Кавказа. В Россию наркотик тоже попадал, преимущественно через Горный Бадахшан. Отпускная цена килограмма высококачественного героина в лагере не превышала тысячи долларов. «Таким образом, со своими рабами администрация лагеря расплачивается ежедневными дозами по бросовой цене», – размышлял про себя Аркаим, пытаясь вычислить цену одной ежедневной инъекции.

На жестких дисках компьютеров военный разведчик нашел много другой ценной информации. В электронной бухгалтерии администрации содержалась разрозненная информация о расходовании значительной части средств от продажи наркотиков на оплату и финансирование деятельности исламских неправительственных организа-

ций в Европе и странах СНГ, строительство мечетей и развитие сети религиозных школ. Особый интерес представляла информация о приобретении и поставках оружия и спецтехники, оплате подготовки боевиков, диверсионных актов и т. п.

Почти сразу Пашид выяснил, что основные людские поставки россиян в лагерь в то время шли через Чечню. Представители де-факто независимой Республики Ичкерия были частыми гостями в лагере. Они не только поставляли рабов, организовывали последующий выкуп их и переправку обратно домой, но и занимались транспортировкой партий наркотиков. В отличие от других иностранцев, которые преимущественно общались на английском языке, вайнахи изъяснялись на русском. Пашид, время от времени появлявшийся в коридоре, иногда слышал такие обрывки разговоров экспрессивных чеченцев с главными действующими лицами в администрации лагеря, что дух перехватывало. Так, он выяснил из разговоров в администрации лагеря, что недалеко от лагеря функционирует международный военный центр по подготовке боевиков для ведения подрывной деятельности в Средней Азии, Китае, на Северном Кавказе, в Крыму и на Балканах. Много проскакивало информации о планах талибов в отношении стран Средней Азии, Чечни, Абхазии и Осетии – Кавказского региона. Неделю назад Пашин выяснил, что скоро, примерно в конце июня, в Крыму состоится закрытая встреча представителей западных спецслужб с членами руководства Республики Ичкерия и некоторыми полевыми командирами. Аркаим всякий раз очень сожалел, что лишен какой-либо связи со своими товарищами в Душанбе или Москве. Приходилось всё запоминать. Однако наркодурман, в который раз за разом погружался пленник после получения очередной наркодозы, мешал думать и глубоко анализировать добытую информацию. Данные, хранившиеся на дискетке, быстро устаревали, и он был вынужден, всякий раз рискуя, обновлять электронную информацию.

За полгода нахождения в лагере Пашид виделся с Вазир Ханом всего один раз, да и то непродолжительное время. Наркоделец прибыл за очередной партией наркоты. Несмотря на его желание пообщаться со своим рабом наедине, ему разрешили это сделать только в присутствии охранника. Вазир Хан был, как всегда, под кайфом, предложил даже уколоться Пашиду, но тот отказался. Все время, пока разговаривали, приглядывался к собеседнику, а потом неожиданно выпалил:

– Я все думал, где я мог тебя видеть раньше...

Вазир Хан сделал паузу. Пашин внутренне весь сжался. «Если он меня сейчас разоблачит, убью скотину, а дальше – умирать, так с музыкой». В голове разведчика сразу созрел план. Пашид внимательно взглянул на охранника. Тот дремал, сидя на стуле у дверей. У него между ног был зажат китайский «калаш».

«Может, ему про встречу в Панджшере напомнить, чтобы переключить внимание?» – мелькнула мысль у разведчика. «Нет, нельзя», – внутренне сжался Пашид. Однако после небольшой паузы среагировал на догадки своего похитителя.

– Может, в Кабуле?

– Нет, не путай меня!

– Мне хорошо известно, что ты на какие-нибудь «Мосад» или «Ми-5» работаешь, я не сомневаюсь в этом. Переводчик Ахмад Шаха тогда сдал тебя. А они за своего агента всегда заплатят. Иначе сгниешь здесь. Скажи спасибо, что я тебя в администрацию пристроил.

- Спасибо! Хвала Аллаху!
- Что, намаз совершаешь!
- Как положено сунниту, три раза в день!
- Пашид, а ведь я просил тебя кое о чем.

Вазир Хан невольно перевел глаза на охранника. Тот продолжал преспокойно дремать. Пленник, который стоял перед своим похитителем, развел руками, дав понять, что пока ничего не получается. Аркаим не собирался делиться никакой информацией об афганском наркобизнесе со своим похитителем. Он продолжал надеяться, что рано или поздно вырвется из когтей региональной наркомафии.

- Плохо. Старайся! Если получится, вытащу отсюда, возьму в дело.

Вазир Хан произнес эту фразу скороговоркой, чтобы не вызвать подозрений у охранника. Но тот среагировал на изменение тональности беседы. Тогда узбекский агент Саланг решил сразу завершить разговор. Ему хотелось оставаться вне подозрений у администрации лагеря, которая вся состояла из кадровых разведчиков. Шпионский клубок, который за последнее время оказался свитым вокруг афганского опиума в зоне пуштунских племен, был невидимыми нитями связан не только со спецслужбами ведущих западных стран, но и со структурами мировой финансовой закулисы.

Сразу после отъезда Вазир Хана Пашид еще больше укрепился в своем намерении бежать из наркотического рая. Такая возможность представилась через неделю. В тот день несколько рабов из числа россиян, недовольные постоянными избиениями, пошли на отчаянный шаг. Уже стало темнеть и каторжники, как всегда бегом, возвращались с работы. Один из них не побежал и отстал. Охранник стал его избивать. В этот момент из общего строя выскочили несколько смельчаков. Они с голыми руками вступили в неравную схватку с вооруженной охраной. Некоторым из храбрецов даже удалось овладеть оружием. К месту массовых столкновений прибыла дополнительная охрана. Восставших рабов сразу изолировали и стали расстреливать в упор. Собаки с ожесточением рвали окровавленные тела пленников.

Аркаим, все это время находившийся в модуле, в комнате охранников, которые сразу ушли на подавление восстания, решил воспользоваться суматохой и паникой, чтобы попытаться исчезнуть из лагеря. Он незаметно проскользнул к лагерным воротам. Там остался стоять лишь один охранник. Пашид быстро огляделся. Поблизости не было и собак. Разведчик незаметно подкрался к охраннику и, собравшись с силами, набросился на него, повалил на землю и стал душить. Тот не успел даже вскрикнуть. Забрав автомат, Аркаим исчез. К утру Пашид удалился от лагеря километров на пятнадцать. Совсем обессилев, он спрятался в горной расщелине и сразу заснул. Проснулся от громкого лая собак. Перед ним стояли охранники из лагеря. Автомата рядом уже не было. Соппротивление было бесполезно.

В наркотическом рае Пашида избили до полусмерти, но оставили в живых. Через несколько дней его даже опять допустили к компьютерным работам в администрации. Специалистов его уровня в лагере просто не было. Однако теперь к Пашиду была приставлена отдельная охрана. Его лишили доступа к радиоприемнику, который служил ему единственным информационным окном. По вечерам для профилактики охранники дружно избивали компьютерщика. Аркаим все чаще стал думать о смерти. «Просто так я не умру. Умирать, так с музыкой!» – твердил он про себя и искал возможность выкрасть гранаты у охранников.

Шелковый путь

Великий шелковый путь, возникший еще в давние времена, сыграл большую роль в развитии экономических связей народов Китая, Центральной Азии, Кавказа и Ближнего Востока. Он был не только главным торговым путем, но и важнейшей артерией культурного, религиозного и технологического взаимопроникновения. Однако на рубеже XX и XXI веков Великий шелковый путь все больше стал суживаться до наркотрафика, главного канала нелегальных поставок оружия и торговли людьми.

Из своей очередной командировки Вазир Хан вернулся в маковый рай гораздо раньше обещанного времени. В предгорьях исполинских вершин Гиндукуша уже стояла невыносимая жара. В условиях повышенной влажности даже местные аборигены с трудом переносили сорокоградусную температуру. Вечером наркоделец вызвал Пашида к себе в модуль. Разговор начался с того, что Саланг стал жестоко избивать раба. Стало ясно, он не мог ему простить попытки побега. Пашид упал на пол, сжавшись в клубок и закрыв голову руками. «Видимо, это уже точно конец!» – мелькнуло в воспаленном сознании разведчика. Однако минут через десять Саланг успокоился.

– А теперь слушай хорошую новость!

Вазир Хан ударил лежащего на полу человека ногой.

– На тебя нашелся покупатель!

По выражению заросшего лица пленника, на котором поблескивали старенькие очки в металлической оправе с потрескавшимися стеклами, невозможно было понять, обрадовался он или нет. И действительно, Аркаим не знал, как относится к этому внезапному сообщению. Мысль о том, что это ГРУ по своим каналам нашло его и решило выкупить у наркомафии, одновременно грела сердце и пугала военного разведчика. При возникновении перспективы возвращения домой уж очень не хотелось бесславно завершить свою карьеру в Афганистане.

– Кто?

– Жангир Рокшилбрайт, лорд, но он сам с Востока. Джахангир его настоящее имя. Знаешь этого человека?

– Нет!

Пашид ответил, почти не раздумывая. Имя лорда он уже слышал. «Точно в Кабуле!» – мелькнуло в сознании. Перед глазами как-то сразу всплыло милое личико его афганской ученицы, матью которой была русская учительница из бывшего СССР. «Мир тесен, и здесь след Джахангира!» – Аркаим внутренне напрягся, но ощутил предчувствие возможного освобождения из под контроля Вазир Хана.

– Скрываешь? Правильно делаешь! Но я и так знал, что ты – человек фининтерна!

– Когда едем? – вопросом на вопрос спросил Пашид, сразу пытаясь осмыслить все только что сказанное Салангом.

«Медиамагнат Рокшилбрайт, несомненно, не последний человек в Лондоне. Однако какое отношение он может иметь к фининтерну и, вообще, что это такое – фининтерн? Может, финансовый интернационал? Надо будет подумать. Это интересно!» – размышлял Аркаим.

– Аджале кар-е шайтан аст!¹⁰ – Вазир Хан ответил известной персидской поговоркой и добавил: – Время придет – узнаешь, а пока ты мой заложник. Радуйся пока. Можешь принять дозу.

Он достал иглу и набрал содержимое ампулы, сделал решительный знак рукой пленнику. Тот сделал Вазир Хану укол в вену на обнаженной руке. А затем уже узбек повторил ту же процедуру и ввел наркотик Пашиду. Сразу закурил.

– Очки не привез? – вдруг задал вопрос Пашид. В последнее время он заметил, как стремительно у него стало садиться зрение.

– Харфе мард якист!¹¹ – Вазир Хан вытащил чехол с очками.

– Где купил?

Пашид примерил очки.

– Неважно! Для тебя ничего не жалко. Скоро за тебя мне выплатят чемодан зеленых. А ты гордись, таким образом внесешь свой вклад в дело мирового джихада. На сумму, которую заплатят за тебя, можно купить много оружия и взрывчатки. Всем вам, неверным, мало тогда не покажется!

– Джихад – это самосовершенствование на пути познания Всевышнего, хвала Аллаху! В священном Коране написано: агяр мелят-е гити ба шома дусти конад, гярче мусульман набошад, шума ба ин миллият бояд дусти конид!¹²

Пашид сложил руки перед грудью. Во время последней встречи ему показалось, что Вазир Хан о чем-то догадывается, и он решил по возможности рассеять его подозрения.

– Ва-Аллах, ты и Коран знаешь! Где это такую агентуру готовят? В Израиле или Лондоне? Иврит знаешь? Или идиш? Талмуд?

– Изучал, и с Каббалой знаком!

– Понятно, почему за тебя такие деньги предложили!

– Сколько же я стою?

Обстоятельства вынуждали Аркаима держаться версии, которая вытекала из подозрений Вазир Хана. «Агент «Моссада» или «Ми-5», – он мысленно готов был согласиться с любым вариантом. Но у Вазир Хана не было желания дальше разговаривать с рабом. Наркотик уже подействовал, и ему захотелось остаться одному. Он позвал охранника.

– Пошел! Перед отъездом у тебя будет время, чтобы привел себя в порядок, – бросил напоследок Вазир Хан.

– Эншалла!

Пашид под охраной направился в сторону своего модуля.

---

10 – Спешка – это дело шайтана (пер. с дари).

11 – Слово мужчины – закон! (Персид. поговорка).

12 – Если какой народ мира, хотя и немусульманский, желает дружить, надо вам с ним быть в дружбе (пер. на дари).

Через два дня, рано утром, грузовик с наркотиками под охраной брони убыл на небольшой аэродром, который примыкал к базе подготовки боевиков, что находилась неподалеку от «наркотического рая». Пашид вместе с другими людьми принял участие в погрузке деревянных коробок и мешков в небольшой самолет без опознавательных знаков. В день отъезда он уже не был похож на вчерашнего раба. Оказалось, что в лагере можно было и постричься, и помыться, о чем обитатели «наркотического рая» даже не могли мечтать. Теперь Пашид был обладателем седеющих коротко стриженных волос на голове, бороды и усов. Его даже приодели. На истощенном теле человека балахоном висел темно-синий костюм, из-под которого виднелась черная футболка, ноги стесняли черные ботинки сорок второго размера. После погрузочных работ пот градом катился по всему телу. Но снять пиджак рабу не разрешили.

В самолете, кроме Вазира Хана и его пленника, было еще два человека, одного из которых Пашид видел раньше, когда его выкрали и увезли в предместье Кабула. Пока самолет не набрал высоту, пассажиров продолжали мучить жара и жажда. Спецборт по пути к месту назначения сделал несколько остановок. Как показалось Аркаиму, первая остановка была на каком-то узбекском аэродроме. Там выгрузили несколько тюков. Остановка продлилась пару часов. Все это время Вазир Хан отсутствовал. Возвратился в сопровождении одного человека в гражданской одежде. По отрывкам речи Пашид понял, что собеседники говорят на узбекском языке. Когда Саланг поднялся на борт, Аркаим сделал вид, что спит. Жара после обеда спала, а потому два других человека тоже дремали. Люки самолета закрылись, и он стал выруливать на взлетную полосу. Взревел мотор, борт качнулся и приступил к разбегу по взлетной полосе.

Пассажиры самолета почти одновременно приоткрыли глаза, ощутив, как все больше и больше начинает проваливаться небольшой воздушный корабль. Он приступил к снижению и вскоре стремительно пошел на посадку. Вазир Хан первым покинул самолет, за ним – летчики. Как стало ясно, их сразу увезли в неизвестном направлении. Пашид спустился вниз вместе с двумя другими пассажирами. Самолет стоял на краю аэродрома. Двое бородатых мужчин в защитной военной форме и с оружием в руках обступили Вазир Хана. Послышалась до боли знакомая родная речь. Стоявшие люди общались на русском языке, хотя и с явно выраженным акцентом. «Чечня!» – как-то сразу мелькнуло в сознании разведчика.

Началась разгрузка. Пашид, как и другие, тягал тяжелые ящики и тюки. Проходя мимо уединившихся людей – Вазира Хана и чеченца, внимательно прислушался.

– Двадцать пятого в Феодосии, военный санаторий, – уточнил кавказец. При этом он недовольно взглянул на раба, замешкавшегося возле них с тюком.

– Бору бача!¹³

Вазир Хан на афганском языке грозно прикрикнул на Пашида, а на русском дал понять чеченцу, что раб не понимает этого языка.

---

13 – Уходи, мужик! (пер. с дари).

Когда до Аркаима донеслась еще пара отрывков речи, он уяснил, что в Крыму намечено провести какое-то секретное совещание. Сразу вспомнился случайно подслушанный им разговор двух чеченцев, которых он встретил в администрации лагеря на юго-востоке Афганистана. Кавказцы тогда тоже обмолвились о каком-то совещании в Крыму. «Что-то против России затевается на Кавказе», – предположил разведчик. Частично такое предположение подтвердил и Вазир Хан, когда вскоре подозвал его к себе.

– Хочу тебе подарок сделать. Сейчас к русским девочкам пойдем. Это тебе не джиги, джиги...¹⁴ и не с ишаком... – рассмеялся Саланг. – Наверное, уже забыл, зачем женщины нужны?..

Вазир Хан весело подмигнул пленнику.

– Скоро всем не до девочек будет. Хвала Аллаху, Кавказ скажет свое слово!

Стояла теплая летняя ночь. В темноте с трудом были различимы силуэты отдельно стоящих самолетов и вертолетов, корпусов местного аэропорта. В сопровождении чеченца афганские гости проследовали по взлетной полосе и вскоре вышли к зданию небольшого аэровокзала. Возле входа стоял бэтээр и дежурили автоматчики. Чеченцы громко переговаривались на своем языке и смеялись. Увидев гостей в сопровождении своего соплеменника, чеченцы обменялись какими-то фразами, сопровождаемыми жестикуляцией. Из всего сказанного Пашид только и понял: «Афган» и «проститутки».

На территории, прилегающей к аэродрому, притон был оборудован в полуподвальном помещении. Здесь постоянно работало небольшое число проституток, остальных можно было заказать у администраторши, которая организовывала банальный отдых для гостей Грозного, главным образом из числа транзитных пассажиров. Когда спустились по бетонной лестнице вниз и открыли дверь, гости оказались в ярко освещенном помещении. Пашид с любопытством озирался по сторонам. Гостей встретила женщина лет сорока с повязанной платком головой и в длинном, с головы до ног, одеянии. Она представилась Алией. Сопровождающий чеченец, оставив афганцев, сразу удалился.

Администраторша, как представилась женщина, говорила на русском языке без малейшего акцента. Пашид неожиданно вздрогнул, он давно уже не слышал настоящей родной речи, да и сам только размышлял на русском языке, а разговаривал только тогда, когда оставался наедине с собой. Однако Пашид вскоре понял, что не только родная речь взволновала его. В женщине он узнал Ольгу, свою первую любовь, которая в свое время предпочла ему другого мужчину. «Как она оказалась здесь? Почему? Что с ней произошло? Значит это правда, что мне говорил Жирик» – размышлял про себя Пашид, вспоминая памятную встречу в Москве с бывшим однокашником. «Как она все таки изменилась!» – с горечью подумал он.

Алия действительно сильно сдала. Она уже была совсем не похожа на ту светскую красавицу, жену влиятельного олигарха, которую когда-то знали в московских светских тусовках. Тем не менее, администраторша перед посети-

---

14 – С афг. – заниматься мастурбацией.

телями притона старалась держаться бодро. Как выяснилось, услуги проституток здесь стоили недорого. Представительница сомнительного заведения открыла еще одну дверь, и оттуда одна за другой вышли шесть голых девушек. Красавиц среди них не было, но молодость подкупала. Всем им было от шестнадцати до двадцати пяти. Проститутки, подбоченившись, улыбались, поворачивались из стороны в сторону, демонстрируя свои женские достоинства. Высокого роста администраторша возвышалась над ними и по очереди представляла проституток.

Вазир Хан первым определился с выбором. Он пальцем показал на полненькую девушку лет семнадцати с пышными формами, затем похлопал рыжеволосую по толстому задку. Проститутка, которую звали нерусским именем Изаура, вначале фыркнула, тем самым выказав свое неудовольствие от мужской грубости. Затем, когда посетитель извлек из кармана зеленую бумажку, рассмеялась. Получив деньги от клиента, администраторша обратилась ко второму гостю:

– Вы выбрали себе девушку?

Пашид немного удивленно взглянул на Вазир Хана. Тот объяснил женщине, что его спутник не владеет русским языком. А затем взял за руку другую малорослую девушку, что была постарше, тоже с пухлой задницей и пышной грудью, и на афганском языке предложил Пашиду уйти с выбранной им проституткой. Но тот отказался и показал головой на администраторшу. Вазир Хан немного удивился, но перевел просьбу женщине. Та немного смутилась. Пашид заметил, как у Алии дрогнули веки и она засуетилась. Первым делом дала знак всем проституткам уходить, а уже выбранной девушке идти и ждать гостя в отдельном помещении. Она даже назвала номер комнаты. Решив обратить пожелание гостя в шутку, женщина, улыбнувшись, заметила:

– Это будет стоить вам гораздо дороже!

– Сколько? – воскликнул Вазир Хан, которому явно не терпелось удалиться в комнату с проституткой.

– Вы это серьезно?

Администраторша немигающим взглядом уставилась на мужчину с коротко постриженными усами и бородой. Пашид понял, что его узнали. Он резко отвел глаза в сторону Вазир Хана. Тот окинул женщину взглядом с ног до головы, не понимая, что в ней привлекло Пашида.

– Мне нравятся высокие женщины, стройные и опытные, – ответил Пашид на немой вопрос.

Вазир Хан достал еще две зеленые купюры и протянул администраторше.

– Сколько у нас времени?

– Один час, – растерянно произнесла женщина.

Когда Вазир Хан закрыл за собой дверь в комнате, где его ждала Изаура, Алия сделала знак головой, чтобы гость следовал за ней. В небольшой комнате царил полумрак. Деревянная кровать была накрыта покрывалом. Возле небольшого комода стоял торшер, который освещал комнату. Пашид хотел было закрыть дверь на замок, но его не оказалось. Он недовольно качнул головой. Мужчина знаками поинтересовался насчет вероятности подслушивания разговоров в помещении. Женщина отрицательно покачала головой. Ничего не ответив, она открыла дверь

в ванную комнату. Пашид вошел первым, до конца открутил кран с водой, а затем решительно закрыл за собой дверь. Никакого запора в ванной тоже не было.

Только теперь они остались наедине.

– Ну, теперь здравствуй, Ольга!

– Просто глазам не верится! – Женщина с трудом выходила из оцепенения, на ее глазах блеснули слезы. – Здесь можно говорить, не опасаясь.

– Как ты здесь оказалась?

Мужчина попытался привлечь женщину к себе и обнять.

– Не надо! Прости, но я заразная. Полгода назад младший брат хозяина заразил меня СПИДом. С тех пор меня сюда, в этот притон определили!

– Как в Чечне оказалась? Рассказывай...

– Долго рассказывать. Бывший муж упек в рабство. Но сейчас не об этом, у нас мало времени. Мне нужно сказать тебе самое главное. Ты должен знать, что моя Аня – это твоя родная дочь!

– Мне говорили об этом, но я как-то не поверил.

– Кто говорил?

– Жирик, мой однокашник, он тебя знает.

– Редкая скотина! Сволочь, просто нет слов! Но сейчас не о нем. Я прошу тебя, спаси нашу дочь! Она сейчас в Лондоне учится, ее туда отправил Мирский, мой бывший муж. Этот человек способен на все! А мне уже отсюда не выбраться. С чеченами не забалуешься. Тем более в моем положении. Умоляю тебя, Христом Богом прошу! – Ольга перекрестилась и опустилась на колени перед мужчиной.

– Встань! Мое положение не лучше! Сегодня я себе не хозяин. Бог даст, выберусь, дочь спасу и тебя вытащу. И не плачь! Мой спутник не должен ничего заподозрить. И лезь в ванну, мы здесь занимаемся любовью!

Мужчина и женщина, быстро сбросив одежду, сели напротив друг друга в теплую воду. Ольга вытирала глаза от слез и с любовью глядела на своего первого мужчину. Он тоже улыбался и не отрывал от нее глаз. В эти минуты не хотелось думать ни о чем плохом, они были счастливы только от одной возможности видеть сегодня друг друга, после стольких лет чужбины. Первым молчание прервал мужчина:

– Здесь есть телефон?

– Только внутренняя связь с охраной.

– У тебя есть возможность сделать междугородний звонок?

Женщина отрицательно покачала головой.

– А дать телеграмму?

Ольга вновь покачала головой. Мужчина взял руку женщины в свою и прижал к груди:

– Крепись, надейся и верь!

– А ты совсем разучился говорить по-русски, весь зарос, поседел, худющий.

Женщина ладонью слегка коснулась щеки мужчины.

– А я и есть нерусский, меня зовут Фарид Пашид, запомни это. Больше ты ничего знать не можешь обо мне.

Сквозь шум льющейся воды послышался скрип открывающейся двери. Мужчина быстро развернул к себе женщину задом, обхватил руками грудь и придвинул

нул к ней вплотную так, чтобы можно было изобразить известную в сексе позу. В этот момент в ванную комнату вошел Вазир Хан. Он на ходу продолжал одеваться.

– Наше время закончилась, через тридцать минут вылетаем! – сообщил он на афганском языке, а по-русски добавил:

– Вах, вах! Стоящая баба! Молодец, Пашид, знает толк в женщинах.

Вазир Хан с любопытством рассматривал все достоинства стройной женской фигуры, которая вылезала из воды. Женщина сразу накинула на себя халат, вышла из ванны и стала быстро одеваться.

– Жаль, нет времени! Но на обратном пути только с тобой, Алия, буду отдыхать! Согласна?

– Это будет стоить гораздо дороже! – вновь попыталась пошутить женщина.

Так они расстались тогда, практически не прикоснувшись друг к другу, не поговорив как следует, так и не решив, что нужно делать дальше. Алия осталась наедине со своей верой, надеждой и любовью. Ее первый мужчина ушел с решимостью выжить, отомстить и вырвать мать своего ребенка из плена.

Через час самолет без опознавательных знаков, набрав нужную высоту, взял курс в неизвестном направлении. В ночи в иллюминатор трудно было что-либо разглядеть. Пашиду казалось, что самолет летит над горами.

Богом данный город

Поезд «Москва – Феодосия» стремительно приближался к конечному пункту назначения. Пассажиры убирали и сдавали постельное белье, выгаскивали чемоданы и собирали свои вещи, кто-то пил чай, другие умывались, курили в обоих тамбурах вагона. В вагонном проходе бесконечно сновали люди, которым мешали проходить два светловолосых мальчугана лет пяти-шести. Их мать, высокая молодая женщина с длинной косой, всякий старалась приструнить двух непосед. Лишь на минуту притихнув, двойняшки начинали вновь озорничать. Георгия и Ярослава, двух симпатичных сорванцов, по именам знал почти весь вагон. Среди пассажиров, пожалуй, не было людей, кому бы не нравились эти резвые, но очень рассудительные мальчишки.

Когда закрылись туалеты и поезд въехал в санитарную зону, по радио диктор стал рассказывать обо всех достопримечательностях Феодосии. Город был основан в VI веке, неслоь из скрипящих динамиков, на берегу полукруглой Феодосийской бухты. Здесь, где на многие километры протянулись великолепные песчаные пляжи, а морская вода кажется парным молоком, удобно расположился один из старейших городов Крыма. Феодосия в переводе с греческого – «богом данная». К западу от города лежат предгорья Крымских гор, к северу простирается холмистая равнина. Сухой и жаркий климат, ласковое море и золотистый песок, минеральные воды и целебные грязи сделали этот уединенный крымский курорт необыкновенно привлекательным для туристов.

Радио неожиданно стихло. Поезд въезжал в черту города. Ярослав и Георгий не могли оторваться от окна, за которым уже стали проплывать пейзажи древнего города. Мать ребятишек копалась в чемодане, укладывая вещи. Надежда Пашина с тревогой ожидала встречи с незнакомым городом. Беспокойство охватило женщину с того самого момента, когда она три дня назад переговорила со своим мужем, с которым не виделась и не общалась уже около пяти лет, если не считать нескольких коротких разговоров по телефону.

Международный звонок раздался поздно вечером во вторник. Молодая женщина, приняв душ, сидела в кровати и намазывалась ночным кремом. Какая-то невиданная внутренняя сила вытолкнула ее в коридор. Самого любимого мужчину на другом конце провода Надежда узнала сразу. Муж долго не мог начать говорить. Жена за минуту разговора задала не один вопрос, сумела поведать о жизни сыновей, как соскучилась и что устала ждать. На другом конце хладнокровно перебили женщину.

– Не называй по телефону меня по имени. У меня есть всего пара минут. Со мной все в порядке. Очень соскучился, люблю, поцелуй мальчишек.

– Я им все время про папу рассказываю. Когда увидимся?

– Теперь слушай главное. Срочно передай нашему свидетелю...

– Кому? Ге...

– Молчи! Извини, но свидетелю на нашей свадьбе надо срочно передать следующее: двадцать пятого числа, Феодосия, военный санаторий, Аркаим.

– Что это значит? Ты будешь там в это время?

– Ты всё запомнила? Повтори!

Надежда безошибочно повторила: «двадцать пятого числа, Феодосия, военный санаторий, Аркаим».

В среду с утра Пашина уехала в Москву. К девяти прибыв в бюро пропусков «Аквариума», она сразу же дозвонилась до приемной генерала Вашанова, но того не оказалось на месте. В ответ на настойчивые просьбы женщины незамедлительно связать ее с генералом, вежливый мужской голос на другом конце провода дал понять, что с интересующим человеком можно будет связаться только через три дня. Надежда положила трубку. Она была в отчаянии: «Это будет уже двадцать пятое июля! Что же делать?».

И тогда, особо долго не думая, Надежда отправилась на вокзал. После трех часов стояния в кассе женщине удалось купить три плацкартных билета на поезд «Москва – Феодосия». «Мальчишки, дай-то Бог, наконец, отца живого увидят!» – как ребенок, радовалась она. Однако радостные предчувствия долгожданной встречи с мужем стали сменяться тревогой, которая поселилась в сердце молодой женщины. «Как я его там найду, а вдруг нет его там? Он же не сказал ничего», – всю дорогу домой, сидя в электричке, терзалась Надежда. «Нет, надо ехать, мы обязательно должны встретиться. Не хочу больше ждать, я соскучилась и безумно люблю!» – успокаивала себя молодая женщина, настраиваясь на поездку в Крым.

Несмотря на спешку в связи с неожиданным отъездом в Крым, Надежда нашла время попросить благословения в дорогу у отца Феодосия, которому она сообщила о своем решении. «Господи, я в пути, Ты меня благослови. Крест спереди, крест сзади, а я посередине!» – напутствовал батюшка, как следует молиться. Кроме того, своему семейному духовнику женщина поведала и информацию, которую муж просил передать генералу. Надя не сразу решилась на такой шаг. Она понимала, что ее супруг, окончивший разведкакадемию, не будет зря скрытничать по телефону. «Батюшка, это секретная информация, не дай Бог, кто другой узнает. Только генералу передайте! Я очень боюсь за мужа!» – на прощание умоляла женщина. Отец Феодосий не стал отговаривать Надежду, видя ее настрой и решимость непременно повидаться с мужем, но обещал обязательно выполнить ее просьбу. «Детей береги! Спаси Бог!» – духовник на прощание перекрестил молодую женщину. Военный клинический санаторий находился в парковой зоне вдоль живописной излучины феодосийской бухты. Подъехав на такси к территории военного санатория, Надежда почему-то сразу решила, что муж, когда звонил, говорил именно об этом санатории. Все складывалось очень хорошо. Несмотря на то, что в Крыму июль – это пик летнего сезона, за двойную переплату цены одноместного номера мать с детьми из России к концу дня поселили в гостинице на шестом этаже многоэтажного корпуса. Из номера с лоджии был хороший вид на море, которое находилось в метрах ста от главного здания санатория. В одноместном номере с удобствами были туалет, умывальник, душ, а также набор мебели и холодильник. Еще Надежда упросила администраторшу дать в номер одну раскладушку. Мать сразу решила, что мальчишки будут спать на кровати, а она сама – на раскладушке. Больше всего мать была довольна тем, что в номере не

работал телевизор. Она и дома делала все возможное, чтобы максимально ограничить сыновьям его просмотр.

Вазир Хан вместе со своим пленником вселился в гостиницу во вторник утром. В Крым они добрались по морю из грузинского Потти. Путешественникам из Афганистана предоставили двухместный люкс в военной гостинице, который был заранее забронирован на имя Василя Ханова. При регистрации Вазир Хан предъявил украинский паспорт с этой фамилией. Расположились афганские гости на восьмом этаже. В Феодосии Вазир Хан усилил бдительность и не спускал глаз с Пашида.

– Не вздумай скрыться, в гостинице везде наши люди, а ты – человек без документов, значит, божь! Не дай Бог! – он сразу строго предупредил своего спутника.

Наркоделец хорошо понимал, что здесь, в Крыму, пленник запросто может убежать и раствориться в людском водовороте аборигенов и отдыхающих на полуострове Крым. Поэтому, несмотря на то, что жили они в двухместном люксе, на ночь Вазир Хан заставлял Пашида ложиться рядом, на одной двухместной кровати. Чтобы максимально нейтрализовать Пашида, наркодилер продолжал пичкать пленника наркотой. Про себя тоже не забывал. В первый же вечер Пашид воспользовался этим.

Плотно поужинав, гости военного санатория решили пораньше лечь спать. Несмотря на то, что Вазир Хан пристегнул Пашида, лежащего возле окна, наручниками за руку к батарее, тот сумел дотянуться до телефона, который лежал под подушкой заснувшего человека. Позвонив жене, Аркаим рисковал, но у него просто не было другого выхода. Он пребывал в неведении насчет того, сколько времени проведет в Феодосии. Поэтому надо было использовать любую возможность, чтобы немедленно восстановить утраченную почти год назад связь с центром и передать ценнейшую информацию, добытую в последнее время. «В Москве должны знать о том, что двадцать пятого июля в Феодосии состоится встреча», – мысленно рассуждал разведчик, пытаясь по внешним приметам найти подтверждение ранее добытой информации. «Пожалуй, лишь два признака могут указывать на скрытую подготовку к встрече в стенах санатория. Во-первых, практически полностью незаселенный этаж, где на Вазир Ханова был забронирован номер. Во-вторых, наличие охраны на этаже, чего нет на других этажах», – вместо ночного сна рассуждал про себя Аркаим. Еще он обратил внимание на наличие многочисленной охраны вокруг военного санатория. Причем, в отличие от внутренней охраны в основном славянской внешности, по дороге к пляжу встречались чернявые секьюрити. «Может быть, крымские татары!» – мелькнула догадка в голове разведчика. И еще один вывод сделал разведчик, присматриваясь к отдыхающим военного санатория: «Собственно военных людей почти нет почему-то!». Будучи кадровым офицером, военного человека он мог определить почти безошибочно и даже издалека.

Когда до наступления загадочного двадцать пятого числа оставалось чуть более суток предположение Аркаима получило новое подтверждение. Восьмой этаж стал активно заселяться людьми, которые говорили между собой на непонятном языке. «Чеченцы!», – почти сразу решил Пашид, встретив на этаже хмурых

бородатых мужчин в гражданской одежде без галстуков. В стремлении выбраться из здания, чтобы оценить всю обстановку вокруг санатория, Пашид уговорил Вазир Хана отправиться на море искупаться и позагорать.

После обеда жара уже спала. С моря дул прохладный ветерок. Море было спокойным, штормило. Волны выбрасывали на берег водоросли и прибрежный мусор. На территории огороженного пляжа расположилось довольно много людей, не меньше отдыхающих находилось в море. Люди с восторгом встречали набегавшие гривы морских волн, всякий раз бросаясь всем телом им навстречу. Вазир Хан с пленником расположились в сторонке, но неподалеку от воды. Пашид сразу обратил внимание на то, что и на пляже было немало людей в форме охранников. «Интересный все-таки этот военный санаторий. Интересно, кто здесь всем заправляет? – размышлял про себя военный разведчик.

Едва похититель и пленник приземлились на горячий песок, возле них стали обосновываться две девушки, каждой из которых было не более двадцати пяти лет. Они смерили мужчин кокетливым взглядом и, сбросив одежду на полотенце, предусмотрительно расстеленное на песке, направились к манящей бирюзовой глади моря. Пашид невольно застеснялся. Его белое худое тело явно не смотрелось на фоне загорелых, лоснящихся на солнце тел отдыхающих военного санатория. Вазир Хан тоже обратил внимание на двух шустрых девиц в ультрамодных прозрачных купальниках, через которые хорошо просматривались все женские прелести. Узбек, не отрываясь, следил за удаляющимися женскими фигурками.

– Местные проститутки! Я знаю одну из них. Недорого берут. Сегодня пригласим их к себе в номер! Видишь, все условия для тебя создаю. Надеюсь, твой покупатель оценит по достоинству мое хорошее отношение. Маншелла!

– Я не против, договаривайся! – спокойно сказал Пашид.

В последние дни он стал себя вести более уверенно с похитителем, понимая, что скоро за него Вазир Хану дадут хорошую цену. «Вот только что со мной будет?» – этот вопрос его мучил с самого начала путешествия из Афганистана в Крым. Правда, у него не было никакого желания проводить время с проститутками, хотя, чем больше набирал вес, тем больше хотелось близости с женским телом. Однако Пашид готов был согласиться на любые условия, лишь бы получить возможность маневра, найти какую-нибудь лазейку и избавиться от тотального контроля со стороны узбека.

– Вернутся – договорюсь!

– Спешу, а то перехватят. Смотри, как задами виляют!

– Ладно. Жди здесь, никуда ни шагу. Охрана насчет тебя предупреждена.

Вазир Хан направился вслед за проститутками. Пашид впервые за последний год остался без контроля. Когда приехали в Крым, он ежедневно стал продумывать возможность исчезнуть. Однако при виде такого количества секьюрити в санатории понял, что сделать это будет совсем непросто. «Видимо, охрана не из гостиницы. Значит, здесь не только проживают и отдыхают, но и...» – ход мыслей разведчика прервался. Он невольно приподнялся и сел на колени. Молодая стройная женщина в закрытом купальнике выводила из воды двух мальчишек, таща их за руки. Ребята сопротивлялись и тянули мать назад в море. Им, видимо, уж очень хотелось побарахтаться в пене шумящих морских волн.

Аркаим вздрогнул, сердце забилося и понеслось вскачь, в голове застучало. Здесь, на пляже, он увидел своих жену и двух сыновей. Хотелось вскочить на ноги и броситься навстречу самым родным людям. Вместо этого разведчик всем телом прижался к земле – горячему песку. В голове роились разные мысли, он был не в силах выбрать самое правильное решение в этой непростой ситуации. Однако неожиданно все разрешилось само собой, словно сам Всевышний помогал близким людям повидаться друг с другом.

Мать, приведя своих мальчишек к деревянному лежаку, на котором они расположились на пляже, принялась вытирать полотенцем голову одному из ребят. Между тем второй сорванец бросился обратно к воде. Не успела мать ахнуть, как он погрузился в набежавшую пенистую волну высотой в рост взрослого человека. Раздался материнский крик. Она кинулась за ним, истошно зовя сына Георгия и моля его вернуться обратно. Тем временем отец непоседы, который, не отрываясь, следил за каждым шагом мальчишек, уже вскочил со своего места и бросился вслед за ним. Когда он подхватил сына, тот уже успел нахлебаться морской воды. Георгий и плакал, и кашлял, и фыркал одновременно.

Мать приблизилась вплотную к спасителю, который крепко держал сына. Внезапно молодой женщине стало плохо. Ее стали обступать отдыхающие. Кто-то сразу предложил отнести ее к врачу. Разведчик поставил на землю уже немного очухавшегося мальчишку и подхватил на руки женщину. Вырвавшись из окружения людей, он направился в сторону главного здания санатория. Мальчишки со слезами и криками бежали вслед за своими родителями, не ведая о том, что это их родной отец крепко держит в руках их любимую мать.

– Наденька, солнышко, что с тобой, моя любимая девочка? – склонив голову к жене, шептал муж.

Жена очнулась. Она узнала мужа. Сначала крепко вцепилась в его сильные руки, а потом потянулась, чтобы обхватить родного человека за шею. Супруг остановил естественный порыв жены:

– Девочка моя родная. Не смей меня признавать. Здесь я для вас незнакомец, который пришел на помощь ребенку. Я не знаю русского языка. Со мной можно говорить только по-английски. Помнишь, просил тебя учить иностранный язык?

Разведчик немного смягчился, улыбнулся Надежде. Тут же бросил взгляд по сторонам. Успокоился, убедившись, что его действия не выдают в нем близкого человека молодой женщины, которую он несет на руках.

– Я люблю тебя, родной мой! – на глазах у Нади блеснули слезы.

– Не плакать!

– Где ребята? – снова встрепенулась женщина.

Мальши были рядом. Увидев, что мать очнулась, они перестали хныкать. Тем временем разведчик продолжал инструктировать жену. До здания оставалось не более двух десятков метров.

– Вечером пригласи меня к себе попить чаю! И не забывай, что видишь меня в первый раз. И не волнуйся, я что-нибудь придумаю, чтобы нам всем вместе выбраться отсюда домой, – успокаивал муж жену, стараясь не упустить ни одной мелочи, которая могла бы сыграть для него роковую роль. – Никаких инициатив. Русский я не понимаю, говори только на английском...

Аркаим за долгие годы на чужбине научился обращать внимание на самые незначительные детали в жизни разведчика. Еще в «консерватории» он уяснил для себя, что в агентурной работе не может быть второстепенных вещей. Оказавшись на нелегальном положении, Аркаим окончательно убедился в правильности известной поговорки, гласившей, что великие разведчики попадают на пустыках, но если удастся избежать мелких промахов, разоблачение агента превращается для контрразведки в сложную, порой непосильную задачу.

Вазир Хан настиг своего пленника уже в кабинете врача, куда Пашид внес на руках женщину. Положив ее на кушетку, он собрался уходить. На прощание потрепал головы мальчишек. Те не противились. По всему было видно, что незнакомец, который быстро доставил их мать во врачебный кабинет, понравился им. На заплаканных лицах двойняшек играли счастливые улыбки.

– Будьте здоровы! – на английском бросил Пашид.

– Thank you! – ответила Надежда, не сводя глаз со своего мужа.

«Изменился-то как! Поседел, а исхудал!..» – чуть было вслух не проронила она.

Уже на выходе из кабинета Пашид коротко объяснился с Вазир Ханом. Говорил он сейчас на незнакомом для всех присутствующих в кабинете наречии, довольно-таки громко, словно давая еще раз понять жене, что русским языком совсем не владеет. «Ну и судьба у меня! С родными, близкими мне людьми самим собой не могу быть, даже пообщаться нельзя по-человечески, на родном языке!» – внутренне сокрушался разведчик.

Став профессиональным разведчиком, Аркаим никак не мог смириться с необходимостью постоянно кривить душой. Однако за годы проведенные на чужбине, ему пришлось усвоить эту прописную разведывательную истину. Каковы бы ни были побуждения, заставляющие человека стать разведчиком, он обязан уметь говорить неправду, держа свои чувства под контролем, и ни при каких обстоятельствах не позволять взять верх угрызням совести и страху. Иначе говоря, как усвоил Аркаим, надо быть талантливым лжецом. И это было, пожалуй, единственным обстоятельством, против которого протестовала его романтическая, чистая душа простого русского парня из российской глубинки.

Жена разведчика

После неожиданного короткого свидания с мужем на пляже Надежда находилась в сильном возбуждении. Неописуемая радость и ощущение долгожданного счастья, которые подарила молодой женщине встреча, боролись в сердце с чувством тревоги. Хотелось просто наплевать на все условности, которые были связаны с опасной и тайной работой мужа, о чем приходилось лишь догадываться. «Спаси Боже, помоги моему мужу! Огради его силой честного и животворящего креста...» – молилась женщина.

Однако, Надежда, понимала, что ее женским супружеским эмоциям, как, впрочем, и проявлению каких либо сыновних чувств, сегодня просто не может быть места. Поэтому она, прежде чем привести себя в порядок, чтобы быть неотразимой вечером, решила позвонить в Подмоскowie своему духовнику. К счастью, отец Феодосий был на месте и сам взял трубку. Надежда, поняв, что батюшка узнал ее, ограничилась коротким сообщением:

– Передайте: с родственником встретилась, живу, где и он, в военном санатории в Феодосии. Море теплое, ребятам нравится.

Не дождавшись ответа, жена разведчика положила трубку.

Перед ужином Пашид и Вазир Хан сидели в фойе восьмого этажа и смотрели новости. Впервые за многие годы Аркаим имел возможность по телевизору узнать последние новости из России. В военном санатории можно было смотреть практически все главные российские каналы. Вазир Хан без особой охоты реагировал на просьбы пленника перевести очередной телесюжет, гораздо охотнее он их комментировал, всякий раз преподнося в негативном свете действия федеральных властей в России. Особенно Саланг распялся, когда на экране телевизора заходила речь о Кавказском регионе и странах Центральной Азии. Таким образом, Пашид все больше убеждался в том, что юг еще долго будет оставаться главной головной болью России.

Долгожданная новая встреча с родным семейством в военном санатории произошла во время ужина. Когда Надя и близнецы вошли в столовую, они сразу обратили на себя внимание. Молодая женщина была одета в нарядный летний сарафан. Вместе со своими мальчишками Надежда сейчас была похожа на простую деревенскую женщину с известной картины о жизни крестьян в помещичьей усадьбе. Усадив ребят за столик, накрытый на троих человек, она бросила взгляд в глубину зала и решительно двинулась в ту сторону.

– Добрый вечер!

– Добрый! – ответил Вазир Хан.

Пашид, немного пристав со своего стула, лишь молча кивнул головой.

– Хотела бы поблагодарить за оказанную сегодня на пляже помощь! Можно сказать, Вы спасли моего Георгия! – молодая женщина обращалась к Пашиду.

– Он не понимает русского языка. Чурка, что с него взять! – вмешался в разговор Вазир Хан и предложил женщине познакомиться поближе.

– Василь Ханов, – неожиданно другим именем и фамилией представился Вазир Хан. – А это мой помощник, его зовут Фарид Пашид. Сам он афганец, но хорошо знает английский.

– O'key! – неуверенно перешла на английский язык Надежда. – Thank you very much!

Она попыталась поблагодарить афганца, не владеющего русским языком. На помощь ей сразу пришел другой мужчина:

– Для тебя готов быть переводчиком!

Он попытался взять ее руку. Надежда резко отстранилась.

– Переведите, пожалуйста, вашему помощнику, что мне хотелось бы отблагодарить его. Я приглашаю его зайти к нам в номер после ужина на чай!

– Только вместе со мной!

– I'd like to invite you in my room, – Надежда, перейдя на английский, пригласила к себе афганца. Уже на русском языке назвала номер комнаты и вернулась к своим детям.

«Молодец, Надюха!» – подумал про себя разведчик.

В номере гостей ожидали чай, московские конфеты, вафельный торт и варенье из крыжовника. «Наверное, из дома привезла», – в мыслях предположил муж, наблюдая, как жена ловко раскладывает по блюдечкам душистое варенье. Отец перевел взгляд на мальчишек. Они сидели друг подле друга на кровати. Положив руки на колени, мальчишки с любопытством взирали на гостей. Было заметно, что ребята больше всего интересовал дядя с коротко стриженными волосами, бородой и усами. Он тоже отвечал мальчишкам взаимностью – все время улыбался и приглашал движением рук к себе. Ребята беспрерывно кривлялись, шалили, толкая друг друга. На замечания матери непоседы почти не реагировали.

Вазир Хан тоже наблюдал за действиями ранее не знакомой женщины. «Если бы не запланированная на сегодня встреча с проститутками, можно было бы и с ней позабавиться!», – размышлял про себя человек, представившийся Василем Хановым.

– Извините, мне кажется, с виду вы восточный человек, но имя почему-то славянское, русским владеете в совершенстве, – хозяйка номера, представившись, заговорила первой.

– Это имеет значение?

– Нет! Нет! Дорогие гости, прошу выпить чаю. Чем богаты, тем и рады! Дома у себя я бы встретила гостей лучше. К сожалению, здесь нет возможности.

Хозяйка номера развела руками вокруг себя. Комната была, действительно небольшой. На стульях сидели гости, а хозяйка то вставала, то садилась на кровать к детям.

– Надя, откуда приехала?

– Из Подмосковья.

– Кем работаешь?

– Врачом в поликлинике.

– Муж есть?

– Нет, уехал куда-то и совсем пропал, забуддыга, одним словом, – молодая женщина мельком взглянула на мужа..

- Зачем детей тогда родила от него?
- Прямо как на допросе. Известно, любовь зла, полюбишь и козла!
- О красивой женщине интересно знать все! – сделал комплимент человек, представившийся Василем.

Аркаим старался делать вид, что ему совсем не интересен диалог в комнате. «Какая молодец, хорошо себя держит, уверенно», – мысленно радовался за жену муж.

Тем временем, незаметно для самих себя, мальчишки оказались сидящими на коленях у незнакомого дяди. Они, не стесняясь, прижимались к нему, а он обнимал их, гладил им головы. При этом пытался задавать вопросы по-английски, но мальчишки смущенно отворачивались, не понимая дядю, говорящего на непонятном языке. В эти счастливые минуты у их родителя просто сжималось и разрывалось сердце, одновременно оно было полно умиления от долгожданной встречи со своими крохами, и отчаяния от невозможности быть самим собой с родными детьми. «Славные мои мальчишки, как же я рад видеть вас!» – носилось в сознании отца.

Мать при виде этой трогательной сцены вновь взяла себя в руки, начав сама расспрашивать гостей.

- Мальчики, а вы откуда?
- Из Средней Азии, я из Ташкента. Короче, свои в доску, советские!
- В Советском Союзе было здорово! А чем занимаетесь сейчас?
- Уже сказано было, компьютерами, – Василь Ханов взглянул на Пашида и сразу продолжил:
- Здесь, в санатории, завтра мероприятие пройдет, как оно называется, забыл совсем.

Пашид тут же напомнил. Вазир Хан с трудом перевел с английского языка:

– Точно, тема: «Международный мастер-класс по обучению современным интернет-технологиям». Вот как называется! Видимо, санаторий на проведении таких мероприятий зарабатывает неплохо.

– Внизу объявление висит, – Надежда сразу продемонстрировала свою осведомленность.

Между тем Вазир Хан пожалел, что упомянул о мероприятии в главном здании санатория. Дело в том, что в рамках этого так называемого мастер-класса должно было состояться закрытое совещание по Северному Кавказу и Афганистану. «Но об этом никто не должен даже догадываться!» – вспомнил он о последнем инструкторе во время посадки в Грозном.

– Так в чем ваша работа состоит? – не унималась с расспросами хозяйка номера.

- Компьютерами торгуем! – недовольно буркнул Василь Ханов.
- Еще чаю? – спохватилась хозяйка, интуитивно почувствовав, что собеседник немного напрягся.

– Нет, спасибо! Нам пора! – русскоязычный гость встал из-за стола.

Надежда испугалась. Надо было что-нибудь предпринять, чтобы задержать мужчин, найти какой-нибудь повод, чтобы пообщаться с мужем. И она пошла напролом.

– Василь, переведите нашему спасителю, что я, как женщина, готова его отблагодарить за мужской поступок на пляже!

Аркаим невольно закашлял. Такого от своей жены он не ожидал! Чтобы не дать повода для ненужных подозрений, он тут же стал глупо улыбаться и благодарить за чай на английском языке.

– Фарид, она отдаться хочет тебе, вот сука! – русскоязычный гость в некоем замешательстве перевел просьбу женщины.

– Как это?! Кому?

– Тебе! Не понял, бача? Пора уже и русский знать!

Не дожидаясь ответа, молодая женщина обратилась напрямую к своему избраннику на английском языке:

– My dear boy, are you ready to love me, to kiss me?

– Yes, miss! You are excellent, fine and brilliant! I am ready and agree! But my friend need to leave us! – изумленный находчивостью жены и ее открывшимися способностями к иностранным языкам, супруг бодро отрапортовал о готовности остаться наедине с прекрасной дамой.

В разговор вновь вмешался Вазир Хан.

– Только без меня ничего не решать! Я готов быть третьим с вами.

– Извините, Василь, но мне интересен Фарид. Не знаю, как на Востоке, а у нас в России женщина вправе сама выбирать!

Признаки стыдливости, внезапно выступившие на лице молодой женщины, показывали, что для нее подобные разговоры были в принципе неприемлемы. Но она успешно вошла в роль. Оказаться наедине со своим мужем значило сейчас больше, чем любовь, влечение и безудержная страсть вместе взятые. Ее супруг в эти минуты испытывал похожие чувства, но при этом, как мог, сохранял хладнокровие и отвлекал мальчишек от взрослых разговоров. Двойняшкам очень не нравился мужчина, говоривший на русском языке и покрикивавший на маму и хорошего дядю.

– У него денег нет, а я заплачу.

– Любовь зла, Василь! – обиделась женщина.

Пашид успокоил своего спутника. Обещал долго не задерживаться.

– Мальчики со мной, останутся, телевизор посмотрим в холле. Полчаса, не больше! – продиктовал свои условия Вазир Хан.

Не желая доверять детей чужому человеку, мать попросила дежурную по этажу приглядеть за сыновьями.

Оставшись наедине, супруги сначала не могли произнести ни слова. Не заметив, как оказались раздетыми догола, мужчина и женщина долго не могли насытиться своей короткой близостью. Объятия, поцелуи, вздохи и вскрикивания сменялись новыми и новыми словами любви, сильными объятиями, жадными и горячими поцелуями, страстными соитиями. Войдя в желанную женщину в очередной раз после короткой паузы, муж тихо заговорил. Попросил сохранять спокойствие и никак не выдавать своих чувств, из санатория выехать двадцать шестого числа сразу после завтрака. Назначил жене встречу в Феодосии в три часа дня в музее знаменитого художника Айвазовского. До этого времени она, по указанию мужа, должна была перекомпостировать билеты на ближайший мос-

ковский поезд. Сам он собрался добираться до Москвы «зайцем», поэтому не решил брать себе билет.

– Если я не приду в музей...

Женщина замотала головой и прикрыла ладонью рот мужу.

– Все равно должны уехать! Проблем с билетами не должно быть... Береги ребят! Дискетку передашь свидетелю, понимаешь о ком речь?

– Да. Но...

– Никаких но, уезжаете, немедленно!

– Я люблю тебя милый!

– И я, ты моя единственная...

Мужчина начал сильнее двигаться. Жена задышала и заохала. Сдержанть эмоции не было сил. Они с громкими криками и возгласами в очередной раз провалились в мир непередаваемых ощущений. Небо и земля коснулись друг друга, мир качнулся и погрузился в бездну опустошенности и марево красок.

Ночью Пашиду было не до проституток, которые пришли, как по расписанию, в полночь. Пристегнутый к отопительной батарее наручниками, он спал. А Вазир Хан практически до утра в соседней комнате двухместного номера забавлялся сразу с двумя проститутками.

Главное событие июля в военной санатории началось в десять часов утра. И Пашид тоже попал на него. Он вместе с молодыми людьми восточной внешности оказался в небольшом конференц-зале, где была размещена компьютерная техника. Мастер-класс вел англичанин. Как представился преподаватель, он был директором одного из департаментов известного медиахолдинга Рокшилбрайтс. Пашид сразу вошел в тему использования современных интернет-технологий. Многие вещи ему были знакомы и раньше, но еще больше разведчик узнал за два часа занятий до перерыва и такое же время после обеда. Методика проведения и содержание мастер-класса позволяли предположить, что участников мероприятия обучают технологиям, формам и методам информационной войны в сети Интернет. В содержательном плане противником в информационном противоборстве чаще всего выступали Россия и ее вооруженные силы. Игровые ситуации компьютерных войн происходили на фоне ландшафтов Северного Кавказа. «Хорошо, что успел передать Наде, что война готовится на Кавказе», – подумал разведчик.

Аркаим так увлекся, что не сумел толком отследить, где все это время находился Вазир Хан. Утром они расстались, когда Пашид зашел в конференц-зал, а Саланг вместе с немолодыми мужчинами, которые также жили на восьмом этаже, отправился в другую комнату. На входе туда стояло несколько охранников. Они тщательно проверяли документы у всех входящих. Разведчик сразу предположил, что под прикрытием мастер-класса проходит то самое совещание по подготовке к новой войне на Кавказе.

Почти все гости восьмого этажа покинули здание санатория вечером. Пашид хорошо видел со своей лоджии, как участники тепло прощались с еще остающимися здесь организаторами мастер-класса. Перед тем как занять места в большом автобусе они обнимались и обменивались рукопожатиями. Сверху разведчик сумел разглядеть одного человека славянской внешности. Он постоянно говорил

по телефону, принимая вызовы. Когда автобус уже тронулся с автостоянки, неизвестный человек подошел к «мерседесу» с официальным флажком России на капоте. Автомобиль с дипломатическими номерами направился вслед за автобусом. «Интересно, а что российские дипломаты здесь делают?»

Вечером на тему новой кавказской войны немного проговорился и Вазир Хан. После вечернего «традиционного» иглоукалывания наркотой он дымил, развалившись в кресле. На двенадцать ночи были заказаны проститутки. А пока Саланг решил немного раскрыть пленнику свои карты.

– Еще один покупатель на тебя нашелся, – неожиданно заговорил он. – Англичанин тебя одного из всех участников выделил, как специалиста, готового уже сегодня применять современные интернет-технологии. Молодец! На Кавказе скоро будет жарко, поэтому чеченцы готовы тебя купить. Как такой поворот дела?

– Не понял!

– С чеченами проще договариваться, а вот англичан не поймешь. Они то друзья мусульман, а то... – Вазир Хан замялся.

Пашиду стало ясно, что в складывающейся ситуации его детально продуманный план побега остается единственно правильным решением. Оставалось только еще раз предупредить Надежду. «Дискету я передал, а вот еще раз повторить, что в ближайшее время начнется новая война против России, не помешает».

Надежда словно услышала его. В дверь постучали. Молодая женщина с ребятами стояла на пороге.

– Здравствуйте, а мы попрощаться пришли. Еще раз огромное спасибо за Георгия! Да, ребятки? – она погладила головы детям.

Вазир Хан даже не стал выходить к гостям. Пашид поцеловал женщину и своих мальчишек. Успел шепнуть на ухо жене, что все договоренности остаются в силе. Не забыл и о других мелочах: войне, роли Украины в антироссийских делах, Вазир Хане и чеченцах – напомнить бедной женщине, которая в ту минуту жила только надеждой как можно быстрее опять оказаться вместе со своим родным и любимым человеком.

Однако планам Аркаима и мечтам женщины не суждено было сбыться. Пашида разбудили под утро. В темноте он не сразу разглядел стоявших над кроватью людей. Он приподнялся. Сразу узнал проститутку, которая осталась этой ночью развлекать Вазир Хана. Второй человек держал в руках пистолет. Это был высокого роста мужчина, одетый в форму секьюрити. Он приказал Пашиду встать и одеваться:

– На выход!

– Он не знает русского языка!

Проститутка ловко защелкнула наручники с батареи к себе на левую руку. Помогла мужчине натянуть штаны и надеть рубашку.

– Where is my friend?

– Пашид указал рукой на комнату, где должен был быть Вазир Хан.

– Go! – охранник повторил команду.

Утром по санаторию быстро разнеслась весть о том, что на восьмом этаже один жилец скончался от передозировки наркотиков, а другой исчез. Администрация вызвала милицию. Однако первыми приехали двое мужчин, которые, пред-

ставившись следователями городской прокуратуры, осмотрели номер на восьмом этаже, затем переговорили с администрацией. Через полчаса они покинули военный санаторий, захватив с собой женщину с двумя детьми, и уехали в неизвестном направлении.

К девятнадцати часам вечера рейсовый самолет из Симферополя, оказавшись в московском воздушном пространстве, приступил к снижению. Надежда ее сыновьям прилильнули к иллюминаторам. Внизу уже хорошо были видны зеленые поля и леса. Это было ее первое путешествие с детьми на самолете. Весь полет Надежда проплакала. Но не расставание с уникальными курортными местами тревожило женское сердце. Тревожные мысли о муже не давали ей покоя. Хорошо, что мальчишки почти весь перелет проспали и не видели слез родной мамочки.

В московском аэропорту молодую женщину с детьми ожидал генерал Вашанов. Как оказалось, он все-таки получил, хотя и с опозданием, известие от Аркаима. Однако уже двадцать пятого числа гэрэушники приступили к реализации разведмероприятий «Аквариума». Крымские сотрудники российской службы получили задачу проникнуть в санаторий, выяснить характер и содержание мероприятия, а главное, найти, незаметно забрать и вывезти из Крыма в Москву Фарида Пашида и Вазир Хана, а также обеспечить безопасность и скорейшую отправку в Россию семьи подполковника Пашина.

Когда Вашанову сообщили по телефону, что Вазир Хан, он же Василь Ханов, скончался от передозировки наркотиков, а Пашид исчез при невыясненных обстоятельствах, генерал пришел в бешенство. Тут же отдал приказ немедленно отправить женщину с детьми ближайшим самолетом в Москву. С этой задачей офицеры справились оперативно и успешно.

В подмосковном аэропорту генерал находился уже около двух часов. Встреча с Надеждой должна была многое прояснить. Наконец в зале ожидания объявили о совершении посадки самолета рейсом из Симферополя. В машине Вашанов, который был сам за рулем автомобиля, сразу предложил всему семейству переехать на другую квартиру.

– Это нужно для вашей безопасности, и прежде всего безопасности мальчишек. На полгода. Это недалеко – по Ярославке, рядом с Москвой. С вашей работой и детсадом все будет решено, не беспокойтесь!

– А вещи? А если позвонит на старую квартиру?

– Все решим, не беспокойся!

Свой подробный рассказ о поездке в Крым Надежда начала с информации об исчезновении мужа. Мальчишки, прислонившись друг к другу, безмятежно спали на заднем сиденье. Машина стремительно неслась по загородному шоссе. Подмосковная природа радовала глаз своими сочными зелеными красками.

Кабала СВЯТОШ

Черная кошка с лоснящейся шерстью лежала на широкой кровати в уютной спальне. Домашнее животное, поджав под себя лапы, дремало. Легкое урчание несколько не нарушало тишины, царившей в помещении. Прямо возле кошки лежала раскрытая книга, перевернутая обложкой вверх. Это был древнейший источник знаний, основа каббалистской литературы. Как значилось на задней обложке солидного издания, она долгое время, почти две тысячи лет, оставалась тайной для большинства людей, живущих на земле.

Каббалистические знания Артема Мирского заинтересовали лет десять назад, когда он пришел в большую политику. Олигарху вдруг захотелось понять, как с помощью специальных ритуалов и молитв можно вмешиваться не столько в божественно-космические, сколько в общественные процессы, воздействовать на умы и сердца людских масс. Будучи по первому образованию математиком, Мирский легко погружался в тайны и секреты древнего мистического учения, способного, согласно преданию, просветить и наставить человека в высшей мудрости.

Основу каббалы составляли и другие документально-догматические источники, с которыми признанному мастеру закулисных интриг также хотелось ознакомиться. За последнее время он, пожалуй, впервые нашел время для того, чтобы еще раз обратиться к ветхозаветной кладези мудрости. В эту ночь он сомкнул глаза только под утро, когда книга мудрости стала выпадать из его рук. Мысли, которые возникали при чтении, невольно перемешивались с размышлениями о событиях последнего времени в его жизни.

После прошедших новогодних праздничных дней Артем Мирский чувствовал себя одиноким и опустошенным. Однако такое пасмурное настроение было вызвано не многочисленными новогодними встречами и застольями, всегда сопровождающимися бессмысленными пьянками, чревоугодием и другими ненужными излишествами. Накануне своего пятидесятипятилетнего юбилея он впервые в жизни почувствовал, что фортуна стала отворачиваться от него. Известный в стране и за границей олигарх на глазах стал утрачивать свое прежнее политическое влияние, попав в опалу у новой официальной власти в Кремле.

Воскресный день близился к концу, а олигарх с самого утра продолжал сидеть на полу спальни на мягком ковре ручной работы. Перед ним было рассыпано огромное количество разноцветных драгоценных камней. Мирский вновь и вновь перебирал свою коллекцию редких драгоценностей. Он не отвечал на телефонные звонки. За все время вышел из спальни дважды, сходяв в туалет. Сегодня Артем ничего не ел. Олигарх так разгрузился, периодически выпивая родниковую воду.

В последние годы, когда остался без жены, а падчерицу отправил учиться в Лондон, Мирский стал избегать сборищ и тусовок, полюбив одиночество. После нового прочтения каббалистской литературы он окончательно уверовал в то, что

древние приемы восстановления и концентрации энергии особенно актуальны в современном мире информационных вызовов и угроз. В тишине одиночества можно быстрее напитаться спасительной энергией, а заодно и поразмышлять о жизни, проанализировать свои дела и шаги, еще раз взвесить ситуацию и выработать стратегию движения вперед.

Сегодня было о чем подумать. Мирский давно уже не испытывал таких потрясений, которые пришлось на его долю в последние полгода. «Когда же это началось? В чем причина? Кто виноват? Что делать?» – задавал он себе одни и те же вопросы и снова и снова искал на них ответы. В своих размышлениях Артем Ильич все больше склонялся к тому, что именно «чеченская карта», которую он сделал козырной в борьбе за влияние в коридорах кремлевской власти, в конце концов, словно бумеранг, ударила по нему самому. «А ведь как все хорошо складывалось, какая головокружительная карьера была!».

Мужчина в красивом восточном халате, сидя на полу, почему-то сразу вспомнил свой приход в Совбез и знаменитые Хасавюртовские соглашения между Чечней и Россией. Только после этого успеха известного в России олигарха и медиамагната по настоящему оценили, приняли и признали в европейских столицах. Даже баронесса Рокшилбрайт всегда готова была принять у себя в Лондоне всемогущего московского олигарха. Несмотря на свой принцип: «Я не настолько молод, чтобы иметь близость с особами старше двадцати лет», он даже попробовал поволочиться за властелиной, как звали женщину в лондонских элитных кругах. «Если бы она к тому времени не выскочила замуж, то раскуривала бы мою трубку мира!» – цинично рассуждал Мирский.

В самой России без участия олигарха и медиамагната тогда практически не решался ни один вопрос государственной важности. «В Москве не было двери, которую бы не открывала моя нога. Сам президент мне в жилетку плакался!», – вспоминал прошлые времена искусный царедворец. От приятных воспоминаний по лицу человека, сидящего на полу спальни, скользнула улыбка. Вспомнилось, как по указанию медиамагната виртуально, в прямом эфире федеральных каналов, расстреливались в упор неугодные политики и чиновники, влиятельные государственные институты власти и общественные организации, конкурирующие олигархи и бизнесмены.

Артем привстал с пола, дотянулся до кровати и погладил черную кошку. В ответ на хозяйскую ласку животное, перевернувшись на спину, развалилось навзничь, разбросало по сторонам свои лапы со спрятанными когтями. Мужчина в халате потрепал кошку по животу, а потом крепко схватил ее двумя руками за грудь и поднял над головой. Черное пушистое животное хрипло замыкало. Хозяин опустил кошку уже на пол, вновь потрепал ей живот и толкнул черный мягкий комочек скользить по паркету. Киса, ударившись о дверь, бросилась наутек.

Мирский поднял руки и потянулся. Мысленно он продолжал оставаться в недавнем прошлом. «Хорошее было времечко!» И действительно, немало он преуспел в политике и бизнесе и потом, уже находясь в руководстве Содружества Независимых Государств. Его влияние на столицы бывших советских республик ценили не только в Кремле, но и в Вашингтоне и Брюсселе, где варилась новая похлебка постсоветской политики.

Не забывал Мирский и про свою личную выгоду. В списках авторитетного журнала «Форбс» в то время он уверенно занимал верхние строчки рейтинга самых богатых людей в мире. При этой мысли олигарх тряхнул головой. «Переборщил. Кто только в России ни обвинял меня тогда в национальной измене. Надо было делиться и держаться в тени. Ну и дурак!» Мирский несколько раз за прошедшую ночь возвращался к таким нелицеприятным оценкам своего карьерного взлета. «Дурак, решил, что взял Бога за бороду!» – он хлопнул рукой себя по колену.

И он не ошибался. За систематические действия, выходящие за рамки служебных полномочий, игнорирование прямых указаний руководства организации, как звучало в официальных сообщениях СМИ, председатель Совета глав государств СНГ, а это был президент России, освободил его от занимаемой должности. Опальный олигарх тогда пришел в бешенство от этого решения. Он развязал настоящую информационную войну против Деда. «А вот этого делать не надо было!» – грустно подумал сейчас Артем. «Надо было через жену и дочь президента действовать» – продолжал анализировать свои шаги и поступки Мирский.

Немного времени спустя опытный и искусный политик так и начал делать, но было поздно – в Кремле появился новый фаворит. «Я же его сам нашел, из Питера вытащил, продвинул в Москву, на фэсбэ назначил. А он? Вот неблагодарная сволочь!» – наедине со своими мыслями сокрушался Артем Ильич. Он вновь и вновь возвращался к мыслям об официальном преемнике бывшего российского президента, который был представлен обществу в самый канун Нового года. Тогда Дед всех перехитрил, даже собственных жену и дочь. Через них Мирский долгое время сохранял влияние на президента.

По рассуждениям опального царедворца, новый фаворит в Кремле переиграл его именно в Чечне, где так сильны были позиции Мирского. «Этот "тихоня" как-то сумел разгадать мои планы и сорвать их на всем Северном Кавказе!» Олигарх вновь и вновь возвращался к событиям прошлой осени, когда он инициировал вторжение чеченских боевиков в Дагестан. Тогда глава правительства, только что назначенный президентом, ворвавшись в большую политику с кличем «мочить в сортире» боевиков, сумел нанести решающее поражение сепаратистам и вернуть Чечню в правовое поле Российского государства. Мирский не мог не признавать этого явного успеха своего заклятого врага. «Вот черт, сумел-таки отвести от края пропасти матушку Россию», – соглашался олигарх со своими мыслями.

Эту страну, или, как он ее чаще называл, сторону света, он любил и ненавидел одновременно. Здесь он родился и вырос, добился таких карьерных высот, которые ему и не снились, чего ему не удалось бы сделать ни в одной другой стране мира. А не любил от того, что был ненавидим простыми людьми. И он это видел всякий раз, когда оказывался среди народа. В глазах этих ничтожных людишек Мирский почти всегда видел затаенные страх, злобу и ненависть. Для простых людей он оставался чужим. Они бы никогда его не выбрали своим лидером, президентом. «А вот этого фэсбэшника выберут. Для них он свой!» – и от этих мыслей Мирскому становилось жутко и противно. Его мучили сны, где прозревший народ его терзает и рвет на куски. Мужчине в домашнем халате стало не по себе. Он взял в руки книгу, лежащую на кровати. Мельком прочитал аннотацию на обороте об-

ложки. «Нет, здесь никакие знания каббалы не смогут помочь. Умом Россию не понять!» – мелькнуло в голове.

Развалившись на незаправленной постели, Мирский вновь мыслями улетел к событиям полугодовой давности. Он в который раз задавался мыслью о том, почему не удалась дагестанская операция. Мирский находил один и тот же ответ: «Не удалось нейтрализовать военную разведку. Люди Вашанова вскрыли планы дестабилизации обстановки на всем Северном Кавказе. Опять этот Вашанов!». Олигарх никак не мог простить генералу то, что тот регулярно информировал руководство страны о шалостях ответственного работника Совбеза, каким он был тогда.

В связи с именем Вашанова сразу вспомнилась закрытая встреча в Феодосии, на которой обсуждались детали предстоящей операции. Его люди из российского посольства на Украине убеждали, что совещание прошло в обстановке полной секретности. Однако уже тогда некоторые события насторожили Мирского.

«Во-первых, – вспоминал он, – в те дни умершим от передозировки наркотиков нашли в своем номере на восьмом этаже Вазир Хана». С этим человеком Мирский познакомился в Ташкенте, куда в свое время приезжал во главе делегации СНГ. Вазир Хана ему представил работник исполкома Содружества на одном из протокольных мероприятий. Они сразу сошлись. Наркоделец стал надежным компаньоном олигарха в делах, связанных с поставками в страны СНГ наркотиков и оружия, а с также торговлей живым товаром. Вазир Хан на закрытом совещании двадцать пятого июля как раз и должен был представлять интересы Мирского. Кроме того, он должен был передать для олигарха деньги, вырученные от продажи оружия и наркотиков на Кавказе. «Ни денег, ни человека, что же это может означать?» – который месяц продолжал ломать голову олигарх.

Подозрения в причастности русской военной разведки к вскрытию планов вооруженной операции в Дагестане как раз возникли в связи со смертью Вазир Хана. Мирский, когда еще только познакомился с узбеком, навел справки о нем, заплатив кругленькую сумму за оказание такой специфической услуги. Из Ташкента сразу пришла информация о Саланге, в свое время завербованном ГРУ.

Наконец, Мирскому так и не удалось разгадать смысл участия в совещании людей мужа английской баронессы Ротшилбрайт, которые для прикрытия предложили организовать и провести мастер-класс по обучению современным интернет-технологиям. «Может, это английская разведка двигает нового фаворита Кремля?» – мелькнула удивительная догадка в голове бывшего царедворца. «Да, нет, вряд ли за моей спиной возможно такое. Я же был посвящен в Лондоне как смотрящий за Россией! Если он под внешним контролем, то это только Ватикан... Он же германofil», – тут же постарался себя успокоить Артем Ильич. Он вновь погладил черную кошку, взяв на руки. Животное грозно зашипело и стало выпускать когти. Мужчина в халате отпустил руки. Кошка слетела вниз и тут же шмыгнула под кровать.

Несмотря на явные политические поражения, Мирский в последнее время старался во что бы то ни стало оставаться на плаву. В самый последний момент, вновь переизбравшись на Северном Кавказе в депутаты Госдумы России, он успел вскочить на уходящий вперед поезд российского политического истеблишмента.

Между тем над ним продолжали сгущаться тучи. В конце прошлого года политического дьявола вновь вызывали в прокуратуру. К обвинениям, которые ему инкриминировались еще в те времена, когда главой правительства был Примаков, добавились новые.

Конечно, Мирский понимал, что ото всех уголовных преследований он сегодня прикрыт не только депутатской неприкосновенностью, но и многочисленными завязками в политической и бизнес-элите, в крайнем случае, всегда можно было откупиться от назойливых прокуроров. «Они тоже люди, имеют семьи, а потому хотят жрать в три горла!» – так всегда мыслил политический интриган, которого не зря пресса причисляла к отцам-прародителям российской коррупции. Однако одно обстоятельство, возникшее совсем недавно, не могло не насторожить матерого политика. В последний раз в прокуратуре его допрашивал молодой следователь по фамилии Вашанов. На допросе Мирский сразу попытался взять инициативу в свои руки.

– Рад видеть, молодой человек! С вашим отцом, Владимиром Георгиевичем Вашановым, мы съели не один пуд соли!

– Спасибо! – спокойно ответил старший лейтенант в синей форменной одежде и сразу же приступил к допросу.

Его вопросы сильно не понравились олигарху. Неприятный холодок в груди возникал всякий раз, когда он начинал анализировать логику задаваемых вопросов. Ясно было, что младший Вашанов располагает богатым следственным материалом. «Тут без старшего Вашанова не обошлось! Все время ты на моем пути, ну берегись, генерал!». Так в канун Нового Года матерый интриган вынес свой приговор гэрушнику.

Часы уже показывали около шести вечера. Мирский спустился вниз со второго этажа своей просторной квартиры и прошел на кухню. Следом за ним прибежала черная лоснящаяся кошка. Она села возле своего места для еды и замерла в ожидании того времени, когда хозяин насыплет ей любимого рыбного сухого корма «Вискас». Мирский положил книгу на стол и включил телевизор.

Подельники

Телевизионные сюжеты взрывов на коммуникациях, аварий и других катастроф, гибели людей, преступлений сменялись картинками праздничных шоу и развлечений, международных визитов и встреч. «Еще поборемся! Пока «ящик» под контролем, не все потеряно...!» – вслух произнес медиамагнат и хлопнул в ладоши.

Неожиданно раздался звонок в дверь. «Кого еще черт несет?» Мирский приник к дверному глазку. Дверь открылась. В комнату с шумом ворвался Жирик.

- Шеф, один? Звоню по телефону – никто не берет трубку!
- Тебе было сказано, что сегодня я отдыхаю. Что-то срочное?
- Доложиться хотел.
- Ладно, проходи.

Мирский и Жирик сели за стол. Хозяин себе налил простой воды, а гостю коньяку.

– У тебя полчаса, рассказывай! Что по Вашановым?
– Как раз с этого и хотел начать. Обо всем договорился. Глухонемой чечен все сделает сам.

- И отца, и сына?

Жирик кивнул головой.

Мирский задумался: «Если ликвидировать сына Вашанова, это будет знак отцу. А если сразу двоих, то, наверняка, задумаются и сам преемник, и всё его мелко-травчатое окружение». А вслух произнес:

– Все на кавказцев спишем?
– На того же Джабраила!
– Соображаешь! Совсем отвязался, сука! Забыл, кто его в люди вывел! Слышал, жену мою пригрел у себя, ребенок от нее родился.

- Круто!

– За всё надо платить! Сольем в СМИ информацию о том, что автокатастрофа Вашановых – это дело рук чеченского криминалитета, мало не покажется!

В считанные секунды Мирский, математик по образованию, мысленно прокрутил в голове почти весь сценарий задуманной операции. Он с жестоким выражением лица потер руки и поднял глаза на Жирика.

– Глухонемой – надежный чел, умеет держать язык за зубами! Не зря ему тогда язык укоротили. Однако в этой ситуации чечена надо убирать, – усмехнулся Жирик.

– Ты не прост, Абувалиевич!
– Чья школа, шеф!
– Пусть будет по-твоему, с глухонемым сам рассчитаешься. Времена наступили другие. Нам, дружище, надо быть готовыми к тому, чтобы вовремя слить из страны. Кстати, я просил, чтобы билеты на Лондон ежедневно бронировались.
– Всё под контролем!

- Хорошо!
- Шеф, будет правильно, если в СМИ дать утечку о том, что покушение на Вашановых – это дело рук Джабраила.
- Может быть! Соображаешь! Только это не твой вопрос. Я не забуду об этом. А Джабраилу, вижу, ты не можешь простить, что его брат сделал тебя кастратом.
- А кто простит? Случись с вами...
- Но-но! Не пугай хрен с пальцем! С кем ты равняешься?
- Виноват!
- Ну вот! Как с женой, Наташкой, обходишься?
- Классный протез приобрел, немецкий. Так она просто визжит от удовольствия! Медовый месяц!
- Бедная женщина, как она тебя терпит столько времени?
- Шеф, вижу, совсем скука одолевает, может, девочек пригласить? Вчера партию девственниц привезли из Белоруссии. Просто блеск!
- Смотри, доиграешься! Мальчики, девственницы, трансплантаты, наркота нам еще выйдут боком. Подставишь, убью! – Мирский решительно взмахнул кулаком.
- Может, тогда я на что схожусь? – Жирик решил перевести разговор на другую тему, зная, как ревниво относится шеф к любым попыткам подчиненного развивать свой бизнес.
- Анекдот знаешь про «неуловимых мстителей»? – Артем Ильич решил вновь поиздеваться над помощником депутата.
- Интересно, это любимый фильм моего детства.
- Собеседник рылся в вазочке с орехами, всякий раз извлекая фисташки.
- Так вот, Данька Шусь, главный герой, приходит на явочную квартиру в Париже и произносит пароль: «Вам унитаз нужен?». Ему отвечают: «Был нужен, но уже взяли!». Данька Шусь произносит вторую часть пароля: «Может и я, на что схожусь?». Ему в ответ: «Сгодишься, если пошире свой рот откроешь!». Поэтому себя больше не предлагать! Старый ты стал Жирик, а меня теперь только мальчики интересуют.
- Обижает, Артем Ильич, всё время обижает.
- Ладно, всё. Еще что есть сказать?
- Жирик сделал многозначительную паузу.
- Кстати, о мальчиках. Есть двое очаровательных двойняшек и их беременная мама.
- Ну, это другой разговор. Об этом поподробнее.
- Помощник депутата Госудумы сбивчиво рассказал, как ему, наконец, случайно удалось выйти на след своего однокашника Федора Пашина.
- Месяца три назад, когда по вашему поручению еще раз связался с нашим человеком в российском посольстве на Украине, он мне подтвердил, что тело убитой проститутки, которая была в ту ночь у Вазир Хана, милиция обнаружила в лесопосадках по дороге на Симферополь.
- Меня больше интересует информация о человеке, жившем в одной комнате с Вазир Ханом.
- О нем почти ничего не известно. Он компьютерщик, его видели на мастер-классе в санатории. По всей видимости, это какие-то свои дела узбека.

– Какие свои дела? Я на такие бабки попал! Как теперь всё вернуть? С Вазир Ханом все афганские связи потеряны. Просто полная хренотень!

– Попали впросак!

– Не болтай, о чем ни уха ни рыла!.. Что такое «впросак», знаешь?

Жирик развел руками. Между тем Мирский немного смягчился.

– Расстояние между двумя женскими дырками. Знать надо русский язык!

– Артем Ильич – это настоящая ходячая энциклопедия.

– Не то, что ты, пальцем деланный. Знаешь, что означает?

– Знаю, молчу.

Жирик давно уже усвоил правила общения с олигархом. «Спокойно, главное, не перечить!» – всякий раз успокаивал себя Александр Абувалиевич, когда Мирский грубо обращался со своим еще недавним «голубым» партнером.

– Так что хотел сказать?

– Эта женщина, ну с двумя мальчиками, в то время отдыхала в санатории и контактировала с Вазир Ханом и его человеком.

– И что? Кто она?

– Не поверите, но это жена Пашина, моего однокашника. Но у нее другая фамилия. Поэтому и искать пришлось так долго. Она сменила квартиру. Но я выследил. Сосед-наркоман дал знать, когда она на старую квартиру приехала.

– Так ты уже общался с ней?

– Так точно!

– Делаешь успехи!

– И что?

– Подтверждает, что ее муж давно пропал без вести. Про Василя Ханова ничего не знает.

– Это кто такой?

– Вазир Хан. Он же всегда под этой фамилией действовал, когда приезжал из Афгана.

– Ну да. И что? Ты что, встречался с ней?

– Она с детьми сейчас на вашей даче, под охраной глухонемого.

– Сдурел?! Спать меня хочешь?! Да я с тебя шкуру спущу!

– Шеф, я хотел угодить. Сытная баба, такой животик кругленький, ядреная задница, а ляжки, бедра, сиски – ваш размер. Вы же любите четверочку? А мальчики – это просто что-то. Оба розовощекие, голубоглазые, попки маленькие, упругие. Кожа нежная-нежная.

– Ты педофил какой-то! Ладно, не дразни! Она что сама приехала к тебе, или как?

– Или как! Вначале детей из садика забрал, а затем, дождавшись ее, пригласил в машину. Там глухонемой помог загрузить даму в автомобиль к детишкам.

– Когда это было?

– Два дня назад. Не мог дозвониться, поэтому сразу не сообщил. Уже сегодня решил приехать и потревожить.

– Болван, она же сфотографировала ваши лица... – Мирский опять не на шутку взволновался.

– Шеф, я так думал, что беременной и ее спиногрызам уже не придется назад возвращаться. Я уже проговорил и с нашими друзьями из медцентра трансплантологии.

Мальчишкам по шесть лет. С виду здоровенькие ребята, упитанные. А баба вообще клад. Беременности месяцев семь. Зародышам вообще цены нет! Получим кругленькую сумму за такие «запчасти»! Может, вам что поменять? Помнится, на почки жаловались.

– Ты сначала яйца себе поменяй, а заодно мозги! Да ты просто дьявол во плоти, Александр Абувалиевич. Ты меня превзошел. Выходит, это я попал к тебе в кабалу, а не ты ко мне! Мне страшно становится. Я боюсь, не дай Бог, поскользнусь, ведь ты и меня не пощадишь.

– Шеф, просто не надо поскальзываться!

– Ладно, шкуру не испортил даме?

– Я пальцем не тронул их. Они все верующие, сумасшедшие какие-то! Всё время крестятся и молитвы шепчут!

– Дурак, без веры жить нельзя! Она знает, что моя Анна – это дочь Пашина?

– Теперь знает!

– И как?

– Молится всё время! Но эффект был. Так глазами сверкнула, что!..

– Нет, ее месть нам не понадобится! Нам с Анной не нужны будут такие родственники!

Мирский вновь замолчал. Вдруг встал со стула и прошел к телефону. На другом конце провода ответили сразу.

– Я, я. Хорошо, что узнал. Скажи, дорогой, что за информация прошла о пропаже беременной женщины и двух малышек.

На другом конце, видимо, ответили что-то невнятное, оттого Мирский заговорил на повышенных тонах:

– Бездушные, болваны! Детей и женщин кавказцы воруют! Растлят и глумятся, а федеральный канал молчит! Где свобода слова, права граждан на доступ к информации? Через час в новостях чтобы было соответствующее сообщение!

Медиамагнат бросил трубку.

– Красавец! Вот это работа!

Жирик сам налил себе коньяку и выпил.

– Поедешь сегодня же на дачу! Бабу не трогать! Сразу после... бабы и детей не должно быть и в помине. Глухонемого сегодня же выпроводи, дай задаток, скажи, чтобы не медлил...

– Всё будет, как скажешь, Ильич! У нашего чечена уже есть схема действий по объектам, а у меня своя по нему...

– Всё, об этом молчок. Я больше ничего не хочу знать. Дальше это твой вопрос. Меня интересует сейчас только баба с детьми.

– Ой, шеф, завидую! Баба в прекрасной форме и к тому же голодная без мужика. Не сомневайтесь, право первой ночи принадлежит только вам.

– Ладно, тебе тоже достанется. Понимаю, что у тебя свои счета с мужем беременной. Вот и оторвешься. Пойдешь вторым сортом, после меня. Не забудь взять видеокамеру с собой.

– Отличная мысль! Потом в Интернете разместим эту эксклюзивную педофилию, правильно понимаю?

– Больно грамотный стал! Я тебя сам сниму во всей красе: голый инвалид с искусственным фаллосом насилует вначале беременную женщину на глазах ее

детей, а потом по очереди мальчиков. Значит, говоришь – мальчики просто шедевры?! Это меня возбуждает, угодил...

Мирский попытался поднять за лапы черную кошку. Животное грозно зашипело и, вырвавшись, вцепилось в руку хозяина.

– Вот дьявольская тварь!

Артем Ильич с силой ударил кошку ногой. Животное отлетело к стене, моментально сгруппировалось и бросилось бежать.

– Не забудь натянуть на себя чулок – это возбуждает «юзеров»¹⁵, – спокойно проронил Мирский, вытирая кровь с царапин на руке.

– Нет, я буду в маске чудовища Бафомета с козлино-кошачьей внешностью!

Жирик Александр Абувалиевич опорожнил початую бутылку коньяка прямо из горлышка.

– Чего ты мелешь? И не пей столько, опять нажрешься!

– Шеф, не понимаешь. Детям нужно представление. Я как-то сидел в Интернете, видел такое незабываемое зрелище – просто передача «В гостях у сказки», а мы все будем сказочными героями. Надо только не забыть взять на съемки эту тварь!

Жирик нагнулся и попытался взять в руки черную кошку, которая вернулась в комнату и терлась под столом об ноги хозяина. Однако животное зашипело, сжалось в комок и приготовилось вцепиться в опьяневшего мужчину.

– Оставь зверя и прекрати чушь нести! – грубо остановил олигарх пьяный треп своего подельника.

При расставании договорились, что Мирский приедет на дачу завтра во второй половине дня. Депутату нужно было обязательно быть на закрытом заседании в Госдуме, где министр обороны и начальник Генерального штаба должны были отчитываться о положении дел в Вооруженных Силах. Артем Ильич твердо решил, что в этот день он публично предъявит обвинения в адрес военной разведки. А главное, он официально поставит вопрос о компетентности, профессионализме и лояльности к власти генерала Вашанова.

Тем временем, Владимир Григорьевич, получив информацию о пропаже Надежды с ее детьми, выехал на место происшествия вместе со своим сыном. Отец и сын сразу посетили садик, встретились и переговорили в местном отделении милиции. Версий было немного. По свидетельству одного очевидца, видевшего двух мальчишек в неизвестной машине, за рулем которой сидел мужчина неславянской внешности. В милиции сразу предположили, что дети и беременная понадобились мафии - поставщикам за границу человеческих «запчастей».

Уже стемнело, когда «бээмвэ» направился из подмосковного города в сторону столицы. Генерал и старший лейтенант обсуждали между собой возможные версии. Следователь прокуратуры гнал иномарку с огромной скоростью.

– Куда ты все время гонишь? Уже сто семьдесят на спидометре!

– Папан, меня девушка ждет. Через полчаса свидание. Не волнуйся, я всегда так езжу.

---

15 – Пользователи в сети Интернет.

– Ну и зря! Бить тебя некому! Знаешь, с какой скоростью нужно ездить? Так вот, заруби себе на носу: не быстрее скорости, с которой за тобой летит ангел-хранитель...

Отец не договорил. Радио «Маяк» передавало последние известия. Младший Вашанов даже сбавил скорость. Диктор передавал информацию об исчезновении беременной женщины с двумя детьми. «Как сообщил наш источник в прокуратуре, не пожелавший назвать своего имени, в качестве основной версии рассматривается "кавказский след". Следователи уже вышли на известного чеченского криминального авторитета Джабраила, который скрывается от преследования правосудия в Подмосковье» – подчеркнуто отстраненно звучал дикторский голос в эфире.

– А теперь гони, сынок!

Отец достал электронную записную книжку и стал искать нужный телефонный номер.

– Думаешь, люди Джабраила? Не очень верится! Он правильный чечен, с детьми и бабами не воюет!

– Я тоже так думаю, но связаться с ним надо!

Телефонный зуммер звучал целую вечность, пока на другом конце трубки не ответили на чеченском языке.

– Джабраил, узнал меня?

Владимир Георгиевич в считанные секунды объяснил влиятельному чеченцу всю ситуацию с пропажей женщины и детей. Не забыл сообщить и о недавнем сообщении по радио «Маяк». Чеченец отреагировал спокойно и заверил знакомого генерала, что во всем разберется лично.

– Джабраил, Надя и ее ребята для меня очень дорогие люди, прошу тебя помочь. Держим связь. Через час я выйду на тебя снова.

До московской кольцевой дороги оставалось не более десяти километров. Иномарка продолжала нестись на бешеной скорости, обгоняя на своем пути все машины в обоих полосах трассы. Не остановившись на сигнал автоинспектора, шустрая «бээмвэшка» увлекла за собой милицейский жигуленок, который с включенной сигнализацией безуспешно пытался настичь нарушителя дорожного движения.

Генерал Вашанов мысленно продолжал выстраивать единственно верную версию и определяться с дальнейшими оперативными шагами по поиску не чужих для него людей. И вдруг его осенило:

– Мирский! Это его почерк!

– Думаешь? – сын на секунду отвлекся от вождения.

– Тормози! – заорал отец.

Он первым увидел, как с правой стороны дороги на трассу неспешно выползла большегрузная машин, перекрыв сразу почти две полосы. Однако младший Вашанов уже не успевал толком среагировать на внезапно возникшую дорожную ситуацию. Тормоза иномарки завизжали уже тогда, когда она на огромной скорости влетела в самосвал, груженный крупным гравием.

Еще молодой мужчина лет сорока выбежал за ворота своего коттеджа и направился вниз к морю. В это время из другого такого же двухэтажного особняка вышел другой человек и неспешно пошел вслед за ним. С большого плато, где разместился коттеджный поселок, самая близкая дорога к морю проходила по крутому спуску, заросшему кустарником и заваленного большими и малыми камнями. По этому маршруту подготовленный человек мог спуститься за пятнадцать двадцать минут.

Мужчина атлетического вида, оказавшись на берегу, стал неторопливо делать зарядку. Одно упражнение сменялось другим, еще более сложным. Затем атлет приступил к отработке приемов каратэ, а завершил занятие йогой. Наконец смельчак разделся до плавок, с разбега бросился в море и быстро поплыл в сторону красных буйков.

Второй человек, который сверху, оставшись на краю плато, возвышавшегося над морскими просторами, внимательно наблюдал за смельчаком, бросившимся в холодную воду. В это время года желающих искупаться в море было немного. Температура воздуха с утра не превышала пятнадцати градусов.

Смельчак, проплыв метров двести, перевернулся и лег на спину. Ему было хорошо видно человека, сидевшего на краю плато и курившего. За более чем восемь месяцев он привык уже к постоянной слежке за собой. Это был водитель служебного микроавтобуса, на котором каждое утро жители коттеджного поселка, работавшие в представительстве крупного медиахолдинга, отправлялись на работу и вечером возвращались обратно к себе домой на плато. Пловец давно уже понял, что водитель следит за ним, даже особо этого не скрывая. Однако сейчас его беспокоило и тревожило не это обстоятельство. «В моем положении трудно было ожидать чего-то другого». Из головы никак не выходил ночной сон. Оказавшись, наконец, на берегу, смельчак растерся махровым полотенцем. Стало гораздо теплее. «Что может означать этот ужасный сон?» – крутилось в сознании. В последнее время редко было, чтобы мужчина мог выспаться, чтобы ему не приснилось что-нибудь предостерегающее и пророческое.

В эту ночь вначале снились родной дом, давно умершая мама, которая молча ходила вокруг сына и молилась. Он даже проснулся ненадолго. Посмотрел на электронные часы с подсветкой. Они показывали четверть второго ночи. Сразу подумалось: «Надо будет сходить в церковь, поставить свечку!». Новое яркое видение разбудило его уже под утро. Снились маленькие дети и женщина, совсем голые, в небольшой холодной комнате с завешенным окном. Какие-то звероподобные люди избивали мальчишек палками, таскали за волосы молодую женщину. Она была похожа на Надежду и Ольгу одновременно. Хотелось прийти на помощь, но кто-то невидимый крепко держал мужчину за руки. После таких сновидений заснуть уже было невозможно.

Мужчину, вернувшегося в коттедж, который стоял внутри небольшого аккуратного дворика, с приветливой улыбкой на лице встретила женщина лет тридцати. Она постоянно проживала в уютном домике, в отдельной комнате на первом этаже возле гостиной и кухни. Киприотка была мастерицей на все руки: своевременно убирала в помещениях, умела приготовить вкусную еду, ревностно следила за порядком во внутреннем дворике, где росло много экзотических растений.

Постоялец располагался в спальне на втором этаже. Он был доволен домработницей, услуги которой также оплачивала фирма. Одиноким мужчиной не без оснований предполагал, что в обязанности киприотки с пышными формами могло входить и предоставление интимных услуг. Однако постоялец больше ценил возможность регулярно общаться с киприоткой на ее родном языке. Дело в том, что при принятии на работу в кипрское представительство новому сотруднику сразу же поставили условие, чтобы он уже через полгода мог объясняться на греческом языке.

В семь часов тридцать минут по местному времени микроавтобус оставил позади себя коттеджный поселок и стал спускаться вниз, чтобы выехать на «хайвей». Трасса проходила через второй по величине город острова, где как раз и находился офис представительства известного в Европе медиахолдинга. Из окна микроавтобуса хорошо просматривались достопримечательности пригорода. В прошлом небольшой торговый городок, который располагался на южном побережье, сегодня превратился в крупнейший туристический центр Кипра с оживленной ночной жизнью. Город славился своими неповторимыми винными фестивалям, карнавалами, выставками и презентациями. Вдоль побережья расположилась целая вереница современных гостиниц со своими пляжами. Здесь туристам всегда предложат богатый выбор водных видов спорта и развлечений.

К северу от города находились живописные горы с укрытыми в лесах монастырями. Кипрский подданный Фаридани Пашидас был рад неожиданной возможности не только посещать православные жемчужины острова, но и вновь почувствовать себя православным человеком. В кипрском филиале медиахолдинга, куда восемь месяцев назад он устроился на работу, приветствовали в своих рядах сотрудников, которые проявляли интерес к православной культуре островного государства. Администрация компании нередко даже организовывала корпоративные вылазки в окрестности Троодоса. В том числе и таким образом в представительстве старались поддерживать соответствующий имидж компании в глазах местных жителей.

Аркаим до сих пор так и не смог толком понять, каким образом произошло его извлечение из плена Вазир Хана и как он оказался в греческой части Кипра, да еще в совершенно новом качестве. Тогда из Крыма неизвестные люди в течение суток переправили компьютерщика на остров в Средиземном море. Сразу разместили в коттедже. Там уже была прислуга, во внутреннем дворике дежурил охранник. Однако уже через неделю, после того как новый постоялец немного освоился, отъелся и отмылся, его доставили в Лимасол в представительство известного медиахолдинга баронессы Рокшилбрайт. Так Аркаим получил новые фамилию и имя, греческий паспорт, должность программиста и приличную зарплату в престижной фирме.

Теперь Фаридани Пашидас модно одевался, сладко ел и мягко спал, имел возможность заниматься своим здоровьем и спортом, посещать, хотя и под неусыпным контролем, местные достопримечательности. А главное, Аркаим получил доступ к интернет-ресурсам, благодаря чему сразу погрузился в удивительный мир виртуальной информации. Он, конечно, догадывался, кому мог быть обязан своим чудесным превращением в уважаемого мужчину. Разведчица неотступно преследовала лишь одна мысль: «Что может знать о нем Джахангир, отец прекрасной афганки и совладелец известного медиахолдинга, лорд Рокшилбрайт, в одном лице?». Аркаим был уверен, что рано или поздно Рокшилбрайт встретится с ним, а поэтому готовился к этому событию. В своем сознании он уже прокрутил не один десяток возможных сценариев этой встречи, мысленно отработал основные легенды своего происхождения. Все версии исключали принадлежность к ГРУ.

В ожидании встречи с медиамагнатом Аркаим не сидел сложа руки, а действовал. Его рабочий день начинался с мониторинга публикаций различных интернет-ресурсов, и прежде всего российских. Уже на второй день работы он нашел в Интернете информацию о смерти Василя Ханова и таинственном исчезновении его спутника. На другом интернет-ресурсе разведчик обнаружил сообщение о том, что наркоторговец Фарид Пашид утонул, когда возвращался на моторной лодке в Грузию.

Фаридани Пашидас в самом начале своей работы так увлекся поиском разносторонней военно-политической информации, что получил пару раз замечание от руководства представительства, которое жестко контролировало исполнение сотрудниками своих прямых обязанностей. Однако вскоре все встало на свои места. Новый работник быстро и аккуратно работал, был исполнительным и ответственным человеком. Уже через полгода его назначили начальником интернет-отдела и повысили зарплату.

Между тем Пашидас никогда не забывал, что он прежде всего военный разведчик Аркаим, а потому действовал. За полгода, промониторив основные мировые ресурсы, разведчик отследил информационные тенденции, уяснил принципы «раскрутки» информационных поводов и их координации по месту и времени, целям и задачам, содержанию, формам и методам. Сразу стала понятна и роль медиахолдинга Рокшилбрайтов в манипулировании общественным мнением в периоды обострения международной обстановки. Когда Аркаим создал базу данных современных глобальных вызовов и угроз, военно-политической и военно-технической активности ведущих держав мира в Евразии, и прежде всего на постсоветском пространстве, он окончательно уверовал в необходимость создания и продвижения своего собственного интернет-ресурса.

И вот два месяца назад ему удалось найти возможность зарегистрировать свой сайт www.arkaimnews.com. Употребление данного доменного имени, по замыслу разведчика, должно было привлечь внимание прежде всего Вашанова, которому был интересен Интернет и который мог догадаться о таком шаге разведчика, чтобы дать знать о себе. Лента новостей, сформированная на основе сообщений о глобальных вызовах, международных и региональных угрозах и мерах государств и народов по предупреждению грозящих опасностей, вызывала наиболь-

ший интерес посетителей нового интернет-ресурса. Это стало ясно уже через месяц. Несмотря на «нераскрученность» сайта, если не считать того, что Аркаим пару раз на считанные секунды размещал ссылку на www.arkaimnews.com на интернет-ресурсе медиахолдинга, его посещаемость превысила тысячу эксклюзивных посетителей в день. Интересны были и другие разделы сайта, в частности: «глобальные изменения климата»; «техносуицид»; геодемографическая революция»; «войны и терроризм»; «виртуальные угрозы»; «закат Америки»; «Божий суд» и др. В разделе «Главная тема» разведчик размещал самые важные новости и комментарии, которые находил в Интернете. Открыв в себе журналистские способности, отдельные публикации готовил сам. Эта работа буквально увлекала и захватывала, все последнее время он только и жил своим делом, которое стремительно развивалось.

Нельзя сказать, что все это время Аркаим не мечтал о том, чтобы исчезнуть с острова и вернуться на Родину. Теперь он вдруг понял, что его работа во влиятельном международном медиахолдинге получила новый смысл. Просиживая сутками в Интернете и усваивая огромные массивы самой различной информации политического, военного, эколого-культурного и другого характера, Аркаим невольно стал выходить на такие оценки, выводы и прогнозы, которые ни в открытых СМИ, ни даже на интернет-ресурсах найти было просто невозможно. «Зачем "агентурить", если можно сидеть возле компьютера и собирать заданную информацию?» – выпускник военной академии невольно вспомнил, как в «консерватории» будущим разведчикам передавали опыт агентурной работы в странах пребывания.

Теперь, после некоторых информационных открытий, Аркаим всё чаще недосыпал. Иногда он засыпал под утро, пытаясь разгадать подтекст очередной порции информации, которая вдруг появлялась почти одновременно во всех ведущих СМИ. Вскоре военный разведчик с горечью понял главное: вал информации о новой «мировой необъявленной войне», в эпицентре которой вновь оказывалась Россия, – это реальность! «Значит, русские, как и большая часть населения Земли, – лишние на этом свете. А психотронные войны смыслов и нервов – это эффективный инструмент формирования основ нового "мирового порядка"», – однажды сделал для себя смелый вывод разведчик. И тогда созрела идея собрать максимально больше информации о деятельности сил «мировой закулисы», в существовании которых сомневаться уже не приходилось.

От глобальных размышлений разведчика отвлекло одно сообщение. Просматривая сообщения российских СМИ, Аркаим наткнулся на страшные для него новости, после прочтения которых казалось, что душа выпрыгнет из груди, а сердце разорвется в клочья. Вначале промелькнуло сообщение о пропаже женщины с детьми из Подмосковья. Подозрения усилились, когда диктор одной из радиостанций указал на след в деле чеченского криминального авторитета Джабраила. Сомнения насчет того, что пришла настоящая беда, полностью рассеялись, когда новости московского региона запестрели сообщениями об автомобильной катастрофе на подмосковной трассе. Фамилия генерала Вашанова в тот день стояла в заголовках всех подмосковных новостей.

В те дни энтузиазма заниматься своим сайтом у Аркаима сразу заметно побавилось. На работе обратили внимание на перемены в настроении своего работника, однако отреагировали на это своеобразно. Наружное наблюдение за начальником интернет-отдела было усилено.

В душевном оцепенении и под пристальным наблюдением Фаридани Пашидас провел долгие три месяца. Правда, худых новостей из России он больше не находил. Скорее наоборот. Однажды, набрав в поисковике фамилию Вашанов, он несказанно обрадовался. «Генерал выжил!» – весь тот день шумело в ушах разведчика. Хотя и сообщалось в СМИ, что генерал уволен из армии по инвалидности, появилась надежда, наконец, обрести связь с центром.

А вот каких-либо новых сообщений о семействе в Интернете найти не удалось. «Мои ребята! О них некому думать! А я...» – продолжал переживать Аркаим. В нарушении всех инструкций несколько раз даже попытался дозвониться до Подмосковья, но известный телефон не хотел отвечать. Оставалось искать и ждать появления новых возможностей выйти на контакт с «Аквариумом».

Время шло быстро. Незаметно наступило лето, а это значило, что на остров пришла нестерпимая жара. «Время действительно все-таки лечит!» – подумалось Фаридани Пашидасу, когда он стал замечать красивых стройных девушек, заполонивших прекрасные песчаные пляжи Лимасола. Домоработница оказалась весьма интересной собеседницей. Она не только умела приготовить здоровую и вкусную пищу, но и будучи в курсе всех новостей, со знанием дела могла их прокомментировать. «Вы, случайно, к журналистике отношения не имели?», – как – поинтересовался Пашидас. Женщина чуть было не поддакнула, но вовремя осеклась. Однако, опытному разведчику и одного утвердительного движения аккуратной женской головки хватило, чтобы еще раз убедиться в том, что домоработница работает здесь неслучайно.

Наступившее лето сулило Фаридани Пашидасу не только массу приятных впечатлений от жизни в одном из самых привлекательных туристических центров Средиземноморья, но и новые неожиданные встречи и знакомства.

Разведка словом

Почти в самом конце июня на остров из Лондона прилетел сам лорд Рокшилбрайт. С утра новость о неожиданном прибытии главы медиахолдинга разнеслась по всему трехэтажному офису кипрского представительства. Современное здание офиса разместилось в самом центре города. Как стало известно журналистам компании, вместе с лондонским гостем на остров приехала очаровательная молодая особа.

Фаридани Пашидас, с утра обновив информацию на своем сайте, решил сосредоточиться и подготовиться к возможной встрече с человеком, с которым ему довелось познакомиться почти двадцать лет назад. Аркаим не ошибся. Ближе к концу рабочего дня начальника интернет-отдела любезно пригласили зайти к руководству. Жангир Рокшилбрайт принял работника на открытой террасе, выходящей во внутренний дворик. Светлый навес укрывал место встречи от палящего солнца. От зеленого газона, на котором брызгали водой фонтанчики, веяло прохладой и свежестью экзотической зелени. Несмотря на известные правила этикета, высокопоставленный гость представился первым. Он говорил на хорошем английском языке, но подчеркнуто сухо.

– Господин Пашидас, должен сказать, что вашей работой мы довольны. Сегодня подписано распоряжение о назначении вас руководителем интернет-агентства «Евразия», которое мы учредили. Это самостоятельная структура медиахолдинга. В рамках этого проекта будете курировать ряд специализированных интернет-ресурсов. Речь идет о таких направлениях и темах, как филателия, нумизматика, футбол и другие спортивные темы.

Завершив свой короткий монолог, Рокшилбрайт устремил взор своих темно-карих глаз на подчиненного.

На какое-то мгновение они встретились взглядами. Аркаим мысленно попытался оценить, насколько за прошедшие почти пятнадцать лет внешне изменился афганец. «Постарел, появился животик, седые волосы», – про себя отметил разведчик. «А вот манеры стали другие», – подумал он. И действительно, перед ним сидел, вальяжно развалившись в мягком кресле, человек, который был совсем не похож на покладистого, всегда улыбающегося и доброго слушателя специфического советского военного училища.

– Со мной эти вопросы никто не обсуждал, – внезапно возникшую паузу прервал Фаридани Пашидас.

– Думаете, в вашем положении это следовало бы делать?

Теперь уже Жангир внимательнее стал рассматривать своего шефа, не веря до конца, что это и есть его давний знакомый еще по временам СССР. «По-прежнему в форме – стройный, еще молодой мужчина. Седина на висках, в стриженной бороде и усах скорее облагораживают, чем старят. Правильные черты лица, однако морщины отпечатали на нем годы мытарств, лишений и переживаний», – как психолог, Рокшилбрайт оценил сидящего перед ним человека. Тем не менее,

сейчас он не спешил напомнить своему сотруднику об уже далеком прошлом. «Тогда мы оба были молодыми, а значит – более счастливыми, веселыми и радостными людьми. Интересно, что он обо мне думает и что может знать?» – подумалось Рокшилбрайту. Глава медиахолдинга немного смягчился:

– Господин Пашидас, вы, наверное, догадываетесь, что в компанию попали совсем не случайно?

В ответ сотрудник лишь неопределенно пожал плечами.

– Мы не берем людей со стороны, без соответствующих рекомендаций. Вас рекомендовала афганская девушка, которую в Кабуле обучали работе на компьютере. Как мне сообщали, она была очень довольна. Помните эту девушку?

Жангир внимательно взглянул на собеседника. Он сознательно не спешил представить свою дочь, решив посмотреть на реакцию ее бывшего учителя. Однако Пашидас остался почти невозмутимым:

– Да, конечно. Славная девочка, очень способная и талантливая. Интересно, как сложилась ее дальнейшая судьба?

– Она – моя родная дочь!

Разведчик изобразил удивление на своем лице.

– Не знали?

Аркаим вновь неопределенно пожал плечами. В эту минуту он не знал как себя вести.

– Мариам хотела бы с вами повидаться.

Эту фразу Рокшилбрайт произнес тоном, не терпящим возражений. Он улыбнулся дежурной улыбкой вежливости и любезности, принятой в европейской культуре общения.

– Встретимся вечером. Готовность к восьми часам. Вас заберут из дома, привезут к нам и доставят обратно.

У военного разведчика было немного времени, чтобы проанализировать состоявшийся разговор и наметить стратегию своего дальнейшего поведения. «С кем ни общался разведчик, он всегда должен уметь навязывать свою точку зрения, хорошо скрывать свои чувства и мысли под маской разговорчивости или усыплять бдительность своей кажущейся откровенностью», – Аркаим невольно вспомнил азы методики результативного общения в разведке, которые преподавались в военной академии. «С этой точки зрения сегодня я, пожалуй, был не силен!» – мысленно признал он. «А вот Рокшилбрайт вел разговор как по писаному. Может, он разведчик?» – мелькнула новая догадка.

Как и было договорено, в девять вечера Фаридани Пашидас ожидал своего шефа в горной деревушке. Столик на троих был заказан на свежем воздухе в небольшом ресторанчике. Сверху хорошо было видно побережье, сверкающее дивной мозаикой ночных огней. Среди них яркой иллюминацией выделялся крупный периметр освещенной территории. Это был известный на острове Hotel «Colombia».

Рокшилбрайт перед столиком появился неожиданно. Легким кивком головы поприветствовал подчиненного. И вдруг заговорил на русском языке.

– Как вам здесь нравится? Я всегда, когда бываю на острове, люблю отдыхать в таких вот местечках вдали от людских глаз.

Аркаим был смущен, он явно не ожидал, что шеф сразу начнет его прощупывать. Между тем Жангир, делая вид, что не заметил перемен в беседе, продолжил говорить на хорошем русском языке, но с небольшим акцентом:

– Суета городов утомляет! А здесь тишина. Хорошо!

Аркаим делал вид, что смотрит в сторону горящих огней.

– Федор Пашин разве не владеет русским языком?

Жангир загадочно улыбнулся, сделал знак официанту, который давно уже ожидал в стороне соответствующей команды.

Его собеседник, еще немного помолчав, вдруг перешел на язык дари:

– Мибахшид, магяр дохтаре шума намиояд?¹⁶

– Черо? Хатман миоад! Пас он тар, ке мо як моуза-е мохем моуред бахс коним!¹⁷ – После этого вновь перешел на русский язык: – О Федоре Пашине, курсанте советского военно-политического училища, мне известно многое. Дело в том, что однажды он спас афганца по имени Джахангир от избиения украинскими националистами. На Востоке такое не забывается! Федор Пашин вспомнил этот случай на дискотеке в западноукраинском городе бывшего великого Советского Союза?

Аркаим невозмутимо продолжал молчать. Он не знал, зачем его сейчас провоцируют раскрыться, но почему-то никакой опасности для себя в эту минуту не чувствовал. Ему даже было приятно слышать родную речь, хотя и в исполнении иностранца, говорившего с небольшим акцентом. А иначе сердце, к которому жизнь давно уже научила внимательно прислушиваться, подало бы опытному разведчику явный знак тревоги.

Между тем Рокшилбрайт продолжал изъясняться на русском языке, оказывая все новое и новое психологическое давление на собеседника.

– Звонить в Россию больше не следует, искать контакты тоже не нужно... – медиамагнат сделал небольшую паузу и внимательно взглянул в глаза собеседника.

Разведчика пробил пот, чувства смешались в груди, сердце бросилось вскачь, во всем теле ощущалась дрожь. Взявшись руками за ресторанное кресло, он старался оставаться невозмутимым. Будь что будет! Спокойно!»

Аркаим все-таки нашел силы, чтобы успокоиться и вернуть себе душевное равновесие. Но от Рокшилбрайта не удалось скрыть явного психологического нокдауна. Он продолжал наступать.

– Пытаться сбежать от нас тоже не рекомендуется. Обратной дороги нет! Это надо твердо запомнить! Как известно, афганский наркодилер Пашид скончался при невыясненных обстоятельствах виртуально. Господину Пашидасу уготована другая судьба. Он либо играет по нашим правилам, либо...

На губах Рокшилбрайта скользнула зловещая улыбка, которая почти моментально сменилась на приветливое выражение лица.

– Хорошо, если Федор Пашин совсем забыл русский язык, поговорим с ним на фарси, который он знает почему-то лучше, чем родную речь.

---

16 – Извините, разве ваша дочь не придет? (пер. с дари).

17 – Почему? Обязательно придет, после того как мы обсудим одну важную тему! (пер. с дари).

– Як джахан ташакор!¹⁸ – лишь губами произнес Аркаим, при этом вздохнув с облегчением.

– Интернет-проект www.arkaimnews.com очень удачный! Но он будет забран от вас и передан в другие руки. Кстати, почему Аркаим?

– Аркаим – древнейший исторический центр Евразии.

– Ладно, будем считать, что историю знаешь. Аркаим действительно был столицей древнеарийского русского государства? – Рокшилбрайт с удовольствием продемонстрировал свои исторические познания. Сделав многозначительную паузу, перешел к делу.

– Итак, вам предстоит заниматься другими вещами, в частности развивать интернет-агентство «Евразия». Это будет наш ударный ресурс, который призван координировать содержание всей информационной и политической работы на материке, и прежде всего на постсоветском пространстве. Особое внимание следует уделить кризисным ситуациям. Речь идет о Кавказе, Центральной Азии. Важные события грядут на Украине, нельзя забывать Белоруссию. И конечно, Россия! Она остается в эпицентре информационного противоборства.

Незримая словесная дуэль профессиональных разведчиков продолжалась. Аркаим не удержался, чтобы не возразить собеседнику. Чем больше он волновался, тем всегда четче работал его мозг, тем уверенней он изъяснялся на иностранных языках.

– Думаю, Джахангир не стал бы приносить вред своей Родине, действовать против интересов своего народа! Боюсь и мне сложно будет справиться с поставленной задачей, я обыкновенный технарь, программист, а здесь нужен творческий специалист, – русский разведчик невольно дал понять, что ему не по душе поставленная задача.

Рокшилбрайт спокойно среагировал на явный вызов со стороны своего подчиненного, перейдя на «ты»:

– Этот вопрос не подлежит обсуждению. Однако в другом смысле ты прав: патриоты живут не только в России. Во всем мире есть люди, которые больше любят своих матерей и отцов, детей, нежели других. Но при этом они хотя бы должны уважать и другие народы. И в священном Коране об этом прямо написано. Но эти люди никогда не смиряются с тем, что их занесли в число лишних наций, обреченных на неминуемую гибель. Они не хотят жить и по законам нового «мирового порядка», который не приемлет национальных границ, сохранения культурной самобытности отдельных народов, погибать по воле сильных мира сего.

Аркаим встрепенулся. Рокшилбрайт говорил удивительно понятным для него языком. Тем не менее, словесная дуэль продолжилась.

– Разве господин Рокшилбрайт не представитель сильных мира сего?

– Джахангир был и остается мусульманином, иранцем по происхождению, бывшим гражданином Афганистана, для которого ислам, вера, семья, традиции – не пустые слова.

---

18 – Огромное спасибо! (пер. с дари).

После небольшой паузы собеседник развил свои довольно откровенные мысли.

– Сегодня наступает время всех честных и порядочных людей, которые искренне верят в Бога, и не важно – это Аллах, Будда или Христос. Кстати сказать, положение шиитов в исламе удивительным образом совпадает с обособленным положением православных в христианстве.

Собеседник замолчал и отвел глаза в сторону горящих огней побережья.

– Хорошо известно, что персы и русские имеют одни и те же арийские корни, – Аркаим попытался ненавязчиво развить интересные рассуждения Рокшилбрайта. – Если было единое прошлое, почему не может быть и будущего?! – русский разведчик подал осторожный знак коллеге о готовности сотрудничать.

Но Рокшилбrait, казалось, никак не среагировал на откровенное послание собеседника. Он, резко обернувшись, заговорил уже на английском языке, но совершенно в другой тональности, настраиваясь на добрый лад.

– Уверен, что Фаридани Пашидас способен успешно выполнить любую задачу. Давайте, наконец, выпьем и покушаем!

– Когда же мы увидим Мариам?

– Совсем скоро! Но до этого момента хотелось бы попросить тебя о следующем. Как я понимаю, она немного влюблена. Однако, как отец, должен строго предупредить: никаких поводов не давать! Ты взрослый мужчина, у тебя своя жизнь, роль и, видимо, участь. А Мариам ждет блестящее будущее: Оксфорд, выгодное замужество, свой большой бизнес. Она не для тебя! Понятно?

– No problems! – как можно более безразлично среагировал разведчик, перейдя на английский язык.

– O'key!

Отец девушки еще раз внимательно поглядел в глаза собеседника и произнес известное иранское двустишие, смысл которого сводился к тому, что в дружбе различают друзей трех типов.

Собеседник тут же отреагировал, произнеся вслух, словно ответную часть пароя, продолжение известного персидского стихотворения:

Бе нани нан бе дах аз дар бар анеш,
Навазеш ку бе йар-е забани,
Ва ликян йар-е джани бедаст ари,
Бе джанеш джан бе дех, ар бетавани!¹⁹

Мастера словесной дуэли ненадолго замолчали. Видимо заметно изголодавшись, принялись поедать местные деликатесы, приготовленные искусными руками. Домашнее красное сухое вино, большой ассортимент рыбных блюд, всевозможные приправы, душистый мягкий хлеб могли удовлетворить запросы самого изысканного гурмана.

Вскоре между столиками уютного деревенского ресторанчика появилась юная девушка в белом легком платье. Она грациозно ступила на ресторанный

---

19 – С одним другом можно поделиться куском хлеба, с другим задушевно поговорить можно, но если друга по духу обретешь, то жизнь за него отдай!

площадку, выложенную фигурными плитками в виде пазла, с современной подсветкой. Оба мужчины невольно привстали со своих мест. Восточная красавица, кокетливо поздоровавшись, первым поцеловала отца и почти сразу повернулась к Фаридани Пашидасу. Задержав взгляд своих больших красивых глаз на собеседнике отца, стоящем перед ней, она протянула вперед руку.

– Good evening, my dear teacher!

– Good evening!

Пашидас вначале хотел поцеловать руку юной леди, но потом, словно спохватившись, ограничился легким бережным пожатием руки.

В присутствии отца разговор давних знакомых не клеился. Говорили в основном на английском языке, как хотелось Рокшилбрайту, который таким образом, видимо, стремился держать общение дочери с ее бывшим учителем в рамках общепринятой дозволенности. Он хорошо понимал, что думая и изъясняясь на иностранном языке, дочка будет просто не в состоянии проявлять свои искренние чувства и реагировать на мужские импульсы человека, который в эти минуты не скрывал своих симпатий. Он с улыбкой смотрел на девушку, задавал ничего не значащие вопросы, пытался делать комплименты и не очень удачно шутил. При этом учитель всякий раз с опаской поглядывал на отца девушки, словно спрашивая у того разрешения на более свободное общение.

Вечер закончился быстро. Уже через час Рокшилбрайт поблагодарил Пашидаса за приятно проведенный в его компании вечер. Сказал, что дочка, если на следующий год успешно сдаст экзамены в Оксфорд – старейший университет в англоязычном мире, сможет отдохнуть на этом чудесном острове.

– Я обязательно приеду, и мы увидимся! – на прощание бросила юная девушка.

Невзирая на присутствие отца, она приблизилась и нежно поцеловала своего бывшего учителя в щеку. Утром следующего дня личный самолет медиамагната Рокшилбрайта должен был взять курс на острова туманного Альбиона.

Вернувшись в коттедж, Аркаим еще раз залез в интернет, чтобы проверить радостное сообщение из России. Он сегодня наконец выудил информацию о том, что его семья нашлась и в безопасности. «Слава богу, с моим семейством все в порядке!» – размышлял разведчик. С этой мыслью он отправился спать. Впервые за последнее время разведчик ни разу не проснулся за ночь и не видел никаких снов.

Встреча на морской яхте

Один из наиболее узнаваемых аэробусов в мире, символ мировой гражданской авиации, узкофюзеляжный пассажирский самолет Боинг-737 летел высоко в небе над Средиземным морем. Рейсом из Афин на средиземноморский остров направлялась часть официальной российской делегации, которая в Греции принимала участие в очередном заседании Межпарламентской Ассамблеи Православия.

Российский парламентарий Сергей Русак в этой официальной зарубежной поездке впервые оказался вместе с небезызвестным лидером либерал-демократов Владимиром Залумяном. На заседании МАП в Греции они явно сторонились друг друга, а здесь, в салоне аэробуса, во время короткого перелета с материка на остров, оказались соседями. Вначале разговор народных избранников не особенно клеился. А вот после того как миниатюрная стюардесса разнесла по салону прохладительные и горячительные напитки, Залумян не удержался, чтобы не обменяться со своим коллегой мнениями о поездке на прародину Олимпийских игр.

– Что это за Православная Ассамблея, если там половина представителей не имеют никакого отношения к славянам и православной вере. Спрашивается, причем здесь Албания, Армения, Казахстан, Польша, Чехия и другие страны? Штабквартира МАП почему-то находится в Греции, которая является активным членом НАТО? Где Россия?

Русак без особой охоты, но все же был вынужден втянуться в актуальный разговор:

– В тех странах есть влиятельные православные общины.

– Какие они влиятельные?! Русские везде на положении людей второго сорта – рабов.

– Вы всегда так яростно защищаете русский православный народ, словно имеете к нему какое-то отношение!

– Может, я и не совсем верующий человек, но я русский до мозга костей! У меня мама русская, а наследственность, как известно, преимущественно передается по женской линии. В России я сегодня единственный защитник всех бедных людей, а значит – русского народа!

– Но и среди них далеко не все и не всегда были бедными, не правда ли?

– Товарищ Русак, фамилия у вас русская, а вот историческая память – коммунистическая! Вы плохо знаете историю! Ведь наши недруги не зря всегда величали Россию «тысячелетней рабой». И действительно, русские последние тысячу лет редко когда оказывались у власти. Они всегда были лишь строительным материалом всех имперских зданий, и в прошлом, и в настоящем.

– Извините, коллега, не могу согласиться. А как же быть с достижениями и культурным наследием православно-славянской цивилизации?

– Уважаемый Сергей Николаевич, а вы хотя бы знаете, когда в России была издана Библия? А я знаю, я историк, философ, филолог...

Русак недоуменно повел плечами и заглянул в окно иллюминатора. Внизу под крылом самолета, полускрытая пеленой облаков, простиралась безбрежная лазурная водная гладь.

– При чем здесь это? – он вернулся к любопытному разговору с информированным человеком, которым давно уже слыл в России Владимир Залумян.

– Батенька, вы и впрямь русской истории толком не знаете, а еще претендуете на роль лидера православно-патриотической общественности.

Говорливый пассажир немного приподнялся в кресле и жестом пригласил к себе стюардессу, которая задержалась возле соседнего ряда. Миниатюрная девушка сразу обернулась, сверкая приветливой белозубой улыбкой. Депутат на английском языке попросил принести еще русской водки. Стюардесса незамедлительно выполнила просьбу пассажира воздушного корабля.

– Библия в России была переведена и издана на русском языке только в 1876 году. До этого к рукописным текстам Ветхого и Нового завета имели доступ лишь священники, да и то далеко не все, а потому в деревнях, где еще сто лет назад проживало более девяноста процентов населения, продолжали жить по древнеязыческим обычаям и традициям. И только при Петре, когда церковь слилась с властью, как и во времена процветания Византии, христианская вера стала играть главную роль в делах государства и общества. Это все надо знать, батенька!

– Если депутат Залумян является неверующим человеком, зачем он тогда в Православную Ассамблею записался?

– Политика, дорогой коллега! Другой духовной силы, способной объединить большинство населения страны кроме православной веры, в России просто нет. Как будущий президент России я не могу не учитывать этого.

– Вы и впрямь все-таки планируете стать президентом?

– А почему нет? В России существует давняя традиция нахождения у власти представителей неславянских народов. Батенька, русские во главе государства – это скорее исключение, чем правило. Думаете, случайно в свое время Рюрики пошли на принятие византийского христианства?

– Какова же ваша версия?

– Все очень просто! Нужна была новая другая вера, чтобы успешно править в языческой стране, где духовная сила – многобожие. Так же поступили и большевики, когда взяли на вооружение коммунистическую религию. А затем на этой основе выстроили советскую идеологию с учетом историко-культурных традиций.

– Но сегодня нет никакой государственной идеологии!

– Это беда! Только у нашей партии есть целостная идеология возрождения и процветания России.

– Господин Залумян, бросьте заниматься демагогией! Будущее за эколого-культурным мышлением! А православная вера как раз и подает пример, как спастись в эпоху глобальных угроз экологического, технологического и социокультурного происхождения.

– Правильно, товарищ Русак! Здесь вы не невежда, а ведаете, о чем говорите. А слово «культура» знаете, что означает? – продолжал умничать Залумян.

– Культ солнца Ра, господин либерал-демократ, – это правда, справедливость, традиция, у Ра. Слышите, Ра? Эти понятия и составляют дохристианский субстрат

православной веры. Некогда языческая русская культура впитала в себя духовные силы новой веры, но, в свою очередь, превратила христианство в России в православие. Так что наша вера – это самая солнечная религия в мире, за которой будущее!

– Это да, это правильно! Только национал-патриотам в России никогда не победить! Запад не позволит вашей Родной природе прийти к власти! Потому как ваши сторонники, батенька, для них – красно-коричневые, а значит – шовинисты, фашисты!

Несмотря на явно провокационный тон короткого монолога Залумяна, Русак сохранил хладнокровие и продолжал спокойно вести беседу со своим непримиримым оппонентом.

– А как же нынешний президент России? Ведь он православный человек, патриот!

– Вообще удивительно, как это ему удалось во власть прорваться, просто ума не приложу! Думаю, это дело рук Ельцина. Дед понимал, что его окружение, в конце концов, сделает его крайним, спишет на него все последствия реформ и отдаст на растерзание толпы. Поэтому он и продвинул фэсбэшника, который никогда не сдаст своего хозяина. До конца дней, как собачонка, будет служить ему. Сегодня просто мода на православие, вот и власть туда же. Ельцин тоже со свечой стоял, а правил страной вопреки библейским предписаниям.

– Коллега! Вы хотя бы понимаете, что если бы на моем месте был мусульманин, то мало не показалось бы главному либерал-демократу страны. Неужели непонятно, что в современной России, где царят бездуховность, безнравственность и правовой беспредел, кроме православной церкви, у людей нет другого места, где можно, постояв у горящих свечей, подумать о вечном, совести, покаяться за грехи, помянуть умерших, запастись новым терпением. Эх, господин Залумян, креста на вас нет! Спаси Бог Россию от таких правителей!

На заключительную часть депутатского диалога неожиданно среагировал еще один известный российский парламентарий, который до того дремал в соседнем кресле. Он немного приподнялся, схватил коллегу за шиворот и рванул на себя.

– Ты, либераст драный, залупа обезьянья, заткни свой рот! За веру отцов и дедов глотку любому порву!

Залумян, пытаясь вырваться из крепких рук коллеги, дико заверещал:

– Уберите сумасшедшего! Это известный международный террорист! Он захватил самолет! Охрана, взять его! Помогите!

К креслам российских парламентариев незамедлительно подошли миловидная стюардесса и молодой мужчина в униформе. Однако еще до их прихода Русак успел разнять коллег. Он вежливо, на хорошем английском языке объяснил стюардессе и мужчине, что во всех парламентах мира есть экспрессивные депутаты.

Внезапное объявление диктора по салону аэробуса окончательно остудило пыл парламентариев, а также отвлекло от неприглядной стычки в воздухе внимание других пассажиров, которые наблюдали за ней. Многие из пассажиров аэробуса были наслышаны о скандально известном российском либерал-демократе, а сегодня могли увидеть проявление его склочного характера воочию.

Между тем приятный женский голос диктора вначале скороговоркой на английском языке, а затем заметно медленнее на греческом объявил о том, что самолет приступил к снижению, и попросил пассажиров пристегнуть ремни. Сообщение о температуре воздуха в аэропорту прибытия вызвало небольшой ропот в салоне. Пассажирам явно не хотелось окунаться в летнее пекло. Русак еще раз заглянул в окно иллюминатора. Внизу показались очертания острова, окруженного морской пустыней.

В аэропорту пассажирский аэробус встречали не только официальные лица островного государства и журналисты. В этот солнечный жаркий день среди встречающихся находился и Фаридани Пашидас, руководитель интернет-агентства «Евразия». Вместе с ним в зале ожидания стояла красивая девушка с длинными темными волосами, большими миндалевидными глазами и привлекательной восточной фигурой. Это была Мариам Рокшилбрайт, которая, сдержав свое обещание годичной давности, вновь приехала на остров, чтобы повидаться со своим давним знакомым.

Девушка успешно сдала экзамены в самый престижный английский университет и поступила на факультет, где готовили будущих журналистов со знанием иностранных языков. В награду за это отец разрешил дочке поехать на замечательный средиземноморский остров, но с наказом не столько хорошо отдохнуть, сколько попробовать свои силы на журналистском поприще в интернет-агентстве «Евразия».

С первых дней Мариам с утра до вечера была поглощена работой. Иногда она засиживалась в офисе допоздна в надежде остаться наедине с руководителем сетевого издания. Но неприступный мужчина постоянно избегал частных встреч и бесед с юной красавицей.

Сегодня с утра девушка отправилась с Пашидасом в аэропорт, чтобы встретиться с российскими парламентариями и договориться с кем-нибудь из них о встрече и о своем первом эксклюзивном интервью с известным человеком. Аркаим заранее знал о прибытии на остров Русака и других депутатов. Местные СМИ в течение последних двух дней регулярно сообщали о предстоящем визите в страну российских парламентариев. Поэтому он решил использовать свою подопечную для организации официального контакта с россиянами, и прежде всего со своим старым добрым знакомым еще со времен афганской войны Сергеем Русаком.

Как только высокопоставленные гости появились в здании аэропорта в зоне досягаемости журналистов, они оказались в их плотном кольце. Пашидас легко подтолкнул Мариам.

– Твой звездный час, девочка, вперед! СМИ пишет, что Русак владеет фарси, используй это!

Сам руководитель интернет-агентства остался на месте. Чтобы не быть раньше времени обнаруженным Русаком, он надел очки, легкую панаму и наушники, подключенные к нагрудному плееру. С музыкой Аркаим почти не расставался. Окружающие и подумать даже не могли, что он увлечен не модными западными хитами, а советскими и российскими песнями. Хотя, конечно, он понимал, что, с точки зрения разведмаскировки, с такими запоминающимися приметами внешности от «наружки» ускользнуть трудно.

Издали Аркаим хорошо видел, как девушка легко подобралась сначала к Русаку, а потом к Залумяну. Разведчик с интересом пытался разглядеть своего старого друга. Высокий, плотного телосложения, тот явно выделялся среди окружающих его людей. Поседевшие голова и усы придавали его облику респектабельности и благородства. Разведчик внутренне порадовался за друга: «Отлично выглядит! В прекрасной форме! Бог даст, свидимся!».

В этот момент к нему, счастливая, вприпрыжку возвращалась Мариам. В легких свободных шароварах и блузке, из-под которой выглядывал соблазнительный животик, она в эту секунду, казалось, привлекала внимание всех мужчин в аэровокзале сразу.

– Всё выполнила. Залумян и Русак согласились дать эксклюзивное интервью нашему агентству послезавтра, – скороговоркой на английском языке отчиталась девушка. И тут же, перейдя на дари, заметила:

– Ой, Русак так хорошо владеет фарси! Такой интересный мужчина! Сказал, что весь в моей власти. Вот так!

– Не влюбись! Он мужчина видный!

– Мое сердце уже давно принадлежит другому человеку, ничего не замечающему вокруг себя. Но не будем на него показывать пальцем!

– Твой успех надо бы отметить, девочка!

– Давно бы так, господин Пашид! Тьфу, забыла: Пашидас! Никак не привыкну к новому имени. А папа просил, чтобы я не ошибалась никогда!

Встреча с депутатами состоялась в строго запланированные сроки. В этот день Мариам была неотразима. Девушка была в легком платье делового покроя, но с короткими рукавами. Ее волосы были аккуратно собраны сзади. С гостями журналистка вела себя по-хозяйски, сама предложила им кофе и коньяк, организовала фото- и видеосъемку, а затем приступила к записи беседы двух ведущих российских политиков по проблематике диалога евразийских цивилизаций. Разговор продлился не менее трех часов. Усталые гости с радостью приняли предложение довольной журналистки пообедать во время морской прогулки на яхте ее отца лорда Рокшилбрайта.

Пашидас встретился с гостями, когда они уже поднялись на борт красивого морского судна. Перед встречей с россиянами он еще раз поглядел на себя в зеркало. «В таком виде, да еще и с поседевшими волосами, бородой и усами, меня бы мать родная не признала!» – заключил разведчик. Как и предполагал Аркаим, Русак его не узнал. Когда Мариам представила его гостям, они даже не уделили ему должного внимания, хотя и попытались перекинуться с руководителем агентства двумя-тремя дежурными фразами.

– Кому принадлежит агентство?

– Моему папе – Жангиру Рокшилбрайту! – встряла Мариам.

– Мужу самой баронессы Рокшилбрайт? – попытался переспросить девушку Залумян.

– Это она его жена! – с явной ревностью возразила юная красавица.

– Как это твоему папаше удалось породниться с лордами? Мусульманин просто так не смог бы оказаться в рядах сильных сего мира! – Залумян сразу поспешил продемонстрировать свою особую осведомленность о порядках и нравах мировой закулисы.

Совершив несколько кругов вдоль побережья, яхта направилась в открытое море. Обед на палубе судна был в самом разгаре. За обедом гости были поглощены беседой с очаровательной журналисткой. Аркаим то отходил, то вновь возвращался за стол. Он непрерывно искал удобный момент, чтобы уединиться с Русаком, обменяться контактами и передать ему всю собранную за долгое время информацию. Разведчик был уверен, что друг сможет правильно ей распорядиться.

Вскоре Залумян, хорошенько поев и изрядно выпив, задремал. Он вальяжно раскинулся в удобном деревянном кресле. Тем временем Мариам продолжала мило беседовать с Русаком. Было заметно, что русский депутат симпатичен девушке. Они говорили преимущественно на персидском языке. Девушка, признавшись, что по матери русская, живо интересовалась Россией. Депутат охотно отвечал на ее вопросы. Аркаим, который невольно слышал их разговор, не мог не заметить того, что его друг явно подзабыл язык.

Между тем на море становилось беспокойно. Морские волны стали заметно выше. Морская вода все чаще выплескивалась на палубу. Было принято решение возвращаться назад. Мариам вместе с Залумяном в сопровождении местного депутата, который все это время держался в стороне, направилась вниз. Там было спокойнее. Аркаим остался с Русаком наедине.

– Сережа, здравствуй! Это я, ты не узнаешь меня?

Разведчик снял с себя шляпу и очки. К другу он обращался на родном языке. Русак не сразу признал в руководителе агентства своего давнего знакомого, который для него пропал без вести.

– Ты жив? Чертяка, как же я рад! Грешным делом думали, что тебя уже и в живых-то нет! Что ты здесь делаешь?

Друзья обнялись. Со стороны могло показаться, что мужчины пытаются подержать друг друга, чтобы устоять на палубе, которая непрерывно накренилась из стороны в сторону, качалась, поднималась и проваливалась.

– Тебя ждал! – как можно спокойнее ответил Аркаим и инстинктивно отстранился от друга. – Садись, у нас немного времени для общения. Спасибо, шторм подоспел, а то уже и не знал, как с тобой проконтактировать. Этот Залумян еще здесь оказался... Возьми, – разведчик сразу протянул небольшой пакет, где была спрятана электронная информация. – Там всё! А теперь быстро давай все свои контакты!

– Черт, нет визиток! – воскликнул Русак, порывшись в карманах брюк и рубашки, намокших от воды.

– Диктуй, я запомню!

– Последний телефон особо запомни! По нему можно безопасно разговаривать.

– Что с моим семейством?

– Все нормально. Ребята здоровые растут. В этом году идут в первый класс. С женой дела похуже. Она, кстати, всегда верила, что ты жив, и продолжает надеяться на скорую встречу.

– Что с ней?!

– Ее же с детьми выкрали. Ты знал об этом?

- В Интернете была информация.
- Так вот, когда выяснили, оказалось – дело рук Мирского и Жирика. Она была беременна после встречи с тобой в Крыму. Они надругались над ней. Разведчик сжал кулаки. Судорожно замотал головой. На глазах блеснули слезы.
- Что с ней!
- Отец Феодосий рассказывал, что был выкидыш – девочка. Чуть рассудка не лишилась бедная женщина. Сейчас все в порядке, но она, по его благословению, ушла в женский монастырь.
- А дети как?
- За ребятами есть кому присмотреть. Отец Феодосий там рядом. Я за них тоже хлопотал перед руководством Лавры, при которой школа функционирует. Не беспокойся! Ты что здесь делаешь? Когда домой? Поедем! Радость-то какая будет! А я все улажу! Какой ты, к черту, Пашидас?
- Тебе только, как депутату, скажу, даже другу не сказал бы. Как бы тебе объяснить... Я попал в информационную структуру, которая работает на мировую закулису – фининтерн.
- Что?
- Финансовый интернационал. Информация идет просто аховая! Против России развязана и ведется «необъявленная война». Механизм разрушения страны действует на полную катушку. That's all! Вся информацию я тебе передал. И еще мне нужна связь со своим ведомством.
- Я понял. Обещаю всё сделать.
- Как Вашанов?
- У него сын погиб.
- Я знаю. Что с генералом?
- Его уволили из армии, дали инвалидность. Сейчас на пенсии, все время ищет твои следы в Интернете. Ссылку на один интернет-ресурс даже мне давал. Толковый сайт! Все время твердит, что ты не мог не дать знать о себе в сети Интернет.
- Плохо ищет!
- Яхта стремительно неслась к побережью, разрезая морскую гладь. Друзья, встретившись вдали от Родины, стояли на палубе и крепко держались друг за друга. Здесь, на чужбине, ответственность за дальнейшую судьбу любимой Родины чувствовалась намного острее. Поэтому мысленно они были там, в стране синеоких озер, стройных берез и бескрайних полей, а потому – полны желания и решимости идти до конца и не сгибаться перед трудностями.

Резидент

Депутат Русак в президентской приемной находился уже более часа. Секретарь объяснил, что встреча главы государства с одним из своих министров затягивается.

– Пожалуйста, прошу подождать! Может, чай, кофе? – миловидная молодая женщина была предельно вежлива в общении.

Однако парламентарий отказался. Сейчас он был занят своими мыслями. Он вновь и вновь выстраивал свою логику беседы с главой государства. По протоколу на встречу с ним Русаку было отведено около двадцати минут. «Встречи с президентом бывают не каждый день, надо остановиться на главном!» – размышлял про себя депутат. И хотя официально он был приглашен как руководитель парламентской фракции для обсуждения актуальных вопросов законотворческой деятельности, Русак намерен был коснуться и непротокольных тем.

Особенно важно было переговорить о дальнейшей судьбе военного разведчика. Почти год назад, сразу по возвращении из официальной поездки в Грецию и на Кипр, Русак передал всю электронную информацию президенту через своего давнего знакомого по Афганистану, который теперь работал в администрации главы государства и имел прямой доступ к первому лицу страны. Однако никакой реакции не последовало. Через полгода депутат передал новую порцию информации, которую стал регулярно получать от своего друга из-за границы. Наконец, месяц назад через высокопоставленного чиновника в администрацию президента ушли еще несколько материалов.

Русак не понимал молчания президента. По его мнению, развединформации не было цены. «Чего только стоили материалы о планах валютного демпинга в России, системе внешнего влияния на государственные дела, демографической перезагрузки русско-славянских регионов до 2024 года, планах геополитического переустройства постсоветского пространства и сроках «цветных» операций, другие оперативки...» – не раз сокрушался депутат, когда размышлял об отсутствии обратной связи с главой государства.

Правда, на последней встрече знакомый из президентской администрации недвусмысленно дал понять Русаку, что вся информация просматривается.

– Ты же понимаешь, надо проанализировать, затем проверить! Не представляешь, сколько дезинформации стекается в Кремль по различным каналам! – сделал он намек депутату.

Однако Русак не сидел сложа руки. Как депутат, он использовал разведаналитику в публичной политике и законотворческой деятельности. Идеи и мысли военного разведчика, волей судеб оказавшегося на чужбине без связи с центром, находили отклик, понимание и поддержку в СМИ и у рядовых избирателей. «Не голосовали бы за меня простые люди, если бы им не была близка моя правда!» – успокаивал себя депутат, когда тревога за судьбу друга переполняла его сердце и душу.

Сегодня депутат собрался передать новую порцию оперативной информации прямо на встрече. И хотя его знакомый из администрации не рекомендовал этого делать, Русак решил по-иному. В последней информации друга был представлен подробный план террористического акта в Москве. Его сроки не были указаны точно, но назывался месяц. По разведанным, нити заговора против главы государства тянулись в Лондон к беглому олигарху Мирскому и его новым хозяевам из одной авторитетной спецслужбы. В информации были названы и исполнители – чеченское подполье в Москве. Автор оперативки даже дал примерный сценарий теракта, согласно которому в столице будет осуществлен захват большого числа заложников в каком-нибудь закрытом развлекательном центре. Бездействие властей, боящихся политических последствий, и нагнетание напряженности в СМИ неизбежно спровоцируют массовые протесты и выступления москвичей и других жителей России. Через несколько дней, когда среди заложников появятся жертвы, представители чеченской оппозиции выдвинут ультиматум – отставка президента и мирный договор по Чечне. Главным посредником на переговорах выступит Мирский, который триумфатором прилетит на самолете в Москву, когда события достигнут своей кульминации, и освободит всех заложников. Затем олигарх вместе с террористами и представителями российской власти направится в Грозный для подписания новых Хасавюртовских соглашений.

Только от одной мысли о подобном сценарии начала очередного этапа дезинтеграции России депутат Русак выходил из себя. Но он твердо решил до встречи с главой государства молчать об этом. От неприятных размышлений депутата отвлек шум в кабинете президента. В приемной сразу напряглись обе секретарши и представители охраны.

Между тем в кабинете происходил непростой разговор первого лица государства со своим подчиненным. Этот министр уже давно возглавлял одну из уважаемых силовых структур государства. В свое время он был одним фаворитов прежнего президента и даже числился в его преемниках. Поэтому до сих пор он никак не мог смириться с тем, что какой-то выскочка из Петербурга вдруг обошел его в карьерных делах и не по праву занял место главы государства. А теперь на встрече в Кремле вновь потребовал от него каких-то объяснений по поводу финансовых растрат в подчиненном ему ведомстве.

– Я всё сказал, не тебе меня контролировать! Куда надо, туда и потратил резервы! – министр продолжал пренебрежительно обращаться с главой государства, как в прежние времена, когда они вместе входили в семейный круг бывшего президента.

– Мне что, опять телевидение приглашать в кабинет, чтобы министр вел себя достойно и исполнял указания главы государства?

– Да пошел ты на хер!

В углу за президентским креслом послышалось грозное рычание. Через секунду из-за массивного стола неспешно вышла собака. Это был породистый черный лабрадор, любимое домашнее животное главы государства, с которым он не расставался. Настороженный вид собаки заставил хозяина сразу успокоить животное. Он незамедлительно дал соответствующую команду и тут же плотно закрыл за лабрадором дверь в комнату отдыха.

Министр поднялся со своего кресла и сделал вид, что собирается уходить. Президент приблизился вплотную к подчиненному.

– Не понял, что я сказал?

– Да пошел ты...!

Силовик резко повернулся. Но хозяин кабинета не дал ему уйти. Неожиданно он сделал профессиональный захват и бросил министра на ковер. Папка выпала из рук силовика. Однако он почти сразу вновь вскочил на ноги и бросился с кулаками на своего обидчика. Но президент был внешне невозмутим и спокоен. На его тонких губах заиграла легкая улыбка. Хозяин кабинета вновь успешно провел молниеносный прием против нападавшего на него высокопоставленного чиновника. Министр беспомощно распластался на полу. Президент спокойно подошел к столу и налил в стакан воды из графина. Неспешно подошел к лежащему на ковре человеку и протянул ему руку.

– Помочь или сам?

Силовик поднялся без помощи.

– Воды?

– Спасибо за гостеприимство, я этого не забуду никогда, господин президент!

– Приведите себя в порядок, министр! Не дай Бог, в приемной еще подумают, что президент устроил вам настоящую головомойку за недобросовестное отношение к исполнению своих служебных обязанностей. Вы ведь у нас пока лучший министр в России, не правда ли?

– Я могу идти, господин президент?

– Пожалуйста, желаю успехов! И не забывайте впредь, кто сегодня в России глава государства!

Из президентского кабинета силовик вышел стремительно. И, не обращая внимания на присутствующих в приемной людей, проследовал дальше. Однако от окружающих ему было трудно скрыть свой потрепанный вид и злое выражение лица.

Наступила очередь депутата зайти на прием к президенту. Глава государства встретил очередного гостя, стоя посреди комнаты. Возле его ног сидела черная собака. При виде незнакомого человека животное немного напряглось, но, как только хозяин коснулся рукой ее гладкой шерсти, собака успокоилась.

– Сергей Николаевич, рад вас видеть, располагайтесь, – хозяин кабинета крепко пожал руку гостю и указал на кресла у небольшого столика возле стены.

Русак первый раз один на один встречался с президентом. С высоты собственного роста он воспринимал главу государства как совсем невысокого человека. Однако умные глаза и быстрая реакция не оставляли сомнений в том, что этот человек способен воспринять любой подтекст диалога.

– Животное нам не мешает?

По условной команде хозяина породистая собака неспешно побрела в угол просторного помещения, где ей было отведено место. Русак, ничего не ответив, продолжал оглядываться по сторонам. Просторный президентский кабинет производил сильное впечатление. В помещении стояли старинная мебель и некоторые аксессуары, которые, видимо, оставались немymi свидетелями еще сталинских времен.

– Сергей Николаевич, к сожалению, встреча с министром отняла у меня больше времени, чем было отведено. Нам придется обсудить все вопросы на коротке. Не возражаете?

– Нет.

– Чай, кофе?

– Воды, если можно.

– Пожалуйста.

Хозяин кабинета слегка заулыбался.

– Извините, товарищ президент, что-то не так?

– Смеюсь, сегодня вы не первый, кому мне воду приходится наливать. Пожалуйста, у вас десять минут для доклада. Еще две минуты для протокольной съемки телевидения. Вот такой регламент. Не возражаете?

– Нет, – депутат лишь развел руками.

«О главном не удастся переговорить!» – мысленно испугался Русак.

– К сожалению, через час я должен быть в аэропорту. Приступайте!

Депутат начал докладывать. Коротко сказал о законотворческой деятельности фракции, сопредседателем которой он был. Хотел уже коснуться других проблем, но президент остановил его.

– Сергей Николаевич, не забывайте, что мы живем в многонациональной стране, и всякий раз поднимать русский вопрос ни к чему. Поэтому ваша законодательная инициатива об особом статусе русского народа преждевременна и требует тщательной экспертизы, чтобы не спровоцировать ненужное обострение обстановки в стране.

– Это пожелание избирателей, пункт моей предвыборной программы, и я обязан, как народный депутат, его выполнить. Без решения «русского вопроса» в современной России ничего не изменить в лучшую сторону. Я на выборах голосовал за вашу кандидатуру только поэтому..

Глава государства вновь перебил собеседника:

– Вы один из лидеров православно-патриотического движения. И это хорошо. Ищите в православной политической мысли ответы на актуальные вопросы русской жизни. Но об этом и многом другом мне хотелось бы поговорить с вами отдельно и в другой раз! Видя, что хозяин недвусмысленно поглядывает на часы, гость быстренько достал из своей папки несколько листов бумаги с мелким текстом и продвинул их к собеседнику. Это была последняя оперативка от его друга, в которой речь шла о возможном теракте в Москве в самое ближайшее время.

– Спасибо, я всё внимательно прочитаю. Материалы, которые раньше поступали ко мне, были чрезвычайно интересными. Кстати, об этом мы тоже отдельно побеседуем в следующий раз. Мои помощники сообщат о времени и месте встречи. А теперь попрошу, нас давно уже ждет телевидение.

Хозяин кабинета прошел к столу, и почти сразу же дверь в его кабинет открылась. В сопровождении секретарши в помещение вошли два человека с телекамерой. Собеседники расположились за небольшим столиком, приставленным к массивному столу президента. Съемка действительно заняла всего несколько минут. Однако Русак успел назвать проблемы, которые вызывают особое беспокойство депутатов его фракции: миграция, общественная безопасность, коррупция, социальное расслоение. Не забыл сказать и о том, что его организация «Родная природа» всячески поддерживает линию президента на укрепление государственности, развитие отечественной экономики, возрождение духовно-

нравственных основ общества с опорой на православную веру и традиции русского народа. «Интересно, какие слова оставят, а какие вырежут...» – мелькнуло в сознании депутата.

Монолог президента был предельно кратким. Он выразил удовлетворение нынешней законотворческой деятельностью депутатов нижней палаты, отметил усилия депутатской фракции Русака в деле укрепления стабильности и согласия в обществе. А затем ограничился еще двумя-тремя протокольными фразами насчет актуальности построения в России гражданского общества.

На этом официальная встреча в Кремле с главой государства для депутата Русака закончилась. Однако новой встречи с первым лицом государства пришлось ждать совсем недолго. Уже через неделю раздался звонок по мобильному телефону и вежливый мужской голос от имени президента назвал время и место встречи.

Через день, в воскресенье вечером, в строго назначенное время Русак прибыл в загородную резиденцию президента. В сопровождении двух накачанных молодых людей, экипированных самыми современными средствами связи, депутат прошел в глубь территории. Здесь располагались гостевые домики. Гостя встретил мужчина неопределенного возраста, одетый по-домашнему.

– Здравствуйте, президент будет через десять минут.

– Добрый вечер! – немного растерянно произнес депутат.

Он не знал, как себя вести в подобной ситуации, хотя заранее был проинформирован о встрече в президентской резиденции, но не ожидал, что пройдет в столь неформальной обстановке. «Можно будет обсудить главное!» – сразу подумал депутат. Он не мог жить спокойно до тех пор, пока не решена судьба его друга. Другие поручения разведчика он выполнил и перевыполнил. Навестил жену в монастыре, проведаль мальчишек. Один раз даже забирал обоих мальчиков, Георгия и Ярослава, на воскресенье к себе домой. Они быстро нашли общий язык с его сыновьями.

Хозяин резиденции прибыл с небольшим опозданием. С ним вместе пришел еще один человек. Русак сразу узнал его еще издали, когда они только приближались к домикам в глубине территории. Это был тот самый чиновник из администрации, которому депутат последний год регулярно передавал информацию из-за рубежа от своего друга. Вместе с высокопоставленными лицами прибежала черная любимица хозяина. Собака подошла к гостю. Обнюхала и сразу отбежала в сторону.

– Признала, она хороших людей чует!

Представлять друг другу гостей не было нужно. Поэтому хозяин резиденции сразу предложил трехчасовую программу встречи:

– Попаримся, массаж по желанию, массажист имеется, – он бросил короткий взгляд на человека неопределенного возраста, стоявшего здесь же. – За чаем побеседуем, а затем ужин, но уже без меня. Извините, но обещал вернуться до одиннадцати. Слово надо держать! Думаю, вам и без меня будет о чем поговорить.

Во время посещения парилки и купания в бассейне президент действительно уходил от серьезных разговоров. Его интересовали животные, сборная по футболу, погода, но только не политика. «Правильно делает, в парилке надо отдыхать», – отметил про себя Русак.

Разговор за чаем вел сам хозяин.

– Сергей Николаевич, приглашены вы сюда неслучайно. Здесь у меня проходят доверительные встречи и беседы.

– Спасибо! – Русак немного приподнялся в кресле.

Его невольное движение президент остановил жестом руки.

– Прежде всего хочу представить вашего старого знакомого по Афганистану, – он взглянул на чиновника из своей администрации. – Товарищ генерал-лейтенант назначен одним из руководителей спецслужбы. Приказ подписан неделю назад.

– Искренне поздравляю! Желаю успехов! – Русак привстал и пожал руку своему знакомому.

– Однако собрались мы здесь не для того, чтобы отметить высокое назначение на ответственную должность моего и вашего, Сергей Николаевич, доброго знакомого и даже приятеля по прежней работе в органах. Речь пойдет об Аркаиме.

– О чем? О ком? – депутат вскинул брови.

Хозяин резиденции и генерал-лейтенант недоуменно переглянулись между собой. Президент, с удовлетворением отметив про себя, что военный разведчик в сложнейшей для себя ситуации даже другу не назвал своего агентурного имени, продолжил разговор в другом ракурсе:

– Сергей Николаевич, вам объявляю благодарность за ценную информацию, которая поступала мне все это время от вашего бывшего сослуживца – нашего разведчика. Извините, что так затянулось решение вопроса о нем. Сами понимаете, надо было всё проверить. Разведка – дело серьезное. Сегодня я могу сообщить следующее. Офицер оказался достойным человеком. Он исключен из списков людей, пропавших без вести, восстановлен в звании и переведен уже в состав другой спецслужбы, не менее уважаемой, чем ГРУ. Его новым куратором стал наш знакомый.

Президент полуобернулся в сторону сидящего рядом генерал-лейтенанта. Тот в знак подтверждения кивнул головой.

– Спасибо, товарищ президент. Гора с плеч! Не знаю, как благодарить!

– Вам спасибо за друга, отличный кадр! – в разговор встрял высокопоставленный представитель спецслужбы.

– Сергей Николаевич, сегодня генерал проинструктирует вас, как следует действовать дальше. Договорились?

– Договорились. Еще раз спасибо за решение судьбы моего товарища! О его семье хорошо бы подумать. Я сам занимаюсь, но...

– Уже подумали. Об этом тоже не беспокойтесь, генерал доложит о нашем решении, семья будет взята под полную опеку.

Президент улыбнулся и взглянул на часы.

– Мне пора! Вы можете остаться и переговорить обо всем за ужином. Да, и не забудьте поздравить разведчика с награждением орденом. Указ мною уже подписан.

– Вот это подарок! – совсем обрадовался Русак.

– Нет, это заслуженная награда! – президент с приветливой улыбкой на губах пожал руки своим собеседникам.

– Вы оставайтесь, а вы, Сергей Николаевич, проводите меня, пожалуйста.

Оставшись наедине, они направились по центральной аллее президентской резиденции в сторону КПП.

– Товарищ депутат, осталась еще одна тема, которую мы начали обсуждать на нашей последней встрече, но не успели завершить.

– Внимательно слушаю!

– Мне очень симпатичны ваше общественно-политическое движение «Родная природа», его эколого-культурная направленность. Собственно, это и есть легальная ниша решения актуальных вопросов сохранения уникальной самобытности народа, возрождения русско-славянских традиций. Ведь что сегодня главное, когда разрушается среда обитания, а вместе с ней – природа человеческого бытия?

– Экология, культура, мораль и нравственность.

– Совершенно верно. Этим, кстати, озабочены и наша православная церковь, другие религиозные конфессии...

– Извините, но мне кажется, что духовное и физическое состояние русско-славянского населения должно оставаться предметом особой заботы. Без решения этого вопроса нас может постигнуть судьба СССР.

– Вот такого пессимизма нам не надо! Вас пригласили работать в команде не для того, чтобы нюни разводить. Взялся за гуж, не говори, что не дюж!

В ответ Русак заулыбался.

– Буду работать, за мной дело не станет!

– Другой разговор. Только действовать надо умнее. Предлагаю заняться формированием здоровой и конструктивной оппозиции власти, как раз на эколого-культурной основе. А то у нас вся оппозиция либо либеральной прозападной направленности, либо коммунистической. В общем, хрен редьки не слаще!

– Против президента? Никогда! – полушутя произнес депутат.

– Именно так, товарищ дорогой депутат. Причем ни на какой административный ресурс не рассчитывайте. Сумеете подняться – за вами будущее. И критикуйте власть, не бойтесь, идите до конца! Это ваша инициатива. Президент в России – гарант прав и свобод всех народов многонациональной России! Ваш ресурс – православная вера и «афганцы»!

– Я всё понял!

– И никаких намеков на сегодняшний разговор! Вы же понимаете, что в нашей стране, чтобы стать настоящим президентом, приходится быть и резидентом! – человек невысокого роста с умными глазами и быстрой реакцией невесело усмехнулся.

– Но это лучше, чем быть в положении нерезидента!

Хозяин загородной резиденции никак не среагировал на слова депутата. После непродолжительной паузы лаконично завершил свой приватный разговор с гостем.

– Времени у нас совсем мало. Кредит доверия народа – это наш главный ресурс.

– На Руси от любви до ненависти – один шаг! – Русак сразу понял потаенный смысл сказанного собеседником.

– Как контактировать дальше и через кого, будет решено в ближайшее время. Желаю успехов «Родной природе»! – на губах президента появилась приветливая улыбка.

На этой фразе собеседники тепло попрощались и расстались.

Президентскую резиденцию Русак покинул через час. Им с генералом хватило этого времени, чтобы поужинать и обо всем договориться. В соответствии с четкими инструкциями, от депутата требовалось еще раз выйти на связь с военным разведчиком, дать ему понять, что он востребован, и предупредить о новых контактах.

– Затем надо будет сразу выйти из игры!

Генерал не вправе был раскрывать все планы спецслужбы в отношении Аркаима. Однако мысль о том, чтобы вокруг этого разведчика сформировать новую нелегальную резидентуру Средиземноморья и даже всей Западной Европы, с недавних пор не давала ему покоя. Он просто не видел другой возможности выстроить систему сбора актуальной оперативной информации и оказания информационно-политического влияния на события и процессы в этом геостратегическом районе мира. «Все прогнило, агентура развалилась, через одного двойные и тройные агенты. У нынешних резаков²⁰ молоко на губах не обсохло, а уже пальцы веером. Аркаим – другое дело, матерый гэрэушник, всем резакам резак! – размышлял про себя генерал во время общения с депутатом.

Договорившись связаться по телефону уже через сутки, знакомые по Афганистану разъехались. Встреча в президентской резиденции навела Русаку многие мысли и внушила определенный оптимизм. У него появилась надежда, что еще не все потеряно в борьбе за укрепление российской государственности, сохранение культурной самобытности народа и возрождение традиций. «Еще не вечер, господа либерасты! Россия воспрянет ото сна...» – произнес он почти вслух, так что заставил переспросить своего водителя, который спешил доставить его поскорее домой.

После того как все благополучно разрешилось с Федором Пашиным и его семьей, Русак сразу озаботился особым поручением главы государства. Лидер «Родной природы» и сам давно думал о создании целостной сети взаимной поддержки и помощи среди русско-славянского населения. «Почему все другие национальности помогают себе в быту, в продвижении бизнеса, в политике, озабочены сохранением культуры, языка, традиций, а мы ждем, когда гром грянет?» – рассуждал про себя политик. «Жаль только, что теперь с президентом так просто не повидаться!» – сокрушался депутат.

Сергей Николаевич Русак ошибся. Новая встреча с президентом состоялась уже через месяц. В тот день депутат, как обычно, начал свой рабочий день с просмотра новостных программ телевидения. Все каналы дружно передавали сообщения и комментировали события о захвате террористами театрального центра в Москве, где шел мюзикл по мотивам известного произведения «Два капитана». Среди людей, попавших в число заложников, было много женщин и детей. Как сообщали СМИ, захват осуществила неизвестная кавказская группировка численностью до сорока человек. С каждым часом обстановка вокруг театрального центра накалялась все больше и больше. Все мировые и

---

20 – Резаками на разведывательном сленге принято было называть резидентов.

отечественные СМИ были полны паническими сообщениями и комментариями, призывами к властям пойти на условия террористов, которые взамен на освобождение заложников требовали, ни много ни мало, вывода федеральных войск из Чечни и провозглашения независимости этого кавказского региона России.

Знакомый Русака, недавно пришедший в руководство спецслужбы, позвонил ему по телефону и пригласил к себе. Он возглавил оперативный штаб по ликвидации теракта и его последствий. Президент с утра был на постоянной связи с генерал-лейтенантом, а после обеда приехал сам в здание, где в это время проходил «мозговой штурм». Среди его участников оказался и депутат Русак. При появлении Верховного главнокомандующего все встали. Докладчик, а это был все тот же представитель спецслужбы, повторил начало своего выступления. Он проанализировал действия террористов по подготовке к теракту и захвату театрального центра и заложников, затем обрисовал ситуацию внутри и вокруг здания.

Президент перебил докладчика и взял слово. Он коротко довел до присутствующих свой взгляд на развитие событий и прямо назвал политические цели международных подрывных сил. При этом он встретился глазами с Русаком. Депутат понял, что это знак благодарности за своевременно доставленную информацию. Президентский прогноз полностью совпал с тем сценарием, который был описан в разведонесении, переданном Русаком.

– Дестабилизация политической обстановки, провоцирование новой войны на Кавказе, развал России, – подвел черту под своим небольшим выступлением Верховный главнокомандующий.

– И отстранение от власти действующего президента, – присутствующий депутат взял слово без разрешения.

Члены президентской команды, а в помещении, где собралось руководство оперативного штаба, были только такие люди, невольно переглянулись. Президент вновь взял ситуацию в свои руки:

– Какие предложения? Прошу доложить!

Генерал-лейтенант четко изложил план действий.

– Все согласны? Кто против силовой операции по ликвидации террористов?

В президентской команде противников антитеррористической операции не оказалось. Депутату Русаку была отведена особая роль. Он должен был организовать выступления в СМИ в целях давления на террористов и их пособников внутри страны и за рубежом.

Сергей Николаевич успешно справился с поставленной задачей. Три дня он мелькал на экранах центральных телеканалов, его голос звучал в радиоэфире, на страницах влиятельных газет публиковались его комментарии и оценки. Он был первым, кто озвучил истинные планы сил международного терроризма по дестабилизации обстановки в стране, из его уст прозвучали имена заговорщиков и их западных пособников. Два раза депутат, в прошлом спецпропагандист с боевым опытом, в прямом эфире обращался к террористам, чтобы их образумить и вынудить пойти на переговоры по освобождению заложников.

После завершения антитеррористической операции президент страны лично по телефону выразил благодарность народному депутату.

Неразделенная любовь

В следующий раз встреча Фаридани Пашидаса и Мариам состоялась лишь через два года. Она произошла на другом острове грез и надежд, который считался четвертым по величине в Средиземноморье. Живописные пейзажи, лазурное море, великолепное разнообразие флоры и фауны, неповторимые горы со снежными вершинами произвели сильное впечатление не только на студентку Оксфорда, но и на самого Пашидаса. Заниматься рутинной информационной работой в условиях, когда многочисленные туристы ежедневно проводили время у кристально чистого моря на великолепных пляжах, было совсем непросто.

Между тем перед Пашидасом впервые была поставлена задача особой важности. Как оказалось, Рокшилбрайт неслучайно в этот раз сопровождал дочь в ее поездке на остров с историко-культурными следами и отпечатками античной древности. На первой же встрече, когда они остались наедине на свежем воздухе, а дочь поднялась в свой номер фешенебельной гостиницы, Жангир строго предупредил своего подчиненного:

– От успеха операции зависят мои дальнейшие судьба и карьера! Если не справлюсь, то... – он не договорил, но ладонью руки провел себе по горлу.

Речь шла о проведении целенаправленной информационной операции по прикрытию и отвлечению международного общественного внимания от тайной встречи самых влиятельных людей мира.

– С ними шутки плохи. Они вершат судьбы мира! Послезавтра они будут уже здесь.

Аркаиму не надо было ничего особо пояснять. Из анализа различных информационных источников он давно уже знал о существовании некоторых закрытых организаций, работавших над учреждением «нового мирового порядка» и «единого мирового правительства». В эти структуры входили избранные люди из числа политиков, крупных ученых, членов королевских семей, ведущих представителей Ватикана, промышленников, банкиров и медийных магнатов, координирующих интересы американской и европейской элиты. «Интересно, представители, какой из закрытых организаций соберутся здесь?» – мелькнул вопрос в сознании разведчика. Однако шефа он решил расспросить, казалось, по отвлеченной другой теме.

– По информации СМИ, саммит «большой восьмерки» состоится не здесь, а где-то во Франции, в небольшом городке. Там и «неоглобалисты» уже активничают, выступают со своими требованиями...

Жангир, внимательно посмотрев на Пашидаса, усмехнулся:

– Правильно оценил ситуацию. Мы разговариваем на одном языке. Все наши информационные ресурсы должны быть брошены на освещение именно этого саммита, выступлений антиглобалистов, другой критики в адрес «восьмерки». Правильно, это члены «большой восьмерки» вершат судьбы мира, пренебрегая

интересами государств и народов, а вот тихая встреча у нас на острове должна остаться в тени. А всякие попытки «засветить» ее, сделать достоянием гласности, должны быть оперативно и грамотно нейтрализованы. Поэтому мы здесь.

Произнеся эту тираду, Рокшилбрайт слегка усмехнулся, пристально взглянув на своего подчиненного. Аркаиму показалось, что шеф желает не обеспечения информационной маскировки тайной встречи вершителей судеб мира, а, скорее, обратного. «Рад стараться!» – про себя подумал разведчик. Поджав губы, он тоже хитровато исподлобья взглянул на Жангира. А вслух спросил:

– Сколько времени будете здесь?

Еще одним безобидным вопросом он попытался приоткрыть завесу секретности.

После этой встречи Аркаим уже больше не встречался с шефом. А вот дочь Рокшилбрайта опять оказалась в одной информационной компании с ним и с утра следующего дня активно включилась в работу. Под руководством Пашидаса студентка Оксфорда занималась мониторингом новостей и отдельных публикаций, ходила на брифинги и пресс-конференции и даже пробовала написать информацию для интернет-портала. Фаридани не забывал лишний раз похвалить девушку за усердие и первые журналистские успехи. Со стороны было видно, что ей нравится ее будущая работа.

Пашидас успешно справился с поставленной задачей. Рокшилбрайт уже с материка, из Италии, поздравил по телефону своего подчиненного. У него явно было приподнятое настроение.

– Сработал отлично! Пару недель можно отдохнуть на острове, а там посмотрим, как быть дальше. Думаю, тебя ждет новое повышение.

– А как быть с Мариам? Когда она уезжает? – успел спросить Пашидас.

– Пусть недельку отдохнет и возвращается. Она еще не все экзамены сдала. Только не забывай нашего разговора! – Рокшилбрайт уже давно окончательно перешел на «ты» в общении со своей коллегой и партнером по информационной работе.

Закрытая встреча на острове действительно прошла как всегда тихо и незаметно для СМИ. Выудить информацию об участниках и решениях закрытой организации мог только профессионал. Поэтому Аркаим большее время сам не вылезал из Интернета. Он отследил сообщения, которые были явно срежиссированы и призваны отвлечь внимание общественности от закрытой встречи на острове. Разведчик обратил внимание на появление в этот период в СМИ информации катастрофического характера. В один день произошло землетрясение в Центральной Азии, возник мощный торнадо в Тихом океане, крупные техногенные катаклизмы обрушились на Европу.

Хотя природно-климатические аномалии и бедствия стали в начале XXI столетия постоянными спутниками повседневной жизни на планете Земля, Аркаим не мог не усомниться в объективности катастрофической информации, которая оказалась в заголовках новостей и не могла не привлечь повышенного внимания международной общественности. «Слишком много для одного дня!» – подумалось разведчику. Однако ему предстояло решить другую задачу. «Как же дать утечку информации?» – терзался он. Решение созрело как-то само собой. Мариам пред-

ложила сделать заметку об уникальном фешенебельном отеле острова и его гостях. Материал получился слабенький с журналистской точки зрения, но главное – в нем были перечислены имена влиятельных людей в мире, которые гостили в отеле недавно. Чтобы не подставлять девушку, заметка под именем неизвестного автора была брошена на сербский интернет-ресурс, и уже вскоре информация зажила самостоятельной виртуальной жизнью, кочуя по сети Интернет и даже попадая на страницы отдельных европейских изданий.

На другие предложения Мариам Пашидас все время отвечал отказом. Молодой мужчина упорно избегал частных встреч с юной красавицей, под самыми различными предлогами отказываясь выбраться на пляж или совершить экскурсию по местным историческим достопримечательностям. Он всякий раз норовил поскорее отправить дочку влиятельного босса на машине в ее гостиницу.

Бедная девушка уже совсем отчаялась, когда перед самым ее отъездом домой, наконец, Пашидас пригласил ее осмотреть историческую жемчужину острова – Кносский дворец. Уехав туда прямо с самого утра, они потратили не меньше трех часов, чтобы обойти останки дворцового комплекса. Все увиденное поражало и одновременно будило человеческое воображение. Трудно было представить, что несколько тысячелетий назад люди того времени смогли отстроить такой грандиозный по своим размерам и сооружениям город-дворец, причём на склоне гор.

По словам экскурсовода, местами пятиэтажный комплекс был снабжен канализацией и водопроводом, освещался и проветривался, был надежно защищен от землетрясений. В его пределах были размещены покои самого Миноса, залы для приема гостей, храмы и театр для ритуальных представлений, мастерские, сторожевые посты и кладовые.

– Что и говорить, мудрые были греческие предки! – на английском языке громко замечал один из экскурсантов.

Это был немолодой седовласый англичанин, который опирался на палочку. Его под ручку держала молодежь выглядевшая худенькая старушка. Одетая женщина была в короткие шорты и спортивную майку с короткими рукавами, на голове у нее красовалась шляпка с широкими полями, а на ногах были легкие кроссовки.

Однако Аркаим обратил внимание не столько на старичков, сколько на трех здоровых парней. Все время экскурсии они неотступно передвигались вслед за престарелой парочкой. Своим наметанным профессиональным взглядом разведчик сразу определил, что это могла быть охрана. В руках у двух ребят были небольшие борсетки, а у одного из них к уху был протянут едва заметный проводок. «Ай да старички, видимо, не простые смертные! – мелькнуло в сознании разведчика.

– Эта парочка проживает в нашей гостинице, – Мариам перехватила внимательный взгляд Пашидаса.

«Может, это один из участников закрытой встречи?» – подумал Аркаим. Ему показалось знакомым лицо престарелого мужчины. Он был похож на известного финансиста и филантропа, который был известен своим умением обваливать мировые финансовые рынки в самых различных уголках мира. «Точно, он! Вот это встреча! Вот бы пообщаться!»

Вскоре экскурсия закончилась. Парочка в сопровождении своей свиты быстро исчезла. Издалека было видно, как кавалькада из трех черных одинаковых «мерседесов» стремительно покинула окрестности Кносского дворца. На палящем дневном солнце было невыносимо жарко. Девушка достала из сумочки небольшую бутылку с водой и протянула ее своему спутнику.

– Спасибо, мой юный друг! Какие будут еще предложения? Я предлагаю пойти и вместе пообедать, а может быть, заодно и поужинать!

Лицо Мариам осветилось радостной улыбкой. Завтра она должна была уже улетать в Лондон. Поэтому приглашение Пашидаса оказалось как нельзя кстати. Девушка предложила поужинать в отеле, где она остановилась. Пашидас сразу согласился. Ему хотелось еще раз побывать в гостинице, где проживали участники недавней закрытой встречи. Перекусив по дороге в небольшом приморском городке, они к заходу солнца добрались до места. Быстро переодевшись, юная красавица предстала перед своим спутником во всем блеске.

Они сидели на свежем воздухе под деревянным навесом в уютном внутреннем дворике фешенебельной гостиницы. Стемнело быстро. Сказочные растения и цветы в интимном световом оформлении окружали их столик. На водной глади гостиничного канала, проложенного через внутренний дворик, играли отблески света. Лунная дорожка с моря набегала прямо на столик, за которым сидели юная девушка и еще молодой мужчина. В мозаике ночных отблесков лицо Мариам казалось еще более красивым и привлекательным.

За столиком оказалось, что наедине общаться сложнее, чем в присутствии других людей. Пашидас никак не мог сменить тему – все время вел разговоры о работе. Наконец, он осторожно поинтересовался о жизни девушки в Лондоне. Все это время они продолжали общаться на английском языке.

– Трудно учиться в Оксфорде?

– Не очень. После нашего колледжа легко.

– Друзья есть?

– Конечно. У меня имеются и близкие подруги.

Она положила на тарелку вилку и нож, взяла в руки сумочку и извлекла из нее аккуратный конверт. В нем были фотографии.

– Вот, посмотрите, здесь мы, еще первокурсники, сфотографированы все вместе.

Девушка передала своему собеседнику одну фотографию. Затем достала и передала ему другое фото.

– Это я с папой и его старой противной женой, – Мариам слегка поморщилась. – А вот я со своими лучшими подругами, – она протянула новую фотографию. – Крайняя справа от меня – это коренная англичанка. Она всегда помогает мне изучать язык. А слева – русская девочка. Ее отчим – русский олигарх. Он год назад получил политическое убежище в Англии, так как был вынужден бежать из России. Его там преследовали за политические убеждения, – прокомментировала случившееся Мариам заученной фразой.

Аркаим внимательно взгляделся в фото. Все три девушки были хороши собой. Но та, что была слева, особо заинтересовала его. И неслучайно. Он почти сразу ощутил беспокойство и возбуждение в голове и во всем теле.

– Что, понравились? Мы как втроем выберемся в центр города, так мальчики нам проходу не дают!

– Не может быть! – неизвестно на что среагировал собеседник. – Как фамилия русской?

– Мирская!

Мужчина тяжело вздохнул. Он впервые видел свою родную дочь, хотя и только на фотографии. Улыбающаяся на фото девушка, действительно, была похожа не только на свою мать Ольгу. Отец легко различил черты лица, которые выдавали в девушке явную схожесть с другим родителем.

– Что-то не так? – встревожилась Мариам.

– Нет-нет! Симпатичные у тебя подруги! Замуж не собираются?

– Англичанка уже помолвлена с сыном известного американского банкира, но свадьба будет только после окончания университета. А Анна вообще не собирается выходить замуж. Ей не нравится в Англии. Она хочет вернуться на Родину, чтобы найти мать.

– А что с матерью?

– Она без вести пропала, подруга очень переживает.

– А отец где? – разведчик внутренне напрягся.

– Говорит, что ничего о нем неизвестно.

– Знаешь, мне кажется, я где-то видел эту женщину, очень похожую на твою подругу, – как можно спокойнее говорил Пашидас.

– Правда? Где?

– На Кавказе, точно, в Чечне.

– Вот здорово! Я ей обязательно передам. Она мне много интересного про Россию рассказывала. Ведь у меня мама тоже русская!

– А ты кем себя чувствуешь?

– Прежде всего мусульманкой, афганкой и иранкой. У меня же папа из Ирана. Это древнейшая культура. Ну а теперь я англичанка. Однако мне тоже не нравится жить в Англии. Какая-то искусственная, неестественная страна. Все друг другу чужие. Без денег там человек просто никто. Я по-прежнему люблю свои родной язык, музыку и песни, восточную пищу, традиции и обычаи, а главное – дорожу своей принадлежностью к исламской вере.

– Это хорошо! Человек не может жить без веры! Только вот одеваешься ты далеко не по мусульмански! – Пашидас сделал хитрую физиономию.

– Это здесь, вдали от Родины, еще хочу понравиться..., – смутилась мусульманка. Пашидас жестом пригласил девушку продолжить ужинать.

– Интересно, а кем себя чувствует Фаридани Пашидас? Папа говорил, что он посещает православные места на острове, – с явным намеком произнесла юная красавица с восточнославянской внешностью.

– Просто историю страны пребывания надо знать, а веру, как минимум, уважать. Может, пройдемся вдоль побережья, а то ведь скоро спать пора маленькой, не правда ли?

– Я уже большая! На Востоке девочки в моем возрасте давно уже замужем...

Вечер действительно выдался чудным. Молодой мужчина и юная красавица неспешно брели вдоль берега. Их неотступно преследовала серебряным светом

лунная дорожка. Рядом с удивительно чистой и искренней девушкой хотелось забыть все тревоги. «Жаль, что вечер этот мал, как хорошо с тобой. Вот так бывает, только жаль, что все пройдет и никто мне это лето не вернет...», – ему вдруг вспомнились отрывки слов известной песни – советского хита восьмидесятых годов. Мысли невольно унесли его к родному семейству. «Как вы там без меня, родные мои, Надюша, Ярославик, Гошка?» – вопрошал про себя разведчик. «Милые мои, без вас нет мне жизни, ваши родные лица снятся каждый день, голоса слышатся, сердце мое полно тревоги за вашу судьбу...

Мариам первой прервала молчание:

– О чем ты думаешь? Мне скучно! Расскажи что-нибудь интересное. Например, о себе.

– Девочка, ты же всё знаешь обо мне. Разве папа тебе ничего не рассказывал?! Лучше посмотри, какая лунная дорожка! Она светит для тебя.

– Нет, она светит для нас, Фаридани! – девушка взяла мужчину за обе руки и заглянула в его глаза. – Пойми, я уже взрослая девушка. Разве не понятно, что ты мне нравишься? – Мариам объяснялась в любви на фарси: – Гуш ку маро, джонам! Ман тура биссиар дуст дорам!²¹

Она смущенно опустила глаза.

Молодой мужчина нежно обнял девушку, поцеловал ее пушистые волосы, пахнущие дорогими духами женской свежести и чистоты. Коснулся руками ее лица. Глаза девушки были влажными. Мужчина аккуратно прикоснулся и вытер слезы.

– Девочка плачет? Не надо, я прошу тебя! Благодарен я судьбе за любовь твою. Она самим Всевышним мне дана. Но смеется надо мной даже ветер за спиной, так смешна мечта моя. Любовь бывает долгой, а жизнь...

Аркаим ответил девушке словами любимой песни. При этом мужчина был искренен. Девушка давно ему нравилась. Но она была сверстницей его родной дочери, поэтому Аркаим в принципе не мог себе позволить ответить ей взаимностью. Он также хорошо помнил наказ лорда Рокшилбрайта.

– Ты не можешь мне ответить взаимностью из-за папы? – девушка вновь подняла глаза.

– Не только!

– Ты женат, у тебя есть дети!

– Можно не отвечать на эти вопросы?

– Значит, да! Где они сейчас? Ты любишь жену?

Спутник продолжал молчать.

– Пожалуйста, проводи меня в гостиницу!

В сам отель Пашидаса не пустили. Проход в загадочную и сказочно дорогую гостиницу осуществлялся строго по именным пропускам. Секьюрити было много не только на входе, но и в холле, где в это время было еще много людей. Аркаим внимательно наблюдал за всем происходящим возле гостиницы. Ему в память врезались слова, которые она бросила во время недавнего ужина: «Я живу здесь, как в сказке!». Девушка много рассказывала о вымуштрованных охране и другом

---

21 – Слышишь! Я тебя очень сильно люблю! (пер. с дари).

персонале, дорогим убранстве и оформлении номеров, богатом ассортименте блюд, разнообразных услугах и возможностях, которые имелись в отеле.

Часы показывали уже около двенадцати часов ночи. Аркаим возвращался по неосвещенным дорожкам, а напрямик, по жесткому газону. По дороге к себе домой он решил ненадолго задержаться на берегу моря в парке гостиницы и поразмышлять на свежем воздухе под шум морских волн. Присев на лавочку, разведчик неожиданно для себя обнаружил, что слева недалеко от него есть еще кто-то. Он невольно всмотрелся и вслушался в звуки ночного парка. Оказалось, что по соседству на небольшой террасе сидят два человека и ведут неспешную беседу. По голосам удалось определить, что это уже немолодые мужчины. Они разговаривали на хорошем английском языке.

Аркаим сразу ухватил тему разговора. Обсуждалась новая власть в Москве. Рассуждения собеседников были настолько откровенными и компетентными, что разведчик насторожился. Один из мужчин, который немного картавил и всякий раз причмокивал языком, говорил об опасности нынешней власти в России и доказывал необходимость скорейшего устранения хозяина Кремля.

– Из неудачного теракта на Дубровке в Москве в прошлом году надо сделать правильные выводы! Можно всё сделать без лишнего шума...

Его собеседник возражал, утверждая, что в созданной еще при бывшем президенте системе внешнего влияния на развитие событий в России невозможно реализовать какую-либо стратегическую инициативу, совершить маневр в сторону отставания национальных интересов страны.

– У него нет власти. В нашем закрытом акционерном обществе «Россия» его людям принадлежат не более пяти процентов акций.

– Уже немало. Еще пара лет правления, и нам с ним не справиться! Успеем зачистить? Скольких мы таких правителей в свое время упустили!.. Один Гитлер чего только стоил нам...

– Пока Чуб контролирует Кремль, не стоит беспокоиться. Принятие всех ключевых решений по этой стране – под контролем. Наши кадры на месте, финансовые обязательства строго выполняются, ресурсы к нам из России поступают регулярно, демографическая перезагрузка России идет по плану, Союза с Белоруссией – не будет, вайнахов, отказавшись действовать по нашим сценариям, «закрыли». Что еще надо?

Однако человек, всякий раз причмокивавший языком, не успокаивался:

– Рано или поздно все марионетки выходят из-под контроля. В России выходцам из спецслужб тем более нельзя доверять! У них это глубоко в генах сидит. Ему народ доверяет и надеется на него. Вот что страшно! Поэтому нынешнего главу Кремля надо немедленно убирать! Только не надо привлекать к этому кавказцев! Они очень своенравные и много шумят.

Аркаим сидел, затаив дыхание, боясь даже шелохнуться. Его правая рука машинально коснулась лба. Лицо было все в поту. В беседке замолчали. После небольшой паузы один из собеседников заговорил вновь. Его короткий монолог запомнился особенно. «Согласно достигнутым договоренностям, которые зафиксированы на бумаге и хранятся в одном из швейцарских банков, – размеренно говорил еще бодрый голос, – кремлевский вождь ничего не сможет сделать, даже

если захочет. И потом, планы дальнейшего геополитического переустройства России и всего постсоветского пространства никто не отменял, демографическая перезагрузка страны идет по графику...»

От чрезмерного напряжения разведчик шевельнулся. Послышался легкий скрип деревянной скамейки. В беседке оба мужчины сразу поднялись. В отблесках света, упавших на их силуэты, разведчику удалось разглядеть двух плюгавых, немного сгорбленных старичков. Один из них опирался на палочку. Аркаим сразу узнал в нем того самого старичка, которого он видел в окружении охраны в Кносском дворце сегодня днем. Разведчик заметил, что один старичков сделал едва заметное движение рукой в кармане. Опасаясь, что это могло означать вызов секьюрити, Аркаим сполз со скамейки и, крадучись, добрался до ближайшего цветущего кустарника.

Аркаим не ошибся. Старички вызвали секьюрити. Уже через несколько минут по территории парка стали непрерывно шарить прожекторы. В гостинице был введен режим особой бдительности. Молодые мужчины с собаками приступили к прочесыванию окрестностей гостиницы. Однако было уже поздно. Русский разведчик к этому времени уже сидел за рулем своей машины, которая с огромной скоростью направлялась в глубь острова со следами античной истории и культуры и почти невидимыми признаками современной таинственности и загадочности.

В салоне автомобиля внезапно раздался телефонный звонок. На другом конце был сам Рокшилбрайт.

– Удобно говорить!

– Да.

– Все в порядке? Я разговаривал с Мариам, она сильно расстроена! Ты обидел девочку!

– Я выполнил ваше указание!

В трубке немного помолчали. Аркаим успел посмотреть в зеркало заднего вида. Сзади вдалеке появились огни фар и проблесковый свет мигалок. На всякий случай выключил габариты, но скорость не сбавил.

– Плохо слышно? – крикнул он в трубку.

– Завтра проводи! И давай готовься к переезду в Лондон! Жду через месяц!

Разведчик выключил телефон и бросил его на соседнее сиденье. Перед глазами появился щит с указателем съезда с главной дороги. Аркаим, лихо раскручивая руль ладонями обеих рук, не снижая скорости, съехал на разворот под трассой и через несколько минут въехал на нее уже с другой стороны. Мимо него по противоположной стороне с огромной скоростью пронеслись два джипа с проблесковыми маячками.

Туманный Альбион

Беглый олигарх Мирский вот уже несколько лет как обосновался на берегах Темзы. Получив политическое убежище, он не только быстро освоился в известных бизнес-кругах Лондона, но и приобрел влиятельных покровителей среди представителей западноевропейской властной элиты и в спецслужбах. Однако здесь, вдали от России, русская природа продолжала манить его к себе своей удивительной красотой и уникальностью. Чтобы как-то ослабить ностальгию по покинутой им стране, он почти во всех помещениях своих британских домовладений развесил картины с русскими пейзажами и, конечно, полуобнаженными красавицами славянской внешности, позирующими на лоне природы. «Никогда не думал, что так западу на Россию. А ведь всегда считал себя космополитом. Что за страна такая – Русь?» – не раз ловил себя на этих мыслях Мирский.

Перебравшись на берега Темзы, опальный олигарх поселился в старинном особняке в одном из престижных кварталов Лондона. Рядом был знаменитый Гайд-парк, кругом много зелени, неподалеку озеро. До лондонского Сити, где кипела деловая жизнь, было тоже недалеко. Двухэтажный особняк «беглого олигарха» вызывал зависть у многих других «новых русских», поселившихся неподалеку. На всякий случай Мирский приобрел недвижимость и в другой части города. В восточном районе английской столицы, около старого порта, где в основном проживали мигранты и была сложная криминальная обстановка, он, из соображений экономии, прикупил недорогие апартаменты. В них разместился Жирик со своей женой Наташей. Его давнего помощника и компаньона по бизнесу теперь величали Алекс.

Живя в Лондоне, Артем Ильич никак не мог привыкнуть и к здешней неприветливой погоде. Ставший в последнее время и нумизматом, и филателистом, и фанатом энциклопедических познаний одновременно, он даже свое толкование дал поэтическому наименованию Британских островов – «туманный Альбион». Беглый олигарх, по давней привычке все перефразировать и коверкать, соединил воедино широко распространенные трактовки: «коварный Альбион», характеризующую двуличную политику английской дипломатии, и «туманный Альбион», отражающую высокую влажность на островах. И получилось – Острова туманного коварства.

Ситуация осложнялась тем, что в последние годы Туманный Альбион редко какой год мог избежать разного рода природно-климатических напастей. Теперь на Британских островах не редкостью были морозы и снегопады, аномальные жара или сильное похолодание в летние месяцы. В результате представители политических и деловых элит стали всё больше прислушиваться не только к погодным предсказаниям синоптиков, но и прогнозам ученых, которые вдруг зазвучали в унисон с религиозными апокалипсическими предсказаниями будущего Земли.

Мирский, живя за границей, не бросил своей привычки с раннего утра читать свежую прессу. Еще в России он поступал так каждый день, когда не было неотложных дел. Беглый олигарх считал, что ежедневная газета живет максимум до обеда, а потому позже ее можно уже не читать. Сегодня, просмотрев по диагонали новости, он подолгу читал аналитические статьи. В утренних изданиях было немало интересного.

Тема глобальных природно-климатических изменений на планете вдруг превратилась в главный вопрос политических повесток дня в Старом свете, где по-прежнему доминировал Лондон. Здесь одними из первых стали осознавать уязвимость островов, которые, согласно прогнозам, ждала печальная участь быть частично или полностью затопленными. Людей влиятельных и богатых не на шутку пугали и другие глобальные вызовы и угрозы начавшегося столетия. Чего только стоили одни только рост народонаселения и массовая миграция, о которых постоянно писали газеты. И все в мире хотели хорошо жить! Только где набраться на все многомиллиардное население Земли столько природных ресурсов, плодородных земель, воды, продовольствия и тому подобного? – такие здравые мысли иногда появлялись на страницах популярных изданий.

В связи с грядущими катаклизмами Мирский невольно особо внимательно следил за российскими публикациями на эту тему. По некоторым оценкам, страна сорокоградусных морозов, бездорожья, медведей на улицах и пьяных людей под забором должна была выиграть в результате грядущих катаклизмов. Одна седьмая часть суши, самая богатая природными ресурсами и относительно экологически чистая, могла бы претендовать на то, чтобы стать более притягательной территорией для проживания и бизнеса нежели страны Старого света.

Только от одного осознания того, что он остался не у дел, лишился уникальных возможностей делать деньги из воздуха и потерял прямой доступ к несметным богатствам России, Мирскому становилось не по себе. Беглый олигарх, конечно, не сидел сложа руки. Он предпринимал немало усилий, чтобы нанести вред новой российской власти, восстановить свое бывшее влияние на события и когда-нибудь триумфально вернуться в страну. Не без участия Мирского ухудшились отношения России со странами СНГ, была развязана «необъявленная» информационная война против России, участились теракты. Его вождельной мечтой было организовать в России свою «цветную» революцию. «Ох, как нужен русский бунт! "Бессмысленный и беспощадный", он растопчет нынешнюю кремлевскую власть!» – в порыве очередного приступа гнева тешил себя надеждами опальный олигарх.

В своей целенаправленной подрывной деятельности против России беглый олигарх был не одинок. За его спиной маячили не только спецслужбы, но и влиятельные западные политики, которые не скрывали своего отрицательного отношения к новой политике Кремля, направленной на возрождение российской государственности. За особые заслуги в борьбе против России Мирского, прошедшего обряд посвящения в мировые дела, и приблизила к себе одна из самых влиятельных групп сильных мира сего, традиционно имевшая свои политические и деловые интересы на одной шестой части суши. Баронесса Рокшиллбрайт, прадеды которой прославились тем, что не только в Европе

прослыли «королями кредиторов и кредиторами королей», лично ходатайствовала перед правительством о предоставлении беглому олигарху политического убежища на берегах Темзы.

Совсем отчаявшись после многих попыток отстранить от власти популярного в России президента, Мирский решил отвлечься и, наконец, вновь жениться. Претенденток на руку завидного, хотя уже далеко не молодого жениха было предостаточно, но Артем Ильич оставался притязательным и разборчивым кавалером. Выбор новой супруги затягивался еще и потому, что немолодой мужчина никак не мог выбросить из головы свою последнюю жену. Время шло, а его сердце продолжало щемить при мысли о том давнем разрыве с Ольгой, когда он так жестоко обошелся с ней. «Ну не мог же я ее простить!» – успокаивал себя олигарх, если его вдруг начинала мучить совесть. Но такие моменты наступали редко. Дел всегда было невпроворот. А когда было скучно, неразлучный с ним Жирик всегда был готов помочь шефу скрасить одиночество. И тогда молоденькие девочки и мальчики начинали толкаться в роскошных апартаментах беглого олигарха.

Однако в последнее время Мирский с Жириком чаще пили вдвоем, чем развлекались. А примерно год назад, когда отчима во время зимних каникул навестила его падчерица, у олигарха возникла навязчивая идея в отношении родной дочери Ольги. Анне было уже двадцать лет. Она училась в престижном Оксфордском университете, куда ей помог поступить отчим. Он продолжал от нее скрывать, что она не его родная дочь. И хотя дочь с трудом верила, что мать бросила их, сбежав из Москвы с другим мужчиной, она сохраняла к отцу привязанность и любовь, поэтому регулярно звонила в Лондон, а на каникулах ненадолго навещала всегда занятого Мирского.

Неожиданно Мирский решил раскрыть глаза дочери, а заодно сделать ей предложение, от которого, как казалось ему, нельзя было отказаться. Откровенный разговор должен был состояться в ближайший приезд дочери. В тот злополучный вечер девушка вернулась домой часов в десять. Она была в гостях у своей однокашницы и подружки по университету Мариам Рокшилбрайт. У нее было прекрасное настроение. Сегодня она, наконец, встретилась с мужчиной, который мог видеть ее мать. Подруга выполнила свое обещание познакомить Анну с ним.

Незнакомый человек оказался приятным, еще совсем не старым человеком располагающей внешности. После семейного ужина, когда гости семейства Рокшилбрайт стали расходиться, он предложил подвезти девушку до дома. Мариам решила проехаться с ними. Никто не возражал. Анна хорошо знала о том, что именно этот мужчина давно нравится подруге, которая о нем всегда много рассказывала. Знакомый Мариам сам сидел за рулем дорогого «бентли». Он почти сразу коротко рассказал о том, что видел женщину по имени Алия в аэропорту в Чечне. Затем напомнил о фото, на котором Мариам была сфотографирована с Анной. Когда он рассматривал снимок, ему показалось, что девушка очень похожа на ту самую интересную даму. Мужчина подробно обрисовал приметы женщины.

– Это она, моя мама! – девушка невольно заплакала.

До самого дома подруга так и не смогла утешить Анну.

– Девочка, не плачь! Найдутся твои родители! – бросил на прощание водитель.

Анна тогда не придавала особого значения словам, сказанным ее новым знакомым. Но в особняк своего отца она вошла в приподнятом настроении. Ощущения какой-то радости, счастья, надежды невольно вселились в ее сердце после знакомства с интересным, приятным и, как показалось, надежным мужчиной.

Мирский всегда приветствовал отношения Ани с девочкой из высокопоставленной семьи. Он и сам был знаком с баронессой Рокшилбрайт и ее мужем, преуспевающим медиамагнатом. А с недавних пор даже вошел в группу влиятельной баронессы, правда, пока только на правах младшего партнера. Оказалось, что для того, чтобы попасть в ряды фининтерна, где почти всё определяли родственные отношения, было недостаточно одних только заслуг перед ним. «Надо было мне в свое время жениться на баронессе!» – не раз сокрушался Мирский, тайно завидуя выскочке с мусульманского Востока.

Мирский в это вечер оставался в своем особняке. Он только что попрощался с Жириком и был немного навеселе после выпитого. Вошедшая девушка неодобрительно взглянула на отца.

– Наверное, опять с Жириком пил? Как ты его только терпишь?!

– А поворотись-ка, девочка! Какая ты у меня красавица! Замуж тебе уже пора!

Мирский рассматривал дочь совсем не отцовскими глазами. «Как она на мать похожа! Фигурка – загляденье! Высокая, стройная, статная, всё при ней! Порода есть порода! Хороша, чертовка!»

Дочь перебила ход его мыслей:

– Пока не за кого! Перевелись мужики!

– Ну не скажи!

И тут Мирского словно током дернуло. Он встал с кресла и приблизился к девушке, ни о чем не подозревавшей в эту минуту нахождения в гостиной. Старый развратник резко обнял падчерицу и попытался поцеловать ее в губы, чего раньше никогда себе не позволял. Девушка отскочила, с силой оттолкнув отца, и замахала руками.

– Ты что, спятил? Опять напился, весь разум уже потерял!

Анна подумала, что с отцом приключился очередной приступ. Такое бывало уже не раз. Мирский внезапно становился просто невменяемым человеком и был способен на любой поступок.

– Сядь! – Мирский грубо оборвал испуганную падчерицу. – Разговор есть!

– Какой еще разговор?

– Ты должна узнать всю правду.

В роскошной гостиной воцарилась тишина. Мирский подошел к бару, открыл его и налил себе спиртного.

– Будешь?

– Нет, я уже иду спать. И вообще, я не пью, ты же знаешь! К тому же я завтра уезжаю в университет.

– Вначале ты выслушаешь меня! – отчим произнес фразу тоном, не терпящим возражений.

– Я слушаю тебя! – девушка явно нервничала.

– Анна, я всегда к тебе относился как к дочери. Думаю, тебе не в чем меня упрекнуть!

– О чем ты? Что с моей мамой, где она?

– Речь не об этом. Сколько тебе еще объяснять, что мать бросила нас!

– Не верю! Я знаю, что она живет в Чечне!

– Откуда ты знаешь? Кто тебя сказал? Я спрашиваю!

Отчим вплотную приблизился к дочери. Взгляд его больших навывкате глаз не предвещал ничего хорошего.

– Не твое дело!

– Ах ты мразь! – Мирский наотмашь хлестнул девушку рукой по щеке. Он впервые позволил себе ударить падчерицу.

– Не смей, подлец! Это ты погубил маму!

– Молчи! Я тебе ничего не обязан объяснять! Речь идет совсем о другом. Ты должна знать! Я тебе не родной отец.

Мирский немного смягчился. По всему было видно, что ему непросто признать сейчас, что его отцовство было липовым.

– Как, папа? Ты о чем? – девушка была ошеломлена только что услышанным.

– Это правда, Анна!

– Не может быть! Кто тогда мой родной отец?

Девушка горько заплакала.

– Он бывший военный. Или погиб, или пропал без вести! Я подробностей не знаю.

– Как погиб?

Потрясенная девушка залилась горячими слезами. В растерянности, не зная, что делать, она было направилась к выходу, но Мирский крепко схватил девушку за руку.

– Успокойся, от этого я люблю тебя не меньше, а больше. Я хочу, чтобы ты стала моей женщиной, хочешь я женюсь на тебе, Аничка, милая! – неожиданно выпалил Мирский.

– Нет, никогда! Я тебя ненавижу!

– Ах ты сучка! – отчим обхватил падчерицу за талию.

Девушка оказалась совсем рядом. Она изо всех сил упиралась и всячески рвалась из объятий отчима. Какие-то считанные секунды в Мирском боролись прежние отцовские чувства и животный мужской инстинкт, внезапно обуявший его дряхлую плоть. Он с силой бросил девушку на пол. Не обращая внимания на душераздирающие крики падчерицы, стал срывать с нее одежду. Девушка продолжала бешено сопротивляться. Тогда Мирский ударил ее по голове так, что она потеряла сознание. От изнасилования девушку спасло то, что прилив сексуальной ярости отчима стих так же внезапно, как и возник. Однако старый развратник не успокоился. Он грубо разорвал девушке трусики, раздвинул ноги и пальцами правой руки вошел в нее. Бедняжка, лишившаяся сознания, тем не менее, громко вскрикнула от боли. Мирский вынул окровавленные пальцы рук.

Насильник, еще более состарившийся в эти секунды, словно в наказание от Бога за совершенное зло, тяжело встал с пола и пересел на диван. Он обреченно сидел рядом со своей сексуальной жертвой, распластавшейся на полу, и молчал. Приступы бешенства и раньше одолевали его, но сегодня был особенный случай.

«Мне лечиться, а не жениться надо! Таких, как я, надо убивать как бешеных собак!» – про себя вдруг подумал старый развратник.

На этом испытания для несчастной девушки не закончились. Когда она сама вскоре пришла в себя, разговор с отчимом продолжился. Бедная Аня, беспомощно пытаясь прикрыть места разорванной одежды, забилась в угол гостиной, где стояло разросшееся растение на массивной подставке. Она вся дрожала, не в силах что-либо сказать, слезы сами лились из покрасневших глаз. Руки девушки были сложены крест накрест внизу живота.

– Молодец, блюла себя, уважаю таких девочек!

– Ненавижу! – дрожащими губами прошептала Анна.

– Успокойся, детка, стерпится – слюбится! Через полгода состоится наша свадьба! Готовься и не вздумай дурить! Ты теперь уже моя женщина! – Мирский поднял руку с окровавленными пальцами.

Однако несчастная девушка так и не смогла уже больше успокоиться. Когда ночью ей стало совсем плохо, Мирский вызвал врача. Было принято решение госпитализировать девушку. Старый развратник немедленно вызвал к себе Жирика и дал указание разместить Анну в отдельной палате и приставить к ней охрану.

Жирик, выполнив все, о чем договорились, днем вновь прибыл к шефу. Мирский был изрядно выпившим, но в его голове продолжали роиться дьявольские мысли.

– Садись, Жирик, поговорим!

– Шеф, разрешите поправить. Теперь я – Алекс Жирик, ударение попрошу делать на последней гласной!

– Ах, да, совсем забыл, тебя же теперь надо на французский манер величать, Алекс!

Хозяин дома налил гостю водки.

– На водку перешел? – заметил гость.

– Да, новая мода на русскую водку наступает. Пора тебе, друг мой, самостоятельно серьезным делом заняться. Хватит ходить в порученцах. Да и у меня статус поменялся. Я теперь принадлежу к миру иному, так сказать!

– Тьфу-тьфу-тьфу. Не дай Бог!

– Речь о другом, ну какой ты чудак на букву «эм», Алекс!

Мирский вначале поморщился, а потом многозначительно вскинул вверх брови.

Жирик сразу догадался, что шеф имеет в виду. Ему было известно, что того с недавних пор стали приглашать на заседания «Многосторонней комиссии» – тайного центра принятия глобальных решений.

– Короче, займешься вплотную Россией. Теракты там уже не проходят. Поэтому поставлена задача в ближайшее время «замутить» там «цветную» революцию.

– Березово-липовую!

– Да хоть ситцевую смуту, хоть квасной бунт, но если мы с тобой этого не сделаем, наши хозяева нас не поймут. Они тратить зря денег больше не хотят! Если не хочешь закончить жизнь раньше времени, действуй!

– Где и когда, шеф? Приказывай!

- Не чуди, уже седина в глазах, а ты все гейничаешь!
- Слушаю, – Жирик посерьезнел.
- В Москве сейчас такая горючая смесь... Мигрантов полны и город, и область. Поэтому, с одной стороны, необходимо скинхедов оживить, с другой – кавказских экстремистов заинтересовать, чтобы они русских «мочили в сортире».
- Как говорил живой классик, да? И что, в самой столице?
- Именно. Мигранты будут трястись перед «скинами», а местные – перед «черными».
- Круто! А на какие политические силы можно опереться в России? – Жирик понимал шефа с полуслова.
- Во-первых, есть договоренность объединить усилия с «рыжым». Чуб хотя и является смотрящим в России от другой группы фининтерна, конкурирующей с Рокшилбрайтами, но делать нечего. Приказано действовать с ним сообща!
- Залумян?
- Да, этот кадр тоже понадобится! Хватит ему имитировать прокремлевскую оппозицию, пора раскрыться и открыто потягаться с властью. В него столько было вложено! Пускай отрабатывает. Он деньги умеет считать, а то шут гороховый решил продать свою партию и в шоубизнес податься.
- На кого еще рассчитывать?
- Там в России олигарх один в тюрьме засиделся, вот к его выходу на свободу и надо будет поспеть! За ним деловые люди потянутся.
- Про бабу в президенты еще речь шла!
- Совершенно верно. Кремлевскую власть в России в обозримом будущем одолеет только женщина. Но ее надо искать и готовить. Такую, как мы нашли на Украине, – свою Юлю с косой, чтобы смогла скосить все на корню...
- Причем не одну бабу на пост президента, а несколько. Я правильно понимаю, шеф?
- Конечно! Это должны быть и известные кандидатуры, и незнакомые женщины. Народ устал от российских мужиков, которые вырождаются...
- Дочь бывшего президента пойдет!
- Как в воду глядел! Это кандидатура номер один. Но об этом пока молчок! Кстати о женщинах! Я тут решил дочь замуж выдать.
- Не может быть! Кто этот счастливчик?
- А я чем не жених? – вскинул брови Мирский.
- Как? Она что, всё знает? Что не родная дочь?
- Олигарх кивнул головой и добавил:
- Вчера всю правду рассказал падчерице. После этого пришлось ее госпитализировать. Девичье сердце не выдержало правды, – цинично заметил Мирский.
- Немудрено, такого отца потерять! – с усмешкой отреагировал званный гость
- Зато достойного супруга обретет!
- Нет. И вообще, шеф, не нравится мне это! Разговоров в прессе не оберешься. Рокшилбрайтам тоже не понравится. Они могут нас отлучить от «зеленых». Там скандалы не любят!
- Наплевать!
- Может, лучше Анну за меня замуж выдать?

– Раскатыл губища, в зеркало погляди на себя, ведь страшной атомной войны!
– Обижает, шеф, столько лет любовниками были, а тут такой пассаж!
– Ладно-ладно. Я уже думал насчет тебя. Но у тебя ведь с твоей женой проблемы будут?

– Обойдется, разведусь! Пусть в Россию пилит...

– Ну, ты же внуч! Об этом все знают. Еще больше скандал будет!

– А протез зачем!

– Фу, какой извращенец!

– Шеф, да ты сам то, наверное, уже забыл, когда последний раз твой член шевелился?

– Вчера зашевелился.

– Не может быть! Молодец! Только вот, что я скажу, - Алекс нахмурил брови и выпучил глаза.

– Шеф, но это же все незаконно. Можно же под суд угодить!

– Не ссы, Алекс! Я все продумал и договорился, пока мы только обвенчаемся...

– Другое дело, ну шеф, ты голова!

Жирик многозначительно покачал головой.

– Я вот что думаю. Свадьба будет через полгода. За это время Анна должна будет прийти в себя. Охрана и наблюдение за ней должны вестись круглосуточно. Личный врач пусть держит нас в курсе всех дел!

– Уже все организовано.

– Еще одна деликатная просьба к тебе. Надо подобрать дородного здорового негра. Подарим Анне настоящую первую брачную ночь, а России, заодно, нового Пушкина – борзописца и совратителя юных красавиц!

– Ильич, не перестаю поражаться глубине твоего ума. Это по-нашему!

– Особо продвинутого интеллигентного негра не надо, чтобы его потом родственники не искали. Главное, чтобы здоровый был. Мне дети-внуки здоровые нужны.

В знак достигнутых договоренностей подельники выпили еще водочки и на этом расстались. На следующий день лондонский затворник отправился на международный форум в США, где представители фининтерна обсуждали проблемы изменения климата на планете Земля. Освещение данного мероприятия было возложено на медиамагната Рокшилбрайта.

Ритуальная свадьба

Последний год русский резидент работал с особым напряжением, но и с большим удовлетворением. Теперь он знал, что его информация востребована и оценена. Поселившись в пригороде английской столицы, разведчик не изменил своим правилам – начинать рабочий день с утренней зарядки, завтрака и получасового погружения в Интернет. Посредством информационной разведки во Всемирной паутине можно было легко не только оценивать произошедшие события в мире, но и прогнозировать характер и содержание действий сил, в той или иной степени противодействующих России. По дороге на работу Аркаим успевал проанализировать свежую информацию, еще раз обмозговать новые догадки и предположения, выработать алгоритм действий на весь день. И хотя левостороннее движение разведчику не нравилось, он с удовольствием проводил время за рулем хорошей английской машины. Его авто было оборудовано всем необходимым, чтобы он мог быть в курсе всех мировых событий и получить любую энциклопедическую справку не покидая салона.

В Москве всё больше и больше доверяли Аркаиму. На ценный источник ориентировались при оценке тех или иных событий, и даже принятии отдельных политических решений. Оперативная информация, которая поступала в центр, регулярно докладывалась и первому человеку в государстве. Вскоре, как и задумывалось, вокруг Аркаима постепенно стала формироваться сеть резидентуры в Шенгенской зоне Европы. Сразу было замечено, что действия российской агентуры в этом важном регионе мира становились всё более скоординированными, целенаправленными, а главное, результативными. Досрочное присвоение воинского звания «полковник» разведчику было еще одной наградой ценному резиденту за его особые заслуги перед государством.

Сам Аркаим свою разведывательную деятельность давно уже не воспринимал в узком смысле этого слова. За долгие годы жизни на чужбине он не раз мог убедиться в том, что разведка – это нечто большее, чем добыча ценных сведений в интересах армии. В связи с этим выпускник военной академии не раз вспоминал, как его учили мыслить не только категориями военной разведки. Из тех памятных занятий по метафизике, которые в альма-матер вел отставной резидент, разведчик вынес глубинный смысл понятия разведки как «ведения раз» – первоначала, «вития раз», или «развития». Это, ни много ни мало, означало постигать тайны мироздания, распознавать метафизические и цивилизационные коды эволюции вселенной. В правоте бывшего армейского резака Аркаиму пришлось убедиться, когда он погрузился в видимую и невидимую словесную брань на поле тотального информационного противоборства в мире. И тогда ход ежедневных мировых и региональных событий стал представляться более прогнозируемым.

Чем больших успехов в профессиональной работе добивался русский резидент, тем чаще он задумывался о мерах предосторожности. «Это добром не кончится!» – ловил он себя на мысли, понимая, как близко подошел к запретным и

тайным темам современного мироустройства. «Береженого Бог бережет!» – как заклинание, твердил себе Аркаим и полупшепотом произносил молитву. Теперь в его жизни наступили времена, когда приходилось принимать все меры безопасности. Информационная активность Аркаима, и прежде всего в сети Интернет, не могла не попасть в поле зрения недремлющей «шенгенской» цензуры.

На всякий случай разведчик, передвигаясь на своей машине по автотрассам Туманного Альбиона, всякий раз совершал лишнюю петлю, чтобы проверить наличие возможной слежки за собой. Ездить старался неприметно, соблюдая все меры предосторожности, на дорожные аварии, как по инструкции, реагировал с особой подозрительностью. Наличие слежки за собой Аркаим проверял не только сидя за рулем своего автомобиля, но и во время пешего передвижения по улицам городов. С момента переезда на работу в Англию как минимум дважды разведчик обнаруживал за собой подобие слежки. Однажды это было в Лондоне, а второй раз – во время командировки на международный форум по изменению климата в США. Оба раза профессионально уйдя от филеров²², опытный разведчик до конца так и не мог понять, стал он объектом наружного наблюдения спецслужб или нет.

Наряду с профессиональными тревогами, русского резидента на чужбине особо волновала судьба родных и близких, и прежде всего его детей. И если вести о выздоровлении жены и школьных успехах двойняшек, которые приходили из России, радовали и добавляли уверенности в работе, то информация о дочери не могла не расстраивать Пашидаса. За все это время дочь он видел только один раз, на вечере у Рокшилбрайтов. При встрече у него окончательно рассеялись все сомнения насчет генетического родства с русской девушкой по имени Анна. «Девочка моя! Вот я и нашел тебя! Папа рядом, все будет хорошо!» – всякий раз успокаивал себя отец, когда размышляя о судьбе дочери. А думал о ней разведчик почти каждый день. Проблема была в том, что, найдя дочь, Аркаим не мог никак раскрыться. Приходилось ждать и искать пути выхода из создавшегося положения.

События последнего полугодия заставляли Фаридани Пашидаса действовать, невзирая ни на какие условности своей профессии и обстоятельства. Дело в том, что он раньше, чем поползли скандальные слухи, узнал, что Мирский из России решил себя связать узами брака со своей падчерицей, которую в лондонских деловых и политических тусовках до этого момента воспринимали как родную дочь опального олигарха из России. И хотя эти намерения были явно незаконными, надо было действовать, не дожидаясь худшего развития событий. Узнав от Мариам, что Анна угодила в госпиталь после того, как ей было сделано предложение выйти замуж за Мирского, Пашидас предпринял немало шагов, чтобы вновь повидаться с дочерью. Но она находилась под неусыпным контролем со стороны людей беглого олигарха. При виде того, как Фаридани настойчиво ищет контакта с Анной и готов оказать девушке любую помощь, Мариам даже немного приревновала его к своей русской подруге. В сегодняшнем телефонном разговоре, ко-

---

22 – Люди, которые занимаются наружным наблюдением.

торый по инициативе Фаридани состоялся сразу после обеда, дочь Рокшилбрайта не смогла удержаться, чтобы язвительно не заметить:

– Мне кажется, вы чересчур много внимания уделяете девушке, которая скоро может стать женой другого мужчины.

Пашидас не сразу нашелся, что ответить в телефонную трубку. Управляя своим автомобилем, он перехватил телефон в другую руку.

– За тебя я еще больше беспокоюсь! Сейчас готовлюсь к твоей свадьбе, за мной подарок и цветы! – мужчина знал о намерении лорда Рокшилбрайт удачно выдать замуж свою афганскую дочь.

– Моя свадьба откладывается, лучше подумай, что Анне можно подарить! Ее бракосочетание реально и состоится уже через два месяца...

Девушка прервала телефонный разговор. Однако Пашидас уже знал, что свадьба дочери Рокшилбрайта откладывается неслучайно. Мариам должна была выйти замуж за одного из влиятельнейших людей в мировой закулисной политике. Престарелому члену английской палаты лордов девушка приглянулась давно, но жениться на ней он решил только после того, как она завершит учебу в Оксфорде.

«Здесь случайностей не бывает!» – рассуждал про себя Аркаим, сворачивая с главной дороги в сторону коттеджного поселка, где он проживал.

Сегодня он решил вернуться домой пораньше, чтобы поработать в сети «Интернет» в тиши своего уютного кабинета и вдали от посторонних любопытных глаз, которых хватало на работе в городском офисе. Подъехав к воротам, он загнал автомобиль в гараж. Прошел в дом, переоделся и решил вначале поесть. Сонм тревожных мыслей неотступно следовал за ним. Явная нервозность Рокшилбрайта во время разговора по телефону была еще одним весомым аргументом в пользу предположения о том, что в последнее время у шефа появились проблемы во взаимоотношениях с женой. Об этом же свидетельствовали и последние лондонские слухи. Было ли это связано с личными отношениями супругов или речь шла о том, медиамагнат попал в немилость у своих хозяев, Аркаим пока понять не мог. Более чем странное поведение Жангира в последнее время не могло не насторожить уже опытного разведчика.

Полный невеселых мыслей, разведчик встал из-за стола и поднялся по лестнице наверх, в спальню. Не раздеваясь, лег поверх покрывала, положив себе под голову руки. Мысленно сразу переключился на другую тему. Надо было еще раз обдумать план, созревший у него в голове в связи со свадьбой его дочери с Мирским. Аркаим давно уже для себя решил, что этого бракосочетания он не допустит ни при каких условиях. В мыслях о скором вызволении дочери из мерзкого плена беглого олигарха и возвращении ее на Родину Аркаим незаметно задремал. Между тем о будущем Анны тревожился не только отец, который находился неподалеку от дочери. Волновалась и родная мать Анны, волей судеб оказавшаяся на Северном Кавказе. Заболев неизлечимой болезнью, Алия с каждым месяцем чувствовала себя все хуже и хуже. Жила она в доме Джабраила на окраине города. Чеченцы ее сторонились, а помогала женщине еще одна русская рабыня, тоже инфицированная вирусом иммунодефицита. Несчастливая чаще всего сидела или лежала. Ее силы таяли прямо на глазах. Вставала, только когда надо было поесть

или справить естественные надобности. Однако настроение Алии внезапно поменялось, когда к ней ненадолго заглянули ее чеченский сын и его отец.

Мать, привстав со старой деревянной кровати, потянулась было к сыну.

– Сынок, родной мой!

Но мальчик только фыркнул и отпрянул от женщины. Перебросившись двумя-тремя фразами с отцом на родном наречии, мальчик выскочил из тесной комнаты, пропахшей женским потом.

– Как мальчик вырос! – вновь воскликнула мать.

Добрая открытая улыбка скользнула по постаревшему, большому лицу.

– Ему будет лучше не знать своей матери! Он чеченец, мужчина, русского языка почти не знает.

– На все твоя воля, Джабраил! – женщина покорно склонила голову и поправила на голове черный платок.

– Но есть и хорошая новость!

Алия подняла глаза на своего хозяина.

– Анна, твоя дочь, замуж выходит! Бог даст, с сыном поедет, пусть сестру поводит! Хуже не будет!

– Ох, радость-то, какая! Она уже в России?

– Нет, в Лондоне.

– За кого же?

– За твоего бывшего мужа, господина Мирского!

– Как? – женщина даже привстала с места.

– Я с сыном поеду на свадьбу, пускай с сестрой познакомится, хвала Аллаху!

– Возьми меня с собой!

– Куда ты такая заразная, еще в дороге подохнешь!

– Возьми, Христом Богом прошу!

– Ва-а, женщина, сколько тебе раз повторять, что со мной только с именем Аллаха надо говорить!

– Прости, Джабраил! После хоть убей меня, но только возьми с собой! Хочу перед смертью хоть одним глазом на дочку взглянуть! Пощади материнское сердце!

После этого памятного разговора Алия еще не раз предпринимала попытки уговорить кавказца взять ее с собой на берега Темзы. Она из последних сил демонстрировала хозяину, что уже начинает выздоравливать, стала даже следить за собой. Желание матери увидеть свою родную дочь было велико. И тогда грозный неподступный горец смилостивился перед мольбой несчастной больной женщины.

На берега Темзы гости с Кавказа прибыли лишь накануне церемонии бракосочетания Артема Ильича Мирского со своей падчерицей Анной. Как ни старалась Алия повидаться с дочерью до венчания, сделать это ей так и не удалось. Напрасно женщина умоляла кавказца вмешаться и остановить незаконную церемонию. В планы Джабраила не входило как либо светиться в английской столице. Своей нынешний приезд он совместил со встречами с единоверцами, которые помогали Чечне в борьбе за независимость от России отсюда, с берегов туманного Альбиона.

Всем приглашенным и «непрощеным» гостям из России Мирский предложил отметить акт бракосочетания в своем особняке. Отсюда Мирский планировал отправиться к месту регистрации брака и сюда же вернуться, чтобы ненадолго показаться перед многочисленными приглашенными, накоротке отметить знаменательное событие, а затем «по-английски» исчезнуть. Мирский давно уже не любил пышных публичных церемоний. К тому же уже вечером он с молодой супругой был приглашен в гости к баронессе Рокшилбрайт, а от таких предложений Артем Ильич не привык отказываться.

Утром свадебная церемония должна была начаться строго в назначенное время. Гости, репортеры и просто любопытные лондонцы собрались возле роскошного особняка скандально известного беглого олигарха из России в престижном районе Лондона. Охрана образовала небольшой коридор для выхода из подъезда жениха и невесты. Алия и Джабраил вместе с их малым сыном разместились в первых рядах собравшейся публики.

Аркаим не был приглашен на венчание своей дочери, однако сделал все, чтобы в этот день находиться рядом с невестой. Для этого им был разработан детальный план. Разведчик заблаговременно получил всю информацию о самой свадебной церемонии от Мариам. Сама девушка, решительно отказавшись от предложения Мирского быть свидетельницей на венчании в католическом храме, решила никак не участвовать в аморальном и незаконном бракосочетании.

В соответствии с намеченным планом Аркаим навел справки о заказанных свадебных лимузинах и их водителях, изучил маршрут движения автомобилей. В день венчания он, подменив водителя одного из арендованных свадебных автомобилей, должен был угнать лимузин с невестой и доставить Анну к зданию российского посольства, где ее уже должны были ждать, чтобы немедленно переправить самолетом в Россию. Операция не была согласована с руководством российской спецслужбы в Москве. Разведчик действовал по личной инициативе, напрямую через Русака, с которым несмотря на все запретные инструкции Москвы продолжал поддерживать связь. Сергей Николаевич сразу откликнулся и заверил друга, что решит вопрос с отправкой девушки в Россию, как только она окажется в российском посольстве в условленное время.

Пойдя на этот рискованный шаг, русский резидент в шенгенской зоне сильно рисковал, но по-другому он просто поступить не мог. Его отцовские оскорбленные чувства были сильнее голоса разума. Чтобы не быть узнанным, разведчик был вынужден даже пойти на изменение внешности. Он побрился, коротко подстриг волосы на голове. С утра в назначенный день надел светлый парик, оделся в униформу организации, которая предоставляла автоуслуги для свадебных церемоний. «Вылитый таксист!», – произнес Аркаим, еще раз оценивающе посмотрев на себя в зеркало.

В день бракосочетания Мирского со своей падчерицей погода была далеко не свадебной, а типично лондонской. С самого утра моросил мелкий дождь, который иногда прекращался, а затем опять возобновлялся. Периодически налетал порывистый ветер. Температура воздуха была не летней, поэтому горожане были вынуждены одеваться по погоде. Аркаим, облачившись в униформу свадебной автообслуги, чувствовал себя нормально и действовал уверенно.

До выезда автомобилей разведчик проник в салон одного из нарядно оформленных лимузинов, предназначенный для невесты, когда водитель ненадолго отлучился из машины. Вскоре колонна из трех свадебных машин выехала из автопарка и направилась к назначенному месту. Лимузин, предназначенный для невесты, ехал последним. Спрятавшийся человек неожиданно появился за спиной водителя и приставил к его голове муляж пистолета в тот момент, когда машина затормозила на перекрестке, не успев на светофоре проскочить вслед за двумя другими. Разведчик приказал водителю, а это был англичанин восточной внешности, после проезда перекрестка свернуть вправо и остановиться. Пока припарковывались, Аркаим объяснил перепуганному выходцу из Юго-Восточной Азии, что от того требуется. Для убедительности показал большую пачку денег, которую тот мог бы получить, если бы всё делал так, как ему велят.

В этот момент не кстати в салоне зазвонил мобильный телефон.

– Бери трубку! – скомандовал человек на заднем сиденье автомобиля. – Если беспокоятся, что отстал, скажи: сам приедешь, пусть не ждут!

По команде разведчика громоздкий, неуклюжий лимузин втиснулся в небольшое пространство между двумя автомобилями. Вчера, когда Аркаим обследовал близлежащие места парковки вдоль дороги, он, обнаружив стоявшие здесь несколько автомобилей, два из них вскрыл и проверил вместимость багажников. Свадебный автомобиль своим задом придвинулся вплотную к багажнику серебристого «хетчбека», стоявшего на обочине вплотную к тротуару. Разведчик и перепуганный водитель вышли наружу. Аркаим, не обнаружив признаков для особого беспокойства, подтолкнул водителя муляжом пистолета в сторону «хетчбека». Открыл багажник. Небольшого роста водитель забрался внутрь и разместился за задними сиденьями. Разведчик надел на руки и ноги пленнику наручники, засунул ему в рот кляп.

– Посидишь пару часов, а потом позовешь на помощь, скажешь, что тебя вытащили из машины и связали. Вот тебе за это деньги!

Аркаим засунул пачку купюр в карман водителю. Тот закивал головой, было понятно, что таких денег ему было бы непросто заработать за рулем даже свадебного лимузина. Тем не менее, на всякий случай разведчик, прежде чем закрыть багажник, приснул внутрь из газового баллончика.

Свадебные автомобили разведчик нагнал, когда они, развернувшись, плавно подкатывали к подъезду небольшого особняка. Проехав мимо остановившихся машин, Аркаим на своем лимузине занял место в свадебном кортеже дорогих машин. Немного успокоившись, он начал внимательно наблюдать за всем происходящим через зеркала заднего вида и боковые стекла с легким затемнением.

Стояла типичная лондонская погода. На улице заморосил дождик. Публика возле особняка стала открывать зонтики. Аркаим наметанным взором еще раз оглядел толпу любопытных, собравшихся поглазеть на скандально известного олигарха и его падчерицу, которые должны были в этот пасмурный день вступить в религиозный брак. Из толпы стоящих людей разведчик быстрым взглядом вырвал странную на вид женщину, одетую во все темное, с повязанным на голове платком. «Не может быть! Неужели это Ольга, Мирская?» – чуть не вскрик-

нул разведчик, сразу узнав свою первую юношескую любовь, мать невесты и бывшую жену Мирского. «Что она делает здесь?» – заволновался Аркаим.

Дверь в подъезде раскрылась. Невеста и еще одна нарядная девушка в светлом платке, которой, видимо, была отведена роль свидетельницы, в тесном окружении нескольких секьюрити первыми появились перед собравшимися людьми. Над девичьей парочкой мужское охранение вмиг раскрыло большие черные зонты. Любопытная публика дружно зашумела. Фоторепортеры принялись щелкать затворами аппаратуры. Оператор с камерой на плечах пытался вырваться из толпы, как можно ближе подойти и запечатлеть красивую невесту в белоснежном одеянии. Невеста была настолько же хороша, насколько грустна. Охранники всю работу делали руками, чтобы удержать любопытную публику за пределами тротуара, ведущего из дверей особняка к машинам.

В этот момент женщина, облаченная в темную одежду, решительно рванулась из толпы наперерез невесте и свидетельнице, проходящим мимо. Ее истеричный крик на мгновение прервал гомон любопытной толпы.

– Аня, доченька, родная моя! Я здесь, мама твоя!

Женщина, одетая на восточный манер, будучи не в силах прорваться к своей дочери, повисла на руках двух охранников. Сзади ее изо всех сил старался удерживать какой-то мужчина. Аркаим не знал, что это тот самый чеченец Джабраил, в наложницах у которого оставалась русская больная женщина с восточным именем Алия. Сейчас ему было не до него, из окна машины он внимательно наблюдал за невестой.

Анна мгновенно обернулась на крик из толпы собравшихся людей. Она почти сразу признала свою родную мать и бросилась ей навстречу.

– Мамочка моя, любимая, родная! – зарыдала Аня.

Однако секьюрити, видимо, специально проинструктированные на случай непредвиденных обстоятельств, ловко подхватили девушку на руки и быстро понесли ее в свадебный лимузин. За ними следом быстро семенили ногами свидетельница и мужчина, немного прихрамывающий на одну ногу. Их лица показались Аркаиму очень знакомыми. В следующую секунду он узнал обоих. Это были Жирик и его жена Наташа. «Все пути ведут в Лондон!» – спокойно произнес разведчик. Более того, он был готов к этому, заранее зная о том, что Жирику будет принадлежать главная роль в организации всей свадебной церемонии.

Душераздирающие крики матери и дочери, сотрясшие воздух, невольно наэлектризовали толпу, вызвали шум и движение среди собравшихся вокруг подъезда людей. Когда в дверях подъезда появился жених, в толпе еще сильнее загалдели. Мирский, пригнув голову, спрятавшись под большим черным зонтом, спешил к свадебному лимузину, предназначенному для жениха и свидетеля. Однако он не сумел проскочить мимо плотного коридора любопытных глаз.

– Мирский, Артем! Артем Ильич! Мне надо сказать тебе... вам очень важную вещь!

– Как она здесь оказалась?

Жених, еще вчера узнавший о приезде в Лондон на свадьбу дочери своей бывшей жены, сделал непонимающий вид. Однако, видимо, во избежание ненужного скандала, кривотолков и ненужных сцен он решил переговорить с матерью пад-

черицы на глазах у публики. Мирский знаком руки разрешил пропустить к себе свою бывшую жену. Как только женщина в темном одеянии приблизилась к жениху, она резко взмахнула рукой. В воздухе мелькнуло лезвие ножа. Удар пришелся в грудь, прямо под сердце жениху. Раздался истошный крик. В глазах мужчины застыл ужас. Грузное тело жениха стало медленно опускаться вниз, а руки еще цеплялись за платье женщины, которая не отпускала свою жертву. Не дав никому опомниться, она вцепилась зубами в горло упавшему человеку. Кровь брызнула во все стороны. Оторопевшая охрана пришла в себя, когда тело олигарха было уже безжизненным. Двое охранников с трудом оттащили от мертвого тела женщину с обезумевшими глазами, распущенными волосами, окровавленными лицом и руками.

Аркаим издалека не очень понимал, что сейчас происходит на тротуаре перед подъездом, так как ему в салон охранники силой стали вталкивать невесту. Разведчик сидел на месте водителя, не шевелясь. Охранниками руководил Жирик. Это он, видя, что секьюрити с трудом удерживают девушку, громко кричащую и рвущуюся из их рук, вынул из кармана газовый баллончик и прыснул прямо в лицо девушке. Водитель свадебного лимузина еще больше сжался и напрягся. Аня, глубоко вздохнув, потеряла сознание. Сразу себя плохо почувствовали и охранники. Один из них медленно опустился на землю. Жирик сам втолкнул невесту на заднее сиденье. Знаком приказал жене сесть в машину с другой стороны. Женщина безропотно обошла свадебный лимузин и устроилась на заднем сиденье.

Несмотря на то, что они долго не виделись, разведчик сразу узнал своего одноклассника. О его переезде вместе с Мирским в Лондон он знал и даже поначалу пытался отслеживать их дела, однако потом стало не до них. «Скотина, убить мало!» – прошипел Аркаим, но даже не повернул головы в сторону Жирика. Однако, как только тот отошел от машины, бросившись на крик своего шефа, водитель свадебного автомобиля, в котором находились невеста и свидетельница, плавно тронулся с места и стал набирать скорость. Пассажирка на заднем сиденье обернулась в сторону заднего окна и сразу обратилась к водителю. Изъясняясь на плохом английском, она потребовала немедленно остановиться. Разведчик, не поворачивая головы, сказал, что едет сейчас в госпиталь, чтобы оказать помощь пострадавшей девушке. Однако на всякий случай он щелкнул кнопкой закрытия всех дверей и прибавил скорости. Жена Жирика, не зная, что делать дальше, попыталась привести невесту в чувство. Через зеркало заднего вида разведчик увидел, что у девушки дрогнули веки и она слегка приоткрыла глаза.

Водитель резко притормозил и остановился.

– Быстро выходите, приехали!

Он щелкнул кнопкой закрытия дверей, вышел из машины и открыл заднюю дверь.

Свидетельница нерешительно вылезла из машины наружу. Только она хотела о чем-то спросить водителя, как он захлопнул за ней дверь и вновь сел за руль автомобиля. Водительская дверь закрылась следом, и лимузин помчался по улице, набирая скорость. Не понимая, что происходит, свидетельница, оставшись на улице одна, без невесты, еще какое-то время продолжала крутить головой по сторонам.

Примерно через полчаса нарядный автомобиль остановился неподалеку от красивого старинного особняка, в котором размещалось российское посольство. По дороге разведчик успел перезвонить по мобильному телефону, что уже едет, поэтому свадебный лимузин здесь уже ждали. Молодой человек не старше тридцати лет вышел из дверей посольства и быстро направился к машине. Аркаим, бережно подхватив дочь на руки с заднего сиденья, направился навстречу сотруднику посольства. Молодой человек, ничего не спрашивая, принял живой груз в свои руки. Аня открыла глаза.

– Где моя мама? Где я? Кто вы?

Аркаим, не сказав ни слова, удалился. Свадебный лимузин он бросил на обочине, немного не доехав до того места, где стояла его личная машина. Сев за руль своего авто, начал быстро менять свой внешний облик. Снял парик, скинул куртку. Автомобиль разведчика стремительно набирал скорость, удаляясь от английской столицы. Автомобильное радио передавало новости часа. Весть о смерти беглого русского олигарха от рук неизвестной женщины уже гуляла в эфире. Уже позже, при подъезде к своим загородным апартаментам, разведчик узнал подробности. Женщина в восточном одеянии тоже погибла. «Иностранка отравилась ядом, который держала во рту под языком», – бодро завершил свое криминальное сообщение диктор английской радио.

Русский резидент успокоился только через двое суток после этих событий, когда стало ясно, что его дочь в безопасности. В России Анна поселилась в семье Русака. Она сразу понравилась всему большому и дружному семейству. Мальчишки, от младших, еще ходивших в школу, до самого старшего, который уже был офицером одной из российских спецслужб, проявляли к ней свои искренние симпатии, чем могли, старались утешить и приободрить девушку, перенесшую сильное эмоциональное потрясение. О том, что в ее чудесном избавлении вместе с ее мамой принял участие и ее родной отец, Анна узнает немного позже, как и о том, что у нее есть еще два младших брата по отцовской линии. А значит, жизнь продолжится, наполняясь новыми радостями, смыслом и надеждами.

Тегеран-08

Авиалайнер из Европы приземлился в международном тегеранском аэропорту вечером. Несмотря на летнее время года, восточный мегаполис уже погрузился в темноту. Русский разведчик за долгие годы пребывания на Востоке давно уже свыкся с тем, что по мере близости к экватору темнеет раньше. Старинный восточный центр древнейшей цивилизации расположился на безлесной возвышенности у южного склона Эльбурских гор. Еще при посадке самолета с высоты птичьего полета по огромному океану разноцветных огней можно было представить себе огромные размеры восточного города.

Мариам Рокшилбрайт и Фаридани Пашидас одними из первых прошли таможенный и пограничный досмотр. Девушка была очень взволнованна – она впервые оказалась на родине своего отца. Ее спутник тоже с большим интересом смотрел по сторонам. Аркаим попал наконец в страну, язык которой он три года штудировал в военной академии.

В небольшом душном аэровокзале толпилось много встречающих. В глаза сразу бросалось большое количество женщин в темном одеянии, мужчин без галстуков и малых детей в разноцветной пестрой одежде. Несмотря на теплое время года, в соответствии с шариатскими нормами, женщины были покрыты легкими платками, а их одежда, в основном плащи, скрывали фигуры. Мариам невольно поправила на голове хиджаб. Взглянула на своего спутника. Тот успокоил девушку своей доброй улыбкой.

В этот теплый тегеранский вечер гостей из Лондона встречали. Едва они оказались в зале встречающих, как к ним подошел мужчина средних лет, одетый в черный костюм и белую рубашку с воротником-стойкой без галстука. В левой руке он держал темно-зеленые четки, которые непрерывно перебирал пальцами, а в правой – табличку с надписью на иранском языке. Аркаим быстро прочитал название международной конференции, место и время проведения. Он знал, что в аэропорту его должен был встречать представитель оргкомитета международного форума, на котором должны были обсуждаться проблемы сотрудничества, стабильности и безопасности в регионе Персидского залива.

Человек с табличкой в руке с приветливым выражением лица, на восточный манер приложив руку к груди, поздоровался с гостями.

– Салом, чешме ма роушан!²³ – Пашидас сразу нашелся что ответить. Иранец, по восточной традиции, спросил еще о здоровье и самочувствии. При этом он обращался главным образом к мужчине, словно не замечая стоящей рядом молодой красивой женщины, также прибывшей сегодня из Европы.

В эти первые минуты пребывания на иранской земле настоящая персидская речь из уст носителя языка почудилась Аркаиму песней. Мелодия знакомых зву-

---

23 – Здравствуйте, рад вас видеть! (пер. с дари).

ков и смыслов в одно мгновение перенесла разведчика в другое культурно-смысловое измерение. «И впрямь французский язык Востока», – разведчик вспомнил, как языковые преподаватели военной академии называли фарси. «Не сразу всё поймешь!» – разведчик ловил себе на мысли, что отдельные персидские слова не понимает.

Вежливо сопроводив гостей из душного аэровокзала наружу, иранец сделал едва заметный знак рукой. К стоящим на выходе людям подошел молодой человек. Коротко поздоровавшись, он взял в руки чемоданы Мариам и быстро понес к машине. Заметив некоторое недоумение в глазах гостя, мужчина коротко пояснил:

– Извините, но автомобиль уже ждет. До места вас проводит наш представитель. Она уже идет к нам.

К гостям подошла миловидная иранка, приветливо поздоровалась и тут же, извинившись перед незнакомцем Пашидасом, ушла.

Оставшись наедине с гостем, иранец непринужденно заговорил первым:

– Если я не ошибаюсь, вы мне должны передать «черную флешку».

В общении с иранцем ключевым словом было название электронного носителя. После произнесения этой фразы Аркаим должен был отдать флешку незнакомому человеку. Он полез в карман. Но иранец жестом остановил его. Они прошли от горящих огней здания аэровокзала в сторону, к стоящему в темноте автомобилю.

Уже в дороге гость передал «черную флешку» иранцу, который сам управлял автомобилем. По пути в гостиницу разговора не получилось. С трудом различая за окном очертания ночного города, Аркаим был занят своими мыслями. Из головы у него никак не выходил последний разговор с Рокшилбрайтом, который состоялся позавчера вечером, почти сразу по возвращении из Швейцарии. Там они вместе принимали участие в одном закрытом заседании по линии фининтерна. Речь шла о введении новой мировой валюты взамен американского доллара, который с недавних пор все больше стал испытывать трудностей.

В этой поездке разведчик неожиданно по-новому открыл для себя эту удивительную по красоте и обустроенности альпийскую страну. «Скорее она, а не Англия, является тем местом, где находится «кухня» и готовятся главные рецепты мировой политики», – долго еще размышлял Аркаим по поводу увиденного и услышанного в той памятной поездке.

Медиамагнат Рокшилбрайт нагрязнул к своему подчиненному в пригород под вечер, чего раньше никогда не было. Выйдя встретить гостя, русский резидент не мог не обратить внимания на то, что шеф сам сидел за рулем автомобиля. Рокшилбрайт вылез из машины, сухо поздоровался и предложил прогуляться. Он был явно расстроен, хотя и старался говорить спокойно.

– Ну, покажи свои владения и достопримечательности там, где обитает холостяк Пашидас.

– Мне нравится. Тихое место. Я люблю вечером гулять здесь, – Фаридани повел рукой в сторону дорожки, ведущей в парк.

Однако Рокшилбрайт решил больше не отвлекаться и сразу заговорил о том, зачем приехал к своему подчиненному:

- В Иране приходилось бывать?
- Нет.
- Готовься, завтра вылетаешь в Тегеран на международную конференцию по Персидскому заливу!
- Мы же только из Америки приехали, не успел отдышаться!
- Вот и отдохнешь. Современный город, восточная кухня, горный воздух, возможность послушать мудрых людей и понять их правду!
- На сколько дней?
- Командировка не больше недели, но речь идет не только о конференции...
- Слушаю.
- Мариам поедет тоже, надо же ей когда-то повидать родину ее предков!
- Что-нибудь случилось?
- То, что давно должно было случиться, уважаемый коллега! Для меня наступают не лучшие времена. Наверное, известно, что я уже больше не допущен к телу баронессы Рокшилбрайт, в прямом и переносном смысле.
- Аркаим не посмел перебить своего руководителя, хотя его так и подмывало сказать что-то вроде: «Со всеми вытекающими последствиями!».
- Однако Рокшилбрайт словно разгадал мысли собеседника.
- Как ты уже понимаешь, со всеми вытекающими последствиями, - шеф продолжал обращаться к подчиненному на «ты».
- Аркаим продолжал молчать.
- Так уж вышло, что в нынешней ситуации мне особо не на кого положиться, кроме как на тебя. Извини на вас, – он внимательно взглянул на собеседника.
- Спасибо за доверие.
- К тому же, если со мной что случится, то и тебе не поздоровится, будешь следующим.
- Я всё понимаю. Что надо делать?
- Прежде всего, надо Мариам переправить в Иран. Она – самое уязвимое мое место здесь.
- Это же не пройдет незаметно.
- Другого выхода я не вижу. Кстати, ты тоже мог бы не возвращаться уже больше назад. В Иране будут все возможности для работы и жизни. Я раньше всегда был против ваших отношений с Мариам, но сегодня все изменилось. А дочка любит тебя, я это точно знаю. Понимаю, что у Пашидаса есть своя история личной жизни, хотя мне ничего толком не удалось прояснить на этот счет, но, может быть, – это судьба для вас обоих. Мне, как отцу, хотелось бы, чтобы моя дочь была, наконец, счастлива, а у меня появились долгожданные внуки. Ведь Мариам уже не юная девочка. Ей давно пора иметь детей!
- Аркаим, слегка отвернувшись в сторону, продолжал молчать.
- Но я не вправе принуждать никого. Наконец, если надумаешь вернуться прямо из Ирана в Россию, тебе тоже будет оказана любая помощь.
- Извините, что перебиваю. Спасибо за доверие и доброе отношение ко мне. Однако не могу не заметить: если еще и я не вернусь из Тегерана, то тем более нам не остаться вне подозрений.
- Но у меня нет другого выхода!

– Выход всегда есть!

– Не понял?

– Я возвращаюсь назад, а Мариам исчезает и пропадает без вести или ее задерживают власти... – Фаридани сделал небольшую паузу.

– Затем вы обвиняете иранские спецслужбы и власти во всех грехах, требуете немедленного возвращения дочери. Устраиваете скандал в СМИ. Думаю, сроботает. Нашим хозяевам в Лондоне сейчас нужен любой повод, чтобы спровоцировать удары по Ирану.

– Коллега, вы, видимо, плохо понимаете, с кем имеете дело. Эти люди не просто сильные мира сего. Они не одно столетие правителей и народы водили за нос, а наше дилетантство сразу распознают.

– И все-таки надо рисковать! Иначе...

Собеседники незаметно перешли невидимую грань в своих отношениях. Все эти годы она разделяла двух разведчиков. Но сейчас они вынуждены были говорить почти открытым текстом. Теперь они общались на английском языке, но жестикация рук, выражение глаз и мимика помогали им безошибочно понимать друг друга. Невидимое духовное родство сближало и позволяло верно действовать даже в такой экстремальной ситуации.

– Хорошо, я подумаю, – Жангир первым прервал возникшую паузу. – Однако моя дочь ни о чем не должна даже подозревать.

– Без комментариев!

– И еще один момент. В Тегеране тебя встретит человек с табличкой и четками в руках. Ему надо будет передать очень важную информацию. Запомни пароль: «вы мне должны передать «черную флешку»! Вот она! – Рокшилбрайт достал небольшого размера электронный носитель.

– Серьезная информация?

– Речь идет о новых провокациях против Тегерана, возможных военных ударах по Ирану и агрессии Грузии на Кавказе. Ну, а главное – в ближайшее время будет спровоцирован глобальный финансовый кризис.

– С материалами можно будет ознакомиться?

На этот вопрос Жангир никак не среагировал, а заговорил вроде бы на другую тему.

– Еще раз прошу ни во что не посвящать дочь. Мариам прежде всего едет на международную конференцию, а уже потом – на родину своего отца в Исламскую Республику Иран.

Воспоминания разведчика неожиданно прервались. Иранская легковушка резко затормозила на перекрестке. Пассажир на заднем сиденье справа, немного качнувшись вперед, инстинктивно схватился за спинку переднего сиденья. Поймал взгляд водителя в его зеркале заднего вида. Кинул взгляд в правое боковое окно. Включился зеленый свет светофора. Машина вновь стремительно понеслась по полупустым улицам ночного Тегерана. Быстро проскочив остаток пути, автомобиль свернул с главной дороги и плавно подкатил к парадному подъезду многоэтажной гостиницы, сверкающей в ночи иллюминацией огней.

– «Эстекаль» – один из лучших отелей в столице, находится в северной части города, где всегда прохладнее и легко дышится. Добро пожаловать!

Водитель жестом предложил своему спутнику выйти наружу. Дверь машины предусмотрительно уже открывал стройный швейцар в униформе, похожей на генеральский мундир. Он коротко поприветствовал гостя на английском языке, забрал вещи и первым вошел в крутящиеся входные двери.

Оказавшись в просторном холле, Пашидас осмотрелся. Несмотря на поздний час, на помосте в самом центре зала за столиками сидело много людей. Они вели неспешные разговоры, пили чай, кофе, прохладительные напитки, курили. Оформив документы у регистрационной стойки, Пашидас в сопровождении иранца, встретившего его в аэропорту, и швейцара с чемоданом в руках, поднялся на лифте на шестнадцатый этаж. Гостиница ему понравилась. Оставшись в номере один, он осмотрелся. Пастельные тона стен, украшенных восточным орнаментом, большая кровать посередине, телевизор и холодильник, туалет и ванна, отделанные металлом, – все это создавало некий уют и производило хорошее впечатление. По профессиональной привычке осмотрел номер на предмет наличия «жучков» и других возможных сюрпризов. Затем подошел к завешенной шторой на стене и раздвинул ее. Через окно размером со стенной проем открылась панорама ночного города. Переливающийся огнями Тегеран был внизу, как на ладони. Море огней с одной стороны убегало за горизонт, с другой прерывалось, видимо, соприкоснувшись с рельефом склонов гор, почти неразличимых на фоне звездного ночного неба.

На удивление, русский резидент заснул сразу и очень рано проснулся. Кондиционер работал так хорошо, что в номере было даже прохладновато. Сразу включил телевизор и стал переключать каналы. На одном из них громко прокричал породистый красно-желтый петух, началась коллективная физзарядка, на которую, как следовало из видеосюжетов и сопровождавших его синхрон²⁴, собралась вся страна от мала до велика. На другом телеканале с самого утра пышная восточная женщина уже исполняла мелодичную песню о любви и дружбе и танцевала на индийский манер на фоне изумительных пейзажей экзотической природы. С других сюжетов о спорте постоялец номера переключился на новости. Дикторы телевидения: мужчина средних лет в черном костюме и белой рубашке с воротником-стойкой и молодая женщина в строгой одежде с платочком на голове – подчеркнуто официально представляли новости. На телеэкране мелькал калейдоскоп коротких сюжетов – о деятельности и планах руководителей ИРИ, встречах с общественностью и рядовыми гражданами, контактах с представителями зарубежных стран. Аркаим сразу обратил внимание на то, что в местном эфире превалирует информация созидательной, мобилизующей и даже какой-то приободряющей направленности, что разительно отличает его от западного телевидения скандальных сенсаций, катастроф и моральной распушенности.

В эту секунду появившийся новый телесюжет еще больше увлек разведчика. На экране речь шла о предстоящей международной конференции в Тегеране. Как сообщал диктор, на форуме мыслители, исследователи и юристы из Ирана, а

---

24 – Дикторский текст за кадром.

также представителей многих стран мира будут обсуждать вопрос о безопасности и сотрудничестве в регионе Персидского залива. В прямом эфире интерес к конференции подогревали местные эксперты. К сожалению, подчеркнул один из них, увеличение военного присутствия и влияния чужеземцев в регионе ведет к еще большей напряженности, поскольку эти державы не желают для Персидского залива безопасности, а стремятся реализовать свои корыстные интересы. Другой аналитик, которого представили как директора тегеранского исследовательского института, дал жесткую отповедь планам США и их союзников по НАТО нанести военные удары по ИРИ и спровоцировать войну в регионе. Сразу после него на экране появился какой-то крупный военачальник Корпуса стражей исламской революции ИРИ. Аркаим не разобрал его имени. Генеральское краткое выступление в жесткой форме о готовности армии дать решительный отпор любому агрессору сопровождали сюжеты о боевой мощи вооруженных сил Исламской Республики Иран. «Вот это страна, вот это народ!» – невольно вслух воскликнул разведчик, по-хорошему позавидовав такой сплоченности и готовности иранского общества противостоять врагу.

Он еще раз щелкнул переключателем каналов. На экране появились картинки коллективного утреннего намаза. Вновь нажал на кнопку пульта. Оказалось, попал на канал англоязычный канал. Это был CNN. Привычные телезаставки и звуки, дикторы-роботы замелькали на бурлящем телесюжетами экране. «Вот это демократия, плюрализм мнений! Вот тебе и Иран – закрытая страна, оплот исламского фундаментализма!» – усмехнулся Аркаим. Между тем на канале шел синхрон о ситуации в Закавказье. Разведчик прислушался к быстрой английской речи. По телесюжетам он сейчас и без информации, снятой с «черной флешки» Рокшилбрайта, своим профессиональным чутьем сразу учуял все признаки информационной войны, предвестницы вероятного вооруженного конфликта в регионе.

Однако пора уже было вставать. Часы показывали половину восьмого. Приняв душ и одевшись, Аркаим вновь подошел к окну и раздвинул шторы. Утро было ясным и солнечным, а значит, ничего, кроме дневной жары, не обещало. Утренняя панорама города, на удивление, была другой. Первое, что бросилось в глаза, – это запруженные автотранспортом улицы. Машины были самые разные, и современные, и не очень, не только западного и японского производства, но и неизвестного для Аркаима происхождения. С высоты шестнадцатого этажа даже ему, давнему любителю и ценителю автомобилей, было непросто разглядеть бегущие и медленно ползущие внизу автомобили. «Однако трафик не стоит на месте – движется дорога!» – сразу подметил разведчик.

Окинув взглядом близлежащие улочки, жилые кварталы, огороженные территории со спящими детьми, спортивные площадки, какие-то небольшие производства, размещенные неподалеку от гостиницы, Аркаим вдруг понял, что все эти приметы удивительным образом напоминают ему хорошие времена еще советской действительности. Он невольно задумался. Мысли о том, что в многонациональных государствах, каким был СССР и каким сегодня остается Иран, видимо, нельзя консолидировать общество без наличия объединяющей идеологии, еще не раз возникнут у него в голове во время нахождения в Тегеране.

От этих размышлений Аркаима отвлек звонок по телефону. Звонила Мариам. Ее приятный бодрый голос сразу поднял настроение. Она одновременно говорила то то на английском языке, то на фарси, хотя и с изрядной примесью доризов. Обговорив планы на сегодняшний день, они договорились встретиться через час. Девушка любезно предложила заехать за Пашидасом в гостиницу.

Международная конференция начинала свою работу завтра, а сегодняшний день Мариам и Пашидас решили провести вместе и ознакомиться с достопримечательностями старинного восточного города. Оказавшись в центре, они прежде всего осмотрели старинную цитадель с шахским дворцом. От него, подобно лучам солнца во все стороны расходились прямые улицы, обсаженные каштанами и платанами, сады, парки с правильными квадратами кварталов, застроенных домами европейского образца.

За несколько часов самостоятельной экскурсии Мариам и Пашидас сумели доехать на метро до станции Харам-е Мотахар и прогуляться до кладбища, где похоронены тысячи солдат, убитых в ирано-иракской войне 1980–1988 годов. Посмотрев на их фотографии и памятные вещи в стеклянных ящиках у могил, Аркаим был поражен отношением иранцев к сбережению памяти о соотечественниках, погибших на войне. И конечно, они не могли не побывать в мавзолее имама Хомейни, где за оградой под пластиковым венком был погребен лидер исламской революции. После этого Мариам и Пашидас хотели было еще посетить Музей современного искусства, но оказалось, что сил уже больше нет.

Решив отведать восточной кухни, уставшая парочка уже на такси отправилась в старую часть Тегерана. За рулем машины была миловидная молодая иранка, которая встречала Мариам в аэропорту в день приезда. Она, уверенно справляясь с напряженным трафиком, исполняла обязанности гида, подробно рассказывая о проплывающих за окном городских картинках. Более колоритная азиатская, или южная, часть города с кривыми, грязными и пыльными улицами, домиками, спрятавшимися за высокими глинобитными стенами, потрескавшимися, облупившимися от времени, – не могла не вызвать интереса и производила сильное впечатление. Множество мелких и покрупнее частных лавчонок, едва освещаемых дневным светом, наполняемых истошными криками зазывал, кустарных мастерских, из которых несли неистовый перестук молоточков чеканщиков по серебру и меди, составляли восточное лицо города. Иранка за рулем автомобиля продолжала тараторить как по писаному. Аркаим не мог не отметить про себя, что она была человеком явно подготовленным во всех отношениях. «Английским владеет хорошо, машину водит лихо, начитанна, наверняка сотрудница иранской спецслужбы!» – мелькнуло у разведчика в сознании. Он невольно обернулся назад. По узкой улочке следом за ними на небольшом расстоянии двигался минивэн серебристого цвета. Эту машину Аркаим уже видел, когда они только отъезжали от гостиницы «Эстеклаль», направляясь на экскурсию в центр города.

Мысли разведчика от преследовавшей машины на разговор в салоне переключил какой-то вопрос Мариам, который она неожиданно задала водителю.

– Да, здесь располагаются мусульманские мечети, минареты, медресе, восточные бани, караван-сарай, а главное, многочисленные своеобразные восточные

базары – эти маленькие Сити, отражающие не только экономическую, но и политическую конъюнктуру страны, – невольно выдала свои неординарные познания с виду обычная женщина Востока с повязанным на голове платком.

Машина с гостями стала выруливать из узкого переулка. Аркаим слегка коснулся руки Мариам и показал глазами на стоящий на обочине большой двухэтажный автобус, на борту которого вместе с рекламой западных и японских фирм соседствовала крупная надпись на языке фарси. «Хиджаб – хафез-е ханеваде!»²⁵ – прочитал про себя разведчик.

Но девушка не поняла немого вопроса своего спутника. Тогда Пашидас попросил водителя перевести надпись на борту автобуса.

– Женский головной убор – хранитель семьи, – бойко отвечала на английском языке иранка, несмотря на то, что гости с ней пытались общаться на фарси.

Мариам, встретившись глазами с Фаридани, нежно улыбнулась.

Миловидная иранка за рулем автомобиля, которая так подробно рассказывала о достопримечательностях старого города, предложила гостям остановиться и пообедать неподалеку от площади Тун-Хане возле городского крытого базара. Мариам и Пашидас попросили водителя их не сопровождать, обещали вернуться назад через пару часов. Пройдя метров сто, они решили зайти в небольшой ресторанчик. Здесь звучала негромкая традиционная персидская музыка. Заказали воду, зеленый салат, люля-кебаб с шафрановым рисом и помидорами на гриле. Пашидас попросил молоденького официанта принести еще суп дизи из ягнатины, крупного желтого гороха и хлеба в глиняном горшочке. Тот, в свою очередь, любезно предложил гостю отведать местного безалкогольного пива.

– Ну да, алкоголь здесь у вас запрещен! – невольно вырвалось у Пашидаса.

После стольких лет знакомства Мариам и Пашидас впервые были по-настоящему счастливы только от одной возможности провести вместе столько времени. И даже присутствие за соседним столиком человека, вышедшего вслед за ними из минивэна, не могло омрачить радости их совместного отдыха. За столом говорили обо всем. Аркаим не мог не поинтересоваться тем, где Мариам остановилась. Девушка поведала о чудесном приеме, который уже ночью ей устроили родственники по отцу. Из разговора с Мариам разведчик понял, что она, скорее всего, не в курсе планов своего отца, который решил оставить дочь жить в Иране.

Когда за соседний столик села стайка студентов, которые громко обсуждала нюансы иранской кинематографии, Мариам и Пашидас решили покинуть ресторанчик. Предупредив своего водителя, они направились на местный рынок, чтобы прикупить сувениры в Лондон. «Бедная девушка, а ведь ей придется остаться в стране, где она фактически никого не знает! И она даже не подозревает об этом!» – подумал Фаридани.

Обойдя огромную территорию базара, спутники, с сувенирами в руках, заглянули в большую ювелирную лавку. От увиденного огромного количества украшений у девушки округлились и загорелись глаза. Пашидас понял, что, если он сейчас не сделает девушке достойного подарка, он себе этого никогда не простит.

---

25 – Хиджаб (женское головное покрывало) – хранитель семьи (пер. с перс.).

«Пусть хоть что-то останется на память о наших добрых и чистых отношениях!» С этой мыслью он обратился к хозяину заведения, который сам любезно встретил посетителей, выйдя из какой-то двери в глубине магазина.

– Сэр, прошу вас сделать самое лучшее предложение для моей дамы! – на английском языке попросил Фаридани Пашидас.

Мариам смущенно заулыбалась, потупив взор своих красивых глаз. После доброго часа, проведенного за выбором и примерками редких ювелирных изделий, Мариам в последний раз посмотрела на себя в большое магазинное зеркало.

– Других таких в Тегеране не найдете, дешевле цен не бывает! – на английском языке одобрил покупку хозяин ювелирного заведения.

– Большое спасибо! – девушка радостно поблагодарила немолодого иранца.

– Даже в Национальном музее таких драгоценностей не найдете! – добавил хозяин магазина.

– С ума можно сойти! – устало бросил Пашидас.

Было непонятно, обрадовался ли Пашидас окончанию бесконечных примерок, удивился цене или восхитился редким дорогим украшением.

Мариам с радостью кинулась к своему спутнику, чтобы его обнять и поцеловать. Но ювелир жестом и словами остановил ее невольный душевный порыв.

– Иран – исламская страна, нельзя, харам! Иначе полиция нравов, – как мог, иранец пояснил на английском языке, что в Иране не поощряется проявление чувств в общественных местах.

Когда уже стало темнеть, уставшие от дневных хождений Пашидас и Мариам вернулись в северную часть города. Девушка, склонив голову на плечо своему спутнику, дремала. Аркаим был занят своими мыслями. Его не покидали мысли о том, что в этой поездке он, специалист по Ирану, фактически открывает для себя новую страну – Исламскую Республику Иран, так не похожую на ту, которую изо дня в день мировой общественности преподносят западные СМИ. Восточные колоритные картинки и пейзажи здесь тесно соседствуют и прекрасно уживаются с самыми современными достижениями так называемого мирового прогресса, не противоборствуя, а органично дополняя друг друга. «И конечно же, чем-то удивительным образом напоминают советскую действительность!» – вновь и вновь приходил к этой мысли разведчик.

Автомобиль, подъехав к гостинице, остановился. Фаридани и Мариам отошли в сторону. Мужчина, стараясь упредить какую-либо нежелательную инициативу девушки, заговорил первым.

– Спасибо за прекрасный вечер. Завтра встречаемся на конференции, договорились?

Однако девушка продолжала заглядывать в глаза своему спутнику. Выражение ее лица было одновременно серьезным и грустным.

– Ты не хочешь пригласить меня к себе в номер и угостить ужином?

– Разве это возможно? Иран – исламская страна, харам аст!²⁶

– Милый Фаридани, запретить любить человека не может даже Всевышний!

---

26 – Запрещено! (пер. с фарси).

Поцелуй любви желанной, он с водой соленой схож, чем сильнее жаждешь влаги, тем неистовее пьешь! Стихи какого персидского поэта, а?

На следующий день Мариам и Пашидас встретились уже прямо на конференции. Фаридани приехал на такси из своей гостиницы, а девушку от ее родственников привезла милостивая иранка. Мариам вошла в зал, когда уже выступал заместитель министра иностранных дел ИРИ. Она, не дойдя до места, которое для нее предусмотрительно занял Пашидас, присела с краю на задних рядах.

Доклад высокопоставленного иранского чиновника оказался самым интересным и любопытным. С первых его слов Аркаим сразу перестал перебирать бумаги из портфеля, которые ему выдали при регистрации на форум. Для порядка надел наушники синхронного перевода. Рабочими языками конференции были английский, арабский и персидский. Разведчик слушал докладчика и успевал следить за английским переводом.

Отдельные пассажи яркого выступления иранского чиновника не только выходили за рамки принятой политической и дипломатической корректности, но и удивительным образом совпадали, иногда даже слово в слово, с информацией, которая содержалась в «черной флешке» Рокшилбрайта. «Ай да Жангир, вот это работа, можно просто позавидовать!» – подумал про себя разведчик. «Интересно, в Москве-то хоть успели ознакомиться с этой информацией? А вдруг не дошла?!» – спохватился он. «Нет, нет, все должно быть нормально. Канал передачи в Москву надежный!» – успокоил себя разведчик.

Между тем иранец продолжал называть вещи своими именами. Сказал о необъявленной информационной войне Запада против Ирана, заметив, тем не менее, что официальный Тегеран не противодействует работе в стране подрывным СМИ. Оторвав глаза от текста доклада, бросил в зал:

– Вот, например, на нашей конференции присутствуют представители меди-империи Рокшилбрайтов. Они здесь в зале и уже сегодня напишут про Иран и нашу конференцию очередную гадость в своих СМИ.

Пашидас поежился, попытался оглядеться. Вроде, все продолжали слушать докладчика и смотрели на него, однако пару глаз на себе он успел поймать.

– Однако мы никого не боимся, потому что великий мусульманский народ Ирана един в своем желании с оружием в руках отстоять завоевания исламской революции. Нам было известно заранее о планах нанести удары по Ирану, в том числе и в день проведения сегодняшней конференции, но мы не испугались и проводим его сегодня под военно-политическим прицелом НАТО.

Вопросы безопасности Персидского залива заняли значительное место в докладе. В интересах всех стран региона положить конец иностранному военному присутствию, подчеркнул выступающий. Затем докладчик коснулся темы дальнейшего осложнения обстановки в Закавказье, сказав о подготовке военной агрессии со стороны Грузии против своих соседей. Раскрыл дальнейшие планы Запада по дестабилизации обстановки во всем обширном регионе, от Синьцзяна в Китае до Палестины, о превращении Афганистана не только в главный источник наркоугрозы в Евразии, но и в очаг напряженности в Центральной Азии. Особый интерес у участников конференции вызвало сообщение докладчика о том, что в самое ближайшее время мир будет ввергнут в глобальный финансовый

кризис. Правда, заметил иранец, пострадают больше всего страны, которые находятся в политической и финансовой зависимости от США. В числе таких стран он назвал и Россию.

– Иран – самодостаточная страна. Нам кризис не страшен. Но мир должен знать, что «мировое правительство», за которым стоят «акционеры» США из Федеральной резервной комиссии, Ватикан и Рокшильбрайты, сионисты всех мастей, намерено начать тотальный передел мира с одновременным массовым сокращением населения Земли. Вы только подумайте: сотни и сотни миллионов людей в мире отнесены ими к категории лишних на Земле и обречены на погибель. Иранцы тоже попали в это число, но так просто мы, иранцы, не сдадимся.

Зал громко зааплодировал оратору, многие стали даже вставать со своих мест. Пашидас, поерзав в кресле, сложил руки ладонями друг к другу. Докладчик жестом руки остановил порыв участников конференции подняться со своих мест и устроить ему овацию.

Тем временем Аркаим был занят своими мыслями. Информация с «черной флешки», где шла речь о геополитическом переустройстве постсоветского пространства, который уже день не давала ему покоя. И если планы расчленения России на несколько частей ему были известны и ранее, то об инициативе воссоздания подобия СССР в составе РФ, Украины, Белоруссии и Казахстана он прочитал впервые. Как следовало из информации, за первым вариантом, предусматривающим создание отдельного государства на территории Сибири и Дальнего Востока, Исламского халифата на Урале, в Поволжье, Средней Азии и на Кавказе, нового восточнославянского государственного образования в границах «Речи Посполитой», «торчали уши» Ватикана и империи Рокшильбрайтов. А вот в замене США на новый вариант СССР, как следовало из этой информации, заинтересованы были «акционеры» и хозяева Федеральной резервной системы США. «Бедным россиянам и не снилась такая перспектива – пожить в своей Америке!» – невесело пошутил про себя разведчик, так и до конца не просчитав, стоит ли доверять «черной флешке» Рокшильбрайта или же рассматривать ее как фальшивку, на которую должен был попасться и он – Аркаим.

Добросовестно отсидев пленарное заседание, побывав на послеобеденных заседаниях секций, Мариам и Пашидас решили прогуляться по вечернему Тегерану. В северной части города в районе парка, где собиралось много молодежи и девушки и парни могли не только пообщаться, но даже и позаигрывать друг с другом, в этот раз народу было немного. Присев на лавочку, Мариам и Фаридани непринужденно беседовали. Обращаясь к своему собеседнику, Мариам раз за разом касалась его рук. И вот, когда она обняла мужчину за шею и коснулась губами его щеки, перед ними появились мужчина и женщина средних лет. Они представились. Предложили следовать за ними.

– Это провокация! На каком основании? Мы иностранцы! Прошу пригласить посла! – Пашидас достал и показал свои документы.

– Следуйте за нами. На месте мы рассмотрим все ваши пожелания, – мужчина говорил на хорошем английском языке.

В полицию Мариам и Пашидаса доставили на том самом минивэне, который следовал за ними вчера по пятам. Здесь их разлучили. В эту минуту девушка не пред-

полагала, что она больше уже не увидит своего возлюбленного. У разведчика екнуло сердце, почти сразу мелькнула догадка, что провокация – дело рук Рокшилбрайта. Он немного успокоился. В месте предварительного заключения его продержали до утра следующего дня. А потом ему вручили решение властей о выдворении гражданина Пашидаса из страны пребывания в течение двадцати четырех часов.

– На каком основании? Я просил пригласить представителей посольства!

– За нарушение исламских норм морали и нравственности, неуважение к законам Исламской Республики Иран, а также как представителя медиакомпании, которая ведет необъявленную войну против нашей страны. О вашей публикации о конференции на ленте мировых новостей нам было известно еще вчера.

«Хорошо работают!» – отметил про себя Аркаим, а вслух спросил:

– Мариам вместе со мной выезжает из страны!

– Нет. Она женщина. С нее больший спрос. К тому же она – дочь медиамагната Рокшилбрайта, а к нему у Ирана особые претензии.

– Я не поеду без нее!

– Вас никто спрашивать не собирается.

В Европу Пашидас прилетел иранским рейсом поздно вечером. Остановился в гостинице. От невеселых мыслей его отвлек телефонный звонок. Звонил Рокшилбрайт. Шеф разговаривал с ним так, как будто между ними не существовало никаких договоренностей.

– Где моя дочь? Почему ты вернулся без нее? Отвечай!

Пашидас подробно коротко прояснил ситуацию.

– Я не хотел уезжать без нее, но меня обвинили во всех грехах и, не спрашивая, в двадцать четыре часа выкинули из страны.

– К утру чтобы была готова публикация для СМИ. Переслать лично мне. После завтра выйти на работу. Напиши подробный отчет о конференции и обо всем том, что произошло в Тегеране с вами. И знай, если с Мариам что-то случится, тебе несдобровать!

Связь прервалась. В эту ночь Аркаим так и не заснул. Он понимал, что в целях конспирации Рокшилбрайт и не мог с ним говорить в другом тоне, однако агрессивность и жесткость в его словах не могли не беспокоить.

По возвращении в Лондон на работу худшие предчувствия резидента подтвердились. Рокшилбрайт не стал с ним встречаться. Из его секретариата Пашидасу поступило указание сдать все дела по прежней должности и отправляться в Киев. Как оказалось, медиаимперия Рокшилбрайтов открыла свое новое представительство, в сферу ответственности которого должно было войти информационное пространство Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины.

К своему новому месту работы Пашидас прибыл день в день с началом вооруженной агрессии Грузии против Южной Осетии. Медиаимперия Рокшилбрайтов вновь оказалась на передовой войны смыслов и нервов против России. Грохот и вспышки информационных залпов и разрывов в еще большей степени захлестнули Интернет, теле- и радиоэферы, страницы печатных изданий мировых СМИ.

Между тем перед русским резидентом стояла прежняя задача – сбить дыхание массивной информационной атаке и расстроить стройные ряды пропагандистской машины Запада искусственным манипулированием информацией.

Липовая революция

Двадцатипятиэтажный дом своим фасадом был обращен в сторону оживленного перекрестка и находился неподалеку от метро. Под боком у высотки была удобная автостоянка, оборудованная по инициативе жильцов. По дороге к метро расположились два магазина, как близнецы, похожие друг на друга, а еще небольшая церквушка, недавно отстроенная. Сразу за домом раньше находился небольшой стадион. Однако предприимчивые бизнесмены недавно воздвигли там самый большой оздоровительный центр в этом районе Москвы, тем самым лишив жителей близлежащих домов возможности бесплатно заниматься спортом или гулять с детьми. Еще не нравился жильцам с каждым годом нарастающий у них под носом городской трафик. Если раньше шоссе́йная дорога засыпала хотя бы на один-два часа ночью, то теперь она шумела круглосуточно. Тем не менее жильцы высотки, большинство из которых были приезжими и из числа военнослужащих, а не коренными москвичами, оставались довольны своим местожительством в столице.

А с недавних пор, когда криминальная обстановка в Москве заметно ухудшилась, дом стал первым сумевшим организовать в рамках созданного товарищества собственников жилья. В отличие от других подобных общественных объединений в городе, решавших преимущественно вопросы обслуживания дома и порядка на территории, жители двадцатипятиэтажки обратились к традициям «соседских общин», которые возникли еще в далеком прошлом на Руси и помогали людям в трудные времена выживать, сообща преодолевая лишения и невзгоды, коллективно обеспечивая свою безопасность.

В высотке был создан совет, избран глава, имевший список всех жильцов с указанием не просто фамилий, номеров квартир и телефонов, но и возможностей по развитию и поддержке общины и его членов. Регистрировать общину не стали, справедливо решив, что, чтобы поддерживать друг друга по жизни, не обязательно иметь бумагу. В конце концов, как заявил глава жилсовета, в прошлом военный прокурор, уголовники и всякие другие бандиты, не регистрируясь нигде, успешно существуют, а уж законопослушные граждане тем более имеют право никого не ставить в известность о своем желании помогать друг другу.

Жилсовет «соседской общины» разместился в однокомнатной квартире. Здесь же была оборудована православная моленная комната. Сюда жильцы могли прийти со своими бедами и предложениями. А глава совета должен был немедленно реагировать – помочь решить бытовые вопросы, устроить человека на работу или выволить из беды, организовать жильцов на отстаивание своих интересов в противостоянии с московскими бюрократами, а если понадобится, и в стычках с уличными хулиганами. Без решения совета нельзя было решить ни одного вопроса функционирования домового ТСЖ, как и продать или купить в доме квартиру.

Для обеспечения работы совета жильцы создали свою кассу взаимопомощи и открыли счет в банке. В целях обеспечения правопорядка в округе организо-

вали народную дружину, которая стала взаимодействовать с милицией. Несмотря на наличие домофонов, в подъездах дома было организовано круглосуточное дежурство. Многие мужчины вступили в охотничьи общества и обзавелись как травматическим, так и гладкоствольным, а некоторые – даже нарезным оружием. По инициативе совета оба подъезда радиофицировали, и жильцы теперь могли получать оперативную информацию о жизни и проблемах своего дома, что называется, из первых рук. Радио вещало два раза в день – утром и вечером по одному часу. В случае необходимости могло быть сделано и экстренное сообщение. Так, например, было, когда гастарбайтеры с соседней стройки избили двух семинаристов, которые приезжали к своим родственникам в высотке. На экстренное сообщение сразу откликнулся десяток мужчин, которые быстро обнаружили и тут же отловили двух азиатов. Хорошенько проучив гостей столицы, они доставили их в милицию. А когда выходцы с Востока, откупившись от ментов, вновь пришли к высотке, и уже не одни, а собрав еще два десятка своих соотечественников, из обоих подъездов им навстречу вышли вооруженные люди. В результате хулиганы, пришедшие на разборку, вынуждены были ретироваться, а зачинщики конфликта вновь были арестованы и теперь уже доведены до суда.

Семья капитана Русака вселилась в уникальный дом два года назад. У одной из российских спецслужб отпала необходимость в наличии служебной оперативной квартиры в высотке, и начальство приняло решение отдать ее одному из особо отличившихся по службе офицеров. Иван Русак, сын известного политика, был одним из таких офицеров, кто успешно сработал по ликвидации подрывной сети агентуры, работавшей в интересах Грузии на Северном Кавказе и в Москве. Еще раньше он хорошо себя зарекомендовал во время боевых действий в Осетии, когда Грузия совершила агрессию против югоосетинского народа.

Группа оперативников под командованием капитана Русака, действуя на передовой совместно с чеченским батальоном во главе с Джабраилом Майсаровым, в первый, самый трудный день войны смогла спутать планы агрессора и дезориентировать его. В дальнейшем одних только слухов о нахождении поблизости русско-чеченского батальона было достаточно, чтобы внести сумятицу и панику в ряды самых отборных грузинских рейнджеров. На этой войне у капитана Русака неожиданно сложились личные неплохие отношения с командиром чеченцев и его сыном. Вначале Джабраил относился настороженно к офицеру спецслужбы и его людям, но когда выяснилось, что Русака с юных лет хорошо знал сам генерал Вашанов, служебные отношения стали постепенно налаживаться.

После войны их дороги разошлись. Иван, выполнив свои оперативные задачи на Северном Кавказе, убыл в Москву, а Джабраил, попав в опалу у чеченских властей, вынужден был скрываться от преследований, кочуя по городам России. Однако история их отношений для Русака спустя некоторое время наполнилась еще одним важным смыслом. Уже оказавшись в Москве, он со своим отцом Сергеем Николаевичем во время продолжительных новогодних каникул навестил старого, больного генерала Вашанова. В трехкомнатной квартире в Крылатском в тот день хозяин был один. Он угощал гостей чаем и медом. Поговорив о московской политике, обменявшись пессимистическими оценками и прогнозами на ближайшее будущее России, собеседники коснулись и ситуации на Кавказе.

– От Кавказа нам никуда не деться. Отделяй его, не отделяй от России, ничего толкового не получится. Все более-менее влиятельные и активные кавказцы уже давно перебрались в Москву, здесь у них квартиры, бизнес, деньги, жены и любовницы, другие интересы, – так спокойно отреагировал генерал на эмоциональное предложение старшего Русака отделиться от Северного Кавказа.

– И что тогда делать?

– Нам необходимо делать ставку на проверенных надежных чеченцев.

Вашанов предложил гостям отведать мед в сотах.

– Это из моей деревни! Сосед помогает мне с пчелами возиться!

Отведав меду, Сергей Николаевич попытался вернуться к разговору на кавказскую тему.

– Вот посмотрите, что наделали! Покойные Дудаев и Басаев о нынешнем привилегированном положении Чечни в составе России могли только мечтать! Мы же сегодня сами вскармливаем змею у себя на шее. Ведь известно: сколько волка ни корми, он всегда в лес, вернее в горы, смотрит.

Однако генерал Вашанов неожиданно перевел разговор на другую тему.

– Ты, молодой человек, расскажи, как жизнь семейная складывается.

– Я доволен. Аня – очень хорошая жена, мать моих двоих детей. Приезжайте к нам в гости в новую квартиру.

– Уж лучше вы ко мне, к старику!

Иван пообещал в самое ближайшее время вытащить в гости к генералу все свое семейство. Вашанов улыбнулся, потер ладонью бороду, а затем молодцевато обвел взором своих дорогих гостей.

– А что, если я поведаю вам одну тайну?!

– Интересно, чего еще такого генерал Вашанов мне не рассказывал?

– Например, о том, кто настоящий отец твоей молодой красивой жены.

– Анна знает, что ее отец не Мирский, а совершенно другой человек, но он пропал без вести, – коротко доложил Иван в ожидании каких-то других новостей.

– Владимир Григорьевич, извини, дорогой, но я и про то, что у Ани по отцовской линии есть два сводных брата, Георгий и Ярослав, тоже был вынужден рассказать, – извиняющимся тоном заговорил старший Русак.

– Отличные парни! Они теперь к нам регулярно приезжают из Подмосковья, а мы к ним навещаемся, – вновь вступил в разговор Иван.

– Молодцы, здорово! Так держать! Если не сплотимся, не поддержим друг друга в трудную минуту, нам не выжить в это страшное, смутное время. Ну а что про Наденьку Пашину слышно? Как она сейчас после тех потрясений?

– Она вернулась к детям. Конечно, изменилась. Молчит все время! – вместо сына на вопрос генерала старший Русак ответил сам.

– Дай ей Бог здоровья! Однако есть еще одна тайна!

– Так-так. Выкладывайте, Владимир Георгиевич!

– У Джабраила Майсарова есть младший сын, кажется, Руслан. А мать юноши – русская женщина! Звали ее Ольга.

Генерал сделал паузу и обвел глазами собеседников.

– Ольга Мирская – мать Ани? – Иван не сводил своего немигающего взора с генерала.

– Да, а сын Джабраила – это сводный брат твоей жены Анны.

– Круто закручено! – только и смог тогда сказать Иван.

– Ну, Владимир Георгиевич, ты даешь! Даже я не мог об этом догадаться, хотя и имел отношение к вызволению Анны из лондонского плена Мирского.

Об еще одной тайне, поведенной на встрече почти двухлетней давности генералом Вашановым, Иван Русак со своей женой так и не стал говорить. Сергей Николаевич отговорил сына от того, чтобы вновь ворошить прошлое трагически погибшей матери Анны и тем самым причинять душевную боль любимому человеку. «Все мое время, будет день – будет пища!» – наставлял своего сына Сергей Николаевич.

К тому времени у Ани с младшим Русаком сложилась дружная семья. Почти двухметровый здоровяк Иван и миниатюрная, по сравнению с мужем, стройная Анна удачно дополняли друг друга. Они были красивой парой. Она возилась со своими двухлетними двойняшками, а муж всюду старался зарабатывать деньги. Жена, помогая мужу, тоже подрабатывала переводами иностранных текстов. Повезло им и с получением квартиры в двадцатипятиэтажном доме, где существовала и активно работала «соседская община». Люди здесь подобрались добрые и небезразличные. Поэтому здесь и отдыхать было принято вместе, и можно было и денег перезанять, и попросить соседей за детьми приглядеть.

Всё бы ничего, только вот недавно случилась беда. Полгода назад, когда в стране отмечалась очередная годовщина событий, связанных с расстрелом парламента в Москве, Сергея Николаевича Русака, известного политика, лидера православно-патриотической оппозиции, арестовали. В тот день под лозунгами эколого-культурной организации «Родная природа», созданной в свое время Русаком, на улицы городов России под антикризисными лозунгами вышло немало его сторонников. Они потребовали от властей остановить миграционное нашествие, обеспечить безопасность жизни в российских городах, покончить с инфо-суицидом в СМИ и антинародной политикой властей, перенести столицу из Москвы в другой город, возродить русско-славянское триединство.

Сергея Николаевича Русака обвинили в антиконституционной деятельности, организации сети полуподпольных структур «Родной природы» на основе «соседских общин», товариществ собственников жилья, народных дружин. Кроме того, ему, православному патриоту, инкриминировали разжигание национальной, религиозной и межрегиональной ненависти в СМИ. Однако истинной причиной ареста Русака была его попытка посягнуть на «святая святых» – финансовую систему страны, которая продолжала функционировать под жестким внешним контролем. Выступив в прямом радиоэфире накануне годовщины октябрьских событий, он раскрыл все тайные пружины ограбления страны и высасывания из нее жизненных соков посредством умелого манипулирования финансовыми потоками. Заодно Сергей Николаевич прокомментировал итоги последней встречи представителей фининтерна, где обсуждали ход мирового кризиса и введение нового финансового порядка в мире. Он прямо заявил, что для достижения этой и других целей неоглобализма предполагается обрушить мощь, прежде всего, Китая и России. По его словам, этому также будет способствовать введение новой валюты «амеро» на территории США, Канады и Мексики и выведение из мирового оборота триллионов долларов.

Ведущий радиозэфира уточнил у собеседника:

– Сергей Николаевич, значит, наши оппоненты хотят избавиться от «денежного пузыря» и одновременно обесценить валютные запасы своих основных конкурентов, в том числе и России?

Русак грустно заметил:

– К сожалению, нас они вообще уже в расчет не берут.

После этого была пауза на радиорекламу, а затем лидер православно-патриотической оппозиции обнародовал свою антикризисную программу, в основу которой были положены принципы самодостаточной мобилизационной экономики. Бывший депутат предложил также ликвидировать монополию Центробанка и взять под контроль государства эмиссию рубля, создать собственный расчетно-товарный центр, полностью отделить от экономики учреждения, занимающиеся игрой на фондовых валютно-сырьевых рынках, восстановить паритет покупательной способности рубля и покончить с политикой валютного демпинга. Всех этих заявлений оказалось достаточно, чтобы насмерть перепугать финансовых манипуляторов в России и их хозяев из фининтерна. Как намекнули Русаку, его судьбу решали даже не в Москве.

Арестовали лидера оппозиции уже в другом городе, куда он выехал сразу после митинговых событий в Москве. Там разместилась штаб-квартира «Родной природы». Изначально этот политический шаг означал отказ в доверии Москве со стороны сторонников эколого-культурной организации. Такая демонстрация стала еще одной причиной преследования Русака со стороны российской закулисы. Сын очень переживал за отца и, как мог, по каналам своей спецслужбы старался помочь ему выбраться на свободу. Они регулярно созванивались, и Иван держал старшего Русака в курсе всех мер, предпринимаемых для прекращения уголовного дела в отношении его. В своей борьбе младший Русак был не одинок, немало людей оказались безразличными к дальнейшей судьбе лидера «Родной природы».

После очередной командировки на Северный Кавказ сегодня у капитана Русака появился редкий выходной. Вечером офицер собирался к генералу Вашанову, чтобы обсудить, как действовать дальше. А с утра Иван обещал отвести жену в поликлинику к генекологу. Анна была беременна на четвертом месяце. Еще с вечера она попросила жену главы «соседской общины», проживающую с ними на одной лестничной клетке, посидеть с малышами.

На улицы после долгой холодной и снежной зимы пришла долгожданная весна, хотя ночью еще случались небольшие заморозки. Анна, как девчонка, радовалась этому событию. «Наконец-то солнышко светит, ручьи бегут, весна вступает в свои права!» – веселилась молодая женщина, собираясь с мужем выйти из дому.

– Старцы предсказывают: этот год холодный, следующий – голодный, а потом – кровавый! Как ты думаешь, приметы сбываются?

– Да ну тебя! Всегда настроение испортишь. Зима как зима, люди говорят, раньше всегда так было – холодно и много снега лежало.

Пришла соседка, и разговор супругов прервался. Иван и Анна поспешили выйти из квартиры, пока малыши не успели понять, что они уходят.

Несмотря на приход весны, снег еще лежал во дворе, на асфальте и тротуарах были лужи. Ведомственная поликлиника находилась в самом центре Москвы непо-

далеку от места работы капитана Русака. Супруги неспешно дошли до метро, но уехать на нем не смогли. Возле входа толпились народ. Внутри метро постоянно передавалось сообщение по громкой связи о том, что движение поездов временно остановлено и добираться нужно наземным общественным транспортом. Из разговоров в толпе было непонятно, что могло случиться. Чаще всего звучало слово «теракт».

– Ванечка, по телевидению с утра передавали штормовое предупреждение, может быть, вернемся? – забеспокоилась Аня.

Но муж был полон решимости, наконец, выполнить свое давнее обещание жене и сходить вместе с ней к гинекологу. Он вышел к дороге и остановил попутную машину. Однако добираться пришлось долго. Несмотря на то, что стрелки на часах уже переползли за отметку одиннадцати часов, пробки на автотрассах, ведущих в центр, никак не рассасывались. Водитель – молодой парень из Подмосковья, ни на минуту не умолкая, рассказывал невероятные истории о творящемся на московских дорогах.

– Барсеточники вконец обнаглели, беспредельничают. Действуют бандами. Воруют всё что попало, а еще и бьют водителей и пассажиров. Гаишники делают вид, что ничего не замечают.

– Зачем же тогда вы на машине? – поинтересовался Русак.

– Она кормит меня! Работы нет в Подмосковье, всё мигранты забирают, спасу от них нет. Не так посмотришь на кого, считай, пропал – отметелят почем зря, а то и пику в бок!

Старенькая «лада» четвертой модели замерла в очередном заторе.

– Вон, вон, смотрите, что делается! Водилу берут и выкидывают из машины.

В правом крайнем ряду трое молодых мужчин, по всем внешним признакам из числа заезжих «гастролеров», потрошили новенькую красную «ауди», пока та стояла в пробке. Водители соседних машин делали вид, что не замечают дорожного беспредела, происходящего рядом с ними.

– Открой, я выйду! – пассажир на заднем сиденье безуспешно попытался открыть дверь.

– Сиди, куда ты? Не посмотрят, что бугай, враз отмолят! Они, наверняка, с оружием или ножами, – бросил водитель и включил передачу.

В пробке началось движение. Машины стали объезжать разграбленную «аудишку». Тем временем весь избитый водитель силился подняться на ноги. У него по лицу текла кровь.

Жена сразу же повисла на руке мужа.

– Не смей, не пущу!

Ближе к центру движение улучшилось, но до поликлиники Русаки добрались только к часу дня. Едва они вошли в двери, как зазвонил мобильный телефон. Капитана Русака вызывал к себе начальник.

– Буду через десять минут, – ответил Иван.

Усадив жену возле кабинета гинеколога в общую очередь, он побежал к начальству.

Моложавый холёный полковник встретил своего подчиненного, сидя за столом.

– Молодец, быстро нашелся!

– Жену привел в поликлинику к врачу-гинекологу. Здесь рядом.

– Что, опять беременна? Ты даешь, Русак! И надо тебе нищету плодить?

- Это мои дети, товарищ полковник!
- Не дерзи! Садись, разговор есть, долго не задержу.
- Слушаю.

– Вот возьми, – полковник протянул подчиненному бумагу.

Русак сразу узнал свою аналитическую записку, которую месяц назад передал генералу Вашанову. В ней давался анализ внутривластной обстановки и прогнозировалась ее дестабилизация по сценариям «оранжевых» революций.

– Читай, чего ты там написал!

– Вы же уже прочитали.

– Не только я, но в администрации президента ознакомились, требуют разобратся с автором или подтвердить сделанные оценки и прогнозы. Между тем из твоей бумажки вытекает, что Россию в самое ближайшее время ждут массовые протесты, межнациональные столкновения, конфликты на религиозной почве. Прогнозируется революционная смута, распад страны и тотальный хаос. Товарищ капитан, на чью мельницу воду льете, кому подыгрываете? Тем, кто ждет развала России?

– Я служу России!

– Отец твой тоже служил России, а теперь в тюрьме сидит!

– Он находится под следствием, и я уверен, что суд его оправдает!

– Твой отец сегодня заодно с теми, кто не то «оранжевую», не то «березовую» революцию затевает!

– «Липовую» – «левую» революцию готовят, и об этом я тоже написал в своей записке, а отец мой всегда был на стороне правых, значит, правильных слов и дел. И меня с детства учил не ловчить и налево ходить, а жить по правде, правоте.

– Капитан Русак, мы не на митинге, не надо мне лекции читать! Ваш отец пошел против власти и народа, в сталинские времена его считали бы врагом народа и мало ему бы не показалось!

– Еще одно плохое слово об отце, и вы, товарищ полковник...

– Ну, ну, договаривай, капитан!

Русак не отвел глаз, но промолчал. Полковник сделал выжидательную паузу, а затем перешел в наступление.

– Встать! Молчать! Считай, капитан, что сам решил свою судьбу. Завтра жду от тебя рапорт об увольнении. А теперь можете идти!

Анна ждала мужа на входе в поликлинику. По дороге обратно домой жена беспрестанно говорила, рассказывая о приеме у врача, а супруг молчал.

– Ты чего молчишь? Что-нибудь случилось?

– Ничего, все нормально. Рад за тебя, что у нас все в порядке, – Иван слегка коснулся животика жены, обнял и поцеловал ее в щеку.

– Ты меня не слушаешь, значит, не любишь!

– Конечно, люблю! Как же я могу не любить тебя, моя родная, голубушка?! – муж нежно поцеловал жену в губы.

Парочка незаметно подошла к площади неподалеку от самого центра города. Здесь толпилось немало народу. «Митинг!» – сразу решил Иван.

В окружении толпы людей на невысоком постаменте возвышались несколько человек. Один из них громко ораторствовал. Русак сразу узнал известного депу-

тата Залумяна. Он, как всегда, говорил уверенно, но витиевато и оживленно жестикулировал. Иван и Анна прислушались. Известный оратор, мастер публицистического слова критиковал власти, призывал людей поддержать его партию в борьбе с коррупцией и беспределом чиновников. В завершение депутат, по давней традиции, обнародовал пару новых экстравагантных лозунгов. Во-первых, он предложил образовать Русскую республику на территории Сибири и Дальнего Востока и переселить туда всех русских. И тут же он, подчеркнув, что является востоковедом, добавил, что на территории Средней Азии, Поволжья, Урала и Северного Кавказа можно было бы образовать «дружественный» Исламский халифат. Кроме того, известный в стране скандалист по привычке «спустил собак» на представителей средств массовой информации. Он тут же выдвинул инициативу – приравнять работу в СМИ к службе в армии и одеть всех журналистов в военную форму с погонами, чтобы держать их «на коротком поводке». Люди в толпе принялись дружно аплодировать оратору.

Следом выступала женщина средних лет. Русак сразу ее узнал.

– Смотри, Аня. Узнаешь?

Среди толпы собравшихся стояла дочь первого президента России, скончавшегося несколько лет назад. Во времена его правления она верховодила в ближайшем окружении своего отца, продвигая через него самые нелепые политические и экономические решения в интересах своих фаворитов того времени. Несмотря на прохладную погоду, сегодня женщина была без головного убора, в длинном пальто. В руке она держала черную дамскую сумочку.

Ее представили собравшимся. Несколько человек жидкими хлопками поприветствовали очередного оратора. В своем понимании проблем страны президентская дочка решила посоревноваться с самим Залумяном. Вначале ораторша сбивчиво заговорила о разгуле преступности в Москве, а затем, поддержав лозунг о необходимости объединения Москвы и Московской области в единый регион, стала обвинять столичного мэра в предательстве коренных интересов горожан.

Капитан Русак сразу про себя отметил, что появление на публике экстравагантного Залумяна и дочери бывшего президента было уже не первым и явно неслучайным. Свои аналитические предположения о том, что «женская» кандидатура может стать «козырной картой» западной агентуры влияния на президентских выборах в России, офицер уже не раз докладывал письменно и устно своему непосредственному начальству. Президентская дочка имела не только влиятельные связи, в том числе с самим «Рыжим», но и опыт «закулисных интриг». Кроме того, женщина была известна и своими опасными предвыборными заявлениями. Русак два дня назад сам слышал по радио, как она открыто провозгласила тезис о целесообразности выхода Москвы из состава России и превращения ее в представительную конфедерацию народов-мигрантов со всего мира. По ее словам, другие российские регионы тоже могут войти в состав Московии, если проведут соответствующие демографические преобразования, добьются больших демократических успехов и будут способны платить налоги.

И сегодня на митинге в компании с самим Залумяном дочка покойного главы государства предложила, не откладывая решение актуальной проблемы в долгий ящик, приступить к переустройству Москвы по национально-территориальному

принципу. «Любая мигрантская община имеет право на свою национально-культурную автономию в столице!» – заявила она.

Русак невольно покачал головой.

– Какую туфту несет! По сравнению с ней Новотверьская просто отдыхает! – Иван невольно вспомнил образ известной либерал-демократки, которая запомнилась всем своими экстравагантными и скандальными выступлениями.

– Иван, пойдём уже, надоело, по телевизору всё увидишь! – Анна вновь поторопила мужа.

– Ещё минуточку, солнышко мое!

Русак покрутил головой и присмотрелся к людям, стоящим в толпе. Как всегда, немало было старушек и представителей СМИ, много было просто прохожих, остановившихся поглазеть и послушать, толкались стайки московской молодежи экстравагантной наружности. Немного в сторонке стояли молодые люди, по всем приметам, из числа гастарбайтеров. Однако наличие у них в руках флагов и транспарантов свидетельствовало о том, что они оказались на митинге неслучайно. В толпе также мелькали знакомые лица из числа депутатов, представителей московской общественно-политической тусовки. Обращало на себя внимание большое количество транспарантов и плакатов, в том числе антиправительственной направленности. Русак, по профессиональной привычке, попытался сосчитать количество участников мероприятия, но жена дернула его за рукав.

– Пойдем домой, надоело!

– Пошли! – согласился Иван, но на душе было тревожно.

Супруги спустились в метро и зашли в вагон. Иван попросил двух молодых парней уступить место жене. Аня вытащила газету «Метро». Тем временем, Иван погрузился в невеселые мысли. Молодого человека тревожил не только митинг «оранжевой» оппозиции, давно уже взявшей курс на свержение власти уличными методами. Он никогда раньше не мог даже помыслить о том, что останется без погон и вне рядов уважаемой спецслужбы, куда мечтал попасть с самого детства. «Что скажут отец, генерал Вашанов, как объяснить всё младшим братьям, один из которых уже заканчивает учебу и готовится стать фсбэшником?!» – про себя размышлял Русак.

Эти раздумья перебила громкая гортанная речь двух молодых людей, только что вошедших на станции «Проспект Мира». Грубо протолкнувшись мимо Русака, они встали на противоположной стороне от входной двери. Один из них бесцеремонно облокотился на женщину лет сорока, сидевшую рядом с Анной. При этом приезжие продолжали громко разговаривать. Среди потока неизвестных слов можно было различить только матерщину. От себя справа Иван услышал реплику выходящего из вагона мужчины: «Кавказ в Москве, добро пожаловать!».

Между тем сидящей женщине явно не нравилось, что кто-то все время задевает ей голову, и она прикосновением руки пыталась дать понять это. Кавказец сначала не обращал на ее попытки никакого внимания, а потом резко развернулся и стал грубить женщине, пересыпая свою грозную речь известными матерными словами. Все пассажиры, в том числе и мужчины, делали вид, что не замечают происходящей рядом с ними сцены. На следующей станции многие по-

торопились покинуть вагон. Когда женщина в очередной раз попытался отстраниться от приезжего, тот схватил ее за шиворот и стал трясти, продолжая обзывать последними словами. Спутник пытался удержать его за руки.

Русак сразу не сумел сообразить, как вести себя в такой ситуации, а его жена, не задумываясь нажав на кнопку экстренного вызова машиниста, попыталась схватить хулигана за руку и стала ему строго выговаривать. Такое поведение буквально взбесило кавказцев, и они оба бросились с кулаками на молодую женщину, которая к тому же была беременна. Однако на их пути встал Иван. В руках хулиганов моментально сверкнули ножи. Пассажиры в вагоне стали пятиться в разные стороны. На небольшой площадке между дверьми остались три человека. Хулиган первым нанес ударом ножом, но промахнулся, поранив лишь выставленную руку и разорвав рукав куртки. В ответ он получил сильный удар ногой ниже пояса и повалился на пол. В это время его спутник попытался сзади ударить соперника ножом, но тот вовремя успел обернуться и выбить из рук холодное оружие. Исход короткой драки был предreshен. Хулиганы кинулись прятаться среди пассажиров, столпившихся по обе стороны вагона. Иван попытался ногой задержать одного из беглецов. Однако настроения среди пассажиров уже успели поменяться. Раздались женские голоса в защиту хулиганов. Кто-то обвинил «здоровенного бугая» в чрезмерной жестокости, шовинизме и отсутствии толерантности.

Русак пнул ногой короткий нож с костяной ручкой, взял перепуганную жену под руку и подошел к выходу. Через несколько секунд поезд остановился. Никакой милиции поблизости не оказалось. Как ни в чем не бывало, пассажиры покидали вагон и входили в него. Перед закрытием дверей хулиганы успели прокричать в адрес молодого мужчины и его жены свои обычные угрозы. Они пообещали найти своего обидчика и отрезать ему яйца.

Вернувшись домой, Иван и Анна еще долго не могли успокоиться. Лишь забота о малышах отвлекала от невеселых мыслей. После девяти часов вечера раздался телефонный звонок. В условленное время звонил Сергей Николаевич Русак. Сын коротко пояснил, в чем причина его плохого настроения, тем не менее, не сказав о случае в метро. Отец, как мог, успокоил сына.

– На этом жизнь не заканчивается, значит, такова твоя судьба. Без дела не останешься. Времена наступают такие, когда не место будет красить человека, а всё наоборот...

– Буду увольняться! Как твои дела, папа?

– За меня не беспокойся, я просто так не привык сдаваться! Прощание славянки и закат православной цивилизации откладываются...! Братя-славяне еще постоят за себя и други своя, – отец постарался приободрить сына. – И я жду тебя, сын, ты должен занять свое место в нашей народно-освободительной борьбе против колониальной зависимости.

Сын перебил отца.

– Телефон, наверняка, прослушивается.

– Пусть слушают, прошло время бояться. Мы, православные, давно бы уже не существовали как цивилизация, если бы ни умирали на поле брани с видимой и невидимой тьмой!

Родину не выбирают!

Август неслучайно считается месяцем отпусков. Это самое жаркое время во всех странах бывшего СССР. Столица независимой Украины, устав от летнего зноя, с нетерпением ждала окончания лета. До спасительного сентября оставалось всего несколько дней. И тогда город вновь оживет многолюдьем и напряженным трафиком, забурлит своей деловой и политической суетой. Главной приметой смены сезона станут стайки школьников и студентов, которые заполняют городские улицы, скверы и площади.

Аркаиму нравилось работать на Украине. Ему, малороссу по происхождению, родившисьшемуся и выросшему в городке, расположенном в каких-нибудь 100 километрах от Харькова, чувствовалось на берегах Днепра легко и комфортно. Передаваемые аура и колорит города, тысячу лет назад ставшего колыбелью Киевской Руси, всё чаще заставляли его задуматься о прошлом и настоящем своей Родины. В последнее время разведчик прочитал немало исторической литературы и поэтому любил посещать местные достопримечательности. Особенно ему нравилось прогуливаться по берегу дивного Днепра, который нередко казался ему источником излучения невидимой сакральной энергии и информации. Подтверждения своим ощущениям он находил и во многих исторических книгах, где речь шла об особой роли славянских рек, к которым авторы справедливо причисляли еще и Волгу, Дон и Западную Двину. Аркаиму были близки и понятны мысли о том, что славянские ключи продолжают нести в своих помутневших водах информацию о славной жизни далеких предков, правду об их нелегкой борьбе за выживание и самосохранение.

Сегодня уже с самого раннего утра Фаридани Пашидас находился в своем киевском офисе представительства медиаимперии Рокшилбрайт по Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украине. Русскому резиденту было явно не до отдыха. Он сидел за рабочим столом и чистил свой персональный компьютер, на котором могли остаться компрометирующие его материалы. Первым делом разведчик убрал оперативные материалы последних дней – информацию о планах использования эпидемиологического и этнобиологического оружия, проведения массовой вакцинации в целях сокращения населения Земли, тотальной «чипизации» народов мира. И хотя все эти сведения были уже переправлены в Москву, они продолжали оставаться в компьютере. «Совсем закрутился, такие вещи хранить нельзя! Сегодня же надо будет продвинуть в СМИ!», – рассуждал про себя Аркаим.

Для принятия дополнительных мер безопасности были весомые основания. Информационные сообщения и сюжеты о покушении на жизнь лорда Рокшилбрайта третий день не сходили со страниц газет, интерфейсов сетевых изданий, радио- и телеэфиров. В мировых средствах массовой информации самой распространенной версией случившегося являлось предположение об отравлении его ядовитым веществом, подсыпанным в еду во время встречи известного медиамагната в кафе с иранским журналистом. Умер он через неделю, что называ-

ется, в прямом эфире. Парадоксальным образом первыми об этом известии сообщили СМИ медиакорпорации Рокшилбрайт, которые показали, как лечащий врач констатировал смерть публичного человека.

У Аркаима была своя версия смерти бывшего руководителя. Слишком заметное место заняла новость об отравлении Рокшилбрайта в общих информационных потоках, которые были ежедневно переполнены через край информацией о вооруженных столкновениях и конфликтах, стихийных природных бедствиях и техногенных катаклизмах, социальных революциях и других массовых протестных выступлениях. Разведчик пришел к выводу о том, что убрали Жангира не иранские спецслужбы, а скорее свои. Он давно уже был у них под подозрением. Было и еще одно обстоятельство, на которое опытный разведчик просто не мог не обратить внимание. По информационному почерку, когда умирающего человека несколько раз в сутки и три дня подряд показывали в эфире мировых СМИ, Аркаим безошибочно предположил, что таким образом преподносится урок всем другим строптивым и непослушным слугам баронессы Рокшилбрайт.

Разведчик отвлекся, невольно вспомнил о дочери Жангира. «Интересно, знает ли Мариам о смерти отца. Впрочем, наверняка знает. Она журналистка, значит следит за мировыми событиями. Бедная девочка, чем же мне помочь ей? Как она там?». Несмотря на все сложности их отношений, мусульманская девушка продолжала волновать его сердце и кровь. Однако, требования разведконспирации, а также опасения войти в жизнь Мариам в другом качестве, нежели только соратника ее покойного отца, останавливали Аркаима от шагов навстречу к афганке. Еще секунда, другая и Аркаим с головой ушел в разгадывание загадочного убийства Джахангира, Жангира, лорда Рокшилбрайт, одновременно.

Намеки в прессе на причастность иранцев к убийству медиамагната тоже заставляли задуматься. «Скорее всего, они раскрыли Жангира, им, видимо, известно о том, что он – иранский агент», – почти сразу предположил Аркаим. Заодно он по достоинству оценил умение противника извлечь из всего политическую выгоду, когда он под надуманным предлогом участия спецслужб Ирана в убийстве медиамагната спровоцировал новое обострение обстановки вокруг ИРИ. «Значит, – подумалось Аркаиму, – вопрос о военной операции против Ирана остается в повестке дня!»

Обо всех своих оценках и выводах разведчик оперативно проинформировал Москву. Несмотря на то, что там, в спецслужбе, царила неразбериха в связи с очередными кадровыми перестановками, куратор Аркаима, который попал в немилость к новому руководству страны, на послание резидента отреагировал незамедлительно. Из Москвы пришло однозначное указание Аркаиму – готовиться к возвращению в Россию. Центр не мог допустить провала одного из самых ценных своих агентов и, как следствие, поставить под удар подчиненную ему сильно разветвленную резидентуру. Одновременно сообщалось, что за успешное выполнение поставленных задач по срыву антироссийских планов Запада резидент отмечен высокой правительственной наградой и ему присвоено воинское звание «генерал-майор». Последнее предложение в электронной шифровке, как понял Аркаим, было добавлено неслучайно. В Москве не без оснований опасались, что разведчик, долгое время работавший без связи и инструкций из центра, может вновь начать свою игру и не вернуться в Россию.

Долгожданная встреча с Родиной одновременно волновала и тревожила Аркаима. Прежде всего, радовала предстоящая встреча с семьей. Последние два дня после получения приказа из центра родные имена Наденьки, Анечки, Георгия и Ярослава не выходили из головы и крутились на языке. Но были и основания для беспокойства. Резидента тревожила информация, просочившаяся в СМИ, о дальнейшем усилении в руководстве России агентства влияния. Из вчерашних сообщений СМИ он узнал о смене руководства спецслужбы в Москве и уходе на пенсию его главного куратора. Сильно расстроил разведчика арест его давнего друга и товарища – Сергея Русака. «Куда ехать? С кем работать? Что меня ждет?» – задавал он себе многочисленные вопросы, но тут же уверенно отвечал: «Домой, домой, на Родину, к жене и детям. Родину не выбирают!»

Невеселые размышления разведчика прервал осторожный стук в дверь. На пороге появилась молодая блондинка с аккуратной короткой прической, одетая в легкое летнее платье. Это была сотрудница регионального представительства.

– Разрешите, господин Фаридани? – она, как и другие работники офиса, обращалась к шефу подчеркнуто вежливо.

– Проходите.

Пашидас сделал движение рукой и с помощью «мышки» поменял картинку на своем компьютере. Интерфейс заняла реклама летнего отдыха в Крыму. Со своими подчиненными руководитель иностранного представительства старался общаться на украинском языке, который он довольно быстро освоил. Если раньше, в прошлой московской жизни, его специфический выговор, гортанный звук «г» выдавали в нем малоросса, на что некоторые окружающие даже обращали внимание, здесь среди украинцев Аркаим чувствовал себя «как рыба в воде». Однако с блондинкой наедине он всегда общался и на русском языке.

– Вы просили обобщить результаты мониторинга СМИ по именам Рокшилл-райт и Жирик за сутки. Информация представлена на восемь часов утра, – молодая женщина протянула папку.

– Спасибо. Все рабочие файлы необходимо уничтожить. И вообще, проверьте свой компьютер на наличие материалов, которые готовились по моим отдельным поручениям ранее. Понимаете, о чем речь идет?

– Уже все выполнено, шеф! – сухо ответив, женщина улыбнулась.

– Дома все в порядке?

– Да.

– Идите и будьте на месте, вы мне сегодня еще понадобится.

– В двенадцать у меня интервью с руководителем украинской оппозиции, но после двух часов обязательно буду.

Сотрудница покинула кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

Этой молодой, видной женщине Аркаим доверял больше всех в своем небольшом офисе, где работало два десятка сотрудников. С ней он познакомился года два назад при необычных обстоятельствах.

Фаридани Пашидас тогда возвращался из Крыма, куда ездил для участия в очередном мероприятии крымско-татарского курултая. Стояло жаркое лето. Поэтому в тот день в Киев Пашидас выехал рано утром, сразу с рассветом. Ему хотелось до наступления жары проехать основную часть пути и успеть на прием в американ-

ское посольство. На своем большом японском внедорожнике Фаридани довольно быстро проскочил участок трассы, пролегающий по территории полуострова. Солнце уже взошло и начинало греть. Пришлось закрыть окна и включить кондиционер. К этому времени на трассе уже возросла интенсивность движения. По сторонам шоссе, ведущего в Киев, появились лесополосы. Не увидев на дороге места, где можно было бы сходить в туалет, Пашидас решил остановиться на обочине и справить нужду в придорожной лесополосе.

В тенистой прохладе лесополосы было хорошо. Пашидас не полез сквозь заросли, а подошел к месту со свеженасыпанной землей. Он уже начал справлять нужду, как вдруг заметил, что земля зашевелилась и послышалось подобие тихого вздоха. Разведчик сразу насторожился и огляделся, но никого поблизости не было. Вышел из зарослей. Дорога, полная движения, монотонно шумела, сотрясая воздух. Внедорожник был на месте. Пашидас вернулся и носком своего ботинка стал ковырять насыпанную землю. Появилась человеческая рука, один палец которой шевельнулся. Тогда Фаридани принялся лихорадочно раскапывать землю. Оказалось, что на небольшой глубине было зарыто тело еще молодой женщины. Она лежала лицом вверх. Красивое голое тело со следами ссадин, кровоподтеков и засохшей густой слизи на груди и бедрах было завернуто в старое темно-синее одеяло. Ее белокурые волосы слиплись и прилипли ко лбу вместе с землей. Пашидас проверил пульс, послушал биение сердца. Девушка была еще жива. Худые женские руки были все исколоты. «Наркоманки мне еще не хватало!» – горестно подумал мужчина.

Подогнав автомобиль вплотную к лесополосе с другой стороны, чтобы с дороги не могли ничего понять, он загрузил страшную находку в просторный салон внедорожника. Приподнял голову девушки и стал вливать ей в рот воду, но она не реагировала. От нее сильно разило спиртным. Затем открыл аптечку и попытался привести блондинку в чувство. Женщина закашляла. Пашидас стал натягивать на женщину свой спортивный костюм. Однако затащить обмякшее женское тело в машину оказалось непросто. Несмотря на внешнюю худобу, девушка была тяжела. «Хорошо, что окна затемненные и с дороги никто не увидит!» – мелькнуло в голове у хозяина машины.

По дороге, примерно через час, женщина вновь зашевелилась. Но Пашидас продолжал движение. Сейчас у него голова буквально шла кругом. Он не знал, что делать со страшной находкой. В любой момент его могла остановить дорожная милиция, и тогда гражданину иностранного государства не помогли бы никакие объяснения. «Если завезти в больницу, то там тоже не обойтись без сотрудников компетентных органов и соответствующих объяснений», – продолжал рассуждать про себя Фаридани Пашидас.

Выход из создавшегося положения продиктовала сама дорога. Неожиданно спустило заднее колесо, и машину пришлось остановить. Между тем женщина пришла в себя. При виде незнакомца она вся сжалась и забилась в угол, не понимая, где находится и почему на ней оказался чужой спортивный костюм.

– Не бойся меня, я нашел тебя в лесополосе, выкопал из земли, ты была в чем мать тебя родила, и я одел тебя в свой спортивный костюм. Не бойся меня!

Как мог Фаридани попытаться успокоить молодую женщину. Увидев седоволосого мужчину, она постепенно стала успокаиваться.

– На вот, поешь, пока колесо не переставлю, – Пашидас протянул блондинке пакет с апельсиновым соком и пачку овсяного печенья.

Когда запасное колесо было установлено и Пашидас сел за руль автомобиля, он обнаружил, что женщины в машине нет. «Баба с воза, кобыле легче!» – произнес он вслух и завел автомобиль. Однако в этот момент дверь автомобиля открылась и показалась белокурая голова. Девушка самостоятельно вползла на сиденье. «Наверное, по нужде сходила», – предположил хозяин внедорожника.

– Куда тебя отвезти, в милицию?

– Только не в милицию, умоляю!

– Тогда куда?

– Не знаю, я умереть хочу!

– С ума сошла! Давай рассказывай, что с тобой приключилось.

После небольшой паузы девушка поведала свою печальную историю. Когда она рассказывала, губы ее дрожали.

«Сама я из России, из небольшого провинциального городка», – первое, что пояснила спутница. «Родители умерли. Два года назад окончила педагогический институт, но работы в городе не было. Поехала в Москву. В одном из кадровых агентств мне предложили работу по контракту в Европе. Обещали, что буду русский язык преподавать детям богатых людей – выходцев из России. Почти сразу забрали паспорт».

Как понял хозяин джипа, перед самым выездом ее вместе с еще девятью другими девушками держали за городом под охраной. Каждый день пленницам вкалывали наркотики и они подвергались изнасилованиям. Пленницам стало ясно, что их ждет незавидная судьба проституток на чужбине. Одна из них даже пыталась бежать, но ее, в назидание другим, охранники забили до смерти. Маршрут «живого товара» в Европу лежал через Украину. Девушка рассказала, что на одном из милицейских постов возле большой автодорожной развязки «туристический» автобус с пленницами был остановлен. Торговцы «живым товаром» быстро сторговались с местными ментами. Однако, помимо денег, пришлось отдать в придачу одну из девушек. Выбор пал на блондинку. У одного из гаишников на посту был день рождения, и ему сделали «живой» подарок.

Из всего рассказанного далее стало ясно, что вначале девушку накачали спиртным, затем мент-именинник использовал свое «право первой ночи», а уже после несчастную заставляли убажывать гостей минетом. Нажравшись, гаишники уже тупо насиловали блондинку по очереди, не по одному разу и до самого утра. В этом принимали участие даже гаишники с других постов, заезжавшие поздравить именинника. Только на рассвете сообразили, что с обессиленной девушкой, потерявшей сознание, надо что-то делать. Именинник предложил не убивать, а отвезти подальше от поста и оставить тело в лесополосе. Однако его напарники «перестарались» – вырыли неглубокую яму и закопали девушку. Правда, сама она плохо соображала, так как была сильно пьяной.

С той памятной встречи прошло много времени. Пашидас поверил девушке. Помог ей достать паспорт и легализоваться в Киеве. Принял к себе на работу. Сотрудница из кожи вон лезла, чтобы угодить шефу. Она была ему благодарна не только за спасение, но и за обретение смысла жизни. Вскоре стало ясно, что мо-

лодая женщина влюбилась в своего шефа. Однако она продолжала держаться достойно, словно боясь обидеть своим чувствами любимого человека, в свое время нашедшего блондинку в таком неприглядном виде. Пашидас тоже не давал ей ни малейшего повода для сближения и старался держать молодую женщину на расстоянии.

Тем не менее, необычная история их знакомства, которая однажды соединила их судьбы, давала Аркаиму право доверять молодой, но очень ответственной сотруднице особые поручения. Ситуация не изменилась даже после того, как она решила выйти замуж за другого сотрудника представительства, которого Пашидас пригласил на работу к себе по объявлению в качестве менеджера сразу по приезде в Киев. Мужчина был местным жителем и имел опыт административно-хозяйственной работы. Он долго и красиво ухаживал за блондинкой.

Перед тем как принять решение, лучшая сотрудница офиса Пашидаса пришла к нему, чтобы проинформировать шефа о своем намерении выйти замуж. Но он не удивился ее приходу. Вот тогда она и призналась ему в своей несчастной и безнадёжной любви. Фаридани мягко улыбнулся. Вытер слезинки, блеснувшие в глазах блондинки. Как мог отвлек собеседницу от любовных объяснений.

– Нас связывает нечто большее, неправда ли, девочка?

– Что может быть сильнее любви? – возразила она.

– Может, вера в Бога или любовь к Родине, которую не выбирают?

– Мне на Украине хорошо.

– Речь не об этом. Украина является Россией не меньше, а даже больше, чем сама Россия. В Москве, Киеве и Минске рано или поздно поймут, что без русско-славянского триединства у народов Беларуси, России и Украины нет будущего. Главное, чтобы не было поздно! – Пашидас, пожалуй, впервые, проработав почти три года в Киеве, не удержался от того, чтобы не проявить свои политические симпатии.

Но он не пожалел о сказанном. Блондинка была не только добросовестным и ответственным работником, но и сотрудницей, которой была уже небезразлична судьба ее Родины. Шеф знал об этом и поэтому последовательно готовил подчиненную к выполнению поручений, которые могли не соответствовать задачам киевского представительства. Сейчас он не мог не заметить, что она все поняла без дополнительных пояснений. Выполняя поручения шефа, блондинка давно уже догадывалась, что тот живет не только делами и интересами медиаимперии Рокшилбрайтов. В ней особое доверие к шефу вызывали его искренние симпатии к православной вере.

Аркаим отвлекся от невольных воспоминаний, вдруг нахлынувших на него в связи с его лучшей сотрудницей. «Она должна будет остаться, чтобы было с кем держать связь в дальнейшем», – разведчик уже размышлял о работе, которую будет вести, когда он окажется в России.

Сейчас, словно спохватившись, он принялся листать папку с результатами представленного мониторинга. Из информации следовало, что баронесса развила большую деловую и политическую активность. За последнее время она совершила несколько зарубежных поездок и провела несколько важных встреч с влиятельными людьми. Имя Алекса Жирика было упомянуто дважды. Один раз

сообщалось, что он сопровождал баронессу Рокшилбрайт во время ее поездки на Кипр. Еще было сообщение о назначении его заместителем известной медиакорпорации, который должен был курировать информационную работу на постсоветском пространстве.

Последнее известие не стало откровением для Пашидаса. Вчера ему пришло предписание незамедлительно прибыть в Лондон для проведения консультаций. Под документом стояла подпись Алекса Жирика. И это был недобрый знак – сигнал к тому, что Аркаиму нужно незамедлительно принимать решение и действовать. В этой ситуации рисковать он уже больше не мог. Возможная встреча с Жириком обернулась бы провалом. «Да и особых отношений с покойным Джахангиром никто мне не простит. Они и раньше бы меня раскрыли, если бы покойник не спрятал меня в Киеве», – спокойно рассуждал разведчик.

На десять часов утра руководитель офиса собрал подчиненных на совещание. Оно уже заканчивалось, когда раздался телефонный звонок. Фаридани Пашидас напрягся, когда услышал в трубке голос Алекса Жирика. Тот поздоровался и сразу приступил к главному:

– Завтра баронесса Рокшилбрайт во второй половине дня намерена встретиться с вами. Думаю, что после этого надо ждать повышения по работе. Все считают, что вы хорошо поработали и заслуживаете райской жизни. Согласны?

– Баронессе Рокшилбрайт виднее. Я вылетаю завтра утренним рейсом.

– Вот это правильно. Я тоже с нетерпением ожидаю нашей встречи. Пока, пока!

Положив трубку, Пашидас тут же отдал указание взять билет и на этом закончил совещание.

Оставшись один, еще раз проанализировал создавшуюся ситуацию: «Конечно, жди повышения! Спешат они неслучайно. Но и мы не будем сидеть сложа руки! Операция "Возвращение Аркаима" начнется через пять часов». Разведчик взглянул на часы. По замыслу, ему уже ночью надо было быть в Белоруссии. Так решили в Москве, имея в виду, что российские спецслужбы чувствовали себя там вольнее, нежели на Украине. В соседней славянской стране Аркаим должен будет оставить свой автомобиль на обочине дороги, ведущей к польской границе. В условленном месте на противоположной стороне трассы в строго установленное время разведчика подберет водитель, который окажется его давним знакомым. Он представится, но вначале назовет имя и фамилию резидента. Брошенная на обочине машина сразу после отъезда остановившегося автомобиля исчезнет и уже больше никогда не будет обнаружена.

Аркаим любил бывать в Белоруссии, в частности в Минске. Тихий, уютный и безопасный город всякий раз оставлял незабываемые впечатления от встреч. Добрые и приятные лица минчан отражали радость общения, а городские достопримечательности влекли к посещению. А еще, как про себя не раз отмечал разведчик, там пахло «русско-славянским духом». И неслучайно многие белорусские политики признавали, что в истории тысячелетней Руси современная Беларусь – это один из немногих успешных опытов государственного строительства русско-славянского государства. Тем не менее, сторонников тесного союза с Россией, несмотря на громогласные заявления сторон, в Белоруссии с каждым годом

становилось все меньше и меньше. Зато появились публичные высказывания о готовности Минска принять в свои государственные объятия отдельные российские регионы в случае, если в Российской Федерации дезинтеграционные процессы примут необратимый характер. Для многих в России Минск уже давно стал притягательным субъектом региональной геополитики.

Как считал, и не без оснований, Аркаим, в Белоруссии даже оппозиция была какой-то прирученной, карманной, а потому безвредной. Она скорее помогала укрепляться правящему авторитарному режиму в Минске, нежели угрожала ему. Для многих так называемых оппозиционеров участие в оппозиционных тусовках не столько предоставляло возможность добиться самовыражения, сколько помогало добывать хорошие средства на пропитание. Киевское представительство Пашидаса тоже имело задачу «подкармливать» оппозиционные СМИ.

Готовясь к отъезду в Минск, опытный разведчик не мог не подстраховаться, иначе он не сумел бы столько лет прожить на нелегальном положении. Поэтому свою лучшую помощницу Фаридани Пашидас попросил для отдельного разговора приехать к себе на киевскую квартиру к трем часам. Она впервые оказалась дома у шефа. Мысль о возможных интимных отношениях возникла, но молодая женщина ее сразу отогнала. Хозяин предложил гостье кофе и пояснил причину встречи.

– Завтра утром я должен вылететь в Лондон. Вас прошу отогнать на стоянку мой джип, но сделать это надо рано утром, до пяти часов, – шеф внимательно взглянул на подчиненную.

– Будет исполнено. Надолго улетаешь?

– Не знаю.

Он сделал небольшую паузу. Жестом руки предложил гостье пить кофе.

– Машина стоит у подъезда, вот ключи, телефон. Доверенность имеется?

– Да.

– Будет лучше, если сегодня останешься здесь и отсюда поедешь в аэропорт.

Молодая женщина с надеждой подняла глаза на собеседника. Но тот отвел свой взгляд в сторону.

– Я сейчас должен буду уйти, а в аэропорт доберусь сам. Так надо! – Пашидас поднял руку, тем самым опередив вопрос гостьи. – Когда будешь выезжать, наденьте что-нибудь из моего гардероба, помнится, мой спортивный костюм оказался впору, – Фаридани улыбнулся.

Через полчаса, взяв с собой сумку, он коснулся руки гостьи:

– Удачи!

– До скорой встречи!

Пашидас опустил глаза. Повернулся и пошел к двери. Посмотрел в дверной глазок. Вышел из квартиры, незаметно выскользнул из дома через другой выход. Быстро миновал два квартала. Здесь, на углу высотки, его ожидал автомобиль. Тронувшись с места, разведчик еще раз просчитал все ходы. По его замыслу, отправка джипа в аэропорт с другим водителем за рулем в мужском обличии была нужна на случай, если за ним уже установлено наружное наблюдение. Кроме того, этот маневр мог на какое-то время отвлечь внимание недругов от основного плана действий Аркаима. Мобильник был передан тоже неслучайно. «Если

есть "наружка", то они могут задействовать контроль за перемещением мобильного телефона абонента». Однако русский резидент все-таки просчитался, он не мог предположить, что в Лондоне принято решение ликвидировать его еще в Киеве.

Рано утром, когда помощница руководителя киевского представительства медиаимперии Рокшилбрайта, переодевшись в одежду своего шефа, села за руль его внедорожника, она не могла знать, что в автомобиль заложено мощное взрывное устройство с дистанционным управлением. Джип достаточно быстро проскочил по пустынному городу и выехал на трассу, ведущую прямо в аэропорт. До места назначения помощнице Пашидаса оставалось проехать не более пяти километров, когда раздался сильный взрыв, появилась ослепительная вспышка. Мощный японский джип разорвало буквально в клочья. Мелкие и большие части машины железным дождем брызнули на асфальт.

Аркаим узнал о случившемся по радио, когда уже был в Белоруссии. Резко затормозил и свернул на обочину. Из сообщения следовало, что по разорванным частям тела водителя внедорожника сразу трудно идентифицировать даже его половую принадлежность. Разведчик перекрестился. «Прости меня, девочка, виноват, я должен был просчитать всё! Как же так, ведь я же спас ее от неминуемой гибели, но для чего? Чтобы вновь толкнуть на смерть? Какой же я идиот, подонок!» – последними словами укорял себя Аркаим. «Господи, прости меня!» – он обратил свой взор к небу.

Солнце уже было в зените. Разведчик бросил взгляд на часы. Через час должна была состояться встреча. Силой воли он заставил себя вновь сесть за руль автомобиля. Спать уже не хотелось. Еще раз сверил по карте место, где предстояло оставить автомобиль. При подъезде к нему сбавил скорость. Вышел и осмотрелся. На противоположной стороне была видна остановка. Внизу под дорогой была проложена большая бетонная труба. «Здесь!» – почти вслух произнес Аркаим и направился вниз, чтобы перейти на другую сторону.

К остановке подъехал автобус и забрал трех человек. Разведчик нервно крутил головой по сторонам, так как по времени за ним уже должна была подъехать машина. И вот возле него притормозил «мерседес». Дверь открылась и появилась голова водителя.

– Извините, случайно не Федор Пашин? – тихо произнес человек.

Аркаим невольно отшатнулся назад и повернул голову в сторону. Он давно уже не слышал, чтобы кто-то вслух произносил его имя и фамилию.

– Извините, вы случайно не Пашин? – повторил водитель свой вопрос и добавил: – Я Василий Нефедов, могу подвезти!

Аркаим не сразу вспомнил, откуда ему были знакомы фамилия и имя, только что им услышанные. Однако через секунду он всё понял. «Это пароль!» Разведчик смело сел в машину, которая сразу тронулась с места.

– Здравия желаю, товарищ генерал, полковник Нефедов, в прошлом – сержант Василий Нефедов.

– Ну и шуточки в вашей службе, товарищ полковник.

– Всё строго по инструкции.

– Остановись, давай хотя бы обнимемся, однополчанин!

Машина остановилась. Федор Михайлович Пашин окончательно признал в полковнике своего бывшего подчиненного, с которым они чудом выжили в одном из боев в горах Афганистана, а потом еще долго плутали по горным тропам, пока не вышли к своим войскам. «Афганцы» обнялись.

«Мерседес» быстро набирал скорость.

– Василий, давай рассказывай, как угодил в спецслужбу и до полковника дорос.

Василий начала вспоминать. Генерал какое-то время внимательно слушал собеседника, а потом стал клевать носом и, наконец, заснул, развалившись на кресле. Бессонная ночь и трагическая гибель сотрудницы дали о себе знать, как и уверенность в том, что все самое худшее в жизни Пашина уже позади. Он возвращался на свою Родину.

Спутник проснулся, когда «мерседес» уже пересек границу. Нефедов предложил генералу пересест в другой автомобиль.

– Так надо. Эта «ауди» с мигалкой, чтобы в пробках не торчать, – пояснял полковник. – У нас сегодня жесткий график. До конца дня надо быть на месте. У вас будет два дня на отдых. Потом встреча в центральном офисе спецслужбы. Наконец, в эти дни вас ожидает сюрприз!

– Без сюрпризов нельзя? Останови машину где-нибудь возле березок. С Родиной хочу поздороваться.

Выбравшись из машины, Пашин широко открытыми глазами обратился к небу. Яркое солнце брызнуло в лицо и ослепило. Федор невольно зажмурился. «Под таким солнцем не воевать, а любить, плодиться и просто жить надо!» - мелькнуло у него в сознании. Он осторожно спустился вниз с дороги по крутому скату и по придорожной траве направился в близлежащий лес. Не дойдя до зарослей деревьев, он опустился на колени и, разбросав руки в стороны, лицом лег на густую траву. Издалека казалось, что человеку вдруг стало плохо и он потерял сознание. Спустя пару минут генерал встал, подошел и обнял березку. А затем опустился перед ней на колени и склонил к земле голову. Своеобразный ритуал встречи с Родиной генерал закончил тем, что нагнулся к земле, вырвал охапку зеленой травы и поднес ее к лицу, полной грудью вдохнув чудный непередаваемый запах русской земли.

Полковник продолжал стоять у машины и нервно курил. Он хорошо понимал чувства своего боевого товарища. Вернувшись к машине, Пашин признался:

– Конечно, и Украина, и Белоруссия – тоже составные части нашей общей Родины. Но здесь, в России, ощущения особенно острые. Дыхание перехватывает! Я сам уроженец лесостепных мест, жду не дождусь, когда с малой родиной встречу! Извини, полковник, но сам должен понимать, что после долгих лет чужбины особенно явственно осознаешь, что Родину не выбирают!

– Федор Михайлович, у меня после двух лет Афгана подобные ощущения были, а тут столько лет вдали от России... – с пониманием откликнулся полковник.

Оставив генерала на подмосковной даче на попечение любезной прислуги, Нефедов попросил его до встречи с руководством спецслужбы не проявлять никакой инициативы, однако генерал заснул только далеко за полночь.

Самый настоящий сюрприз, обещанный Федору Михайловичу Пашину, был преподнесен ему уже на следующий день, после встречи в центральном офисе спецслужбы. Там генералу вручили награды и отправили в длительный отпуск за все годы спецкомандировки на чужбину. Через неделю бывалого резака привезли на встречу в прославленное военно-учебное заведение, где уже больше семидесяти лет готовили офицеров со знанием иностранных языков. Сегодня Федора Михайловича было трудно узнать. В новенькой генеральской форме и с короткой прической, он выглядел молодежато. Его пригласили на трибуну вместе с руководством военного вуза. Внимательно разглядывая стоявшие прямо перед ним стройные офицерские и курсантские коробки, генерал очень волновался. Все эти первые часы нахождения на Родине вызывали у него волнительные и трепетные чувства.

Наконец, прозвучала зычная команда приступить к церемонии принятия присяги курсантами первого курса. Генерал Пашин также стал участником этого священнодействия. Он оказался старшим начальником возле курсантской коробки, перед которой стояли два стола, а в красных плотных папках лежали тексты присяги. Первым на доклад к генералу о прибытии для принятия присяги чеканным шагом подошел сержант. Он открыл папку и громко стал читать текст, вначале четко назвав свою фамилию, имя и отчество.

Со всех сторон от столов послышались торжественные слова присяги. Молодые курсанты дружно, почти синхронно, произносили клятву на верность Родине.

Но вот к столу подошел высокий худощавый «курсантик».

– Товарищ генерал-майор, курсант Пашин для принятия присяги прибыл!

Пашин остолбенел. Его как будто ушатом холодной воды облили. На лбу выступил пот. На глаза стали наворачиваться слезы. Генерал невольно заморгал. Перед ним стоял его родной сын – Георгий.

– Раз прибыл, сынок, так валяй принимай присягу, - только и произнес старший Пашин.

Курсант не обратил ни малейшего внимания на произошедшие перемены в лице генерала, как ему с большим трудом удалось проглотить комок, подступивший к горлу, сдержать слезы. Но бывалый мужчина, прошедший огни и воды в разведке, быстро взял себя в руки. Тем временем, его родной сын открыл папку. Перекрестившись, курсант начал читать текст:

«Я, Пашин Георгий Федорович, торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать ее конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость...».

Генерал, стараясь скрыть свое внутреннее состояние, попросил дать ему список курсантов, принимающих сегодня присягу.

Следом, через одного курсанта, Ярослав, стоявший в первой шеренге рядом с Георгием, вышел принимать присягу следующим. Отец едва сдерживал слезы умиления и радости от такой торжественной и одновременно чрезвычайно трогательной встречи со своими детьми. От его взгляда не ускользнуло, что Ярослав внешне был покрепче своего брата. «На кого же они похожи, сынки мои родные?»

Генерал украдкой смахнул слезу и направился к другим курсантским коробкам. Он с трудом сдерживал свои эмоции. Ком, подступивший к горлу, душил. Глаза были влажными.

Присяга подошла к концу. Командование вуза и его гости заняли свои места на трибуне. Генералу Пашину предложили выступить. Обратился он, прежде всего, к первокурсникам:

– Приведение к военной присяге – это один из первых важных ритуалов военной службы, с которым сталкивается человек, вступив на стезю ратного дела. Только дав клятву служить Отечеству, вчерашний новобранец становится военнослужащим. Принятие военной присяги – самое торжественное и трогательное событие в нашей армии. Как у многих армейских традиций, здесь есть интересная история, корнями уходящая в древность. Обычай принимать присягу появился на Руси с зарождением регулярного войска и неразрывно связан с понятиями воинской чести, верности, доблести, любви к Родине. Русские воины перед битвой с врагом давали клятву сражаться за Святую Русь храбро, самоотверженно, бесстрашно. Верность ей считалась священной. Ритуал принятия присяги также имел морально-психологическую окраску. В старину говорили: «Держись присяги – богатырем будешь». И действительно, давший священную клятву Родине ратник не отступал и не сдавался врагу. Нарушение присяги считалось позором.

Как отец, я сегодня счастлив тем, что два моих сына тоже приняли воинскую присягу. Я уверен, что они, как и другие молодые воины, давшие клятву, будут достойны светлой памяти русского воинства, покрывшего себя неувядаемой славой на поле брани за свободу и независимость своей Родины. Слава России!

Генерал-майор Пашин приложил руку к козырьку фуражки.

На плацу вновь зазвучали четкие и громкие команды: «равняйся», «смирно», «в походную колонну», «прямо шагом марш». Загремел оркестр. Он исполнял трогательный за душу старинный русский марш «Прощание славянки». Офицерские и курсантские стройные шеренги четким строевым шагом двинулись с места для прохождения перед трибуной торжественным маршем. Правофланговые курсанты Пашины твердо держали шаг. Их лица, смотрящие прямо перед собой, были серьезными и суровыми. В руках они сжимали самые лучшие автоматы в мире.

• • •

ЧАСТЬ IV

Русская весна

Рукописи не горят

В Россию Федор Михайлович Пашин, резидент российской разведки за рубежом, вернулся, когда ему уже был полтинник. Более 30 лет выслуги позволяли ему претендовать на пенсию военнослужащего. Однако генерал спецслужбы сохранил не только хорошую военную выправку и приличную спортивную форму, но и желание еще послужить своей Родине. Он мог спокойно подтянуться не менее 13 раз, до сотни – отжаться, резво пробежать один или даже три километра. Между прочим, его любимые сыновья, поступившие учиться в престижный военный вуз в Москве, не могли успешно соревноваться с отцом на количество «подъемов – переворотов» на перекладине. Темно-белая седина волос совсем не старила генерала. Пашин совсем не утратил привлекательности, продолжая нравиться даже молоденьким девушкам. Его жене Надежде, которая была намного моложе своего долгожданного мужа, было не стыдно пройти с «под ручку» с бравым генералом.

Однако главным достоинством экс-резидента оставалось его умение работать с «опорными» источниками новостей, вскрывать истинную подоплеку новостных лент и «дежурной» аналитики, в целом определять характер и содержание событий и явлений, информационных поводов, мгновенно оценивать изменения ситуации в мире, прогнозировать те или иные намерения геополитических конкурентов России.

Генерал-майор одной из самых влиятельных в России спецслужб по возвращении на Родину попал в резерв. По совету своего руководства занялся написанием диссертации. На памятной встрече у руководства службы Пашину так прямо и сказали:

– Должен же кто-то наконец заняться изучением информационных войн в русской военной истории. Как известно, оружие красноречия по эффективности не уступит многим видам летального оружия. Не правда ли?

– Это правда, – генерал был в растерянности. Он, не без оснований, полагал, что его опыт мог бы быть востребован и в оперативной работе.

– В русской истории перед войнами вначале вели переговоры, а потом уже воевали или мирно расходились. Тема актуальная, сначала кандидатская, потом докторская. Со временем будешь преподавать, передавать свой опыт молодым, – особо подчеркнул первый заместитель руководителя спецслужбы.

– С богом! – бросил он на прощание. А еще он пожелал удачи своему подчиненному, а также посоветовал нигде особо не высовываться, тем более не красоваться в СМИ.

Так, по меткому определению Федора Михайловича, у него началась «свободная служба» в Москве. Зато появилась возможность походить по московским библиотекам, покопаться в архивах, поискать исторические находки в сети Интернет. Диссертация писалась легко. За год удалось раскопать все необходимые материалы и источники. Их вполне хватало не на одну кандидатскую диссертацию.

Роясь в архивах, соискатель неожиданно обнаружил свидетельства обращения своего деда по материнской линии к верховному главнокомандующему. Пашин по-

тратил не одну неделю, чтобы обнаружить дедовское письмо из тюрьмы в Кремль. Оно было пространным, на нескольких страницах, написанное карандашом. Первое, что бросилось в глаза – это короткая резолюция «десять лет тюрьмы». Письмо было на редкость грамотным и политически выдержанным. Из других материалов персонального дела, оформленного на Федора Павловича Пашина, 1900 г. рождения, коммуниста, было ясно, что о письме было доложено на самый верх и именно там было принято окончательное решение. Письмо деда Пашин-внук прочитал не один раз, переснял и забрал с собой в семейный архив. Картина всего происходившего, в том числе как решалась судьба его деда, отчетливо возникла у него перед глазами.

Лето было в самом разгаре, когда началась война Германии против СССР. Богатая природа, родная земля, благоухая в лучах солнечного тепла, одновременно содрогалась и стонала от разрывов падающих бомб и снарядов, лязга боевой техники и бесконечной пальбы. Вторгнувшиеся в пределы СССР немецкие колонны бронетехники и пехоты стремительно двигались на Восток. Однако скудные сводки новостей в первые дни войны с западной границы СССР не позволяли судить о масштабах беды, которая пришла на одну шестую часть света. Поэтому в московских властных кругах не хотели верить, что уже началась и идет большая настоящая война и на кону поставлено само существование государства и народа.

Иосиф Виссарионович Сталин в этот день находился в своем рабочем кабинете в Кремле. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей о положении на фронте, он курил трубку с душистым ароматом. На его рабочем столе стоял полный бокал красного вина. Грузинскую «хванчкару» он особо выделял из всех других вин. В этот момент, когда дым и глоток вина обволакивали сознание, думать о войне и неотложных государственных делах как-то не очень хотелось. Однако смертельная опасность, которая нависла над Советским Союзом и угрожала кремлевской власти с началом немецкого вторжения в страну, всякий раз заставляла собирать волю в кулак, настраиваться на работу с полной выкладкой сил.

Верховный главнокомандующий еще раз полистал военные сводки и вернулся к подготовке текста обращения к советскому народу. В ближайшие дни он собирался выступить по радио. «Товарищи, граждане, братья и сестры, бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начавшееся 22 июня, – продолжается», – еще раз про себя прочитал текст председатель вновь образованного Государственного комитета СССР и отложил его в сторону.

Несмотря на то что гордый сын гор по фамилии Джугашвили уже успел отойти от пережитого шока первых дней начала войны, он продолжал терзаться мыслями последних страшных потерь, о которых ему доносили с передовой. «Неужели конец? Заманили-таки в ловушку англичане! Как быть! Вот сукины сыны!» – вслух прокричал Сталин, а уже про себя выругался на грузинском языке. Ему все еще не хотелось верить, что его могли переиграть в его хитрой геополитической игре с Западом, что их агентура в его ближайшем окружении оказалась умнее.

В дверь без стука вошел человек в военной форме без знаков различия. Этот человек был одним из немногих среди ближайших соратников Сталина, кто мог к нему зайти без стука в любое время суток. На пороге стоял Лазарь Моисеевич Каганович, член ЦК партии, а в действительности партийный «серый кардинал»,

организатор последних сталинских репрессий. Все его родственники занимали высокие должности во властных структурах Советского Союза. «Серый кардинал» имел особое влияние в Москве еще и потому, что поддерживал тесные связи с мировым кланом Рокшильбрайтов, обосновавшимся в Англии, и теневыми правителями Америки.

К компетенции Кагановича относились вопросы выявления «врагов народа» и «чистка» партийных рядов, «еврейско-русский» вопрос, а фактически – кадровая политика партии. Один раз в неделю Лазарь Моисеевич информировал Джугашвили о состоянии дел в этой весьма деликатной сфере отношений, комментировал склоки и другие внутрипартийные сплетни. Используя в своих интересах особенности неустойчивой психики «вождя народов», «серый кардинал» регулярно провоцировал его, вызывая нужную реакцию против своих конкурентов во власти. «У меня один брат – Сталин!» – любил повторять Каганович, когда Коба готов был растерзать очередного «врага народа».

– Мало времени, обращение к народу готовлю, докладывай, что накопал! – Джугашвили говорил с сильным кавказским акцентом. Он почему-то волновался, когда встречался с Кагановичем. Несмотря на попытки отодвинуть Лазаря Моисеевича от властных рычагов и принятия стратегических решений, ничего не получалось. «За ним вся сила кагала! Он свой для Рокшильбрайтов, а я для них был и останусь чужим!» – не раз признавался себе Джугашвили, не зная как подмять под себя «серого кардинала».

Лазарь Моисеевич, пытаясь прочитать мысли Кобы, с улыбкой на лице заметил:

– Хорошо выглядишь! Уверен в себе, молодец, Коба!

– Вино грузинское пью. Угощайся.

– Спасибо. Сначала о деле. Во-первых, как обещал, подготовлен наш вариант воззвания к народам СССР, взглянешь?

– Оставь, почитаю. С чем еще пришел? – Сталин внешне был невозмутим.

Каганович сделал краткий обзор партийной жизни, конфликтов и противоречий в партии. В конце обратил внимание на письмо бывшего коммуниста, председателя колхоза из Черноземья некто Пашина из мест заключения на имя генерального председателя Совнаркома СССР, кем в начале войны стал Сталин.

– Война пришла, а ты про какого-то Пашина мне говоришь! Что за дела, товарищ Каганович?! – Сталин сразу запомнил фамилию арестанта.

– Не простое дело. Жалоба на перспективного работника НКВД, нашего соратника.

– Что не поделили?

– Бабу, жену председателя колхоза. Энкавэдэшник упрятал ее мужа за решетку. Таких случаев хватает.

– Так и знал! Зачем тогда обсуждать?! Пусть сидит! Надо делиться! – Сталин усмехнулся в усы и взял в рот трубку. Душистый аромат табака в легкой дымке поплыл вокруг стола верховного главнокомандующего.

– Не все так просто! Письмо дошло до Кремля. А его копия оказалась в редакции областной газеты «Сельский корреспондент». Хорошо, проявили бдительность, вовремя перехватили. Редактор хотел опубликовать. Он оказался давним приятелем этого Пашина. Тот еще раньше пописывал в редакцию статейки не только на сельскую тематику, – подчеркнул Лазарь Моисеевич.

– Редактор еще работает?

– Я тебя умоляю, редактор уже отстранен от должности, по партийной линии наказан, отправлен на фронт военным корреспондентом.

– Это правильно. А вот Пашин не прост. Чьих кровей он будет?

– Русский, да еще из донских казаков, православный. Похоже, антисемит, заговорщик, одним словом, пособник врагов народа... – Лазарь Моисеевич выдал заранее подготовленный приговор.

– Энкавэдэшник кто такой? – перебил его Сталин.

– Царьков Арон Соломонович. Наш, настоящий коммунист. Еврей пролетарского происхождения, из кустарей ювелиров. Надежный, проверенный человек еще со времен революции и гражданской войны. Служил в Конной армии у Буденного, на Тамбовщине с Тухачевским мятеж подавлял, в Донбассе и Черноземье саботажников ловил. Там они с Пашиным и схлестнулись.

– Значит, дело не только в бабе. Здесь и политика... Заговором пахнет?

– Верная партийная оценка, товарищ Сталин. А Арон Царьков за партию и товарища Сталина голову готов положить. Я с ним недавно беседовал. Он проездом был. Идет на повышение. Он назначен руководителем особого отдела, убывает на фронт, кровь будет проливать за Родину. Для него, как и для меня, есть один брат – это Сталин! – особо подчеркнул «серый кардинал».

«Каков хитрец этот Каганович! Думает, не понимаю, куда он клонит. Задумал новую волну террора поднять. И это в первые дни войны, когда неизвестно, что выйдет, куда народ повернется. Террора не будет, мне русские и другие народы нужны, чтобы власть в СССР отстоять. Кто будет воевать с гитлеровцами на фронтах?!» – про себя решил Сталин, а вслух сказал:

– Межнациональные распри нам в партии не нужны. Коммунисты – это интернационалисты! Антисемитизм в СССР – это преступление перед партией и пролетариатом, несмываемый позор! Каленым железом будем прижигать головку русского национализма, так нас учил товарищ Ленин, – хозяин кабинета ошибочно приписал вождю пролетариата известные слова Бухарина, его верного сподвижника по партии. Будучи русским человеком по происхождению, он тем не менее вел непримиримую борьбу, прежде всего с русским национализмом и православной верой.

– Как скажет товарищ Сталин, Пашин заслуживает высшей меры наказания. Нужна твоя резолюция, – Лазарь Моисеевич обращался к «вождю народов» на «ты».

– Сам в тюрьме сдохнет! Нам сейчас новый террор не нужен, товарищ Каганович! – Джугашвили погладил свои пышные усы и взял в руки трубку. Она вновь задымила.

Каганович смолчал, подавив в себе недовольство решением Кобы.

– С бабой что? Кому досталась? – словно спохватившись, заметил Джугашвили. В его больших пышных усах вновь проскользнула похотливая усмешка.

– Эх, забыл спросить у Царькова! – подосадовал «серый кардинал» Кремля, ближайший сподвижник Сталина.

Из провинции в Москву

2008 год принес России новые испытания – мировой финансово-экономический кризис, война с Грузией, новое обострение отношений с Западом. Но жизнь брала свое, простые люди продолжали преодолевать трудности, радоваться жизни и верить в лучшее будущее. Второго августа на Красной площади громко и раскатисто звенели колокола. На Ильин день храм Пророка Илии был как всегда полон православных людей. Молебен и Божественная литургия окончились, и прихожане стали потихоньку покидать церковь. Миловидная девушка в светлом платочке и длинном платье с рукавами, выйдя наружу, еще раз перекрестилась. Она сразу оказалась в рядах сотен верующих, которые выстроились в ряды, чтобы совершить крестный ход от храма до Лобного места на Красной площади, где должен быть отслужен молебен Пророку Божию Илие.

Девушку из провинции звали Мария. Во второй раз в своей жизни, попав на торжества Ильина дня в Москве, она все больше познавала нового о сложившейся традиции представителей армии и РПЦ совместно отмечать этот религиозный праздник. Еще узнала, что Илия Пророк является покровителем воздушно-десантных войск, а храм Пророка Илии – это один из старейших религиозных центров Москвы, в XVI веке давший название улице Ильинка – одной из древнейших улиц Китай-города. На торжествах в здании Торгово-промышленной палаты России, куда Маша попала случайно, оказавшись в составе представителей православной общественности, она впервые услышала про то, что праздник символизирует единство церкви, армии и предпринимательства, которые во все века были главными столпами российской государственности. «Интересно, никогда не могла подумать так!» – решила про себя девушка.

На праздник в Палату, которая находилась поблизости от церкви на Ильинке, Мария попала позже, а до этого она в числе других прихожан побывала на показательных выступлениях с оружием в руках курсантов Рязанского воздушно-десантного училища на Красной площади, а еще посмотрела концерт на Васильевском спуске. Курсанты покорили публику своими навыками владения оружием в строевых порядках. Буквально дух захватывал при виде стройных рядов будущих офицеров, статных и храбрых парней. У Маши был еще один свой интерес к показательным выступлениям. В прошлом году ей даже показалось, что один стройный высокий курсант, который исполнял упражнение не то с мечами, не то с саблями, заметил скромную девушку в платочке на голове и даже улыбнулся. «Даже смутил меня!» – вспомнила девушка. «Интересно, увижу ли сегодня того голубоглазого парня из первой шеренги сегодня?» – девичья мечта проскользнула в ее обворожительной улыбке. Она сняла платок, поправила светлые волосы, в косу вплетенные. Так и не найдя глазами того самого курсанта, стройная милая и очень красивая девушка направилась на торжества в здании на Ильинке.

Провинциалка с красивым русским именем Маша в Москве обосновалась пару лет назад. Она приехала «штурмовать» столицу из небольшого патриархального городка Задонск, который приютился сразу за рекой Дон на его левом берегу. Известный далеко за пределами мужской Рождество-Богородицкий монастырь был виден издали со всех сторон, когда едешь по дороге «Дон». Здесь у Марии жила мама. Она работала на почте. На местном кладбище был похоронен отец.

Не сумев поступить в лингвистический вуз на «бюджет», она вынуждена была изыскать средства на оплату учебы по модной специальности «PR и журналистика». Правда, как иногородней, университет предоставил Марии общежитие. Однако срочно была нужна работа. Девушка из провинции не хотела тянуть деньги из дома, от матери. Помог случай. Во время поступления в вуз Маша познакомилась с одним москвичом. Коротко стриженному, ушастиному, худосочному низкорослому парню на вид было лет пятнадцать. Он имел высокие показатели ЕГЭ, а потому сразу попал на «бюджет». Впрочем, в университете и те, и другие студенты учились вместе.

Ушастик! – так мысленно окрестила своего нового знакомого Маша. Несмотря на свой невзрачный вид, москвич ей нравился. Конечно, худосочный мальчишка сильно уступал в сравнении со статным бравым курсантом-десантником, который так запал в сердце девушки. Ушастик знал, что ему надо в жизни, много читал, с ним было интересно общаться. Он прекрасно разбирался в компьютерной технике, поэтому с удовольствием согласился понравившейся однокашнице помочь осваивать ай-ти-технологии. А еще у него водились свои карманные деньги. «Айтишник» уже год как подрабатывал в качестве «фрилансера», занимаясь SEO-оптимизацией сайтов и ремонтируя компьютеры. Поэтому всегда мог пригласить Марию посидеть в кафе, сходить в кино или театр. Провинциалка не видела в невзрачном парне своего возможного ухажера. Однако поболтать с ним о жизни за чашкой кофе с итальянским мороженым была совсем не против. Тем более что денег из дома катастрофически не хватало.

А еще парень и девушка стали вместе заниматься в секции каратэ в Ассоциации со звучным названием «Витязи». Оказалось, что «ушастик» к тому времени уже имел «черный пояс» и мог постоять не только за себя. Но самое главное, что в свои семнадцать лет каратист уже входил в число активистов «прокремлевского» молодежного движения «Наши». Его туда пристроила мама, которая работала главным бухгалтером в правительственном молодежном ведомстве «Росмолодежь». Так Мария стала посещать мероприятия «нашистов». Но даже эти обстоятельства не могли тронуть девичье сердце, заставить ее полюбить москвича. Тем не менее знакомство девушки с мамой продвинутого москвича состоялось. С этого момента и начались невероятные приключения провинциалки в Москве.

«Ушастик» вдвоем с матерью проживали в трехкомнатной квартире на проспекте Мира. Прекрасное современное жилье по льготным расценкам помог им приобрести некий Гайк Бюзандович Шаумян. В прошлом известный депутат, а ныне руководитель правительственного ведомства «Росмолодежь» был одновременно начальником и любовником симпатичной и привлекательной женщины. Их взаимной привязанности было уже около двадцати лет. Со своей избранницей, в то время молоденькой санитаркой, он познакомился еще в психиатрической

клинике имени П.П. Кащенко, более известной как «Канатчикова дача». Несмотря на то что будущий депутат был психически нездоров, с заботливой и набожной сестрой милосердия он сумел подружиться. Простая русская девушка как могла жалела «психа», даже пыталась приучить его молиться Богу. Но Шаумян только хихикал, мотал головой и орал, брызгая по сторонам слюной. После года общения с медсестрой «псих» соблазнил ее, убедив, что таким образом он сможет окончательно избавиться от психиатрических навязчивостей.

Наступили смутные времена перестроечных реформ, и господин Шаумян оказался востребованным человеком. Редкостный психопат благодаря своим ораторским способностям и чрезмерной эмоциональности преуспел в политических дебатах и даже пробился в депутаты Госдумы. Шаумян стал налево и направо раздавать интервью, делать громкие заявления, наладил написание книг за своим авторством. Став популярным и известным человеком, постепенно разбогател: счета в банке, квартиры, машины, акции и т.п. Вскоре завел семью, взяв женщину с ребенком, но с влиятельными родителями. Будучи одним из самых заметных фигур на политическом небосклоне, одновременно любимцем и антигероем СМИ, Гайк Бюзандович тем не менее мечтал о кресле министра. Только вот у него ничего не получалось, чтобы добиться этой заветной цели. Пришлось довольствоваться малым. Так, после долгих лет политического мытарства в депутатах он занял кресло высокопоставленного чиновника – руководителя «Росмолодежи».

Несмотря на то что Шаумян был женат, он помог своей бывшей медсестре, благодушной женщине, поступить и окончить в Москве Институт туризма и гостиничного бизнеса. Шли годы, их любовь «не ржавела». Как бедная женщина ладила с таким психопатом, было только одному Богу известно, но их тянуло друг к другу. Медсестра вначале жалела несчастного Шаумяна, а когда у любовной парочки появился внебрачный ребенок, мать всю себя посвятила сыну. На удивление спокойный и покладистый парень рос отличником и общественником, по окончании школы легко поступил в продвинутый лингвистический вуз.

В ноябре «ушастику» исполнилось восемнадцать лет. Ему в этот раз удалось уговорить свою скромную и неприступную подружку прийти к нему домой, чтобы отметить день рождения. «Будут только папа и мама, не стесняйся!». Едва сели за стол, как стало ясно, что на миловидную провинциалку «положил глаз» непутевый родитель. Он беспрерывно хохмил, хвастал своими политическими и деловыми успехами, все время норовил потрогать девушку. Сын и мать недоумевали, но молчали. Мария, не выдержав назойливых ухаживаний, засобиралась восвояси. Шаумян, (а это был именно он) вызвался проводить девушку на своей служебной машине. По дороге чиновник, сменив тактику, долго и мило беседовал с попутчицей о служебных перспективах, возможности иметь квартиру в столице, и, конечно же, о работе на госслужбе.

Вскоре, трудоустроив девушку к себе работать в пресс-службе, руководитель «Росмолодежи» с первого дня стал делать знаки внимания Марии. При этом он не сомневался, что стройная фигуристая провинциалка рано или поздно станет его новой любовницей. Робкие возражения сына и матери совсем не волновали Шаумяна. «Мне даже законная жена давно уже не задает лишних вопросов! Ты куда свой нос суешь, знай свое место, медсестра!» – он был явно недоволен. Его

сотрудница, любовница по жизни и мать «ушастика», в его кабинете стала вновь укорять отца своего ребенка в том, что он собрался у родного сына любимую девушку отбить. «Будешь болтать, выгоню и лишу поддержки!» – Гайк Бюзандович поставил жирную точку в коротком разговоре.

Чтобы поскорее сблизиться с новой пассией, чиновник быстро решил вопрос со служебным жильем для своей новой сотрудницы. Между тем Маша с провинциальной наивностью все еще верила в сказочные превращения в ее московской жизни. «Какие хорошие люди живут в Москве. Теперь у меня и жилье есть и работа престижная! Но зря мама за меня беспокоится, наговаривает на москвичей. Думает, что меня мой начальник в любовницы готовит. Он отец моего сокурсника, «ушастика». А с ним ведь можно дружить!» – успокаивала себя девушка после очередного телефонного разговора с мамой.

Кроме мамы, у Марии из самых близких родственников оставалась старшая сестра. Но она год назад вышла замуж за своего одноклассника, который после срочной службы в погранвойсках остался служить по контракту. Сразу после свадьбы в родном городе, молодожены уехали на китайскую границу. Мать осталась одна без дочерей, стала больше скучать и думать об отце ее любимой дочери Машеньки. Своего первого мужа она не любила. Когда он внезапно умер, в очередной раз перебрал алкоголя, и она осталась одна с маленькой дочкой, то горевала недолго. А вот мысли о случайной встрече в поезде с незнакомым мужчиной, после которой и родилась Мария, всегда не давали покоя одинокой женщине. Короткая страстная любовь навсегда засела в одиноком сердце женщины.

Когда дочь в очередной раз начинала донимать расспросами о своем отце, матери даже нечего было ответить. Мария с самого начала не особо верила, что у них с сестрой один отец, а когда подросла, стала настойчивее требовать честного рассказа о своем рождении. Но что могла рассказать несчастная мать! О прекрасном незнакомце, о котором можно только мечтать, она знала только что он военный из Москвы, ехал к себе на побывку, на малую родину. Даже имя Федор, каким он ей представился в поезде во время их внезапного страстного порыва, могло оказаться вымышленным. Ни телефона, ни адреса незнакомец не оставил ей. Когда мать начинала рассказывать такую правду, то дочь отказывалась верить ее словам и принимала на смех давнюю любовную историю в ночном пассажирском поезде.

– Ну, ты, мама, даешь! Всю жизнь меня вразумляла блюсти себя, жить по божественным предписаниям, а тут такое прелюбодеяние – от первого встречного взяла да и залетела!

– Господи, прости меня, грешницу! – мать троекратно перекрестилась, обратив свой взор к иконе Божией Матери, расположенной в верхнем углу комнаты.

– Только не обижайся! Мне же очень интересно. Это будет нашей тайной. Извини, мамочка.

– Доченька, милая, скажу как на духу! Сама не знаю, что со мной тогда произошло. Прямо какое-то наваждение, с первого взгляда втюрилась, все тормоза сами собой отключились! После корила, последними словами себя обзывала. Даже аборт хотела сделать, но что-то сдержало меня. Прости, Господи, за такие мысли! До сих пор не могу выбросить из головы ту ночную встречу в поезде. Прости,

дочка, виновата я перед тобой! Только пойми меня, как женщину пойми, честно скажу, многое бы отдала сейчас за то, чтобы одним глазом взглянуть на него, треклятого, всю мне жизнь перевернул, негодник! – перекрестившись, женщина закрыла лицо ладонями.

– Мне все больше хочется взглянуть на мужчину, который продолжает столько лет сводить с ума мою родную мать! – Мария, улыбнувшись, покачала головой, когда в последний раз просталась с матерью.

– Машенька, доченька, ты не болтай лишнего! Пускай это наша с тобой женская тайна будет! Береги себя, родная моя! – мать обняла дочку. Еще раз присев на дорожку, помолвившись, Мария с матерью вышли из дома. Время подошло, чтобы ехать на вокзал.

Более года прожив в Москве, Мария сама себе удивлялась, как ей удалось избежать многочисленных московских соблазнов, сберечь себя от случайных встреч с мужчинами. «Через год – двадцать лет, а я все еще девственница. Скажи кому, ведь не поверят! – не зная то ли радоваться, то ли расстраиваться, не раз про себя рассуждала девушка. И это при том, что она почти сразу оказалась под опекой взрослого женатого мужчины, большого московского начальника, который сразу не скрывал своих симпатий к красивой, умной и обаятельной провинциалке. Однако как ни старался Шаумян склонить студентку к сожительству, ничего у него не получалось. Во-первых, сама девушка не давала никаких поводов и намеков, всячески избегала знаков внимания своего начальника, а посещать ресторан соглашалась только в сопровождении своего сокурсника, «ушастика». Шаумян раздражался, не раз грозил уволить непреклонную девушку с работы и даже выгнать из института, если она будет продолжать игнорировать его ухаживания. «Вылетишь отовсюду, в том числе и из моей квартиры, поедешь в свой Захлудонск! Хватит ломать из себя целку! – пришел в бешенство однажды чиновник, когда в очередной раз не смог обнять и поцеловать строптивую сотрудницу у себя в кабинете.

Несмотря на все перипетии судьбы, Мария продолжала прилежно учиться, ходить на работу, регулярно посещать свой любимый храм Пророка Илии возле Кремля. Появились успехи и на общественном поприще. Преуспев в молодежном движении, она вошла в комиссарское сообщество. Но конечно же провинциальная девчонка по-прежнему продолжала мечтать о своем единственном принце, который рано или поздно найдет свою избранницу и увезет с собой из Москвы в далекие края. Туда, где всегда светит солнце, плещется море и растет экзотическая зелень, подальше от Москвы, раздувшейся от новостроек и пробок, затянутой плотной пеленой смога, города, в котором соседствуют роскошь и нищета, постоянно куда-то спешит и друг друга обманывает разношерстный люд, правят краснобаи, мздоимцы и проходимцы. В отличие от многих своих сверстниц, приехавших покорять столицу, Маша так и не смогла принять этот город, так непохожий на ее родной патриархальный Задонск.

В застенках НКВД

Трагическая судьба деда не переставала волновать внука, генерала спецслужбы. Досконально изучив подшивки газет предвоенного времени, другие архивные материалы, в том числе документы, хранящиеся в тайниках ФСБ, перечитав еще несколько раз письмо деда, генерал Пашин отчетливо представил последние дни и часы жизни близкого ему человека – его тезки, Федора Павловича Пашина.

Тяжелые металлические двери камеры смертников областной спецтюрьмы НКВД со скрежетом отворились. Из темноты небольшой одиночки в лица небольшой группы военных людей хлынул затхлый спертый воздух, наполненный сыростью и нечистотами человеческого тела. Тусклый свет керосиновой лампы в руках тюремщика выхватил в темноте распластанный на земляном полу силуэт человека. На лежащем мужчине повсеместно лохматились остатки военной формы. Его заросшая с бородой голова была запрокинута назад и слегка повернута набок. Человек не подавал никаких признаков жизни.

– Тащите его в коридор! – приказал чин НКВД со знаками различия на красных петлицах.

Двое рядовых тюремщиков быстро схватили безжизненное тело за худые длинные ноги и руки и вытащили его на свет в тюремный коридор. Члены комиссии, приехавшие из Москвы, подошли вплотную к лежащему на земле человеку.

– Как фамилия заключенного?

– Пашин Федор Павлович, – с явной брезгливостью и заметной картавостью процедил сквозь зубы чин из местного НКВД, который сопровождал московских гостей. Он сделал короткую паузу и тут же бодро продолжил:

– 1900 года рождения, уроженец села Ивановки Хохольского района одной из Центрально-Черноземных областей. Бывший председатель колхоза. Полтора года назад был арестован за участие в антисоветской деятельности: саботаж и агитацию против власти. Две недели назад объявил пятую по счету за полгода голодовку. Даже от воды отказывается. Переведен в комнату смертников.

Чтобы скрыть взор своих злых черных глаз исподлобья, жгучий брюнет поглубже надвинул фуражку на лоб. Но она с трудом закрыла копну его кучерявых пышных волос. Новенькая форма плотно обтягивала полноватое тело «хозяина», надраенные до блеска сапоги и кожаный ремень слегка поскрипывали. В руках у него была папка с документами.

Царьков Арон Соломонович в столице Черноземья служил в органах НКВД, а до того отличился сначала в годы Гражданской войны, а затем в борьбе с контрреволюцией на юго-востоке Украины и в центральной России. Как он любил хвастать среди сослуживцев: «Громил мятежников в Донбассе, на Тамбовщине, занимался выявлением недобитых белогвардейцев, казаков, попов, разного рода антисоветчиков, их прихвостней, наказывал шаловливых бабенок, регулировал рождаемость...».

В стремлении поскорее вырваться в Москву на повышение Царьков ежемесячно десятками арестовывал людей по малейшему подозрению в нелояльности к советской власти, фабриковал и «шил дела», отдавал под трибунал зачастую ни в чем не повинных людей. Особую страсть он испытывал к молоденьким женщинам, особенно беременным. Будучи самцом по природе, склонным к половым извращениям и садизму, Арон Соломонович погубил не одну женскую душу. Как он сам хвастал в подпитии: «После контактов со мной редко какая русская баба способна любить, рожать, а то и просто дальше жить...»

Однажды Царьков на одной молодой женщине, которую звали Матрена, чуть было не сломал себе шею. А дело было как-то летом. Арон Соломонович обеспечивал проведение очередных сборов партийных и комсомольских активистов. В тот год троцкисты заметно активизировались в своих антисоветских провокациях. В первый день массового мероприятия в местном доме культуры во время перерыва на обед энкавэдэшник заметил невысокую слегка полноватую дамочку, явно на сносях, в темном одеянии, но в красном платке.

Матрена Терентьевна Пашина приехала в областной центр вместе с мужем, председателем небольшого колхоза под громким названием «Знамя труда». Молодая женщина, мать троих детей, была знатной дояркой на селе. И ее как ударницу коммунистического труда райком направил на сборы. Муж был изначально против того, чтобы жена, к тому же на седьмом месяце брюхатая, красовалась на публике. Но в райкоме передовую коммунистическую семью решили всячески продвигать в качестве примера для подражания другим активистам.

Пропустив мужа вперед в зал, где обедали участники сборов, Матрена отправилась в уборную. По дороге в фойе ее и остановил незнакомый человек в военном обликии.

– Ты кто такая? Зачем здесь? Документы предъяви! – Царьков осыпал женщину вопросами. Матрена явно не ожидала такого напора. Она сразу почувствовала угрозу. Злые хитроватые глаза энкавэдэшника напомнили ей того злобного чекиста, который почти двадцать лет назад вместе с полдюжиной красноармейцев прибыл экспроприировать «кулацкое добро» ее семьи на Тамбовщине. Тогда, во времена «красного террора», будучи девятилетней девочкой, она впервые испытала буквально животный страх при виде людей в форме, особенно одного из них в кожанке с большим пистолетом в кобуре.

Первый раз ее семья, которую районные большевики почти сразу после установления советской области в районе записали в кулаки, так как отец имел свое подворье, мельницу и зернохранилище, немало скота, подверглась революционной экспроприации. Это были годы Гражданской войны. Тогда красноармейцы во главе с бравым чекистом в кожаной куртке ограничились тем, что выгнали все многодетное семейство жить на задворки поместья в заброшенный сарай на краю села. Однако этим дело не закончилось. История с «раскулачиванием» повторилась через 10 лет. Во время очередной волны гонений на русско-славянское население отца Матрены вместе с ее матерью, двумя меньшими, чем она, братьями выслали в Сибирь. Там они вскоре погибли от голода и холода.

Несчастливая девушка, которой было уже почти двадцать лет, спаслась случайно. На сборном пункте вынужденных переселенцев на нее обратил внимание охран-

ник. Федору Пашину, а это был он, сразу запала в душу молоденькая казачка со светло-русой косой. Он и упросил начальство взять себе в жены переселенку. Отстоять других родственников Матрены, спасти их от выселения не удалось. Местный начальник НКВД был непреклонен. После демобилизации молодожены уехали по разнарядке в Донбасс, где Пашин работал на шахте, а жена сидела с детьми. Через несколько лет Федор Павлович вернулся к себе в Черноземье, куда его, новоиспеченного коммуниста, прошедшего рабочую школу в Донбассе, направили работать председателем колхоза в родную деревню.

Все было хорошо, но поездка в областной центр на сборы активистов сломала все планы на жизнь семейства Пашиных. Матрена Терентьевна в фойе дома культуры столкнулась с человеком в военной форме. Крепко схватив молодую беременную женщину за руку, Царьков потащил ее на второй этаж в кабинет руководителя дома культуры. Лысый сухощавый мужчина, приподнявшись со стула, попытался было что-то возразить, но чекист сразу оборвал его:

– Молчать! НКВД! На выход! У меня здесь будет допрос врага народа.

Он сунул в лицо хозяина кабинета свое служебное удостоверение.

– Отпустите меня! Люди добрые помогите! – вновь закричала несчастная женщина. Лысый было замедлил шаг.

– Пошел вон! Никого не впускать! Головой отвечаешь!

Тут же схватил женщину за горло и стал душить:

– Молчи, убью, сучка!

Насильник вынул из кармана свой платок, грязный от засохших зелено-красных ошметок соплей, и затолкнул его женщине в рот. Матрена как могла сопротивлялась. Царапалась и брыкалась ногами.

Царьков выхватил из кобуры револьвер:

– Пристрелю, как собаку! Лежать!

Он с силой бросил жертву на пол.

Председатель колхоза Федор Павлович Пашин стал волноваться за жену почти сразу, как только она скрылась из его глаз в проеме дверей столовой. Он сидел за столом, но кусок хлеба не лез ему в горло. Он стремительно выскочил в фойе дома культуры. Вокруг почти никого не было, спросить некого. По лестнице суетливо спускался сухощавый мужчина. В его глазах был испуг. Пашин бросился к нему:

– Где моя жена, Матренушка? Она же беременна!

В ответ руководитель дома культуры кивком головы указал на дверь своего кабинета. Пашин ринулся вперед, но дверь была заперта на ключ. Мужчина отошел назад и со всей силой выломал дверь. Жена лежала внизу на полу на ковре. Под дулом пистолета ее пытался усмирить и раздеть энкавэдэшник. Пашин ногой выбил у насильника оружие, заломил ему руки назад, оттащил в сторону и начал жестоко избивать. Царьков дико заорал:

– Уйди, посажу, сгною!

Жена бросилась к мужу, чтобы оттащить его. Но Пашин продолжал наносить удар за ударом. В его глазах горели гнев, злоба, бешенство. Энкавэдэшник стал молить о пощаде:

– Прости, отпусти, я не хотел ей причинить зла. Твоя жена оказалась похожей на одну саботажницу. Не бей меня! Мне больно! Ой, по яйцам! Русские лежачих не бьют!

Пашин невольно приостановился. Огляделся по сторонам:

– Не дай бог еще раз обидишь Матренушку!

На крики наверху стал собираться народ. Жена Пашина спешно утащила за собой мужа вниз. Им вслед понеслись плаксивые угрозы чекиста. Не дожидаясь окончания сборов, они уехали в свой колхоз.

Как и следовало ожидать, Арон Соломонович не замедлил воплотить в жизнь свои угрозы. Как оказалось, обидчик не только набил ему морду, намял бока, но и так вдарил по яйцам, что те распухли до неприличных размеров. Знакомый врач после осмотра вынес свой приговор:

– Ни детей не будет, да и бабам уже больше не нужен!

Уже через неделю Пашин был арестован. Ему не помогло обращение в райком партии. На местах НКВД было выше партии. На председателя колхоза состряпали политическое дело по обвинению в антипартийной и антигосударственной деятельности. Попав в застенки НКВД, он оказался в лапах Царькова. Издевательства и избиения продолжались не один месяц. Однажды из уст злодея в энквэдэшной форме Федор Павлович узнал, что его жена умерла при родах.

– Что с ребенком? – прохрипел избитый арестант.

– И детям твоим не будет пощады, русская свинья! Ты на кого руку поднять посмел, гой вонючий?!

Побой прекратились, когда Царьков почти на полгода уехал в служебную командировку. По ходатайству одного из своих приятелей – редактора местной газеты – арестанта перевели в городскую тюрьму. Находясь в заключении больше года без суда и следствия, Пашин нашел силы, чтобы собраться и написать странное письмо самому Сталину в Кремль. Его он передал через своего приятеля. А сам, по его совету, в знак протеста, объявил голодовку. Информация о председателе колхоза просочилась в региональную прессу и дошла до Москвы.

Комиссия из Москвы, нагрянувшая в городскую тюрьму, обнаружила его безжизненное тело в камере смертников. Московских визитеров сопровождал новоспеченный начальник НКВД города Царьков Арон Соломонович.

Почти через 70 лет внук Федора Павловича Пашина, исследовав всю подноготную трагической гибели его родных бабушки и дедушки, настолько был удручен, что долгое время не мог взять себя в руки. Первая мысль, которая пришла в голову генерала, – это намерение «достать из-под земли» кого-нибудь из родных и близких Царькова, чтобы отомстить им за смерть родных ему людей. Жена Надежда как могла сдерживала и успокаивала мужа. «Упаси, Господи, их Бог накажет! Не рви себе душу, мой родной!». Но муж стоял на своем: «Мне бы только в глаза посмотреть этому Царькову!». Однако желанию Пашина не суждено было сбыться. Арон Соломонович Царьков, Герой Советского Союза, многозвездный генерал в отставке, пенсионер еще союзного значения, умер совсем недавно, дожив до 95 лет, пережив Советский Союз, который он строил, крепил и защищал.

Единственное, что оставалось генералу – подготовить очередную статью на актуальную историческую тему на основе архивных рукописей, которые, как оказалось, не горят. К тому времени под новым псевдонимом Александр Григорьев вышел уже не одна его публикация в сетевых СМИ и на интернет-ресурсах.

Кремлевское знакомство

Узнав Москву с самой неприглядной стороны, наша знакомая Мария, девушка из провинции, невольно заразилась оппозиционными взглядами, сначала либерально-протестными, а уже затем стала симпатизировать русским националистам. На формирование ее взглядов также повлияли чтение политической литературы и регулярный просмотр новостей в сети Интернет, где «гуляли» самые оппозиционные взгляды. Ее родная мать в разговорах по телефону и при встречах не раз удивлялась: «В кого же ты уродилась? Не политикой надо увлекаться, а мужа себе достойного искать и выбирать». На что дочь последний раз не выдержала и ответила так: «Мам, хватит тебе! Не знаешь, что нет нормальных мужиков? Они все давно выродились с тех пор, как тебе тот самый мужик подкатил, про которого ты ничего не знаешь, но дочь взрослую имеешь».

Будучи активисткой, а впоследствии даже комиссаром прокремлевской пиар-движки, Мария несколько раз поучаствовала в протестных выступлениях оппозиции. Однажды даже засветилась в СМИ, когда оказалась в толпе футбольных фанатов, устроивших погром приезжим. Фотография с ее физиономией среди других протестантов появилась в «Московском комсомольце». Пришлось объясняться. Но выручил Шаумян, который все еще тешил себя надеждой затащить в постель свою строптивую подчиненную. Он сразу принял огонь на себя: «Мария по моему заданию ходила на молодежную тусовку, мониторила ситуацию и изучала агитационный опыт оппонентов».

Отчаявшись встретить своего принца в Москве, ей очень захотелось, чтобы ее заметили и продвинули вперед по карьерной лестнице. Казалось все шло удачно, но тут неожиданно она прокололась. На очередном летнем форуме, на озере Селигер, где по традиции собрались активисты российских молодежных движений прокремлевского толка, Мария неожиданно оказалась в центре внимания. На встрече с заместителем главы администрации президента Вениамином Ахметовичем Царьковым новоиспеченный комиссар задала сразу несколько вопросов высокопоставленному чиновнику. Тот даже опешил, когда услышал: «Объясните, почему в правительстве работают агенты влияния? Почему у нас в многонациональной России есть граждане первого и низшего сорта – титульные и нетитульные народы? Почему Москва превратилась в источник всех бед и зол современной России? Как остановить отток молодежи из страны?»

– Как Вас зовут, милое создание? – в улыбке скривил губы Царьков.

Девушка представилась.

– Вы задали столько много вопросов, что в оставшееся время мне не ответить. Обещаю, что я специально найду для Вас одной время, чтобы ответить, – чиновник обвел взором молодежную аудиторию.

Молодые люди, расположившиеся на зеленой поляне на берегу красивого озера, в свою очередь с нескрываемым интересом следили за реакцией

высокопоставленного чиновника. Царьков поежился, невольно почувствовав присутствие островков отчужденности и враждебности в молодежной среде.

– Ой, какая у нас молодежь. Просто активистка, красавица, умница! С такими людьми у России большое будущее! – так закончил свое выступление кремлевский чиновник. Тем не менее, известный интеллектуал не только испытал большую симпатию к красивой и умной девушке. Некая внутренняя неприязнь к своему идеологическому противнику сразу затаилась в глубине души скрытого русофоба.

Вскоре Мария поняла, что совершила непоправимую ошибку. Через неделю ее пригласили в Кремль к самому Царькову. В высокий кабинет девушку сопровождал ее шеф из молодежного ведомства. Все происходило так быстро, что провинциалка не смогла толком оглядеться, как оказалась в просторной приемной на тот период времени главного кукловода России. Хозяин кабинета сам вышел навстречу гостям.

– Здравствуйте! – он небрежно выбросил вперед руку Шаумяну, начальнику молодежного ведомства. Тот, обхватив ее руками, склонил голову и замер в позе глубокого почтения. Тогда Царьков выхватил руку, бросил пренебрежительную улыбку и повернулся к девушке. Взял в свои руки небольшую девичью ладонь, осторожно потянул незнакомку к себе и вкрадчиво заглянул в ее большие слегка подкрашенные глаза, полные небесной синевы.

– Вениамин Царьков! – чиновник ударение сделал на последнем слог. Эту привычку он сохранил еще с далекого детства, когда приехал с Кавказа в РСФСР, со школы, где одноклассники, видимо, за яркую южную внешность его прозвали «чуркой».

– Мария, – еще больше смуглившись, едва пролепетала девушка. – Откуда родом?

– Из Задонска, там моя малая родина, – живо ответила очаровательная гостья.

– Чтобы я так жил! Получается, что мы земляки! – соврал Царьков. Его мать была с Тамбовщины, а отец с Кавказа, где мальчик и прожил все детские годы, пока маму-учительницу не бросил отец, и они не вернулись обратно в Россию.

– Где же Вы жили, Вениамин Ахметович?

– Девочка, об этом потом, сначала дело, – чиновник, уйдя от прямого вопроса, окинул девушку сверху вниз и покачал головой. – Вах, вах, умница, красавица, патриотка!

Машенька в этот день была особенно хороша собой. В отличие от современных модниц она не была худой, но и не полной. Красивая юбка бордового цвета до колен, в тон кофточка плотно облегли ее статную женскую фигуру. Такого же цвета туфли на высоком каблуке делали Машу еще выше ростом. За время пребывания в Москве изменилась только прическа. Девушка не раз жалела, что полгода назад отрезала длинную косу. Сегодня короткая стрижка естественных русых волос с подбием косичек по бокам на голове выдавали в ней почитательницу как спортивного, так и делового стилей. Девушки такого склада на Руси всегда притягивали к себе нормальных здоровых мужчин. Высокая девичья грудь, рельефно выступавшая вперед, тонкая талия и красивые стройные ноги не могли оставить равнодушным ни одного мужчину. Худосочная крашенная секретарша лет

тридцати исподлобья бросила на очаровательную посетительницу ревнивый взор своих серо-зеленых глаз.

В московских общественно-политических кругах Царьков слыл большим знатоком и ценителем женских прелестей. Однако его сексуальные пристрастия были более разнообразными. К тому времени в кремлевские властные коридоры проникло немало любителей острых однополюх ощущений и других порочных связей. Но могущественный чиновник и политик не брезговал и красивыми девушками и женщинами. Мария ему понравилась сразу, даже мелькнула мысль незамедлительно уединиться с ней, что происходило с чиновником крайне редко, тем более в его кремлевских рабочих апартаментах.

– Свободен! – сквозь зубы проронил Царьков мужчине в затемненных очках, который привел к нему миловидную посетительницу. Гайк Шаумян покорно заковылял к выходу. Когда он волновался, а встречи с высоким начальством всегда напрягали его, болезненные гримасы на лице и хаотические движения рук и ног выдавали в нем психически больного человека.

Оставшись наедине в кабинете с девушкой, Вениамин Ахметович усадил ее в кресло и стал предлагать гостье на выбор восточные сладости с душистым зеленым чаем, фрукты, конфеты. Он сам выкладывал на маленький столик все угощения.

– Может, бокал вина?

– Нет, нет, ну что Вы, Вениамин Ахметович, я не пью.

– Это правильно. А меня можно называть просто Вениамин, нам ведь предстоит близкое знакомство, – вкрадчиво говорил хозяин властного кабинета. Похотливая улыбка вновь заскользила по его лицу.

На девичьем лице от удивления приподнялись брови.

– Не надо удивляться, милочка! Ваши острые вопросы на той памятной встрече на Селигере попали мне в самое сердце. Мне так хочется ответить на все твои вопросы, – чиновник неожиданно перешел на «ты». Немного театрализованно опустившись на одну ногу, упершись рукой на левое колено, он впился пронизательным взглядом в лицо своей юной гостьи.

– Бывает же такая красота, ну просто неопишная! В тебя нельзя не влюбиться, девочка!

– Что Вы? Не надо таких слов! – девушка еще больше засмушалась, спрятала глаза, стала поправлять платье, отодвинула в сторону плотно прижатые друг к другу колени ног. – Мне пора идти!

– Здесь я определяю, кому, что и когда надо делать! – Царьков в минуту весь преобразился. От навязчивых ухаживаний не осталось и следа. Он стал предельно строг. – Ты знаешь, кто я?

– Да. Вы...

– Нет, ты не знаешь, – Царьков резко перебил смущенную собеседницу. – Я могу тебя осчастливить, а могу раздавить. Могу ответить на твои вопросы, а могу отправить к следователю, отвечать за твои провокационные публичные вопросы.

Есть такая статья – 282-я. Слышала? За разжигание национальной розни – тебе грозит срок!

– Не понимаю о чем это Вы? Я ни в чем не виновата! Отпустите меня! Мне надо идти на работу.

– Успокойся! С этого дня ты будешь работать у меня в приемной, в том числе будешь поддерживать у меня хорошее настроение. В моей работе это особенно важно. Заодно мозги тебе вправлю, чтобы как надо могла разбираться в политике.

– Нет! Я не хочу! Что Вы себе позволяете? Вы не имеете права! – Мария бросилась к двери.

Царьков в один шаг перехватил, схватив девушку за волосы:

– Стоять, зорька! Будешь сопротивляться, будет хуже! Поняла?

– Нет, никогда! – повторяла Мария.

Не обращая внимания на причитания гостьи, чиновник открыл вторую заднюю дверь в кабинете, которая вела в отдельное полузатемненное помещение, и с силой втолкнул туда гостью. Зашел сам и плотно закрыл за собой дверь. Девушка попятилась к стене, у нее по щекам текли слезы.

– Не подходи, буду плакать и кричать! – Маша сняла с себя туфли с каблуками и взяла их в руки.

– Москва слезам не верит! – бросил Царьков, хотя и остановился. Быстро подавил в себе нахлынувшее похотливое желание. На его лице появилось подобие благожелательной улыбки. – Молодец! Так держать! Вот такие активисты движения, настоящие комиссары нам и нужны. Сработаемся! – хозяин кабинета сделал серьезный вид и нажал кнопку. В комнате открылась другая дверь, что вела наружу из затемненной комнаты. Появился плотный мужчина средних лет южной наружности. – Джигит, доставь девушку по назначению в мои апартаменты. Машенька теперь будет работать секретарем в моей общественной городской приемной. Ей предстоит серьезная работа, – Царьков криво усмехнулся.

– Будет исполнено, хозяин.

– Я никуда не поеду. Выпустите меня отсюда! – закричала Мария.

В эту минуту неожиданно в кабинете зазвонил телефон.

– До свидания, Мария! – Царьков плотно закрыл за собой дверь.

– Не надо кричать, мне приказано отвезти тебя домой. Успокойся, попей воды, – джигит протянул стакан.

Девушка выпила. Мужчина открыл дверь и показал девушке на выход. Они почти сразу оказались возле открытых дверей лифта. Едва спустились на первый этаж, как Мария потеряла сознание. Как оказалось, южанин ей дал быстродействующее усыпляющее средство. Узкий двухметровый проход от лифта вел прямо на улицу. Возле подъезда уже стояла машина «скорой помощи» с открытыми настежь задними дверями.

Тем временем Царьков уже вел беседу с новым президентом России по закрытой правительственной связи:

– Мой президент, я весь внимание!

Верховный главнокомандующий сначала пожаловался на усталость, что не выспался и с трудом успевает на многочисленные протокольные встречи.

– Тут без Тимы не обошлось! Она способна любого мужика утомить! – захихикал заместитель главы администрации президента.

Ему было хорошо известно, что с недавних пор главной фавориткой нового молодого президента стала руководительница его пресс-службы. Красивая, стройная и обаятельная Тима, как за глаза называли ее в кремлевских коридорах власти,

уже через пару месяцев после инаугурации президента стала его постоянным посетителем. В комнате отдыха они не только обсуждали вопросы президентского имиджа, но и занимались любовью. Дело зашло так далеко, что Тима нередко уединялась с ним в его загородной резиденции. Парочку нередко замечали вместе, когда они уезжали или приезжали в Кремль на одной машине. Слушок о том, что Тима метит в первые леди государства прошелся по кремлевским коридорам, и даже дошел до супруги главы государства. Женщина чаще стала ходить в церковь и просить у Бога семейного благополучия.

– Будь осторожен! Как бы пресса хай не подняла!

В ответ президент дал понять, что за лояльность прессы в стране отвечает Царьков.

– Не все в моих силах, мой президент! Тем не менее сделаю все что можно и нельзя!

Затем речь зашла о деле, в частности, последствиях экономического кризиса 2008 года. Белый дом во главе с экс-президентом выступал за ужесточение финансово-экономической политики, требовал включить печатный станок и понизить ставку рефинансирования, чтобы стимулировать развитие реального сектора экономики и, прежде всего, сельского хозяйства и промышленности, а также повысить потребительский спрос и покупательную способность населения.

– Это теперь уже не его вопрос, так и ответ! Центробанк знает, что делает. Он что, хочет, чтобы Запад санкции ввел, рубль обвалил, доступ к кредитам закрыл, от платежных средств отключил?..

Собеседник продолжал плакаться, как он устал от давления Белого дома и его хозяина, бывшего президента России, не называя его имени по телефону.

– Теперь ты президент, а он премьер. Он начальник, я дурак, ты начальник, тот дурак. А вообще-то такие темы надо перетирать не по телефону. При встрече обсудим... – спохватился Царьков. Он не мог не знать, что даже кремлевские каналы связи могут прослушиваться силовиками, лояльными Белому дому.

Рио-де-Жанейро Старого Света

Жителей Швейцарии мало волновали тревожные мировые события. Вихри социальных потрясений, революций и конфликтов в мире во все времена обходили стороной территорию небольшого европейского государства. Спальный район Евразии и хранитель мировых денег одновременно оставался в стороне от потрясений даже в лихолетья Первой и Второй мировых войн. Самый беспощадный правитель XX века Гитлер Адольф Алоизович, не посмел посягнуть на золотовалютные запасы властителей мировых судеб, хотя главные швейцарские банки находились на расстоянии однодневного броска германских танковых армд.

Рио-де-Жанейро Старого Света, как называют приозерный город Швейцарии, жил своей привычной размеренной и спокойной жизнью. Теплая осень неспешно вступала в свои права, привнося новые краски природы, радующие глаз. В столице италоязычного кантона всегда радовались благополучию своей безмятежной и сытой жизни. За такой жизненный комфорт они были обязаны нескольким богатейшим семействам из числа тех, кого принято называть «сильными мира сего». Их предки облюбовали уютное благодатное местечко в Альпах для своей комфортной жизни.

В нынешний информационный век, эпоху Интернета мировая аристократия уже особенно и не старалась прятаться за кулисами большой политики, избегать публичных мероприятий и назойливых журналистов с их фото и видеокамерами. Карта мира стремительно преображалась. Мировые СМИ особо не скрывали, что уже не остановить процессы смешения рас и народов, стирания межгосударственных границ, построения нового мирового порядка. Информация ненавязчиво приучала население Земли к неизбежности пришествия новых технологических времен, тотальной роботизации и сокращения «лишнего» народонаселения, перехода территорий и народов под контроль ТНК и структур глобального управления, установления электронного контроля над умами и поведением граждан планеты. В прессе все чаще появлялись новости о жизни и планах «богоизбранных» влиятельнейших кланов.

Одним из них вот уже не одно столетие оставалось семейство Рокшилбрайт. Их представителей тоже всегда можно было встретить в благодатных местах швейцарских Альп.

Несмотря на прекрасное солнечное утро, ядреный свежий воздух и благоухание цветов, баронесса Мадлен Рокшилбрайт была не в духе. Бросив последний взгляд на бирюзовую гладь горного озера, покинула террасу и вошла внутрь своего великолепного особняка. В огромной гостиной, в которой пол был выложен плиткой с метеоритным камнем и настоящими костями тираннозавра, жившего 65 миллионов лет назад, баронессу ожидал слуга. Вытянувшись в струнку, мужчина негроидного вида поворотом головы сопровождал неторопливое степенное движение своей немолодой хозяйки.

– Что ты мне опять принес, идиот?

– Извините, мэм, но эта подборка свежих публикаций. Вы просили еженедельно готовить сводку информации по материалам английской, немецкой, испанской, китайской, русской, иранской прессы.

– Пошел прочь!

Властная хозяйка просторного овального кабинета, уставленного богатой английской мебелью, за плотно зашторенными окнами осталась наедине с собой. Мысли о том, что все больше информации о планах «сильных мира сего» по переустройству мира начинали появляться в СМИ и сети Интернет давно уже сильно беспокоили баронессу. «Что, больше не о чем писать, скоты?! Раньше только евреи лезли туда, куда не надо нос совать, а теперь на эти темы все кто ни попадя пишут. Ох уж этот Интернет, зачем придумали?» – мысленно негодовала полноватая дама лет шестидесяти. Своими пухлыми пальцами, увешанными кольцами с бриллиантами, она вновь и вновь перелистывала небольшие листочки дайджеста оперативной информации за истекшие сутки.

Хозяйка овального кабинета вновь взяла в руки планшет, легким прикосновением пальцев в две манипуляции открыла последнюю закладку в сети Интернет. Автором аналитической статьи был некто Александр Григорьев. Это была не первая его публикация. Григорьев уже не раз писал подробно о планах международных структур влияния и, что небезынтересно, сообщал некоторые пикантные подробности о баронессе Рокшильбрайт, ее влиянии на российскую политику. «Он что, в щелку моей спальни или кабинета заглядывал или подслушивал меня? Откуда такие детали? Откуда этот, так называемый независимый эксперт, может все это знать? Наверняка это лишь псевдоним, скорее всего, под именем Александра Григорьева скрывается матерый журналист-международник, связанный с ФСБ или СВР, или он сотрудник одной из этих спецслужб. Я их чую нутром», – баронесса, слегка игриво нахмурившись, повела бровями. «Дам команду, найдут тебя, Григорьев, в лучшем случае уберут, в худшем я сама посмотрю тебе в глаза и подвешу за яйца», – вершительница человеческих судеб злорадно ухмыльнулась.

Серьезно расстроенная серией разоблачительных публикаций в Интернете, баронесса не стала откладывать разговор на эту тему с представителями России на следующем саммите группы стратегического планирования, который должен был состояться в июне следующего года в Швейцарии. И уже в конце октября встретила со своим давним знакомым Вениамином Царьковым, который вот уже несколько лет оставался главным ее человеком в России. Их встреча состоялась в теплый осенний день на берегу озера в тиши городского парка. Завораживающий вид на бирюзовую гладь горного озера, окружающая субтропическая экзотическая растительность: косматые пальмы, душистые розы, азалии, магнолии и камелии, не располагали к серьезному разговору. Однако женщина в легком светлом платье, через которые легко просматривались ее полные формы, была настроена решительно.

– Веня, что у тебя за вид такой затрапезный, когда ты наконец научишься одеваться как надо? И за что я тебя люблю, мальчишка?! Жгучий брюнет неопределенного возраста с пышной прической, слегка небритый, одетый в джинсы и джинсовую рубашку, старался вести себя вежливо и корректно.

– Во-первых, чтобы не привлекать внимания, мэм! А во-вторых, хотел бы Вам понравиться! Надеюсь, сегодня не только о делах пойдет речь, но и, как обычно, будет возможность пообщаться в более интимной обстановке?!» – Царьков повел плечами и изобразил подобие полного истомы мужского взгляда.

– Веня, зря надеешься, ты для меня уже стар! – поправив свою пышную прическу, кокетливо заметила шестидесятилетняя дама.

– Мэм, я умоляю тебя, не лишай незабываемых впечатлений!

– Веня, об этом забудь! О твоих грязных похождениях в Москве мне все известно. Я не терплю мужских измен! – мэм погрозила собеседнику пухлым указательным пальцем и продолжила: – А вот свою новую комнату утех я покажу тебе, противный! Я там своих мальчиков дрессирую – к потолку за ноги подвешиваю и прорезиненными цепями гоняю.

Царьков внутренне поежился и про себя подумал: «А ведь может и за яйца подвесить! Хорошо хоть от меня теперь, может, отстанет бабуля».

Баронесса продолжала развивать свою мысль:

– Они вертятся, мычат, кричат! Представление что надо, какое удовольствие, как мужики мучаются! – искренне сказала садистка. – Просто «ашура», как говорил мой последний покойный муж! Знаешь что такое?

– Согласно Корану, на этот день приходится сотворение Небес, Земли, ангелов, первого человека. Ашура – день поминовения пророков посланников Аллаха.

В это день мусульмане истязают себя цепями! – залпом выпалил собеседник.

– Все-таки везет мне на мусульман. Ты же Ахметович по отцу, – заметила вдова.

– У нас, мэм, как вы знаете, главная линия материнская! – Царьков изобразил подобие лечебной улыбки, подняв вверх уголки губ. – Не надо об этом! К делу! Что там у нас происходит в России, как там себя чувствует экс-президент?

– Пашет, как раб на галерах, с утра до ночи, – Царьков начал свой доклад с ответа на последнюю часть вопроса.

– У него просто нет другого выхода. Потеряет должность, его ждет международный трибунал в Гааге, – вынесла свой приговор баронесса.

– Поэтому и повышает свой рейтинг, а заодно и доверие к новому хозяину Кремля.

– Хорошо было придумано. Без привязки к «самбисту» нынешний правитель России абсолютный ноль! – многозначительно заметила Рокшилбрайт.

– Дзюдоист, – уточнил московский визитер.

– Какая разница! К предстоящим президентским выборам, через год его не должно быть в Белом доме и во власти, вообще! Либо пусть уходит по добру поздорову, на все четыре стороны, либо...! И тебе, Веня, надо решить эту задачу, и как можно скорее. Грядут тяжелые времена! Согласно предначертаниям Апокалипсиса близится «битва конца».

– Буду стараться!

– Плохо стараешься! Если так дальше пойдет, боюсь не видать тебе тихой беспечной старости на Лазурном берегу. В нашем деле, как это у вас в России говорят, либо пан, либо пропал!

– Усвоил, моя госпожа! – Царьков приготовился внимательно слушать баронессу.

– Плохо усвоил. Почему за СМИ утерян контроль? На всех каналах засилье патриотов, почти всех либералов с эфира вытеснили! С утра до ночи планы мирового правительства критикуют, заодно Бильдерберг²⁷! Какой-то Григорьев нашелся! Дожила, мое имя замелькало в Интернете. Что происходит, Вена? Кто за Россию отвечает, ты или я?

Царьков, потупив взор, молчал.

– Тебе что, мало полномочий? Чую это дело рук спецслужб, стали опять голову поднимать! Надо им дать понять, кто в доме хозяин.

– Дадим!

– С этим шутить нельзя, СМИ под контроль!

– Не все так плохо, баронесса. Пар выпускаем, пусть поговорят, пока у «дзюдоиста» рейтинг высокий.

– Я сказала, не шути!

Баронесса на какое-то мгновение задумалась. Ей почему-то сейчас вспомнилось, что в медиа-империи ее покойного мужа работал один талантливый информационщик, менеджер и журналист в одном лице. «Как же его имя? – дама в возрасте сморщила лоб. – Точно, Пашидас, не то грек, не то турок по происхождению, а может еще кто! – вспомнила вдова. Взгляд ее усталых глаз устремился в одну точку. – Но его же устранили года три назад, – хмыкнула баронесса. – Помнится, через него как раз и утекала закрытая информация в Сеть, а мой бывший прикрывал его. Как я могла ошибаться в них?» – Рокшилбрайт недовольно качнула головой при мысли об иранце, отце своего последнего ребенка, который по ее указанию так же был ликвидирован. «Жаль, мой малыш без отца растет!» И тут она неожиданно встрепенулась. «Стоп! Пашидас! Как здорово писал: лаконичный язык, телеграфный стиль, простой, но глубокий контент, стройность тезисов и аргументов. Но ведь такой журналистский почерк, как, сравнив тексты, мне пояснили эксперты, присущ Григорьеву. Что это, совпадение?», – властелина людских судеб в поиске подтверждения своей неожиданной догадки вновь принялась листать дайджест публикаций.

Подняв глаза на Царькова, замершего в ожидании продолжения трудного разговора, Рокшилбрайт поставила точку:

– Итак, в сухом остатке, Григорьева мне найди и доставь, ему подобным закрой рот, главных редакторов выстрой, чтобы лишняя запятая не проскочила...

– Сделаю, моя госпожа!

– Работаю с окружением бывшего президента-дзюдоиста, готовимся к выборам и протестам, продвигаю своих людей в силовые структуры, тормозим олигархов, душим русских патриотов. Вот где они у меня! – Царьков сжал руку в кулак и потряс им перед собой.

– Это правильно. Не забывай про миграцию – это наше главное оружие. Демографическая перезагрузка России должна идти по расписанию. Каждый год

---

27 – Билдербергская группа стратегического планирования мировых событий! – неофициальная ежегодная конференция, состоящая примерно из 130 участников, большая часть которых являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ.

рост мигрантов должен быть не менее, чем на миллион. Надо сварить азиатско-славянский микс – опора нашей власти. Кавказцев сдерживай! Помнишь, как в свое время Джугашвили, опершись на горцев, отвязался, попытался выйти из-под контроля. Начнут зарываться, русских нацистов на них натрави.

– Разделяй и властвуй! Легко! Здесь проблем не будет, русско-славянское население просто уже кипит ненавистью к Кавказу.

– Но русского бунта бойся!

– Согласен. Это страшно.

– И последнее. Как там новый правитель?

– Народ его кличет Айфончиком.

– Метко!

– Он всего боится: и «дзюдоиста», и силовиков, даже собственной жены. Одна сейчас у него радость – роман со своей пресс-секретаршей. Не прочь даже жениться!

– Вам, мужикам, нельзя государственных дел доверять. Бегаете от одной сучки к другой. Поставь его на место. Еще публичного скандала не хватало! Власть в России потерять нельзя! Иначе...

– Понял!

Дама встала со своего места:

– Разговор окончен. Я устала. Прощай и будь осторожен.

– Стараюсь. У нас есть свои люди во всех силовых структурах. – Имей ввиду, мои люди выявили не менее трех кадров, которые тебя здесь пасут. Боишься ФСБ?

– Нет. Я здесь по государственной необходимости, приехал прорабатывать вопросы участия российской делегации в очередном международном форуме в Давосе.

– Отличная легенда! Желаю не болеть!

Вечером, вернувшись к себе в отель, Мадлен Рокшилбрайт вызвала к себе помощника и попросила принести подборку новых российских публикаций и в Интернете по интересующей ее тематике. Мысль о том, что Фаридани Пашидас мог остаться в живых и оказаться в России не покидала баронессу.

Секретарша поневоле

С таршекурсница Маша впервые не смогла поехать в отпуск к себе на родину. Короткая беседа с влиятельным кремлевским чиновником обернулась для девушки тем, что она почти два месяца по существу пробыла в заточении. Незнакомые люди, усыпив посетительницу высокого кабинета в Кремле, отвезли ее по неизвестному адресу. До самых последних дней своего пребывания в многокомнатной квартире пленница не могла даже представить, что весь кошмар с ней происходил в самом центре Москвы, в трехстах метрах от московского Кремля.

Бедная девушка трое суток провела в каком-то кошмарном сне. Когда проснулась, обнаружила, что лежит голый на двуспальной кровати в просторной комнате, обставленной дорогой стильной мебелью. На стене висела большая картина с изображением немолодого мужчины в генеральской форме. Мария почти сразу ощутила и поняла, что с ней произошло самое страшное – ее изнасиловали. Сперло дыхание. Кровь хлынула к голове, слезы полились сами собой. Она невольно свела ноги, согнулась, обхватив себя руками. Попыталась встать, но тело плохо слушалось. Заметив на левой руке следы от уколов, она стала судорожно тереть эти места. Безуспешно поискав глазами одежду, опустила ноги на пол. Добралась до двери, но та оказалась закрытой. Стала громко стучаться.

Минут через десять дверь открылась. На пороге стояла полная женщина восточной внешности. На вид ей было не больше сорока лет. Она положила на пол перед пленницей прозрачный целлофановый пакет с одеждой. На русском языке с заметным акцентом попросила привести себя в порядок и ожидать своего господина.

– Какого господина? Где я? Выпустите меня! Я буду кричать! Я домой хочу! – беспомощно молила девушка.

– Машка, будешь кричать, получишь еще один укол.

– Нет, нет, пожалуйста, нет! – девушка присела на корточки, обхватив локти своих рук.

– Тебе сейчас принесут еду! – сказала женщина.

В дверях дважды провернулся ключ. Есть не хотелось. Мария никак не могла прийти в себя. Зайдя в душевую комнату, она в отражении большого эллипсоидного зеркала обнаружила на своем теле множество красно-синих ссадин и синяков. Включила кран. Довольно горячая вода сильным напором стала заполнять большую овальную ванну с яркой подсветкой по краям. Неожиданно в голову пришла страшная мысль покончить с собой: «Не могу и не буду дальше жить! Что скажут родные? Мама, милая, мне плохо!» Мария тщетно пыталась обнаружить острый предмет в роскошной ванной комнате, аккуратно выложенной плиткой бирюзового цвета.

Она встала под душ. Вода зашумела. Женское красивое тело стали огибать сначала теплые, а потом прохладные бегущие струйки. Только сейчас в ее сознание

стали пробиваться отрывки кошмарных видений последних суток. Голый мужчина с заметным животиком подошел к кровати и скинул на пол одеяло. Девушка приоткрыла глаза. В мужчине узнавался кремлевский начальник. Ничего не понимая, она инстинктивно свернулась в клубок. Похотливая улыбка не сходила с лица насильника. Он что-то говорил, но девушка не понимала. Насильник пристегнул запястья рук пленницы к кружевам кровати металлической грядущки у самого изголовья. Затем он засунул в рот своей жертвы марлевый кляп. Взял в руки какой-то хлыст и стал сильно хлестать голый клубок прекрасного женского тела. Девушка то приходила в себя, переворачиваясь на кровати с боку на бок, то вновь проваливалась в беспамятство, издавая короткие и протяжные стоны.

Видимо устав махать плеткой, он взял металлический прут и резко ударил жертву по ногам. Она взвизгнула и брыкнулась. Насильник рывком вывернул одну ногу девушки так, чтобы она полуобернулась к нему округлым задом. Округлые формы манили его. Изувер принялся наотмашь бить ладонью правой руки по розовым женским половинкам. Затем он обхватил обеими руками большие упругие груди, рванув их на себя, оставил следы насилия. Хлыстом расцарапал до крови спину. Взял жертву за волосы, подтянул к себе и попытался силой разжать рот. Но ему не удалось. Испытав удовольствие от причинения боли жертве, он, пристроившись сзади, вошел в округлый зад девушки. Жертва опять вскрикнула, приоткрыв глаза, сколько могла, обернулась назад, попыталась высвободиться из своих оков, но извращенец несколько раз сильно ударил ее по лицу. Девушка замолкла.

Вода продолжала литься на голову и тело невольницы. Она не чувствовала холодной воды, мылась и не могла отмыться от грязи всего содеянного с ней. Насухо вытершись, легла в кровать, с головой укуталась в одеяло. Тело дрожало, зубы стучали, горькие слезы ручьями текли по щекам.

Господин пришел через несколько дней. Постучался и приоткрыл дверь. Маша сидела у стены на мягком кресле. На ней были одеты юбка, кофточка, на ногах были тапочки. Челка волос слегка прикрывала красные от слез глаза. Со стороны бросалось в глаза, как девушка заметно похудела. Господин был один. Это был Царьков Вениамин Ахметович. Он вкрадчиво и вежливо, как при первой встрече в Кремле, поздоровался.

– Маша, Машенька, милая, я должен тебе сказать, что я очень соскучился. Я тебя полюбил с первого взгляда. Я хочу, чтобы ты навсегда осталась моей! – мужчина выпалил наспех придуманную речь.

Даже не пошевелившись, Мария продолжала молчать.

– Я поздравляю тебя, ты зачислена на постоянную работу. Теперь ты будешь моей секретаршей, главой общественной приемной. Твоя зарплата, не считая моих подарков, 5 тысяч баксов в месяц. Ты согласна, моя крошка?

Мария не пошевелилась. Мужчина попытался приобнять девушку, но она, вскочив со стула, отлетела в угол комнаты. Перекрестившись, присела на корточки, обхватила руками плечи, склонила голову.

– Не дури, детка! У тебя нет выбора! Либо ты будешь моей, либо тебя ждет участь обыкновенной наложницы, проститутки, в одном из зачуханных притонов на Кавказе.

– Я лучше умру, но никогда не буду твоей, негодяй, сволочь, ненавижу! – закричала девушка, бросившись с кулаками на своего насильника. Царьков перехватил девичьи руки и с силой бросил жертву на кровать. Сорвал с ней одежду. Выхватил из-под кровати заранее приготовленный хлыст и вновь стал жестоко избивать свою пленницу. Очередной приступ садизма закончился также быстро, как и в прошлый раз. Царьков грубо, в самых извращенных формах вновь надругался над беззащитной девушкой.

– Я так люблю твою дивную попку. Ну, просто прелесть! Она каждый день меня зовет! А сейчас, когда ты похудела и стала похожа на подростка, твоя попа просто сводит меня с ума.

Издевательства, насилие и надругательства над беззащитной девушкой продолжалось больше двух месяцев. Господин приходил к своей жертве не реже трех раз в неделю. Накануне девушку насильно кормили и вкалывали наркотики. Восточная женщина оставалась немногословна и предельно жестока. К очередному приходу господина она заставляла пленницу приводить себя в порядок. А еще требовала смириться с судьбой. Однажды принесла пленнице Коран, заставляла его читать и молиться Аллаху.

Однако Мария продолжала верить и молиться Богу. Несчастливая девушка целовала маленький крестик, чудом сохранившийся у нее, просила о помощи и спасении. Оставаясь несломленной, она мечтала о встрече с матерью и родными, все чаще задумывалась о побеге. Понимая сложность и безвыходность своего положения, Мария решила схитрить. Когда в последний раз насильник зашел к ней в комнату не один как всегда, а с тремя голыми волосатыми мужчинами в масках и с железными цепями и битами в руках, девушка изготавилась к диалогу. Сам насильник в руках держал видеокамеру.

– Ну что, девочка, вот и кончилась любовь, завяли помидоры! Сегодня тебя будут «любить» вот эти славные джигиты, а я запишу все на камеру и выложу в Интернет. Пусть смотрят твоя мама и сестра, земляки. Ну а потом, ну что потом?! Думаю, тебя в этом мире никто уже больше не найдет. Вот так, славная девочка Маша, попка моя ненаглядная!

Мария явно не ожидала такого крутого поворота событий. Тем не менее быстро сориентировавшись, она попросила остаться наедине и выключить камеру.

– Вениамин Ахметович, помилуйте, ради Бога, не губите меня! Я согласна на все Ваши условия. Ради Бога, помилуйте! – Мария перекрестилась. Про себя прошептала: «Прости меня, Господи, прости меня грешную! Дай силы, помоги и спаси!»

– Испугалась?

– Да, мне страшно. Не губите, – в глазах невольницы заблестели и через секунду слезы полились по щекам. Будучи в отчаянии, бедная девушка рыдала.

– Понятно, живи! Только мне ты больше не нужна! Будешь здесь работать моей секретаршей, а заодно ублажать моих гостей.

– Нет, не надо! Мне никто не нужен, кроме Вас!

– Замолчи! Решено, будешь сопротивляться, знаешь, что будет! От моих гостей мне нужна будет эксклюзивная информация: политика, финансы, партнеры. Тебя обо всем проинструктируют. Все понятно?

Пленница, опустив голову, закрыла лицо руками.

– Впрочем, если у меня на тебя поднимется, загляну. Чао, попка моя!

Так началась новая жизнь в Москве у провинциалки из российской глубинки. Теперь она могла звонить матери и общаться с ней. Оказалось, что кто-то информировал ее о том, что дочка уехала в заграничную командировку и какое-то время не может звонить. Приходилось отмалчиваться или врать родной матери.

Через две недели, впервые после двухмесячного заточения, Мария смогла выйти за пределы так называемой общественной приемной. По городу ее демонстративно на расстоянии пятидесяти метров сопровождала восточная женщина. Первым делом студентка направилась в институт. Опоздав к началу нового учебного года более чем на два месяца, она была уверена, что ее уже отчислили. Однако в деканате прогульщицу сразу направили к декану. Седовласый мужчина с улыбкой на лице пригласил девушку к себе в кабинет. Жестом пригласил присесть на стул. Сам сел напротив. Беседу вел подчеркнуто вежливо и корректно.

– К ректору было письменное и устное обращение от вашего руководства, – начал мужчина.

Мария немного оторопела. Невольно отвела взгляд в сторону. Декан развил свою мысль:

– Мы знаем, что вы выполняли важные государственные задачи. Только прошу Вас в следующий раз сообщать нам о своих планах и согласовывать. А так мы рады, что наши студенты привлекаются к выполнению особых общественных заданий. Надеюсь, вы еще поделитесь с нами и сокурсниками своим опытом.

Студентка молчала, не зная, как реагировать на сказанное. Мысли лихорадочно крутились в голове: «Царьков, это он! У них все схвачено! Секретарша по неволе – вот теперь моя женская доля!» Волю слезам она дала только тогда, когда вышла за стены института. А уже вечером она должна была встречать очередного гостя общественной приемной. В тот день им был заместитель мэра одного из крупных городов России. Вечер с очаровательной Марией входил в программу посещения столицы.

Футбольный бунт

Убийство в Москве болельщика футбольного клуба «Спартак» Егора Свиридова всколыхнуло не только Москву, но и многие другие города России. Осенне-зимние массовые волнения вновь напомнили властям, что в стране, кроме других, многих народов и национальностей, проживают еще и русские славяне. В годы правления Айфончика или Димы Твиттера, как в народе окрестили тогдашнего молодого президента России, беспредел со стороны выходцев с Кавказа захлестнул не только столицу. Несмотря на то что власти прилагали немало сил, чтобы скрыть от общественности факты кавказского шовинизма и бандитизма, не только сводки криминальной хроники были переполнены информационными сообщениями о «геройствах» гордых горцев, но и на экраны федеральных каналов стала выплескиваться подобная информация.

Дополнительное нескрываемое раздражение москвичей вызывало еще и поведение властей и милиции, которые явно попустительствовали криминальным бесчинствам выходцев с Кавказа и Средней Азии. В Москве новость о том, что из пяти задержанных по делу убийства фаната «Спартака» четыре участника драки были отпущены, а затем и вовсе покинули Москву, почти сразу привело к массовым протестам. Масло в огонь подлило сообщение о том, что один из ментов, мусульманин по происхождению, нагло отказал девушке погибшего Егора Свиридова в возбуждении и расследовании уголовного дела в отношении убийц. «Убирайся, а то будет еще хуже!» – эти слова милиционера быстро стали достоянием общественности. Уже на следующий день болельщики в количестве 1000 человек прошли маршем по Ленинградскому проспекту, фактически блокировав его.

Георгий Пашин одним из первых узнал о случившемся. Ему пришла эсмэска от знакомого футбольного фаната. Он сразу же зашел в Интернет. Проверил новость в сети, сильно напрягся: «Совсем охренели, беспредельщики!». Сразу после занятий Георгий пересекся со своим родным братом Ярославом, с которым они, близнецы, учились на одном курсе в военном вузе на спецфакультете по подготовке военных кадров в области информационного противоборства.

– Слыхал, горцы спартаковского болельщика, Егора Свиридова замочили, помнишь, я тебе его показывал на матче нашей сборной. Он еще с девчонкой своей был тогда на игре, в которой Россия выиграла... Ну, помнишь?

– Помню, я уже в курсе, – Ярослав хотя и не был таким уж заядлым болельщиком, как брат, но новость его тоже обеспокоила. Братья-близнецы, во многом непохожие друг на друга, тем не менее по национальному вопросу мало когда расходились в своих мнениях. Оба парня считали себя людьми русскими, славянами, православными. Они не раз сталкивались или сами были свидетелями наглости и хамства заезжих южан, с трудом удерживались от конфликтов с ними, в кругу единомышленников «плевались» в сторону властей и, прежде всего, Айфончика из Кремля.

– Брат, идешь со мной на протест завтра? – Георгий обращался к Ярославу с акцентом на слове «брат». Они оба не раз пересмотрели оба культовых фильма режис-

сера Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2» в главной роли с Сергеем Бодровым. Наверное поэтому, в общении между собой Георгий чаще называл Ярослава «братом». А вот тому больше нравилось называть родного брата Жоржем или, как мама, Гошей.

– Думаешь надо, Жорж? – близнец по характеру был более спокойным и покладистым парнем.

– А ты думал! Сколько терпеть?! Айда сразу после субботних занятий!

– Позвони отцу, посоветуйся!

– Что, я не знаю, что он скажет: «Зря не надо рисковать!» Ты же знаешь нашего батю. Он у нас человек супер осторожный. Столько лет в разведке, за границей, по лезвию ножа...

Их отец, Федор Михайлович Пашин, словно подслушивал разговор своих отпрысков. В трехкомнатной квартире возле метро Ботанический сад зазвонил телефон. По длинному протяжному гудку можно было понять, что звонили издалека. Родители, уехав жить в провинцию на малую родину отца, куда он был отправлен к новому месту работы, оставили сыновей одних привыкать к самостоятельной жизни. Теперь курсанты, приходя домой после занятий в вузе, хотя и ощущали неожиданно предоставленную бытовую свободу, но с оглядкой на телефон и интернет-почту, по которой с ними регулярно связывались родители. Вот и сегодня звонок на московский телефон прозвенел неожиданно поздно, часы уже показывали четверть двенадцатого. Реагируя на настойчивый жест Ярослава, трубку взял Георгий. На другом конце провода говорил спокойный, уверенный баритон отца:

– Как дела, что нового? Ярослав дома?!

Трубку взял Георгий:

– Ярослав здесь, дома все в порядке, батя!

– Как у вас там дела, сынок? Смотрю, Москва бурлит, болельщики бунтуют. Новости тревожные. Старайтесь зря не болтаться по городу, мать переживает, – отец словно прочувствовал настроения сыновей.

Георгий многозначительно поглядел на брата и тут же стал успокаивать родителей:

– Заданий много. Особенно по языку, некогда телевизор посмотреть, – успокоил родителей сын.

– Ярослава дай мне.

– Тять, не волнуйся, все нормально, – в разговор включился второй брат.

– Знаю тебя, футболист! Прошу, будьте осторожны, вы люди военные, форму носите.

– Так точно, товарищ генерал! – по привычке поерничал Ярослав, когда был не в силах возразить строгому родителю.

Несмотря на жесткий разговор с отцом, братья не смогли не пойти на протестную акцию. В тот декабрьский день, когда состоялся поход болельщиков «Спартака» в центр Москвы на Манежную площадь, к месту гибели Егора Свиридова на Кронштадтском бульваре собралось до пяти тысяч человек. Спартаковских болельщиков, которых, наряду с футболистами, в около футбольной среде называли «мясо», поддержали не только байкеры и фанаты других футбольных клубов. Собрались люди разных возрастов и профессий, однако преимущественно вокруг братьев были молодые лица в возрасте до 20 лет. Еще тысячи сторонних глаз, наблюдавших за всем происходившим издалека, расположились на бульваре. Люди

стояли поодаль, прижавшись к близлежащим домам, толкались в подворотнях. Кто-то наблюдал за событиями на бульваре сверху вниз из окон домов.

Одетые по гражданке братья находились в самом центре огромной толпы, которая постоянно увеличивалась. Люди постоянно перемещались, активно общались между собой, переговаривались и переписывались по мобильной связи, толкались, чтобы согреться. Протестующие были сильно возбуждены. В толпе людей царил сильное напряжение, ощущение неизвестности и опасности. Одновременно чувствовались правота и уверенность в действиях собравшихся, желание протестантов во что бы то ни стало добиться справедливости. «Не припомню, когда это последний раз так Москва бунтовала?» – задался вопросом Ярослав. И сам же ответил на свой вопрос: «Помнишь, отец рассказывал, что в 1993 году были массовые уличные протесты против действия властей, еще при Ельцине?»

В разговор братьев встрял неизвестный мужчина, которому на вид было около сорока:

– Нечего и сравнивать! Тогда «коммуняки» и «совки», представители старшего поколения, пенсионеры протестовали, а сегодня, глянь погляди, кругом одна молодежь. Это же настоящее восстание, парни! Пробуждается русский дух! Кто теперь скажет, что мы вата, ватники?!

Политические разговоры в толпе велись повсюду. Несмотря на грязные оскорбительные высказывания в свой адрес, на удивление милиция вела себя спокойно. «Менты, суки, поджали хвосты!» – раздалось справа. Ярослав обернулся на девичий голос. Его встретил игривый задиристый взгляд рослой девушки. Хотя температурный столбик показывал легкий декабрьский морозец, ее голова была не покрыта. Две короткие косички, заплетенные сзади, джинсы в заплатках, светлая легкая куртка нараспашку и фанатский спартаковский шарф на шее выдавали в ней подростка. Тем не менее она, не стесняясь в выражениях, со знанием дела переговаривалась со стоявшими рядом с ней армейскими болельщиками с сине-красными шарфами, которых между собой болельщики называли «конями». Собеседники наперебой комментировали «инфу» о том, что власти, напуганные мощным общественным резонансом и, опасаясь более массовых выступлений, предостерегли милицейские чины от жестких действий против взбунтовавшейся молодежи.

После того, как была отслужена панихида, шествие направилось к центру на Манежную площадь. Милиция, следуя по обеим сторонам движения, внимательно наблюдая за протестантами, сопровождала внушительную колонну, вытянувшуюся по проезжей улице. Толпа дружно «заряжала», скандируя свои главные лозунги: «Русские вперед! Один за всех и все за одного!» Вокруг демонстрантов бесконечно сновали журналисты с фотоаппаратами и телевизионными камерами, выхватывая из толпы лица протестующих людей. Сделать это было совсем непросто, так как многие были либо в масках, либо с повязанными на лицо шарфами, так, чтобы были видны только глаза, горящие ненавистью к властям и жадной мести к «понаехавшим». Протестанты явно с неодобрением относились к активности журналистской братии. Некоторые из них, видимо особо хорошо разбиравшиеся в российских политических хитросплетениях, казалось, что «на дух не переносят» репортеров. В их адрес они посылали гневные и оскорбительные словечки, отпускали насмешки и даже норовили вытолкнуть из своих рядов.

Часам к 15.00 дня колонны протестантов достигли центра города. На улице постепенно стало смеркаться. В своих рядах толпа, по оценкам организаторов, насчитывала от 10 до 50 тысяч человек, не считая сочувствовавших горожан, которые со стороны наблюдали за всем происходящим. Обстановка накалялась. Лозунги толпы становились громче и яростней. Протестующие, достигнув заграждений и милицейского оцепления, остановились, но задние ряды продолжали напирать. Милиция, вступив в непосредственное соприкосновение, изготовилась сдерживать напор толпы. Напряжение нарастало. В толпе стали зажигать файеры, взрывать петарды, в сторону милиции кидали пустые бутылки, снежки и камни. В руках протестантов появились биты, ремни, камни, железные пруты. Отдельные стычки с милицией стали перерастать в массовые столкновения по всей линии соприкосновения с оцеплением. Стало ясно, что митинг протеста перерастает в беспорядки. Георгий и Ярослав были не в первых рядах, но активно «заряжали» вместе с другими: «Русские вперед! Один за всех и все за одного!».

После начала столкновений с милицией в толпе наметились две противоположные «движухи» людских потоков. Одна часть протестующих, прежде всего из числа молодежи, напирала вперед, лихо и жестко конфликтовала с милицейским оцеплением. Не только боевого вида парни, но и подростки, в том числе девчонки, смело бросались в драку с «блюстителем» порядка. Они кидали в них все, что попадало в руки – камни, снежки, ледышки и т.п. Между тем количество милиции на площади продолжало увеличиваться. Тем временем другая часть протестантов понемногу стала расходиться. В толпе стало известно о начале переговоров между организаторами протеста и высокопоставленными милиционерами. Прошла информация, что главный милиционер Москвы генерал Колокольцев, который вышел, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу, пообещал честью офицера незамедлительно провести объективное расследование по делу Егора Свиридова, задержать и наказать всех виновных.

Курсанты не сразу оказались ближе к месту столкновений.

– Пойдем вперед на «махач», с ментами побьемся, разомнемся, один за всех и все за одного! Заодно проверимся, сдадим на практике экзамен по силовым единоборствам. Как говорится тяжело в учении, легко в бою! – Георгий взял брата за рукав.

– Жорж, не кипятись! Там, в оцеплении, такие же двадцатилетние ребята, как мы с тобой. С кем ты собрался махать?

– Ты не боец, брат!

– Гоша, нам не надо лезть на рожон! Тем более что результат уже есть – милицейский генерал обещал убийц упрятать в тюрьму. – Ты прямо как отец рассуждаешь. Не поспоришь, только вот не по-пацански это, брат! – немного поостыв, расстроился Георгий.

– Главное дело сделано – народ собрался и вышел, показал, что мириться не будет. А драки с милицией – это хороший повод властям, московским властям, начать кампанию борьбы с так называемым «русским фашизмом»! Кому это надо, брат!

– Может ты и прав, брат!

Семейство Пашиных

После долгих, суровых и напряженных лет жизни за границей, вдали от Родины, здесь, в Москве, Федор Пашин неожиданно понял для себя, что жизнь простого человека может быть не менее интересной и полезной. В своем новом положении человека, не обремененного оперативной службой, генерал стал много заниматься семейными делами: уделять внимание жене, сыновьям, дочери и внукам. С дочкой Анной, у которой была своя семья, трое детей, двое мальчиков близняшек и девочка трех лет от роду, виделся не так часто, как хотелось бы. Она с мужем и детьми уже несколько лет, уехав из Москвы, устроилась жить на малой родине отца, в столице Черноземья.

Анна занималась детьми и домашним хозяйством, а муж, Иван Русак, уволившись из московского управления ФСБ, занялся бизнесом. Он открыл адвокатское бюро с удивительным названием «Родная природа». Так, младший Русак решил сохранить память об одноименном эколого-культурном движении своего отца, Сергея Русака. Будучи еще в погонах, он, как мог, содействовал организации в деле сбережения окружающей среды, защиты прав и свобод русско-славянского народонаселения. В отношении Сергея Русака возбудили уголовное дело за экстремизм и разжигание розни по 282 статье. В тюрьме близкий человек Пашина, начиная со времени знакомства в Афганистане, волею судьбы очутился в одной компании с небезызвестным в России нефтяным олигархом по фамилии Ходор, который попал на нары несколькими годами раньше.

Пашин искренне радовался тому, как складывалась семейная судьба родной дочери, ее крепкому союзу с Иваном Русаком, сыном его сослуживца по Афганистану и близкого товарища. «Бедная моя девочка, еще и не жила, а сколько чего натерпелась! – всякий раз сокрушался отец, вспоминая, как ему чудом удалось вывезти родную дочь из Лондона, где она чуть не оказалась женой небезызвестного Артема Мирского, редкого проходимца и международного авантюриста. Спецслужбы с трудом вынудили главного кукловода и горе-олигарха эмигрировать из России в Англию, где он получил политическое убежище. Старый прохвост, продав в кавказское рабство свою жену Ольгу, решил оформить брак с ее родной дочерью, своей молоденькой падчерицей, которая к тому времени находилась на учебе в Лондоне. Судьба-злодейка, казалось, навсегда разлучила Ольгу и Федора, родителей Анны, в молодости сильно любивших друг друга, но вынужденных расстаться, но неожиданно соединила их вновь, когда надо было вызволять дочь из «лондонского плена». Первая любовь Пашина тогда погибла, а он, спас и обрел дочь, о существовании которой даже не подозревал со дня ее рождения.

В гости к своим трем внукам дед из Москвы приезжал ежемесячно, когда один, а когда со своими сыновьями. «Братья и сестра, родные дяди и мои внуки должны знать и дружить!» – считал Федор Михайлович. Сам он в глубине души очень сильно переживал за то, что его дети были рождены от разных браков. Конечно, ему было в чем оправдаться перед ними, но отец всегда подчеркивал в семейных разгово-

ворах, что жениться и выходить замуж нужно только один раз. «Семейная крепость должна быть едина и неделима. Мать – одна на всех! Прошу учиться на чужих ошибках!» – всегда внушал он дочери и ее братьям. По субботам рано утром Пашин садился за руль своего далеко не нового немецкого автомобиля «Фольксваген Пассат». Через 7–8 часов он уже был на своей малой родине. До боли знакомые пейзажи русской лесостепи за окном спешащей машины быстро сменялись на городские картинки. Столица Черноземья, всего за пару десятков лет раздавшаяся вширь и вглубь от новостроек, крепко увязшая в автомобильных пробках, плотно обернутая в назойливую рекламу, задыхалась в бесконечных людских потоках. Город детства и юности всякий раз возбуждал в памяти дорогие воспоминания о далеких временах детства и юности, но одновременно тревожил своим непонятным внешним пере рождением. До отъезда обратно в Москву в воскресенье он успевал с внуками поиграть во все известные генералу игры, сходить с ними в кино на мультики, даже побеседовать на серьезные темы. В обязательной программе было вкусненько поест в одном из городских «рестиков», как мальчишки называли небольшой ресторан в центре города. В дни приезда деда Анна со своим мужем Иваном могли хотя бы немного отдохнуть от неугомонной детской компании. Младшей Оленьке дедушка уделял времени меньше, но любил он ее никак не меньше. Потому расстаться с внучкой было самым тяжелым делом.

– Жаль, твоя мать не может своими глазами увидеть мальчишек-близняшек и нашу маленькую Олечку, девочку, внучку, – не раз одновременно сокрушался и радовался дед, всякий раз прощаясь с дочерью. Аня прятала слезы, улыбалась сквозь них, и переводила разговор на другую тему.

– Пап, а ведь у нас с Иваном прямо как у тебя – трое детей. И тоже двое мальчиков-близнецов и дочка.

– Моя дочка старшая, самая главная, любимая!

– А, жена твоя? – уже не в первый раз приревновала дочка.

– У Нади свое место, она верная и преданная жена, хорошая мать. В наше время это дорогого стоит! Мне с ней легко и спокойно. Да и твою тройню любит не меньше, чем своих родных сыновей! Они уже выросли, родители им уже не нужны, а твои еще маленькие...

– Родители всегда нужны, папа! – дочь перебила отца.

– Не зря говорят, что внуки дороже детей бывают!

В последний приезд дочь спросила о главном, что ее давно мучило:

– Папа, ты мне никогда не рассказывал о своих отношениях с моей мамой, мне хочется знать все о родителях. Она мне тоже про тебя почти ничего не рассказывала. Правда обмолвилась пару раз, что у нее была одна единственная любовь...

– Дочка, я тут по случаю книгу написал о событиях в Афганистане. Главный герой чем-то похож на твоего отца, а одна из героинь – на Ольгу. Допишу, дам почитать. Вот и все узнаешь.

– Интересно, а как книга называется?

– «На войне с любовью»!

– Как интересно, книгу напечатают?

– Может быть, если автором будешь ты, Анна Русак.

– Под моей фамилией книга пока не может выйти.

– Как все сложно и неправильно. Мне будет неловко, как это под чужим трудом подписаться?

– Я тебе не чужой, ты старшая дочь, мать моих внуков, сестра Ярослава и Георгия. Своих сыновей, которые жили с родителями в московской квартире, Федор Михайлович держал под строгим контролем с того самого дня, как сразу после заграникомандировки неожиданно явился к ним в день принятия военной присяги новоиспеченными курсантами военного вуза. Ярослав и Георгий еще долго не могли прийти в себя, увидев своего легендарного отца, о котором долгие годы они ничего не знали. Вначале старший Пашин настоял, чтобы Ярослав взялся изучать китайский и английский языки, а затем факультативно – украинскую «мову». Обещал сыну помочь ее освоить. За время работы в Киеве генерал сумел научиться не только хорошо «разговаривать», но и читать и писать. Но особенно он любил петь на дивном по красоте звучания украинском языке. В эти минуты ему вспоминалась деревенская изба, где жили когда-то давно бабушка и дедушка по отцовской линии, по вечерам там собиралась большая компания. Соседи и родственники играли в лото, грызли семечки, про между прочим «гутарили» за жизнь, распевали старинные песни на певучей душевной «мове».

Георгий хуже поддавался влиянию отца. Он, который до поступления в военный вуз, играл неплохо в футбол и подавал надежды на будущее, спал и видел себя в составе испанской королевской команды «Реал» из города Мадрида или, в крайнем случае, мечтал поиграть в московском «Спартаке». Однако друзья отца, во время его отсутствия, настояли, чтобы Георгий оставил футбол и пошел по военным стопам. Мать тоже не раз напутствовала сына-футболиста: «Вот, батя, вернется, будет доволен тобой, сынок. Ступай в армию, с богом, и ни о чем не жале!» Бедная женщина, прожившая без мужа более 15 лет, всего натерпелась, воспитывая в одиночку двух сыновей. Все эти долгие годы Надежда, искренне веровавшая в Бога, молилась за благополучие своих двух близняшек и скорейшее возвращение домой их отца.

Гоше, как любовно называли своего сына родители, повезло с самого начала – его определили изучать испанский язык. Парень был искренне рад. Футбольная мотивация помогала ему изучать иностранный язык. Он не отставал от брата, получал четверки и пятерки. Тем не менее Георгий продолжал оставаться заядлым футболистом и болельщиком, в вузе его постоянно привлекали играть за сборную вуза. Несмотря на тяготы армейской службы, курсант находил возможность не только вырваться на футбольные матчи «Спартака» и сборной России, но и находил время по выходным, в компании таких же болельщиков, как он сам, поиграть в футбол. Любимое увлечение продолжало путать его повседневные мысли и мечты на будущее, ему по-прежнему очень хотелось попасть в «большой» спорт, где его могли ожидать карьера, деньги и слава.

Вернувшийся отец с самого начала по футбольному вопросу был неприступен и суров: «Не факт, что много добьешься. Я играл в футбол, знаю что почем! А сейчас, тем более в футболе, все завязано на деньгах. Агенты, всякого рода посредники скупят на тебя все права, и будут торговать тобой налево и направо, как бесправным рабом. К тому же развратят шальными деньгами. Ни семьи, ни дома, ни здоровья! К 30 годам будешь никому не нужен. А потом, сынок, запомни, что надо кому-то и Родине служить!»

Георгий не раз пробовал возражать родителю: «Если попасть в сборную России и играть за страну – это тоже что-то да значит!» Однако отец был непреклонен: «Учись, сын. Нас, Пашиных, выбрала военная судьба».

Крутой поворот судьбы

Неожиданно в судьбе самого генерала Пашина произошел крутой поворот. После двух лет «свободной службы», как он иногда говаривал в узком кругу, в начале сентября его вызвали к руководству службы. В просторном кабинете навстречу Пашину вышел уже знакомый генерал-полковник. В свое время он сыграл важную роль в том, чтобы агентурный разведчик Пашин, который в силу обстоятельств утратил связи с «большой землей», перешел из ГРУ в юрисдикцию другой спецслужбы, а впоследствии стал резидентом сразу в нескольких ключевых странах Европы.

– Садись, садись, рад видеть в добром здравии. На вид больше сорока не дашь, на бывалого генерала совсем не похож. Рассказывай как дела, как в семье, как сыновья? Что дочь и внуки?

Приготовившись внимательно слушать своего шефа, Пашин не удивился его информированности, скорее удивился многословию, веселому нраву и доброму расположению духа. Раньше, когда приходилось с ним встречаться, тот вел себя подчеркнuto строго и серьезно.

– Федор Михайлович, с таким количеством детей и внуков мужчина должен себя чувствовать богатым и счастливым человеком. Эх, мне бы такое богатство! Одна дочь, да и та до сих пор не может выйти замуж. Уже заместитель генерального директора в бизнесе, а мужа и детей все нет. Машина есть, квартира, деньги, а живет с кошкой, правда персидской, – попытался пошутить старший начальник.

– Еще успеет, какие ее годы! – гость кабинета как мог посочувствовал своему начальнику.

Но тот не слыша своего подчиненного, продолжил развивать простую житейскую мысль:

– Люди, видишь ли, привыкли измерять свои успехи в количествах счетов в банке, акций и денег, квартир, коттеджей и машин, жен и молоденьких любовниц, размерами бизнеса, а на самом деле гораздо важнее другое. Дети – вот главное богатство любого человека, сколько их у тебя, кем выросли, как относятся к родителям. Так было, так должно и остаться!

– Хорошо, если бы еще о человеке добрая память слыла в народе, заслуги имел перед страной, – встрял собеседник.

– Вот этого всего у генерала Пашина как раз и не отнять. Тогда давай о себе! – рассказчик кинул взор на настенные часы.

Однако собеседник был немногословен. За пять минут он поведал о семейных заботах, научных делах, своих оценках информационных будней в стране.

– Так говоришь, СМИ забиты антигосударственной информацией, мнениями, оценками и выводами. Это точно! Так и есть! Думаем, что делать с этим. Сможешь подготовить свои предложения?

– Так, точно! В какие сроки?

– Вчера. Но сейчас речь пойдет не об этом, хотя и имеет прямое отношение к начатому разговору. Так вот, потребовался специалист по информационным и ай-тишным вопросам. Сошлись на вашей кандидатуре, Федор Михайлович! Поедете работать в администрацию небезызвестной Вам области, на малую родину, – улыбнулся генерал-полковник.

Сердце екнуло, кровь хлынула к лицу, немного сперло дыхание. Почти сразу резанула неприятная мысль, что предстоит увольнение. Мозг разведчика начал автоматически обрабатывать возникшую задачу: «А как отнесется к переезду Надя? Опять же ребята вновь останутся без отца. Сколько можно? Квартиру начал ремонтировать. Что теперь делать. Диссертацию надо бы успеть защитить!» Тем не менее следом возникло и ощущение радости. По возвращению на Родину после длительной заграничной командировки и после переезда в Черноземье дочери и любимых внуков Пашина все больше тянуло туда, где он сам родился, прошли его годы детства и юности. Однако в эту минуту беседы с начальником генерал по привычке постарался скрыть свои внутренние чувства.

– Как быть с диссертацией?

– Как я понял, она уже у тебя готова. Слышал даже, что книгу успел написать.

– Так, воспоминания о службе в Афганистане, для детей полезно будет.

– Не скромничай, в писатели метишь?! Только вот издавать книгу под своим именем пока рановато. Под псевдонимом можно. Дашь почитать? – заулыбался собеседник.

– Не думал.

– А почему нет? Мы здесь с удовольствием читаем публицистику Александра Григорьева в СМИ и Интернете. Кстати, а почему выбран этот литературный псевдоним.

– В юности моей настольной книгой было произведение Вениамина Татаринова «Два капитана».

– Несколько раз сам смотрел сериал по этой книге, – шеф спецслужбы на секунду задумался, а затем заговорил подчеркнуто серьезно: – Последняя публикация Александра Григорьева о планах «мировой закулисы» интересная, но из нее «торчат уши» автора, а значит, – нашей службы. В частности, там идет речь о баронессе Рокшильбрайт. Такие подробности, словно автор «со свечкой стоял». Такие вещи недопустимы! И это еще одна причина, почему отправляем «с глаз долой» в провинцию.

– Есть и другая причина? – спокойно спросил гость высокого кабинета.

– Есть. Россия страна многонациональная. Вам предстоит работать в регионе, где активно идет пробуждение русского национального самосознания. Если русские захотят равных прав в России с другими «титовыми» народами, страна просто распадется. Допустить этого нельзя. Согласен?

Федор Михайлович сидел молча, немного отвернув голову в сторону и опустив глаза.

– Будем считать, что согласен и готов выполнять любую задачу!

– Мне предстоит уволиться? – Пашин перевел разговор на другую тему.

– Не горячись, генерал! Еще не время поживать на лаврах, у нас каждый штык сегодня на счету, – хозяин кабинета успокоил своего гостя. – Думаю, это не последнее задание, Федор Михайлович. Обживайся, входи в роль, пригляды-

вайся, зря не следи, подбирай и по возможности продвигай единомышленников, – старший по званию генерал крепко пожал руку более молодому по возрасту сослуживцу.

Так Федора Михайловича Пашина неожиданно назначили советником по гуманитарным вопросам в областную администрацию центра русского Черноземья. Его начальник во время их встречи не мог сказать своему подчиненному, что со дня на день решится вопрос и о его переходе на госслужбу в администрацию президента. За время правления нового молодого президента страны в его ближайшем окружении произошло усиление влияния либералов, которых в СМИ давно окрестили пятой колонной. В спецслужбе тоже не боялись называть вещи своими именами. Они уже были в курсе того, что по указанию своих западных хозяев противники главы правительства, выходца из бывшего КГБ, приступили к плану его отстранения от власти со всеми вытекающими последствиями для страны. В высоких кабинетах секретной спецслужбы не сомневались, что устранение от власти нынешнего хозяина белого дома может привести к схожим сценариям развала СССР.

В Кремле нынешнему шефу Пашина в борьбе за влияние во властных кругах предстояло конкурировать с самым могущественным лоббистом в России. Спецслужбисты, которые были в «теме» самого факта особой политической влиятельности Царькова, между собой за глаза называли его «тат» по принадлежности к горским татам, по национальности не то евреев, не то кавказских персов, проживающих в Азербайджане и России, преимущественно на юге Дагестана. По имеющейся информации, после неожиданной смерти опального олигарха Артема Мирского в Лондоне, Царьков Вениамин Ахметович стал практически «смотрящим» за Россией от мирового клана Рокшилбрайтов, в то время как Айфончик был лишь его послушной кратурой в президентском кресле.

Драка на Манежке

Покинув место драки между восставшей русской молодежью с московской милицией на Манежной площади, братьям Пашиным так и не удалось без приключений вернуться домой. Они неспешно двинулись в сторону метро, продолжая с интересом наблюдать за всем происходившим вокруг. Мелкие стычки протестантов происходили не только с милицией. Фанаты стайками рыскали вокруг Манежной площади в поисках лиц неславянской внешности. Если им на глаза попадались «звери», как между собой болельщики величали южан, тогда тем приходилось спасаться бегством. Милиция ничего не могла поделать с агрессивной молодежью.

У станции Охотный ряд, куда направились братья, их внимание привлекла драка возле разбитой витрины дорогого магазина. Стайка из 6–7 подростков 15–16 лет и среди них две девочки, повалив на землю трех черноволосых молодых людей неславянской внешности, избивали их ногами, битами и железными прутами. Девочки таскали за волосы по асфальту брюнетку, ярко покрашенную, с блестящими украшениями на пальцах рук и в ушах, в модной дорогой одежде. Вдобавок они с размаху пинали ее ногами. Жертва дико визжала, молила о помощи, тщетно пытаясь укрыться от ударов сорванной с нее норковой шубой. В одной из девчонок, с косичками, в рваных джинсах и светлой куртке, Георгий сразу признал незнакомку, которая во время движения колонны на Манежную площадь, последними словами ругала милиционеров.

Один из спутников брюнетки, такой же чернявый хорошо одетый молодой человек, попытался защититься ножом. Однако его умело ногой выбил подросток, что был покрупче и повыше ростом, чем его сподвижники. Сделал это он так ловко, что лезвие, отлетев в сторону второго попугайчика модной «дорогой» дамы, рассекло ему лицо до самой крови. Другие нападавшие с еще большей яростью набросились на молодых людей, катавшихся от ударов по тротуарной плитке. Со стороны казалось еще мгновение, и подростки забьют до смерти своих жертв. Но военные парни в гражданской одежде подбежали вовремя.

– А ну стоять, отставить! Охренели, русские лежачих не бьют! – заорал Ярослав, вырвав биты у одного из нападавших подростков. В эту минуту Георгий бросился спасать от злобных девчонок брюнетку, распластавшуюся на асфальте. Модница в порванных колготках и задранной до трусиков юбочке сжалась в комок и закрыла лицо руками.

– Кыш, пошли прочь, саранча! – кричал он, преградив путь агрессивным малолеткам. Курсант крепко схватил девчонок за руки и, стараясь не причинить боль, вывернул их назад. Тем не менее девчонки завизжали от боли. Другие подростки слегка замешкались, но тут же собрались, чтобы быстро рассчитаться с теми, кто только что помешал им расправиться с инородцами. Они чуть не кинулись на курсантов с кулаками и битами. Однако к месту «махача» уже спешило с полдюжины омоновцев с дубинками наперевес.

– А ну бегом отсюда! Менты вон уже бегут за вами, сейчас похватают и заберут в милицию! Вам надо своих родителей подставлять? – блоками рук, отбиваясь от подростков, Ярослав в один момент отрезвил всю стаю драчунов.

Ребята стали разбегаться. Ярослав успел поднять на ноги всю избитую и в слезах, дрожащую от перепуга брюнетку. Парень улыбнулся, подмигнул глазами, попытался приободрить:

– Не плачь, красавица, до свадьбы заживет!

– Больно! – только и произнесла брюнетка.

Только сейчас Ярослав обратил внимание, что одна из девчонок-подростков, поднимая с тротуарной плитки свой маленький рюкзак, замешкалась и могла оказаться в лапах плечистого омоновеца. Он первым прибежал к месту драки. Однако на пути сержанта возник Георгий. В результате девчонка с рюкзаком успела убежать, а мент набросился на ее спасителя:

– Сопrotивление милиции, под статью пойдешь! – он попытался вывернуть парню руку назад. Однако Ярослав умело отскочил назад да так, что омоновец чуть не упал. С трудом удержавшись на ногах, мент схватился за автомат, в страхе передернув затвор.

– Стоять, б...дь! Убью на х...!

На помощь брату рванулся Ярослав, но ему быстро заломили руки сзади двое других подоспевших милиционеров. Курсантов окружили четверо омоновцев и под дулами автоматов повели в сторону, где стояли милицейские автозаки.

В этот момент за Георгия неожиданно решительно вступилась брюнетка:

– Отпустите его! Он спас меня, нас!

– Иди на х...! А то и тебя закроем!

– Хам! Будешь иметь дело с моим отцом! – за девушку вступился брюнет, один из двух парней, сильно потрепанных дракой.

– Разберемся, кто из вас кто! Всех забирайте, в отделение поедут! – командовал плечистый омоновец. Несмотря на резкие возражения избитых спутников брюнетки, милиционеры профессионально скрутили и их. Более благосклонно они отнеслись лишь к пострадавшей девушке, которую под руку вежливо повели в сторону стоявших поодаль милицейских машин. Брюнетка обернулась назад, ища глазами своего спасителя. Их взгляды на мгновение встретились, хотя Георгию с вывернутыми вверх руками, было непросто поднять голову. «Красивая», – успел подумать про себя курсант, поймав нежный взгляд незнакомки. «Какой смелый парень, мужчина!» – девушка слегка поправила свои растрепанные волосы. Несмотря на все произошедшее с ней, она чувствовала себя в приподнятом настроении, даже попыталась улыбнуться.

В отделение отвезли далеко не всех. Автозак, в котором вместе с другими задержанными лицами оказались и курсанты, отправился к месту назначения минут через десять. Георгий успел заметить, как брюнетка, сильно жестикулируя, о чем-то долго переговаривалась по телефону. «А нам не дали позвонить, менты!» – подумалось ему. Он переглянулся с братом. «Это залет, курсант!» – скорее по губам Георгий понял мысль Ярослава. Тот невольно вспомнил любимую фразу начальника факультета, когда он отчитывал нерадивых курсантов перед строем. Не сговариваясь, больше всего Пашины сейчас переживали за то, что придется объясняться с отцом.

«Батя, если узнает, будет конец!» – решил про себя Георгий.

Как оказалось, пострадавшая троица, случайно оказавшаяся на Манежной площади в день массовых фанатских протестов, имела серьезных покровителей в Москве. После того как один из спутников девушки дозвонился по телефону, уже через несколько минут отношение ментов к ним сразу изменилось. Троицу отвели в сторону и посадили в милицейский «Форд», стоявший поодаль от автозаков. Через полчаса в зону, куда проезд неслужебного транспорта был строго запрещен, за троицей приехали два крутых авто. Подполковнику, который вышел встречать важных персон, один из них, предъявил удостоверение сотрудника администрации президента РФ. Человек без головного убора, в черной дубленке с фиолетовым шарфом, с подчеркнутой вежливостью, но с особой строгостью в голосе попросил незамедлительно возбудить уголовное дело по факту нападения и избиения гостей столицы из дружественной Украины.

– Товарищ подполковник, пострадали дети известных и влиятельных людей в России и Украине. Вопрос на контроле в Кремле, – представитель президентской администрации показал большим пальцем назад в сторону кремлевской стены.

– Уже звонили! – проявил свою осведомленность милиционер.

– Надо избежать громкого скандала. Необходимо будет обо всех обстоятельствах произошедшего рапортом доложить на имя начальника московской милиции! И никаких комментариев в прессе! – словно пароль заученную фразу произнес посланец Кремля.

– Главное найти виновных и задержать, – попытался рассуждать подполковник.

– Желаю удачи, будьте осторожны, подполковник! Как бы крайним не оказаться! Преступники должны быть найдены и ответить по закону!

Джипы «Мерседес» и «Лексус» рванули с места и через пару минут, выехав на Лубянскую площадь, скрылись за поворотом направо.

В милиции Ярослав и Георгий, как могли, пытались объяснить, что они оказались случайно на Манежке, ни в чем не участвовали, а наоборот пришли на помощь двум парням и девушке, которых избивали подростки.

– Спросите у них!

– Спросим! Вы за себя отвечайте. Документов, подтверждающих, что вы курсанты, нет. Воспрепятствование милиции при выполнении своих обязанностей налицо. Будем разбираться, для начала установим ваши личности. А пока, посидите в «обезьяннике» с другими задержанными.

По всему было видно, что так просто курсантов отпускать никто не собирается. В кабинет следователя вошел приземистый майор с кривыми ногами азиатской внешности. Он сразу вклинился в разговор, проявив завидную информированность:

– Избиение – это их рук дело. Сразу видно – фанаты, нацики. У них на лицах все написано. Вот видишь, у одного из них шарф болельщика «Спартак». Качки, бляха муха, – офицер рукой вытащил наружу шарф, край которого торчал из-под куртки. Хотя Георгий еще в «автозаке» по дороге в милицию старательно его прятавал, чтобы не было видно.

– Сто процентов! Боевики! На Манежке участвовали и в протестах, и нападениях на милицию. Для профилактики их надо к «зверькам» посадить! – майор хитровато подмигнул худощавому следователю с капитанскими погонами.

Молодых людей заперли в изоляторе временного содержания, где кроме них уже сидело несколько человек неславянской внешности. «Обезьянник» встретил русских настороженно. Арестанты, сидевшие на нарах и полу, напряглись. Их колючие суровые взоры пробежали по лицам спортивного вида молодых людей, вошедших за большую железную решетку от пола и почти до потолка. Георгий, поймав на себе колючий суровый взор кавказца, который даже приподнялся с нар, взгляд выдержал, глаз не опустил. Невольно коснулся плеча брата. Почти сразу пришло ощущение опасности, во всем теле появилась легкая дрожь, неприятный холодок скользнул по спине, руки налились тяжестью. Мельком переглянувшись, братья приготовились к самому худшему.

– Стоять! Кто такие? – спросил хмурый южанин. Он говорил с легким акцентом.

– Посмотри, как похожи! Да они братья! – хмыкнул другой сокамерник.

– Москвичи, живем здесь, в своем городе! – как можно спокойно, но с достоинством ответил Георгий.

– Ни хрена себе заява, бля буду! – выругался джигит, растопырив пальцы, обернулся на нары, где сидели еще четверо задержанных.

– А мы что, не в своем городе? А..., мы «понаехали»? Это кто «понаехал», свиноиды? Это русские сюда «понаехали», Москва тюркский город со времен Батыя! Истории не знаешь, б..дь! – с полуоборота завелся второй кавказец.

– Ага, Россия только для русских! Да я твою маму...! – в разговор вклинился еще один южанин.

Ярослав резко одернул брата, который уже готов было ответить на хамский вызов.

– Что ты дергаешься, свиноид! Ты попал, сука! – приблизившись вплотную, зашипел кавказец.

– Россия для всех, но и для русских тоже! – вновь спокойно произнес Георгий. Он еще надеялся, что удастся отделаться разговором на повышенных тонах. Однако брошенной фразы оказалось достаточно, чтобы «звери» скопом бросились с кулаками на курсантов.

– Вам конец, братья-славяне, Аллах Акбар, мочи их! – громко заверещали в «обезьяннике». Все до одного, пять южан, оказались солидарными в своей неприязни к братьям-славянам.

Курсанты приготовились к самому худшему. «Спаси, Господи!» – прошептал Георгий и бодрым взглядом подбодрил Ярослава. Почти на голову выше своих неприятелей, братья, став спиной к спине, не отходя от камерной решетки, стали отбиваться от нападавших на них сокамерников. Самыми активными были два коренастых горца. Их точные удары чаще всего пробивали защиту из рук и ног братьев, достигали цели. Братья-славяне больше оборонялись, чем наносили ответные удары. Хотя пару раз Ярославу удалось попасть в цель. Сначала азиат распластался на полу, а затем кавказец согнулся в три погибели, получив ударом ноги в пах. Несмотря на это «звери», окружив братьев, наседали, нанося удары в стремлении растащить курсантов. Но у них ничего не получалось. Неожиданно в руках одного из джигитов мелькнула «заточка». От первого резкого выпада Ярослав увернулся, а удар пришелся в металлическую решетку. Нападавший «зверек» взревел от боли и в этот момент Ярослав успел предупредить, ударив южанина в живот ногой. Затем ловко вывернул тому руку. «Заточка» выпала. Ее тут же с пола под-

хватил Георгий, успевший пригнуться от удара кулаком в голову. Увидев перед собой острие «заточки», выброшенное навстречу нападавшим, «зверьки» дружно сразу отпрыгнули назад.

– У русских ножи! – громко заорал хмурый южанин, который и начал провоцировать конфликт в камере.

И тут, как по команде, к «обезьяннику» подбежали три мента с автоматами. Из коридора за их действиями внимательно следил приземистый кривоногий подполковник. Сомневаться не приходилось в том, что провокацию организовали сами менты. Курсантам заломили назад руки, одели наручники, схватили за волосы и потащили по коридору в камеру. Там беззащитных братьев стали избивать трое ментов. Мальчишки стонали, но терпели.

Через пару часов избитых курсантов вновь потащили к следователю:

– Короче, срок вам грозит, прежде всего, тебе, – капитан поднял глаза на Георгия, который был избит до неузнаваемости.

– Зачем Вам это надо, товарищ капитан? Отпустите нас, мы здесь ни причем, – пробовал уговорить следователя Ярослав. Ему от ментов досталось меньше, так как он почти не пытался сопротивляться.

– Еще как при делах, ребята? «Заточка», противодействие милиции – уже этого хватит на срок твоему брательнику, да и тебе не пощадят за участие в групповом преступлении. Вот так, бойцы! Не х..я шататься где не надо!

– Что, уже и по Москве нельзя гулять? – вновь пробурчал Георгий.

– Родители кто, где работают?

Георгий посмотрел на брата. Братья понимающе переглянулись. Им обоим очень не хотелось, чтобы манежная история дошла до отца.

– Что молчите?

– Мы одни в Москве. Родители в другом городе живут, – бросил Георгий.

– А, гопота, значит. Сами установим родителей. Чтобы неповадно было – драться в милиции, вас еще немного повоспитывают, проще говоря, от мудохают до полусмерти! А пока в камеру! – капитан ехидно захихикал. Достал из холодильника бутылку водки, тарелку с порезанным салом, луковицами и хлебом. Вызвал по телефону трех своих подельников из числа ментов младших по званию. Приподнялся со стула и включил радиоприемник, который стоял на красно-коричневом сейфе в углу комнаты.

Радиостанция «Эхо Москвы» бурлила новостями о последних событиях на Манежной площади, массовых беспорядках на прилегающих территориях и в московском метро. В комментариях экспертов звучали тревога и обеспокоенность, призывы к поиску виновных в избиении москвичей и гостей столицы. Ведущий программы напоминал о бессмысленности и беспощадности русских бунтов в истории. Раз за разом в эфир врывался самоуверенный суровый голос молодого президента. Дима Твиттер требовал от правоохранительных органов наведения конституционного порядка в Москве и наказания организаторов фанатских выступлений.

Властный бизнес

Было уже далеко за полночь. Придорожные фонари хорошо освещали ночную дорогу в международный аэропорт под Киевом. Кавалькада из трех дорогих машин черного цвета безостановочно проскочила раскрывшиеся ворота и выехала на взлетно-посадочную полосу. Человек на заднем сиденье во второй машине, новеньком «Мерседесе-гелендвагене», уже знал, что самолет из Москвы приземлился, сбавив скорость, он неспешно выруливал на стоянку в самом конце аэродрома. Сегодня папа сам лично приехал в аэропорт встречать сына и дочь из Москвы. Он был в курсе того, что с его детьми случилась беда. Вчера в самом центре столицы, на Манежной площади, его дочь и сын, с которыми был их московский приятель, сын видного московского чиновника, подверглись нападению и избиению. Случай был из ряда вон выходящий. Как только дочь дозвонилась до Киева, и сумбурно поведала обо всем произошедшем, отец пришел в ярость. Он, богатый и влиятельный человек, был готов сразу вылететь в Москву и на месте растерзать обидчиков своих детей. Едва телефон смолк, вновь зазвонил мелодией известного шлягера «Владимирский централ». Его «чел», который в свое время хорошо устроился за «зубьями», в Кремле, как мог стал успокаивать и удерживать давнего приятеля от незамедлительного вылета в Москву.

– Не рви себя, все меры уже приняты. Я позвонил в МВД. Там берут все под контроль. Виновники – два националиста. Представляешь, военные, курсанты, гопота, иностранные языки, блин, изучают. Кого армия готовит, не понимаю. Черт с ними! Главное все живы и здоровы, а остальное купишь! Правильно говорю?

– Их убить мало! – на другом конце связи в Киеве не унимались.

– Будь уверен, навики загремят в тюрьму лет на десять, будут изучать как «по фене ботать»!

– Я бы их, гнойных пидоров, своими руками удавил, чтобы мне не жить!

– Только без эмоций, чай, по телефону общаемся!

– Кто нас подслушает, я тебя умоляю!

– Успокойся, еще раз повторяю, менты в «теме», а они знают свое дело! Кончай базар, ты что, нажрался?

– А ты как думал, детей моих москали отмудохали в этой сучьей Москве! Мы с женой перенервничали! Пришлось дозу вискаря принять, стресс снять, – лопотал по телефону украинский собеседник.

– Не переживай! Твоих детей уже отвезли в аэропорт и посадили на самолет. Выезжай, встречай!

– Хорошая новость! Оперативно. Ценю, братела! Должник твой!

– Нет базара, какой должник? Мы же не просто партнеры. Жаль, Ходора с нами нет, бедняга, какой год сидит в тюрьме, ничего не могу сделать, чтобы его вытащить на волю. Но жену и детей его в обиду не дадим!

– Нет вопросов, семью своего земляка я не оставлю. Но вытащить Ходора из тюрьмы – это наша с тобой забота! Знаю, работа идет! А когда скинем, знаешь кого, все решится автоматически!

– Еще раз прошу – не по телефону! Лучше о нашем главном событии года давай подумаем. Твоя дочка Диана и мой сын – прекрасная пара! Давай не будем тянуть, надо сразу после еврейской пасхи свадьбу и сыграть.

– Мы же обо всем договорились. Но только в Киеве.

– Нет, в Москве, – не уступал Царьков.

– Ладно, давай в Донецке! Готовься внуков нянчить!..

На этом месте разговор по телефону о произошедшем 10 декабря инциденте в Москве закончился. В декабрьской столице на Манежной площади пострадавшими оказались сестра и брат Колахметовы. С ними в одной компании был младший Царьков, который готовился стать мужем дочери украинского олигарха. Накануне католического рождества, киевская невеста со своим сводным братом приехали в Москву, чтобы еще раз обсудить предстоящее событие, поговорить о будущем, заодно осмотреть новую квартиру для молодоженов, которые собирались жить в обеих столицах, посетить московские бутики, просто погулять по столице. Диана Колахметова любила Москву не меньше чем Киев. Папа не раз ее брал с собой, когда по делам политики и бизнеса ездил в Россию. Домой всякий раз она возвращалась с подарками и яркими впечатлениями от встреч и всего увиденного. Раньше, пока была жива мама, Диана могла часами рассказывать ей о Москве, где та тоже училась в молодости. И хотя мамы более трех лет уже не было в живых, а папа каждый год приводил в дом новую свою избранницу, одну моложе другой, дочка продолжала посещать город, где познакомились ее родители.

Завершив телефонный разговор с Москвой, Колахметов покинул свой офис и направился вниз к черному «Мерседесу», который стоял у входа. В составе еще нескольких дорогих иномарок с мигалками кавалькада машин резво вырулила на трассу. По дороге в аэропорт олигарх невольно вернулся к мыслям о своем друге детстве Ходоре, который оказался осужденным на длительный срок. Колахметов Ринат Леонидович и Ходор Михаил Арнольдович знали друг друга с детства и дружили еще с советских времен. Вместе жили в одном шахтерском городке на Донбассе: в пятом классе решили вместе играть в одном духовом оркестре, Ринат – на флейте, Миша – на барабанах. В старших классах ребята занимались самбо, бегали на танцы, где кадрили местных красавиц. Из-за девчонок нередко приходилось участвовать в уличных драках. Первые навыки предпринимательства приобретали, занимаясь перепродажей импортного ширпотреба. А еще не по годам ушлые пареньки любили уединиться в зарослях лесной полосы на окраине города вдали от любопытных чужих глаз. Там они травились дешевыми «солнцедаром» или портвейном, закусывая пирожками с ливером, а еще тайком, по-мальчишески, искали взаимной близости.

Сразу после школы дороги приятелей разошлись. Михаил сразу поступил на учебу в Московский институт нефти и газа. После окончания московского вуза он какое-то время проработал в Тюмени, затем окончательно перебрался в столицу, где промышлял производством и перепродажей текстильного контрафакта, успешно торговал компьютерной техникой. А когда распался Союз, сумел

устроиться в нефтяной бизнес, а заодно стал проявлять интерес к банковской сфере. Уже через несколько лет Ходор возглавил одну из ведущих нефтяных компаний страны, создал сеть банков, приобрел влиятельные медийные активы.

Тем временем Ринат Колахметов остался на Украине. Откосив по болезни от армии, кучерявый симпатичный парень удачно женился на дочке секретаря райкома, которого вскоре перевели на повышение в Киев. Затем получил западное бизнес-образование в США. После совместно с американским партнером, симпатичной дамой средних лет, начал банковский бизнес. Его частный банк вскоре стал крупнейшим на Украине. Близкие связи в киевской мэрии, где теперь трудился его тесть, бывший партократ, помогли Колахметову преуспеть в приватизации госсобственности не только в Киеве, но и других регионах страны и, прежде всего, на его малой родине – в Донбассе.

Вновь земляков судьба свела уже в начале нулевых годов, когда каждый из них достиг определенных высот в карьере, а интересы бизнеса требовали расширения связей за пределами своих стран. Сколотив хорошие капиталы, земляки стали вкладываться в политику и спортивный бизнес. Однажды их интересы на трансфертном рынке столкнулись в споре за одного украинского футболиста, которого Ходор хотел видеть в Москве в своем клубе. Появился повод друзьям детства повидаться. При личной встрече в родном городке на Донбассе, где прошли их детство и юность, земляки «ударил по рукам» и решили, что дальше надо действовать сообща. Теперь они стали партнерами не только в бизнесе и большой политике, но и спорте. Ходор помог Колахметову войти в нефтегазовый бизнес, а тот, в свою очередь, убедил москвича вложиться в банковское дело. Постепенно вместе стали расширять границы своей совместной футбольной империи на просторах бывшего СССР и за его пределами.

Прежняя юношеская однополая страсть нынешних олигархов оказалась как нельзя кстати, в рыночных условиях. Предприимчивые и удачливые партнеры вскоре обрели немало покровителей и ставленников во властных структурах России и Украины, где к тому времени появилась мода на нетрадиционные сексуальные отношения. В Москве, в администрации президента, их ставленником, близким приятелем, сподвижником и компаньоном по бизнесу стал Вениамин Царьков, скрытый педофил и сторонник ЛГБТ-сообщества. В свое время он начинал в бизнесе, работая в компаниях Ходора. Со временем, войдя в ближний круг мирового семейства Рокшилбрайтов, предприимчивая тройца властных бизнесменов ощутила себя полновластными хозяевами в пределах СНГ и Балтии.

Однако неожиданно в Кремле небезызвестного Бориса Ельцина сменил новый президент, который на словах демонстрируя свою приверженность прежнему курсу, стал постепенно его менять. Не все олигархи поджали хвосты, Ходор заодно со своим бывшим конкурентом Мирским не захотели признавать президентские новшества. Они вступили с ним в открытое противоборство. Но, видимо, не рассчитали свои силы. В результате один информационный магнат Мирский сбежал и трагически погиб в Лондоне, другие сбежали в Израиль, а нефтяной король Ходор угодил в тюрьму. Более покладистые «акулы» большого бизнеса в окружении нового президента с радостью поделили активы опальных олигархов. Через Царькова немало перепало и Колахметову.

«Конечно, надо бы помочь Ходору выйти на свободу, но ведь тогда он потребует вернуть назад его «бабки» и другие активы, – при этой мысли Ринат Леонидович невольно вздрогнул. – Лезет в голову всякая хрень! – он попытался успокоить себя. За окном автомобиля появились темные иллюминационные контуры международного аэропорта. Вереница дорогих авто стремительно проскочила открывшийся шлагбаум и помчалась параллельно взлетной полосе. На дальней аэродромной площадке, где стоял чартер из Москвы, к самолету уже подъехал трап. Колахметов не без труда вылез наружу. На улице был небольшой морозец, однако от северного ветра казалось очень холодно. Пышная с сединой шевелюра полного мужчины, который стоял без головного убора, на ветру заметно шевелилась. Сзади от него в двух метрах стояли два охранника внушительного роста.

Диана Колахметова стала быстро спускаться по трапу самолета, следом за ней в проеме самолетной двери появился сын украинского олигарха. Он тоже радостно помахал отцу руками.

– Папочка, родной мой! – дочь обхватила отца за шею. У нее на глазах навернулись слезы. – Так было страшно, ты не знаешь, папуля! – дочь сразу начала описывать произошедшие с ней события в Москве.

– Давай по порядку!

– Представляешь, они избивали нас. Меня, твою дочь, за волосы таскали по тротуару. Их столько было на площади! Они кричали страшные лозунги. Дрались с милицией. Мою новенькую шубу всю изорвали, гады.

– Я тебе еще десять таких шуб куплю. Доченька, родная, успокойся, моя милая! Все эти подонки уже схвачены, сидят в милиции, против них возбуждено уголовное дело. Эти курсанты, русские нацики, они ответят за все и получают на полную катушку! Дианочка, славная моя девочка, только не плачь, я умоляю тебя!

– Какие курсанты, папа? – дочь неожиданно отпрыгнула от отца.

В это время к ним уже спустился по трапу Тимур Колахметов. Он слышал весь разговор:

– Папа, при чем тут курсанты? Нас били подростки. Несколько человек. – Двое из них – девушки, лет по 16–17, – сумбурно вторила брату сестра.

– Не путайте меня! Задержаны два мерзавца, по их показаниям они военные курсанты. Не морочьте мне голову! Быстро в машину. Темно и холодно. Едем домой!

– Папочка, дорогой, нас избивали другие люди. Это были подростки, – продолжала настаивать дочь.

Отец посадил ее на первое сиденье автомобиля. Сам с трудом залез на свое привычное заднее сиденье за местом переднего пассажира. Иномарка дала по газам и быстро рванула с места.

– Какие подростки? Тогда непонятно, как ты, мой сын, и младший Царьков, два здоровых м...дака, спортсмена, каждому далеко за двадцать, фактически мужики, не могли постоять за себя и мою Дианочку? Я бы этих скинхедов на куски порвал! – отец укорил своего 25-летнего сына, игрока основного состава футбольной команды, играющей в первенстве Украины.

– Папа, пойми, на Манежной площади, в ста метрах от нас были тысячи таких же фанатов, как и эти подростки. Шум, крики, файеры! На нас напала настоящая

стая агрессивных подростков с цепями, битами, еще что-то в руках было. Начали бы сопротивляться, другие нацики налетели бы. Ведь их было около десятка, – как мог оправдывался сын.

– Не болтай, две девчонки и два парня подростки, старшему из них было не больше семнадцати лет! – возразила Диана.

– Бакланы, хотели острых ощущений получить? Какой хер вас понес туда, извини дочка!

В разговор вновь вступила Диана:

– Папочка, спасибо двое парней на помощь пришли. Они нас просто спасли. Один из них меня с тротуара поднял и на ноги поставил.

– Тьфу, черт, так кого тогда милиция арестовала, кого посадили в клетку к кавказским джигитам, их уже, наверное, отмудохали и завели уголовное дело в связи с вашим избиением? Мне же все так рассказали. Я несколько раз звонил в Москву.

Вся московская милиция поставлена на уши!

– Папочка, нас спасли два смелых и симпатичных молодых человека. Один меня даже с земли поднял, успокоил. Если их посадили, то это страшная несправедливость, ошибка. И ее надо незамедлительно исправить! Папуля, милый, понимаешь, они же спасли твою дочь! – Диана знала, какими словами можно было разжалобить своего отца.

– Папа, иначе нас забили бы до смерти! Чего ты молчишь? – вновь встрял сын.

– Ты молчи, грусть! Мужик называется! Просто нет слов! – Рассказывайте как было, только все по порядку.

Сестра и брат, сумбурно дополняя друг друга, нарисовали картину произошедшего в Москве на Манежной площади. Олигарх опять вскипел:

– Кто такие? Б...дь, убью б...дей! За своих детей удавлю любого, не будь я Колахметов! Всех посажу, размажу!... – Гони, что ты еле едешь? – Колахметов кулаком ткнул в спину водителя.

Через несколько секунд спидометр «Мерседеса» показывал уже 170 километров в час.

– Папочка, я прошу тебя, помоги этим ребятам, – стенала дочь.

– Па, а дочь твоя, похоже, влюбилась в курсантов, по крайней мере, в одного из них. Любовь с первого взгляда! – ухмыльнулся Тимур.

– Молчи, дурак, debil вислоухий!

Колахметов никак не среагировал на перепалку сестры и брата. Он был занят своими мыслями. «А ведь курсантов и забить могут менты!» – подумал он вслух.

– Папочка, родимый, спаси их, они не виновны! – дочь словно угадала отцовские мысли.

За окном автомобиля было темно. Часы показывали три часа ночи. Ринат Леонидович безуспешно набирал нужный номер в Москве. Тот был заблокирован и не отвечал. Связаться с Москвой удалось уже утром по возвращении домой в Киев.

Друг детства

Мобильный телефон генерала Пашина сегодня подозрительно молчал. Заблокированными были и мобильники сыновей. Отец все больше волновался. По договоренности он звонил в Москву через день, чтобы справиться о делах своих детей, которые уже почти третий месяц жили одни без родителей. По воскресеньям, несмотря на свою чрезмерную занятость в областной администрации, Федор Михайлович Пашин старался каждую неделю выбираться в загородную баньку к своему давнему приятелю Святославу Юрьевичу Петрову. С другом детства и своим старшим товарищем они были знакомы более 40 лет.

Святослав Петров, уличный вожак и заводила, еще в четырнадцатилетнем возрасте взялся тренировать дворовую команду, которая стала регулярно участвовать в районных и городских соревнованиях на призы всесоюзного турнира «Кожаный мяч». Его команда даже выходила играть на республиканские состязания и занимала там высокие места. Известным футболистом Святослав Юрьевич Петров не стал, помешали травмы колена, а вот неплохим тренером быть у него получилось. Он тренировал не только детские и молодежные команды области, но и долгое время был вторым тренером областной команды мастеров, которая один раз даже вышла в высшую лигу советского футбола.

В далеком детстве Федора Пашина, соседского семилетнего мальчишку, он поставил защищать ворота в футбольной игре пять на пять «в дыр-дыр» со взрослыми парнями, которым было уже по 16–18 лет. Маленького Федора били по ногам, толкали, сбивали с ног, расстреливали в упор мячом, но он сквозь слезы терпел. «Молодец! Первый бой он трудный самый!» – похвалил мальчишку Петров, а другие ребята в знак благодарности мужественного вратаря еще долго трепали за волосы и трясли за плечи. Так Пашин вошел в дворовое футбольное братство, которое со временем растянулось почти на десятилетие. Летом играли в любимую игру чуть ли не каждый день, редко когда уходил с поля домой без синяков, шишек и ссадин. Его мать часто ругалась с Петровым, не пускала сына на футбол, а он все равно шел и шел.

«Настоящим мужиком будет, помощником!» – успокаивал мать футбольный заводила, став студентом факультета физкультуры и спорта областного пединститута. Бедной женщине только и оставалось грозить мальчишкам вслед, не в силах удержать сына дома. В футболе Пашин прошел все ступени детского, юношеского и молодежного футбола на областном уровне, получил первый взрослый разряд, а заодно сильную физическую и морально-психологическую закалку на всю жизнь. Мечты попасть играть за сборную страны не сбылись, помешали травмы, заботы о внезапно заболевшей матери и нежданная первая любовь к красивой девчонке, что жила с ним по соседству на соседней улице, которая полностью овладела его мыслями и поступками. К тому же пришло время ехать на западную Украину сдавать экзамены в Львовское военно-политическое училище.

В послесоветские времена футбол стал стремительно превращаться в прибыльный бизнес. Старожил клуба Юрич, как любовно его величали футболисты, не был готов поступиться своими принципами, отказаться от принципов справедливости, чести и совести на футбольном поле и вне его. Ему претила сама мысль зарабатывания «бабла» на спортивной борьбе всеми доступными средствами. Поэтому новые хозяева команды, неизвестно откуда появившиеся в областном центре, от услуг опытного тренера почти сразу отказались. На прощание было попытались организовать достойные проводы и откупиться от старожилки «хорошими бабками на жизнь», но Петров отказался. Святослав Юрьевич уходил с гордо поднятой головой, хотя на его душе «кошки скребли», уж очень сильно он переживал за судьбы своих бывших подопечных – футболистов, которым предстояла новая жизнь в мире футбольного бизнеса.

Как известно, 90-е годы XX века в России оказались совсем непростыми временами. По существу людям приходилось выживать, повсюду искать средства, чтобы прокормить себя и близких. Святославу Петрову пришлось содержать семью, поднимать своих мальчишек, один из которых учился в школе, а другой пошел по стопам отца, поступив в местный пединститут на факультет физкультуры и спорта. Оставшись вне футбола, Петров-старший, недолго думая, решил заняться лечебным массажем, которым он овладел еще в студенческие годы в институте, и время от времени подрабатывал себе на жизнь.

Потихоньку освоив азы акупунктуры и иглоукалывания, предписания вошедшей в моду тибетской медицины, Святослав Юрьевич стал вести прием всех желающих граждан у себя на дому. За лечение особой платы с людей сам не требовал, если пациенты оставляли подарки и деньги, то их забирала и распоряжалась супруга. Вскоре в округе Петрова стали величать волхвом-целителем. Он не противился и даже литературой о русских волхвах стал интересоваться. Молва о проницательном народном врачевателе и искусном массажисте добралась даже до Москвы, записываться к нему надо было не менее, чем за неделю.

Святослав Юрьевич Петров со своим другом детства Федором Пашиным расстался почти 30 лет назад, когда тот ушел в армию. Сначала переписывались и даже созванивались. А потом Пашин неожиданно пропал. И вот уже лет двадцать как о своем товарище Петров не имел никаких вестей. Не раз он пробовал разыскать земляка, но безуспешно. «Его нет в России, за границу укатил, чего он там забыл?!» – сокрушался старший товарищ, в очередной раз получив один и тот же ответ из Москвы.

С тех давних времен утекло много времени. Но вот случилось так, что судьбы дворовых мальчишек вновь пересеклись в их родном городе. Они вновь встретились год назад, когда Пашин в очередной раз приехал в родной город навестить своих внуков. Как ни странно, неожиданная встреча произошла в городской бане, куда молодой дед пришел с внуками и своим зятем Иваном Русаком, отцом мальчишек. Петров уже лежал в парилке, забравшись на самый верхний жаркий ряд, когда в открывшуюся дверь вошла голая говорливая ватага из двух рослых ладно сложенных мужиков и еще двух пацанчиков.

– Дверь закрывайте, только подкинул! – пробурчал сверху Петров.

Ватага сразу смолкла, расположившись на порожках прочной деревянной лестницы, ведущей наверх парилки. Малышам было явно неуютно в жаре, они

стали вертеться и шепотом просить деда и отца покинуть жаркое помещение. Иван Русак, переглянувшись с дедом, взял сразу обоих мальчишек себе по мышке и вышел наружу. Следом за ними вышло еще несколько человек. Сверху вновь слышалось:

– Земляк, поднимайся наверх, здесь теплей!

Голос показался очень знакомым. Его обладатель наверху остался один. Федор сел на противоположную лавку и отчего-то устремил взор на фигуру человека, лежавшего совсем неподалеку от него. Едкий пот катился по лбу и лицу, рукам и ногам. Между тем тело перевернулось, и тут знакомый голос ахнул:

– Федор, Пашин, мама родная! Ты откуда здесь взялся?

Друзья детства и юности, узнав друг друга, бросились в объятия друг к другу.

После того, как Пашин вернулся на малую родину, чтобы работать в обл администрации, друзья детства и юности стали регулярно по воскресеньям видаться за городом, в бане целителя, доставшейся ему в наследство от родителей. Русская парилка хотя и топилась по-старинному – дровами, но уже имела немалые современные удобства. В моечном отсеке стояла душевая кабина и рукомойник, а значит и не надо было, по-старинке, обливаться ушатами с водой. В предбаннике можно было полежать на деревянном топчане, попить душистого чая – на столе стоял электросамовар, послушать трогательные мелодии детства и юности, которые неслись из компактного музыкального центра, стоявшего на подоконнике.

В тот зимний декабрьский день Пашин лежал на белоснежной простыне, постеленной на широком деревянном топчане. Его друг Святослав Петров исполнял свой уникальный ритуал массажа тела с использованием душистых настоев трав и масел. Звучала легкая душевная музыка. Рядом с топчаном на стуле лежал мобильник пациента. Сегодня гаджет почти все время молчал, не считая нескольких звонков от жены и из областной администрации. Сыновья Пашина не выходили на связь со вчерашнего вечера. «Ой, не нравится мне все это. Что-то случилось!» – невеселые мысли мучили отца. Он привстал и поудобнее положил руки под голову.

– Без самодетельности, здесь командую я! – пробурчал массажист.

– Молчу!

– И не волнуйся ты так! Иначе от массажа никакого проку не будет! Что ты хочешь, молодые ребята, одни в Москве, после занятий в субботу решили погулять. Девчонки, развлечения... Надо же от учебы отдохнуть. Я бы с ума сошел – каждый день языки зубрить! Потом, сейчас воскресенье, отсыпаятся!

– У нас договоренность, быть на контакте по вечерам. Сколько раз позвонил, сколько эсмэсок послал! Ни слуху, ни духу! Ладно, давай о деле... – Пашин решил сменить тему разговора.

– Так бы сразу и сказал, ты опять про футбол. Я уже не при делах. Ты чего хотел-то?

– Надо областную футбольную команду возрождать. Ты же знаешь, как у нас футбол любят. В лучшие годы по десять–пятнадцать тысяч человек посещали матч на центральном стадионе.

– Больше! В высшей лиге, когда играли, то на стадионе мест не хватало. Пришлось расстраивать стадион и наращивать трибуны.

– Вот видишь, а ведь болельщики – это сила. В основном молодежь. Их бы объединить, сплотить и в созидательное русло направить. Горы можно свернуть!

– Не горячись! Тут и без тебя умники нашлись. Новые владельцы не только создали клуб болельщиков. Они добротное здание в три этажа нашли под него, прямо рядом со стадионом. Кучу народа туда посадили и по полной программе развернули работу с болельщиками. Рекламу собирают, торгуют литературой, сувенирной продукцией, атрибутикой и прочее.

– Ребята не промах!

– Не то слово! Говорят, на «договорниках» зарабатывают, перепродаже игроков. Немало местных ребят играет в украинских клубах. Сюда сбрасывается московский балласт. Еще слышал, что за «круглые» суммы устраивают в клуб играть детей богатых людей. Деньги возьмут, а потом пару лет таких игрунов на 10–15 минут выпускают поиграть. Народ все видит, смеется, болельщики перестают ходить на футбол...

– Слышал фанатов активно привлекают к политическим массовкам, бизнес-разборкам, рейдерским захватам?

– Ходят разные слухи, «сено–солома». В нашем Богом хранимом Отечестве не знаешь чему и кому верить!

– Что говорят о нынешних владельцах клуба?

– Раньше был Ходор, мать его так, известный московский бизнесмен! Такие чудеса творил! Футболом и не пахло! Бизнес делался на всем! Матчи продавались, футболистами торговали налево и направо, как крепостными. На стадионе устраивали безобразные шоу. Бензоколонки в области были у Ходора, крупнейшие торговые центры тоже. С его именем связывали спортивное издание и радиостанцию. Кругом Ходор! Я даже подписывался на его еженедельник, который о политике пишет не меньше, чем про спорт. В городе другой такой информированной газеты не было. Власть вовсю критиковал.

– Был да сплыл!

– Конечно, сколько веревочке не виться!.. Его посадили, но клуб оказался в других руках. Истинного хозяина не знают, говорят, что он с Украины. У него большие связи в Москве. И здесь, в городе, к нему перешли все активы Ходора.

– Имя его Колахметов. Он украинский олигарх. В Москве за ним числится клуб премьер-лиги. Я изучил эту тему. Где вот только раньше власть была?

– Ха! Теперь ты у нас власть, вот и реагируй!

– Для скромного целителя ты, Святослав Юрьевич, больно много рассуждаешь!

– Пациенты обо всем знают, общаться приходится. Ладно, хватит зубы мне заговаривать, давай переворачивайся на спину. Когда получаешь массаж, не то, что про политику не надо говорить, вообще молчать надо!

Пашин неспешно выполнил команду массажиста. Вытянул ноги, положил руки за голову.

– Будь по-твоему, сменим тему, перейдем от политики к женщинам. Не против?

– Я уже потерял интерес к противоположному полу, а ты женат. Так какой разговор?!

– Знаю, что здесь у Ходора в областном центре был большой интерес к женскому футболу.

– О, называется сменили тему! Впрочем, надо сказать, что местные девчата играют просто здорово! Нынешние мальчишки им в подметки не годятся. В России на чемпионате всех побеждают. Только сдается мне, что девчонки им не только в качестве футболисток нужны. Когда объявляется очередной набор в состав команды, толпы желающих собираются с заветной мечтой попасть играть в футбол.

– Сейчас это кастинг называется!

– Только вот в команду попадают немногие, а что происходит со многими другими – загадка! Из города они куда-то уезжают, говорят, что по контрактам играть в другие клубы, но не возвращаются.

– Интересно!

– Все девчонки, как на подбор, красавицы! Многие родители потом их годами с милицией ищут. Но владельцам женского клуба все сходит с рук. Думаю, хорошая поддержка во власти.

– Кто? Мэр, губернатор?

– Много знать хочешь, ты власть – вот и разбирайся!

– Помоги! Кто еще поможет, если не друг ...

– Я не в теме, это правда! – Святослав похлопал пациента по спине. – Повернись на бок, одну ногу под себя, и расслабься, очень тело напряжено. Учись расслабляться! По команде – вдох и выдох, – массажист дал команду другу. Профессиональными быстрыми и сильными движениями сделал правку тела.

– Как самочувствие?

– В норме.

– Немного полежи и вставай, еще раз зайдем в парилку. Я пока дров подброшу. В старой парилке царил полумрак. Хозяин лежал на верхнем полке, гость – на нижнем. Температура подбиралась к 100 градусам.

– Ну, ты и нагнал жары?

– Как обычно, до ста градусов!

– Ты мне лучше скажи, если тебе предложили вернуться в областной клуб на тренерскую работу, согласился бы?

– Ты меня застал врасплох. А кому это надо?

– Тебе, мне, болельщикам, футболистам. Это имидж и бренд области. Средства на развитие детского футбола.

– Во-первых, я уже в возрасте, сейчас время молодых. Во-вторых, меня туда никто не позовет! И наконец, тебе-то зачем?

– Футбол – это не только игра, бизнес и политика, но это еще и настроения тысяч людей – болельщиков и их семей. Можно сказать, последняя отдушина народа.

– А, хлеба и зрелищ, понятно!

– Все проще. Русский народ в депрессии, агрессии и апатии, разделен, угнетен, оскорблен. Надо его собирать и объединять. В политике не дадут, а здесь, в футболе, есть шанс. Как считаешь?

Петров сразу никак не отреагировал. Он не спеша слез с широкой банной полки вниз. Набрал в деревянный ковш горячей воды, добавил несколько капель из пузырька с настойкой и стал понемногу брызгать на камни. Запахло анисом,

волны ядреного жесткого пара накрыли парильщиков. Они инстинктивно пригнули головы и замолкли.

– У-у-у, круто! – первым откликнулся гость.

– Помнишь, в юности, мужики под такой пар песню варяг запевали, дружно хором, – хозяин бани взял в обе руки по венику, березовый и дубовый. Жестом приказал Пашину лечь.

– Хорошо, ой, хорошо, спасибо, ну угодил, дай бог тебе здоровья!

Через несколько секунд парильщики дружно выскочили наружу из бани. На дворе стоял похожий солнечный морозный день. Голые мужики по снегу бросились к проруби, загодя прорубленной в небольшом пруду по соседству. Первым с головой под воду ушел Пашин. Целитель в это время обтирался снегом. Нырнув по разу, они вновь бросились бегом обратно в парилку.

– Наверх залезай и ложись. Чтобы не заболеть, еще разок подкину и веничками пройдуся! – командовал старший по возрасту.

Следом за волной пара, тело вновь стало обливаться потом. Святослав, почти не касаясь тела, сначала замахал березовыми вениками, а потом принялся хлестать по самым нужным местам разгоряченного тела. Когда Пашин выбрался наружу, пришло ощущение заново родившегося человека.

– Парилка удалась, нечего сказать!

Хозяину бани было приятно слышать эти слова от старого друга. Они, покрасневшиеся, наполовину завернутые в белоснежные простыни, пили душистый чай и молчали. Неожиданно зазвонил телефон. Пашин встал и отошел к окну, где была лучшая слышимость.

«Когда это случилось? Где они сейчас? Как себя чувствуют?» – по ходу разговора уточнял Пашин.

– Держите меня в курсе! – бросил разволновавшийся отец.

Святослав сразу понял, что звонок из Москвы, а речь идет о сыновьях Пашина. По лицу друга было видно, что с ребятами приключилась беда. Разговор прекратился. Пашин молча стал быстро одеваться.

– Ребята попали в милицию, сейчас на гауптвахте. Еду в Москву.

– Не горячись! Отложи до завтра! – Спасибо за баню, дружище!

Сон в руку

Р асцвет еще не забрезжил, когда вражеская конница появилась на степном горизонте левобережья широкой русской реки, которая размеренно несла свои воды далеко на юг. Это были передовой отряд армии Хазарского каганата. Их набеги на русско-славянские племена всегда были неожиданными, вероломными и разорительными. Даже издалека было видно, что во главе конницы скакал предводитель. Это явно был представитель хазарской воинской элиты. Его выделяли шлем с сеткой-бармицей, кольчуга, ламеллярные кирасы. Другие хазарские всадники имели при себе мечи и копыя, палаши и сабли, а также топоры и кистени.

С правого высокого берега, заросшего густой порослью деревьев, внимательно наблюдали за передвижением вражеских конников. По всему было видно, что хазары задумали с ходу форсировать реку вплавь на лошадях в том месте, где она заметно сужалась. Русские люди готовились спешно покинуть временное пристанище. Женщины помогали мужчинам собирать небогатый походный домашний скарб и другие пожитки. Действовали молча, перешептываясь в случае крайней необходимости. Лишь иногда детский плач возникал и тут же смолкал. Матери были начеку. Людям нельзя было себя обнаружить. Все понимали друг друга без лишних слов. Мужчины быстро надели на себя ратные доспехи, вооружились мечами, копьями, луками со стрелами. В считанные минуты они приготовились отразить нападение непрошенных гостей.

Вовремя заметив маневр неприятеля, часть русской дружины во главе с самим князем Святославом Храбрым под прикрытием прибрежных зарослей пешим порядком выдвинулась к месту сужения реки. Первые кони уже достигли середины реки. Ярko светила луна, освещая плывущую конницу врага. Уже отчетливо слышались всплески воды, хрипы лошадей, чужестранная речь. Русские ратники замерли в ожидании команды, чтобы одновременно выпустить стрелы и забросать врага острыми копьями. В ожидании предстоящей схватки напряжение нарастало.

Молодой дружинник случайно поскользнулся на мокрой осоке и свалился в воду. Шум падающего тела и плеск воды мог обнаружить русскую засаду. Не ожидая команды, правый берег стал пускать стрелы и метать копыя. В рядах противника началось паника и сумятица. Кони стали поворачивать назад, сталкиваясь с наседающими всадниками. Враг начал отстреливаться. С левого берега, где спешилась вражеская конница, в сторону русской засады полетела туча ядовитых хазарских стрел. Одна из них попала в самое сердце молодого дружинника. К нему, прикрываясь щитом, на выручку бросился сам князь.

Вскрикнув от боли, Федор Михайлович Пашин проснулся. Схватился за грудь. Боли не было, но тело все дрожало. Он встряхнул головой. «Что за сон?! Лезет и лезет в голову история! Начитался литературы! Стрела в сердце – это что за знак? Как там мои ребята, сыновья, что с ними?».

Между тем жена уже проснулась:

– Ты вскрикнул, что-то нехорошее приснилось?

– Ерунда какая-то. Стрела попала прямо в сердце, – пробурчал супруг.

– Все воюешь! Говорила тебе, что в твоём возрасте пора лекарства принимать, – переживала за мужа Надежда.

Федор Михайлович стал быстро одеваться. Часы показывали без пяти минут три часа ночи. Зазвенел будильник. Он был включен на три часа. С момента, как он лег поспать, прошло четыре часа. Сегодня ему предстояло ехать в Москву.

– Ты же совсем не отдохнул! Как ты поедешь ночью на машине? Почему не на поезде. Вечером лег, заснул, а утром уже в Москве. Почему ты должен ехать на своей машине? Советнику губернатора могли бы машину с водителем дать!

– Не волнуйся! Я специально перед дорогой выспался.

– Что будешь есть? – продолжала заботиться жена.

– Ты же знаешь, я перед поездкой не ем, чтобы не заснуть, – улыбнувшись, муж чмокнул супругу в щеку.

Через полчаса старенький «Фольксваген Пассат» четвертой модели уже мчался по федеральной автомобильной дороге М-4 «Дон» в сторону Москвы. Чтобы не заснуть Пашин слушал музыку и новости. Московские СМИ продолжали комментировать события на Манежной площади в Москве.

Из телефонных разговоров с заместителем начальника военного вуза и начальником факультета, с которыми был лично знаком генерал, Пашин уже знал, что его сыновей задержали за участие в событиях на «Манежке», участие в драке и оказание сопротивления сотрудникам милиции. Ситуация оказалась чрезвычайная. В отношении братьев Пашиных было возбуждено уголовное дело. Как стало известно, избитыми оказались дети влиятельных людей. Они добились того, чтобы дело было взято на особый контроль в МВД. Пришлось советнику в воскресный день беспокоить губернатора и звонить в Москву руководителю своей спецслужбы.

«Вот попали, так попали мои ребята, помоги, Господи!» – сокрушался отец.

К концу дня благодаря совместным усилиям курсантов передали в военную комендатуру. Руководитель спецслужбы, как и обещал, переговорил с МВД, где ему сообщили, что уголовное дело взято на контроль самим Царьковым Вениамином Ахметовичем. «У меня состоялся разговор с начальником Главка. Скорее всего, твоим ребятам незаконно шьют дело, они не виноваты. Теперь в МВД знают, что отец курсантов генерал и имеет отношение к нашей службе. Приезжай, будем разбираться!» – успокоили генерала в спецслужбе. Новый старший начальник Пашина отпустил подчиненного без разговоров и даже обещал поддержку.

Позади уже было полдороги. Но до рассвета еще было далеко. Долгими зимними ночами ехать было непросто. Тем не менее стрелка спидометра почти не снижалась ниже отметки в сто километров. Мысленно Пашин вновь и вновь возвращался к фамилии заместителя главы администрации президента: «Что, если он родственник тому чекисту из НКВД, который свел в могилу моих дедушку и бабушку? Свидимся!» – решил Пашин и мельком бросил взгляд на зеркало заднего вида. Фары машины, ехавшей следом, ослепили водителя. Он нажал на газ и прибавил в скорости. Стрелка спидометра ушла на отметку сто пятьдесят километров в час. Быстрее ехать было

нельзя: «Зимняя дорога, поземку несет, старая машина, рисковать не буду», – про себя подумал Пашин. Невольно перекрестившись, он прошептал молитву: «Господи я в пути, ты меня благослови! Крест спереди сзади, а я в середине...».

Между тем задняя машина не отставала. Несмотря на яркий свет фар заднего автомобиля, в зеркале заднего вида угадывался внедорожник «Лэнд Крузер Прадо». «Фольксваген Пассат» сбросил скорость и включил правый поворот, показывая, что собрался остановиться. Задняя машина прибавила в скорости объехала передний автомобиль и резко затормозила. Пашин едва успел остановиться. Впереди стоящая машина была без государственных регистрационных номеров. Почувствовав что-то неладное, генерал машинально вытащил из-под сиденья травматический пистолет ПМ-Т. Снял предохранитель, передернул затвор и положил оружие справа на свободное сиденье. Затем коротким движением включил заднюю передачу, отъехал назад и хотел уже резко рвануть вперед, как из «Лэнд Крузера Прадо» выскочил человек с автоматом и дал очередь по «Фольксвагену». Пашин на мгновение пригнул голову, резко нажал на газ и, открыв боковую дверь, выскочил из машины. Лежа на спине, он сделал несколько выстрелов по автоматчику. Тут же перекатился кубарем за своей машиной, которая врезалась в «Лэнд Крузер», и скатился вниз дороги. До соседней лесополосы было всего метров пятьдесят. Пригибаясь, петляя из стороны в сторону, он быстро достиг спасительных зарослей. «Кто? Что им надо от меня? Может с кем-то спутали? – неслось в голове генерала.

Люди из «Лэнд Крузера», а их было трое, вылезли из машины наружу. Затащили в кабину автоматчика, раненного из «травмата». Спрятавшись за столкнувшимися машинами, открыли огонь по лесополосе, где скрылся водителя. Они совсем не обращали внимания на проезжающие мимо машины, водители которых лишь прибавляли скорость, чтобы поскорее проехать мимо места ночной перестрелки. Из лесополосы ответных выстрелов не было. Тогда налетчики сели в машину и поехали к зарослям по следу человека.

Пашин, выйдя на другую сторону лесополосы, двигался параллельно авто-трассы. Впереди просматривались контуры большого оврага. Снег был глубокий. «Преследовать на машине, пускай даже внедорожнике, вряд ли решатся. А так не возьмут, посмотрим, кто кого!» – генерал, будучи в сильном волнении и напряжении, уже готов был к любому развитию событий. Приблизившись к крутому оврагу, он кубарем покатился вниз. Преследователи бросились вслед. Раздалось несколько очередей из автомата. Со стороны дороги, наверное, казалось, что в округе идет охота на зверей.

Преследователи пошли по следам. Пашин по снегу с трудом добрался до сооружения мостового типа, возведенного на пересечении дороги с глубоким оврагом. Решение созрело само собой – выбраться на трассу и попытаться незаметно уехать в противоположную сторону от Москвы. Чтобы отдышаться и «сходить до ветра», он зашел за большую колонну виадука. Едва вздохнув с облегчением, услышал поблизости разговор своих преследователей:

– Брось эсмэску водиле, пусть подъезжает к мосту.

Пашину стало ясно, что двое из троих налетчиков, настигли его и готовы пустить в ход оружие. На раздумья оставались считанные секунды. Преследователи стояли за соседней бетонной колонной. Генерал положил в шапку булыжник и

бросил в сторону от противоположной колонны. Оттуда дружно ударили автоматы. Несколько секунд хватило, чтобы укрыться за ближайшим кустарником и зарыться в снег. Преследователи, вышедшие из-за колонны, оказались «как на ладони». «Только не промахнуться!» – подумал Пашин и несколько раз выстрелил. Один из автоматчиков упал сразу. Резиновая пуля попала ему в голову. Второй человек в темной куртке и вязанной шапочке стал беспорядочно палить. Из-за кустарника прозвучали еще два выстрела. Стрелок, уронив автомат, закрыл лицо руками и стал медленно опускаться на колени. Сквозь пальцы рук сочилась кровь.

Пашин по очереди подошел к лежащим мужчинам. Они были живы. Забрал автоматы, мобильные телефоны. Документов при них не имелось. Быстро выбрался наверх. Внедорожник налетчиков стоял на обочине. Незаметно сзади подобрался к водительской двери, резко открыл дверь и с силой выбросил на землю водителя. Взял из кабины автомат и наставил на него:

– Ключи?

– В машине, – испуганно ответил водила.

– Вниз под мост, бегом, марш!

Налетчик бросился спасаться бегством. Сделав несколько шагов в глубоком снегу, он упал, но тут же сложился и кубарем покатился вниз.

Пашин сложил трофеи в багажник. Обратил внимание на помятый бок «Лэнд Крузера» от столкновения с его «Фольксвагеном». Машина резко рванула с места. За рулем было комфортно. «Отличный автомобиль! Мне бы такой», – подумалось генералу. Состояние повышенного возбуждения не отступало. Спидометр показывал 160 километров в час. Проехав с десятков километров, «Лэнд Крузер» быстро развернулся на развязке и помчался в обратную сторону от Москвы. «Не будем рисковать, возможно, они связаны с ментами, а тогда меня могут остановить», – подумал бывший резидент. Машина притормозила и свернул с автобана направо, на второстепенную дорогу. Забрел зимний рассвет. Пошел снег. Включились стеклоочистители. В машине было тепло, за окном мелькали заснеженные поля и придорожные лесополосы, одетые в зимнее убранство.

«Кому же я понадобился? Зачем на меня напали? – эти вопросы неотступно крутились в голове генерала во время возвращения назад.

В Москву Федор Иванович улетел только на следующий день, утренним рейсом. Пока уладил все вопросы в милиции, где оставил заявление по факту нападения на него, организовал эвакуацию разбитого автомобиля с дороги, прошел день. Несколько раз звонил в Москву. Как и обещал руководитель спецслужбы, вечером ребят освободили из милиции. Но домой они сразу не попали. Ярослава и Георгия так избили, что братьев пришлось госпитализировать. Тем не менее отец и его сыновья впервые за несколько тревожных суток пообщались друг с другом. Ярослав и Георгий, как могли, успокаивали отца.

– Самочувствие нормальное, обойдется, только бы с учебы не выгнали! – все время повторял один сын. Георгий, который с малых лет по привычке называл отца «тятя», просил его ничего не говорить матери.

– Мы это дело так не оставим, поднимем прокуратуру, дойдем до президента, но менты и их покровители в Кремле будут наказаны! – этими словами отец завершил свой разговор с детьми.

Неслучайная встреча

Заседание Совета безопасности близилось к концу. Выступал заместитель министра МВД. Он был резко против, чтобы в связи с недавними событиями на Манежной площади в Москве провести тотальную зачистку так называемых «национал-экстремистов». «Надо бороться с причинами. Приезжие и мигранты в Москве должны соблюдать законы и правопорядок. Иначе «Манежка» раз за разом будет повторяться, если не в столице, то в других городах страны. И конечно, необходимо дальнейшее укрепление правоохранительных органов!» – этими словами генерал закончил свой доклад.

Молодой президент, как часто его называли между собой высокопоставленные чиновники Кремля, был явно раздражен. Ему не понравилась тональность выступления представителя МВД. До Совета безопасности он уже несколько раз заявил прессе о том, что государство будет вести беспощадную борьбу с любыми проявлениями национализма. Под этим понятием было принято понимать, прежде всего, попытки русско-славянского населения отстаивать свои права в России. Кратко подводя итоги заседания, он назвал организаторов массовых протестов русской молодежи в Москве «безответственными мерзавцами», у которых «нет ни мозгов, ни совести», и потребовал наказать их «по полной программе».

– Еще раз повторяю, все то, что я говорю, каждое мое слово отливается в граните, требует безукоснительного исполнения! Всем спасибо! – этими словами слегка полноватый человек, небольшого роста, внешне смахивающий на последнего российского царя Николая II, закрыл мероприятие. Чиновники стали неспешно расходиться.

Заместитель главы администрации президента догнал руководителя пресс-службы, взял его под руку и вкрадчиво заговорил:

- Тима, милая, как жива здорова! Как всегда выглядишь изумительно!
- Молодая красивая стройная дама лет тридцати сразу полуобернулась:
- Спасибо за комплимент. Приглашаешь пообедать?
- Такую роскошную женщину надо приглашать на ужин!
- Не про тебя!
- Конечно, иногда боюсь даже заговорить с главной фавориткой президента!
- Противный, это ты, наверное, главный распространитель слухов о нас с Николаем вторым, – пресс-секретарь президента притворно нахмурила свои тонкие брови.
- Как можно, как можно! – воскликнул Царьков.
- Знаю я тебя, известного интригана в политике и жизни. Меньше болтай, уже слухи о нашей свадьбе с президентом ходят.
- А я рад бы был, может, тогда бы смогла заметить меня – простого чиновника, безнадежно влюбленного в первую леди страны, без пяти минут!
- Дурак, кончай болтать! Муж всю ревнует.
- Ему то чего? Он же у тебя не по женской части!

– Зато ты, Царьков, ни одной юбки не пропустишь! Бабник какой-то! Серый кардинал, политический маньяк и редкостный ловелас!

– У меня к тебе дело, – не реагируя на нелестную критику, Царьков перевел разговор на другую тему.

– Григорьев?

– Он самый!

– Пока его не вычислили. Интернет-издание, где чаще всего появлялись его публикации, закрыто. Редактор ничего сообщить не может. Его сотруднику бросали файлы с текстами, чаще всего из интернет-кафе.

– Врут! Думаю, они в курсе!

– Кстати, в последней публикации Григорьева речь шла о «сталинских кукловодах». Так вот я обратила внимание на то, что наряду с товарищем Кагановичем была упомянута фамилия Царькова. Случайно, не твой родственник, Веня?

Однако Веня промолчал. Он всячески скрывал свои «чекистские корни». Статью Григорьева он внимательно изучил, надеясь по косвенным признакам вычислить автора. Однако тот ограничился лишь общими словами, когда речь шла о сталинских жертвах, зато персонально назвал вдохновителей и палачей террора, в том числе Кагановича и деда Царькова. Одна цитата из публикации Григорьева помощнику президента особенно врезалась в память. Автор писал: «В советской номенклатуре чекистам (ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ) была отведена роль большевистской инквизиции, охраняющей феодальный строй и режим в Кремле».

Мысли внука чекиста перебила его спутница:

– Веня, у меня нет больше времени с тобой болтать! Подключай ФСБ, там все лучшие специалисты в области кибербезопасности. Или закажи коммерсантам-айтишникам.

– Может быть! – сказал вслух Царьков, а про себя подумал: «А если Григорьев с Лубянки? И Рокшильбрайт так считает».

Коллеги по работе расстались.

Зазвонил телефон. Царькову звонила его секретарша из Кремля. Она хотела уточнить сегодняшний график работы шефа, чтобы сориентировать посетителей к нему.

– Всех переноси на другие дни!

Секретарша уточнила:

– Советника губернатора Пашина тоже переназначить? Он специально приехал к Вам из провинции. Насчет этого человека вам вчера вечером звонили.

– Ах, да, Пашин, генерал! Пускай идет ко мне в общественную приемную. Я там сегодня собирался быть во второй половине дня. Часиков на 18 назначь время, пятнадцать минут! – Царьков захлопнул крышку сотового телефона.

Звонок секретарши немного испортил настроение «серому кардиналу» Кремля. Он готовился вечером хорошо отдохнуть. Ему должны были сегодня привезти хорошенькую малолетку, восьмиклассницу. С утра его мысли были заняты предстоящим развлечением, а тут неожиданно возникла эта встреча с неким Пашиным. Сам Колахметов из Киева просил урегулировать конфликт с избивением его детей в Москве на «Манежке». К тому же звонил знакомый генерал-полковник

из одной уважаемой спецслужбы. Дали понять, что они своих не бросают – детей их человека не могут оставить в обиде. «Пашин дойдет до президента, что бы ему это не стало, но своих, сыновей, избитых до полусмерти в милиции, отстоит!» – этой фразой звонивший генерал окончил свой телефонный разговор по правительственной связи. Пришлось Царькову срочно наводить справки о генерале Пашине. «Интересно, что он там делает советником при губернаторе? Что за игру ведет спецслужба в Черноземье?» – размышлял опытный царедворец.

Уже за час до встречи Царькову позвонили из МВД и сообщили еще одну информацию о Федоре Михайловиче Пашине. Оказалось, что сутки назад по дороге в Москву советник губернатора подвергся нападению. Нападавшие блокировали машину Пашина, неизвестные напали на него с оружием, но он отстрелялся из «травмата» и ушел. Жертв нет. Пашин подал заявление, возбуждено уголовное дело.

– Версия, что кто-то с ним хотел свести счеты! – этими словами высокий милицейский чин закончил свой короткий доклад по сотовому телефону.

– Случайно, не ваши ли люди решили его пугнуть, чтобы не ворошил дела об избииении его сыновей?

– Ну что Вы? Как можно о нас такое подумать! Мы следуем букве закона!

– До связи! – Царьков перебил докладчика.

Чиновник посмотрел на часы, до встречи оставалось десять минут, а он только что вышел из Белого дома, где принимал участие в заседании правительства. Он быстро соображал. Надо было незамедлительно осмыслить короткую реплику, брошенную на заседании в его адрес «папой». Таким именем высокопоставленные чиновники в Москве между собой называли бывшего президента, нынешнего премьер-министра. Фраза: «Вениамин Ахметович, прошло время, а Вы так и не доложили мне о своей поездке в Давос!», не выходила из головы «серого кардинала». «Может быть, он знает о моей встрече с Рокшильбрайт? – это первое что пришло на ум Царькову. Хуже, если он в курсе планов его устранения от власти!» – мучился в догадках заместитель главы администрации президента.

Тем временем советник губернатора Федор Михайлович Пашин уже прибыл по назначенному адресу по привычке за десять минут до начала встречи. Его встретила симпатичная немногословная девушка, которая провела через темный лестничный проход в светлую просторную приемную. Представилась:

Меня зовут Мария, я помощник Вениамина Ахметовича Царькова. Что будете пить: чай, кофе, вино, виски?

– стакан воды, если не затруднит, барышня!

– Без газа?

Гость утвердительно кивнул. В ответ секретарша мило улыбнулась. Встряхнула головой, поправив прическу. Но тут же неожиданно немного поморщила лоб, словно пытаясь что-то или кого-то припомнить. Девушка не спеша открыла бутылку и стала аккуратно наливать воду. В отражении настенного зеркала она заметила, что гость оторвал глаза от газеты, которую прихватил с собой, мельком бросил взгляд в ее сторону.

В эту минуту Пашин не мог понять причину особого интереса к девушке. «Ох, как хороша собой! Ну и что! Может, я ее где-то уже видел?».

Мария принесла воду.

– Вениамин Ахметович немного задерживается, просил подождать, – вежливо заметила Мария.

Неожиданно почувствовав интерес к девушке, Пашин профессионально уловил в словах и жестах девушки едва заметное удивление и появившееся смущение. Он и сам почувствовал некое возбуждение и одновременно волнение. Пашин не мог понять до конца, что на него больше подействовало: женское обаяние или предчувствие пугающей неизвестности от предстоящей встречи с ее шефом.

Молчание в приемной затянулось. Гость небольшими глотками отпивал воду и сосредоточенно читал газету. Секретарша, украдкой поглядывая на гостя, пыталась отыскать в Интернете на ноутбуке новые сведения о генерале. Но ничего нового девушка найти не могла. Однако интерес к гостю не спадал. Незнакомец, несмотря на свой возраст, еще не потерял своей мужской привлекательности. За последнее время, когда ее судьба оказалось связанной с Царьковым, который, казалось, уничтожил в Марии все живое, она впервые проявила неподдельный женский интерес к постороннему человеку. Первое, что секретарше пришло в голову, была мысль: «Совсем не похож на всех других посетителей Царькова! Какой-то настоящий, надежный и, наверное, добрый». Доброты и теплоты особенно не хватало Маше в ее нынешней московской жизни.

Царьков зашел в кабинет своей общественной приемной с улицы через отдельный вход. Сел за стол. Налил себе виски и залпом выпил. Быстро просмотрел документы. Затем открыл планшет с фотографиями девочки-подростка в голом виде. Он их уже видел. Но предвкушение сегодняшней случки, заставило матерего ловеласа еще раз полюбоваться фотками. Взглянул на часы, и сразу же – на монитор камер слежения. Убедился, что Пашин находится в приемной. Гость, словно почувствовав какой-то взгляд со стороны, оторвался от чтения. Посмотрел на дверь кабинета, затем взглянул на секретаршу. От внимания Царькова не ушло, что генерал и девушка переглянувшись, взаимно мило и тепло улыбнулись друг другу. «Прямо любовь с первого взгляда! – подумал Царьков. – Посмотрим, что с тобой делать, генерал!» – хозяин включил селектор громкой связи на внутреннем телефоне.

– Мария, приглашай нашего гостя!

Так как Царьков опоздал, встреча началась на полчаса позже назначенного времени. Хозяин предложил присесть на диван возле столика. Мария на подносе принесла чай, конфеты и сухофрукты. Вениамин Ахметович вновь обратил внимание на то, что его секретарша была взволнована. Впервые за последние месяцы на ее лице проступил девичий румянец. Царьков заговорил первым:

– Мне докладывали, у Вас по дороге в Москву были неприятности. Что случилось?

– Сколько у нас времени для беседы?

– Располагайте, есть время.

Пашин коротко доложил обо всем произошедшем на трассе «Дон» и тут же перешел к главной теме разговора, как он считал: – Моих сыновей забрали в милицию, завели уголовное дело и избили, стоит вопрос об их отчислении из вуза. Сейчас они в госпитале. Состояние здоровья Георгия особенно тяжелое. Я благодарен своим коллегам, что они договорились о встрече с Вами, Вениамин Ахметович. Знаю, Вы в курсе моей беды.

Федор Михайлович стих, ему не часто приходилось встречаться с чиновниками такого уровня и влияния, каким был этот заместитель главы администрации президента страны.

– Как и обещал вашим коллегам, я помогу решить все вопросы. Тем более у нас есть к Вам, Федор Михайлович, интересное предложение. В Кремле хотели бы Вас повысить до должности заместителя губернатора, – Царьков решил сразу «взять быка за рога» и перехватить инициативу. Это был его испытанный прием приручения строптивых чиновников и потенциальных оппонентов, а возможно и противников.

Пашин опешил и от удивления округлил глаза. Царьков, не дав гостю прийти в себя, сразу поставил перед ним новый вопрос:

– Одно условие, Федор Михайлович! – хозяин кабинета сделал паузу.

– Возьмете мою секретаршу в пресс-секретари. Она скоро оканчивает университет по специальности PR и журналистика. К тому же, она из наших мест – с берегов Дона. Мы же с Вами земляки! – Царьков продолжал удивлять гостя.

– Мария?

– Вот, ты даже имя ее запомнил сразу, – заместитель главы администрации президента неожиданно перешел на «ты».

– Вениамин Ахметович, нужно подумать, посоветоваться!

– Такие решения без советов с коллегами не принимаются – это, во-первых, а во-вторых, есть предложения, от которых не отказываются, генерал! – Царьков неожиданно стал строг и суров.

– Как мне поступить с сыновьями?

– Во-первых, всыпьте им по первое число за то, что оказались в ненужном месте, в ненужное время, в опасной компании с русскими националистами. Надеюсь, генерал спецслужбы, а заодно советник губернатора понимает, какая это опасность для многонациональной страны?

– Нет сомнения, разговор будет и не один, – примирительно ответил Пашин.

– Дело закрыто. Милиционеры, которые избивали ребят, будут уволены. За то, что ребята вступились за детей влиятельных родителей, которых избивали нацисты в центре Москвы, им особое спасибо. После лечения продолжают учебу. Вопросы?

– Хотел обратиться в прокуратуру, – неуверенно произнес Пашин.

– Незачем, все решено! Кстати, как диссертация идет, история страны – это очень интересно, – Царьков вновь умело переключил разговор на другую тему.

– Вышел на защиту. Научный руководитель предлагает готовить докторскую диссертацию.

– Наука – это хорошо. Будущее за инновациями и технологиями. Но для России надо сохранить стабильность. Ситуация в стране сложная. Русский экстремизм и сепаратизм не дремлют. Главное сейчас успешно сработать в регионах. Федеральным властям нужна активная и инициативная социальная опора в регионах, особенно в центре Черноземья. Как известно, здесь всегда были сильны националистические оппозиционные настроения. Задача кардинально изменить обстановку. На всех выборах власть должна иметь нужные результаты! В этом суть суверенной демократии!

После небольшой паузы Царьков резко оборвал ход беседы:

– Ко мне есть вопросы?

– Никак нет, спасибо за встречу! – почти по-военному ответил генерал.

Пожали руки. Заглянули друг другу в глаза. «Не прост этот Пашин!» – подумал Царьков. «Не дай бог, перейти такому дорогу, растопчет», – подумалось генералу. Тем не менее изобразив на лице по возможности естественную улыбку, круто повернулся и вышел. Оказавшись в приемной, встретился взглядами с Марией. В глазах девушки мелькнула грусть.

– До свидания, возможно, скорого! – загадочно сказал мужчина.

– Доброго пути! – секретарша попробовала сделать знак рукой, но тут же, спохватившись, остановилась. Слева и справа, сверху за ее действиями пристально следили зрачки камер наблюдения. Едва гость ушел, в дверях показался хозяин кабинета. Подозрительно посмотрев на свою секретаршу, он пренебрежительно ухмыльнулся и холодно произнес:

– Не расслабляйся! Готовь новенькую к свиданию. Буду через десять минут.

Выйдя наружу, Пашин вздохнул полной грудью. Морозный воздух сразу взбодрил. Поправил на голове шапку, поправил шарф. Поднял голову и посмотрел в небо. Сквозь облака пробивался блеск звезд. «Жизнь продолжается! Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – Федору Михайловичу невольно вспомнились слова Саши Григорьева, главного героя его любимой с детства книги «Два капитана». И неслучайно генерала очень тревожила информация о том, что на журналиста под псевдонимом «Александр Григорьев», за которым скрывался Федор Михайлович Пашин, началась настоящая охота. Интернет-ресурс, который публиковал первые острые статьи Григорьева, оказался закрытым, а редактор – безработным.

После встречи с помощником президента, было о чем поразмышлять на досуге. Мысль о неслучайной встрече с прямым потомком убийцы его бабки и деда все больше терзала Пашина. Достав мобильник, Федор Михайлович позвонил домой. Разговор с женой немного успокоил его. Надя вернулась из госпиталя.

Георгий быстро шел на поправку. Не терял оптимизма и Ярослав. Дома мужа ждал вкусный ужин. Надя запекла в духовке форель, пожарила кабачки и приготовила греческий салат. Пашин поспешил в метро. Следом за ним побежали новые растрепанные мысли и были они связаны с сегодняшним знакомством с девушкой по имени Мария.

Любовь зла

В милиции братьев Пашиных избили так, что Ярослав только через две недели смог приступить к занятиям в военном вузе, а Георгий, которому отбили все внутренности и сломали руку, полностью оправился лишь спустя два месяца. Оказалось, что за это время «много воды утекло». В жизни Георгия произошли серьезные изменения. В военный вуз, как ни противились родители, он уже больше не вернулся.

Все началось с того, что на Рождество в военный госпиталь к Пашину неожиданно нагрянула Диана Колахметова. По звонку сверху она в сопровождении охранника и дежурного врача прошла в палату, где курсант, весь обмотанный бинтами, лежал вместе с еще несколькими военнослужащими. Дежурный врач любезно открыл дверь и жестом указал на кровать у окна. Появление яркой брюнетки не могло не вызвать всплеска эмоций в палате. Однако дежурный сразу вмешался в ситуацию и предложил военным, одетым в одинаковую сине-коричневую больничную робу, освободить палату.

Увидев красивую девушку, Пашин попытался приподняться в постели, но дежурный врач остановил его:

– Георгий, Вам не надо двигаться!

Он предложил девушке стул. Диана обернулась назад, давая понять, что хотела бы поговорить наедине с курсантом. Охранник оставил два больших пакета с подарками, положил на тумбочку цветы и вышел.

– Здравствуй, Георгий! Вы, наверное, не помните меня? – неуверенно проговорила брюнетка. На ее красивом с яркой подкраской лице появились признаки смущения.

– Здравствуйте, – юноша застеснялся своего положения и внешнего вида и побольше натянул одеяло на себя.

Диана присела на край стула.

– Георгий, я приехала из Киева. Хочу поблагодарить за спасение. Тогда на Манежной площади было очень страшно. Спасибо. Какая нужна помощь?

– Нет, не надо! – еще больше засмутился курсант и отвернулся к стенке.

Трудно было понять – или он чувствовал себя плохо, или не хотел общаться, но разговор в этот день не получился. Диана была вынуждена уйти. Однако парень ей понравился и девушка решила не отступать. Вечером она улетела в Киев, но уже через пару дней Георгия Пашина перевели в госпиталь имени Бурденко, выделили отдельную палату, назначили эффективное лечение. Через месяц курсант уже мог вставать и самостоятельно передвигаться. Однако на звонки по мобильному телефону, который ему оставила киевлянка, он не отвечал. Вскоре мобильник замер, так как разрядилась батарея.

Диана вновь прилетала в Москву в начале февраля. Никуда не заезжая, она сразу поехала в госпиталь. Стоял погожий морозный зимний день. Оставив у входа охранника, девушка подошла к палате и открыла дверь. Отец и сын, переглянувшись, просто онемели.

– Добрый день, Георгий! Я рада, что ты в полном здравии. Можно тебя обнять, – девушка обращалась к парню на «ты». Она приблизилась вплотную и поцеловала в щеку, оставив шлейф свежего запаха барбариса и еще каких-то душистых ароматов.

Георгий, застеснявшись, опустил голову. Ему явно было неловко в компании с такой роскошной девушкой, упакованной по последнему слову моды. На ручку пришел отец:

– Здравствуйте, очаровательная незнакомка, вернее милая Диана. Мы уже слышаны о той заботе, которую Вы проявляете к нашему сыну. Меня зовут Федор Михайлович. Но нас такая благотворительность пугает, чем этот курсант заслужил такое Ваше внимание, признавайтесь? – игриво вел разговор старший Пашин.

– Он просто спас меня, моего брата и нашего приятеля от расправы в Москве в декабре прошлого года на Манежной площади.

– Интересно, сын, но я совсем не в курсе, – отец вопросительно посмотрел на своего сына.

– Диана, рассказывайте, я должен все знать!

Диана с радостью пересказала историю их знакомства с курсантами, про милицию. Она не забыла напомнить о том, как Георгий бережно поднял ее с асфальта и поставил на ноги.

– А еще он мне сказал, что до свадьбы все заживет!

– Это уже интересно! Так ты у меня герой, Георгий! – по-доброму, по-отцовски, взглянув на сына, старший Пашин на мгновение задумался. Георгий, немного смутившись, отвернулся к окну.

– Только так красивых девушек не встречают, мил человек! Думаю, у вас есть о чем поговорить! Давайте присядем!

Старший Пашин любезно подставил стул девушке. Немного смутившись, Диана села. Георгий опустился на край кровати. Нити разговора взял в свои руки отец. Через несколько минут в больничной палате завязалась оживленная беседа. Диана улыбалась, от души смеялась, реагируя на шутки и прибаутки Федора Михайловича. Юноша со все возрастающим интересом исподлобья разглядывал привлекательную киевлянку. «Смазливая мордашка, стройная фигура, модный прикид, связи родителей, короче, все при ней! Чего тебе еще надо!» – Георгий мысленно вспомнил слова старлея из соседней палаты, с которым сдружился за последние две недели. Он, не скрывая, завидовал курсанту, даже пытался познакомиться с киевлянкой.

«Вот отец дает! Откуда столько красноречия?!» – удивлялся сын. Когда речь вновь зашла об истории знакомства с девушкой, он неожиданно встрял в разговор:

– Диана, не надо нас с братом зря нахваливать. На нашем месте, если обижают женщину, любой мужчина также поступил бы!

Старший Пашин понял, что ему нужно уходить, чтобы оставить молодежь наедине друг с другом. Он встал.

– Извините, мне пора! Выздоровливай, учеба не будет тебя ждать! – проронил отец.

Обнял сына. Подошел к жгучей брюнетке, заглянул в ее большие карие глаза. Увидев в них блеск искренности и радости, взял теплую руку и поцеловал ее.

Попрощались. «Неплохая дивчина. Только других кровей будет. А дерево надо рубить по себе, сынок!» – на ходу невесело подумал Пашин, закрывая за собой дверь в палату.

Между тем, с легкой руки Федора Михайловича, отношения между Дианой и Георгием закрутились с такой невероятной скоростью, что отец не успевал сосориться и ругаться со своим взрослым сыном. Первым ударом для семьи Пашиных стало решение парня бросить военный вуз, вторым – его намерение уехать на Украину, чтобы на профессиональном уровне начать играть в футбол. И хотя к тому времени удалось навести справки и узнать обо всех возможностях Рината Леонидовича Колахметова, который оказался отцом очаровательной брюнетки, старший Пашин твердо стоял на своем:

– Твой жизненный путь – это армия! Не позорь мои седины! Не делай того, о чем придется сожалеть потом.

Однако Георгий никак не хотел внять уговорам и просьбам отца. В марте состоялась его новая встреча в Москве с Дианой. Девушка пригласила парня к себе в свои московские апартаменты, из окон которых открывался прекрасный обзор достопримечательностей московской столицы.

– Видишь, там, вдали, начинается Манежная площадь, мы там с тобой первый раз встретились! – хозяйка пятикомнатной двухуровневой квартиры показала рукой в сторону горящих звезд Московского кремля.

Георгий, пораженный роскошью современных апартаментов, не зная как реагировать, больше молчал, чем говорил.

– Ну что ты все время молчишь? Молчун какой-то! Завтра хочу познакомить тебя с папой! Понимаешь, что все очень серьезно?!

– Да, конечно!

– Я тебе нравлюсь? Нет, ты меня любишь? – брюнетка потребовала прямого мужского признания в своих чувствах.

– Да, очень! – только и успел произнести юноша, как оказался в горячих женских объятиях. Их первый поцелуй был жаркий и длинный. Изысканные яства и дорогостоящие бутылки на стильно сервированном столе так и остались нетронутыми. Буквально сорвав с себя одежду, Георгий и Диана, медленно опустились на пол, на полосатую шкуру гепарда. Стоя на коленях, они, на какое-то мгновение замерли, впившись друг в друга горящими взглядами, а затем, как по команде, вновь бросились в объятия. Их дрожащие губы и голые тела слились в страстном порыве горячего секса. В спальню парочка перебралась, когда было далеко за полночь, а заснуть смогла только под утро. Им казалось, что взаимным желаниям не будет конца.

Страстных любовников разбудил звук открывающихся дверей. На пороге спальни в верхней одежде, черной дубленке, но без шапки стоял сам Колахметов.

– Долго спим, молодежь? Уже полдень, встреча со мной была назначена на 12.00. Жду десять минут!

– Папа, выйди, я стесняюсь! – дочь натянула на себя одеяло, накрыв с головой рядом лежащего мужчину.

– Надеюсь, дочка, нам в этот раз не придется тебе восстанавливать невинность?

– Выйди, пожалуйста! – разозлилась дочь.

Ринат Леонидович вышел из спальни. В эту минуту он смолчал, но зол был на дочь, пожалуй, не меньше. Обижаться на любимое чадо было отчего. Первый раз Диана выскочила замуж в неполные семнадцать лет. Брак продлился недолго. Закончился разводом и абортom.

Но уже через год дочь вновь решила выйти замуж. Ее новым экзотическим увлечением стал африканец, сын богатого человека из Судана, с которым у Колахметова завязался оружейный бизнес. Поэтому Ринат Леонидович особо не возражал против свадьбы с молодым дипломатом. Правда, пришлось дочери помочь с получением нового паспорта, в котором уже не было штампа из ЗАГСа о первом ее замужестве. Заодно, реагируя на пожелание отца дипломата, восстановить дочери ранее потерянную девственность. С африканцем Диана тоже не смогла долго жить вместе. Не прошло и года, как молодые расстались. «Хорошо, что без детей обошлось!» – Ринат Леонидович, хотя и слыл известным космополитом, но даже в страшном сне не мог себе представить, что его внуки будут неграми.

Дальше было много разных увлечений. Артист, культурист, депутат, два бизнесмена, автогонщик – вот далеко не полный перечень претендентов на любовные утехы с Дианой, которых Ринат Леонидович сам застиг в постели своей дочери. А сколько денег ушло на аборт и лечение от венерических и других болезней, небедный родитель даже и вспоминать не хотел. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Однажды, когда Колахметов взял с собой в очередной раз дочь, в доме его старого друга Романа Марковича Ходора его сын, футболист известного московского клуба, на Диану положил глаз.

«Кстати, чем они не пара!» – партнер Колахметова по политике, бизнесу и футболу протянул тому руку, когда они остались одни, чтобы обмыть очередную удачную сделку. «Есть такое слово помолвка!» – несказанно обрадовался Ринат Леонидович.

Дети встречались редко и то под контролем Тимура, брата Дианы. Его задача была не допустить досрочной близости уже помолвленной пары. Кстати, когда случилась драка на «Манежке» и Диана с братом срочно тогда улетела к отцу в Киев, сын Царькова собирался уединиться с киевлянкой, чтобы до конца определиться со своим новым выбором. Об этом Ринату Леонидовичу сразу поведал Тимур. Отец тогда не стал больше затягивать время, чтобы не потерять своего московского партнера, уложил дочь в германскую клинику, где ей в очередной раз вернули невинность.

– Теперь, дочка, нам не страшен никакой серый волк! – заметил Колахметов, когда встречал чартер из Ганновера.

– Конечно, обрадовал! Мне что теперь умереть без мужика?

– Потерпи! Осталось немного! Свадьба назначена на весну! Такую тебе, дочь, свадьбу забабахаяю, весь мир ахнет! Президент Украины будет, министры, послы, высокопоставленные особы из Европы и России, отец негра твоего!

– Нашел, кого вспомнить, до сих пор не могу отойти от африканских диких ласк и ревности!

– Это твой выбор был, моя дорогая!

– Конечно, подсунул меня под этого урода, видишь ли у тебя оружейный бизнес выгорал! Твои слова?

– Да, это мой партнер по бизнесу! Тебе что, мало развлечений, тряпок, бабок и цацок перепадает! Молчи! Вопрос закрыт!

– Я его не люблю!

– Надо же, она его не любит! Какая тебе любовь нужна, детей родишь, и гуляй себе дальше!

– Не рожу! В клинике сказали, что у меня не будет детей!

– Вот, шалава, доигралась – сто абортотв, сто партнеров, сто болезней! Для чего у тебя жопа есть, используй по назначению, а ты все передком норовишь в рай попасть!

– Дурак, что ты такое говоришь, ты же отец мне родной!

– Заткнись, сука, проститутка несусветная! Сказал и все, точка! Блуди себя и готовься к свадьбе! Тимур за тобой присмотрит! А дети будут, не горюй! Вылечим и тебя, а нет из пробирки родишь!

– Не хочу из пробирки, хочу своих настоящих, родных! – дочь разрыдалась. Отец испугался, что может начаться припадок. Диана с 14 лет находилась под наблюдением психиатра. Колахметов принялся успокаивать свое любимое дитя.

– Доченька, милая, родная, не плачь, умоляю! Тебе совсем нельзя нервничать! Только положительные эмоции. Что тебе купить? Сейчас поедем в ресторан, посидим, поужинаем, поохаем! – Ринат Леонидович обнял дочку, стал нежно поглаживать ее волосы. С баблом, дочка, любой вопрос решим! Вот, видишь, ты у меня опять в девственницах! Кстати, я сам пальцем деланный, как в народе принято говорить. Зато смотри, каких высот достиг. Жив здоров, спортом занимаюсь, еще и на девок молодых западаю! Только матери не говори, молчок! – попытался пошутить отец.

Мечты сбываются

В жизни влиятельных богатых людей родственные связи имеют особое значение. Поэтому далеко не каждого можно пустить в ближний круг, если даже речь пойдет о большой и светлой любви. Пословица «рубить дерево по себе», а вернее выбирай себе ровню при женитьбе, в семействе Колахметова Рината Леонидовича не была пустым звуком. И хотя сам он срубил дерево не по себе, женившись на дочери высокопоставленного партийного функционера, своих детей он с малых лет приучал думать о достойных партиях.

И вот, когда казалось, что все складывается, как нельзя лучше, свадебная партия с сыном влиятельного москвича должна вот-вот состояться, как грянул гром. Диана Колахметова, первая невеста Киева, увлеклась одним из двух московских курсантов, которые отбили ее от хулиганов. «Лучше бы не вмешивался и не помогал этим курсантам выйти на волю из милиции!» – вновь мысленно пожалел Ринат Леонидович. Правда, он немного успокоился, когда навел справки о родителях Георгия. «Генерал, заместитель губернатора области – не слабый ресурс для моих российских проектов!» – решил про себя украинский олигарх и тут же вспомнил, что, по словам Дианы, курсант бредит футболом. «Что ж, сделаем из него звезду, а там посмотрим, за кого выйдет замуж Диана. Царьков есть Царьков, такими женихами не разбрасываются!».

Колахметов хотел уже открыть крышку своего мобильного телефона, чтобы позвонить своему московскому партнеру и договориться о встрече: «Надо же что-то объяснять свояку о новой выходке дочери! Скажу, приболела, то се, надо время, а там все само собой рассосется! Разрулим, где наша не пропадала!» – успокоил себя олигарх. Однако в этот момент двери комнаты открылись. В просторную гостиную влетела счастливая Диана. Отец никогда не видел такой радостной дочери. Она буквально вся светилась. Следом за ней покорно брел ее новый избранник. Он был явно смущен при виде отца возлюбленной.

– Папа, это мой Георгий! Мы любим друг друга!

– Садись, гостем будешь! – сказал Ринат Леонидович.

Георгий не стал садиться.

– Стой, больше информации в тебя влезет! – Ринат Леонидович вел себя бесцеремонно.

Разговор продолжался недолго. Колахметов сразу заметил крестик на груди у парня, выскочивший из-под футболки наружу.

– Христианин?

– Православный! – спокойно ответил Георгий.

Колахметов слегка усмехнулся, бросил недоверчивый взгляд на дочь. Поинтересовался о родителях и других родственниках. Еще раз вспомнили «Манежку». По причине предстоящей свадьбы дочери с отпрыском Царькова об отношениях его дочери и курсанта говорить олигарху не хотелось. А потому Ринат Леонидович заговорил о футболе. Он увидел, как сразу загорелись глаза курсанта. Они го-

ворили на одном футбольном языке. Молодой человек был в курсе всех футбольных событий и тем. Парень ему явно нравился, хотя и были веские причины его одним разом отвадить от дочери. «Еще не вечер!» – подумал Колахметов.

– Сколько лет проиграл в футбол! – спросил он гостя.

– С 10 лет в детской спортивной школе. Имею первый разряд. – Не густо! Сейчас играешь, регулярно?

– 2–3 раза в неделю.

– Хочешь играть в большом футболе?

– Где?

– Где, где... в «звезде». В российской или украинской премьер-лиге!

– Как? Не может быть!

– Мечты сбываются, мальчик, если будешь делать, как я скажу.

Усек, Васек?! – захохотал Колахметов. Его смех был таким неподдельным и заразительным, что Георгий невольно заулыбался.

– Все будет тип-топ! Помогу с кастингом, просмотром, проплачу, если надо, чтобы в дорогу в большой футбол тебе проторить.

– Я с радостью, но пока еще службу, хотя хочу уйти из вуза. Мне кажется, что это не мое дело.

– В армию не загремишь?

– Нет, учеба в военном вузе идет в зачет армейской службы, – по-военному доложил Георгий.

– Ну, а отец твой, генерал, что думает по этому поводу?

– Нет, нет, он категорически против ухода из армии, – Георгий сморщил брови.

– И что будем делать? Футбол или армия?

– Футбол, футбол, папочка! – Диана повисла на шее своего нового возлюбленного.

Колахметов перевел свой вопросительный взгляд на юношу.

– Футбол! – кивнул Георгий. В его душе и сознание творилось что-то невообразимое.

– Ура! Мы будем жить в Киеве, вместе! – радостно закричала Диана.

В эту минуту старший Колахметов неожиданно для себя понял, что у его дочери в этот раз отношения всерьез и могут быстро не закончиться. И тогда он сделал конкретное предложение, от которого молодому человеку отказаться было совсем непросто. Он сходу пригласил юношу в Киев, пообещал помочь устроиться в один из украинских знаменитых футбольных клубов. Сразу оговорил вопрос о проживании, сказав, что можно будет поселиться и жить на тренировочной базе. А когда отец Дианы назвал сумму гонорара, у курсанта от избытка фантастических перспектив в это мгновение чуть не подкосились ноги.

– Мечты сбываются, курсант! Надо только поймать за хвост птицу удачи или поймать «золотую рыбку»! Твоя «рыбка» – сама Диана Колахметова, непусти ее!

– Спасибо, – едва промолвил Георгий.

– Какие еще пожелания будут, товарищ курсант?

– Папочка, когда будет наша свадьба? – в разговор вновь вмешалась дочь.

– Не спеши лыдки драть, доченька! Если ты помнишь, у тебя есть другой московский жених и скоро свадьба!

– Нет, я не хочу, я люблю его!

– А что скажет товарищ Пашин? – Колахметов попытался подражать Сталину.

– Папочка, зачем ты так? – явно нервничала дочь.

– Мне хотелось бы, чтобы Вы переговорили с моим отцом! – проронил Пашин.

– Сено клошади не ходит! Скажи, что ты думаешь о свадьбе, герой уличных боев!

– Я люблю Диану!

– Ура, папочка, я такая счастливая. Я вас всех люблю, мои родные! – дочь сначала бросилась на шею к юноше и поцеловала его в губы, а затем повисла на отце.

Колахметов недовольно повел бровями, поморщил лоб. Свою беспутную дочь он любил больше жизни. Ради нее готов был перевернуть весь мир, хотя и мог в ее адрес отпустить весьма нелицеприятные грубости и колкости. «Задала ты мне задачку, дочь!» – мыслил олигарх, глядя как милуются молодые люди, стоя рядом с ним. Такой счастливой он давно уже не видел свою девочку. «Чего только не сделаешь ради дочки!» – олигарх набрал нужный номер телефона, встал из кресла и молча направился к выходу.

После отъезда в Киев Дианы и ее отца, Георгию предстояла непростая встреча со своими родителями. Они приехали в Москву лишь через две недели, так как отец был очень занят, а по телефону младший Пашин не решился говорить о предложениях Колахметова. Жесткий мужской разговор состоялся на кухне при закрытых дверях. Взрослый сын как мог уверял отца, что он всю жизнь мечтал попасть в большой футбол. За дверями кухни не находила себе место бедная мать. Она постоянно молилась, просила Бога вразумить ее любимого сыночка.

– Папа, пойми меня, я сразу включаюсь в тренировочный процесс, через пару месяцев, по готовности, попаду в основной состав, буду играть в чемпионате Украины. Дай мне шанс испытать себя, попробовать свои силы!

– Но ты же только что из госпиталя вышел, ты же весь растренированный, кому ты нужен? На что ты собираешься жить в Киеве? Кто тебе разрешит выезд из страны, если ты учился в режимном вузе?

– Диана сказала, что ее отец сделает все, чтобы помочь мне. Он влиятельный человек, у него связи не только в Киеве, но и в Москве. Кстати, он владелец не одного футбольного клуба. Мне сразу начнут платить деньги, о которых можно только мечтать в нынешней жизни. И главное, папа, я люблю Диану, мы хотим с ней пожениться!

– Ты с ума сошел! Диана тебе не пара! Колахметов – олигарх, наш заклятый враг! Ты же знаешь все! Пойми, гусь свинье не товарищ!

– Знаю, папа!

– Ты идешь в примаки – в семью, откуда так просто нет обратного хода! Или пан или пропал!

– Пан, папа! Я добьюсь своего! А от Дианы я действительно сошел с ума! Это правда! Прости меня, тятя! – сын назвал отца так, как он это всегда делал в детстве.

Пашин-старший давно уже не выходил так из себя. Он только сильнее стискивал зубы и крутил головой.

– Папа, родной, понимаю все твои опасения, но ничего не могу поделать, это выше моих сил! Благослови, если сможешь! – глаза парня повлажнели. Он попытался заключить родителя в свои объятия.

Но отец отстранился и сделал шаг назад:

– У меня нет больше сына!

– Папа, папочка, не надо! – заорал сын, на его глазах выступили слезы.

В кухню влетела мать, ее волосы были распущены. Она все слышала. Ее материнское сердце не выдержало. Надежда не плакала, а стонала. Вначале она подошла к мужу:

– Прости его! Не бери греха на себя! Это наш сын!

Однако старший Пашин словно весь онемел, он тупо смотрел в сторону кухонного окна. Мать бросилась к сыну, прижала его к себе:

– Проси у отца прощения! Я тебя никуда не отпущу! Нельзя без отцовского благословения!

Георгий попытался успокоить мать, но она слегка отстранившись, опустилась на колени перед иконой, расположенной под потолком в верхнем углу комнаты. Надежда стонала и молилась. По ее лицу текли слезы горечи. Отец и сын смиренно оставались стоять в кухне. Но их взгляды были устремлены в разные стороны.

Джин в бутылке

В этот раз большой кремлевский чиновник не стал препятствовать проведению «Русского марша» в Москве. Вениамин Ахметович Царьков был полностью согласен со своей заморской покровительницей мадам Рокшилбрайт в том, что в деле отстранения от власти бывшего президента, нынешнего главы Белого дома не обойтись без массовых уличных выступлений. Причем, как на последней встрече в предместьях Берна дала понять баронесса, пора задействовать русский фактор. «Твои бездарные либералы полностью обанкротились, они больше ни на что не способны, придется начинать игру с русскими националистами. Но делать это надо очень осторожно, чтобы не выпустить джина из бутылки. Иначе, никому мало не покажется!» – подытожила тогда баронесса свой разговор с визитером из Москвы. Царьков невольно вспомнил, как немолодая женщина грозно помахала своим пухлым пальцем прямо перед его носом. Чиновник невольно сморщился.

Вениамин Ахметович был не только поэтом-песенником, мастером художественного слова, сатириком по происхождению, но и очень любил историю, особенно русскую. Он был согласен с теми русофобами, кто считал Россию «тысячелетней рабой». И правда, на протяжении всей истории русско-славянское большинство оставалось наиболее эксплуатируемой и дискриминируемой частью общества, а потому во многом отчужденной от власти. По его мнению, оно во все времена использовалось в качестве строительного материала для построения, укрепления и расширения границ многовековой империи. Русские крестьяне, а вернее христиане, служили «пушечным мясом» в многочисленных войнах, в которых участвовала антирусская царская власть. С интересом вникнув в историю, Царьков уяснил для себя значение смысла «дураки» и «дороги», как извечной российской беды. «Дураки во власти – это наш брат-чужеземец, который завсегда чувствовал себя временщиком, а потому правил ради своей корысти, а не интересов страны. Ну а хороших дорог в России в принципе не может быть, ведь такую огромную территорию не под силу обустроить ни одному народу!» – не раз размышлял про себя он.

Либеральные реформы последнего двадцатилетия также сильно обездолили и обескровили многострадальный русский этнос, окончательно повергли его в депрессию, напрочь отвернули от московских правителей и их ставленников в регионах. Поэтому в русской среде давно уже созрели и перезрели протестные настроения. «Им бы настоящих вожаков, немного финансовой и информационной поддержки и тогда от либералов во власти духа не останется! Чемодан, аэропорт, Европа!» – с содроганием подумал кремлевский чиновник, в который раз перечитывая интернет-публикацию. В ней автор, подписавшийся женским именем, представил развернутый анализ состояния русского национального движения и его перспектив. Он в частности, высказывал опасения в том, что «беспощадный русский бунт», русское движение может быть использовано прозападными либеральными силами в качестве тарана для нового разрушения России.

Публикация была явно приурочена к дате, когда по традиции по всей стране должны были пройти мероприятия «Русского марша». Но не только содержание статьи встревожило Вениамина Ахметовича. О любопытном тексте ему было доложено еще неделю назад, а сегодня утром он получил очередную порцию материалов от своего человека из одной областной администрации. Мария, которую он специально пристроил работать к заместителю главы региона Федору Михайловичу Пашину, по обыкновению просматривая электронную почту и все бумаги своего шефа на столе в его кабинете, обнаружила тот самый злополучный текст с упоминанием фамилиями Царькова. Но самое интересное было не в этом. В досье оказалась распечатка электронных ссылок зама главы администрации, в том числе на глаза сразу попала от редактора одного московского интернет-ресурса ссылка из редакции с пометкой «статья опубликована». Кремлевский чиновник даже подпрыгнул на своем вращающемся кресле: «Не может быть! Это же новое сетевое издание того самого редактора, прежний сайт которого был закрыт из-за публикаций «Александра Григорьева», открыто писавшего про «мировую закулису» и упоминавшего не раз мое имя. И вот новая статья, только подписанная женским именем. Наверняка псевдоним! Интересно получается! Есть над чем задуматься. Ай да Машка, молодчина! – мысленно радовался Царьков. Он встал из-за стола. – Надо позвонить!» – он открыл крышку телефона и набрал нужный номер.

Поговорив со своим московским шефом, Мария не знала радоваться ли ей или огорчаться. С одной стороны, Царьков пообещал ей бесплатную туристическую поездку в Испанию на две недели, а через пару месяцев обратно забрать в Москву, а с другой, – девушка чувствовала за собой вину, которая все больше и больше мучала ее девичью душу. Она не понимала, что с ней происходит. С каждым днем ей был все более симпатичен Федор Михайлович. Еще совсем не старый, моложавый статный мужчина ей понравился сразу с первого дня их знакомства в Москве. Но чем чаще Мария с ним общалась, тем больше проникалась к своему шефу доверием и симпатией. Иногда ей казалось, что она влюбилась. Каждое утро она спешила на работу, чтобы увидеться и пообщаться. Она искренне улыбалась, даже проявляла заботу, хотела всячески услужить Федору Михайловичу, а он отвечал ей сдержанной взаимностью – весело шутил, подбадривал, всегда благодарил, нередко помогал в решении житейских вопросов.

В телефонных разговорах сверх хамоватый и циничный Царьков не раз напоминал девушке о том, что ее рабочий день должен начинаться и заканчиваться очередной близостью с генералом. Но Мария брезгливо гнала эту мысль от себя, хотя и продолжала жить в постоянном страхе, так и не забыв садистских надругательств над собой со стороны Царькова и его подручных. Мужчин в ее нынешней жизни больше уже не было, отвращение к ним не уходило, распространялось на других парней, особенно тех, кто проявлял к ней интерес. Встреча с Пашиным многое изменило. Машенька стала медленно оттаивать, проявлять интерес не только к работе. Первой перемены заметила мама и догадалась, что в жизни дочери появился мужчина. Но дочь продолжала упорно скрывать свою женскую тайну.

Вначале, выполняя поручения Царькова, Мария особо не задумывалась, что и зачем она делает. Но со временем ее стали одолевать сомнения и мучить совесть. «Бесстыдная тварь, как я могу стучать на Федора Михайловича, от которого никогда ничего плохого не видела!» – по вечерам, оставшись наедине с собой в своей однокомнатной квартире, рассуждала молоденькая женщина. Отправив в последний раз свою очередную «посылку» в Кремль, она твердо решила признаться Пашину в том, что работает на Царькова. Отважиться на такой шаг Маша задумывалась давно, но ее сдерживал страх перед ее московским садистом. Она не сомневалась в том, что в случае если откажется выполнять поручения Царькова, он выполнит свое обещание отправить в публичные дома Ближнего Востока.

В этот день заместитель губернатора прибыл на работу как обычно к половине седьмого утра. На своем рабочем месте в приемной его уже ожидала Мария, которая обычно приходила к 8 часам.

– Здравствуй, Машенька! Как дела, настроение? – Пашин по обычаю был приветлив со своей секретаршей.

– Здравствуйте, Федор Михайлович! У меня к Вам серьезный разговор!

– Что-то случилось? Дома все нормально, как мама? – из доверительных разговоров с девушкой Пашин немного знал о семейных делах своей подчиненной.

– Проходи в кабинет!

– Мы не могли бы выйти на улицу и там поговорить?

Пашин удивленно повел глазами.

– Хорошо, но только через час или два, не раньше. Мне надо просмотреть электронную почту, документы, сделать все необходимые звонки. Да, а на прием кто-то записан?

– Да, – секретарша быстро на память назвала всех сегодняшних гостей.

Переговорить удалось только в обед. Они медленно пошли в сторону городского парка. На улице была осень. Деревья уже осыпались. Но было еще совсем не холодно.

– Здесь нас никто не услышит, – смущенно промолвила девушка.

– А что, в кабинете у меня есть прослушка, и откуда это Вам известно, мой милый друг?

Маше очень нравилось, когда шеф ее так называл. Она улыбнулась и, осмелев, сразу во всем призналась:

– Мне кажется, что слушают, а я по поручению Царькова шпиону за Вами. Регулярно отправляю ему разную информацию, которую беру с компьютера, переснимаю отдельные бумаги со стола, докладываю обо всех встречах и звонках. Ради бога простите и делайте со мной что хотите! Продолжаться так больше не может!

Возникло молчание. А уже через считанные секунды Маша, закрыв лицо руками, горько заплакала. Со стороны, наверное, казалось, что взрослый мужчина чем-то обидел молодую девушку, влюбленную в него. Пашин слегка обняв юную спутницу, подвел ее к рядом стоящей скамейке, прямо напротив летом поющих фонтанов, прекративших свою работу вместе с опавшей листвой.

– Машенька, милая, не плачь! – он вновь обнял девушку. Она инстинктивно прислонилась к нему. Не печалься красавица, я не мог не догадываться о твоей

нехорошей миссии, – мужчина достал носовой платок и стал помогать вытирать слезы. Лучше расскажи, как ты попала в эту историю? – Пашин положил руку на голову и стал гладить красивые женские волосы.

– Мне стыдно! Правда, стыдно! Простите меня, Христом Богом молю!

– Прощаю! Не плачь! Все обрзумится!

С обеденного перерыва спутники вернулись только через час. Пока гуляли по городским улицам, Мария обо всем рассказала подробно. Пашин перебил ее только дважды. Первый раз попробовал уточнить информацию о деде Царькова. Но девушка о нем знала только то, что бывший генерал КГБ умер совсем недавно. Второй вопрос касался злополучной статьи, в которой в негативном контексте упоминалось имя Царькова. «Да, это, пожалуй, единственный промах!» – про себя подумал Федор Михайлович, а вслух вновь приободрил девушку:

– Ничего страшного! Я служу России! Мне нечего скрывать!

– Федор Михайлович, правда ничего страшного? Я Вам не навредила?

– Как дела дома? Все живы здоровы?

– С мамой через день разговариваю по телефону. Реже с сестрой – она же замужем, я рассказывала Вам. Мама должна приехать ко мне в гости. Можно ее познакомиться с Вами.

– Почему нет! – улыбнулся Федор Иванович, совсем не подозревая о том, что ему может сулить встреча с матерью его секретарши.

За небольшой срок работы вместе они знали друг о друге совсем немного. Маша старалась не расспрашивать своего шефа, а он, догадываясь об отношениях девушки с Царьковым, боялся ее обидеть.

Незаметно они вернулись назад и оказались у парадной двери областной администрации. Областной чиновник взял девушку под локоть и отвернул девушку в сторону.

– Ну, мой друг, с этого момента держи меня в курсе всех дел. Вида никому не показывай. На работе лишних разговоров не веди. Продолжай выполнять все поручения своего московского шефа с не меньшим рвением. Все поняла? – Пашин мягко улыбнулся.

– У меня Вы один шеф, Федор Михайлович!

Так Пашин неожиданно обрел нового добросовестного человека в своем ближайшем окружении. Маша была готова расшибиться, чтобы выполнить любое поручение своего шефа. В начале ноября он ее даже послал на городской «Русский марш», чтобы она могла собрать информацию об организаторах, участниках и лозунгах акции. Федор Михайлович хотел посмотреть со стороны и иметь всю информацию о мероприятии, к организации которого имел некоторое отношение. Его зять Иван Русак, которого он привлек к работе с футбольными болельщиками, оказался в числе тех, кто стоял за массовым православно-русским выступлением на главной улице города.

В этот год в России, в ноябре, прошел седьмой по счету самый большой по размаху «Русский марш» за всю историю своего проведения. В Москве, в преддверии выборов в Госдуму, активная часть общества «проголосовала ногами» – в московский спальный район Люблино для участия приехали более 25 000 человек. При оценке количества участников СМИ ссылались на данные, собранные у

рамок металлоискателей, через которые проходили демонстранты, чтобы поддержать требования, выдвинутые ведущими организациями русских националистов. Московские журналисты с нескрываемым опасением отмечали, что годом раньше на подобное мероприятие в Москве собралось около 10 тысяч человек. В воздухе запахло грозой. Как сообщали СМИ, немало националистов собралось и в других крупных городах России, в том числе и в столице Черноземья, где были всегда сильны националистические настроения.

Как понял Пашин, ноябрьские события стали поводом, чтобы в Кремле, осознав опасность, решили принять упреждающие меры, чтобы русско-славянский джин не вылез из бутылки. Высокопоставленный чиновник президентской администрации сам лично прибыл в столицу региона на совещание, где собрались прокремлевские активисты из Центрального федерального округа. На совещании, в котором принимал участие и Пашин, под предлогом сдерживания «русского фашизма» было принято решение сплотить ряды либерально-демократических сил. Как заявил московский наставник Вениамин Царьков: «Важно не допустить, чтобы улицы городов оказались в руках националистов!»

После протокольного мероприятия, где собравшиеся за час выпили и съели все, что было на столах, ломившихся от спиртного и изысканных яств. Проводить в аэропорт Царьков попросил лично Пашина. По дороге в машине разговор был ни о чем, а вот перед входом в зал ожидания VIP-персон собеседники разговорились.

– Области оказано особое доверие. Здесь, как нигде, сильны прокоммунистические и националистические настроения. Поэтому Вам предстоит решить нелегкую задачу примирить «красных» и «белых», объединить и консолидировать усилия русских националистов и либерал-демократов. Готов, Федор Михайлович? – кремлевский чиновник впился своим холодным, но пронзительным взглядом в Пашина. Тот, не отводя глаз, сделал многозначительную паузу:

– Стараемся всех объединять!

– Этого мало, нам нужно вдохнуть новую энергию в либерально-демократическое движение! Россию необходимо спасать от нынешних «застоя» и стагнации. Надо подбросить дрова в прогорающую топку, чтобы был огонь массового протеста! Ясно объясняю?

– Вениамин Ахметович, а против кого протест? – не сдержался заместитель губернатора.

– Не понял? Вы же были на совещании. Речь идет о протесте против бюрократии, коррупции во власти, пагубных решений правительства, в поддержку нынешнего президента, – напряженно заговорил Царьков.

– А что, глава правительства и президент – это не одна команда?

– Вы меня удивляете, Федор Михайлович, в вашем положении и возрасте пора уже разбираться во внутривластных хитросплетениях. И вообще, генерал, это я, благодаря кому ты и попал на эту высокую государственную должность! Знаешь, сколько сегодня стоит, чтобы стать замом главы областной администрации?

– Нет.

– Вот и хорошо! За всю свою оставшуюся жизнь не заработать, даже если начнешь откаты собирать!

– Буду делать выводы, Вениамин Ахметович! – Пашин постарался уйти от ненужной перепалки с московским шефом.

– Ориентиры не те, товарищ Пашин! Начитался, наверное, всякой ерунды, в трех соснах заблудился! Журналистов, типа Александра Григорьева, не надо читать! – кремлевский чиновник неожиданно развернул разговор в другую сторону.

Пашин сразу понял, что эта фраза не спонтанный выпад, а заранее продуманная домашняя заготовка оппонента.

– Некогда читать, времени нет. Работы много, – спокойно ответил Пашин.

Царьков пристально и немного выжидающе взглянул на собеседника:

– Жаль, наших заклятых идеологических врагов надо знать! Мой покойный дед, Арон Соломонович, за политическую близорукость мог расстрелять любого антисоветчика на месте без суда и следствия. Но это к слову, времена были другие! – рассмеялся Царьков. И тут же перевел разговор на другую тему. – Как там моя крестница, Мария, секретарша?

– Работает, претензий нет. Вуз заканчивает. Думаю ее в редакцию областной газеты рекомендовать на работу.

– Федор Михайлович, а она ведь хороша собой, неправда ли?

– Видная дивчина, – с некоторым безразличием ответил Пашин.

– Не то слово! Все при ней – личико приятное, попка, сиськи – что надо! В Москве к ней кто только не подкатывался! Сам-то, наверное, уже попробовал молодого тела?

– Я женат, у меня взрослые дети, как, впрочем, и у Вас.

– Одно другому не мешает, Федор Михайлович! Причем тут дети! Фу, какой несовременный! Автомобиль, квартиру, жену сегодня менять можно и чаще, чай не в советские времена живем. В личную жизнь человека никто не должен лезть!

Заместитель губернатора области промолчал. «Урод конченный!» – мелькнуло в голове. И тут же перевел свой взор в сторону информационного табло. Посадка на московский рейс заканчивалась. Царьков и Пашин, еще раз встретившись проныцательными взглядами, сдержанно пожали друг другу руки.

Не чіпай лихо, доки воно тихо

В тот год вся Украина, вместе с Польшей, готовилась принимать у себя чемпионат Европы по футболу. Почти вся страна жила в ожидании этого грандиозного спортивного события, неистово веря, что в этот раз национальная команда страны не «ударит в грязь лицом» и займет достойное место в европейском табеле о рангах. В национальном чемпионате страны доигрывались последние игры перед перерывом на «большой» футбол. На центральном стадионе столицы Донбасса шел второй тайм футбольного матча. В рамках чемпионата страны местная команда, один из лидеров первенства, на своем поле принимала гостей из соседней области. «Черно-оранжевые» вели со счетом два ноль. За 10 минут до конца встречи диктор объявил о замене в команде «хозяев». Перекрестившись, на поле резво выбежал крепкого сложения футболист под номером 17. Это был Георгий Пашин.

Ведя в счете, «черно-оранжевые», не спеша, доигрывали матч. Они удерживали мяч на своей половине, перекидываясь пасами с одного фланга на другой. Семнадцатый номер попытался оживить игру. Сначала он открылся в центре. Затем Пашин сделал рывок и выгодно открылся на левом фланге атаки. Но мяч из центра поля был направлен не ему, а на противоположную сторону, где был утерян в аут. Гости вбросили мяч в игру. Инициатива перешла к ним. Пашин вернулся назад и вступил в борьбу на подступах к своей штрафной площадке. Отобрал мяч, перебросил его через соперника, распластавшегося в неудачном подкате, на скорости рванул вперед, быстро пересек центр поля. На замахе обыграл одного защитника, вышел победителем в жестком столкновении с другим, ушел вправо и, долго не раздумывая, пробил по воротам. Мяч летел в «девятку», но угодил в крестовину. А сам Пашин, сбитый ударом сзади по ногам, рухнул на траву, схватился за правую ногу и скривился от боли. Над ним, подбоченившись стояла семерка гостей. Футболист, негроидной внешности, добродушно улыбался. Он протянул руку лежащему на земле сопернику, чтобы тот мог встать на ноги и продолжить игру, но Георгий никак не среагировал на его жест примирения.

На трибунах пронесся легкий гул разочарования, а затем раздался дружный свист. Пашину не повезло. Нога распухла. Травма могла оказаться серьезной. На поле вынесли носилки. Партнеры семнадцатого номера, вместо того, чтобы посочувствовать своему товарищу по команде, между собой словами и жестами выражали недовольство за то, что травмированный футболист своевременно не сыграл в пас. На трибунах болельщики потянулись к выходу со стадиона. «Черно-оранжевые» доигрывали победный матч с прежним спокойствием и хладнокровием.

Несмотря на громкие обещания влиятельного украинского олигарха Колахметова играть за сборную Украины на чемпионате Европы по футболу, Георгий Пашин оказался за бортом национальной команды. Главный тренер команды, в прошлом прославленный советский футболист, стоял на своем до конца. Он не допустил в сборную малоизвестного футболиста из Донбасса, за которого кто

только не ходатайствовал, даже от президента звонили. В своем клубе Георгий отыграл лишь чуть больше одного сезона, да и то полгода в дубле. В основном составе «черно-оранжевых» он чаще выходил на замену, чем играл весь матч.

Пашин и сам понимал, что он еще далеко не готов был играть не то, чтобы на уровне сборной команды страны, но и даже в основе своего клуба. Хотя за полтора года жизни на Украине во многом преуспел в футболе. Почти ежедневные тренировки, иногда утром и вечером, сделали свое дело – Георгий заиграл. Конечно, без поддержки его влиятельного тестя не обошлось, иначе Георгий никогда бы не попал сначала в дубль, а потом в основу одного из ведущих клубов страны. Как и обещал Колахметов, футболисту платили хорошие деньги, бесплатное многократное питание, высококвалифицированные спортивные врачи, жилье у него теперь было и в Киеве, и в Донецке.

Только вот местные болельщики «варяга» и олигарховского «подкидыша», как кликали футболиста, недолюбливали и почти каждый его выход на замену осмивали. Георгию казалось, что даже когда он изредка забивал голы, «тиффози», не так радостно реагировали на успех команды. В самом донбасском клубе доморощенные игроки его сторонились, а иностранные легионеры, хотя и привычно улыбались, ограничивались двумя–тремя фразами на английском языке, на котором вполне сносно изъяснялся Георгий.

Годы учебы в московском военном университете, где преподавали языки, не прошли даром.

Федору ничего не оставалось, как общаться с Тимуром Колахметовым, который тоже играл в команде, но так же редко выходил на замены в основном составе. Игроком он был слабым, поэтому отец его как юриста готовил к административной работе в футбольном клубе. Тоску по родному дому Пашину скрашивали редкие телефонные разговоры с матерью, братом и сестрой Анной. Отец принципиально не отвечал на настойчивые звонки сына. Поэтому обо всех семейных новостях Георгию рассказывала мама. Брат, с которым больше всего хотелось общаться, всегда был немногословен. Георгий понимал, что Ярослав учится в режимном вузе и имеет доступ к секретным документам. «Дай бог, повидаемся!» – успокаивал себя футболист.

На тренировках и в играх москвич из всех сил старался наладить отношения с другими игроками, заполучить расположение к себе болельщиков. Ему было неприятно слышать за спиной разговоры о том, что он своей стремительной футбольной карьерой всем обязан дочери олигарха Колахметова, на которой женился полтора года назад. В его украинской жизни с самого начала все происходило, как в сказке. Богатая свадьба в ресторане на Крещатике в Киеве: высокопоставленные гости, дорогие подарки, многозначительные тосты, новые знакомства с высокопоставленными людьми.

Однако у Георгия на душе было не спокойно. Никто из его родных и близких на свадьбу не приехал. Правда пришли поздравительные телеграммы от родителей и семьи сестры Ани. По телефону позвонил только Ярослав, а мама прислала трогательное письмо. В нем она извинялась, что не смогли приехать с отцом, но Федора Михайловича не ругала. Она с малых лет воспитывала своих детей в почитании и любви к их отцу. Мама описала все семейные новости. Благословила

сына на добрую жизнь и любовь, пригласила в гости. Семейный подарок Пашиных, в виде перевода круглой суммы денег молодоженам, лишь вызвал кривые усмешки в семействе олигарха. Здесь были рады тому, что от родственников по линии мужа никто не приехал.

Сразу после свадьбы молодые отправились в свадебное путешествие в Испанию в небольшой городок Торревьеха, где у Колахметова была своя недвижимость. Здесь молодожены впервые были по-настоящему счастливы. Они жили друг другом, заботились друг о друге, не стесняясь окружающих людей, обнимались и целовались. Диана не сводила глаз с мужа, когда он изящно с непрерывной улыбкой на лице изъяснялся с испанцами на их родном языке. Могли часами барахтаться в море, валяться на горячем песке. В жаркие обеденные часы отдыха и ночью, после возвращения из летних ресторанчиков к себе на виллу с видом на море, предавались страстным любовным утехам.

К тому времени Пашин уже имел гражданство Украины, был восстановлен сразу на четвертый курс киевского госуниверситета, где продолжил заочно изучать испанский и английские языки. Видя свою дочь бесконечно счастливой, Колахметов строго выполнял свои обещания, данные зятю. После свадебного путешествия началась футбольная жизнь Георгия. Несмотря на это, благоустроенные и уютные квартиры Пашиных в Киеве и Донецке принимали супругов поочередно – то Георгий, в перерыве между матчами, приезжал к жене, то Диана спешила к своему футболисту.

Однако идиллия молодоженов продолжалась недолго. Примерно через год, хотя и непродолжительные по времени разлуки, привели к тому, что чувства супругов и, прежде всего, Дианы, стали охлаждаться. Киевский водоворот бурной жизни вновь вскружил голову молодой женщины, с детства привыкшей к знакам внимания, ухаживаниям и признаниям в любви. Молодые и не очень светские львы из числа политиков, бизнесменов, иностранцев всячески обхаживали замужнюю женщину, раз за разом оказывающуюся одной без мужа на киевских тусовках. Так, Диана незаметно стала возвращаться к своему прежнему распутному образу жизни. Пьяные фривольности с мужчинами, случайные сексуальные связи, наркотические ломки постепенно выгнали из ее потрепанного сердца остатки любви к мужу. Рожать детей Диана уже больше не хотела и была вполне довольна тем, что не способна стать матерью.

Между тем Колахметова больше всего беспокоили скандальные публикации о дочери в прессе. Он каждый раз, когда встречался с ней, обзывал Диану последними словами. В тот злополучный день олигарх сильно избил любимую дочь. «Сука, падла, тварь негодная! Сколько ты будешь позорить меня? Весь Киев только о тебе говорит и пишет, скотина!» – Колахметов был в ярости. Он за ногу стянул пьяную дочь с дивана и стал ее избивать ногами. Дочь только стонала, инстинктивно закрывшись руками. На шум в гостиной вбежала домработница, что и остановило избиение дочери.

Обо всем случившемся Георгий узнал сразу от Дианы, которая, прежде всего, на отца нажаловалась мужу. Несмотря на то что после полученной травмы в последнем матче его сразу госпитализировали и наложили гипс на ногу, на следующий день на костылях он уже был в Киеве. По дороге, переговорив с тестем

по телефону, Пашин понял, что у того к нему появились вопросы. К этому времени и Георгию было что сказать своему тестю. Поведение Дианы охладило недавний пыл его романтического сердца. Дело дошло до того, что после одного из визитов в Киев, примерно месяц назад, его жена заразила его венерической болезнью. Пришлось лечиться. Но дело было даже не в этом, к тому времени уже было нельзя скрыть распутного поведения дочери известного олигарха ни для кого. Ради футбола Георгий Пашин был готов поступиться многим, но только не верностью жены. Простить бесконечные ее измены, распутство и предательство было выше его сил.

Диана уже пришла в себя и после завтрака находилась во дворе тенистого сада в беседке неподалеку от живописного пруда. После двух дней без спиртного и наркотиков чувствовала она себя плохо. Ее крутило и ломало. Несмотря на летнее тепло, молодой женщине было холодно. В связи с приездом зятя тесть приготовил шашлыки и накрыл, как обычно, богатый стол. Пашин без помощи посторонних прошел к беседке и присел на лавочку. Кивком головы поздоровался с женой. Спросил про самочувствие.

– Лучше всех! – с вызовом ответила Диана.

Почти сразу подошел Колахметов. Пожал руку зятю.

– Как это тебя угораздило? Говорил – не лезь на рожон. А негра того уже отчислили из команды. Знай наших!

– Он не со зла!

– Знаю я их, забудь! Страница перевернута. Идем дальше. Давай, за встречу хряпнем!

– Может, не надо?

– Надо! А тебе, овца драная, не предлагаем. Соки пей и шашлыком закусывай!

Диана в знак протеста отвернула лицо в сторону пруда. Выпили. Тесть залпом осушил граммов сто пятьдесят виски. Зять, поморщившись, сделал пару глотков дорогого шотландского спиртного напитка.

– Ну что, дети, поговорим?

– Мне не о чем с тобой говорить! Ты маму мою свел в могилу и за меня теперь принялся! – огрызнулась дочь.

– Молчи, тварь! Убью, сказал!

– Ринат Леонидович, не надо, я прошу!

– Тогда сам занимайся воспитанием своей жены! Смотри во что она превратилась! Просто сущая б...! Высохла, ни кожи, ни рожи! Сказал тебе лечиться надо! В дурдоме будешь свой век коротать, сволочь!

– Это тебя надо в дурдом запрятать, чтобы перестал над людьми глумиться!

– Что ты сказала? – отец со зловещим видом направился к беседке.

Пашин попытался резко встать, но без опоры на костыли, вскрикнув, упал на землю. Отец и дочь, подбежав к нему, усадили Георгия на лавочку, и почти сразу отошли в разные стороны. Пашин говорил сквозь боль. Но не столько ныла нога, сколько болела душа.

– Ринат Леонидович, если Вы помните, я не раз предлагал, чтобы Диана, моя жена, жила со мной вместе. Куда иголка, туда и нитка – гласит известная русская пословица... – начал Георгий.

Но его сразу перебил Колахметов:

– Только не надо умничать, раз! А во-вторых, в моем доме русским духом не должно пахнуть. Пословицы придержи до того времени, когда в Россию вернешься. Здесь Украина. Кстати, еще раз советую учить украинский язык, без него скоро будет никуда...

Пашин молчал.

– Говори, чего смолк!

– Вы сами хорошо знаете, как ведет себя Диана. Это дает мне право подать на развод.

– Подавай, дурак, чего ты еще ждешь? Ты мне не нужен, я таких, как ты, миллион встречу! Убирайся отсюда! Смотри, какой вырядился, на костылях явился! Папа, гони его! – Дина была явно не в себе.

– Молчать! Я буду говорить! Все слушают меня! Значит так, детки дорогие, наказ мой будет такой. Семью разбивать я пока не позволю. Хватит мне скандалов в прессе! Ты, коза драная, не захотела выйти замуж за сына Царькова, выбрала себе курсанта. Я из него человека делаю, немереные бабки в него вкладываю. А теперь ты говоришь – гони его! Так не пойдет, доченька! Ты просто с ума сошла, моя дорогая! Поэтому тебя полечим. В Крыму есть такой специализированный санаторий, там все лечат – и пьянство, и наркозависимость, и бешенство матки и бесплодие, и мозги на место поставят...

– Я никуда не поеду!

– Дочка, не чіпай лихо, доки воно тихо!

– Надо же, на мове заговорил, тоже мне свидомый нашелся! – Диане явно не нравился отцовский план.

Но олигарх не хотел больше слушать дочь.

– Через пару месяцев тебе, доченька, человеческий облик и былую красоту вернут. За это время и твой суженный опомнится и успеет соскучиться по тебе. И заживете вы новой настоящей семейной жизнью, детишек заведете, у меня на старости внуки хотя бы появятся.

– Я не хочу никого рожать, тем более от этого, на костылях, – противилась дочь.

– Не слушай ее, Георгий! Делай, как я скажу, и все будет нормально. Не слышал песню наших времен: «Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну»? Вот и в нашем случае: жена сегодня едет на юг, в Крым, а тебя скоро ждет особое задание в другой стороне – в Испании.

– Испании?

– Но об этом молчок! Заодно на ноги встанешь. Лучшие спортивные врачи с тобой поработают. Но эту тему обсудим наедине.

Олигарх, как всегда, был быстр на расправу. Вечерним чартером Диану в сопровождении врача и охранника отправили в Крым. Через день в Испанию, в небольшой приморский городок Торревьеху, предстояло лететь и Пашину. Перед отъездом с ним обстоятельно еще раз поговорил тесть. Он, как и накануне, в руках держал стакан, наполовину наполненный вискарем.

– Если все сложится, будешь играть в испанской команде, но не в ведущем клубе, конечно. Но все-таки. Я, по случаю тут, прикупаю одну футбольную команду

из города Аликанте. Но футбол футболом, а ты мне будешь нужен и для других дел. Чай не пацан уже, я в твои годы уже бабки делал из воздуха. Через месяц у меня будут серьезные переговоры в Торревьехе, в том числе с испанцами. Разговоры особой важности, можно сказать секретные переговоры. Никаких утечек не должно быть! Сам я, кроме украинской мовы, в языках не силен. Я больше в финансах и экономике преуспел. Еще вот пытаюсь язык предков вспомнить – иврит изучаю. Тебе тоже советую, вместе будем калякать, как на фене ботать, никто не поймет о чем идет речь!

– Неплохо бы! – соглашался Георгий, а на душе у него скребли кошки. Не нравился ему это план Колахметова. «Пока договоренности касались футбола, еще можно было мириться. Но теперь речь зашла о политике. Что сказал бы отец? Нет, он был бы против! Да и брату не объяснишь, их мнение об олигархе Колахметове уже не изменить», – мысли потоком пронесли в голове Пашина.

Колахметов вернул зятя к теме разговора:

– Тебе, Георгий, предстоит участвовать в переговорах как мое доверенное лицо, все переводить и на английский, и на испанский языки, и наоборот. Опять же хорошая практика! Кроме того, учебу продолжишь в Мадриде. И учи украинский, сколько раз повторять!

– Как?

– А вот так! Сделаем из тебя спортивного журналиста. Кто владеет информацией, тот правит миром. Сам знаешь!

– Да, я не против, Ринат Леонидович, – не зная, что ответить, промямлил Георгий. Он продолжал прокручивать в голове ранее произнесенные слова тестя.

– Еще бы, ты возражал! С этого момента ты не просто муж моей дочери, но и член команды, доверенный человек.

– Я готов! – от сделанных предложений у Георгия голова пошла кругом.

– Теперь, что касается Дианы, – хозяин семейства сделал многозначительную паузу. – Хорошенько запомни и заруби себе на носу – моя дочь, твоя жена – это твой крест до конца жизни! Вылечим ее – хорошо, нет – все равно останешься мужем. Тут выбора нет! А баб на твой век еще найдется! Одно другому не мешает!

– Как так? Она же изменяет, не хочет детей иметь!

– Не горячись! Не хочешь быть с Дианой, будешь никем! Кому ты здесь, на Украине, без меня нужен? Без бабок – ты никто! Слышал пословицу? Чому дурні? Бо бідні! А чому бідні? Бо дурні!

– Понятно, – Пашин уже стал понимать мову.

– Так вот, уйдешь от меня, в лучшем случае тебя сразу забреют в украинскую армию. Будешь вшей кормить и генералам дачи строить. Но это в лучшем, а в худшем случае – примерно накажу. Чтобы другим было неповадно! Ты же знаешь меня, я слов на ветер не пускаю, – Колахметов как-то злорадно усмехнулся, а потом рассмеялся.

– Это правда, Ринат Леонидович!

– К слову сказать, чтобы ты знал, моей последней любовнице еще восемнадцати лет нет. А ведь мне уже шестьдесят лет. И этого молодняка пруд пруди! Кого хочешь, выбирай! Лишь бы хер стоял, и-и-и, а это самое главное, деньги были! – тесть налил себе в стакан виски и опять залпом выпил.

– Я думал, что сила не только в деньгах, – неожиданно проронил зять. Он невольно вспомнил небезызвестную фразу из популярного фильма «Брат-2» – «Не в деньгах сила, а в правде!»

– Дурак, ты сынок! Бедный – значит глупый! А говоришь, что украинскую половицу понял. На деньги можно купить все, ну может кроме только здоровья. А бабы не то, что за бабло, за обыкновенную «лапшу на уши»... сколько хочешь и каких пожелаешь, детей нарожают! Будем их вместе воспитывать! Это лучше, чем в детдоме чужих детей брать!

От всего услышанного у зятя брови поднялись вверх. Колахметов, хотя и был в хорошем подпитии, сразу сообразил, что перегнул палку.

– Шучу, шучу, шучу! Будем надеяться, что Диана выздоровеет. Я на свою родную дочь никаких денег не пожалею. Да поселится мир, да будет любовь и прощение в нашем общем доме! Вот тогда и о внуках можно подумать.

На прощание тесть еще раз предостерег зятя от каких-либо утечек информации. Долил ему и себе виски.

– За нас, сынок! Только запомни, никто не должен знать! Ни мать, ни отец, ни брат, ни сват! Иначе будет плохо. Помни об этом всегда! Уметь молчать – это теперь главное в твоей жизни. Тем более что твой отец не простой мужик. Смотри какой, не хочет со мной знаться! Да захочу, его вмиг с работы выгонят!

Один звонок! – Колахметов вспомнил свой последний разговор с Кремлем.

Царьков тогда завел разговор про Георгия, который у его сына увел Диану, а Колахметов так не решился идти против счастья дочери. Олигарх положительно отозвался о зяте, но не мог не спросить про его отца. И тут его партнер в политике и бизнесе вылил ушат грязи на строптивного генерала, который проигнорировал его указания об организации массовых выступлений против избрания премьера на президентских выборах 2012 года. «Наоборот, работал в поддержку его переизбрания, не без его участия и меня уволили!» – горячился Царьков. Колахметов предложил ему в ближайшее время встретиться в Испании с «главным заказчиком», так он называл клан Рокшилбрайт, и обсудить всю повестку по России.

Видя, что тесть занят своими мыслями и не слышит своего зятя, Георгий громче повторил свою просьбу:

– Не надо, не трогайте отца, очень прошу Вас, Ринат Леонидович!

– Он же отрекся от тебя, ты же мне сам об этом говорил.

– Это так, но все равно прошу не делать отцу худо.

– Посмотрим, как сказал слепой! – Колахметов дал понять, что разговор окончен.

Тюремные беседы

Сергей Николаевич Русак уже третий год отбывал свой срок в колонии общего режима. Попал он в тюрьму за антиконституционную деятельность: организацию несанкционированных «русских маршей», разжигание межнациональной вражды в СМИ, распространение запрещенной литературы. Судебное разбирательство длилось почти год. Кто только не вступался за Русака, но власть была непреклонна. Она очень опасалась русского национального пробуждения и массовых протестов населения. Еще припомнила Сергею его не последнюю роль в защите здания Белого дома, где заседал тогда еще Верховный Совет России осенью 1993 года, когда российский парламент был расстрелян властью из танков. Суд приговорил его к пяти годам лишения свободы в колонии общего режима. Так, православный активист, прекрасный семьянин, отец четверых сыновей, экс-депутат, участник афганской войны и орденоносец оказался в тюрьме на такой большой срок, в то время как убийцы, грабители и мошенники всех мастей, расхитители государственной казны, сепаратисты ограничивались условными сроками или уходили от ответственности.

Будучи политзаключенным, которых российские правозащитники величали «узниками совести», Сергей Русак, отбывать срок попал в колонию общего режима вместе с другими заключенными, в том числе и уголовниками. Здесь его неожиданно свела судьба с Михаилом Арнольдовичем Ходором, его политическим оппонентом на «свободе», отбывавшим длительный срок. Бывший олигарх пребывал на зоне на особом положении. Он располагался здесь в отдельном бараке, где специально для него были, по здешним меркам, оборудованы настоящие апартаменты. В свою очередь колония и ее начальник – «хозяин» щедро спонсировалась со свободы по указанию Михаила Арнольдовича, который, как ходили слухи на зоне, был по-прежнему фантастически богат. Однако, как оказалось, в колонии были арестанты, мало что слышавшие об известном в России и мире олигархе, кроме того, что с него можно было стяжать хорошие «бабки».

Поближе Русак и Ходор неожиданно познакомились в тюремной библиотеке, точнее после одного инцидента там с их участием. В тот злополучный день Ходору понадобилась подшивка издания «Российская газета», и он самостоятельно без сопровождения охраны, полагавшейся ему по каким-то неписанным законам в колонии, после обеда решил зайти в библиотеку. Сергей Русак сидел сзади и листал журнал «Пчеловодство». Будучи близко не знакомыми, но известными друг другу, Ходор и Русак в знак приветствия кивнули друг другу головами. Едва важный «узник совести» начал искать необходимый ему номер газеты, как в библиотеку с шумом ввалились два молодых осужденных. Один из них попросил что-нибудь почитать, а другой подсел к Ходору и стал его «есть» своим холодным непроницаемым взглядом. Политзек обернулся назад на библиотекаря, но тот ушел вглубь в коридор между книжными полками.

В этот момент молодой зек вывернул Ходору назад руку и приставил к нему кшее «зачточку», которую он моментально вытащил из рукава своей черной робы.

– На мобильник придет эсмэска со счетом в банке, на который переведешь сто тысяч «гринов ...», – только и успел проговорить зек.

На помощь Ходору пришел Русак. Он жестким ударом сбоку вырубил нападавшего. Однако сзади на его шее повис другой арестант. Вдвоем они свалили Русака на пол и стали избивать руками и ногами. Тем временем Ходор быстро выскользнул за дверь. На шум прибежал библиотекарь и стал растаскивать дерущихся людей. Сергей Николаевич, вырвавшись, поднялся на ноги, и кинулся с кулаками на обидчиков. Но один из зеков остановил его порыв ударом «зачточки» в живот. Закрыв рану, из которой через разрыв ткани на робе стала просачиваться кровь, Русак опустился на пол. Молодые арестанты кинулись прочь из библиотеки.

Уже на следующий день в тюремную санчасть пришел сам Ходор.

– Спасибо, Сергей Николаевич! – он протянул руку Русаку. – В политике мы с тобой оппоненты, можно сказать враги, а по жизни, получается, я твой должник.

– Слава богу, обошлось! – Русак перекрестился.

– О долге не думай, Бог все видит, каждому воздастся по его заслугам! Надо и в тюрьме оставаться людьми!

– На Бога надейся, а сам не плошай! Эти двое в библиотеке не смогли остаться людьми, значит, им незачем больше жить!

– Михаил, ради бога, я прошу только не это, пускай живут. Их Бог накажет!

– Добрый ты человек, Сергей! Но наказаны они будут! Я уже переговорил с «хозяином». Спасибо тебе еще раз. Извини, харчи не принес с собой. Все равно тебе мало, что достанется. Будешь у меня в гостях, посидим, «хряпнем» и хорошенько перекусим. От меня и домой всегда сможешь позвонить.

– Буду рад!

– Возьми вот эту рукопись. Думаю, будет книга. Скажешь свое мнение, потом обменяемся мыслями. Будь здоров! – Ходор еще раз крепко пожал руку своему спасителю.

Два политических соперника на «свободе», здесь, в «неволе», на зоне, сошлись. Как-то незаметно перейдя на «ты», стали поддерживать хорошие отношения. После этой встречи они стали регулярно встречаться в ходорском бараке. «Хозяин» был в курсе, поэтому администрация не препятствовала общению двух политзеков. Пили водку, ели разносолы, подобное могло быть на столе только «хозяина», который и снабжал бывшего нефтяного олигарха. И конечно, много говорили и жарко спорили о политике.

Ходор твердил о либерально-демократических ценностях, важности рынка в экономической сфере, обвинял россиян в ущербности, лени и нежелании перемен. Русак, будучи православным христианином и русским националистом, стоял горой за веру и интересы своих соплеменников. Прямо обвинял либерал-демократов в развале и разграблении России, а их предшественников, большевиков, в геноциде народа и гонениях на веру. Если собеседники на чем и сходились, то это было отношение к вере. Ходор в тюрьме стал молиться и даже соблюдать отдельные иудейские традиции, прочитал письменную (Анахе) и устную Тору (Талмуд), а заодно Библию и Коран. Сергей Николаевич начинал день с молитвы и

заканчивал его, даже посты соблюдал. В тюремной деревянной церквушке, кстати, выстроенной на средства Ходора, он помогал приходящему священнику вести службу. Пример Русака оказался заразительным. Многие арестанты вернулись или впервые встали на православный путь. Неслучайно, когда Сергея Николаевича избili и порезали зеки, на его защиту встали горой не только верующие. Два дня в промышленную зону колонии на работу никто не выходил, несмотря на жесткие требования со стороны администрации.

Русaku верили, потому что он вел себя правильно, хотя и соблюдал тюремные традиции, говорил простые и понятные вещи православно-русским языком. Он говорил о возрождении и ощущении божественной справедливости, потребности приближения к Богу на пути истины, проникновении православных духовных начал во все формы народного бытия, сострадании, любви и милосердии, сохранении человеческого облика в любой самой сложной житейской ситуации. Про русскую историю Сергей Николаевич говорил с особой любовью: «Та светоносная сила, которая летела по миру, искала своего избранника и вместилище. И нашла его в землях святой Руси у правоверного народа. И когда в истории сила русского оружия соединялась с православной огненной молитвой преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других наших праведников, Россия была непобедима, страна возрождалась и крепла. С православной молитвой верующему человеку не страшно жить ни на «свободе», ни в «неволе», – убеждал Русак арестантов.

С русскими людьми на православные темы было говорить не так сложно, как с представителями других национальностей и вероисповеданий. Религиозная тема стала камнем преткновения уже на одной из первых встреч Сергей Николаевича и Михаила Арнольдовича. Они чуть не поцапались, когда заспорили о религиях.

– И христианство, и ислам произросли из иудаизма. Истоки трех мировых религий находятся на Ближнем Востоке. Иудаизм – главный источник. О чем можно спорить?

– Никто и не спорит! Просто православное вероисповедание – это самое правильное каноническое учение. Православные традиции – основа более чем тысячелетнего уклада русской жизни. Православная вера – это религия мира, добра и сострадания. Очень терпима или, как это принято говорить сейчас, толерантна к другим вероучениям.

– Это РПЦ толерантна! Посмотри как отнеслись к девчонкам из панк-группы Пуси Райт. Всю паству возмутили против них!

– Ты знаешь как переводится, прости господи, Пуси Райт?

– Знаю, я владею английским языком.

– Мне даже подумать стыдно, что это означает. А кому понравятся их постыдные танцы в святом месте – в храме, прости господи? Это же кощунство! Пусть бы попробовали в мечети или синагоге станцевать!

– Думаю, в синагоге им ничего бы не сказали. Иудаизм терпим к творчеству и самовыражению, не то, что христианство!

– Михаил – это бессовестное утверждение. Любой тебе скажет, ислам политизирован, агрессивен и нетерпим к инакомыслию, а иудаизм, извини, но истина

дороже, коварен в своих замыслах и реализации. Примеров тому из истории тьма. Давай вспомним хотя бы события в России, которые произошли после октябрьского переворота в России в 1917 году. Большевики – твои соплеменники – в крови утопили русский народ, прости господи!

– Что ты несешь? Это русская смута, бунт бессмысленный и беспощадный! Кто были белогвардейцы и красногвардейцы, которые убивали друг друга – русские! Никто даже за царя не вступился! Комитеты бедноты, которые грабили селян, тоже мои соплеменники создавали? Кровопийца Сталин, чьих кровей будет?

– А уже в наши дни, по-твоему, это русские перевернули вверх дном Россию, продолжают грабить страну и изводить население реформами? – Русак едва сдерживался, чтобы не назвать вещи своими именами.

– А кто митинговал за перестройку, за Ельцина голосовал? Помнишь, как он в Москве по 90 процентов голосов набирал?

– Миша, а ты-то честно свои миллиарды заработал? Скольких ты людей погубил?

– Ладно, хватит, завали хайло! – Михаил Арнольдович заговорил на понятном в колонии тюремном жаргоне. – Вали отсюда, чужак на букву «М»!

– Что ты себе позволяешь? – Русак схватил Ходора за шиворот.

– В карцер захотел, гнида? – хозяин апартаментов нажал на кнопку вызова охраны.

В присутствии двух надзирателей сора быстро закончилась. Однако осадок от того памятного разговора остался надолго и у Ходора, и у Русака. Несмотря на конфликт, Михаил Арнольдович не хотел оставаться в должниках. Он позвонил на волю и поручил своим адвокатам решить вопрос о пересмотре дела Русака или его досрочном освобождении из колонии.

Время шло, а оно, как известно, лучший лекарь ран, в том числе, и нанесенных словом. Политические оппоненты успокоились. Их вновь потянуло друг к другу. «Узники совести» неожиданно нашли новые точки соприкосновения взглядов. Оказалось, что они оба не приемлют нового-старого президента, который в начале этого года сменил в Кремле, за «зубьями», своего бывшего выдвиженца Айфончика. А тот в результате небезызвестной политической рокировки возглавил правительство, поселившись в российском Белом доме. За разговорами об актуальности смены политического курса и необходимости ухода в отставку нынешнего президента они провели немало своего арестантского времени. И если по первому вопросу собеседникам было о чем спорить, то по второму – они были почти единодушны.

Примерно за неделю до Нового года Ходор вновь пригласил Русака к себе. Как всегда стол ломился от выпивки и закусок, о которых не только простые арестанты, но и надзиратели могли только мечтать. На спутниковом телевидении вещал телеканал Би-би-си на английском языке. Метисной внешности телеведущая представляла очередной блок новостей. В этот раз гостю и хозяину апартаментов прислуживали две молоденькие девушки. Они излучали лучезарные улыбки.

– Серега, садись! У меня для тебя есть очень хорошая новость. Пусть будет тебе подарок к Новому году, – Ходор сделал небольшую паузу.

Русак приготовился внимательно слушать. Почувствовал напряжение, услышал стук сердца. Со «свободы» приходили ему вести о том, что кто-то хлопочет насчет пересмотра дела.

– Сергей Николаевич, дорогой! Ты хорошо знаешь русскую поговорку: долг платежом красен. Я рад тебе сообщить, что твое дело пересмотрено. Приговор – один год условно! Завтра тебе все объявят и можешь быть свободен!

– Как? Не может быть! А за что я тогда сидел?

– Это правда, я тебя поздравляю! За это надо выпить! Чокнулись. Переглянулись. Ходор стал закусывать. Русак недоумевал:

– За что я тогда сидел?

– Радуйся, теперь ты жертва режима, мученик, можно сказать! – Мне от этого не легче! Размазали, исковеркали судьбу, лишили всех перспектив, на семью, детей бросили тень. А теперь оправдали. Где совесть у этих людей? Господи, помилуй! А тебе, Миша, спасибо! Ты мне помог доброе имя сохранить.

– Всегда рад помочь! И не отчаивайся! С таким имиджем мученика, как у тебя, ты теперь полный авторитет, за таким человеком русский народ пойдет в огонь и в воду! Власти мало не покажется!

– Нет, скажи, за что я сидел?

– Закусывай!

– После первой не закусываю!

– Вот это правильно! Накатим еще по одной!

Выпили. Русак стал ковырять вилкой в тарелке с сыром. Михаил Арнольдович прокомментировал сообщение Би-би-си:

– Умеют работать международные СМИ. Из всех ответов президента на вчерашней пресс-конференции комментируют только слабые места. Он не знает, что журналюги могут сделать с неудобным Западу правителем.

– Би-би-си работает против России – так было и будет всегда. – Не скажи, вот установим демократическое правление, они сразу запоют по-другому.

– Уже было при Ельцине, а что вышло? Реформы – символ разрухи, бед и трагедий!

– Это потому, что у России нет хозяина, который жил бы не одним днем...

– Ты о чем?

– Русские и евреи должны наконец объединиться, а не враждовать. Так мы только ослабляем друг друга. Чего нам делить? Два верующих и талантливых народа, в России вместе живем со времен святой Руси, уже перемешались друг с другом, фактически одна культура. Стоим за Россию великую и неделимую! Посмотри, что в мире творится: хаос, войны, катаклизмы. И они будут только нарастать. Не сегодня так завтра Америки не будет. Мир катится ко всем чертям! Россия единственная в мире территория, где можно будет укрыться, спастись и выжить. Надо только элитам между собой договориться обо всем.

– Кто против! Только вот ваш брат спит и видит, как братьев-славян вокруг пальца обвести.

– Поэтому надо договариваться! Завтра выходишь ты на свободу. Через годик другой и я буду на воле. У тебя есть общественная организация с прекрасным названием, кажется «Родная природа». Тебе будет оказана финансовая помощь, информационная поддержка, поможем обустроиться в Москве и регионах. Задача задействовать «русский фактор» в борьбе с антинародным режимом, мобилизовать людей на массовые выступления, помочь им объединиться в сетевые организации поддержки и взаимопомощи.

– А не получится, что хотели как лучше, а закончится как всегда – развалом России, не приведи господи!

– Ты согласен, что никто в мире русским никогда не будет помогать?

– Это так, наши союзники не меняются – это сильные армия и флот.

– Только, чтобы они появились, надо сначала прийти к власти. Кроме нас, никто вам больше не поможет!

– Неужели ты готов идти против своих, которые правят во всех мировых столицах!

– Готов!

– Почему, объясни.

– Все просто. Ты знаешь, почему после 1917 года большевики в России разделились. Одни пошли за Троцким, а другие – за Сталиным и Кагановичем.

– Интересно.

– Отвечаю. Троцкий представлял мировое правительство. Он был женат не то на племяннице Рокфеллера, не то Рокшилбрайта. Тогда Россия должна была сгореть в пламени мировой революции, пожар которой должен был перекинуться на другие страны Евразии. Отсюда делай вывод – советскую элиту, и в том числе евреев, ждала неизбежная гибель, кроме тех, кто был представителем мирового правительства. Но их было меньшинство, а доморощенных потомков хазар – большинство. Скажи, нам это надо было? Нет. В результате Троцкого ледоруб нашел в Мексике. Убийца Меркадер сделал свое дело. А наш брат-еврей решил, что мы «сами с усами» и будем самостоятельно править на одной шестой части света. И ведь правили, вместе Гитлера одолели, посланного мировым правительством уничтожить страну Советов.

– Какой ценой, сколько крови, не дай бог повторится!

– Давай помянем и «белых» и «красных», не чокаясь! – Ходор поднял рюмку с водкой.

– Будем живы, не помрем! – поддержал его Русак. – А что сейчас-то будет? – спросил он собеседника.

– И сейчас у нас, кто родился и вырос в России, чьи предки здесь похоронены, нет желания разрушать страну и идти под мировое правительство, лучше они пусть гребут под Россию, пока не поздно. Но без русских, которые составляют большинство страны, никому сегодня не обойтись. Давай дружить, Серега! Мы верующие люди, нам будет проще договориться, чем безродным атеистам. Слово я держать умею, долги возвращаю.

Было уже поздно. Во многих других бараках давно уже погас свет. В зимней ночи поднималась вьюга, позванивали консервные банки, висевшие на колючей проволоке поверх высоких заборов, по территории зоны с охранных вышек шарили прожектора, периодически лаяли грозные сторожевые собаки.

Пожар

В том году православная Пасха была позднее – 5 мая. Несмотря на это, жители придонского городка на майские праздники активно работали на своих приусадебных участках. Маша, договорившись с шефом, уехала домой почти на неделю. Все свое дневное время они с матерью проводили на приусадебном участке в пригороде, а к вечеру возвращались домой. За эти дни успели посадить картошку, капусту, морковь, свеклу, огурцы и помидоры, и конечно, очень много разных цветов.

В день Пасхи мать и дочь не поехали на участок, а остались в городе. Они практически не нарушали поста, тем более канун Пасхи решили провести согласно православным предписаниям. Весь день воздерживались от пищи, кроме употребления воды, сходили в Рождество-Богородицкий монастырь, где посвятили куличи, которые накануне сами и выпекли. К одиннадцати часам ушли на пасхальное богослужение, где отстояли службу, причастившись, и только под утро уже дома разговелись. Спали недолго, в обед, прихватив съестное, поехали на приусадебный участок. Маша через день должна была уже уезжать, она обещала шефу в День Победы выйти на работу и помочь ему в организации праздничных мероприятий. Надо было посидеть в приемной на телефонах.

Погода была отличная, припекало. На приусадебных шести сотках стоял небольшой старый щитовой домик, состоявший из комнаты и прихожей. Умывальник и другие удобства, если их можно было так назвать таковыми, были на улице. По приходу, первым делом Маша нарвала букет ранних цветов. Солнечно-золотистые цветки весенника и синие в зелени гиацинты на столе украсили комнату, подняли настроение. Мать с дочерью все эти дни, пока были вместе, постоянно разговаривали на самые различные темы. Мать больше всего интересовало будущее дочери. Даже во время работ она продолжала донимать дочь своими женскими вопросами.

– Доченька, время замуж выходить!

– Мам, отстань! Рано еще и не за кого.

– Как же так, доченька, пора! У сестры уже внучок мой растет, а ты все в девках.

Упустишь время?!

– Мне в Москве всю охоту замуж выходить отбили.

– Кто же это такой, ты не рассказывала.

– Говорить не хочу, в страшном сне не приснится.

– А я помню то время. Это когда от тебя весточки почти два месяца не было.

Ты тогда сказала, что в командировке зарубежной была. Или соврала матери?

– Соврала!

– Вот так! Я же помню, когда наконец приехала домой, на тебе лица не было. Мне, правда, все время какой-то вежливый мужчина звонил и успокаивал, говорил, что все в порядке. Скоро вернешься. Теперь я понимаю, это он боялся, что я искать начну. Сколько я пережила тогда, одному Богу известно, спаси, Господи! Так что же было?

– Начальник один большой из Кремля до меня домогался, а я сопротивлялась. Он и сейчас меня достает, житья от него нет. Если бы не поддержка шефа, с ума давно сошла бы.

– Как же тебя угораздило, доченька, в такой оборот попасть, на глаза кремлевским правителям попасть, или как их там величают? Чего же ему сейчас от тебя надо?

– Царьков меня приставил к моему нынешнему начальнику шпионить за ним, а я отказалась, – чересчур разоткровенничалась перед матерью дочь.

– Ой беда! Ой, беда! К ним нам приближаться нельзя, мы для «больших» людей никто. Спаси, Господи! – мать перекрестилась.

– Все, забыли, обойдется! Давай на другую тему поговорим. Ты моими женихами интересовалась?

– Хорошо бы тебе замуж выйти поскорее, хотя какая-то защита бы была, лучше за военного или милиционера, тоже при власти. Вон сестра твоя вышла за офицера и довольна.

– Где же сейчас такого военного найти?

– Ты же говорила о каком-то москвиче.

– Ушастик, что-ли? Он не военный, студент, как и я в этом году институт оканчивает. Да какой он жених, не нравится он мне.

– С лица воду не пить, был бы человек хороший. Ты говорила он сын какого-то начальника в Москве. Разве это плохо? Защита опять-таки от этого кремлевского правителя.

– Нет, Шаумяну до Царькова далеко. Хорошо, что его вроде как сняли со всех должностей. Шеф говорил, что он уже не при власти.

– Шаумян, армянин, что-ли?

– Не знаю, но редкий прохвост и бабник, вдобавок еще и психопат какой-то. Проходу мне тоже не давал, пока Царьков его не отшил.

– Да у тебя там целая история, прямо-таки сериал Санта-Барбара, помню нас было от телевизора не оттащить, – мама Марии заулыбалась.

– А вот мама Ушастика русская, хорошая женщина, мы с ней быстро нашли взаимопонимание. Сын ее парень неплохой, дельный, еще студентом начал хорошо зарабатывать. У них с матерью плохие отношения с отцом. Они не живут вместе. Ушастик мне и сейчас постоянно звонит, даже приезжал пару раз, но у нас с ним только дружеские отношения.

– Вот видишь!

– Только мне мама другой человек нравится, – Мария загадочно заулыбалась.

– Что же ты молчишь, с матерью не поделишься о сокровенном?

Женщины подошли к небольшому пруду. Набрали воды в лейки для полива и пошли опять назад к своему огороду. По дороге они вынуждены были принять в сторону. Мимо проехал белый легковой автомобиль с сильно затемненными окнами.

– «Форд», номера московские. Кто такие? Чего им здесь делать? – вслух проронила Маша.

– Ты не отвлекайся, говори, в кого ты там втюрилась?

– Да я говорила тебе уже о нем, но ты сразу его забраковала.

– Это старый мужик какой-то, с кем работаешь вместе?

– Он не старик, мама, ему чуть больше пятидесяти, он прекрасно выглядит, подтянут, модно одевается, галантный и очень умный мужчина, с юмором такой, добрый и приветливый.

– Хотя бы показала?

– Я же тебе привозила несколько газет, его и по телевизору показывают.

– Постой, постой! Твой начальник?

– Да. Ну и что?

– Он тебе не пара, наверняка женат. Выброси дурь из головы и ищи сверстника.

– Все равно нравится, что я с собой поделаю? А тебе что, он разве не понравился?

– В газетах там никого толком не разглядеть. Там же он с другими людьми вместе сфотографирован, – и тут женщина вдруг запнулась. Она вспомнила, что сразу подумала о том, что мужчину с фотографии она где-то уже видела. Поставила лейку на землю между грядками. Вопросительно взглянула на дочь. В руках появилась мелкая дрожь, сердце застучало сильнее.

– Он действительно твой начальник, это правда?

– Да. Федор Михайлович Пашин, заместитель руководителя администрации, совсем ничего не помнишь!

Женщина замолчала. Какие-то странные предчувствия еще больше охватили ее. Она пошла в домик и через пару минут вышла с развернутой газетой.

– Иди сюда, дочь. Это он?

– Да.

В голове женщины только теперь мелькнула догадка о том, кем может быть этот статный высокий мужчина в центре фотографии со спортсменами. Мать и дочь недоуменно смотрели друг на друга.

– Что случилось, мама?

– Боюсь, случилось! У тебя другие его фотографии еще есть?

– На телефоне, – Маша тоже напряглась.

– Покажи!

Мать и дочь сели на лавочку. На мобильном телефоне сначала появилось одно фото, затем другое.

– Вернись! Увеличить можно?

– Нет. Что случилось, мама?

Мать замолчала, закрыла лицо руками, через мгновение встряхнула головой, поправила волосы. Ее лицо было пунцовым.

– Машенька, милая, а ведь это... – она сделала паузу. – Это, наверное, твой родной отец. Уж очень похож.

– Как? Это неправда! Ты ошибаешься.

– Точно, точно. Это твой отец. Все правильно, тогда ему было лет тридцать, с той встречи в поезде прошло ровно 23 года. Когда познакомились, он назвался Федором. Он ехал к себе на Родину. Он откуда родом?

– Оттуда, где сейчас живет и работает. Но это просто совпадение. Не может быть! Я не хочу, чтобы Федор Михайлович был моим отцом, я его люблю! – дочь заплакала.

– Не плачь дурочка! Это же счастье, что у тебя будет такой достойный отец. Я не зря Бога молила, чтобы мы все встретились.

– Он женат?

– Да. У него двое сыновей и дочь, внуки есть.

Мать задумчиво улыбнулась.

– Хорошо, когда много детей. Будет у него еще дочка родная.

Много детей не бывает! Мне тоже всегда хотелось иметь не менее трех детей, но Бог не дал.

– Нет, нет и нет! Ты ошибаешься, мама!

– Посмотри на себя в зеркало и на его фото. Вы же с ним похожи.

Дочь схватила мобильник и побежала в домик, где в комнате висело зеркало.

Через несколько минут она вернулась назад.

– Тебе показалось, мама. Ты просто ошиблась. Если бы это было так, то и Федор Михайлович, и я обратили бы внимание на внешнее сходство.

– Ладно, пусть будет, как будет! Время все поставит на свои места, помоги, Господи! – мать обняла, поцеловала и крепко прижала к себе дочь. Радостные, грустные и тревожные ощущения застали сегодня женщин врасплох.

В этот день дальше работа на огороде не заладилась. Однако назад в городок решили не возвращаться, а заночевать здесь, в домике. Погода была хорошая, даже к вечеру градусник показывал температуру больше двадцати. Мать готовила ужин на электроплите, а дочь в это время пошла прогуляться к реке. Когда она вернулась, стол уже был накрыт. Вкусно пахли картошка, мелкими кусочками порезанная сельдь, сдобренная кольцами красного лука, ломтики сала с прожилками, пожаренные гренки, и, конечно же, освещенные кулич, крашеные яички. Мать достала бутылочку вина и коробку конфет. Включила в розетку самовар.

Разговор за столом не очень ладился.

– Может, вернемся, какое-то у меня недоброе предчувствие, – сказала мать.

– А что? Да людей на огородах почти нет никого, все сегодня Пасху отмечают, одни мы с тобой в праздник работаем, грех это большой.

– Так мне завтра после обеда уезжать, а с утра мы собирались еще раз все полить. Когда ты одна еще вырвешься на огород!

– Так-то оно так! Только вот я смотрю, какие-то люди ненашинские здесь крутятся. Машина с номерами из другого региона.

– Это ты про белый «Форд», с московскими номерами? Как же, мы его с тобой уже видели, а потом он еще раз мимо проезжал и как-то замедлил движение возле нашего участка.

– Я их у реки видела, один за рулем сидел, другой вышел из машины, все по сторонам крутил головой, на меня косился.

– Вот, вот! Чего им тут надо?

– Не бери в голову! Решили так решили! Ляжем и встанем пораньше, все быстро польем и сразу уедем. Мне же еще собраться надо в дорогу, до четырех уехать, чтобы засветло к себе вернуться.

Женщины так и порешили. Мать легла в большой комнате, дочь разложила раскладушку в маленькой прихожей. Маша, поворочавшись, заснула, когда на дворе только стемнело. А мать не могла долго заснуть. Мысли о Федоре Пашине

кружили ей голову. Сомнения перемежались с надеждами на встречу, радость за дочку, которая может обрести отца, не покидали печаль и грусть необретенного женского счастья. Заснула женщина часа в два ночи, словно провалилась в яму.

А через час ветхий щитовой домик запылал как факел. Неизвестные люди перед самым рассветом облили строение бензином со всех сторон и подожгли. Первой проснулась мать. Все кругом было в дыму. Огонь захватил всю постройку. Уже обвалился один угол в комнате. Мать стремглав кинулась в прихожую, где спала дочь. Здесь огонь бушевал вовсю. Мария, только что проснувшаяся, не понимала, что происходит вокруг. Мать на ощупь попыталась открыть засов, но дверь оказалась подпертой снаружи и никак не хотела открываться. Женщина схватила дочь за руку, потащила ее в комнату в надежде выскочить в окно. На дочери горела ночная рубашка, она стонала от ожогов, уже не могла сама передвигаться. Едва они добрались до окна, обвалилась прихожая. Мать с силой выбила окно. В комнату хлынул свежий воздух и пожар с новой силой взревел от силы огня.

Найти отца

Накануне 9 мая заместитель губернатора области был на своем рабочем месте. Он только что провел служебное совещание со всеми заинтересованными службами по вопросам подготовки к праздничным торжествам в городе. Каждый участник встречи теперь четко знал свой завтрашний алгоритм действий. «Теперь можно и отдохнуть!» – с этими словами он выключил рабочий компьютер. Быстро накинул на себя пиджак, он направился вниз к выходу, где его ждала служебная машина. Ехать нужно было за город, в баню, к другу детства Святославу Юрьевичу Петрову.

На улице было мало машин. «Надо бы позвонить Марии», – подумал Пашин. Он был удивлен, что она сегодня не вышла на работу. «Ответственная девушка. Что случилось? Почему ее нет? Сейчас узнаем!» – он набрал нужный номер, но телефон молчал. Оператор мобильной связи на двух языках сообщал, что абонент находится вне зоны доступа. «Что же это значит?» – Федор Михайлович еще пару раз перезвонил. «Может, выключен телефон или находится в недоступности. Почему? Перезвоню позже», – решил он и набрал другой номер.

Телефон ответил. Поздоровались. Переговорили о встрече. В баню ехал его старый добрый товарищ Сергей Николаевич Русак. Он в декабре прошлого года освободился из тюрьмы, а вот повидаться друзья еще со времен Афгана смогли только вчера, когда Русак прилетел из Москвы. Встречали долгожданного гостя сын Иван и его жена Анна, дочь Пашина, потому что первым делом дед захотел поехать и увидеть внуков. Пашин с женой Надеждой приехали позже, но зато просидели друзья почти до утра. Друзья крепко обнялись, несколько секунд так и простояли молча. Скупые мужские слезы блеснули в их глазах. Оставшись наедине, афганцы много о чем переговорили, поспорили. И конечно, неслабо выпили, поминая всех погибших товарищей, других близких и родных людей.

Когда заговорили о русско-славянских проблемах, Пашин предложил использовать областные возможности.

– Мы с Иваном, твоим сыном, столько дров наломали. Во-первых, главный футбольный клуб выкупили и забрали его под администрацию. Болельщиков объединили и сплотили. По местожительству людей, прежде всего, в частном секторе, да и в больших домах, с использованием потенциала болельщиков, создали общины взаимопомощи и поддержки населения. Приезжие у нас вот где! – он сжал кулак.

– Молодцы! В выборах участвуют?

– Конечно! Наш актив, агитируют только за своих людей! Во время президентских выборов почти каждую неделю собирали по 5–10 тысяч человек в поддержку избранного президента. Несколько тысяч в Москву выезжали, чтобы сорвать массовые протесты либеральной оппозиции – «болотников». Царьков мне этого простить не может! Несколько раз пытался снять с должности.

– Царьков? А где он сейчас?

– Сняли. Но, думаю, не надолго. Слухи ходят, что за него сам президент США хлопочет.

– Не слабо. Ты же в курсе, что он руку приложил к тому, чтобы я в тюрьму угодил?

– Знаю. К нему и у меня должок! Установил за мной слежку, звонки от неизвестных людей по телефону, шельмование в СМИ – обвинения в коррупции. Думаю, и к покушениям на меня Царьков тоже имел отношение. Один раз на дороге напали, другой – кто-то дачу поджег. Не знаю, как, но с ним надо будет по квитаться!

– У тебя тут, прямо как на войне, не думал!

– Кстати, в начале войны, в 1941 году, его дед моего деда в тюрьме сгноил.

– Царство небесное, вечный покой!

Друзья выпили.

– Не говори, брат Серега! Давай будем держаться вместе!

– Договорились. Считай, моя организация «Родная природа» уже начала действовать в твоей области, – заметил Русак.

– Здесь у нас все готово идти дальше. Область может стать центром собирания русско-славянских земель. Отсюда может пойти русско-славянская государственность. Россия – это государство всех россиян, всех народов. Русские имеют право быть равными среди других равных, – заведя разговор на острую тему, Пашин старательно подбирал каждое слово.

– Есть опасность развалить Россию, не думаешь? – сразу среагировал собеседник.

– Много думал. Уверен, что этот шаг только укрепит многонациональную Россию. Наряду с другими народами, появится еще один субъект внутренней политики. Как показал исторический опыт, в том числе СССР, строить страну исключительно за счет русских, игнорируя и ущемляя их права и интересы, бесперспективно.

– Тут ты прав! Подлинную государственность надо возрождать и опираться на православие. Традиции нас объединят и консолидируют. Думаю, проведи референдум в регионах и даже многих национальных республиках – идея будет поддержана.

– А вот с Ходором по этой и другим темам ты бы не связывался, «не нашего поля он ягодка. Олигарх, одним словом». Кинет и подставит! – Пашин невольно потянулся и зевнул.

Время было позднее. Друзья легли спать.

С утра мужская половина Русаков вместе со всеми внуками собралась ехать в баню. Решено было отдохнуть и о политике не говорить. Святослав Юрьевич уже ждал гостей. Пашин приехал первым. До приезда других гостей, пока было время, решил посмотреть новости по телевизору. Диктор рассказал о подготовке к зимним Олимпийским играм, показали сюжет из Сочи. Пашин сосредоточился на бегущей строке. Секунда-другая и он весь напрягся. Сообщалось, что «в Задонске в результате пожара на приусадебном участке сгорел дом и пострадали две женщины, 45 и 22 лет». Федор Михайлович почему-то сразу подумал о Марии. Когда она уезжала на праздничные майские дни, говорила о том, что едет помочь ма-

тери по огороду. Пашин тут же перезвонил в областное МВД, попросил уточнить о ком идет речь, а сам пошел встречать гостей.

Внуки, едва выскочив из машины, с радостными криками бросились в объятия своего деда по материнской линии. Они даже не дали ему толком поздороваться со старшими Русаками. Внуки потащили его на небольшую площадку, где были железные перекладина и брусья. Дед с детства приучал ребят к занятию спортом и охотно соревновался с ними в подтягивании, отжимании на брусьях и от земли. «Ты первый!» – кричали пацаны. «Нет, вы первые!» – отвечал им дед Федя. Зазвонил телефон. Из МВД подтвердили, что в пожаре пострадали девушка по имени

Мария, прописанная в столице Черноземья, и ее мать. Обе женщины в тяжелом положении. Идет следствие. По одной из версий произошел поджог. Пашин стал извиняться за неожиданный отъезд.

– Ты как в мою баню идешь, так что-то случается! – заметил Святослав Юрьевич.

– Надолго? – спросил старший Русак.

– Километров 100 отсюда. Отдыхайте без меня. Постараюсь сегодня вернуться, завтра в городе праздничные мероприятия. Мне надо обязательно быть.

– Михалыч! Я с тобой!

Иван Русак вызвался ехать вместе с тестем. Его отец понимающе, в знак согласия, кивнул головой.

Через 15 минут служебный черный «Форд Мондео» уже мчал по федеральной трассе на север. По дороге Пашин созвонился с администрацией соседней области, чтобы местные власти оказали ему содействие. Сразу попросил, чтобы женщин положили вместе в отдельную палату и, по возможности, организовали охрану, пока идет следствие. На месте он, прежде всего, заехал в полицию, где его ожидал следователь. Капитан полиции был явно недоволен, что его в выходной день вытащили на работу, да еще требуют от него скорых действий.

– Какова основная версия поджога? Вы опросили женщин, что они говорят?

– Да ничего толком. Одна, в возрасте, насмерть перепугана, только и твердит, что какие-то люди на белой машине весь день кружили вокруг их участка. Вторая, молодая, в тяжелом положении. Много ожогов. Больше молчит. А я так думаю, может на ночь включили плиту, чтобы было теплее, не доглядели, вот и результат – пожар. Хорошо успели спастись. У нас люди заживо сгорают.

– Источник пожара исследовали?

– Когда? Праздники. Народ отдыхает. У меня столько дел, что не знаю, когда черед дойдет до Вашего пожара.

– Товарищ капитан, это наш пожар, пострадали люди, которые живут с вами в одном городе. Они беззащитные женщины. Настоятельно прошу заняться этим делом, буду держать на контроле. Вот моя визитка, все, что интересное возникнет, немедленно сообщайте.

Следователь невольно встал со стула. Ему не каждый день приходится говорить с заместителем губернатора области.

В старенькой двухэтажной городской больнице Пашина ждал начальник отдела здравоохранения города. Он сразу доложил, что женщин перевели в одну комнату на втором этаже.

- Телевизор есть, холодильник. Здесь таких только три палаты. – Охрана есть?
- Медперсонал. Дежурный врач. От кого погорельцев защищать?
- Я просил, чтобы охранник был. В больнице есть охрана?
- Один на входе сидит. Только там свой охранник объявился.

Парень приехал из Москвы. Вторые сутки дежурит в коридоре. Да вот он сидит. Пашин с Русаком, в сопровождении заведомо и дежурного врача поднялись на второй этаж. Им навстречу с небольшой больничной скамейки встал молодой худощавый черноволосый парень с карими глазами и заметно торчащими ушами.

– Федор Михайлович, я сразу Вас узнал. Мне Мария рассказывала. Моя фамилия Шаумян. Как узнал, что Маша попала в больницу, сразу приехал.

– Молодец! – Пашин крепко пожал руку парню. Обернулся сразу ко всем сопровождающим.

– Я хотел бы с Марией наедине поговорить.

В свите покорно закивали головами. Пашин поправил на себе халат, взял из рук Ивана Русака пакет с продуктами, зашел в палату. Она была небольшая, две кровати стояли у противоположных стен у окна. Женщина, лежащая слева у стены, у которой из-под одеяла торчала рука, по локоть замотанная бинтом, кажется, спала. Кровать девушки Федор Михайлович узнал сразу. Она пострадала больше. Не только руки и ноги, но и ее голова были в бинтах. Рядом стояла капельница, из которой в вену девушки бежала прозрачная жидкость. Глаза у девушки были закрыты.

На соседней кровати зашевелились. Увидев незнакомого мужчину, женщина вскрикнула.

– Кто это?

– Не волнуйтесь! Мое имя Пашин Федор Михайлович, я работаю вместе с Марией, вашей дочерью. Как вы себя чувствуете? – посетитель обернулся в сторону женщины. Мать Маши, сильно смутившись, стала натягивать на себя халат, поправлять волосы. В этот момент глаза открыла сама Мария.

– Федор Михайлович, дорогой, Вы приехали, я так рада. Извините меня, что не смогла на работу выйти, я скоро выздоровею.

– Не волнуйся! – мужчина взял ее за руку.

– Все будет хорошо. Это съестное. Еще привезу. Мне обещали хороший уход. Вы скоро поправитесь.

– Я такая страшная, не смотрите на меня, прошу Вас! – Маша немного отвернулась в сторону.

К ним поближе подошла и под села к кровати на стул мать девушки. Она ласково посмотрела на свою дочь, а потом трогательно взглянула на посетителя палаты.

– Федор Михайлович, Вы меня совсем не узнаете? Я так состарилась? Извините, плохо выгляжу!

– Ну что вы! Хотя... – Пашин немного замаялся.

– Мы с вами раньше не могли видеться? – он пристально посмотрел в глаза немолодой женщины. Она, словно испугавшись, встала и повернулась лицом к окну. Из ее глаз покатались слезы. Она закрыла лицо руками.

– Федор Михайлович, мама говорит, что вы мой родной отец. Двадцать три года назад вы познакомились в поезде, в котором ехали к себе домой в отпуск.

Пашин просто опешил от всего услышанного. Однако почти сразу вспомнил ту давнюю, но памятную встречу, страстное увлечение молодой незнакомкой, которая ехала с ним в одном купе. Он встал со своего места, подошел к стоящей у окна женщине и обернул ее к себе:

– Это ты? Столько лет! У нас дочь?

– Я, Федор Михайлович, прости Господи! Столько лет мечтала об этой встрече. Маша твоя родная дочь, береги ее. Много детей не бывает!

Мария впервые в жизни видела рядом своих родителей. Ее глаза невольно наполнились слезами счастья и радости.

Больницу Пашин и Русак покинули около часа ночи. Москвич Ушастик, который ради Маши готов был на все, на прощание успокоил Федор Михайловича:

– Не волнуйтесь, буду здесь столько, сколько надо!

В смятении чувств отец прошел через внутренний двор к воротам. Сегодня он обрел дочь и потому чувства переполняли его, но одновременно понимал, что его девочке грозит смертельная опасность. Из разговора с Машей стало ясно, что подручные Царькова последний месяц стали еще больше донимать девушку по телефону звонками и эсэмэсками, а также по электронной почте. «Бедная девочка, чего же ты скрывала? Но теперь все будет по-другому!» – успокоил себя Пашин. Он последний раз обернулся назад, хотя знал, что окна палаты дочери и ее матери выходили на другую сторону больницы. Здесь почти во всех окнах здания был потушен свет. В одном из окон как-то странно мелькал свет. Федор Михайлович немного насторожился. За воротами их ждал еще один сюрприз. На противоположной стороне дороги, на обочине, стояла светлая иномарка. Как только сели в машину, Пашин спросил Ивана:

– Не обратил внимания, какая модель?

– «Форд Мондео», у меня такой же, – сразу ответил зять.

– Интересное кино! Возможно, это та самая машина, которая кружила возле участка вечером перед пожаром. Заворачивай за угол и сразу остановись! – Пашин дал команду водителю.

– Достань травмат!

Водитель вытащил из-под сиденья пистолет. Несмотря на позднее время, Пашин позвонил начальнику местной полиции, чтобы тот направил полицейский наряд к больнице. А сам вместе с Иваном направился в сторону «Форда». Едва они вышли из-за угла, как в темноте заметили человека, шедшего от машины в сторону ворот больницы.

– Иван, ты – к машине. Действуй осторожно. Возможно, в салоне еще кто-то есть. Наверняка у них оружие. Возьми мой травмат. Если что, притворись пьяным. Я иду следом за вторым. Если удастся скрутить водителя, тащи его в нашу машину. Завяжи глаза.

– Михалыч, сам-то как без оружия?

– Не теряй время, с богом!

Пашин, чтобы его не увидели из машины, лихо перемахнул через забор. Теперь ему стало ясно, что неслучайно кто-то семафорил из окна, когда он выходил

из больницы. «В здании сообщник» – мелькнуло в сознании. Между тем неизвестный поднялся по ступенькам к входу и вошел вовнутрь. Пашин, крадучись, тоже зашел в дверь. Услышал шаги по лестнице, пошел следом. Наверху послышалась какая-то возня. Оказалось, что на этаже неизвестного остановил поклонник Марии. Москвич не спал и стоял у окна справа от лестничной клетки, а палата, где лежали мать и дочь, была слева по коридору. Увидев человека с пистолетом за спиной, молодой парень не испугался, а выбил у бандита оружие. Завязалась драка. Пашин поспел вовремя. Он профессионально заломил назад руку, схватил его за волосы и ударил об стенку, чем вывел незваного посетителя из равновесия, затем потащил того на выход вниз по лестнице. Бандит угрожал и ругался матом. По всему было видно, что человек был родом с Кавказа. Все произошло так быстро, что дежурный персонал больницы ничего не понял, а больница продолжала мирно спать. Пашин на ходу поблагодарил Ушастика, попросил оставаться.

К воротам уже подъехал полицейский «уазик». Пашин не успел толком расспросить задержанного, которого заковали в наручники полицейские. Прежде чем забраться в задний отсек машины, где было место для задержанных лиц, кавказец грозно бросил:

– Ты попал! Я тебя везде достану!

Водителя «Форда» на месте не оказалось. Полиция решила, что он сбежал. Пашин не стал их ни в чем разубеждать. По дороге домой остановились на полпути. Вытащили из багажника водителя «Форда» со связанными руками и завязанными глазами. С пристрастием его расспросили о задуманном. Выяснилось, что подельникам хорошо заплатили за то, чтобы они убили девушку по имени Мария. Водитель, тоже кавказец по происхождению, не был в курсе, кто в Москве заказал убийство. Но подтвердил, что эсмэски с угрозами на телефоны девушки и Пашина бросали они, как и поджоги на их совести. Кавказца завели подальше в лес и привязали к дереву. Пашин понимал, что наживает новых врагов, но на мокрое дело пойти не мог, это было не в его правилах. Выйдя из леса, он еще раз перекрестился.

Дьявольский заговор

Царьков недолго оставался без высокой должности. За несколько месяцев до начала зимней Олимпиады в Сочи небезызвестного царедворца вновь назначили в Кремль заниматься Южной Осетией и Абхазией, бывшими автономиями Грузии. По слухам, перед президентом за Царькова ходатайствовал сам глава американского Белого дома, а также руководители российских кавказских республик, которые считали Вениамина Ахметовича, отец которого по происхождению был родовитый горец, своим общественным полпредом в Кремле. Глава Чечни прямо так и сказал президенту: «Нам с ним в Кремле как-то спокойнее, есть кому за нас заступиться!»

Его назначению предшествовала встреча в Испании на побережье Коста-Бланка. Царьков был приглашен на закрытый саммит с участием особо влиятельных людей в мире экономики и политики. Среди них главным лицом была баронесса Рокшилбрайт. Здесь в уютном местечке Торревьеха Царьков встретился с еще несколькими знакомыми российскими и украинскими олигархами. Среди них оказался и Колахметов, который поселил на своей вилле опального «кремлевца», каким на тот момент еще был Вениамин Ахметович.

Закрытый саммит продолжался один день, да и то только до обеда, потом гости стали разъезжаться. На повестке был один вопрос – Украина, а вернее – Россия. Заговорщики почти не спорили. Они сразу поддержали инициативы баронессы. Единогласно договорились принять все меры, чтобы сорвать зимнюю Олимпиаду в Сочи, а также, не дожидаясь президентских выборов на Украине в 2015 году, начать процесс отстранения от власти нынешнего украинского президента. В ходе дискуссии все согласились с тем, что в России хозяин Кремля вышел за все дозволенные рамки и должен быть нейтрализован любыми средствами. Отдельно зашел разговор о Михаиле Арнольдовиче Ходоре и его роли в консолидации российской оппозиции после освобождения из колонии. По словам Рокшилбрайт, он – жертва режима, а в России народ таких людей жалеет, особенно бабы.

В заключение встречи баронесса еще раз подчеркнула:

– Наша стратегия проста, но она отличается от прежних планов – разрушить Россию, поделить и взять под контроль отдельные территории и народы. Времена меняются. Сегодня «эрэфия» нам нужна – единой и неделимой страной. Как любит повторять российский президент, «мухи отдельно, котлеты отдельно!». Таким образом, «кремлевский бунтарь» должен уйти, а Россия, или как ее потом можно будет назвать, – остаться. В мире нет другой такой территории, позволяющей успешно контролировать материк Евразию, а значит весь мир. Надо спешить! Время работает не на нас!

До выхода на свободу Ходора координация плана устранения действующего президента была возложена на руководителя медиа-империи Рокшилбрайт, молодого испанца, а также – Колахметова и Царькова. Партнеры в политике и биз-

несе, забыв размолвку между ними, связанную с тем, что дочь Колахметова в последний момент ушла из под венца с сыном Царькова, вновь ударили по рукам. В гостях у украинского олигарха москвич провел неделю. Между переговорами с бизнес-партнерами, они, как обычные отдыхающие, коих всегда много летом на побережье Коста-Бланка, разъезжали по городу на машине, ходили по ресторанам, купались в море, играли в теннис, и даже побывали на соленых озерах, где, наряду с другими выходцами из стран СНГ, мазались черной лечебной грязью.

Однако наибольшее удовольствие партнерам доставляли испанские проститутки. Их легко было встретить с наступлением темноты. Партнеров в политике и бизнесе особенно интересовали смуглые, кучерявые и полноватые девицы, происхождением из Северной Африки. За деньги покладистые и горячие южные красотки, казалось, готовы были исполнить любой каприз и прихоть своих господ. Но даже они насмерть перепугались, когда узнали, что одна из них провела страшную ночь с редким извращенцем и садистом. Недобрая молва о «русском» сексуальном маньяке немедленно пробежала по небольшому приморскому городку, и тогда Колахметов увез своего приятеля на свою другую виллу на побережье, где богатую недвижимость в основном имели граждане России. Царьков старался избегать встреч со своими соотечественниками, со многими из которых он не только встречался в московских коридорах власти, но и поддерживал тесные связи.

Среди владельцев престижной испанской недвижимости по соседству с украинским олигархом можно было встретить министра московской области, руководителя ведущей российской компании сотовой связи, аудитора счетной палаты, вице-преьера Украины и других состоятельных людей. Они вместе отдыхали, дружили семьями, у них был общий бизнес.

– Ринат, куда ты меня привез? Я же просил, чтобы мы не попадались на глаза кому зря! Еще не хватало, в прессу попадет информация или «папе» доложат!

– Чего, прижилась президенту кликуха «папа»?

– Не то слово! Но за «зубьями», в Кремле, шепотом называют. Поэтому мне нельзя здесь светиться.

– Не волнуйся. Недвижимость оформлена не на меня, настоящего имени моего никто не знает. Тебя тоже видят в первый и последний раз. Лучше бы ты девочек не мучил. Они бы не распускали слухи о нас.

– Это моя слабость! – согласился Царьков.

Встреч с руководителем медиа-империи баронессы Рокшилбрайт было всего две. На первой с участием самой баронессы обсудили общие вопросы, на второй оговорили информационную тематику. В беседах с испанцем в качестве переводчика участвовал Георгий Пашин. Чтобы уединиться, Колахметов пригласил компанию прокатиться на своем новеньком морском лайнере. Собеседники разместились на верхней палубе. Морской воздух, морская слегка волнистая гладь моря, на столе – испанское белое вино и изысканные морепродукты – создавали прекрасное настроение. В такой атмосфере было не до серьезных разговоров, тем не менее люди на палубе дорогого морского лайнера решали судьбоносные вопросы мира.

Колахметов проинформировал испанца о работе по консолидации украинских и российских СМИ, подбору новых кандидатур и замене прежних, ненадеж-

ных, главных редакторов. Царьков больше слушал и лишь отвечал на вопросы доверенного лица баронессы. Того, прежде всего, интересовали возможности региональных СМИ, а также перспективные ньюсмейкеры и эксперты, которых можно было бы «прикормить» и приручить. Заговорщики договорились об объемах и порядке финансирования подготовки активистов и массовых выступлений. Испанец обратил внимание Царькова на необходимость консолидации усилий либеральной части высокопоставленных чиновников в ближайшем окружении «папы». Оказалось, что он тоже знает о том, как в Кремле за глаза называют президента.

– Технология простая – наши люди во власти душат «папу» в своих объятиях, подставляют и саботируют его решения, СМИ вызывают общественное недовольство, актив возглавляет массовые выступления. И, конечно, нужно иметь своих ставленников в силовых структурах. Силовики нам понадобятся, когда придет время установить диктатуру. Причем не надо бояться национализма – это хорошая форма для управления государством и обществом на переломных этапах. Достаточно вспомнить опыт с Гитлером. При нем Германия за одно десятилетие поднялась в экономическом и военно-политическом плане.

– На Украине эта система создана и уже работает. Наши люди и во власти на ключевых постах, и в рядах оппозиции, и в СМИ, и в силовых структурах. А националисты, в прессе их кличут «жидобандерами», были и будут главной движущей силой украинских революций, – со знанием дела заметил Колахметов.

– Да, это так, а в России надо работать. Там президент – главное препятствие на пути наших планов. И медлить нельзя. Украинский фактор может стать настоящим тараном против России. Именно поэтому нет необходимости ждать президентских выборов на Украине, которые состоятся через полтора года. И начинать «оранжевую революцию» надо в период зимней Олимпиады в Сочи. Во-первых, Москва будет отвлечена на это событие и ей будет не до Украины, а во-вторых, массовые протесты в украинской столице в глазах мировой общественности вполне могут затмить Олимпийские игры. Как это преподать в мировых СМИ нам известно, здесь можно не беспокоиться. Нельзя допускать, чтобы такие крупные спортивные мероприятия, как Олимпиада, работали на авторитет российского лидера, сплочение и консолидацию вокруг него населения.

Несмотря на свой достаточно молодой возраст, испанцу не было и сорока лет, он мыслил очень масштабно, хотя и объяснялся простым языком. Но и в этом была заслуга Георгия Пашина, который вновь профессионально корректно перевел длинный спич ближайшего сподвижника баронессы.

Назад в порт на морском лайнере вместе с другими участниками встречи представитель баронессы не поехал. За ним на остров прилетел вертолет с мигалками. При расставании на небольшой вертолетной площадке высокопоставленный собеседник улыбнулся, пожелал хорошего отдыха гостям Испании на уникальном побережье Коста-Бланка, пригласил их к себе в гости в Мадрид. Затем вежливо дал понять, что переводчик уже больше не нужен. Перейдя на ломанный русский язык, он заметил, что в маленьком городке лучше не следить, чтобы не было лишних разговоров, посоветовал учить иностранные языки, чтобы общаться без переводчика. Он бросил взгляд на Георгия, отошедшего в сторону.

А уже под шум винтов лопастей вертолета испанец обронил многозначительную фразу, предназначенную исключительно для Царькова:

– Тебя ждет новое назначение в Кремль! Будешь заниматься Украиной! «Папе» уже был звонок из Вашингтона.

Царьков невольно встрепенулся. Он не ожидал такого быстрого решения. Он и года не проходил без должности. Оглянулся, чтобы убедиться, что сказанное испанцем никто не слышал. Отошедший в сторону Колахметов уже махал рукой вертолету. Переводчика и близко не было. Встрепенувшись, Царьков отбежал с вертолетной площадки и замахал рукой. Клубы пыли волнами закружились вокруг поднимающегося вверх вертолета.

Царькову тоже с самого начала не очень нравилась затея с русским переводчиком. По возвращении в порт он еще раз дал понять Колахметову, что тот делает большую ошибку, привлекая русского переводчика. Но украинский олигарх вновь не принял всерьез его замечаний.

– Он под контролем. Я его на наркоту посадил. А переводчик он отменный, да и журналист неплохой. Такие публикации делает, без проблем продвигаем их в ведущие СМИ.

– Зачем он тебе нужен? Ты же знаешь, кто его отец!

– Пока нужен. Ты же в курсе, что Диана покончила с собой? Если его убрать, то сам понимаешь, кто будет крайним. СМИ раздуют такую бучу, мало не покажется! Мне это надо?

– Жаль Диану! Они вместе с моим сыном могли бы быть хорошей партией!

– Наверное, еще раз извини.

– А что касается твоего переводчика, то это не мой вопрос. Ну а генерала я при первой возможности закрою. Сука, совсем отвязался, столько мне проблем создал. Представляешь, я к нему свою бабу приставил, а она оказалась его дочерью. Выжила, тварь! Но ничего, еще не вечер!

– Кстати сказать, а ведь и у меня к нему есть вопросы. Он у меня футбольный бизнес отжал в областном центре, куда ты его и назначил. А его сын мне поможет вернуть долги отца.

Обсудив планы смены власти на Украине, мобилизации либералов и русских националистов на протестные действия в России, заговорщики стали расходиться. Царьков пошел отдыхать на второй этаж, а Колахметов из гостиной заглянул на кухню. Там он неожиданно встретил Георгия.

– Что ты здесь делаешь?

– Воды попить пришел. Жажда мучит. Ринат Леонидович, у меня «отходняк», – соврал переводчик, боясь наказания.

В действительности он не первый раз подслушивал разговоры Колахметова. Делал записи, а иногда даже записывал на телефон. Сейчас он сразу сообразил, что его отцу грозит опасность. Несмотря на то что младший Пашин за последние три месяца подсел на наркоту, парень старался контролировать себя. Будучи сыном генерала спецслужбы, он не мог не осознавать, в какую компанию людей угодил. Поэтому старался вести себя осторожно, надеясь при первом удобном случае, вырваться на свободу. А заодно стал собирать любопытную информацию. Мысль о том, что он проник в тайны дьявольского заговора, одновременно стра-

шила и обнадеживала парня. Он все больше хотел быть полезным России, искал оправдания в глазах отца.

Колахметов оттолкнул зятя в сторону, подошел и налил себе виски.

– Я спрашиваю, что здесь делаешь?

– Мне бы разок «покумарить».

– Перебьешься, «молодняк», работать не сможешь.

– Смогу.

– Не темни! Разговор наш в гостиной слышал?

– Нет, нет! Мне бы «покумарить».

– Узнаю, что врешь, убью! К утру напишешь статью для испанской газеты о новых расследованиях коррупции в Кремле. Материалы все получил?

– Да.

– Иди. Сделаешь, получишь дозу.

На следующий день вечером Колахметов и Царьков улетели, один – в испанский Аликанте, другой – в Москву. У Рината Леонидовича перед возвращением в Киев должна была состояться сделка на покупку акций местного футбольного клуба. Георгий Пашин остался один, но под присмотром доверенных людей украинского олигарха. Поэтому ему пришлось изыскивать возможности, чтобы не по своему мобильному телефону созвониться с братом и передать ему необходимую информацию для отца. В последнее время, после смерти жены, Георгий все больше тяготился своим одиночеством, его сильно тянуло к себе на Родину. Все больше стал переживать за свою размолвку с отцом. Всегда расспрашивал о нем по телефону мать и брата.

Любимое занятие футбол практически пришлось забросить. Колахметов не сдержал своего слова, не пристроил родственника в местный футбольный клуб. К тому же травма ноги давала знать о себе, а тут еще тесть посадил его на наркотики. И хотя Георгий больше делал вид, что их употребляет регулярно, тем не менее эта зараза оказалась чересчур приставучей. Спасение младший Пашин искал не только в переводческой работе, за которую ему хорошо платил Колахметов, но и в повседневной журналистике. К тому времени он уже окончил вуз по специальности спортивная журналистика. Завел блог, под никому неизвестным псевдонимом. Часами пропадал в Интернете. Всякий раз вспоминалось, что и его отец в недавнем прошлом был профессиональным информационщиком.

Дети Донбасса

По окончании военного вуза лейтенант Ярослав Пашин приказом министра обороны был направлен в распоряжение командующего Южным военным округом. Не пробыв и двух дней в Ростове, офицер убыл к месту службы – в воинскую часть, которая находилась поблизости от областного центра. В бригаде специального назначения лейтенанту предстояло исполнять обязанности переводчика отряда. С первых дней молодой офицер вошел в ритм напряженной боевой учебы. От него требовались не только отличное знание языков и отменная физическая подготовка, но и профессиональное владение всеми видами стрелкового оружия, стоявшего на вооружении подразделения, средствами связи и наблюдения, навыками боевых единоборств. День после раннего подъема до заката солнца лейтенант проводил на учениях и тренировках. Сильно уставал. В офицерском общежитии засыпал сразу, чтобы с утра опять включиться в бешенный ритм боевой учебы.

Отец молодого лейтенанта, генерал Федор Михайлович Пашин, конечно, мог бы посодействовать сыну – позвонить «кому надо» в ГРУ и новоиспеченного офицера оставили бы в Москве. Но, во-первых, старшего Пашина, который под давлением Кремля был вынужден уволиться с должности заместителя губернатора, отправили в длительную служебную командировку. Последний раз он звонил из Крыма, который успешно присоединился к России. К тому времени в соседней Украине, где «Русская весна», вылившаяся в массовые антикиевские протесты, попыталась прийти в города и веси Новороссии, уже вовсю полыхала гражданская война. Россия не смогла остаться в стороне от конфликта в Донбассе и на Луганщине. А во-вторых, отец с сыном всегда были единомышленны в том, что начинать лейтенантскую службу надо в войсках. И хотя первым языком у Ярослава был китайский, а вторым – английский, знание третьего – украинской «мовы», – которую он выучил по собственной инициативе и сдал необходимые экзамены, предопределило окончательный выбор Министерства обороны.

Отряд спецназа, куда попал служить лейтенант Пашин, уже дважды заходил в Донбасс. Подразделение имело задачу вести разведку, помогать ополченцам вскрывать огневые точки противника, а также бороться с диверсантами. Конечно, в отряде было немало бойцов, которые не только могли понимать, но и изъясняться на украинской «мове». Однако для осуществления радиоперехватов, обработки трофейных карт и документов, специальной военной литературы и даже прессы необходимо было профессиональное знание украинского языка. Лейтенант Пашин как раз и обладал всеми этими навыками. Поэтому уже через два месяца он в составе небольшой группы отправился на Донбасс.

В этот раз в пригород Донецка разведчики, облачившись в гражданскую одежду, добирались на нескольких транспортах. Все снаряжение и оружие ехало отдельно. Всего несколько часов и отряд был уже на месте. Их встречали двое ополченцев. Группа заняла позиции в заброшенном полуразрушенном здании на

самой окраине столицы Донбасса. Переоделись, так чтобы военных разведчиков было трудно отличить от обычных ополченцев. Здесь, где были сделаны схроны с оружием и боеприпасами, запасами продуктов, был оборудован полевой штаб группы.

В ноябре днем еще было тепло, а ночью – уже прохладно. Линия фронта проходила совсем рядом. С украинской стороны всю ночь напролет стреляли. Примерно в километре отсюда гремел бой в окрестностях донецкого аэропорта. Пыльная взвесь разрушенных домов висела в воздухе. По дорогам редко на высокой скорости проскакивали одинокие машины и или громыхала бронетехника. В полевом штабе спали всего три часа. Несколько человек остались в заброшенном доме, а остальные, численностью до отделения, во главе с командиром, молодым капитаном, отправились на боевое задание. лейтенант Пашин был в их числе. Еще не рассвело, когда показались очертания населенного пункта. Проверили по своей и украинской карте, справа должен быть блокпост вооруженных сил Украины (ВСУ), а за ним – в двух километрах отсюда – месторасположение интернационального батальона. По информации, его основу составляет подразделение американской частной военной компании. Кроме того, в батальоне много было других иностранцев. В задачу разведгруппы входило добыть все необходимые сведения, в том числе образцы оружия и документы. По возможности от разведчиков требовалось попытаться захватить и доставить в главный штаб ополчения какого-либо иностранца, а лучше американца, как доказательство иностранного вмешательства во внутренние дела Украины.

Обойдя блокпост по глубокому оврагу, группа вошла и остановилась в лесополосе. Уже светало. Стрельба с украинской стороны стала стихать. Необходимо было осмотреться уже на местности, найти хорошее укрытие, чтобы можно было спокойно переждать день и при этом вести наблюдение за противником. лейтенант Пашин шел предпоследним в группе. Он внимательно смотрел по сторонам. Сквозь деревья с осыпавшей листвой окрестности просматривались хорошо. Ему очень захотелось в туалет, но не мог этого сделать, ждал, когда будет сделан очередной привал. Командир строго предупредил всех далеко не отходить. Он опасался, что подходы к блокпосту и месторасположению иностранного батальона могут быть заминированы.

лейтенант, отправив естественные надобности, подошел к самому краю противоположной стороны лесополосы. Солнце поднималось из-за горизонта. Впереди метрах в пятистах торчало несколько разрушенных построек. Были хорошо видны осыпавшиеся пролеты, изъеденные пулевыми язвами стены, в воздухе чувствовался запах пороха вместе с цементной пылью. Пашин, не согласовав свои действия с командиром, решил подобраться поближе к постройкам. «Из лесополосы можно было бы вести наблюдение, а в развалинах организовать «лежку», – подумал про себя офицер. Ползком по уже пожухлой траве подкравшись к первым развалинам, он заметил в глубине бывшего сада, сохранившегося в виде нескольких обгоревших деревьев, подобие погребной насыпи. Подошел ближе и понял, что здесь находится старый погреб, сверху заросший высокой надомной крапивой и другой травой. Вход в него был завален ветками и другим мусором так, что издалека его нельзя было сразу обнаружить.

Пашин оглянулся по сторонам. Немного расчистил вход. Прислушался. Из подвала донесли какие-то звуки. Спецназвец взял на изготовку автомат. Сзади тоже послышался шорох – это неожиданно подкрался командир. Он, строго взглянув на подчиненного, погрозил кулаком. И тут же задал немой вопрос, показывая головой на земляное сооружение. Лейтенант пожал плечами. Хотел было что-то сказать, но капитан резко приложил палец к губам. Он разбросал завал и стал потихоньку стягивать сорванную с петель дверь. Снизу пошли тошнотворные запахи. Командир знаком руки оставил лейтенанта наверху, а сам, изготовившись к стрельбе, спустился вниз.

Там ему открылась страшная картина. В темном и вонючем подzemелье в самом углу он обнаружил девочку лет тринадцати и мальчишку, не старше пяти лет. Малыш лежал на фанере на земляном полу. Он не то спал, не то был в полном забытьи. Девочка сидела на корточках, прислонившись к стене. Она тихо стонала. При виде незнакомого военного с оружием она чуть было не заорала, но капитан, ловко обхватив худосочное девичье тело, аккуратно прикрыл ей рот рукой.

– Девочка, милая, родная, не бойся! Мы свои, русские. Пить хочешь? – спецназвец достал походную фляжку.

Немного успокоившись, девчонка стала жадно пить. Затем фляжку с живительной влагой сунула в рот брату. Тот немного зашевелился.

Капитан тихо позвал к себе лейтенанта.

– Молодец, хорошее место нашел. День можно здесь пересидеть. Остаешься. Присмотри за детьми. Подкорми. Заодно уберись в подвале. Смотри, как воняет.

Справа от выхода командир наткнулся на тело. Офицер посвятил фонариком. Это был труп старой женщины. Лицо уже почернело, тело стало разлагаться. Трупная вонь перемежалась с запахами многочисленных испражнений.

– Це бабуся, – с трудом произнесла девочка.

– Іноземці вбили, вони не розуміють по-українськи, – девочка разговаривала на украинском языке.

– С девчонкой обстоятельно обо всем поговори. Узнай, что с мальчишкой?

– Брати хворий, температура, – сестра хорошо понимала русскую речь.

Оставшись наедине с детьми, Ярослав выяснил, что они здесь в подвале уже больше недели прячутся от иностранных и украинских военных. Их родителей расстреляли за сочувствие ополченцам. Родительский дом в поселке был занят иностранными военными. Бабушка забрала детей, и они спрятались здесь на заброшенном огороде, где раньше стоял небольшой дачный домик, который оказался разрушенным, но цел был старинный подвал. Бабушка умерла на второй день, и дети остались одни. Продукты и вода закончились еще три дня назад. Силы у ребят были на исходе. Девочка еще держалась, а мальчишка был совсем плохой, он нуждался в срочной медицинской помощи.

С украинской стороны, заметив какие-то шевеления за лесополосой, возобновили стрельбу. Прохот снарядов и пулеметных очередей вновь омрачил утренний рассвет. Разведчики не решились перебираться в подвал. Они, рассредоточившись, заняли боевые позиции, стали вести наблюдение. Подтвердилась информация о том, что иностранцев по периметру прикрывали подразделения «Правого сектора». Наличие с восточной стороны проволоки, которой был обне-

сен военный лагерь противника, свидетельствовало о вероятности минирования путей подхода.

Иностранцы жили в отдельных компактных палатках и домиках. Здесь они отдыхали, меняя друг друга на боевых действиях. По имеющейся информации здешний иностранный батальон был задействован в боях за аэропорт. «Правосеки» днем и ночью исполняли функции охраны. Днем отсыпались, рыскали по близлежащим населенным пунктам, грабили население, хватали лиц мужского пола и издевались над ними. По вечерам пили водку и самогон, жрали, насиловали местных девчат и издевались над пленными, палили из всех видов оружия в сторону пригородов Донецка.

Командир отряда понял, что на этом направлении подобраться к вражеским позициям будет сложно. План действий созрел сам собой. «Уничтожить блок пост. От него до ближайшего дома америкосов не больше километра», – рассуждал про себя офицер. Через специальные наблюдательные приборы было хорошо видно, как из палатки защитного цвета вышел сначала один американец африканского происхождения, затем – англосакс по виду. В другом доме жили иностранцы, похожие на славян. «Поляки!» – мелькнуло в голове капитана. «Черт, Пашина нет. Вот когда он нужен». Командир послал на замену лейтенанту другого военнотружущего.

Капитан вместе с лейтенантом и прапорщиком, крадучись, вышли на ближайшую позицию к лагерю неприятеля. Укрылись в зарослях. Настроили аппаратуру дальнего наблюдения и прослушивания. Пашин безошибочно определил:

– Два американца обсуждают бой с ополченцами. Говорят, что побывали в пекле. Ополченцы воюют, как звери. Жалуют, что приехали. Судя по сленгу, бывшие уголовники.

– Может быть. В справке о ЧВК сообщалось, что там много такого зековского отребья.

Командир перевел наблюдение на двух украинцев в униформе, которые отошли в сторону, чтобы справить нужду.

– Что «правосеки» говорят?

– Обсуждают ночные похождения.

– Спасибо, лейтенант. Пойди, еще пообщайся с детьми и поспи пару часов. К вечеру обсудим детали. В ночь идем на работу.

В подвале стало меньше вонять. Спецназовцы как могли навели здесь порядок. Девочка совсем уже ожила, успокоилась. Немного лучше стало и малышу. Его уложили в теплый походный спальный мешок. Отрядный фельдшер дал аспирин, сделал укол. Мальчишка спал. Однако его надо было как можно скорее госпитализировать.

Лейтенант расспросил девочку о родственниках. Оказалось, что на Украине никого не осталось, но брат покойной мамы живет где-то за Уралом. Офицер вытащил лист бумаги, дал девочке карандаш.

– Запиши телефон моей мамы. Будешь в России, свяжись, она поможет!

– Постараемся вас переправить в Россию, там брату сразу окажут квалифицированную помощь, – заверил сестру Ярослав. Она ему отвечала уже по-русски.

– А Вас мы увидим?

– Конечно! – весело ответил Ярослав.

Девочка-подросток, немного смутившись, заулыбалась.

С наступлением сумерек украинская сторона, как по расписанию, начала безостановочно стрелять из всех видов оружия. Причем, видно было, били по площадям, а не по целям. Над головой свистели мины и ревели снаряды реактивной артиллерии, разрывы которых слышались далеко в пригородах большого города. Пулеметные и автоматные очереди били по округе, в том числе по лесополосе. Жужжащие пули впивались в стволы деревьев, срезали ветки, осыпая пожелтевшую листву. Спецназовцы, прижавшись к земле, внимательно вглядывались в темноту и с нетерпением ждали своего часа.

Стрельбы немного уменьшилась, но не прекратилась. Часы показывали четверть третьего. Спецназовцы вплотную приблизились к блокпосту. Командир дал знак переводчику. Пашин, в соответствии с договоренностью, на украинской «мове» негромко произнес:

– Боець, ти не спиш?

В ответ тишина. Пулеметчик в укрытии мирно спал. От него несло перегаром. Капитан и лейтенант зашли за бетонные плиты. В самодельном курене из веток деревьев были еще двое украинских бойцов. Они тоже спасли. Обезоружив троицу, оставили спать на месте. Вкололи снотворное. На блок посту осталось два спецназовца. Лейтенант показал командиру рукой в сторону. В темноте просматривался силуэт микроавтобуса. Капитан знаком дал команду проверить и подготовить автомобиль к выезду с детьми.

Артиллерийская перестрелка противоборствующих сторон была в самом разгаре. На захват иностранца пошли втроем во главе с командиром. Он шел первым. «Как бы ребят не загубить?» – думал капитан. Едва он об этом подумал, как из ближнего дома, где горел свет, вышли двое. Оба были пьяны. Украинец пытался объясняться на английском языке. Они подошли почти вплотную к разведчикам и стали мочиться. Считанные секунды, и парочка, не успев произнести и слова, уже лежала на земле. Среди них один был накачанный афро-американец в одних трусах. «Теперь не смогут отказаться, что американцы воюют здесь!» – командир от радости чуть не закричал. Пальцем руки показал подчиненным, что здорово получилось.

Засунув в рот по кляпу, скрутив руки, спецназовцы, подгоняя их автоматами, повели к блокпосту. Надо было спешить. В лагере могли обнаружить пропажу. К счастью, автомобиль на посту был в исправности. Привели детей. Посадили пленных.

– Ваша задача добраться до нашего полевого штаба. Там вас будут ждать. Лейтенант – старший. К машине! – скомандовал капитан.

В это время зазвонил телефон. Командир кивнул Пашину. Сразу сообразив, Ярослав прикинулся пьяным. На том конце связи его стали материть. Но успокоились, когда он заверил, что все на своих местах ведут наблюдение. Подтвердил, что свояк звонившего трезвей всех.

Пашину пришлось остаться с еще одним офицером и двумя бойцами прикрывать отход. Он напоследок попрощался с сестрой и братом. Девочка напомнила, что он обещал доставить их в Россию. Микроавтобус со спецназовцами, детьми и захваченными пленными тронулся с места и поехал с выключенными

фарами по ухабистой дороге. Пропажу иностранца обнаружили через час, когда уже микроавтобус был далеко от блокпоста. Украинская сторона забила тревогу. Стрельба со всех орудий по противоположной стороне оглушила окрестности. Темное небо залилось огненными трассерами от ракет, снарядов, мин и пуль.

Украинские силовики первым делом бросились проверять блок пост. Но там их встретил плотный пулеметный огонь. Спецназовцы умело вели бой с превосходящими силами противника. Однако, пока еще не стало светать, надо было уходить. Договорились уходить по двое разными маршрутами, но в сторону разрушенного дома, где был оборудован временный штаб боевой группы. До него было всего несколько километров. лейтенант Пашин уходил последним. Слева и справа были слышны брызги пулевого дождя. Он быстро перебежал дорогу и кубарем скатился вниз по придорожному откосу. Впрыгнул в кусты, но в эту секунду почувствовал, как ему обожгло плечо. Пуля прошла навывлет.

К рассвету основные силы разведгруппы были в назначенном месте. Не было только лейтенанта Пашина. Через несколько часов пленный иностранец уже был на российской стороне границы, а с утра его начали допрашивать в компетентных органах. Малыша вместе с сестренкой ближайшим авиарейсом направили в Москву, где в аэропорту их должна была встречать «скорая помощь» из детского медицинского центра. Разведчики успешно справились со своей задачей. Уже на следующий день в СМИ появилась информация, что на Украине против ополченцев воюют иностранцы из США и других стран.

Домой из плена

На территориях Донбасса подконтрольных Киеву большинство населения было настроено враждебно к украинским силовикам и, особенно, к так называемым национальным батальонам, в рядах которых было немало уголовников и психопатов. Эти люди особенно зверствовали в поисках ополченцев и им сочувствующим в населенных пунктах прифронтовой полосы. Среди местных жителей хватало и тех, кто сотрудничал с украинскими националистами из «Правого сектора». Одни за возможность иметь работу доносили на своих соседей, другие – по своим убеждениям ненавидели всех, кто проявлял тягу к русскому языку и культуре, называя их «ватниками» и «совками».

Лейтенант Пашин, получив ранение руки, вынужден был искать поблизости место, чтобы спрятаться от погони, которая шарила в окрестностях дороги. Уже светало, но стрельба не стихала. Решив, что, пока идет прочесывание местности, безопаснее будет найти временное убежище на украинской стороне, офицер заметил на окраине частный дом. Пробрался во двор и забрался в дальний сарай. Достал походную аптечку, сделал укол и перевязал рану. Снял с себя снаряжение и оружие. Выкопал под стеной между столбиками фундамента яму. Достал из рюкзака рубашку, припасенную для такого случая. Завернул в окровавленную штормовку оружие, разгрузочный жилет и другое спецназовское снаряжение. Зарыл вещи в землю, сверху замаскировал. «Если обнаружат, попробую сойти за гражданское лицо. Вот только с раной что делать?» – офицер потрогал руку.

На дворе он, стараясь быть незаметным, по лестнице вскарабкался наверх. Чердак оказался открытым. Офицер с облегчением вздохнул. Сбросил лестницу вниз. И это была его роковая ошибка. Шум привлек хозяев дома. Они прислушались. Услышав шаги наверху, мужчина позвонил по телефону в полицию. Не прошло и десяти минут, как во дворе раздались незнакомые голоса. Разговор шел на «мове». Офицер прильнул к щели, прислушался. Сомнений не было, националисты искали его. «Черт, оружие спрятал! Лучше было бы умереть достойно!» – Пашин пожалел, что остался без оружия.

Хозяева дома пенсионного возраста вышли навстречу людям в униформе. Находясь на чердаке, было трудно разобрать, о чем шел разговор внизу. Дружелюбное общение хозяев с украинскими силовиками насторожило Ярослава. Говорили недолго. Переговариваясь между собой, пенсионеры обошли дом с обратной стороны. Хозяин дома поставил лестницу и поднялся наверх.

– Один, виходь, не бійся, свої!

Спецназовец молчал. Мужчина громче повторил уже на русском языке:

– Виходи, не бойся, свои! Пойдем в хату!

Пашин не знал, что пенсионеры действовали по наводке «правосеков», которые опасаясь встретить вооруженное сопротивление, решили выманить неизвестного человека. Схватили Пашина уже в доме, когда он сидел за столом и жадно пил воду. В дом ввалилось несколько человек: «Стоять! Руки за голову!»

Ярослав не стал сопротивляться, решив до конца держаться утвержденной еще в бригаде легенды. Согласно ей он местный житель из небольшого поселка городского типа. Здесь оказался, так как шел за продуктами на украинскую сторону. Ранено шальной пулей. Испугался, что задержат, спрятался на чердаке. За паспорт Пашин не беспокоился. Он принадлежал ополченцу, убитому месяц назад. Его родные и близкие погибли под бомбежкой.

«Правосеки» одели на пленника наручники, натянули шапку на голову, вывели на улицу и посадили в микроавтобус. По незнакомым голосам Пашин понял, что к нему подсадили еще несколько человек. Всю дорогу люди молчали. Говорил только один охранник на русском языке с ярко выраженным западным акцентом. В память надолго врезались его слова: «Сепары», «ватники», вы не люди, вас не должно быть! Если хотите жить, убирайтесь в свою азиатскую Россию, к кавказцам и азиатам! Они вас научат Родину любить!»

Привезли в Мариуполь и сразу повели на допрос. Спецназовец стоял на своей версии. Начали избивать. Сначала били по коленям резиновой дубиной, потом по раненой руке. Затем стали бить битой по почкам, по печени. Напарник следователя надел на руки перчатки и принялся наносить точные удары в голову. Когда он бил по затылку, то Ярославу казалось, что полопаются шейные позвонки. Но всего этого изуверам показалось мало. Они бросили парня на цементный пол. На лицо положили вонючую тряпку и стали медленно лить воду. Офицер задыхался, но молчал. От кислородного голодания он начал терять сознание. Все тело стало биться в конвульсиях. «В глаза смотри, сука! Хватит притворяться, тварь!». Пашин, хотя и плохо осознавал происходящее с ним, выражение сатанинской злобы во взгляде одного из своих палачей, забыть уже не мог. Издевательства прекратились

Пашина бросили в камеру. Посредине помещения на полу была большая лужа, засохшей крови. Вдоль двух стен находились стеллажи, у третьей – ободранный топчан, на который охранники опустили безжизненное тело арестанта. Когда, после нескольких часов беспомощности Ярослав пришел в себя, то обнаружил, что не один в камере. Его это немного приободрило. «Если бы раскусили во мне спецназовца, то я бы с другими не сидел вместе. В Киев бы давно отправили». Весь избитый, с сине-багровым лицом новенький у сокамерников вызывал ужас. Люди в камере, в том числе два уголовника, повывавшие на своем веку, были в ужасе от избитого вида молодого парня. У пленника было одно желание: как можно скорее забыть все происходящее и больше не вспоминать.

Ярослав допрашивали еще три дня. На одном из допросов присутствовал гражданский человек. Он внимательно следил за поведением и реакциями подследственного. Пашина уже больше не топили, но применяли дубинку и электрошокер. Побои и ожоги не давали спать. Рука начала гноиться. Врачи пригласили только на четвертые сутки. Молодая медсестра из воинской медчасти обработала рану и сделала перевязку. В глазах ее было сочувствие к молодому человеку, но подбодрить она его не могла. За ее действиями внимательно следил молодой «правосек» с пышными казацкими усами. Стойкость спецназовца, а еще то, что на всех допросах он отвечал на «мове», были вознаграждены. Как сказал следователь, сведения о нем подтвердились. Только вот он никак не желал верить в случайность ранения арестанта. На какое-то время его оставили в покое. Перевели

в изолятор временного содержания, оборудованный неподалеку от Азовского моря. Его свежее дыхание чувствовали арестанты, выходявшие на прогулку.

Однако Пашин зря начал рано успокаиваться. В распоряжение следствия поступила и другая информация. Выяснилось, что пленный и есть как раз тот военный разведчик, который участвовал в захвате американца из иностранного батальона и бойца «Правого сектора». Сведения подтвердил источник из России, сообщивший о пропаже без вести одного спецназовца ГРУ. И тогда к следствию подключились влиятельные силы из Киева, их представитель даже приезжал в изолятор временного содержания. Поступила команда не трогать подследственного, но усилить его охрану. Здесь не могли знать, что украинская СБУ намерено было использовать Пашина в качестве наживки для поимки его отца, важной фигуры в рядах «сепаратистов», которого давно ищут и в России.

О пропаже своего сына, лейтенанта Пашина, его отец узнал сразу. Он был среди ополченцев, которые встречали разведгруппу в разрушенном здании, оборудованном под временный штаб. Пока спецназовцы усаживались на присланный транспорт, генерал Пашин, представившись советником главы самопровозглашенной республики, отвел командира группы в сторону:

– Как вы понимаете, лейтенант Пашин мой сын. Где он, капитан?

– У Вас достойный сын, благодаря его инициативным и профессиональным действиям была успешно выполнена поставленная задача. Он будет представлен к ордену!

– Капитан, где мой сын?

– Решено было идти разными маршрутами. Он последним из нас покидал вражеский блокпост. Отстал. Но он боец! Он найдется. Я уже сообщил в центр и ополченцам о пропаже и необходимости поиска нашего офицера-переводчика.

Простите, что не доглядел!

– Будь здоров, командир! В другой раз береги своих подчиненных, ты за каждого из них в ответе. И за Ярослава тоже.

Генерал и капитан расстались. А уже через неделю советник главы самопровозглашенной республики, установил, где находится его сын, несмотря на то что он там находился под другим именем, уроженца Донецкой области. Необходимо было действовать быстро, пока арестанта не перевели в Харьков или Киев. Федор Михайлович Пашин понимал, что может «засветиться», если начнет действовать активно. Здесь, на Донбассе, он был на полулегальном положении. Лишь глава самопровозглашенной республики знал, что за человек из России работает с ним, являясь его советником по информационным вопросам.

Сам Пашин недавно получил неприятную информацию из Москвы – Царьков знает о его нахождении на Донбассе. Более того, Федора Михайловича предупредили по телефону: «Есть заказ на неугодного генерала!». Пашин уже знал, как это делается на примере других непокорных полевых командиров ДНР и ЛНР, которые уже были устранены.

К тому времени Царьков и Колахметов, партнеры в политике и бизнесе, играли не последнюю роль в урегулировании конфликта на Донбассе, реализации так называемых «минских соглашений». Свою подрывную деятельность против планов возрождения Новороссии они активизировали с выходом на свободу не-

безызвестного политзаключенного Ходора. Михаил Арнольдович практически сразу включился в политическую борьбу с кремлевским режимом в России. После разговора с баронессой Мадлен Рокшилбрайт он получил карт-бланш на координацию всех действий по России и Украине. Осенью в Испании Ходора принял Колахметов. Друзья детства решили забыть прежние обиды, вызванные тем, что Ринат Леонидович присвоил себе львиную долю нефтяных активов Михаила Арнольдовича, которые они с Царьковым поделили. Несмотря на трудности своего финансового положения, в связи с революционными событиями на Украине, Колахметов еще до приезда к нему важной персоны из Германии перевел на его счет круглую сумму.

На встрече обсуждали вопросы финансирования, кадров, содержания, форм и методов информационных кампаний против России с территории Украины. Ринат Леонидович представил характеристики на всех владельцев и главредов украинских СМИ. Особенно детально проговорили тему работы в Интернет. Ходор даже сам пришел на подготовительные сборы украинских блогеров и других «айтишников», которые в это время проходили в приморском городке на побережье Коста-Бланка. Здесь он впервые заметил Георгия Пашина, который работал в качестве переводчика.

Поэтому, когда в последний день Колахметов по давней дружбе завел разговор о неугодном генерале из России, создавшему немало проблем ему и Царькову, Ходор дал быстрый совет:

– Посылай этого мальчика на Украину, чего ему сидеть здесь возле моря, когда на Украине идет гражданская война. Пускай едет на передовую, собирает интервью у бойцов и пленных ополченцев.

Глядишь, выйдет на брата! На своих сыновей отец, Пашин-старший, обязательно клонет и объявится. Вот тогда всех вместе можно и ..., – главный политический противник Кремля, оборвав фразу, самодовольно заулыбался.

Через два дня в понедельник Ярослав прилетел в Киев, а уже в среду должен был отправиться в Мариуполь. Напоследок Колахметов прямо ему так и сказал:

– Твой брат в Мариуполе. Езжай, делай громкое интервью – один брат заодно с «сепаратистами», а другой – киборг в войне против России! Это я о тебе, хотя, какой ты боец идеологического фронта! Тебе еще надо заслужить это высокое звание. Хватит уже только про футбол и коммерческие разборки писать. Кстати, я просил сделать материал о наркотрафике из Донбасса в Европу и торговлю человеческими органами, чем занимаются «сепары». Сделал?

– Нет еще, информации мало.

– Плохо работаешь! – Колахметов задумался. В прессе прошло сообщение о том, что имеет отношение к наркотикам и потрошению человеческих тел. Поэтому надо было срочно перевести стрелки на «сепаратистов».

– Не забудь довести до конца! И сразу езжай брата навестить! – украинский олигарх злорадно захихикал. Ему нравилась идея одним махом ликвидировать под корень все мужское семя Пашиных.

Георгий очень волновался, когда шел на встречу с братом. Они не виделись уже несколько лет, а говорили по телефону год назад. Тяжелая железная дверь с лязгом отворилась. Ярослав сидел на топчане. В камере он был один.

– Братишка, здравствуй!

Ярослав молчал. Он, не понимая, что происходит, продолжал играть свою роль.

Георгий подошел, хотел обнять родного человека, но тот отстранился от него. Брат представился корреспондентом известного украинского издания.

– Ты меня не узнаешь?

Ярослав отрицательно покачал головой. В этот раз разговора не получилось, и корреспондент был вынужден уйти ни с чем. Пообещал прийти завтра и задать свои вопросы. Вечером Георгий звонил матери, которая после отъезда мужа вернулась в Москву. Обрадовал мать, что виделся с братом. Говорили недолго, Георгий догадывался, что его могут подслушивать. Он еще не понимал, что задумал Колахметов, но чувствовал – ему с братом грозит опасность. Мать это почувствовала без лишних слов, и не могла не дать весточку мужу.

На следующий день братья встретились. Они прогуливались по тюремной территории. Уже пришло зимнее время. Днем температура воздуха была плюсовой. С моря дул холодный ветер. Георгий принял правила игры, предложенные братом. Задавал ему вопросы, а тот отвечал на них на украинском языке.

Между тем их отец не мог сидеть, сложа руки, решил действовать незамедлительно, чтобы спасти своих детей. Днем в пределы города на берегу Азовского моря въехали три белого цвета внедорожника «Тайота» с опознавательными начертаниями на боках ОБСЕ. Впереди и сзади кавалькады двигались полицейские машины с мигалками. Машины специальной мониторинговой миссии ОБСЕ стремительно проскочили центр города и остановились возле изолятора временного содержания. Из первой белой «Тайоты» вышел генерал национальной полиции в высокой фуражке и стройный мужчина в белых бронежилете и каске на голове с надписями «ОБСЕ». Из автомобилей выскочило несколько вооруженных людей, облаченных в униформу полицейского спецназа, и быстро рассредоточились перед входом.

Высокий полицейский чин был реальным украинским генералом, два дня назад перешедшим на сторону ополчения. Рядом с ним шел Федор Михайлович Пашин, советник главы самопровозглашенной республики на Донбассе. Он был в темных очках. События развивались молниеносно. Начальник изолятора, даже не взглянув на удостоверения, взял под козырек. Через несколько минут вывели важного пленника, которого, как сказал генерал, надо немедленно доставить по назначению. Заодно привели и корреспондента, который не успел покинуть изолятор и был вместе с арестантом. Каковы же были удивление и радость отца, когда он живыми увидел обоих своих сыновей. Но мужчина в каске и бронежилете не подал даже виду.

Кавалькада машин стремительно направилась в обратную дорогу. Через пятнадцать минут она уже была далеко за городом. На украинском блокпосту, который был заблаговременно взят под контроль ополченцами, их уже ждали. Бойцы пересели в белого цвета внедорожники «Тайота» и машины понеслись дальше. По прибытии на место Федор Пашин первым выскочил наружу и бросился ко второй машине, где сидели его сыновья. Он на ходу сбросил каску и очки. Сыновья повисли на шее у своего отца.

- Батя, родной мой, здравствуй! – повторял Ярослав.
- Черти, задушите! – у него на глазах выступили слезы.
- Тятя! Прости меня, ради Бога! – молил Георгий.
- Бог простит, а я тем более все прощаю! – отец перекрестил сына.
- Матери позвонить не забудьте! – он обнял своих парней и направился

с ними в здание администрации.

Украинская сторона спохватилась слишком поздно. По тому, как мощно работали их артиллерия, и ракетные установки по западным окрестностям прифронтового Донецка можно было понять, как раздосадованны, и взбешены были украинские правители и их западные покровители. Между тем на Донбассе вновь разгорался вооруженный конфликт. Мощная группировка украинских вооруженных сил стояла на границе самопровозглашенных республик. Нужен был информационный повод. Мировые СМИ денно и ночью вещали о нарушениях сепаратистами режима перемирия со ссылкой на ОБСЕ, а также о российском присутствии в регионе.

• • •

Литературно-художественное издание

НЕБРЕНЧИН Сергей Михайлович
Война под солнцем
Тетралогия